

НОВОЕ О ДЕКАБРИСТАХ

**ПРОЩЕННЫЕ, ОПРАВДААННЫЕ И НЕОБНАРУЖЕННЫЕ
СЛЕДСТВИЕМ УЧАСТНИКИ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ
И ВОЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ 1825—1826 гг.**

П. В. Ильин

Новое о декабристах

Прощенные, оправданные и необнаруженные
следствием участники тайных обществ
и военных выступлений 1825–1826 гг.

Издательство
«Нестор-История»
СПбИИ РАН

Санкт-Петербург
2004

УДК 947.073.1
ББК 63.3 (2) 47

*Под редакцией доктора исторических наук,
профессора А.В. Гоголевского*

Р е ц е н з е н т ы

доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ *А.Н. Цамутали*
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)
доктор исторических наук, профессор *В.С. Парсамов*
(Саратовский государственный университет)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 03-01-00284д*

Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. — 664 с.

ISBN 5-98187-034-6

В монографии исследуются особенности и результаты официального следствия по делу тайных обществ и заговора декабристов. Впервые, помимо традиционно изучаемых 120 осужденных Верховным уголовным судом, специальное внимание уделяется ряду других категорий участников тайных обществ, привлеченных к процессу — помилованных, оставленных «без внимания», оправданных следствием. Освещается ход и итоги расследования в отношении каждой категории, выявляются причины, благодаря которым были прощены, оправданы и избежали наказания деятели декабристской конспирации, реконструируются основные методы и приемы защиты подсудимых.

Автор анализирует источники, содержащие сведения о лицах, не привлекавшихся к процессу и оставшихся для следствия неизвестными в качестве участников тайных обществ и заговора 1825 г. На основе критики исторических свидетельств в научный оборот вводятся имена ранее неизвестных и предполагаемых деятелей декабристской конспирации, не затронутых официальным расследованием. В приложении публикуется обобщенный справочный указатель всех известных в настоящее время членов декабристских тайных обществ, участников заговора и военных выступлений 1825–1826 гг.

Для историков, правоведов, широкого круга читателей, интересующихся проблемами русской истории и культуры.

ISBN 5-98187-034-6

© Ильин П.В., 2004
© «Нестор-История», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
ГЛАВА 1. «Простить... заблуждения прошедшие»	
<i>Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., освобожденные от наказания</i>	18
Декабристы, освобожденные от наказания, как исследовательская проблема	18
Прощение и освобождение от наказания: официальный контекст	24
Разновидности аболиции на следственном процессе: «высочайшее прощение», освобождение от следствия, освобождение в результате расследования, заочное расследование и освобождение от наказания	34
Содержание под арестом и другие формы привлечения к следствию. Оформление акта освобождения от наказания	37
Ход и результаты расследования в отношении различных категорий освобожденных от наказания	45
Выявленный «состав преступления» и реконструкция причин освобождения от наказания	109
ГЛАВА 2. «Не считать... прикосновенным»	
<i>Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., оправданные на следственном процессе</i>	153
Вопрос о декабристах, оправданных на следствии, в историографии	153
Особенности следственных показаний как исторического источника. Вопрос о тактике защиты привлеченных к следствию	162
Вопрос о степенях членства и проблема «периферии» тайных обществ. Случай А.С. Грибоедова	198
Особенности ареста и заключения в ходе следственного процесса	213
Ход и результаты расследования в отношении лиц, признанных невиновными	214

Характер выдвинутого обвинения и реконструкция причин оправдательных решений	329
ГЛАВА 3. «Неизвестные декабристы»	
<i>Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., не привлекавшиеся к следствию .....</i>	376
Итоги декабристоведческих разысканий: особенности изучения группы непривлекавшихся к следствию и оставшихся неизвестными участников движения	376
Критерии установления принадлежности к категории «неизвестных» декабристов. Систематизация свидетельств о лицах, не привлекавшихся к следствию	386
Неизвестные члены тайных обществ, не привлекавшиеся к следствию	392
Неизвестные участники военных выступлений декабристов	434
ГЛАВА 4. «Предполагаемые декабристы»	
<i>Критика документальных свидетельств о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. ....</i>	480
Проблема вероятных участников декабристского движения. Особенности и систематизация документальных свидетельств	480
Указания о возможном членстве в тайных обществах в источниках, синхронных эпохе	493
Указания о возможном членстве в тайных обществах в ретроспективных источниках	531
Указания о предположительном участии в военных выступлениях 1825–1826 гг.	554
Заключение	573
<i>Приложение 1. Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. (основные категории) .....</i>	582
<i>Приложение 2. Справочный указатель участников конспиративных объединений, заговора и военных выступлений декабристов (1814–1826 гг.) .....</i>	590
Список сокращений	644
Указатель имен	645

*Моим родителям
Тамаре Андреевне
и Владимиру Павловичу*

ВВЕДЕНИЕ

«Повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна», — так выразил свое отношение к итогам главного судебно-следственного процесса по делу декабристов А.С. Пушкин в письме к П.А. Вяземскому от 14 августа 1826 г.¹ Эта пушкинская формула и внимание, проявленное поэтом к осужденным, стали главенствующим принципом для будущих историков, способствуя формированию устойчивого взгляда на судебно-следственный процесс по делу о тайных обществах и, в значительной мере, на историю «движения декабристов» в целом.

Для многих поколений исследователей и в массовом историческом сознании декабристы — это, прежде всего и главным образом, 120 осужденных по приговору Верховного уголовного суда. На них в основном сосредоточено внимание авторов и читателей, им посвящены сотни и тысячи вышедших в свет за почти 150 лет многочисленных и разнообразных публикаций и исторических работ различного характера. Этот традиционно обостренный интерес к осужденным в сознании читателя так или иначе связывается с политическим радикализмом «наиболее виновных»: планами царевубийства и мятежа, которые были вменены в вину большинству из тех, кто был предан Верховному уголовному суду.

Однако существовали и другие, столь же многочисленные категории участников тайных обществ, оказавшиеся на периферии исследовательской традиции. Значительная часть членов тайных обществ была освобождена от судебной ответственности и подверглась административному (несудебному) наказанию. Другие бывшие участники конспиративных обществ избежали наказания, хотя в той или иной форме привлекались к расследованию (прощенные императором, освобожденные от наказания в ходе следствия, выявленные на процессе, но не привлеченные к нему, — фактически тоже прощенные). Особую категорию составляют те, кто сумел оправдаться на следствии, пред-

ставив факты и обстоятельства таким образом, что обвинение в принадлежности к тайному обществу было снято. Наконец, многие участники тайных обществ остались неизвестными правительству.

В настоящей работе судебно-следственный процесс 1825–1826 гг. рассматривается в контексте исследования персонального состава тайных обществ декабристского ряда, для решения задач максимально полного выявления их участников. Первоначально поставленная цель — выявление наиболее полного перечня участников тайных обществ — в силу источниковедческих особенностей рассматриваемой проблемы (основным источником сведений о составе тайных обществ являются следственные материалы) привела к выдвиганию на первый план задач выявления и внутренней систематизации определенных категорий членов декабристских обществ, на основе рассмотрения особенностей судебно-следственного процесса. Благодаря тому, что последующая «историографическая судьба» каждой группы участников тайных обществ во многом зависела от «вердикта» следствия и суда, возникла необходимость обращения к изучению характера и особенностей следственного процесса по делам о «злумышленных тайных обществах» 1825–1826 гг.

Персональный состав тайных обществ вызывает несомненный научный интерес. Облик такого сложного общественного явления, как конспиративные объединения декабристов, преследовавшие политические цели, не в последнюю очередь зависит от представлений о каждом из его участников. Личность тех, кто составил это «движение», их индивидуальные черты, образ мысли, взгляды, конкретные обстоятельства биографии — одно из важнейших направлений декабристоведческих изысканий. Биографические исследования, как правило, опираются на некоторые уже установленные научные факты, среди которых определяющим является выявленный факт членства в тайных обществах, поскольку именно он является главным основанием для отнесения того или иного лица к числу декабристов².

В настоящее время особое значение этому направлению исследования придает новый контекст изучения, освобожденный от прежнего идеологического диктата. Теперь историк не скован необходимостью видеть в декабристах исключительно сторонников радикальных политических идей и «революционных» способов действия и в соответствии с этим осуществлять нередко искусственную радикализацию программных и организационно-тактических принципов тайных обществ на

всем протяжении их существования. Преодолев идеологические ограничения и порожденные ими критерии принадлежности к декабристам, в значительной мере деформировавшие содержание этого термина, современный исследователь стоит перед необходимостью пересмотра основополагающих фактов и обстоятельств, связанных с идеологией и политической деятельностью конспиративных объединений декабристского ряда. Важной частью этого пересмотра являются как теоретические, так и конкретно-исторические аспекты научной реконструкции состава участников «декабристского движения».

Персональный состав тайных обществ, выявленный в наиболее полной мере, способствует формированию адекватного и объективного представления о декабристах. Реконструкция персонального состава позволяет установить, с одной стороны, обоснованные внешние границы и, с другой стороны, внутреннюю структуру «декабризма» как конкретно-исторического явления. Она способна выявить различного рода «пограничные случаи» участия в деятельности декабристских обществ, которые характеризуют эту внутреннюю структуру; создает возможность для нового, более адекватного и исторически обоснованного решения проблем декабристского «ядра» и «периферии», полноправного и «неполного» членства, разной степени причастности к деятельности тайного общества и заговору декабристов; позволит, очертив по формальным критериям круг «декабристов», приступить затем к систематическому изучению особенностей их взглядов и деятельности, к углубленной биографической разработке.

Изучение судебно-следственных процессов, на протяжении 1825–1826 гг. расследовавших дело о т. н. «злоумышленных» тайных обществах, по итогам которых выносились решения о наказании, долгое время не выходило за пределы комментирования публикуемых документов, анализа отдельных источников (в основном, показаний декабристов), утилитарного обращения к материалам следствия для нужд специальных исследований, посвященных мировоззрению и идеологии декабристов, и работ биографического характера. Исследователи декабристов не углублялись в выяснение причин тех или иных решений следствия, не касались особенностей ведения следствия в отношении различных групп подследственных, взаимосвязи между выявленной «виновностью» и вынесенным наказанием; в тени оставались факторы, оказавшие влияние на итоговые решения. Достаточно отметить, что в известном монографическом труде М.В. Нечкиной

«Движение декабристов» (М., 1955) сюжетам, связанным с особенностями процесса и механизмом вынесения решений о наказании по итогам расследования, отведено лишь несколько строк. В книге отсутствует специальное рассмотрение хода следствия в отношении различных категорий подсудимых. В задачи масштабного исследования не входило и восстановление наиболее полного состава участников «движения декабристов»³. Обсуждение проблемы предъявленного обвинения и выявленной «виновности» на следствии по делу декабристов в основном свелось к частным вопросам: так, для оценки обвинения историк сосредоточил свое внимание на воспроизведении ошибочного мнения Н.П. Огарева об отсутствии «первых двух пунктов» «государственных преступлений» в уголовном законодательстве, современном процессу. Одновременно автор констатирует наличие большой группы декабристов, наказанных без суда либо вовсе не понесших наказания. В частности, таковых оказалось много среди бывших членов тайных обществ, переведенных на Кавказ⁴. Однако дальнейший анализ остался вне рамок исследования.

Более развернуто следственный процесс представлен в обобщающей работе В.А. Федорова «Декабристы и их время» (М., 1992), ставшей своеобразным итогом исследований советского периода, но и здесь речь идет главным образом о категории преданных суду. Этому же автору принадлежит монографический труд «Своей судьбой гордимся мы...» (М., 1988), целиком посвященный следствию и суду по делу декабристов. В нем подробно рассмотрены ход и особенности расследования, но главное внимание уделено категории осужденных членов тайных обществ, интересующие нас сюжеты затрагиваются лишь попутно. Специального рассмотрения проблемы лиц, освобожденных от наказания, в этом исследовании не содержится, приведены лишь общие подсчеты количества участников тайных обществ, вошедших в указанные категории. В контексте изучаемой проблемы вне поля зрения автора оказались лица, не привлекавшиеся к следствию, а также оставшиеся правительству неизвестными.

Историко-юридическая литература (Д.А. Червонецкий, М.Н. Гернет) также предметно не затрагивала вопросы о различных категориях обвиняемых и различных видах обвинений на следствии по делу декабристов. Декабристский процесс рассматривался в контексте истории преследования «государственных преступлений», исследователи-правоведы уделяли основное место обвинению, предъявленному предан-

ным суду, а также ходу расследования их виновности⁵. Вопрос о других категориях подследственных рассматривался как побочный, незначительный или не рассматривался вовсе. Внимание историков судебно-следственных процессов было сосредоточено на обзоре хода следствия, группировке и источниковедческому анализу различных видов источникового материала, формулировании приемов их изучения⁶.

Специальная разработка вопросов организации, направленности, специфических особенностей расследования, выдвижения обвинения и других важнейших аспектов изучения процесса по делу о государственных преступлениях и отдельных процессов такого же характера, прошедших одновременно с главным («петербургским») следствием в 1825–1826 гг., насчитывает лишь несколько работ, вышедших в основном в последние годы. В последнее время обратили на себя внимание новаторские методологические и конкретно-исторические подступы к данной теме, попытки специального исследования документов следствия и выработки методики изучения следственной документации (отметим содержательные работы О.В. Эдельман об организации работы следствия, выполненные с применением количественных методов)⁷.

Недавно опубликованное исследование В.М. Боковой посвящено типологии и эволюции организационных принципов и внутренней структуры тайных обществ. В нем немалое место уделено различным аспектам изучения организационного устройства конспиративных объединений, практики вербовки на различных этапах их существования, персональному составу тайных обществ. Это исследование представляет собой удачный опыт развития концептуально нового взгляда на историю конспиративных объединений декабристского ряда. Оно показало необходимость и актуальность непосредственной разработки и полной реконструкции персонального состава тайных обществ, а также насущность выдвижения в качестве исследовательской задачи исторической критики материалов следственного процесса как важнейшего источника для подобной реконструкции⁸.

Оживление исследований в данной области означает, что эта проблематика, бывшая ранее окраинной для декабристovedения, постепенно выходит на передний план. Причина наметившейся тенденции кроется в нескольких основных моментах. Прежде всего, судебно-следственные процессы как самостоятельная исследовательская проблема приобретают все большую актуальность в контексте изучения

правовых основ преследования по обвинению в государственных преступлениях, эволюции механизма политических процессов в России. Во-вторых, сохраняет дискуссионность и научную значимость вопрос о конкретных особенностях процесса по делу декабристов. В-третьих, следственные материалы служат главным источником сведений о деятельности тайных обществ и отдельных их участников, которым располагает историк и которым он вынужден пользоваться, в силу чего особое значение приобретают вопросы их изучения и интерпретации. В-четвертых, реконструкция персонального состава в его наиболее полном виде, как уже отмечалось, способствует обогащению представлений об этом историческом явлении, более объективному его изучению.

Итак, персональный состав декабристских тайных обществ и, в частности, те категории декабристов, что избежали судебного преследования, не являлись до настоящего времени предметом специального изучения в рамках монографического исследования. Конкретные аспекты расследования по делу о тайных обществах, подвергнутые изучению в связи с данной проблемой, только затрагивались в обобщающих работах, литературе о следственном процессе и суде над членами тайных обществ и в биографических исследованиях⁹.

Таким образом, впервые в историографии предпринимается попытка провести специальное исследование, посвященное тем участникам тайных обществ, которые избежали суда и были прощены, освобождены или вовсе не привлекались к следствию. Особый интерес для автора представили те участники декабристских союзов, кто остался неизвестным следствию и власти, чья принадлежность к конспиративным объединениям декабристов вскрывается по другим источникам, главным образом — более поздним.

В настоящем исследовании «единицей учета» (или критерием определения участника декабристского движения) является *достоверное свидетельство о причастности к тайному обществу, принадлежащее осведомленному лицу — участнику тайного общества, заговора и восстаний декабристов, либо человеку, фиксирующему такого рода свидетельство.*

Для конкретизации проблематики исследования потребовалось обращение к вопросу об установленной следствием виновности, во взаимосвязи с вынесенным решением о наказании или освобождении от ответственности. Анализ ключевой для оценки репрессивной практи-

ки двухчастной системы «установленная виновность — назначенное наказание / освобождение от наказания» потребовал предметного исследования собранного в ходе процесса обвинительного материала по каждой рассматриваемой группе участников тайных обществ, обнаруженных следствием (освобожденных без наказания, не привлекавшихся к следствию). В случае лиц, не обнаруженных при расследовании, требовалось уяснить причины, почему это оказалось возможным, подвергнуть критическому анализу те указания документов, которые позволяют нам говорить об участии в тайных обществах того или иного лица.

При этом мы откалались от специального рассмотрения наиболее изученной категории членов тайных обществ — тех, кто был предан Верховному уголовному суду по результатам главного (Петербургского) процесса. Группа участников декабристских союзов, преданных суду, как уже отмечалось, пользуется преимущественным вниманием исторической традиции; большая часть сюжетов, связанных с осужденными декабристами, основательно изучена. Что же касается особенностей ведения следствия в отношении преданных суду, то этот аспект проблемы также пользовался значительно большим вниманием историков, нежели расследование степени причастности к тайным обществам освобожденных от наказания по итогам следствия. Наконец, нельзя не отметить, что сюжет о Верховном уголовном суде составляет предмет отдельного, специального исследования и находится вне рамок настоящей работы.

По этой же причине в предлагаемой работе в центр исследования поставлены другие группы участников декабристской конспирации: избежавших наказания, вообще не привлекавшихся к следствию, оставшихся неизвестными власти, а также случаи предположительного участия в декабристских тайных обществах, — все те, кто до настоящего времени оставался в тени исследовательского внимания.

Категория подследственных, понесших административное (несудебное) наказание — те, кто был наказан без суда по решению императора, — составляет предмет будущего исследования.

Проблема и цель настоящего исследования изложены выше. *Задачи*, которые необходимо решить в процессе работы при изучении каждой из обозначенных категорий участников тайных обществ, сводятся к следующему.

Во-первых, следует подробно рассмотреть особенности расследования в отношении каждой из указанных групп.

Во-вторых, необходимо осветить механизм принятия решений об освобождении от ответственности или оправдании.

В-третьих, следует выяснить степень адекватности вынесенных решений по отношению к установленной вине, уяснить факторы, влиявшие на эти решения.

В-четвертых, представляется важным показать степень воздействия «посторонних мотивов», не связанных с ходом расследования непосредственно, на решения о снятии вины и освобождении.

В-пятых, особую задачу составляет изучение тактики защиты обвиняемых на следственном процессе, основных приемов поведения в условиях процесса, которые, по-видимому, могли способствовать сокрытию тех или иных обстоятельств, вести к «ослаблению» вины подследственных и, соответственно, к снятию наказания.

Наконец, в-шестых, выявление непривлекавшихся к следствию декабристов, оставшихся неизвестными власти, а также предполагаемых участников движения, критика указаний источников, содержащих сведения о принадлежности к декабристской конспирации, — являются еще одной задачей исследования.

Перечисленные задачи представляют особое значение для полной научной реконструкции персонального состава участников «декабристского движения».

Источниками для данной работы послужили несколько видов документального материала. Основной комплекс источников для изучения следствия, как, впрочем, и для изучения персонального состава тайных обществ — материалы судебно-следственного процесса по делу о «злоумышленных» тайных обществах 1825–1826 гг., прежде всего письменные показания подследственных, материалы очных ставок, записи допросов, журналы и докладные записки Следственного комитета, выписки из следственных дел, справки о подследственных, итоговые «записки» с обобщением установленной виновности и т. д. Эти материалы в значительной степени доступны исследователю, они введены в научный оборот в рамках документальной серии «Восстание декабристов» на протяжении 1925–2001 гг.

Вместе с тем значительная часть документов фонда следствия и суда (Ф. 48. ГАРФ) не издана; часть этого материала недостаточно введена в оборот и мало использовалась историками декабристов, многие документы вообще не привлекали их внимания. Некоторые из этих архивных материалов были нами обследованы.

Итоговый документ расследования — «Донесение Следственной комиссии», составленное Д.Н. Блудовым, — содержит важные для настоящей работы оценки и сведения, то же можно сказать о других документах, обобщающих результаты расследования. К материалам следствия примыкает написанный на основе результатов деятельности органов расследования т. н. «Алфавит членам бывших злоумышленных обществ», составленный делопроизводителем главного Следственного комитета А.Д. Боровковым, который сконцентрировал полученные сведения о подавляющем большинстве лиц, попавших в орбиту расследования 1825–1826 гг.

Большое значение в контексте заявленной проблемы приобретают различные официальные документы, связанные с судебно-следственным процессом: правительственные сообщения, описания заговора, высочайшие манифесты и указы, рескрипты, а также материалы служебной переписки.

Использованы, кроме того, другие виды синхронных эпохе источников. Это записки на высочайшее имя, поданные разными лицами, в том числе бывшими участниками тайных обществ, в связи с процессом по делу о тайных обществах, доносы на членов тайных обществ, документы III Отделения, связанные с доносами, а также материалы подписки о непринадлежности к тайным обществам, проведенной по инициативе Николая I весной-летом 1826 г.

Еще одна важная группа источников — письменное наследие участников тайных обществ, современное их политической деятельности: сочинения, записные книжки, дневники, эпистолярные материалы.

Для реконструкции персонального состава тайных обществ немаловажное значение имеет позднейшее письменное наследие декабристов — историко-публицистические сочинения и мемуары. К числу ценных ретроспективных материалов, безусловно, относятся и свидетельства осведомленных современников событий, позднейшие мемуарные указания, основанные на рассказах участников тайных обществ, лиц из их окружения, очевидцев эпохи.

Историческая критика отдельных источников, характеристика и оценка достоверности информации, содержащейся в конкретных документальных свидетельствах, прежде всего в документах следствия и в мемуаристике, дана в тексте работы.

Структура исследования сложилась в соответствии с концептуальным замыслом автора. Она основывается на классификации участни-

ков тайных обществ в зависимости от степени привлечения их к судебнo-следственным процессам 1825—1826 гг. и характера последующего решения их участи. Книга состоит из четырех разделов, каждый из которых отведен отдельной группе участников тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг., избежавших наказания.

Первая глава «*Простить... заблуждения прошедшие*» посвящена участникам тайных обществ, виновность которых была в ходе процесса полностью установлена: прощенным императором, освобожденным во время и по итогам следствия, а также тем, кто был выявлен следствием, но не привлекался к нему (заочное расследование).

Вторая глава «*Не считать прикосновенным...*» представляет собой первый в историографии опыт критического изучения материалов следствия, с целью выявления членов декабристских тайных обществ, сумевших оправдаться на следствии.

В третьей главе «*Неизвестные декабристы*» предметом внимания стали лица, оставшиеся вовсе неизвестными следствию, — в том числе те, показания о причастности которых к тайным обществам на следствии были оставлены без внимания.

Четвертая глава исследования «*Предполагаемые декабристы*» отведена возможным участникам тайных обществ и выступлений 1825—1826 гг., свидетельства документов о принадлежности которых к декабристам нуждаются в дополнительном изучении.

В *приложении* помещен указатель всех выявленных к настоящему времени участников декабристских тайных обществ, заговора 1825 г. и открытых военных выступлений, составленный на основе свидетельств первоисточников (подробнее об этом говорится в сопроводительной статье к указателю). Публикуемый указатель представляет собой наиболее полный свод деятелей «декабристского движения». Здесь же помещены перечни всех известных участников тайных обществ, распределенных по категориям в зависимости от особенностей и форм привлечения к следственному процессу и характера итоговых решений.

Автор считает своим приятным долгом выразить живейшую благодарность исследователям, кто словом и пером помогал ему на протяжении всей работы над книгой, в особенности [В.А. Пушкиной], В.С. Парсамову, А.Н. Цамутали, С.В. Мироненко, В.М. Боковой, Н.В. Самовер, О.В. Эдельман, А.В. Семеновой, М.А. Рахматуллину, О.И. Киянской, А.А. Кононову, А.Б. Шешину, С.Е. Эрлиху, П.И. Маркю.

Примечания

- ¹ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 13. Переписка 1815–1827 гг. М.; Л., 1937. С. 291. Очевидная неточность содержательной стороны фразы Пушкина (не все из осужденных наказывались каторжными работами, многим был вынесен иной приговор: ссылка на поселение в Сибирь, разжалование в солдаты; кроме того, казнены пятеро наиболее виновных из числа 120 осужденных), без сомнения, имела своей причиной эмоциональное состояние поэта, писавшего спустя месяц после объявления приговора.
- ² Принадлежность к декабристам определяется, по нашему мнению, участием в преемственно сменявшихся друг друга тайных обществах, имевших политические цели и инициировавших выступления декабря 1825 г., а также участием в заговоре и военных выступлениях, организованных членами этих тайных обществ (*Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 14).
- ³ М.В. Нечкина писала: «В нашу задачу не входит установление точного персонального списка (членов тайных обществ. — *П.И.*), что потребовало слишком бы много места» (*Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 223).
- ⁴ См.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 402–404, 448–449.
- ⁵ *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Т. 1. СПб., 1902; *Червонецкий Д.А.* Государственные преступления по русскому праву. Введение и глава 1-я. Юрьев, 1913; *Гернет М.Н.* Процесс декабристов и уголовная политика Николая I // Проблемы социалистического права. Сб. 4. М., 1938. С. 128–170; *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961.
- ⁶ *Миронова И.А.* Судебно-следственные материалы 1-й половины XIX в. М., 1958; *Сабенникова И.В.* Документация политических процессов 1-й половины XIX в. как исторический источник // Комплексные методы в исторических исследованиях: Тез. докл. и сообщ. научного совещания. М., 1988. С. 195–196.
- ⁷ *Эдельман О.В.*: 1) Следственный комитет по делу декабристов: организация деятельности // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев, 2000. С. 209–238; 2) Квантитативный подход к изучению материалов следствия над декабристами // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб.; Кишинев, 2001. С. 51–60; 3) Декабристы на допросах: опыт количественной характеристики // Там же. С. 333–362.
- ⁸ См.: *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
- ⁹ Историографические наблюдения и оценки в отношении важнейших исследований по рассматриваемым конкретным сюжетам даны в тексте книги и примечаниях.

ГЛАВА 1

«ПРОСТИТЬ... ЗАБЛУЖДЕНИЯ ПРОШЕДШИЕ»

*Участники тайных обществ и военных выступлений
1825–1826 гг., освобожденные от наказания*

Декабристы, освобожденные от наказания, как исследовательская проблема

Сохранилось не одно свидетельство о том, что некоторые из участников декабристских тайных обществ избежали наказания. Если оставить в стороне тех, кто не был обнаружен следствием или сумел оправдаться в ходе расследования¹, то в сфере исследовательского внимания остаются лица, «всемиловейше» прощенные императором, либо освобожденные от наказания в ходе и по итогам процесса.

«Прощение» («высочайшее прощение») — это освобождение от наказания или прекращение расследования по воле верховной власти, т. е. императора. Оно непосредственно связано с выявленной в ходе предварительного следствия виновностью; иначе говоря, для того чтобы прощать, нужно было установить «состав преступления», — что именно прощать. Следовательно, в число «прощенных» входят те, кто, несмотря на выявленную виновность по «делу декабристов», были освобождены от ответственности и не понесли наказания².

Обращение к материалам следствия показывает, что среди освобожденных в ходе расследования оказались лица, виновность которых не получила подтверждения. Это были арестованные по подозрению, по доносу (часто — ложному), привлеченные к следствию по ошибке, случайно попавшие в его орбиту, оговорившие себя и т. д. Освобожденные в силу доказанной невиновности, они, в своем большинстве, не имели прямого отношения к деятельности тайных обществ; в ходе допросов была установлена их полная непричастность к «делу». Пред-

мет настоящего раздела — лица, участие которых в тайном обществе, заговоре и военных выступлениях декабристов было обнаружено следствием. Речь идет о тех случаях, когда прощалась выявленная и доказанная «виновность», — как правило, с официальным признанием акта помилования и освобождения от наказания, после чего следовало освобождение из-под ареста.

Отметим, что в мемуарных источниках и исследовательской литературе можно встретить упоминания о «прощении» целого ряда лиц, получивших то или иное административное наказание (М.Ф. Орлов, И.Г. Бурцов, Н.Н. Депрерадович и др.). Фактически это те, кто спасся от судебного преследования по итогам процесса, от более серьезного наказания. Вынесенное им наказание было, очевидно, значительно смягчено по сравнению с установленной «виновностью», что можно рассматривать как своеобразный акт «частичного прощения». Однако в точном смысле слова их, конечно, считать «помилованными» нельзя. Оказанное им «снисхождение» касалось лишь степени наказания, которое было существенно облегчено.

Обращаясь к традиции освещения деятельности в декабристских обществах лиц категории «прощенных», приходится признать, что «декабристский статус» этой группы выглядит менее определенным и выраженным, чем в случае пострадавших по «делу». Прощенным декабристам, их участию в конспиративных обществах уделяется значительно меньше внимания в трудах историков. Не нашли более или менее подробного отражения в исторической литературе и особенности официального расследования в отношении декабристов, освобожденных от наказания.

В этой связи следует обратиться к библиографическим указателям декабристоведческой литературы³, которые отражают и обобщают реальную практику включения того или иного лица в число декабристов, наблюдаемую в научной литературе. Выясняется, что среди прощенных или не привлекавшихся к процессу лиц к декабристам отнесены: все четыре раза — В.Д. Вольховский (несомненно, благодаря близости к А.С. Пушкину и своему участию в декабристских обществах после 1821 г.), основатель «Ордена русских рыцарей» М.А. Дмитриев-Мамонов, И.А. Долгоруков (вероятно, благодаря участию в Петербургском совещании руководителей Союза благоденствия 1820 г. и упоминанию в 10-й главе «Евгения Онегина» А.С. Пушкина); три раза — участники Союза спасения и Союза благоденствия

П.А. Катенин, П.П. Каверин и П.С. Пущин (прежде всего, благодаря литературному наследию и дружеским связям с Пушкиным), один из видных участников ранних тайных обществ Петр И. Колошин (вследствие активной роли в Союзе спасения и Союзе благоденствия), входивший в руководство Союза благоденствия художник Ф.П. Толстой, а также известные в истории русского общественного движения Г.А. Римский-Корсаков и П.Я. Чаадаев; два раза — С.Н. Бегичев, В.А. Глинка, С.В. Капнист, откровенный на следствии Н.И. Комаров, литератор С.Е. Раич, еще один участник совещаний руководства Союза благоденствия в 1820 г. И.П. Шипов, а из членов более поздних тайных обществ — прощенный после допроса с участием императора А.А. Суворов.

Наибольшее число новых признаний в «декабристском статусе» фиксируется в последнем по времени библиографическом справочнике 1994 г. В нем к числу декабристов впервые отнесены некоторые из членов Союза благоденствия, не привлекавшиеся к следствию: Ф.В. Акинфов, В.И. Белавин, М.А. Волков, П.П. Трубецкой, А.А. Челишев, А.В. Шереметев, С.П. Шипов и даже М.К. Грибовский, автор доноса на Союз благоденствия. Из числа участников более поздних обществ здесь впервые значатся в ранге декабристов Ф.В. Барыков и участник восстания 14 декабря, не понесший наказания, Н.А. Колончаков.

Обратная тенденция (сначала признание в ранге «декабриста», а затем лишение этого статуса) также имела место. Так, только в первых справочниках (1929 и 1960 гг.) в качестве декабристов признавались участники тайных обществ до 1821 г. Н.И. Кутузов, А.Я. Миркович, член Союза благоденствия и доносчик И.М. Юмин, член Северного общества, избежавший наказания, А.Ф. Моллер, а в последующих справочниках они уже были вынесены за пределы этой группы.

Ни разу не были отнесены к числу декабристов освобожденные без наказания бывшие участники тайных обществ, сделавшие значительную карьеру в следующее царствование: А.А. Кавелин, В.О. Гурко, братья В.А. и Л.А. Перовские, брат П.И. Пестеля В.И. Пестель, литератор одиозной репутации А.Ф. Воейков, некоторые другие бывшие члены Союза благоденствия (В.М. Бакунин, О.П. Богородицкий, Н.П. Годаин, А.А. Оленин, П.Н. Семенов, П.В. Хавский), а из участников событий 14 декабря — конноартиллеристы А.Г. Вилламов, А.И. Гагарин, К.Д. Лукин, офицер Гвардейского морского экипажа

Д.Н. Лермантов, прощенный на первом допросе императором С.Н. Жеребцов. Ни разу не был признан декабристом П.П. Лопухин, довольно влиятельная фигура в ранних тайных обществах.

Все эти наблюдения говорят об одном: статус группы прощенных участников тайных обществ остается в целом неопределенным. Зачастую их относят к «недекабристам», определяя как лиц, привлекавшихся к следствию по делу декабристов. Очевидным свидетельством неустойчивого и противоречивого положения этой группы участников декабристской конспирации является тот факт, что в рамках одного справочника их относят как к декабристам, так и к «недекабристам»⁴. Такова ситуация с В.Д. Вольховским, И.А. Долгоруковым, А.А. Суворовым, И.П. Шиповым. В справочнике 1929 г. одновременно и декабристами, и «недекабристами» обозначены М.А. Дмитриев-Мамонов, Н.И. Комаров, М.Н. Муравьев, ставший известным впоследствии как жестокий «усмиритель» восстания в Польше и Литовском крае. Следовательно, в их отношении у составителей указанных справочников имелись определенные сомнения. Ситуация принципиально не изменилась и к настоящему времени. В справочнике 1994 г. то же произошло с Ф.П. Толстым, статус которого остается противоречивым и не проясненным — декабрист он или нет? В этом же положении оказался участник Союза спасения Ф.М. Свободской.

В качестве причин, вследствие которых участники тайных обществ исключались из числа декабристов или вообще не могли претендовать на такой статус, выступали следующие факты и обстоятельства: ранний отход от тайного общества и неучастие в движении после 1821 г., дальнейшая благополучная карьера после 1826 г., противоречивость общественной репутации (наиболее показателен в этом отношении случай М.Н. Муравьева, который, за исключением справочника 1929 г., ни разу не был отнесен к разряду декабристов). Но, пожалуй, определяющим фактором, влиявшим на включение того или иного лица в число декабристов в исследовательской традиции, следует признать отсутствие наказания по итогам следственного процесса.

В исторической литературе нет специального исследования, посвященного вопросу о прощении привлеченных к следствию по «делу декабристов», в котором бы освещались степень виновности этих лиц и причины их освобождения от наказания. В работах о следствии и суде можно обнаружить только упоминания фактов прощения и освобождения без наказания некоторых декабристов. Так, в монографи-

ческом исследовании процесса декабристов, принадлежащем В.А. Федорову, констатируются факты освобождения от наказания некоторых подследственных — участников тайных обществ, однако данный круг сюжетов не вызвал у автора специального интереса⁵. Содержание книги оказалось сосредоточенным вокруг главной линии следствия и основной группы подследственных — наказанных по приговору суда. Факты прощения и освобождения от наказания не получили сколько-нибудь развернутого освещения. Лишь в последние годы историки стали уделять значительно больше внимания этим сюжетам⁶.

Литература собственно о прощенных декабристах немногочисленна; еще меньше исследований, которые бы затрагивали деятельность этих лиц как членов тайных обществ, освещали их привлечение к следствию по делу декабристов. Из числа тех, кому посвящены отдельные исследования, в первую очередь необходимо упомянуть Ф.П. Толстого⁷, Петра И. Колошина⁸ и М.Н. Муравьева, участие которого в декабристских союзах стало предметом внимания в биографических статьях декабриста А.Е. Розена, П.Е. Щеголева и давней биографии Д.А. Кропотова⁹. Достаточно большой интерес привлекла к себе фигура В.Д. Вольховского, декабристскому прошлому которого посвящены исследование В.С. Шадури, статьи Н.А. Гастфрейнда и Н.Е. Мясоедовой¹⁰. Участие П.Я. Чаадаева в тайных обществах декабристов рассматривали в своих работах Д.И. Шаховской и Ф.И. Берелевич¹¹. Хорошо известно исследование Ю.М. Лотмана о М.А. Дмитриеве-Мамонове, в котором подверглись анализу программные документы первой организации декабристского ряда «Орден русских рыцарей»¹². К числу содержательных работ о видном участнике движения тайных обществ, оставленном следствием «без внимания», без сомнения, относится исследование Ю.Г. Оксмана о П.А. Катенине¹³. Кроме того, имеются работы о таких избежавших наказания участниках Союза благоденствия, как В.А. Глинка¹⁴ и С.Н. Бегичев¹⁵. Можно отметить еще немаловажные публикации и исследования В.Г. Бортневского о П.С. Пущине¹⁶. Из приведенных выше данных нетрудно заметить, что причины обращения к биографическим исследованиям о малоизвестных членах тайных обществ в своей подавляющей части не были связаны с политической деятельностью этих лиц в декабристских союзах, а определялись, главным образом, их литературным и мемуарным наследием, либо их участием в культурной жизни современной им эпохи, последующей контрастной биографией и политическим обликом (М.Н. Муравьев).

На современном этапе изучения интерес к «уцелевшим декабристам» в значительной степени усилился в связи с публикацией следственных дел участников тайных обществ, не преданных суду¹⁷. Историки приступают к изучению особенностей расследования, проводившегося в отношении «малозамешанных» лиц, выяснению мотивов состоявшихся решений о «прощении» установленной вины, выявлению внутренней структуры группы освобожденных от наказания. В этом контексте стоит особо выделить сопроводительную статью и комментарии А.В. Семеновой к публикации следственных дел членов Союза благоденствия в недавно вышедшем XX томе документальной серии «Восстание декабристов». В последние годы участники тайных обществ, освобожденные от наказания, стали предметом изучения в работах, посвященных Н.И. Кутузову, А.В. Семенову, П.В. Хавскому, О.П. Богородицкому¹⁸.

Заявленное направление исследования позволяет прояснить несколько важных проблем в изучении истории декабристов. Во-первых, оно способствует дальнейшему анализу особенностей следственного процесса, квалификации «вины» различных категорий обвиняемых. Во-вторых, рассмотрение конкретных обстоятельств «высочайшего прощения», официально заявленных и действительных мотивов актов помилования, создает необходимую основу для оценки причин освобождения от наказания и влияния посторонних факторов на ход следствия. В-третьих, привлечение исследовательского внимания к «малоизвестным» участникам тайных обществ и военных выступлений декабристов, прощенным в ходе следствия, позволит осветить некоторые страницы в истории декабризма, ранее не привлекавшие внимания историков.

В рамках настоящей работы предпринята попытка заполнить лакуны в представлениях о группе прощенных и освобожденных от наказания, о расследовании, которое велось в их отношении в рамках следственного процесса. При этом мы стремились очертить границы и внутреннюю структуру группы, осветить степень виновности «прощенных декабристов», выявленную следствием, проанализировать причины помилования и освобождения от наказания, в том числе не вызванные внутренней логикой следствия.

Прощение и освобождение от наказания: официальный контекст

20 декабря 1825 г., спустя несколько дней после открытия заговора и начала следственного процесса, состоялась встреча Николая I с французским посланником П.-Л. Лаферронэ. В ходе беседы император остановился на том, каким он видит свою роль в определении наказаний по итогам судебного-следственного процесса: «Я начинаю царствовать под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут — слишком много; но с жокаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования...»¹⁹. Официальная позиция Николая I, сформулированная уже в первые дни следствия, звучала недвусмысленно: главные виновные понесут наказание без всякого снисхождения со стороны высшей власти, а участь тех, виновность которых незначительна или ослабляется смягчающими обстоятельствами, будет во многом зависеть от «милосердия» императора. Обращает на себя внимание то, что с первых же дней следственного процесса верховная власть заявила о готовности применить принадлежащее ей право помилования, однако это право предполагалось использовать только в отношении «малозамешанных» и заслуживающих прощения обвиняемых. Эта позиция «высшей власти» находит непосредственное подтверждение в официальных документах, относящихся к деятельности органов расследования.

Первоначальный проект указа об учреждении Следственного комитета, подготовленный 15 декабря 1825 г. (текст его приведен в «автобиографических записках» делопроизводителя Комитета А.Д. Боровкова), содержал в себе, наряду с программой розыскной деятельности, также формулировку тех принципов, которые должны были стать основой будущей практики помилования: «...принять деятельнейшие меры к изысканию соучастников сего губительного общества, внимательно, со всею осторожностью рассмотреть и определить предмет намерений и действий каждого из них ко вреду государственного благосостояния; ибо, руководствуясь примером августейших предков наших, для сердца нашего приятнее десять виновных освободить, нежели одного невинного подвергнуть наказанию...»²⁰.

Из приведенного текста видно, что в самом начале процесса пред-

полагалось объявить, что, выясняя «меру вины» оказавшихся в его поле зрения лиц, следствие будет стремиться отделить серьезно виновных от «малозамешанных», от тех, на кого упало случайное подозрение. 16 декабря проект указа был поднесен на подписание императору председателем Следственного комитета А.И. Татищевым. Николай I, по словам Боровкова, прочитав цитированный пункт, обнял Татищева, сказав: «Ты проникнул в мою душу, полагаю, что многие впутались не по убеждению в пользу переворота, а по легкомыслию, так и надобно отделить тех и других»²¹. Хотя указ остался не обнаруженным, но обозначенная в нем официальная позиция была закреплена в ходе процесса в последующих официальных документах, призванных осветить принципы и направленность работы следствия²². Отразившееся в словах императора противопоставление сознательно действовавших «зачинщиков», убежденных сторонников политического переворота, и тех, кто был вовлечен в тайное общество и заговор, стало одним из основополагающих принципов работы следствия.

Это же противопоставление обнаруживается в самом раннем из известных свидетельств о намерениях императора простить «заблудших», ввергнутых в «обман» главными заговорщиками. К.Ф. Толь, который проводил первые допросы арестованных, сохранил в своем «Журнале» упоминание о вопросе, с которым в ночь на 15 декабря обратился к нему Николай I (уже после того, как ему стали известны результаты первых допросов): «Молодежь эта не знает сама, что она хотела и как введена в преступление. Как ты думаешь, можно бы простить нижних чинов и сих несчастных молодых людей?»²³.

Как видим, основные очертания «пространства» предстоящих актов смягчения наказания и «высочайшего прощения» были в целом достаточно ясны: неучастие в заговоре, неосведомленность о его главной цели, «случайное» участие в открытом выступлении, молодость лет. Они представлялись уже сложившейся, готовой формой, опирающейся на традиции царского помилования. Новый император только не был до конца уверен, нужно ли это делать в сложившейся обстановке.

Толь, достаточно опытный в военно-судных делах и, несомненно, ориентировавшийся на поведенческие традиции «верноподданничества», вовсе не исключал последующего прощения некоторых из «вовлеченных» в восстание, но указывал на невозможность применения права помилования к большей части арестованных: «Главная часть, без сомнения, вовлечена в преступление... Простить их, госу-

дарь, имеее вы все время, они были только орудиями возмущения; через них надобно будет открыть настоящих и главных возбудителей сего возмущения, и потому, по мнению моему, не только захваченных офицеров, но и главных участников между нижними чинами, должно будет предать всей строгости законов без замедления»²⁴. В этом ответе, как представляется, слово «потому» следует интерпретировать в значении «исходя из этого», тогда становится более понятной последовательность мысли Толя. Логика его ответа состояла в том, что следует сначала обнаружить всех главных участников заговора и военного выступления, в том числе с помощью малозначительных и «замешанных» лиц, затем подтвердить малозначительность тех, кто был слабо «вовлечен» в заговор, и только после этого, на основании полученных данных, применять принадлежащее императору право помилования. Вместе с тем Толь напоминал императору, что в полном соответствии с существующими законами все действительные участники мятежей и волнений должны подвергнуться строгому наказанию, вплоть до смертной казни.

В манифесте от 19 декабря 1825 г. — первом правительственном документе, содержащем оценку событий 14 декабря и деятельности тайного общества в целом, — сообщалось, что в заговоре, имевшем целью «испровергнуть престол и отечественные законы», принимали участие «два рода людей»: к первому относились «злоумышленные... руководители», ко второму — лица, «умыслу непричастные», «заблудшие». Если злоумышленники питали давние замыслы политического переворота, то «заблудшие» участники заговора и мятежа следовали законному стремлению сохранить верность присяге²⁵. Император объявлял, что своим «первым утешением» считает принадлежащее ему право объявить «заблудших» невинными. Заявлялось, что начавшееся расследование позволит отделить впавших в заблуждение от истинных «злоумышленников», выявит истину и уничтожит подозрения. Правосудие запрещает прощать преступников: будучи «обличенными» следствием и судом, они «восприимут по делам своим заслуженное наказание», «заблудшие» же могут быть прощены²⁶.

«Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», датированное 21 декабря (опубликованное за подписью дежурного генерала Главного штаба А.Н. Потопова, но составленное, вероятно, Д.Н. Блудовым), включало в себя официальное сообщение о первом акте прощения: в нем говорилось,

что император в знак милости простил нижних чинов Гвардейского экипажа и Московского полка²⁷. Вместе с тем этот документ отразил ситуацию начала следствия, когда еще не была установлена действительная степень вины арестованных: так, среди «главных зачинщиков» мятежа были названы вскоре освобожденный О.М. Сомов и освобожденный от наказания по итогам следствия П.Ф. Миллер, а среди «состоящих под сильным сомнением» — впоследствии осужденные А.И. Якубович, А.П. Арбузов и некоторые другие.

В опубликованном 5 января 1826 г. прибавлении к «Подробному описанию...» говорилось об учреждении Следственного комитета и, между прочим, сообщалось, что в тайном обществе и заговоре наряду с «главными зачинщиками и заговорщиками» находились «разные лица», в том числе те, кто позволил себя «уловить... в коварные сети», не зная о подлинных целях заговорщиков (политическом перевороте).

Документ содержал официальную оценку уже состоявшихся первых актов прощения подследственных. В частности, в нем перечислены те основания, которые будут способствовать «снятию» вины и прощению: «В числе допрошенных... нашлось несколько невинных, которые ту же минуту освобождены; другие, по молодости и детской неопытности, дозволили уловить себя в сии коварные сети, не зная ни цели, ни гибельных последствий своей неосторожности...»²⁸.

Таким образом, наряду с уже освобожденными «невинными» на снисхождение могли рассчитывать и те, кто позволил «увлечь» себя в заговор, не зная подлинных целей его руководителей. Однако понятие «подлинные цели» заговора не отличалось достаточной ясностью: имелись ли в виду намерения покушений на жизнь императора или речь шла только о планах политических преобразований, изменения государственного правления — не было понятно.

В середине февраля 1826 г. Боровков представил сначала Комитету, а затем императору «очерк» истории тайных обществ, «извлеченный из показаний главнейших членов и добровольных открытий некоторых отклонившихся от общества». «Очерк» развивал уже известную версию: благодаря наличию у тайного общества «внешней» («благовидной») цели оно смогло вовлечь в свои ряды «даже поборников неколебимости престола, отличных поведением и талантами...». В первые годы существования общества лишь ограниченное число его участников узнало «сокровенную цель». На Московском съезде в 1821 г. многие члены, «услышав о сокровенных замыслах

разрушить существующий образ правления, отказались решительно от общества». Участники военных выступлений 1825 г. были также разделены на два разряда: 1) члены тайных обществ, готовившие переворот; 2) «увлеченные мнимым предлогом неправильной присяги»²⁹. Очевидно, для незнакомых с «тайной» целью конспиративного союза, как и для увлеченных в мятеж «предлогом неправильной присяги», можно было ожидать смягчения или даже полной отмены наказания.

Официальная градация усложняла картину, делала заговор сложным соединением разных степеней причастности и осведомленности о цели тайных обществ. Власти важно было показать, что к следствию привлекаются различные категории причастных к делу лиц, что среди тех, кто будет подвергнут ответственности, окажутся как формально состоявшие в политической конспирации, так и не состоявшие в них, но получившие от членов тайных обществ четкое и конкретное представление о планах, сроках и средствах переворота и не сообщившие о них правительству.

Итак, на первом этапе процесса власть стремилась показать, что к следствию привлечены разные категории причастных, степень вины каждой будет в полной мере выявлена и принята во внимание. Следствие представлялось таким образом необходимым именно с этой точки зрения; власть же получала в общественном мнении благоприятный для себя ореол справедливого судьи, который первоначально собирает объективные данные, отбрасывая пристрастие и прощая малозамешанных и «заблудших», выносит решения исключительно на основе имевших место фактов, наказывая действительных преступников.

Водораздел между теми, кого ждет наказание, и теми, кто вправе рассчитывать на снисхождение, проходил по вопросу об осведомленности о политических намерениях заговорщиков. Опубликованный в общее сведение официальный документ содержал фразу: «Нашлись и такие, которые хотя не принадлежали к сей злодейской шайке, но знали, не открыли их преступных умыслов и тем сделались сами причастными их преступлению»³⁰. Это сообщение напугало многих. Из него вытекало, что даже известность и недонесение о цели и, может быть, только о существовании тайных обществ официально объявлялось преступлением, подлежащим преследованию³¹. Если человек не принадлежал к тайному обществу, но знал о каких-либо обстоятель-

ствах, принимал участие в политических разговорах, в особенности с привлеченными к следствию лицами, то он мог ожидать наказания как «замешанный» в дело, причастный к нему. Таким широким «подходом» к определению виновности отличается только этот документ. Представляется, что его авторы, говоря о привлечении к ответственности, не имели в виду тех, кто только слышал о тайном обществе «по слухам», не будучи причастен к его деятельности, а подразумевали лиц, в разной степени причастных к организационной структуре конспиративных обществ, но формально не состоявших в них.

Основной задачей опубликованных официальных документов, без сомнения, являлось формирование образа справедливого, обоснованного и беспристрастного расследования. Целью подобного освещения следственного процесса и введения указанной градации привлеченных к нему лиц являлось не в последнюю очередь формирование в русском обществе представления о том, что следствие не стремится вовлечь в дело невинных и «малозамешанных», которых освобождают, по-отечески прощая их «кратковременное заблуждение». Тем самым предупреждался возможный общественный протест или его подобие³². При этом решались две основные задачи: предупредить малейшее сомнение в обоснованности ведения следственных розысканий, а кроме того, подготовить почву для формирования в общественном мнении убеждения в том, что лица, оставшиеся не выпущенными, действительно виновны. Власти требовалось представить себя справедливым арбитром, который на основе получаемой информации объективно решает участь и действительно виновных, и «заблудших». Наконец, немаловажное значение имела задача поддержания авторитета самодержца как справедливого вершителя судьбы своих подданных, прощающего их вину — в тех случаях, когда это возможно.

Окончательное оформление позиция власти в вопросе о пределах помилования получила в следующем официальном документе: 29 января было опубликовано развернутое сообщение о работе Следственного комитета³³. В нем подробно освещалась раскрытая следствием история тайных обществ. Официальная версия гласила, что немногочисленные тайные общества были ослаблены постоянными внутренними спорами, разномыслием и тщетностью усилий по введению единой цели. В документе впервые проводилось четкое разграничение — тайное общество имело двоякую цель: «явную» (т. е. открытую, не скрываемую) — благотворение, просвещение, улучшение нравов,

и скрытую, «настоящую» (т. е. подлинную), известную не всем его участникам — «изменение государственных установлений». Особенно выражено это разделение проявилось в 1818—1821 гг., после образования Союза благоденствия. Однако и в этот период «начальники» общества стремились умножить число своих сторонников, постепенно открывая им подлинные тайные планы. Роспуск Союза в 1821 г. стал началом нового общества, основанного с особой предосторожностью и с четко установленной целью. Оно преследовало теперь только политическую цель — «испровержение существующего порядка посредством вооруженной силы». Однако разграничение двух целей для участников этого нового общества фактически продолжало существовать: не все члены знали о политической цели, а во время мятежа «даже некоторые из офицеров» были «не обольщены, а обмануты, веря, что их ведут исполнять долг...»³⁴.

«Правительство... с радостью удостоверилось, что число [действительно виновных] заговорщиков... весьма невелико», — особенно тех, кто был «настоящим злодеем на деле или в намерении...». Теперь правосудие должно установить различные «степени преступления», подлинную меру участия в преступлении каждого из подследственных. В документе утверждалось, что «...правительство отличит с надлежащею точностию... разные степени преступления допрашиваемых...»³⁵. Таким образом, на официальном уровне декларировались разные степени виновности привлеченных к следствию. Основное различие проходило по принципу участия в планах покушений на особу императора, политического переворота и в событиях мятежа. Те, кто отошел от тайных обществ до их превращения в «злоумышленный» заговор, а также те, кто не знал «настоящей» цели этого заговора и ни в чем больше не обвинялся, могли рассматриваться как вовлеченные в «дело», заслуживающие освобождения от наказания.

В документе перечислялись главные степени виновности: «Первые, виновнейшие, были основателями или начальниками сих тайных обществ». По терминологии автора документа, «главные преступники» уже уличены: это покушавшиеся на цареубийство, возбудители мятежей и их активные участники, применившие оружие. Все они до сих пор не преданы суду, потому что могут быть еще нужны для очных ставок с сообщниками. За ними следовали «те, кои зная все, от прочих скрываемые, ужасные замыслы, участвовали в сих злодейственных намерениях. Другие должныствовали только служить орудием для

исполнения плана, им неизвестного». Наконец, последний разряд составляли «слепо-легковерные» участники мятежа, которые «...даже не подозревали, что их вооружают против законной власти и порядка»³⁶.

Виновность перечисленных категорий подлежала расследованию и наказанию — отметим, что среди тех, кто признавался виновным, оказались и не полностью осведомленные о цели тайного общества, и вовлеченные «обманом» в мятеж. В определении вины указывалось, что Следственный комитет в своей деятельности исходит из основного принципа: «избежать увеличить важность преступления», «чтобы справедливость окончательного приговора не была подвержена сомнению».

Однако очевидно, что этими группами обвиняемых не исчерпывалась вся совокупность привлеченных к следствию. Как сообщалось, Комитет немедленно доносит императору «о всех, кои оказываются взятыми под стражу по неосновательным подозрениям, происшедшим от нечаянного стечения обстоятельств, и его императорское величество немедленно возвращает им свободу»³⁷. Заявленные здесь основания для освобождения не выходят за пределы освобождения из-за отсутствия «вины». Под эту категорию лиц безоговорочно подходят только те, кто был действительно арестован «случайно», в силу знакомства и дружеских связей с главными заговорщиками: О.М. Сомов, А.А. Шишков, А.А. Жандр, родственники членов тайных обществ Г.Я. Скарятин, П.И. Черкасов, некоторые другие. Как видим, случаи прощения выявленной в ходе расследования действительной виновности в официальных сообщениях о процессе фактически оглашены не были.

И лишь в итоговом документе процесса, Донесении Следственной комиссии, впервые прямо сообщалось о случаях освобождения от ответственности, наряду с невинными, некоторых действительных членов тайных обществ: «Тем из допрошенных, кои оказались или не принадлежавшими к *злоумышленным* тайным обществам, или *совершенно отставшими* от оных, немедленно возвращена свобода...». Разделение всех участников конспирации на знавших о «сокровенной» цели и не знавших о ней нашло в Донесении наиболее полное отражение, получив черты четкого разделения тайных обществ на «злоумышленные» и прочие. В Донесении сообщалось также и о том, что не все из участников тайных обществ привлекались к допросам Комиссии: «По требо-

ваниям оной взяты под стражу или призваны к допросу лишь те, даже из членов тайных обществ, о коих по достоверным свидетельствам должно было заключить, что они... участвовали в самых преступных умыслах, или что показания их нужны для обличения главных мятежников и обнаружения всех планов их. О многих, коих имена означены в особом у сего подносимом списке, как не совершенно знавших цель тайного общества, к которому они принадлежали, или удалившихся от оногo по чувству вины своей, Комиссия положила только довести до Высочайшего вашего сведения, предавая судьбу их правосудию и милосердию Вашего императорского величества»³⁸.

Другое обстоятельство, которое вело к снятию преследования, по-прежнему квалифицировалось как «заблуждение», неумышленное вовлечение в заговор: подчеркивалось, что Комиссия «отличала минутное ослепление и слабость от упорного зломыслия...»³⁹.

Как уже говорилось выше, Боровков свидетельствовал в своих воспоминаниях, что уже после публикации Донесения последовало решение Комитета, санкционированное Николаем I: «...приняв в уважение, что многие вошли в общество, увлекаемые худо понятою любовью к отечеству, суетностию, возбужденным любопытством, родственными и приятельскими отношениями, легкомыслием и молодостию, [Комитет] счел противным справедливости, великодушию и милосердию августейшего монарха предать всех их суду». На этом основании Комитет «испрашивал» позволения императора не подвергать судебному наказанию:

1. бывших членов Союза благоденствия, которым не была открыта сокровенная цель («Из них некоторые освобождены были прежде, по частным разрешениям, а иные, лично известные государю, и к допросам не были привлекаемы», — примечание Боровкова. — *П.И.*);

2. всех тех, которые хотя знали вполне цель общества, но отпали от него после объявленного закрытия на съезде в Москве в 1821 году;

3. тех, которые тогда нерешительно отреклись от общества, однако не были с ним в сношении до 1822 года, когда все тайные общества в России повелено было закрыть; а после этого повеления совершенно удалились и не действовали;

4. знавших о существовании общества или приготовлении мятежа в С.-Петербурге, но не донесших»⁴⁰.

Некоторым из освобожденных от суда предназначалось административное наказание, но другие подлежали прощению и освобожде-

нию от ответственности. Из перечисленных Боровковым групп от наказания была освобождена подавляющая часть участников Союза благоденствия и других тайных обществ, существовавших до 1822 г. Причем материалы следствия свидетельствуют о том, что лица, принадлежавшие к указанной группе, как правило, либо вообще не привлекались к следствию, либо освобождались в ходе процесса, задолго до его окончания. Остальные приведенные мемуаристом группы оказались в сфере несудебного преследования.

Среди тех, кто был освобожден в ходе расследования, значительную часть составляют привлеченные к следствию безосновательно. При первых допросах вполне выяснилась их непричастность к декабристским союзам, заговору и военным выступлениям 1825 г., случайность привлечения к процессу, а показания обвиняемых не содержали в их отношении обвинительного материала. Особенно много таких лиц было арестовано в связи с подозрениями в участии в мятеже 14 декабря (О.М. Сомов, П.Н. Креницын, Е.В. Свечин, П.И. Русанов, Н.Р. Меллин, братья А.Н. и П.Н. Очкины, П.В. Павлов, А.П. Воейков, целый ряд других лиц). В эту же группу входят участники масонской ложи в Полтаве С.Л. и Д.Л. Алексеевы, С.М. Кочубей, В.В. Тарновский, которые были привлечены к следствию по подозрению в участии в предполагаемом «Малороссийском тайном обществе». Здесь стоит назвать и связанных дружескими и служебными отношениями с участниками тайных обществ Пузина, А.А. Шишкова, родственными связями — П.И. Черкасова, Г.М. Андреевича, а также случайно арестованных лиц: привлеченных по ошибке Л.Е. Астафьева (арестован вместо А.Ф. Астафьева), К. Проскуру (арестован вместо С.О. Проскуры). Всех их нельзя признать участниками тайного общества (по крайней мере, если не обнаружатся принципиально новые данные, меняющие наши представления об их причастности к декабристам).

Некоторые формулировки причин акта освобождения от наказаний, воспроизведенные в воспоминаниях Боровкова, отсутствуют в опубликованных официальных документах. В частности, речь идет о «худо понятой любви к Отечеству» и дружеских связях как факторах, влиявших на вовлечение в деятельность тайного общества. «Положительные» характеристики мотивов присоединения к конспиративным организациям («любовь к Отечеству»), даже сопровождаемые подобными оговорками («худо понятая»), остались полностью за пределами

официального обоснования актов прощения и, соответственно, за строкой опубликованных документов расследования. В то же время в обществе они были достаточно распространены⁴¹. Официальные же оценки концентрировались в основном вокруг молодого возраста, неопытности, неосторожности, легкомыслия «вовлеченных» и прямого обмана со стороны руководителей заговора.

Итак, официальное обоснование актов освобождения от ответственности некоторых участников тайного общества, заговора и военных выступлений 1825—1826 гг. строилось на факте их неучастия в планах политического переворота. Оно опиралось на проведенное в ходе следствия различие между политической целью (известной не всем участникам тайных обществ) и «внешней целью» просвещения и благотворения. В числе освобожденных от наказания оказывались те, кто отошел от тайного общества до превращения его в заговор, равно как и вовлеченные в заговор обманом, не знавшие его настоящей цели.

**Разновидности аболиции на следственном процессе:
«высочайшее прощение», освобождение от следствия,
освобождение в результате расследования, заочное
расследование и освобождение от наказания**

Аболиция — восходящий к римскому праву термин, означающий право государственной власти на недопущение или прекращение уголовного преследования на этапе следствия, до вынесения судебного приговора⁴². Аболиционное право, наряду с другими видами помилования — при конфирмации (утверждении) вынесенного судом приговора (смягчение или полная отмена наказания) и амнистии (восстановление в правах осужденных), — в монархических государствах традиционно признавалось исключительной и неотъемлемой прерогативой самодержца. Право помилования и право конфирмации считались атрибутами власти самодержца и в российской традиции. Они имели своей непосредственной основой исконный авторитет власти монарха и являлись его исключительным правом. Облекаемая в форму высочайших манифестов, указов или частных повелений, аболиция рассматривалась как исключение из правил («изъятие из общего закона») и поэтому не ограничивалась и не регулировалась никакими

фиксированными правовыми нормами⁴³. Аболиционное помилование трактовалось как «предписание забыть прошедшее, считать его юридически несуществующим»; при этом инкриминируемые действия, которые были прощены верховной властью, более не считались преступными⁴⁴.

Акт аболиционного прощения, таким образом, неотделим от следующих обстоятельств: привлечения лица к следствию, установленной действительной причастности его к рассматриваемому «делу» (определенной степени виновности), личного решения императора об освобождении от ответственности. Как вариант, не исключалось «заочное» прощение, т. е. вынесение постановления об отмене наказания в отношении лица, не арестованного и не привлеченного к допросам. Надо отметить, что на процессе по делу декабристов имели место оба варианта аболиционного помилования: «очное» и «заочное».

Однако поскольку аболиция подразумевала установленную виновность, которая прощалась высшей властью, то прощенное лицо в глазах общества фактически оставалось «виновным» — человеком, с которого вина снята только благодаря «снисхождению» первого лица государства. С течением времени правовая мысль XIX—начала XX вв. подвергла критике право аболиционного помилования, указывая на неправовой и противоречивый характер этой практики: действительно, верховная власть в этом случае вторгалась в прерогативы суда, заранее, еще до вынесения судебного приговора, прощая вину привлеченного на этапе предварительного расследования, но тем самым признавая эту вину еще до установления ее судом. «Помилованный» таким образом человек, с одной стороны, избегал непосредственной опасности — грозящего ему наказания, но с другой стороны уже не имел возможности правовым способом доказать свою невиновность, как бы удостоверенную актом помилования, дарованным верховной властью.

Кроме того, недовольство правом высшего лица миловать по своему усмотрению закономерно возрастало в условиях развивающихся гражданских и политических свобод вследствие сопряженных с применением этого права злоупотреблений и нарушений процессуальных норм. Постепенно в наиболее развитых европейских странах аболиционная практика к началу XX в. сошла на нет.

В России на протяжении XVII—XVIII вв. аболиция в делах по государственным преступлениям применялась крайне редко, в отли-

чие от значительно более распространенного вида помилования — амнистии, связанной, как правило, с восшествием на престол нового императора; нередко высшей властью применялось и право смягчения приговора при его утверждении (конфирмации). До рассмотрения дела в судебных инстанциях гораздо чаще можно встретить решения о наказании (к примеру, случай «княжны Таракановой»), нежели акты прощения. Применение аболиции, по нашим наблюдениям, главным образом распространялось на косвенно «причастных» к преступлениям (родственников, либо друзей осужденных), а также на подозреваемых в совершении преступления против государя и государства (процесс Е.И. Пугачева и его сподвижников), в случае неподтвердившегося обвинения⁴⁵. Вина помилованных часто состояла только в недонесении о готовящемся замысле «бунта» или другого покушения на власть самодержца.

Помилование в широком смысле, как право императора «снимать» вину, обнимало все разновидности прощения и освобождения от наказания. В российском процессуальном порядке закрепились практика «высочайшего» утверждения приговоров судебных органов по государственным и политическим преступлениям, представляемых на решение к императору. Утверждение приговора (конфирмация) часто сопровождалось его смягчением (редко — ужесточением). Однако эта процедура, как правило, имела все же достаточно формальное значение — судебные инстанции так или иначе «оставляли пространство» для смягчения приговора, назначая более жестокие наказания.

Другой привилегией, традиционно считавшейся исключительной принадлежностью императора, являлось решение судьбы привлеченных к следственному разбирательству еще на этапе предварительного расследования. Как правило, император лично решал судьбу таких лиц, непосредственно вникая в обстоятельства дела и иногда даже присутствуя при допросах обвиняемых⁴⁶. В целом, решение вопроса об освобождении от наказания по особенно важным делам, связанным с государственными преступлениями, которые традиционно рассматривались как важнейшее государственное дело, связанное прежде всего с интересами самого монарха, а к их числу безусловно относился процесс по «делу декабристов», не могло состояться без утверждения императора.

Указанные особенности процесса по делам о государственных преступлениях, обусловленные традициями российской самодержав-

ной власти, ее привилегиями и формирующимся уголовным законодательством, представляли широкое пространство для вмешательства самодержца как в ход следственного процесса, так и в вынесение наказаний обвиненным.

В конце 1825 г. начавшийся большой следственный процесс по преступлениям, касающимся умысла покушения на жизнь государя и на «бунт» против государственного порядка (известные со времен Петра I как «первые два пункта»), охватил вскоре весьма значительное число лиц, в том числе связанных с окружением нового монарха, влиятельными семействами, близкими к трону. Направленность расследования на преступления против государя и государственного порядка, а также выявленная в ходе процесса различная степень виновности участников тайных обществ открывали достаточно широкие возможности для проявления традиционного права монарха миловать «прикосновенных», более или менее замешанных лиц.

Содержание под арестом и другие формы привлечения к следствию. Оформление акта освобождения от наказания

Указанные выше разновидности аболиционного помилования обусловили различные формы привлечения к следственному процессу. Лица, участие которых в тайных обществах и заговоре 1825 г. расследовалось заочно, разумеется, избежали ареста и допросов. Они, по-видимому, не подверглись непосредственному воздействию со стороны следствия в ходе расследования их причастности к делу. Остальные группы прощенных так или иначе были привлечены к следствию и испытаны, как правило, определенное воздействие, во многих случаях сходное с тем, что испытывали другие категории подследственных.

Прощенные в первые дни следствия были арестованы и привлечены к расследованию сразу же после событий 14 декабря 1825 г. Первые допросы, проводились, как правило, при участии императора в Зимнем дворце. Характерно, что в большинстве случаев до сих пор не установлено конкретное место кратковременного заключения прощенных при первых допросах (А.А. Суворов, Ф.В. Барыков, Петр И. Колошин и др.). Думается, не будет ошибочным предположение о том, что они содержались под арестом, главным образом, на Главной гауптвахте

Зимнего дворца. Именно она служила местом содержания арестантов во дворце. Не приходится сомневаться, что это место содержания арестованных было наиболее удобным в случае первых арестов участников событий. В пользу предположения говорит сама скоротечность рассмотрения их дел. Она подразумевает, что помещение, в котором содержались под арестом в первые дни после 14 декабря — особенно те, в отношении которых не был точно установлен факт участия в мятеже, кто только подозревался в знании о нем или соучастии, располагалось неподалеку от места допросов. Наиболее удобным местом были помещения Зимнего дворца, в первую очередь Главная гауптвахта. Доказательством тому служат, например, записки А.Е. Розена, который зафиксировал присутствие на Главной гауптвахте одного из прощенных в первые дни следствия, но не занесенных в «Алфавит» Боровкова офицеров, — А.В. Чевкина⁴⁷.

Одно из наиболее авторитетных мемуарных свидетельств об аресте А.А. Суворова недвусмысленно указывает на место содержания арестованного — Зимний дворец. Именно здесь Суворов провел ночь после своего ареста вечером 22 декабря, утром он был допрошен в покоях дворца и в присутствии императора. Мемуаристы, записавшие рассказ самого Суворова об этих событиях, упоминают о том, что только что прощенный офицер встретился с арестованным П.Н. Свиноным в коридорах Зимнего дворца⁴⁸.

Некоторые из прощенных в первые дни после событий 14 декабря находились под арестом на гауптвахтах гвардейских полков. Так, офицеры-конноартиллеристы были арестованы 14 декабря в своих казармах, а затем содержались в казармах 1-й гвардейской артиллерийской бригады. Об этом свидетельствует дневник отца одного из них, Г.И. Вилламова, посетившего своего арестованного сына⁴⁹.

Арестованные офицеры Гвардейского экипажа Д.Н. Лермантов и П.Ф. Миллер первоначально содержались на гауптвахте при госпитале Семеновского полка. Первый из них по болезни провел здесь весь период своего заключения⁵⁰. Можно предположить, что арестованные на короткое время офицеры Московского полка — участники заговора, освобожденные от ответственности (А.А. Корнилов и др.), содержались в казармах своего полка⁵¹.

Привлечение к следствию освобожденных от наказания в ходе и по итогам расследования ничем не отличалось от соответствующей процедуры в отношении осужденных, наказанных без суда или официаль-

но оправданных: после ареста они доставлялись в Зимний дворец на первый допрос, а затем их отправляли к месту содержания под арестом.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что всего лишь несколько человек из числа освобожденных по итогам следствия содержались в казематах Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости. Заключение арестованного в крепость, как известно, служило явным и вполне определенным признаком того, что следствие питало в его отношении серьезные подозрения в участии в декабристской конспирации или мятеже 14 декабря 1825 г. Из числа прощенных в крепости оказались офицеры Гвардейского экипажа П.Ф. Миллер и А.Р. Цебриков. С января 1826 г. они содержались в крепости, а в феврале были перемещены соответственно в Кронштадтскую и Нарвскую крепости, где и оставались до решения их дела⁵². Условия пребывания под следствием этих офицеров не отличались от условий наказанных по итогам процесса. Это и понятно: оба офицера-моряка были участниками выступления 14 декабря и подозревались в участии в заговоре. Еще один офицер Гвардейского экипажа, упомянутый выше Д.Н. Лермантов, избежал этой участи вследствие болезни. В научной литературе существует мнение, что в крепости короткое время провел М.Н. Муравьев, вскоре после ареста оказавшийся в Военно-сухопутном госпитале⁵³. Это мнение находит некоторое основание в том, что представители семьи Муравьевых виделись руководству следствия влиятельными и важными участниками тайных обществ. Однако документы о пребывании декабристов в крепости не подтверждают такого указания: после ареста М.Н. Муравьев некоторое время находился на Главной гауптвахте, а затем был отправлен в госпиталь⁵⁴.

Тот факт, что в крепости оказались считанные представители группы «прощенных декабристов», говорит о том, что подавляющая часть впоследствии освобожденных с самого начала следствия рассматривалась как менее виновные фигуранты, либо как слабо причастные к делу.

Этот вывод подтверждается еще одним обстоятельством. Часть впоследствии освобожденных от ответственности содержалась под арестом в Главном штабе «под караулом» у дежурного генерала, где находились в основном те, кто рассматривались следствием как менее виновные, вина которых не должна быть серьезной. Здесь оказались И.М. Юмин и Ф.Г. Кальм — члены Союза благоденствия, привлеченные к допросам⁵⁵.

Другие арестованные и затем освобожденные от наказания лица содержались на Главной гауптвахте Зимнего дворца. Лица, содержащиеся под постоянным арестом на этой гауптвахте, также рассматривались как менее виновные или только подозреваемые. Из числа освобожденных здесь находились А.В. Семенов, в отношении которого имелись серьезные подозрения в участии в Северном обществе, и Н.И. Кутузов. Короткое время, до отправления в Военно-сухопутный госпиталь, на Главной гауптвахте находился М.Н. Муравьев. В том же госпитале содержался другой освобожденный по итогам следствия — Ф.Ф. Гагарин⁵⁶.

Первоначально в ходе следствия император разрешил привлечь И.А. Долгорукова, И.П. Шипова и некоторых других лиц к допросам не арестованными (фактически — как свидетелей по делу, однако в любой момент они могли перейти и в разряд обвиняемых), а в ряде случаев — отобрать показания без вызова в Следственный комитет. Все эти лица избежали наказания; по решению императора они были изъяты из дальнейшего расследования, а следствие в их отношении остановлено.

Те участники тайных обществ, кто был освобожден от ареста с санкции императора, по распоряжению Комитета призывались к допросам, доставлялись на его заседания, давали письменные показания, после чего возвращались к месту службы или домой. Именно так были привлечены к допросам П.П. Лопухин, Л.П. Витгенштейн, И.П. Шипов, И.А. Долгоруков, Ф.П. Толстой, а также Ф.Н. Глинка (в период между двумя арестами) и Н.И. Кутузов (повторное привлечение к допросам после освобождения). В случае офицеров гвардии и лиц, занимавших привилегированные должности или имевших звания (чины свиты), вызов на допрос и выдача вопросов производились через начальство гвардии и великого князя Михаила Павловича⁵⁷. Процедура вызова к допросу лица, не связанного с придворной и гвардейской средой, описана в воспоминаниях Ф.П. Толстого⁵⁸.

Первые допросы лиц, привлекавшихся к следствию без ареста, производились В.В. Левашевым нередко в присутствии императора. Таким образом, они практически мало чем отличались от допросов, проводившихся в первые дни расследования.

Некоторые лица, входившие в число непривлекавшихся к следствию участников тайных обществ, писали специальные «объясни-

тельные записки» о своем участии в конспиративных обществах, обращенные на имя императора или военного начальства; одни по собственной инициативе, другие по требованию следствия или распоряжению императора. Это — А.А. Кавелин, В.А. и Л.А. Перовские, В.Д. Вольховский, В.О. Гурко, А.Я. Миркович. Братья Перовские и Кавелин, пользовавшиеся доверием императора, подали ему записки «в собственные руки». Служивший при Главном штабе Вольховский направил свое объяснение в Комитет через начальника Главного штаба И.И. Дибича. Последнему были адресованы объяснения отставного полковника Мирковича и служившего в 1-й армии полковника Гурко⁵⁹.

Особые записки, в которых отражался итог расследования о привлеченных к следствию, начали готовиться уже после 19 января, — очевидно, в течение февраля — начала марта 1826 г.; первые записки такого рода были составлены о тех лицах, кто освобождался в ходе расследования — группе членов Союза благоденствия. Раньше этого времени записки, по-видимому, не составлялись: в делах выпущенных одними из первых среди привлеченных к следствию — Ф.Ф. Гагарина (не ранее 2 февраля) и Н.И. Кутузова (6 февраля), в отличие от членов Союза, освобожденных от наказания в марте, отсутствуют записки о «степени прикосновенности»; как представляется, это означает, что в феврале записки еще не были готовы и не участвовали в документообороте следствия⁶⁰. Позднее подобные записки составлялись о тех, кто был освобожден по итогам расследования.

В результате рассмотрения записок оправданные или подследственные, освобожденные без наказания, «отпускались» из заключения с выдачей особого «оправдательного» документа — «аттестата». Этот документ должен был свидетельствовать о том, что освобожденное лицо, хотя привлекалось к следственному процессу и находилось в заключении, было признано невиновным и непричастным к делу, а все подозрения с него сняты. «Аттестат», таким образом, удостоверял «невинность» освобожденного, но вместе с тем служил и определенным знаком того, что то или иное лицо подозревалось в принадлежности к тайному обществу.

Первое упоминание об «оправдательном» документе содержит «журнал» Комитета от 8 января. В нем отразилась воля императора, объявленная через И.И. Дибича: «...написать военному министру, чтобы снабдить Сомова аттестатом, что он не оказался виновным ни

в чем и потому арестование его не должно быть ему попрекою»⁶¹. Таким образом, первые акты освобождения с выдачей «аттестата» относятся уже к началу следствия; на этом этапе расследования упомянутые записки о «степени прикосновенности», содержащие результаты расследования, не подготавливались.

Первоначально была установлена единая форма «аттестата», включавшая следующий текст: «По высочайшему его императорского величества повелению Комитет для изыскания о злоумышленном обществе сим свидетельствует, что NN, как по допросам обнаружено, членом того общества не был и в злонамеренной цели его участия не принимал»⁶². Эта форма в своем окончательном виде была утверждена 14 января 1826 г., после того как на заседании Следственного комитета было объявлена воля императора: Комитет не именовать «Тайным»⁶³, а в «аттестатах» помещать формулировку «по высочайшему повелению» и прикладывать печать императора. «Аттестат», выданный первому снабженному им освобожденному О.М. Сомову, был у него отобран и заменен на другой в соответствии с новыми требованиями⁶⁴. Из этого следует, что в первом «аттестате» отсутствовала формула «по высочайшему повелению» и он не заверялся печатью.

Сначала предполагалось выдавать «аттестаты» только полностью оправданным («очищенным») в ходе расследования. Однако вскоре возник вопрос о тех освобожденных, которые были причастны к деятельности тайных обществ или даже состояли их членами, но по решению следствия не подлежали ответственности и освобождались от наказания. Он был поднят на заседании Следственного комитета 7 февраля 1826 г. К этому времени состоялись решения императора об освобождении Н.И. Кутузова и Ф.Ф. Гагарина, участников тайных обществ, которые, по собранным на следствии данным, не знали о «злонамеренных» планах покушений на императорскую фамилию и введения республиканского правления.

После обмена мнениями члены Комитета решили «для избежания могущих произойти недоразумений, неприятных и оскорбительных для таковых лиц, если оставлено будет в аттестате сомнение, что они были членами какого-либо общества», выдавать им те же формы, что и освобожденным по непричастности к делу⁶⁵. Об этом было сообщено императору в докладной записке. Как свидетельствует ее оригинал, император обратил особое внимание на это решение. В частности, фраза установленной формы «аттестата»: «...как по допросам обнару-

жено, членом того общества не был и в злонамеренной цели его участия не принимал» — была отчеркнута карандашом, вызвав, по видимому, несогласие Николая I⁶⁶.

По этой причине уже через несколько дней, на заседании Комитета 11 февраля, И.И. Дибич представил новую форму «аттестата», предназначенную для освобождаемых участников тайных обществ и уже согласованную с Николаем I. Она содержала следующий текст: «По высочайшему его императорского величества повелению Комитет для изыскания о злоумышленном обществе сим свидетельствует, что NN, как по исследованию найдено, никакого участия в преступных замыслах сего общества не принимал и злонамеренной цели оно не знал»⁶⁷.

Таким образом, был установлен второй вариант «аттестата», который подтверждал неучастие освобожденного только в «преступных замыслах» тайного общества, но не отрицал сам факт членства в этом обществе. Внесенная корректура была довольно существенной. Тем самым Николай I не признал возможным исключить из текста свидетельства о «невиновности» даже наименее существенную степень причастности к делам тайного общества. Он показал этим, что в отношении данной категории освобожденных сам факт их членства в тайном обществе не подлежит сокрытию и должен быть ясно обозначен в оправдательном документе. Этот факт мог в какой-то степени иметь значение в последующей судьбе освобожденных от наказания бывших участников тайного общества.

Как было отмечено на заседании Комитета, новый «аттестат» с указанием принадлежности к тайному обществу без знания его «злонамеренной цели» было решено выдавать освобождаемым лицам, «кои принадлежали к первому обществу, основанному Александром Муравьевым (речь идет о Союзе спасения. — П.И.), или к Союзу благоденствия, но по исследованию найдены отставшими и непричастными к обществам, составившимся в 1821-м году после разрушения Союза благоденствия...»⁶⁸.

В дальнейшем это решение строго соблюдалось. Вслед за получившими «аттестат» такой формы Ф.Ф. Гагариным и Н.И. Кутузовым им снабдили Н.И. Комарова и членов Союза благоденствия, освобожденных от преследования в марте-апреле 1826 г.: Ф.Г. Кальма, И.М. Юмина, а затем подозревавшихся в участии в более поздних декабристских обществах (эти подозрения, по заключению следователей, не подтвердились) А.В. Семенова и М.Н. Муравьева⁶⁹.

Иная ситуация сложилась с прощенными в первые дни расследования. После освобождения они возвращались к службе без документального свидетельства об оправдании (как, впрочем, и о привлечении к делу).

Обстоятельством, характеризующим принципиальное отличие в процедуре освобождения прощенных в первые дни процесса от освобожденных в ходе следствия, является факт подачи одним из «высочайше прощенных» в декабре 1825 г., Петром И. Колошиным, прошения о выдаче ему оправдательного документа и содержание официального ответа на это прошение. В июне 1826 г. Колошин обратился по начальству с просьбой, адресованной Следственному комитету: выдать «какое-либо явное свидетельство», подтверждающее его «невинность», тем более что его фамилия упоминалась в «Донесении Следственной комиссии» наряду с осужденными по процессу. В ответ на прошение последовал отказ, который аргументировался следующим образом: «Отвечать, что как он в Комитет к следствию требован не был, и нет ему аттестата»⁷⁰. Действительно, с формальной стороны это было так. Колошин не допрашивался на заседаниях Комитета ни в качестве обвиняемого (находясь под арестом), ни как свидетель (что можно соотнести со случаями привлекавшихся к допросам без ареста); он был освобожден до начала его регулярных заседаний. Не будучи, строго говоря, привлеченным к расследованию, он не мог претендовать на статус «очищенного» следствием. Фактически положение Колошина, как и других лиц, освобожденных по воле императора в первые дни следствия, определялось тем, что они были «милованы», прощены и освобождены от самого расследования. В силу такого положения эти лица, в том числе находившиеся под арестом, не наделялись оправдательным документом. Таким образом, с формально-юридической стороны степень их виновности оказалась не проясненной.

Итак, если основание для появления категории прощенных «по высочайшему повелению» заключалось исключительно в праве императора миловать тех, кого он считает нужным, то освобождение от наказания в ходе следствия, с выдачей оправдательного свидетельства по решению Комитета, опиралось, по-видимому, на выявленную степень виновности, которая по установленной следствием (с санкции императора) «градации преступлений» не подлежала наказанию. Освобождение от ареста и преследования в ходе следствия близко к

«высочайшему прощению», т. е. к первому виду аболиции. Поэтому не случайной видится близкая к формулировкам «прощения» фраза о «совершенном забвении» вины Лопухина, Долгорукова, Шипова и Толстого, отразившаяся в итоговых документах следствия (о чем будет сказано ниже). Имеется и еще одно существенное различие между этими группами освобожденных. Если в случае прощенных и освобожденных в начале следствия обобщающие «записки» о «силе вины» не составлялись, а в некоторых делах о привлекавшихся к допросам не арестованными (Витгенштейн, Шипов, Толстой) содержится лишь сводка показаний о них, то в случае получивших при освобождении «аттестаты» — их дела включают «записки», на основании которых выносились решения. Это говорит о разной степени активности следствия по отношению к освобожденным от наказания. Интересно отметить в этой связи, что даже близкие к императору лица не избегали личного разговора с ним, либо подачи записок с объяснением своего участия в тайном обществе. Это свидетельствует о том серьезном значении, которое придавал делу «государственной важности» сам Николай I. Любой факт причастности к деятельности тайного общества и любая степень причастности к нему становились основанием для проведения расследования, более или менее подробного.

Ход и результаты расследования в отношении различных категорий освобожденных от наказания

Рассмотрим особенности ведения следствия в отношении каждой из групп освобожденных от наказания лиц, обнаруживших свою принадлежность к тайному обществу.

1. «Высочайшие прощенные» после первых допросов

В первые дни расследования состоялось «высочайшее прощение» нескольких лиц, об участии которых в тайном обществе на момент помилования или позднее были получены убедительные данные. Наиболее известная и колоритная фигура в группе освобожденных «по высочайшему повелению» в первые дни следствия — **Петр Иванович Колошин**. Петр Колошин — один из давних участников тайного общества. Он состоял членом Союза спасения, Военного общества и Союза благоденствия, занимал видное место среди руководителей

последнего (член Коренного совета). Представитель поколения основателей тайных обществ, Колошин принимал деятельное участие в составлении устава Союза благоденствия «Зеленой книги»; он же перевел на русский язык первоисточник этого документа — опубликованный устав немецкого «Тугендбунда». С 1819 г. Колошин возглавлял одну из московских управ тайного Союза, участвовал в Московском съезде 1821 г., который вынес решения о закрытии Союза благоденствия и учреждении нового тайного общества.

Следствие располагало показаниями о том, что Колошин формально отошел от руководства тайным обществом после Московского съезда 1821 г., но продолжал встречаться с некоторыми его членами вплоть до событий 14 декабря 1825 г., о чем говорили первые показания С.П. Трубецкого. 25 декабря было отдано распоряжение об аресте Колошина⁷¹. В тот же день на единственном допросе у В.В. Левашева в присутствии Николая I сам Колошин обнаружил круг связей (С.П. Трубецкой, И.И. и М.И. Пушины, Е.П. Оболенский, К.Ф. Рылеев), которые свидетельствовали о продолжении его контактов с деятелями конспиративного общества. Вместе с тем, на допросе Колошин представил тайное общество, в котором состоял, как просветительскую организацию; причастность к политическим целям и намерениям отверг. Как позже писал сам Колошин императору «...угодно было простить мне заблуждения прошедшие и поверить настоящему образу мыслей моих»⁷². После разбора бумаг и упомянутого допроса Петр Колошин «по высочайшему повелению» был освобожден⁷³. В дальнейшем в руках следователей появились новые обвиняющие показания: по утверждению Е.П. Оболенского, Колошин знал о продолжении тайного общества после 1821 г., о существовании Северного общества, политических планах тайного общества⁷⁴. Но это не повлекло за собой никаких дополнительных разысканий, не состоялось и привлечение к ответственности уже прощенного императором лица.

Согласно справке «Алфавита» Боровкова, юнкер л.-гв. Конного полка **Александр Аркадьевич Суворов** «при допросе отвечал, что, узнав от Одоевского, что есть люди, желающие блага государству и занимающиеся сим, он согласился взять в том участие, ежели не увидит ничего противного чувствам и совести. Более ничего не знал и ни с кем из членов сношений не имел»⁷⁵. В этом достаточно лаконичном тексте справки содержится множество недоговоренностей. Сведения, собранные следствием и не учтенные в справке, несомненно, явля-

лись с точки зрения обвинения более значительными. При обращении к записи самого допроса, проведенного Левашевым, обнаруживается более полная картина. В ответ на вопрос: «Что вы знали про общество тайное?» Суворов показал: «Прошедшею весною к[нязь] Одоевский с[о] мною заговаривал о чужих краях и о том, что я заметил⁷⁶, после чего он... уверил меня, что есть общество людей, желающих блага Государства, которые им занимаются, и на коих считать можно. Я согласился взять в них участие...». Признавшись тем самым в своем вступлении в тайное общество, Суворов убеждал: «В сношении с другими участниками сего я не был. О 14-м числе я ничего не знал. За три дня Одоевский спрашивал меня, что я буду делать, если велено будет присягать?.. Я сказал, что буду действовать с полком»⁷⁷.

Таким образом, на допросе Суворов признал, что весной 1825 г. согласился участвовать в обществе, члены которого «занимались» государственным «благом» (цель и содержание занятий не раскрываются), но при этом сопровождал свое признание смягчающим обстоятельством: он согласился вступить только на условии, если не найдет в этом сообществе «ничего противного чувствам и совести».

При достаточно нечеткой формулировке цели тайного общества большое значение приобретало утверждение Суворова о его неосведомленности о заговоре 14 декабря, а в особенности обозначенные им «принципы» своего согласия участвовать в обществе, очень близкие традиционным дворянским ценностям верности служебному долгу, официально декларируемым и поощряемым Николаем I. Если бы такие формулировки содержались в первых показаниях других арестованных, то, возможно, число наказанных по итогам процесса могло несколько уменьшиться. В результате Суворов был «по снятию... допроса по высочайшему повелению тогда же освобожден»⁷⁸.

Между тем, сведения, полученные на единственном «предварительном» допросе, состоявшемся 23 декабря, и лишь частично отраженные в справке «Алфавита», не содержат главного. Вовлеченность Суворова в тайное общество, как выяснилось сразу же из показаний других лиц, была существенно большей. Почти одновременно с прощанием следствие получило данные о том, что Суворов входил в число участников Южного общества в Петербурге. Глава Петербургского филиала Южного общества П.Н. Свистунов на своем первом допросе 23 декабря⁷⁹, а также состоявшие в этом филиале А.С. Горожанский (еще ранее, 19 декабря), Ф.Ф. Вадковский (до 23 декабря) и З.Г. Чер-

нышев (конец декабря) назвали Суворова среди своих сочленов. Тогда же, в конце декабря 1825 г. и начале января 1826 г., последовали показания об участии Суворова в тайном обществе от А.А. Бестужева и Е.П. Оболенского. Позднее, 26 апреля 1826 г., поступили показания от А.М. Муравьева, который назвал лицо, принявшее Суворова в петербургский филиал Южного общества — С.И. Кривцова, много лет учившегося за границей вместе с Суворовым. Муравьев свидетельствовал также о том, что лично сообщил Суворову план военного выступления, разработанный Оболенским и другими лидерами заговора⁸⁰. Чрезвычайно характерны в этой связи показания А.И. Одоевского: в них речь идет о том, что принятого Одоевским корнета А.Е. Ринкевича затем, «со своей стороны», принял Суворов: иначе говоря, Суворов активно действовал как участник Петербургской организации Южного общества⁸¹.

Мемуарное свидетельство М.И. Пущина дополняет картину: находясь во время следствия в крепости, он оказался соседом С.И. Кривцова, принявшего Суворова в тайное общество. Пущин убедил Кривцова не называть имени Суворова в своих показаниях: «Суворова я просил его не называть, потому что он еще в декабре был призываем государем, прощен и произведен в корнеты... Впоследствии Суворов мне сказал, что показание Кривцова могло бы его погубить»⁸². Кривцов действительно не назвал Суворова в своих показаниях. Таким образом, на следствии выяснилось, что Суворов непосредственно входил в число петербургских «южан» — как известно, радикально настроенных, ориентированных П.И. Пестелем и М.И. Муравьевым-Апостолом на установление после переворота республиканского правления, знал о планах выступления 14 декабря и принимал в тайное общество новых членов. Налицо был достаточно серьезный с точки зрения «состав преступления», который в других случаях вел подследственного к преданию Верховному уголовному суду и суровому приговору. Но в случае Суворова этого не произошло.

Большой объем обвиняющей информации об участии Суворова в Южном обществе, возможной его осведомленности о «республиканской цели», об участии в заговоре 1825 г. и знании им плана восстания фактически не был учтен следствием, причастность его к декабристскому обществу в итоговых документах расследования ограничилась по существу сообщением о неясных контактах с Одоевским, при том что показания подследственных содержали достаточно конкретные

сведения о деятельности Суворова в тайном обществе. Несмотря на собранный следствием обвинительный материал, распоряжения о новом привлечении Суворова к процессу не последовало. Во всяком случае, не сохранилось никаких следов запроса Комитета о новом аресте Суворова, дальнейшие разыскания о нем не проводились. Прощение, дарованное ему императором после «предварительного» допроса, не было нарушено.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что справка «Алфавита» Боровкова не в полной мере отражает факт признания Суворовым своего участия в тайном обществе, равно как и другую, полученную следствием позднее, информацию. Видимо, после «высочайшего прощения» сбор и анализ поступавших обвинительных данных, касающихся освобожденных от следствия лиц, прекращался или значительным образом ослабевал. Кроме того, сам факт прощения накладывал свою печать на последующую обработку данных: обвинительные показания в данном случае существенно смягчались. В результате этого в тексте итогового справочного документа следствия было значительно ослаблено серьезное обвиняющее значение установленного факта знакомства Суворова с целью тайного общества, его вступления в конспиративный союз.

Рассказ об освобождении А.А. Суворова — внука знаменитого полководца, прощенного императором, с течением времени приобрел характер исторического анекдота. Он, как правило, не содержал упоминаний об участии Суворова в тайном обществе, которое стало известно следствию из целого ряда показаний. В этой традиции, чаще всего, «замешанный в событиях» Суворов предстает как человек, арестованный по ошибке, невинно, только вследствие дружбы с некоторыми из заговорщиков. В качестве основания для привлечения его к допросу выступают «связи» молодого человека, его «высказывания» и лишь иногда глухо, в предположительном смысле упоминается участие в тайных обществах: «...возможно, некоторые [его] действия должны были повлечь за собой суровые последствия». Но в этом случае особенно наглядно проступают намерения императора освободить Суворова: «Вопросы государя... были составлены так, что осужденный неминуемо должен был быть оправдан. Казалось, его допрашивал не судья, но защитник...»⁸³.

Варианты этого рассказа были не раз опубликованы; некоторые из них повествуют о реальном участии в заговоре Суворова, который «при-

нес повинную голову» императору⁸⁴. Чаще всего они воспроизводились как яркое свидетельство справедливости, благородства и великодушия Николая I, который простил и освободил нескольких лиц, «не причастных к заговору». Не совсем логичное построение рассказов (за что же прощать, если виновность заключалась только в дружеских связях с некоторыми заговорщиками?) затенялось яркими красками благородного поступка императора, простившего внука Суворова:

« — Как, и ты здесь?

— Я не виноват, Государь!..

— Даешь слово?

— Даю.

— Ступай домой; внук великого Суворова не может быть изменником отечеству...»⁸⁵.

Как утверждают другие рассказы, в ходе допроса вполне выяснилась невинность Суворова. Освобожденный впоследствии сам любил вспоминать об этом эпизоде своей биографии⁸⁶. Этот случай — яркий пример того, как в анекдотических рассказах прощение императором выявленной вины участника заговора трансформировалось в представление о справедливом решении монарха, освободившего невинного (или мало виновного) человека, «случайно» вовлеченного в следственный процесс.

По оценке современных исследователей, Суворову «было сделано несомненное снисхождение»⁸⁷; один из деятельных участников тайного общества в Петербурге был освобожден от следствия и расследование в его отношении полностью прекращено.

Корнет л.-гв. Конного полка **Федор Васильевич Барыков** был арестован и привлечен к следствию на основании доноса И.В. Шервуда, узнавшего об участии его в тайном обществе от своего главного источника информации — Ф.Ф. Вадковского. На допросе, состоявшемся между 15 и 18 декабря и записанном Левашевым, Барыков показал, что «в октябре 1825 года, во время проезда его через Курск, Вадковский открыл ему существование общества, желавшего представительного правления, сказав, что общество сие в сношении с чужими краями и что Бенжамен Констан занимается приготовлением конституции. Описав пленительными красками картину будущего, Вадковский спросил его: „Не правда ли, что вы разделяете мои мысли?“». Отвечая утвердительно, Барыков присовокупил, что он полагает, что конституция могла бы доставить благоденствие»⁸⁸. После допроса,

снятого Левашевым, как гласит справка «Алфавита», Барыков был «по высочайшему повелению освобожден».

Дальнейшее следствие в его отношении не проводилось, несмотря на полученные вскоре данные, подтверждавшие знание им цели тайного общества — достижения конституции. Об участии Барыкова в тайном обществе показали на первых своих допросах Ф.Ф. Вадковский (до 23 декабря), П.Н. Свистунов (23 декабря) и З.Г. Чернышев (конец декабря). 29 декабря Свистунов показал, что в конце ноября 1825 г. Барыков, прибыв в Петербург, привез ему записку от Вадковского, в которой говорилось о принятии Барыкова в тайное общество⁸⁹. В своих показаниях от 6 января 1826 г. Вадковский отверг свидетельство Барыкова о том, что он говорил о сочинении Б. Константином конституции для России, и просил очной ставки. Она не состоялась, так как Барыков к тому времени был прощен и освобожден от следствия⁹⁰.

На первом заседании Следственного комитета 17 декабря было отдано распоряжение об аресте Барыкова, о чем сообщалось в докладной записке императору. Последовала резолюция Николая I: «Оставить под присмотром». На заседании Комитета 18 декабря, согласно его «журналу», военный генерал-губернатор Петербурга П.В. Голенищев-Кутузов взял на себя распоряжения о надзоре за Барыковым⁹¹. Поступавшие сведения заставили следователей снова обратить внимание на Барыкова как участника тайного общества. Новое решение об его аресте Комитет принял после того, как в его распоряжении к 23 декабря оказались записи первых допросов Вадковского и Свистунова. Сохранилась докладная записка о заседании Комитета 24 декабря 1825 г., включающая фамилию Барыкова в число лиц, которых нужно арестовать. Однако эта фамилия была отмечена Николаем I крестиком на полях. Помета А.И. Татищева гласила: «Высочайше повелено исполнить, кроме означенных крестиком рукою императора... 24 декабря»⁹². Следовательно, Барыков, после того как был прощен императором, фактически исключался из числа подследственных. Император ограничился учреждением временного надзора. Характерно, что прощение Барыкова, несмотря на выявленное участие в тайном обществе, приравнивало его в мнении наблюдателей к «невинным» и «очищало» от подозрений в участии в заговоре, о чем свидетельствует разговор императрицы Александры Федоровны и А.Ф. Орлова⁹³.

Случай **Семена Николаевича Жеребцова** осложнился подозрением в его участии в событиях 14 декабря на стороне восставших. Офицер Гренадерского полка, он знал о заговоре от своих однополчан А.Н. Сутгофа, Н.А. Панова, А.Л. Кожевникова, знал он и об их намерениях поднять полк. Об этом стало известно из первого допроса Сутгофа, записанного вечером 14 декабря Левашевым, а через несколько дней К.Ф. Рылеев показал, что Жеребцова наряду с другими офицерами-гренадерами принял в тайное общество П.Г. Каховский⁹⁴. Это, очевидно, стало основанием для ареста Жеребцова и привлечения к следствию.

При допросе, записанном Левашевым, Жеребцов сообщил о том, «что Сутгоф открыл ему все намерения, но он, не входя в его виды, отвечал ему, что во всех полках присягнули, и что пустое затевает». Речь шла, таким образом, только о «намерениях» отказаться от присяги и участвовать в выступлении; вопрос об участии в тайном обществе был обойден. Следствие не располагало данными об участии Жеребцова в самом мятеже (неизвестно, собирались ли данные о поведении этого офицера 14 декабря, как это делалось в отношении других заговорщиков-гренадер, не выведенных за пределы следствия). В итоге Жеребцов «после предварительного допроса по высочайшему повелению освобожден», дальнейшее расследование было прекращено. Как отмечает справка «Алфавита», «при производстве следствия никто не сделал на него никакого показания»⁹⁵. В действительности дело обстояло не так: другой офицер Гренадерского полка, А.Л. Кожевников, в своих показаниях от 28 января 1826 г. назвал Жеребцова членом тайного общества, сообщив, что он познакомился с ним в качестве заговорщика еще в дни междуцарствия — 28 ноября 1825 г. Тогда же, в январе 1826 г., Оболенский показал о присутствии Жеребцова на собрании заговорщиков-офицеров Гренадерского полка у Каховского 10 декабря 1825 г. Наконец, 14 мая 1826 г. Каховский сообщил следствию о том, что он лично принял в тайное общество Жеребцова и Кожевникова⁹⁶. Однако справка «Алфавита» о Жеребцове предельно лаконична, налицо стремление не акцентировать внимание на обвиняющих его показаниях о вступлении в тайное общество.

На листе допроса Жеребцова Левашевым, состоявшегося в первые дни после 14 декабря (не позднее 21 декабря), имеется помета К.Ф. Толля: «По прочтении сих допросных пунктов государю его величество изволил простить Жеребцова». Здесь же другая помета: «Спросить, принадлежал ли и с какого времени к обществу и кем был принят»,

которая, видимо, не имела никаких последствий⁹⁷. Таким образом, акт «высочайшего» прощения оказал определяющее влияние на то, что Жеребцов более не привлекался к следствию. Кроме того, прощение стало причиной неполного учета обвинительного материала в итоговых документах следствия.

Офицеры гвардейской Конной артиллерии А.Г. Вилламов, А.И. Гагарин, К.Д. Лукин, И.П. Коновницын и А.В. Малиновский приняли непосредственное участие в событиях 14 декабря 1825 г.: ранним утром этого дня они осуществили первую попытку сорвать присягу в гвардейской части. Попытка лишь частично увенчалась успехом: присяга была сорвана, однако присоединить конно-артиллерийскую роту к мятежным частям заговорщикам не удалось. Все офицеры, участвовавшие в сопротивлении присяге в Конной артиллерии, были арестованы при возвращении в свои казармы и содержались в последующие дни в казармах 1-й артиллерийской бригады⁹⁸. Для следствия наиболее важным являлся вопрос о степени их причастности к заговору: участвовали ли они в тайном обществе, располагали ли сведениями о цели готовящегося выступления? Выяснение этого вопроса должно было составить главный предмет расследования. Однако в этот момент в распоряжении следователей еще не было данных о связях конноартиллеристов с руководителями заговора. Тем не менее, спустя два дня, 16 декабря, артиллерийские офицеры были прощены Николаем I⁹⁹. В тексте справок «Алфавита» были отражены слова императора, сказанные, очевидно, при решении их участи: «что не желает знать и имен сих шалунов»¹⁰⁰. Только один офицер-конноартиллерист был допрошен Левашевым, после чего также получил «высочайшее прощение»: более всех виновный в «беспорядках» Иван Коновницын, младший брат преданного суду П.П. Коновницына. По словам Г.И. Вилламова, отца одного из прощенных офицеров, И. Коновницын получил прощение только «ради заслуг покойного отца», героя 1812 г.¹⁰¹

Связи конноартиллеристов с заговорщиками открылись при дальнейшем расследовании. Следствие располагало показаниями о том, что конноартиллеристы соглашались принять участие в заговоре и военном выступлении. Эти обещания были даны И. Коновницыным и А. Малиновским Оболенскому и И. Пущину. Из показаний В.И. Штейнгейля выяснилось также, что днем 14 декабря, после организованных беспорядков, Лукин и Гагарин приезжали к И. Пущину и спрашивали о дальнейших действиях¹⁰².

Акт прощения конноартиллеристов отмечен одной особенностью: на поздней стадии следствия И. Коновницын и А. Малиновский вновь были привлечены к ответственности и получили административное наказание¹⁰³. Это тот редкий случай, когда прощение императора фактически оказалось отменено — правда, последовавшее наказание не отличалось строгостью. В числе первоначально прощенных были и те, кто позднее вновь привлекался к следствию, в итоге получил то или иное наказание или даже был предан суду (Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе, М.А. Назимов, Д.И. Завалишин)¹⁰⁴. Данный факт говорит о том, что прощение, в случае открытия новых серьезно обвиняющих обстоятельств, теряло свою силу.

Прочие офицеры-участники событий 14 декабря — **Артемий Григорьевич Вилламов, Александр Иванович Гагарин и Константин Дмитриевич Лукин** к следствию больше не привлекались. В своих объяснениях причиной своего «проступка» они выставили желание получить у начальства обоснованные доказательства новой присяги¹⁰⁵. Участие конноартиллеристов в беспорядках 14 декабря оказалось «снятым» «высочайшим прощением»; других обвиняющих показаний следствие не получило.

Немаловажным в этой связи представляется то обстоятельство, что прощенные офицеры принадлежали к влиятельным семействам, близким к императору, входившим в его окружение. Так, И. Коновницын был сыном недавно умершего военного министра П.П. Коновницына, А.И. Гагарин — обер-штабмейстера сенатора И.А. Гагарина, близкого к новой императрице Александре Федоровне, А.Г. Вилламов — секретаря императрицы-матери Марии Федоровны Г.И. Вилламова, занявшего вскоре должность управляющего IV Отделением Собственной канцелярии.

Отметим главное: значительная часть лиц, освобожденных от наказания в первые дни расследования, была прощена самим императором, в присутствии которого проходили допросы. Таким образом, роль императора в первые дни следствия была весьма значительной. Следует констатировать отсутствие каких-либо разысканий в отношении подавляющего большинства прощенных «по высочайшему повелению» в самом начале формального расследования.

2. Освобожденные с «оправдательными аттестатами» в ходе следствия и по его итогам

В ходе процесса и при его окончании были освобождены члены тайного общества, арестованные в начале следствия. Освобождение от ответственности осуществлялось с санкции императора и, как уже отмечалось, сопровождалось выдачей специального оправдательного документа — «аттестата».

Первым из числа выявленных участников тайных обществ получил «аттестат» командир Клястицкого гусарского полка полковник **Федор Федорович Гагарин**. Он был арестован на основе списка членов общества, представленного С.П. Трубецким 26 декабря 1825 г. Как было установлено следствием, в 1817 г. Гагарин вступил в Военное общество, существовавшее короткое время перед учреждением Союза благоденствия в Москве. В своих показаниях Гагарин подтвердил свое участие в этом обществе, настаивая на том, что вскоре «отстал» от него. Он сообщил, что на собраниях упомянутого общества говорили о «представительном правлении», однако отрицал знание политической цели тайного общества¹⁰⁶. Оказавшиеся в распоряжении следствия показания других лиц (Е.П. Оболенского, В.А. Перовского, А.З. Муравьева) не добавили к факту участия Гагарина в тайном обществе ничего нового. Таким образом, Гагарин, как не принявший участия в обществе после 1821 г. и не знавший о политической цели, по степени причастности к делу уравнивался с не привлекавшимися к следствию членами Союза благоденствия. 2 февраля Комитет решил «представить» императору об освобождении Гагарина. Последовала резолюция: «Выпустить». 15 февраля ему первому был выдан «аттестат» новой формы для освобожденных членов тайного общества¹⁰⁷.

Одновременно был освобожден участник Союза благоденствия старший адъютант штаба Гвардейского корпуса штабс-капитан **Николай Иванович Кутузов**, публицист, автор статей, опубликованных на страницах журнала «Сын Отечества», и записок по проблемам социального и экономического положения России, обращенных на имя императора¹⁰⁸. Имя Кутузова значилось в обширном перечне членов тайного общества, составленном Оболенским 21 января 1826 г., — правда, среди отошедших от конспиративных связей до 1821 г.¹⁰⁹ На первом допросе у Левашева, состоявшемся 25 января, Кутузов полностью отрицал свое участие в тайном обществе, однако на допросе в

присутствии Следственного комитета признал свое участие в Союзе благоденствия, имевшем целью «распространение просвещения». Одновременно Кутузов настаивал на том, что не знал никаких политических намерений конспираторов. Других сведений следствие, обратившееся с вопросными пунктами о Кутузове к руководящим участникам Северного общества, не обнаружило. Оно пришло к выводу, что Кутузов состоял в Союзе благоденствия с начала его существования, но затем «отстал» от тайного общества. Итогом стало представление Комитета об освобождении Кутузова (2 февраля) и резолюция императора о своем согласии. После этого Кутузова неоднократно называли как участника двух тайных обществ, связанных с Союзом благоденствия: общества Ф.Н. Глинки и измайловских офицеров, имевших целью введение «представительного правления». В обоих случаях в показаниях некоторых из участников этих обществ Кутузов фигурировал в качестве «начальствующего» члена; эти свидетельства стали причиной вызова Кутузова к допросам 7 и 8 мая 1826 г. — с санкции императора и не арестованным. В новых своих показаниях он полностью отрицал свое участие в указанных тайных обществах. Сведения об этой стороне деятельности Кутузова не нашли отражения в справке о нем в «Алфавите» Боровкова¹¹⁰. Таким образом, осведомленность Кутузова о политической цели тайного общества осталась неучтенной на следствии. Он был освобожден от наказания без учета показаний об этой осведомленности.

Кроме Гагарина и Кутузова, в ходе процесса были освобождены с «оправдательным аттестатом» еще несколько выявленных участников тайных обществ до 1821 г., по данным следствия не состоявших в более поздних обществах. «Высочайшая воля» о «скорейшем разрешении» участи 9 членов Союза благоденствия, находившихся под арестом, была оглашена на заседании Комитета еще 23 февраля, итоговые «записки» о них составлены к 9 марта, решение «дела» состоялось 18 марта. Все они получили административные наказания, и только двое, И.М. Юмин и Ф.Г. Кальм, совсем освобождались от ответственности¹¹¹.

Майор 12-го егерского полка **Иван Матвеевич Юмин** был арестован вследствие показаний Н.И. Комарова, раскрывшего круг известных ему участников Союза благоденствия, от 27 декабря 1825 г.¹¹² Знало ли петербургское следствие о роли Юмина — доносчика в «деле» М.Ф. Орлова—В.Ф. Раевского, вынося решение об аресте? Как известно, в ходе предварительного расследования по указанному «делу»,

еще в 1822 г., Юмин представил начальству записку, в которой сообщил о своем вступлении в Союз благоденствия. Тогда же, при допросах, он раскрыл детали приема, содержание «Зеленой книги», требования, предъявляемые к членам общества, указал на принявшего его А.Г. Непенина; Юмин фактически открыл существование Союза. Все эти обстоятельства, как можно уверенно считать, первоначально не были известны петербургскому следствию. В противном случае оно бы действовало так же, как в случае с М.К. Грибовским (который к следствию не привлекался) или с А.И. Майбородой и А.К. Бошняком (игравших роль «свидетелей обвинения»: будучи привезенными в Петербург, они не привлекались к допросам, хотя и дали дополнительные показания по делу). В отношении Юмина поступили иначе: его арестовали, отправив на гауптвахту Главного штаба, где содержались другие подследственные, главным образом арестованные участники Союза благоденствия. Нет сомнения, что его рассматривали как одного из мало замешанных членов тайного общества. Вскоре, при допросах Юмина, его роль в деле Орлова—Раевского вполне обнаружилась: сам подследственный был крайне заинтересован в этом, надеясь на скорейшее освобождение из-под ареста. Однако, что любопытно, данная информация не вызвала немедленного освобождения Юмина. Решение его участи не было отделено от решений по делам группы участников Союза благоденствия, находившихся под следствием и подвергнувшихся несудебному наказанию.

Собранный при расследовании материал о Юмине не выходил за пределы его принадлежности к тайному обществу до 1821 г.; сам Юмин отрицал знание политической цели общества. Сведения о доносе, сделанном им в 1822 г., были включены в «записку» о Юмине; резолюция императора на ней гласила: «Выпустить»¹¹³.

Причины, по которым сначала не было обращено внимание на «донос» Юмина 1822 г., вероятнее всего, заключались в том, что сюжет о расследовании «дела» Раевского для петербургского следствия являлся периферийным. В этом случае значение сообщения Юмина о Союзе благоденствия 1822 г., которое не привело к своевременному открытию тайного общества, для расследования 1826 г. фактически сводилось к нулю. Тем не менее, император принял во внимание эти обстоятельства, что способствовало безоговорочному и полному освобождению Юмина от ответственности.

Генерал-майор **Федор Григорьевич Кальм** принадлежал к числу

участников Тульчинской управы Союза благоденствия, о чем стало известно из доноса А.И. Майбороды и показаний С.П. Трубецкого от 23 декабря 1825 г. Эти сведения и послужили причиной ареста. Многие из привлеченных к следствию лиц утверждали, что Кальм отошел от тайного общества после 1821 г. Вместе с тем, имелись показания (Н.И. Комарова, П.И. Пестеля, С.Г. Волконского, И.Н. Хотяинцева), которые ясно говорили о том, что Кальм знал о существовании Южного общества, не отказывался от участия в нем, имел контакты с его участниками вплоть до конца 1825 г. Волконский даже считал его членом тайного общества после 1821 г., только не действовавшим; Пестель утверждал, что Кальм знал о введении конституционного правления как цели тайного общества. Все эти показания сам Кальм упорно отрицал, а известной ему целью декабристского союза, по его словам, являлось просвещение и благотворение. В «записке» о Кальме были собраны обвиняющие показания Хотяинцева, Пестеля и Волконского¹¹⁴; она вместе с другими «записками» о членах Союза благоденствия, находившихся под арестом, оказалась на рассмотрении императора не ранее 14 марта. Решение о Кальме тогда было отложено, помета Николая I гласила: «Рано выпустить». Очевидно, по его мнению, нужно было окончательно выяснить степень причастности Кальма к тайному обществу после 1821 г.

Однако вскоре ситуация изменилась в благоприятном для подследственного направлении: 18 апреля последовал высочайший приказ по военному ведомству об отставке Кальма, а 29 апреля он был освобожден¹¹⁵. В данном случае отставка «с мундиром и пенсионом полного жалованья» не являлась репрессивным актом, поскольку она состоялась по собственному прошению Кальма, поданному еще до ареста. С другой стороны, хотя это не было заявлено официально, дополнительный месяц, который Кальм провел под арестом, вполне может быть приравнен к административному наказанию (в связи с недоказанной на следствии принадлежностью к Южному обществу). Причиной этому могли послужить данные об особой активности Кальма как члена Союза благоденствия (особенно в деле принятия новых членов), что заставляло подозревать его в знании политической цели Союза, однако отдельного расследования этого вопроса не проводилось.

Некоторые участники тайных обществ находились под подозрением в том, что их роль в конспиративной деятельности была более значительной в сравнении с той, что обнаруживалась в их собствен-

ных показаниях. Решение их участи было отложено императором до завершения следственного процесса. К числу освобожденных по итогам следствия принадлежал чиновник министерства финансов надворный советник **Алексей Васильевич Семенов**.

А.В. Семенов — один из старейших участников тайного общества, состоявший еще в «преддекабристских» дружеских кружках (артель офицеров Генерального штаба братьев Муравьевых), а затем входивший в руководство Союза благоденствия, — он возглавлял одну из петербургских управ Союза. В показаниях от 21 января 1826 г. Оболенский сообщил, что Семенов принадлежал к обществу после 1821 г. Более того, находясь в 1825 г. в Петербурге, Семенов, по словам Оболенского, был извещен им о плане заговора и намерениях заговорщиков на 14 декабря. Следствие располагало и показаниями И.И. Пущина о принадлежности Семенова к тайному обществу после 1821 г. В частности, речь шла об участии Семенова в собраниях Московской управы Северного общества, учрежденной Пущиным. Из этого следовало, в том числе, и осведомленность Семенова в планах политических преобразований. В связи с показаниями Пущина и Оболенского Семенов был арестован и привлечен к следствию. На допросах и в своих письменных показаниях он утверждал, что после 1821 г. отошел от тайного общества, политической цели которого не знал, о заговоре и выступлении 14 декабря уведомлен не был. Семенов категорически и полностью отверг все предъявленные ему обвинения, в том числе на очных ставках с Пущиным и Оболенским¹¹⁶. Он настаивал на своем отходе от тайного общества при роспуске Союза благоденствия, занятиями которого были, по его словам, «просвещение и благотворительность»¹¹⁷.

В итоговой «записке» о Семенове фиксировались обвиняющие показания Пущина и Оболенского, но оба свидетельства оценивались как «неосновательные»: утверждалось, что Семенов подходит под разряд не привлекавшихся к следствию членов Союза благоденствия и потому подлежит освобождению¹¹⁸. Причиной признания следствием уличающих показаний Оболенского и Пущина неосновательными стало решительное отрицание этих показаний самим Семеновым, а также то обстоятельство, что показания Пущина о политическом характере созданного им в Москве отделения тайного общества были отвергнуты большинством его участников. Особенно опасные для Семенова показания Оболенского о знании им намерения и плана

выступления 14 декабря были категорически отвергнуты подследственным, с приведением собственной версии имевшего место разговора^{118а}.

«Записка» о Семенове была подана императору по решению Комитета 15 апреля 1826 г., но по высочайшему повелению он был оставлен «на время» под арестом. 31 мая 1826 г., когда работа следствия близилась к концу, Комитет возобновил свое ходатайство об освобождении Семенова. 2 июня последовала резолюция Николая I: «Выпустить», 9 июня он получил «аттестат»¹¹⁹.

Другой человек, судьба которого решилась в конце расследования, — отставной подполковник **Михаил Николаевич Муравьев**, впоследствии получивший известность как жестокий усмиритель польского национального движения в Литовском крае и западных губерниях в 1863 г. (граф Виленский; «Муравьев-вешатель»). В 1817 г. М.Н. Муравьев, благодаря своему старшему брату, основателю тайного общества Александру Николаевичу, сразу вошел в число руководителей тайного общества. При создании Союза благоденствия в конце 1817 г. он играл очень заметную роль, являясь одним из авторов его устава — «Зеленой книги», о чем согласно свидетельствовали многие участники тайного общества. Сам Муравьев занял на следствии четкую и бескомпромиссную позицию, от которой не отступил до конца расследования. Описывая собственное участие в тайном обществе, Муравьев настаивал на своем кратковременном «заблуждении», утверждал, что занятия общества ограничивались распространением «добрых нравов» и просвещения, что после 1821 г. никакими сведениями о тайном обществе он не располагал и в его действиях не участвовал. Он настойчиво пытался отвести от себя всякое подозрение в радикальных и вообще каких-либо политических устремлениях.

При этом принятая им тактика защиты отличалась особой наступательностью и активностью. Так, в своем письме на имя А.Х. Бенкендорфа он прямо заявлял, что рассчитывает на высочайшее прощение¹²⁰. А.Н. Муравьев также всеми силами стремился убедить следствие в желании своего младшего брата выйти из тайного общества, в его постоянном стремлении удалить из общества радикально настроенных лиц, стремился доказать, что брат не участвовал в обсуждении планов политических перемен. С помощью своих ответов Михаил Муравьев оказал вполне определенное воздействие на членов Комитета; этому способствовали и показания его родственников, состояв-

ших в тайном обществе. В «журнале» Комитета отразилось резюмирующее заключение после прочтения его показаний: «Был в Союзе благоденствия, но отстал еще прежде разрушения и по показаниям почти всех главных членов всегда был защитник мер кротких и умеренных, противился всем предложениям ко введению другого порядка в Союзе, могущего дать повод к замыслам и... требовал разрушения общества»¹²¹. Конечно, такого рода выводы способствовали снижению «важности» роли подследственного в конспиративных связях, ослабляя в конечном счете его вину и в глазах императора. Однако Якушкин, в противоположность тому, свидетельствовал о более активном участии М. Муравьева в тайном союзе. Он утверждал, что Муравьев знал о продолжении общества после 1821 г. и, следовательно, о его политических намерениях^{121а}.

Михаил Муравьев находился в числе 9 участников Союза благоденствия, участь которых предполагалось решить до завершения следствия. Однако 18 марта на «записке» о Муравьеве Николай I написал: «Подождать»¹²². Участие Михаила Муравьева в собраниях в Москве в 1817 г. и на Московском съезде 1821 г., подозрения в принадлежности к декабристскому союзу после 1821 г., а также факт участия в руководящем Коренном совете в 1818–1821 гг. — все это способствовало отсрочке решения. Вновь вопрос о Муравьеве возник уже при завершении работ следствия 31 мая; 2 июня последовала высочайшая резолюция: «Выпустить»¹²³.

Если учесть то обстоятельство, что целый ряд участников Союза благоденствия, оказавшихся под арестом, подверглись несудебному наказанию только за факт данной ими в 1822 г. «ложной подписки» о непринадлежности к тайному обществу, т. е. за само участие в Союзе благоденствия, формально А.В. Семенову и М.Н. Муравьеву грозило такое же административное наказание: небольшой срок крепостного заключения, освобождение под надзор начальства или полиции, статус «прикосновенного» к делу. Можно было ожидать и более строгого наказания, — принимая во внимание тот факт, что решение их участи первоначально было отложено императором. Однако они были освобождены из-под ареста без каких-либо последствий. Несомненно, на избавление обоих от наказания повлияла жесткое отрицание ими прозвучавших обвинительных показаний.

Среди освобожденных от ответственности по результатам следствия оказались и участники выступления 14 декабря 1825 г., в том

числе офицеры, принявшие самое непосредственное участие в мятеже. 15 июня 1826 г., вместе с резолюциями об административных наказаниях основной массы подследственных, император вынес решения о полном освобождении от наказания офицеров Гвардейского флотского экипажа, участников выступления 14 декабря: «Гвардейского экипажа лейтенантов Лермантова, Миллера и Цебрикова освободить немедленно и отправить в Гвардейский экипаж»¹²⁴.

Дмитрий Николаевич Лермантов был арестован вместе с другими офицерами экипажа, находившимися на Сенатской площади. Он вместе с основной массой офицеров-моряков находился в рядах восставших. Следствие не установило данных об участии его в тайном обществе или заговоре декабря 1825 г. Факт участия в мятеже смягчался тем, что Лермантов вскоре покинул восставшие части, не возбуждал солдат к мятежу и не возражал начальству¹²⁵. **Петр Федорович Миллер**, согласно итоговой записке и справке «Алфавита», имел такой же «состав преступления»¹²⁶. **Александр Романович Цебриков**, младший брат преданного Верховному уголовному суду Н.Р. Цебрикова, находился в рядах экипажа на Сенатской площади, но покинул их до разгрома мятежа¹²⁷.

На первый взгляд, очень важным представляется следующее обстоятельство: все перечисленные офицеры убедили следствие в том, что вышли на Сенатскую площадь, в надежде вернуть к порядку нижних чинов и находиться вместе со своей командой. Однако такое же обоснование причин присутствия в рядах восставших не было принято во внимание в других случаях — офицеры того же Гвардейского экипажа были наказаны административными наказаниями, а некоторые преданы Верховному уголовному суду. Факт полного освобождения участников мятежа от наказания по итогам процесса труднообъясним. Можно предположить, что на это решение императора оказали влияние следующие обстоятельства. Во-первых, все они не являлись ротными командирами экипажа; на последних лежала дополнительная ответственность: ведь они должны были не допустить вовлечения в мятеж подчиненных нижних чинов, поэтому вина их, как участников выступления, в глазах следствия, а особенно Николая I, в значительной степени увеличивалась (не случайно едва ли не все ротные командиры экипажа, ставшие участниками выступления, были преданы суду). Во-вторых, следствие не обнаружило каких-либо конкретных данных о причастности Лермантова, Миллера и Цебрикова к

тайному обществу и заговору, в его распоряжении не было сведений о знании ими политических планов. В-третьих, не были выявлены следы их активного участия в событиях 14 декабря: по данным следствия, они не участвовали в возбуждении нижних чинов, не были заметны на самой Сенатской площади. В первые недели следствия, ранее перечисленных офицеров-моряков, по этим же причинам был освобожден от наказания их однополчанин, лейтенант **Николай Алексеевич Колончаков**¹²⁸. Он был, по формулировке следствия, «оставлен без внимания», что означало заочное рассмотрение дела и освобождение от ответственности, однако известно, что все офицеры Гвардейского экипажа по возвращении в казармы вечером 14 декабря были задержаны и первоначально находились под арестом¹²⁹. Очевидно, на некоторое время был арестован и Колончаков, вскоре освобожденный от следствия.

3. Члены тайных обществ и участники выступлений 1825–1826 гг., привлекавшиеся к следствию неарестованными

Среди участников тайных обществ, привлекавшихся к следствию, имеется группа лиц, вызывавшихся к допросу Следственного комитета по особому распоряжению императора без ареста или допрошенных без вызова в Комитет.

Такой способ привлечения к следствию был избран в отношении генерал-майора **Павла Петровича Лопухина**. Единственный сын первого сановника империи, председателя Государственного Совета и Комитета министров светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина, конечно, являлся фигурой, представлявшей некоторую сложность для официального расследования. Вскрывшаяся принадлежность к тайному обществу потребовала, однако, привлечения Лопухина к процессу, но его положение в обществе и родственные связи создавали, несомненно, значительные затруднения при полноценном расследовании «состава преступления» и оказывали самое непосредственное воздействие на ход следствия.

В распоряжении Комитета достаточно быстро (через несколько дней после начала работы) оказались показания, свидетельствующие о том, что Лопухин стал членом общества еще в период Союза спасения. Эти показания не позднее 19 декабря дал Трубецкой, а 23 декабря Николай I писал Константину Павловичу: «Я жду Михаила Орлова и

Лопухина, которые уже должны быть арестованы», — как видим, на этом этапе император считал нужным арестовать Лопухина¹³⁰. Из показаний Трубецкого и Никиты Муравьева обнаружилась принадлежность Лопухина к руководящему органу Союза благоденствия — Коренному совету. Смягчающим обстоятельством служил лишь тот факт, что Лопухин не участвовал в наиболее «криминальных» эпизодах деятельности Союза благоденствия: в собраниях в Москве в 1817 г., совещаниях в Петербурге на квартире Ф.Н. Глинки в 1820 г. Однако тогда же стало известно о вступлении Лопухина в тайное общество после 1821 г. и его близких связях с Никитой Муравьевым в 1821—1822 гг. Вадковский и Свистунов в своих первых показаниях, данных не позднее 23 декабря, утверждали, что Лопухин принадлежал и к существовавшему после 1821 г. тайному обществу¹³¹.

Имея в виду полученные к моменту первого допроса данные, Комитет запросил императора о том, нужно ли привлекать к следствию Лопухина — очевидно, на правах «обычного» подследственного. Николай I разрешил допросить его, но только неарестованным; при этом ничего не говорилось о том, как поступить с Лопухиным, если он признается в имевшихся против него обвинениях. Правда, такой вариант развития событий, видимо, едва ли был возможен.

Привлечение к расследованию сопровождалось личной встречей с Николаем I. При свидании с императором 28 декабря Лопухин отрицал свое участие в тайном обществе, однако на допросе и в письменных показаниях он сообщил о своем вступлении в конспиративное общество в 1817 г. и в возобновленный тайный союз в 1821 г. В отличие от многих членов Союза благоденствия, Лопухин не отрицал осведомленность о политических намерениях тайного общества, но вместе с тем настаивал на своем полном бездействии в качестве его участника¹³². В итоге ускоренного рассмотрения дела, пережив несколько тяжелых часов и сделав дополнительное письменное показание, Лопухин по высочайшему повелению был освобожден от наказания. Его освободили от дальнейшего расследования и признали, очевидно, не подлежащим наказанию. «Высочайшее повеление» об освобождении Лопухина после первого допроса фактически приравнивает его к прощенным в первые дни следствия участникам тайных обществ.

Дальнейшие показания о Лопухине следствием не учитывались. Характерно, что он, по-видимому, даже не был допрошен в связи с

расследованием известного эпизода из истории тайных обществ — Московского заговора 1817 г.: как стало известно, письмо Трубецкого о предполагаемом намерении Александра I передать Польше ряд российских губерний было написано на основе информации, полученной от Лопухина (12 января 1826 г. император вынес решение о снятии показаний с Лопухина по этому вопросу, однако сведений о выполнении этого решения не обнаружено)¹³³.

В этой же форме (допрос без ареста) состоялось привлечение к следствию участника Союза благоденствия и Южного общества **Льва (Людвига) Петровича Витгенштейна**, флигель-адъютанта, сына главнокомандующего 2-й армией генерал-фельдмаршала графа П.Х. Витгенштейна. В данном случае следствие также оказалось в весьма деликатной ситуации. П.Х. Витгенштейн, который фактически руководил расследованием деятельности тайного общества в подчиненных ему войсках и вел официальную переписку с императором по вопросу об арестах офицеров 2-й армии, как выяснилось, имел сына, участвовавшего в тайном обществе.

Уже спустя две недели после начала следствия появились данные о принадлежности Л.П. Витгенштейна к обществу (показания Свистунова и Комарова). Докладную записку с сообщением об этом император получил 30 декабря, на следующий день последовала его резолюция о привлечении Витгенштейна к следствию: «Не арестовывая». Николай I не дал разрешения на арест; было решено в Следственный комитет «флигель-адъютанта Витгенштейна вызвать неарестованного»¹³⁴.

В начале января 1826 г. Л. Витгенштейн спешно приехал в Петербург, на допросе у Левашева он сполна воспользовался представившейся возможностью изложить дело в максимально щадящих тонах. Он не отрицал, что вступил в тайное общество, однако постарался придать своему участию в нем совершенно невинный характер — с точки зрения известных ему основных обвинений, которые выдвигало следствие. Витгенштейн показал: «...в 1820 году по приглашению князя Барятинского вступил в тайное общество, имевшее целью единственно благотворение. Ничего противозаконного и политического он не заметил в сем обществе и с членами оногo имел весьма малое сношение. В 1821 году, по возвращении своем из Лайбаха, узнал о уничтожении общества и с тех пор совершенно был уверен, что оно уже не существует». В ходе следствия, согласно справке «Алфавита», «отзывы главных членов подтвердили то, что Витгенштейн не принад-

лежал к тайному обществу, возникшему с 1821 года, и о существовании оно не знал»¹³⁵.

Однако этот вывод противоречит некоторым сведениям, полученным следствием. На допросе Витгенштейн ни словом не упомянул о тайных обществах после 1821 г. Напротив, в следующие после прощения месяцы были получены показания о том, что Витгенштейн не только был извещен о существовании политической конспирации после 1821 г., но и принимал участие в собраниях членов в 1824 г. и, безусловно, знал о политических намерениях заговорщиков. На это прямо указывали М. Муравьев-Апостол, П.Н. Свистунов, А.С. Горюнов, И.Ю. Поливанов, В.Л. Давыдов, Н.Я. и С.Н. Булгари¹³⁶. Все эти показания не были приняты во внимание следователями. При составлении «записки» о Витгенштейне Боровков не использовал полученные следствием данные — сознательно или нет, но в итоге не были учтены все обнаруженные обстоятельства. Их выяснение проведено не было, очевидно, вследствие распоряжения императора: уже 12 января Следственный комитет получил повеление Николая I считать Витгенштейна «неприкосновенным к настоящему делу», причем специально отмечалось, что флигель-адъютант оказался при допросе «невинным»¹³⁷. Таким образом, Витгенштейн после короткого, скоротечного расследования был искусственно зачислен в разряд отставших от тайного общества до 1821 г., не подлежащих наказанию. Это прямое свидетельство, говорящее о существенном воздействии императора на ход расследования.

Анализируя данный случай, следует иметь в виду, что сын известного военачальника и крупного чиновника, конечно, мог быть вовлечен в следствие намного более серьезно, если бы к моменту первого допроса обнаружилась более значительная степень его виновности. Расследование степени «прикосновенности» было остановлено повелением императора. Поэтому исследователи лишены возможности в полной мере оценить истинную роль сына главнокомандующего 2-й армией в декабристском обществе.

В число привлекавшихся к допросам без «арестования» вошли члены Союза благоденствия И.П. Шипов, И.А. Долгоруков, Ф.П. Толстой. Показания против них касались очень опасного эпизода — Петербургских собраний руководства Союза в начале 1820 г., где обсуждалась форма правления, к которой следовало стремиться тайному обществу в его планах политических преобразований. Вскоре из

поступивших показаний Комитет выяснил, что на этих собраниях «находились некоторые лица, которые вовсе Комитетом еще не допрошены и не очищены надлежащим изысканием». Среди них были те, кто уже получил «высочайшее прощение» и был освобожден от дальнейшего следствия: Ф.Н. Глинка, И.П. Шипов и И.А. Долгоруков. Ф.П. Толстого же ранее не имели в виду вовсе. Комитет, однако, счел возможным обратиться к императору с просьбой об их привлечении в той или иной форме к расследованию¹³⁸. В связи со вновь возникшими обстоятельствами император повелел привлечь этих лиц к следствию, не прибегая к аресту.

Иван Павлович Шипов, в 1825 г. — полковник Преображенского полка, вступил в Союз спасения в 1817 г., затем состоял в руководящем Коренном совете Союза благоденствия. Из показаний подследственных стало известно, что после 1821 г. Шипов вместе с Н.М. Муравьевым и М.С. Луниным участвовал в попытках создания нового тайного общества, но в 1822 г. отошел от конспиративной активности. Однако из показаний явствовало, что и после этого он знал о декабристском союзе и поддерживал связи с его членами¹³⁹. После получения первых обвиняющих данных (сведения из доноса А.И. Майборды и показания Трубецкого) император в начале января 1826 г. «простил» Шипова и освободил его от дальнейшего расследования¹⁴⁰.

Повторное привлечение Шипова к следствию имело своей причиной показания об участии в Петербургских совещаниях 1820 г. на квартире Ф.Н. Глинки, сделанные 13 января П.И. Пестелем и затем подтвержденные С. Муравьевым-Апостолом и Н.М. Муравьевым. Последние двое свидетельствовали также об имевшем место отдельном собрании на квартире самого Шипова, где, согласно показаниям указанных лиц, обсуждался возможный акт цареубийства при введении республиканского правления. Подобные обстоятельства, по оценке следствия, «столь серьезно... обвиняющие» всех участников совещаний, вызвали особую докладную записку Комитета императору от 9 февраля, с изложением содержания показаний и запросом на привлечение к следствию Шипова и других лиц, которые «вовсе еще Комитетом не допрошены и не очищены надлежащим изысканием». В записке следствие решительно ставило перед императором вопрос о привлечении этих лиц к процессу: «если действия и участие в тайном обществе помянутых князя Долгорукого, Шипова и Глинки... останутся без исследования, то высочайше порученное Комитету толико

важное дело не будет совершенно полное, а от того может произойти впоследствии затруднение в производстве суда»¹⁴¹. Сам факт появления этой записки весьма примечателен: Комитет выносил решение этого вопроса на усмотрение императора. Следствие заявляло перед ним необходимость привлечения данных лиц к расследованию, указывая на важный характер обвинения. В связи с тем, что к этому времени уже состоялись акты «высочайшего» прощения Глинки и Шипова, вопрос приобретал принципиальный характер: Николаю I необходимо было решить — отменить данное им прощение, нарушив тем самым слово самодержца, или нет. Император решил формально не отменять акта прощения. Глинку и Толстого Николай I разрешил привлечь к допросам не арестованными, а для Шипова и Долгорукова составить вопросные пункты и потребовать написать письменные ответы-показания¹⁴². Таким образом, последние привлекались к допросам заочно, — им доставлялись вопросные пункты через великого князя Михаила Павловича. Толстой, как и Глинка, был вызван «в присутствии» Следственного комитета без ареста, а затем, после устного допроса и дачи письменных показаний, благополучно возвратился домой¹⁴³.

В своем письме-показании от 9 февраля и в повторно данных показаниях 24 февраля И.П. Шипов признал свое членство в тайном обществе, но отрицал его политический характер, настаивая, что цель тайного союза ограничивалась «благотворением». По существу затронутых в вопросных пунктах обстоятельств Шипов занял твердую позицию отрицания как самого факта собрания на своей квартире, так и своего присутствия на каких-либо совещаниях, где обсуждались политические планы и намерения тайного общества. Очные ставки с обвинителями в данном случае не были проведены, и на этом следствие по этому делу было фактически оборвано. Между тем, Комитет получил показания о контактах Шипова с членами тайного общества в 1823 г., но это уже не имело для обвиняемого никаких последствий: буквально через несколько дней после снятия повторных показаний, около 27 февраля, сформированный из солдат-участников событий 14 декабря 1825 г. Сводный гвардейский полк, командовать которым был назначен Шипов, отправился на Кавказ¹⁴⁴. Это назначение можно рассматривать не только как знак опалы, но фактически и как определенное административное наказание¹⁴⁵. В то же время официальный итог расследования по делу Шипова полностью совпадал с

вердиктом в отношении членов Союза благоденствия, не понесших наказания: все обвиняющие его данные было «высочайше повелено оставить без внимания»¹⁴⁶.

В отношении полковника **Ильи Андреевича Долгорукова**, многолетнего адъютанта великого князя Михаила Павловича, на протяжении первых двух месяцев следствия было получено большое количество показаний о его принадлежности к руководству Союза спасения и Союза благоденствия. Долгоруков являлся «блюстителем» Коренного совета, участвовал в создании уставов тайных обществ. Однако он не привлекался к следствию, поскольку был освобожден от «изыскания» по воле императора. Только после упомянутых показаний Пестеля, подтвержденных еще двумя подследственными — Н.М. Муравьевым и С. Муравьевым-Апостолом (последний сообщал о присутствии Долгорукова также на квартире Шипова), у Долгорукова было затребовано объяснение; ему были направлены вопросные пункты. В своем письме от 3 февраля и данных затем двух дополнительных показаниях он отрицал политический характер тайного общества, в котором участвовал. Он настаивал, что на совещаниях 1820 г. ничего не говорилось о конкретных формах правления, а тем более о судьбе императора¹⁴⁷. После этого расследование в отношении Долгорукова, с согласия императора, было полностью прекращено. Как и в случае с Шиповым, поступило распоряжение: все полученные данные в дальнейшем не учитывать и «оставить без внимания».

Известный художник, скульптор и медальер **Федор Петрович Толстой**, как установило следствие, стал участником Союза благоденствия при самом его основании (вероятно, он входил в состав одной из предшествующих ему организаций) и вскоре занял должность «председателя» Коренного совета. Именно в этом качестве он председательствовал на Петербургском собрании Союза благоденствия в 1820 г. По решению императора, в связи с показаниями Пестеля и других подследственных о совещаниях 1820 г. Толстой был вызван в Следственный комитет неарестованным. В своих показаниях, данных 15 февраля (как и при устном допросе), Толстой отрицал политический характер Союза благоденствия и утверждал, что ему была известна только благотворительная цель общества. Он полностью отверг показания, данные Пестелем, С. Муравьевым-Апостолом и Н.М. Муравьевым относительно собраний 1820 г.¹⁴⁸ После этого последовало высочайшее повеление «оставить без внимания» обвиняющие Толстого показания.

К группе лиц, привлекавшихся к следствию неарестованными, примыкает подполковник **Николай Иванович Комаров**. Привезенный в Петербург, он не был заключен «под стражу» и находился в столице, очевидно, на одной из казенных квартир (вероятнее всего, в Главном штабе), связанный запретом «не отлучаться впредь до повеления»¹⁴⁹. Комаров известен как автор подробных показаний о Союзе благоденствия и его персональном составе, а также о заседаниях Московского съезда 1821 г. Эти показания использовались на следствии в качестве уличающего материала. Однако, хотя названные им в качестве участников тайного общества лица и были арестованы, едва ли не все они оказались оправданными, поэтому роль его показаний в обнаружении членов тайного общества сравнительно невелика.

В собственных показаниях Комаров приложил все усилия, чтобы убедить следствие в их полной «откровенности». Ему удалось доказать свое постоянное намерение «прекратить» общество, которое стало заниматься проектами изменений государственного строя, и полное незнание всех «злонамеренных» планов заговорщиков. Однако, обнаруживая в показаниях свое неприятие и сопротивление «политическим планам» тайного общества, Комаров тем самым признавал и определенную степень осведомленности о них. Эта осведомленность могла стать основанием для привлечения его к ответственности.

В переписке Николая I и великого князя Константина Павловича содержатся важные данные о восприятии содержания показаний Комарова и его линии поведения на следствии высшей властью. Пересылая брату копию показаний Комарова, император полагал, что последний «несомненно очень правдив и, кажется, человек прямой и действительно почтенный», а его показания дают «ясное понятие» о «ходе заговора во 2-й армии». Интересно, что Константин Павлович выразил, через некоторое время, другое мнение: с его точки зрения, показание Комарова «слишком запоздалое, рассудительное, натянуто, чтобы счесть за добровольное чистосердечное признание», его цель — «отклонить от себя подозрение» и, более того, ввести в заблуждение расследование, показав, что тайное общество было распушено¹⁵⁰. Это еще раз свидетельствует о том, что декларируемая «откровенность» показаний не гарантировала их истины. Константин заметил в показаниях Комарова «рассудочность», которая проявилась в стремлении освободить себя от наказания, от любого подозрения в участии в политической цели декабристской конспирации. Говоря о

собственной готовности «прекратить» существование декабристского общества, Комаров, однако, не сообщил власти о его деятельности (как это сделали, например, Грибовский и Юмин). Что касается «натянутости», то в ее основе лежало указанное нами выше противоречие, связанное с противодействием Комарова политическим намерениям заговорщиков. Подобная «рассудочность», конечно, вызывала подозрения, поскольку была несовместима с откровенным, правдивым показанием, но следствие и Николай I, видимо, поверили Комарову.

По-видимому, в силу проведенной им линии «откровенных признаний» и установившегося с первых дней привлечения к процессу фактического сотрудничества со следствием, после 11 февраля Комаров был отпущен без наказания, получив 15 февраля 1826 г. «аттестат». Он был приравнен к основной массе не пострадавших участников Союза благоденствия.

Показания о самом Комарове не выходили за пределы участия в тайном обществе до 1821 г. Некоторые из них свидетельствовали, однако, о знании им существования тайного общества после 1821 г., но они, как отмечает А.В. Семенова, игнорировались следствием¹⁵¹.

Не избежал привлечения к расследованию, в «легкой» форме личного объяснения с императором, еще один участник Союза благоденствия **Илья Гаврилович Бибиков**, служивший многие годы вместе с И.А. Долгоруковым под началом великого князя Михаила Павловича. Согласно «Алфавиту», он имел личное объяснение с Николаем I по поводу своего участия в тайных обществах («был членом Союза благоденствия, о чем сам лично объявил государю императору»)¹⁵². Имя Бибикова впервые прозвучало в показаниях Трубецкого, данных не позднее 19 декабря, а 23 декабря было помещено им в развернутый список известных ему членов¹⁵³. В связи с этими показаниями, очевидно, и состоялась встреча Бибикова с Николаем I. Данные о конкретном содержании и итогах объяснения в фонде следствия обнаружить не удалось. Несомненно, что результат оказался вполне положительным для бывшего участника Союза благоденствия, поскольку Бибиков был освобожден от формального привлечения к следствию и впоследствии внесен в список лиц, отошедших от тайного общества¹⁵⁴.

Из числа участников тайных обществ после 1821 г. и заговора 1825 г. от наказания были освобождены два человека, привлекавшие

еся к следствию неарестованными. Но если в отношении допроса полковника А.Н. Тулубьева имеются конкретные указания в материалах процесса, то свидетельство о привлечении к допросам полковника А.Ф. Моллера содержится лишь в мемуарном источнике: записках Николая I.

Непосредственной причиной вызова в Следственный комитет **Александра Никитича Тулубьева**, командира 1-го батальона Финляндского полка, стали показания его подчиненного, поручика А.Е. Розена, участника заговора и мятежа 14 декабря. Розен показал, что 13 декабря сообщил Тулубьеву о планах заговорщиков на следующий день, а 14 декабря лично предложил полковнику вести полк для соединения с восставшими частями. Розен утверждал, что Тулубьев согласился, отдав приказание строить батальон. 11 января 1826 г. Комитет обратился к императору с сообщением об этом показании Розена, в ответ последовало повеление привлечь Тулубьева к допросу без ареста¹⁵⁵.

Допрошенный Левашевым, Тулубьев отверг показание Розена. На допросе Тулубьев приложил все усилия, чтобы представить отданный им приказ выводить батальон в необходимых для оправдания тонах. Он утверждал, что сделал это, чтобы иметь солдат перед глазами и чтобы они ничего не предприняли. Об этом же свидетельствовала записка, составленная в результате специального исследования этого эпизода в полку, за подписью бригадного командира Е.А. Головина; источником сведений послужили свидетельства офицеров батальона Тулубьева и других чинов полка¹⁵⁶. В итоге следствие сделало благоприятное для Тулубьева заключение; после допроса он был «по высочайшему повелению» освобожден и не привлекался к дальнейшему расследованию.

Но, кроме показаний Розена, в распоряжении следствия оказались показания Трубецкого об участии Тулубьева в тайном обществе, а также показания других лидеров заговора о знании полковником намерений заговорщиков и его согласии участвовать в выступлении, данном еще накануне 14 декабря¹⁵⁷. По этим показаниям Тулубьев, однако, спрошен не был.

Командир 2-го батальона Финляндского полка **Александр Федорович Моллер** в день 14 декабря возглавлял караулы Зимнего дворца и оказал немалые услуги новому императору, обеспечивая охрану дворца и находившейся в нем семьи Николая I. За свои действия в этот

день Моллер был пожалован в Свиту; он пользовался очевидным благоволением императора. Однако уже в первые недели следствия появились показания о давнем участии Моллера в тайном обществе, о знании им цели и конкретных планов заговорщиков накануне 14 декабря. Трубецкой свидетельствовал о том, что знал Моллера как члена тайного общества еще до начала совещаний участников заговора в период междуцарствия. 21 января 1826 г. Оболенский показал, что Моллер был «предварен» о намерениях тайного общества на 14 декабря, но отказался содействовать. Это же утверждал А.А. Бестужев, со слов брата, Н.А. Бестужева, который посетил Моллера 13 декабря 1825 г.¹⁵⁸

Составленная позднее «записка» о Моллере резюмировала показания Трубецкого, Оболенского, А. Бестужева; она была представлена на усмотрение императора только в конце расследования, 22 мая 1826 г. В ответ последовала «высочайшая» резолюция: «Оставить», т. е. оставить без внимания¹⁵⁹. Но судьба Моллера, судя по всему, была решена императором раньше. В документах следствия фиксируется факт «высочайшего словесного повеления» о Моллере, в результате которого полковник не был допрошен Следственным комитетом¹⁶⁰.

В «журнале» Следственного комитета не отразилась информация о привлечении Моллера к расследованию, более того — в «записке» о нем утверждается, что Моллер не привлекался к допросам в Комитете. Эта информация сохранилась в воспоминаниях Николая I, где говорится: «Между прочими показаниями было и на тогдашнего полковника лейб-гвардии Финляндского полка фон-Моллера... Сперва улики против него казались важными — в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил»¹⁶¹.

Вероятнее всего, «личный допрос» Моллера императором состоялся еще в конце декабря 1825 г. — начале января 1826 г., после первых показаний Трубецкого, Оболенского, Бестужева. В своих мемуарах Николай I упомянул об «уликах»: как мы видели, это были свидетельства о давнем членстве Моллера в тайном обществе, а также об его осведомленности о заговоре и планах выступления 14 декабря. Но слова императора об отсутствии доказательств противоречат реальной ситуации, — ведь упомянутые авторитетные показания не были никем опровергнуты. Предположение о том, что оправдания Моллера на имевшем место допросе перечеркнули сделанные против него показания, представляется более вероятным. Каких доказательств

знания Моллера о готовящемся мятеже не хватило императору — не ясно: сведений об этом, в том числе в показаниях, поступивших от руководителей тайного общества и заговора 14 декабря, было предостаточно. В данном случае, как можно уверенно предположить, сыграло свою роль личное отношение Николая I к одному из наделенных его доверием офицеров. Этот случай в сущности должен быть отнесен к числу состоявшихся в первые дни расследования актов помилования.

К разряду привлекавшихся к допросам неарестованными следует присоединить участника собраний заговорщиков накануне 14 декабря, не состоявшего в тайных обществах, **Константина Осиповича Куликовского**. Из предсмертных писем-показаний А.М. Булатова стало известно, что Куликовский принимал участие в собраниях участников заговора и был осведомлен о плане переворота. Эти данные заставили Комиссию обратиться с вопросом о Куликовском к Н.А. Панову, который отрицал показание Булатова; руководители тайного общества отозвались незнанием о Куликовском. Последний был привлечен к допросу без ареста. На допросе он показал, что слышал от Панова о планах офицеров гвардии не присягать и собраться с полками на Сенатской площади, где ими будут объявлены «требования». Панов приглашал его участвовать, и Куликовский дал ему свое обещание, однако в событиях 14 декабря не участвовал¹⁶². Несмотря на выявленные при допросе Куликовского его осведомленность в планах 14 декабря и согласие участвовать в выступлении, он был оставлен «без внимания» и освобожден без последствий¹⁶³. Этот случай также следует рассматривать как один из актов прощения, состоявшийся после привлечения обвиняемого к допросам, без его формального ареста.

* * *

Помимо лиц, непосредственно вызывавшихся к допросам, к числу привлеченных к следствию без ареста следует отнести бывших участников тайных обществ, у которых было затребовано письменное объяснение. Такая форма привлечения к расследованию применялась в основном в отношении близких к императору лиц, входивших в его непосредственное окружение. Почти несомненно, что представление письменных «объяснений» в каждом случае сопровождалось и устным разговором с императором, имевшем своей целью выяснение харак-

тера отношений к тайному обществу «замешанного» лица (как это было в случае с И.Г. Бибиковым).

Сведения об участии в тайном обществе флигель-адъютанта **Александра Александровича Кавелина** впервые обнаружили в показаниях Трубецкого, написанных перед 19 декабря, и были повторены им же в показаниях от 23 декабря. В тот же день Кавелин дал «словесное объяснение» Николаю I¹⁶⁴. Через несколько дней, 26 декабря, Кавелин представил письменное оправдание, 27 декабря его записка рассматривалась на заседании Комитета; ее было решено «приобщить к делу»¹⁶⁵. В своем письменном объяснении Кавелин утверждал об исключительно благотворительной цели деятельности тайного общества, из членов которого, по его словам, он вскоре вышел. Показания арестованных свидетельствовали об определенной активности Кавелина как члена Союза благоденствия: принятии им в Союз новых членов, руководстве управой в Измайловском полку. По распоряжению императора эти показания было решено «оставить без внимания»¹⁶⁶. Таким образом, Кавелин получил фактически полное прощение, обнаруженные обстоятельства были оставлены без дальнейшего исследования. Кавелин непосредственно участвовал в работе следствия и разбирал бумаги арестованных.

Другой лично близкий к новому императору человек, флигель-адъютант **Василий Алексеевич Перовский**, представил свою оправдательную записку императору по собственной инициативе, вслед за Кавелиным, 26 декабря¹⁶⁷. Этот факт представляется неслучайным: очевидно, оба входивших в окружение Николая I офицера согласовали свои действия и позицию, выраженную в представленных показаниях. Согласно свидетельству Перовского, занятия тайного общества ограничивались благотворительностью. Он сообщал вместе с тем, что участники общества часто «говорили о правительстве», утверждая, что в собраниях не участвовал. Письмо-объяснение было принято к сведению. В распоряжение следствия поступили показания, которые свидетельствовали о присутствии Перовского на заседаниях Военного общества в Москве, где говорилось о представительном правлении. Ф.Н. Глинка показал о причастности В.А. Перовского также к деятельности Союза благоденствия, что не нашло отражения в «Алфавите» Боровкова¹⁶⁸. Перовский получил полное прощение и пользовался особым доверием императора; как и Кавелин, он участвовал в разборе бумаг арестованных (в том числе членов Южного и Славянского обществ)¹⁶⁹.

Старший брат предыдущего **Лев Алексеевич Перовский** был назван Трубецким в его первых показаниях, представленных до 19 декабря, а затем указан среди членов Союза благоденствия в показаниях от 23 декабря. Чуть позже М.Н. Муравьев назвал имя Перовского на первом допросе у Левашева и в ответ на особый дополнительный запрос уточнил, что имел в виду Льва Перовского. 18 января на заседании Комитета зачитывались показания о Лье Перовском Трубецкого и Муравьева, из которых вполне обнаружился факт принадлежности к тайному обществу; было решено довести об этом до сведения императора¹⁷⁰. В это время Л.А.Перовский находился в Италии. Получив, вероятнее всего, от брата информацию о том, что его имя фигурирует в показаниях арестованных, он поспешил в Петербург. По прибытии, 25 февраля 1826 г., Перовский представил Николаю I «изъяснение» «в собственные руки». Сведения о рассмотрении этого документа отражены в «журнале» Комитета от 26 марта. Перовский объяснял в своем показании, что для него Союз благоденствия существовал только как «благотворительное общество», что он ничего не знал о политической направленности замыслов его основателей и вскоре отстал от общества. Познакомившись с этими показаниями, следователи пришли к заключению, что они согласны со всеми полученными данными. Лев Перовский был включен в список «отставших» членов Союза благоденствия, оставленных без внимания¹⁷¹.

Данные о принадлежности к декабристской конспирации **Александра Яковлевича Мирковича** следствие получило из показаний А.Ф. Бригена 17 или 18 января, отобранных на первом допросе Левашевым¹⁷². Оно обратилось с соответствующим запросом к важнейшим из последственных. Из показаний Оболенского, Трубецкого, Бурцова, Павла И. Колошина и Н.М. Муравьева стало известно, что Миркович принадлежал к числу активных участников Союза благоденствия: возглавлял управу в Конном полку, принимал новых членов, на его квартире проходили собрания членов Союза¹⁷³. Согласно воле императора, Мирковичу было приказано «письменно изложить все то, что ему было известно насчет Союза благоденствия». 1 мая 1826 г. он представил «объяснение», адресованное на имя начальника Главного штаба И.И. Дибича. Миркович пояснял, что известная ему цель тайного общества заключалась в распространении просвещения и нравственности, благотворении и оказании помощи «бедным семей-

ствам». О политической цели, согласно представленному показанию, он не знал. Показание это было рассмотрено Комитетом 6 мая, признано согласным с имеющимися показаниями о Мирковиче и принято к сведению¹⁷⁴. Миркович был внесен в список 42 бывших участников Союза благоденствия, оставленных без внимания.

Уникальный, единственный в своем роде случай, когда член тайного общества, несмотря на фактически установленное следствием участие в декабристском союзе после 1821 г., тем не менее был фактически прощен и «оставлен без внимания», представляет **Владимир Дмитриевич Вольховский**. Он не привлекался непосредственно к допросам, но дал, так же как и предыдущие, письменное показание. По итогам расследования дело Вольховского, очевидно, с согласия императора, было прекращено, а обвиняющие показания велено «оставить без дальнейшего действия». Это решение было сообщено Следственному комитету начальником Главного штаба И.И. Дибичем. Состоявшийся затем служебный перевод на Кавказ не был оформлен в виде административного наказания¹⁷⁵.

Имя Вольховского как участника тайных обществ стало известно уже из первых показаний Трубецкого, данных им до 19 декабря 1825 г., а затем вновь прозвучало в его показаниях от 23 декабря. В январе 1826 г. Вольховского назвали в своих показаниях Бурцов, Бриген, М. Муравьев-Апостол и Митьков. Особенно важно, что последние двое свидетельствовали не только об участии Вольховского в Союзе благоденствия, но и о присутствии его на собраниях тайного общества в Петербурге в 1823 г.¹⁷⁶ Это обстоятельство недвусмысленно указывало на принадлежность Вольховского к Северному обществу. М. Муравьев-Апостол и Митьков утверждали, что на собрании 1823 г., в котором участвовал Вольховский, речь шла о средствах достижения политической цели — введении конституции в России, на нем же избиралась руководящая «Дума» вновь учрежденного тайного общества.

1 февраля 1826 г. началось специальное расследование участия Вольховского в тайном обществе. От авторов полученных показаний потребовали конкретных сведений о личности Вольховского и его деятельности в тайном обществе. В своих ответах Бриген подтвердил членство Вольховского в Союзе благоденствия, Митьков — его присутствие на заседаниях участников Северного общества в 1823 г., другие также подтвердили свои показания¹⁷⁷.

Между тем, в первые месяцы следствия Вольховский находился в экспедиции в Средней Азии, проводившейся по распоряжению начальника Главного штаба с целью «обозрения пространства между Каспийским и Аральским морями»; он занимался «военно-топографическим обозрением степи». Согласно воспоминаниям принимавшего участие в экспедиции офицера Генерального штаба А.О. Дюгамеля, когда в конце февраля 1826 г. ее участники вернулись в исходный пункт своего путешествия — крепость Сарайчик, их уже ожидал фельдъегерь, «имевший приказание доставить Вольховского» в Петербург, как «замешанного», согласно показаниям арестованных, в «бунте декабристов»¹⁷⁸. Прибытие фельдъегеря не могло состояться без особого распоряжения о привлечении Вольховского к расследованию, отданного руководителями следствия с санкции императора. Факт существования этого распоряжения фиксируется в сопроводительном письме Оренбургского генерал-губернатора П.К. Эссена Дибичу, отправленном вместе с Вольховским в Петербург: «Во исполнение высочайшей воли, объявленной мне Вашим превосходительством по секрету от 8 января с. г. ...вытребованный мною из отряда полковника Берга, в Киргизской степи находившегося, Гвардейского Генерального штаба капитан Вольховский при сем с нарочным... сотником Шубиным препровождается»¹⁷⁹. Но Вольховский не был арестован; фельдъегерь имел лишь приказание «доставить» его в Петербург. Очевидно, как в случае с Бурцовым и Комаровым, речь шла о привлечении Вольховского к допросам неарестованным.

В начале апреля, уже будучи в Петербурге, Вольховский через своего начальника Дибича представил письменное объяснение об участии в тайном обществе. В этом своеобразном показании он утверждал, что принадлежал только к Союзу благоденствия, который не имел никакой политической «противозаконной» цели и преследовал задачи нравственного образования его участников, благотворительности и распространения просвещения. Автор показания сопроводил эти сведения о цели и характере общества дополнительной оговоркой: «с условием ничего не делать противного правительству». Вскоре Вольховский, по его словам, отошел от общества, которое было к тому же «вовсе бездеятельно», о других тайных союзах ничего не знал. Он специально отмечал, что никаких «злоумышленных предложений» ему не делали, иначе бы он немедленно сообщил об этом начальству¹⁸⁰. 6 апреля объяснение Вольховского, присланное от Дибича,

было зачитано на заседании Комитета¹⁸¹. Следует отметить особо, что показание Вольховского, в котором полностью отвергалось участие в Северном обществе, было квалифицировано Комитетом как вполне согласное с имеющимися в его распоряжении данными, несмотря на то что оно входило в явное противоречие с содержанием указанных выше показаний других лиц. Следователи констатировали, что Вольховский уже внесен в список 42 «отставших» участников Союза благоденствия, «представленный» императору¹⁸².

Тем не менее Комитет продолжил целенаправленно собирать сведения о нем. Несомненно, этому способствовали имевшиеся показания об участии Вольховского в собраниях тайного общества после 1821 г. В течение апреля-мая Комитет обратился с запросами ко всем главным членам Северного общества. В результате показания об участии Вольховского в заседаниях Северного общества продолжали множиться. Ответы подследственных (Рылеева, Нарышкина, А. Поджио и др.) подтвердили его присутствие на совещаниях у Митькова и Пушина в 1823 г., его участие в основании руководящего органа («Думы») и ее выборах. М. Муравьев-Апостол даже дополнил эти показания: Вольховский присутствовал еще на заседании у Рылеева, где знакомился с конституционным проектом Н.М. Муравьева и обсуждали возможные средства к достижению конституционного правления. Кроме того, Оболенский сообщил о знакомстве Вольховского с началами проекта П.И. Пестеля «Русская Правда»¹⁸³.

Таким образом, отчетливо выявилось участие Вольховского в обсуждении важнейших политических вопросов, в том числе средств достижения цели тайного общества, не исключая проектов конституции (выяснилось, что он «всегда был на стороне конституционной монархии»), заметная роль в организационной деятельности тайного общества после 1821 г. Такого рода «причастность» обычно влекла за собой привлечение к судебной ответственности. Не могли ослабить «обвиняющей силы» этих фактов ни указания на неоднократные служебные командировки Вольховского, участие в различных экспедициях и частое отсутствие в Петербурге, ни ссылки на его умеренный образ мысли.

Но, несмотря на все это, показания о Вольховском не стали предметом дальнейших разысканий, ему не были заданы дополнительные вопросы в связи с прозвучавшими обвиняющими свидетельствами. Данные, собранные следствием в отношении Вольховского, были ос-

тавлены «без дальнейшего действия»¹⁸⁴. Сопоставляя и оценивая обстоятельства расследования, в деле Вольховского нельзя не увидеть «смягчающего» воздействия, определившего благоприятный для него исход следствия. Прежде всего, это воздействие заметно в факте привлечения его к следствию неарестованным. Далее, он не допрашивался в связи с поступившими показаниями об участии его в Северном обществе. Вслед за тем, в его следственном деле появляется любопытный документ: как результат особого разговора А.И. Татищева и И.И. Дибича первый из них уже 27 марта 1826 г., еще до завершения дознания, направил второму записку о степени причастности Вольховского (вероятнее всего, для передачи императору). Наконец, обвинительные показания о знании Вольховским политической цели тайного общества были в сущности проигнорированы при итоговой оценке степени его причастности к декабристскому союзу.

Однако, в отличие от других лиц, привлекавшихся неарестованными и представивших письменные «объяснения», о Вольховском была составлена итоговая записка, основанная на полученных показаниях. Вероятно, причиной ее появления стали прямые свидетельства о причастности Вольховского к Северному обществу. В текст записки вошла информация из показаний Пущина, Митькова, Нарышкина, А. Поджио, Назимова. Но никаких выводов из нее не делалось; упоминалось только отрицание этих данных в единственном показании Вольховского¹⁸⁵.

Таким образом, вопреки собственным показаниям Вольховского, следствие установило, что ему была хорошо известна политическая цель общества, и он принимал участие в обсуждении средств ее достижения. Тем не менее, Вольховский, наряду с большинством членов Союза благоденствия, не привлекавшихся к расследованию, был признан «отставшим» членом Союза благоденствия, которые не подлежали ответственности. Все это говорит об имевшем место влиятельном заступничестве за Вольховского¹⁸⁶. Между тем, у самого Вольховского не было влиятельных родственников, приближенных ко двору. Возможно, ходатаем за Вольховского перед императором выступил его непосредственный начальник Дибич. В деле Вольховского имеется документ, из которого явствует, что решение об освобождении от дальнейшего расследования и, соответственно, от наказания было передано Следственному комитету Дибичем — очевидно, после согласования и соответствующего указания императора: «...г. началь-

ник Главного штаба полагает заключающиеся в оной обстоятельства... оставить без дальнейшего изыскания». Дата этого решения зафиксирована в следственном деле Вольховского — 1 августа 1826 г.¹⁸⁷ Как видим, оно состоялось уже после прекращения формальных заседаний Следственного комитета. Это говорит о явной затянутости «дела» Вольховского, решение по которому — фактическое прощение выявленной «вины» — стало результатом длительной внутренней борьбы между силами, которые выступали за наказание Вольховского, и теми, кто ходатайствовал за него. В данном случае последние победили — им удалось создать благоприятное впечатление о Вольховском у императора: иначе не последовало бы его согласие на оставление без дальнейшего расследования серьезных обвиняющих показаний. Вместе с тем назначение на Кавказ, пусть и не оформленное в виде административного наказания, было по существу последствием выявленной причастности Вольховского к деятельности Северного общества.

Полковник **Владимир Иосифович (Осипович) Гурко** был впервые назван в показаниях А.З. Муравьева, данных в ответ на вопросные пункты от 23 апреля 1826 г. Это показание было рассмотрено на заседании Комитета 27 апреля. Об участии Гурко в Военном обществе и Союзе благоденствия были запрошены другие подследственные¹⁸⁸. Между тем, в делах Комитета отложилось письмо Гурко, направленное военному начальству, с обращением «Ваше Превосходительство» и авторской пометой: «Москва. 13 января 1826». Оно содержало признание в принадлежности к тайному обществу, цели Союза благоденствия были обрисованы как лежащие исключительно в области распространения просвещения и «доброй» нравственности; вновь повторялся мотив быстрого отхода от связей с обществом, почти полного незнания о его действиях¹⁸⁹. Место и время создания письма, а также его адресация, слабое вовлечение документа в производство следствия заставляют предположить, что оно было написано по собственной инициативе Гурко, независимо от появившихся показаний арестованных. Показания других подследственных ничего не прибавили к свидетельству А.З. Муравьева. Гурко не привлекался к допросам и был причислен к группе «оставленных без внимания»¹⁹⁰.

4. *Заочное расследование и заочное прощение:
«оставленные без внимания»*

Свидетельства непосредственных организаторов следственного процесса содержат указания на то, что ведущие участники Следственной комиссии руководствовались стремлением облегчить участь арестованных и гуманными задачами спасения невинных, не желая привлекать к допросам мало замешанных лиц. Так, делопроизводитель Следственного комитета Боровков вспоминал: «...Комитет с чрезвычайной осторожностью руководствовался их [подследственных. — П.И.] указаниями; он не прежде призывал к допросу, как удостоверившись в соучастии сличениями разных показаний и сведений». По утверждению Боровкова, председатель Комитета А.И. Татищев «с большим упорством подписывал требования о присылке членов злоумышленных обществ. „Смотри, брат! — говаривал он мне, — на твоей душе грех, если подхватим напрасно“». Тот же мемуарист приводит слова великого князя Михаила Павловича: «Тяжела обязанность вырвать из семейства и виновного; но запереть в крепость невинного — это убийство»¹⁹¹. Указание Боровкова требует существенной поправки: безусловно, столь гуманные настроения у руководителей расследования проявлялись далеко не всегда. Но приведенные им слова можно отнести не только к случаям «напрасно подхваченных», действительно ни к чему не причастных лиц, но и к тем, показания об участии которых в тайных обществах были оставлены «без внимания».

В группу «прощенных» декабристов нужно включить также и тех, кто был выявлен следствием в качестве участников тайных обществ, но к самому процессу не привлекался. Это, главным образом, участники ранних декабристских организаций. Решения не привлекать к расследованию представителей этой группы участников тайных обществ зафиксированы в журналах Следственного комитета.

Ранние тайные общества — Союз спасения, Союз благоденствия и другие организации — на первом этапе следствия рассматривались в едином контексте с обществами, инициировавшими вооруженные выступления 1825 г. Если опираться на свидетельство Боровкова, то оказывается, что инициатива в полном освобождении от следствия лиц, в отношении которых проводилось заочное расследование, принадлежала чиновникам следствия. По материалам следствия видно,

что такого рода решения не могли состояться без соответствующей санкции императора.

Первоначально Комитет не исключал из сферы проводимого им расследования лиц, «отклонившихся» от тайного общества на первом этапе его существования. С одной стороны, они могли быть ценными свидетелями, источником необходимой информации об истории заговора. С другой стороны, требовалось установить истинную степень их причастности к делу с помощью соответствующих следственных процедур. Потенциально они также могли быть участниками заговора, которых следовало нейтрализовать и привлечь к ответственности. Первых лиц, принадлежащих к категории «отставших» или «отклонившихся», на основании первоначально поступившей информации (главным образом, доноса А.И. Майбороды) было решено «вытребовать» в Петербург неарестованными. Это были Н.И. Комаров, И.Г. Бурцов и П.В. Аврамов, решение о которых отразилось в записи журнала за 17 декабря¹⁹². Привлечение их к следствию, несомненно, обуславливалось необходимостью свидетельских показаний, подтверждающих упомянутый донос¹⁹³.

Вскоре поступают сведения из Тульчина от проводивших расследование во 2-й армии А.И. Чернышева и П.Д. Киселева, в основе которых лежали показания того же А.И. Майбороды. В них, среди прочего, сообщалось о принадлежности к тайному обществу бригадного командира Гвардейского корпуса С.П. Шипова и действительного статского советника М.А. Балугьянского. В отношении этих лиц впервые последовала резолюция Николая I: «оставить без внимания»¹⁹⁴. В эти же дни, 26 и 27 декабря, получив собственноручные записки с признаниями в принадлежности к тайному обществу от В.А. Перовского и А.А. Кавелина, Комитет принимает решение: принять их к сведению и не привлекать указанных лиц к фактическому расследованию¹⁹⁵.

Таким образом, уже с первых шагов расследования наметились две противоположные тенденции: с одной стороны, усиленное внимание ко всем участникам тайных обществ и максимальное привлечение их к процессу, с другой стороны — освобождение от допросов бывших участников Союза благоденствия, по данным следствия «отошедших» от конспиративных организаций. На первом этапе следствия господствовала первая из этих тенденций. По крайней мере, помимо ареста и привлечения к допросам, применялась и другая мера: учреждение

надзора и сбор сведений об «образе жизни» и поведении, что могло привести в ходе следствия как к аресту (Ф.П. Шаховской), так и к освобождению от ответственности (А.А. Авенариус).

Свидетельством особого рвения следствия в отношении даже оставших или «сомнительных» участников конспиративных политических организаций, обнаруживаемого на первом этапе расследования, является случай с показаниями Н.И. Комарова. Насыщенные именами показания Комарова заинтересовали следствие прежде всего как важное свидетельство о личном составе Союза благоденствия: «Список о показанных... лицах сообразить со сведениями, имеющимися в Комитете, и о[б] истребовании тех, кои вновь окажутся, составить докладную записку для представления государю императору»¹⁹⁶. Между тем, следователи не могли не знать, что приведенный в показаниях Комарова перечень относился ко времени Союза благоденствия. Сам автор показания указывал на то, что некоторые из названных были известны ему «по слухам» (т. е. со слов других участников Союза) и приведенные данные требуют проверки. Но для следствия еще не было важным, участвовало ли вновь названное лицо только в этом Союзе или продолжало свою конспиративную деятельность далее. В адрес указанных Комаровым лиц, состоявших, по его данным, в тайном обществе после 1818 г., были вынесены резолюции об аресте («взять») и привлечении к следствию. В их числе находились те, об участии которых в тайных обществах Комаров знал только «по слухам» (братья А.М. и Н.М. Исленьевы, Н.И. Стояновский, В.-А. Фурнье). Полученные из показаний Комарова от 27 декабря сведения стали основанием для ареста Л.Е. Астафьева (ошибочно, вместо указанного не совсем точно Комаровым А.Ф. Астафьева), И.П. Липранди, А.М. и Н.М. Исленьевых, В.-А. Фурнье¹⁹⁷. Однако все они оказались «очищенными» следствием (вина их не была доказана); И.П. Липранди, братья Исленьевы и Фурнье были оправданы. Тем не менее, в отношении некоторых из названных Комаровым лиц, избежавших привлечения к расследованию, имеются достаточно прочные основания для заключения об их принадлежности к Союзу благоденствия¹⁹⁸.

Еще более авторитетными для следствия являлись показания о составе тайных обществ, данные лидерами заговора. Здесь особая роль принадлежала С.П. Трубецкому, который дал показания, в том числе о составе тайных обществ, дважды — не позднее 19 декабря и 23 декабря. Вскоре в распоряжении следствия оказался подробнейший список

участников тайных обществ, составленный Трубецким 26 декабря. Именно из показаний Трубецкого Комитет впервые узнал о принадлежности к тайным обществам П.П. Лопухина, И.А. Долгорукова, И.П. Шипова, А.А. Кавелина, Л.А. Перовского, В.Д. Вольховского. Среди названных им впервые лиц находились и «давно отставшие», по словам Трубецкого, члены «первоначального общества»: Ф.Ф. Гагарин, Ф.И. Левин, В.И. Белавин, П.С. Пущин, А.И. Фредерикс и др.¹⁹⁹ В это время, судя по всему, император предполагал привлечь всех, почти без исключения, к следствию. На основании этих показаний были отданы распоряжения об аресте членов Союза благоденствия П.П. Лопухина, Петра И. Колошина, Ф.Г. Кальма, М.Н. Муравьева, И.А. Фонвизина, Я.Н. Толстого и других, большинство из которых были помечены Трубецким как «отставшие»²⁰⁰. В отношении Гагарина император сделал помету: «К Сакену» (Ф.В. Остен-Сакену, главнокомандующему 1-й армией, в которой служил Гагарин). В отношении Ф.Н. Глинки, показания о котором в это время ограничивались сведениями о его давней принадлежности к тайному обществу, последовала резолюция: «Взять и представить императо[ру]»²⁰¹.

Эти распоряжения об арестах говорят о многом; следует признать, что показания Трубецкого рассматривались следствием как наиболее авторитетные и безусловно достаточные для принятия решения о привлечении к процессу, в каких бы отношениях с конспиративными организациями указанное им лицо не находилось. Особенно показателен факт распоряжения об аресте Гагарина, несмотря на указание Трубецкого о том, что этот офицер уже давно не имеет никаких сношений членами тайного общества (возможно, сыграл свою роль высокий полковничий чин подозреваемого). Об этом же свидетельствуют резолюции императора на докладной записке Комитета в связи с показаниями Трубецкого, которые носят тот же характер, что и решения в отношении арестованных.

Но в отношении отставных офицеров **Ф.И. Левина** и **В.И. Белавина**, по показанию Трубецкого состоявших в Союзе благоденствия и от него отошедших, были приняты более осторожные решения об установлении их личности, образа жизни и связей. Из последующих записей в журналах Следственного комитета выясняется, что было решено не привлекать их к следствию непосредственно, а только учредить надзор: «По прежнему показанию Трубецкого о Белавине и Левине государь император высочайше повелеть соизволил написать

об них губернаторам, чтобы обратили внимание на образ их жизни». Предполагалось, что если «по скрытному разведыванию» будет открыто, что у них «бывают тайные собрания или поведение их окажется сомнительным», если обнаружатся их «сношения с лицами подозрительными», то обоим следовало взять под арест и доставить в Петербург²⁰². То же решение последовало в отношении Ф.П. Шаховского, вскоре привлеченного к процессу; в отношении П.С. Пущина был поставлен вопрос о выяснении его местонахождения и проводились меры по установлению личности.

Однако тенденция непосредственного привлечения к следствию бывших участников Союза благоденствия, «отставших» от тайных обществ, сохраняла свою силу в первые месяцы процесса (декабрь—январь)²⁰³.

В поле зрения следствия оказались полковые командиры **А.А. Авенариус**, **Ф.М. Свободской**, **И.М. Тимченко-Рубан** (на заседании Следственного комитета 7 января 1826 г., в результате показаний П.И. Пестеля, сообщившего о принятии им этих офицеров в тайное общество в 1817 г.). Хотя по полученным данным связи офицеров с тайным обществом давно прервались, однако следствие признало «нужным» «испросить соизволение... на учреждение за ними тайного надзора». Если бы поведение и связи кого-либо оказались подозрительными, следовало немедленно взять под арест и привлечь непосредственно к расследованию. Документально установлено, что такой надзор был учрежден в отношении Авенариуса. Помета Дибича на докладной записке, излагавшей это решение Комитета, безусловно, передала волю Николая I. Она гласила: «Прислать сюда, если подозрительны, под арестом, а буде нет подозрения, предписать им явиться сюда в Комитет»²⁰⁴.

Лица, обнаруженные показаниями главных арестованных, казались особенно опасными, ибо были связаны с назвавшими их ведущими деятелями заговора, — к тому же они занимали нередко высокие должностные посты. Не исключено, что этому способствовали поступавшие сведения, прежде всего, данные об их служебном положении. В первые дни расследования Комитет старался привлечь всех участников тайных обществ, в том числе «отставших» от них, особенно тех, кто имел высокие чины. В этом факте нашли отражение опасения власти, страх перед угрозой того, что заговорщики используют значительную военную силу, находившуюся под их командованием, —

своеобразное последствие политической борьбы конца 1825 г. Даже если показания ведущих деятелей заговора говорили об отходе названных лиц от тайного общества и свидетельствовали, что «никакой на них не полагали надежды», все же предпринимались меры по установлению за ними «бдительного надзора», с тем чтобы при первом подозрении арестовать их. Некоторых лиц, не названных на следствии, но подозревавшихся в участии в декабристской конспирации, также брали под надзор — в Кавказском корпусе это был командир 7-го карабинерного полка Н.Н. Муравьев (в будущем Муравьев-Карский) — очевидно, из-за родственных связей с многочисленными Муравьевыми, фигурировавшими в «деле» заговора²⁰⁵.

Перелом в этой тенденции отчетливо наблюдается во второй половине января 1826 г., и связан он с переменой решения об аресте и привлечении к допросам А.Н. Юрьева. В показаниях А.Н. Муравьева впервые прозвучала фамилия принятого им в тайное общество Юрьева²⁰⁶. В «журнале» Комитета от 16 января появилась запись: «вытребовать отставного квартирмейстерской части подполковника Юрьева, который по показанию Александра Муравьева принадлежал к их обществу». Показания Муравьева всецело относились к Союзу благоденствия, однако это не помешало Комитету вынести решение об аресте отставного офицера. Император согласился: «...Его величество соизволяет также на вытребование в С.-Петербург отставного подполковника Юрьева». Но решение об аресте Юрьева не было исполнено, в чем удостоверяет поздняя помета В.Ф. Адлерберга; она свидетельствует о том, что, несмотря на фиксацию резолюции императора об аресте в «журнале» следующего заседания, она осталась на бумаге²⁰⁷.

Отмена решения об аресте Юрьева, вопреки первоначальному распоряжению, подтвержденному резолюцией императора, представляет собой ясно различимый водораздел в принятии решений об арестах участников «первоначального общества», т. е. Союза благоденствия и связанных с ним конспиративных организаций. После этого определяющее влияние на ход расследования и его направленность начала оказывать главная тенденция, диктуемая политической стороной дела и, следовательно, императором. Задача состояла в том, чтобы ограничить количество привлеченных к расследованию для того, чтобы избежать широких волн недовольства в обществе и представить раскрытое тайное общество малозначашим, незначительным образованием, малочисленной организацией, а заговор и мятеж —

делом немногих злоумышленников. Эта тенденция нашла свое выражение в решении не привлекать к следствию менее «виновных», не участвовавших в политическом заговоре 1825 г. и в тайных обществах после 1822 г., года официального запрета конспиративных организаций.

В дальнейшем, по распоряжению императора участники ранних тайных обществ, о которых не было других показаний, помимо свидетельства об участии в Союзе благоденствия, к следствию не требовались. Это не означало, что каждое вновь выявленное имя члена Союза благоденствия оставалось полностью без внимания следователей. Главным следственным действием в их отношении обыкновенно являлось собирание справок, отбор показаний у арестованных членов тайного общества. Цель вполне понятна: выяснение степени причастности вновь «открытого» лица к декабристской конспирации, а главное — подтверждение факта отхода от тайного общества и отсутствия связей с ним вплоть до последнего времени его существования. Следствие стремилось выяснить, участвовало ли вновь обнаруженное лицо в последних по времени «злоумышленных» тайных обществах, знало ли о политических намерениях и планах военных выступлений.

Новая тенденция отчетливо отразилась на изучении сведений из обширного списка членов тайных обществ, представленного Е.П. Оболенским 21 января. В той его части, что касалась Союза благоденствия, имелось значительное количество новых имен. Однако никаких распоряжений о немедленном аресте или учреждении надзора за многочисленными вновь обнаруженными участниками конспиративных организаций уже не последовало²⁰⁸.

Итак, первоначальным источником данных о составе ранних тайных обществ стали подробные показания видных деятелей декабристского союза Трубецкого, Оболенского, Пестеля, Бурцова, А.Н. Муравьева, Якушкина и некоторых других, нередко сопровождаемые обширными перечнями членов. Важнейшими с точки зрения выявления состава Союза благоденствия и других ранних тайных обществ нужно признать показания Трубецкого, Бурцова и Оболенского.

Бывшие члены Союза благоденствия, по распоряжению императора не вызывавшиеся в Комитет, образовали в ходе расследования особую категорию. Они фигурируют в документах следствия в составе двух списков: сводного списка, в основу которого легли главным образом показания И.Г. Бурцова («список 22-х»), и общего списка

«отставших» членов Союза благоденствия (т. н. «список 42-х членов»; в действительности к концу следствия он насчитывал 60 имен²⁰⁹).

Особое значение для установления состава участников Союза благоденствия приобрели показания И.Г. Бурцова от 16 января — все вновь открытые им лица оказались членами Союза. В число 20 человек, названных Бурцовым, на которых обратило свое внимание следствие, вошли: П.П. Трубецкой, А.А. Скалон, А.А. Оленин, Римский-Корсаков (Бурцов не привел данные, какой именно), Голицын (офицер Преображенского полка), А.П. Полторацкий, Ф.И. Корф, А.Ф. Воейков, В.М. Бакунин, один из офицеров Егерского полка (А.И. Шляхтинский²¹⁰), И.М. Юмин, В.Л. Лукашевич, Сурнин, Чумпалов, Алимской, А.Г. Великошапков, П.П. Каверин, Д.А. Давыдов, С.Е. Раич, П.Я. Чаадаев. К ним чиновники следствия добавили еще 2 человек: П.А. Катенина и А.Н. Юрьева, которых впервые упомянул А.Н. Муравьев на первом допросе, записанном Левашевым не позднее 15 января, и в своих первых показаниях от 17 января²¹¹. Поэтому формулировка, встречающаяся в документах следствия (Бурцовым впервые названы 22 человека), не точна: в действительности на основе его показаний следствие получило только 14 вновь открытых участников Союза благоденствия: А.А. Скалон, А.А. Оленин, Римский-Корсаков, А.П. Полторацкий, Ф.И. Корф, А.Ф. Воейков, В.М. Бакунин, Сурнин, Чумпалов, Алимской, А.Г. Великошапков, П.П. Каверин, С.Е. Раич, П.Я. Чаадаев²¹². Составляя список впервые названных Бурцовым лиц, чиновники следствия, по-видимому, не заметили, что Юмин был назван еще 27 декабря Комаровым, и решение об его аресте уже состоялось, а Лукашевич — 12 января Пестелем, и «дело» о нем уже производилось отдельно²¹³. Кроме того, следователи не учли, что Д.А. Давыдов был впервые назван в показаниях С.П. Трубецкого от 26 декабря, а П.П. Трубецкой — на допросе П.П. Лопухина 28 декабря²¹⁴.

Чиновники следствия пронумеровали вновь указанных лиц на оригинале показаний Бурцова, а затем составили отдельный их список для отбора показаний у подследственных. 17 января 1826 г. на заседании Комитета был оглашен список вновь обнаруженных 22 участников тайных обществ, составленный на основе показаний Бурцова. Тогда же было решено: «...как Бурцов принадлежал к обществу до 1821-го года, и о лицах, в сем списке означенных, никто другой не показывает, то спросить об них главнейших членов, оставшихся в обществе до последнего времени»²¹⁵. Запросы Комитета с приложен-

ными к ним списками 22 лиц, «еще никем не названных», были направлены Рылееву, Пестелю, И. Пущину, Трубецкому, Н.М. Муравьеву, Оболенскому, Краснокутскому, Корниловичу и А. Юшневскому. Ответы Муравьева и Юшневого датированы 19 января, что позволяет сделать вывод: ответные показания большинства подследственных были написаны в этот день²¹⁶. После этого чиновниками следствия была составлена сводная таблица, в которой отразились в кратком виде ответы подследственных²¹⁷.

Как и следовало ожидать, наиболее осведомленными авторами показаний явились Трубецкой, Оболенский, Н.М. Муравьев и Пестель. Именно их свидетельства в полной мере подтвердили участие в тайном союзе всех названных Бурцовым лиц. Часть подтверждающих показаний дали также И. Пущин, Рылеев. В то же время полностью неосведомленными о составе Союза благоденствия оказались Каховский и Корнилович. Еще одно опрошенное лицо, Краснокутский, будучи ранее членом Союза, в значительной степени скрыл свою информированность о составе тайного общества.

При сравнении оригинальных показаний и составленного на их основе свода обнаруживаются существенные различия. Некоторые из них позволяют сделать вывод о неполноте и неточности итогового свода. Так, в него не вошли показания Юшневого, который сообщал о принятии в тайное общество Сурнина, Чумпалова и Алимского покойным К.А. Охотниковым. Чиновники следствия прошли мимо этого показания Юшневого — вероятно потому, что последний отозвался незнанием относительно принадлежности к Союзу всех остальных значившихся в списке лиц²¹⁸.

В показания и составленный на их основе свод вкратце и серьезные неточности, оказавшие влияние на ход расследования. Так, вместо названного Бурцовым Юмина в разосланных списках был указан «Юлин» (явная описка); естественно, что по этой причине опрошенные отозвались незнанием об участии незнакомого им лица в тайном обществе²¹⁹. Бурцов первоначально показал об участии в Союзе благоденствия «профессора» Воейкова (литератора А.Ф. Воейкова), однако в разосланном при запросе списке значился просто «Воейков». В результате были получены показания не о том Воейкове, о котором показал Бурцов, а о Н.П. Воейкове²²⁰. Неясность с «преображенским офицером» Голицыным также вызвала путаницу в показаниях: Оболенский, Рылеев (со слов Оболенского), Трубецкой, Н.М. Муравьев

свидетельствовали о принадлежности к тайному обществу В.М. Голицына, Пестель (со слов А.В. Поджио и И.П. Шипова) — об участии в Союзе благоденствия П.А. Голицына, отставного офицера Семеновского полка²²¹. Бурцов не указал, какой именно Римский-Корсаков считался членом Союза благоденствия. В поступивших ответах содержались данные сразу о двух представителях этой фамилии, и оба принадлежали к Союзу: Трубецкой и Н.М. Муравьев свидетельствовали об участии в Союзе сына литовского генерал-губернатора, бывшего офицера Семеновского полка В.А. Римского-Корсакова, а Оболенский — о Г.А. Римском-Корсакове, бывшем офицере Московского полка; оба в последние годы находились за границей²²².

Все указанные Бурцовым члены (кроме А.Ф. Воейкова и безымянного офицера-егеря) были названы «отставшими» от тайных обществ, а участникам поздних обществ они оказались вовсе неизвестными. В ряде случаев отношения указанных лиц с «ныне существующим» обществом остались не до конца ясными. Причем итоговый свод содержал, как правило, более «благоприятную» информацию для вновь показанных лиц, по сравнению с оригинальными показаниями. Так, в отношении А.А. Скалона Пущин свидетельствовал: «кажется, отстал» — в своде же это свидетельство Пущина передавалось категорично: Скалон «отстал». Оболенский показал о П.П. Каверине, что он «есть член нашего общества» (т. е. существующего Северного общества. — *П.И.*), при этом отговариваясь незнанием насчет того, «отстал» он или нет; в своде же фиксировалось: «был в Петербургском обществе, но неизвестно, отстал ли или нет». Оболенский показал в отношении Д.А. Давыдова, что он «был, кажется, в связи с прежним обществом (Союзом благоденствия. — *П.И.*)... но был ли членом оно... неизвестно»; в своде же не совсем точно утверждалось, что Оболенский не знает о принадлежности Давыдова к Союзу благоденствия²²³.

Свод, составленный по ответам «главных», по мнению следствия, участников тайных обществ, был заслушан 31 января на заседании Комитета; его решили представить на усмотрение императору²²⁴. На следующем заседании 1 февраля были оглашены высочайшие резолюции по данному вопросу, смысл которых состоял в одном: представленных в своде лиц «оставить без внимания», «пока новых на них показаний не будет», иначе говоря — пока не обнаружатся новые сведения об их участии в тайном обществе²²⁵. В итоге все указанные

Бурцовым участники тайных обществ были признаны «давно отставшими» членами Союза благоденствия, кроме офицеров 2-й армии Чумпалова и Сурнина, которые неожиданно назывались принадлежащими к «ныне существующему» обществу, со ссылкой на показания Пестеля. Однако и по ним решение об аресте не было принято: очевидно, Комитет признал показание Пестеля недостаточным²²⁶.

Таким образом, первое упоминание списка «отставших» участников Союза благоденствия и других ранних тайных обществ содержится в журнале Следственного комитета за 17 января. Список был составлен первоначально на основе показаний Бурцова и А.Н. Муравьева. И хотя в отношении подавляющего большинства были получены показания, подтверждающие их участие в тайном обществе, решение о привлечении их к расследованию, с одобрения императора, не принималось²²⁷.

С этого времени следствие начало выяснять главный для себя вопрос: участвовали ли впервые названные, состоявшие в Союзе благоденствия лица в последующей деятельности тайных обществ в 1822–1825 гг., в заговорах и политических планах? В то же время обращение к ведущим (по терминологии следствия, «главным») участникам поздних тайных обществ одновременно лишало расследование точных данных о действительной степени участия этих лиц в Союзе благоденствия, поскольку следователи в данном случае не обращались к осведомленным свидетелям, направляя вопросные пункты, главным образом, ведущим членам Северного и Южного обществ (Рылеев, И. Пущин, Каховский, Корнилович, Краснокутский и др.). Если проанализировать состав опрошенных, нельзя не заметить, что следствие прежде всего интересовала принадлежность к более поздним тайным обществам и, соответственно, осведомленность о заговоре, планах царубийства, военного мятежа, покушений на царубийство, а вовсе не особенности действительного участия в тайном обществе и даже знакомство с политическими целями. Это наглядно демонстрирует сравнительно небольшой интерес, который вызывала у следствия деятельность этих лиц в период существования Союза благоденствия. Характерно, что пункт о решении по этому списку даже не попал в докладную записку императору о заседании Комитета.

«Список 42-х отставших членов Союза благоденствия» впервые упоминается в журнале Следственного комитета за 15 марта 1826 г. Ранее, в феврале, при расследовании причастности к тайному обще-

ству вновь обнаруженных участников Союза, этот список не фигурировал. Так, 24 февраля в ходе выяснения степени участия в тайном обществе В.А. Глинки, когда оказалось, что он принадлежал только к Союзу благоденствия, его отнесли «к разряду тех, кои, отстав от Союза благоденствия, в другое общество не вступали, не знали существование оного, ни в каких совещаниях не бывали, в происшествии 14 декабря не участвовали и потому вытребованы сюда не были». Показания на Глинку были приняты к сведению²²⁸. Следовательно, список 42-х «отставших» появился позднее.

Первое упоминание о «списке 42-х» связано с чрезвычайно примечательным фактом: неожиданным возбуждением вопроса о том, почему не были привлечены к следствию некоторые из участников Союза благоденствия, очевидно, лично известные Николаю I. Этот вопрос был инициирован самим императором. На заседании 15 марта член Комитета Левашев «объявил, что государю императору угодно знать, отчего не были взяты служившие лейб-гвардии в Измайловском полку капитан Летюхин и поручик Жуков». Запрос императора последовал после допроса и показаний А.В. Капниста о тайном обществе в Измайловском полку от 4 марта²²⁹. Комитет вынужден был представить императору объяснение, в котором говорилось, что принадлежность этих лиц к Союзу вскрыта по показаниям Оболенского, других показаний об этих лицах от содержащихся в крепости подследственных не поступало. Поэтому оба члена «прежнего общества», как «не участвующие вовсе в нынешнем обществе», не арестовывались; Жуков и Летюхин «внесены в представленный его величеству список 42-х отставших участников Союза благоденствия, кои не требовались к следствию»²³⁰. Из этой записи следует, что к середине марта «список 42-х» уже был подготовлен и представлен императору; в него входили лица, указанные в первых показаниях Грубецкого, Оболенского, возможно, Бурцова и др.

Далее список лиц, не требовавшихся к следствию, упоминается в связи с расследованием участия в тайных обществах лиц, подавших особые объяснительные записки. Так, при рассмотрении письма Л.А. Перовского об участии его в Союзе благоденствия (заседание 26 марта) Комитет констатировал, что это показание совпадает со сведениями, которыми располагало следствие, в соответствии с которыми он был включен в «представленный государю императору список 42-х отставших членов Союза благоденствия»²³¹.

6 апреля по сходной причине, в связи с письмом-показанием В.Д. Вольховского, и 11 апреля, при рассмотрении записок о содержавшихся под арестом А.В. Капнисте, А.А. Тучкове и В.Ф. Раевском, констатировалось, что все они по собранным показаниям «подходят под разряд тех 42-х членов сего Союза, кои взяты не были»²³². То же самое утверждалось в отношении А.В. Семенова, который «подходил бы без затруднения под разряд невзятых или освобожденных членов Союза благоденствия...», и А.Я. Мирковича, представившего записку о своем участии в Союзе²³³.

Разыскания о некоторых членах Союза благоденствия, обнаруженных после показаний Бурцова, отразились в материалах особого следственного дела. Здесь отложились показания о Н.К. Воейкове, М.А. Волкове, Я.В. Воронце, С.В. Капнисте, Г.И. Копылове, В.И. Пестеле, Н.М. Приклонском, И.И. Ростовцеве, П.К. Хвоцинском, А.В. Шереметеве, П.М. Устимовиче, а также о ранее известных О.П. Богородицком, А.П. Полторацком, А.Н. Юрьеве. Обо всех перечисленных лицах были получены показания, удостоверяющие их участие в тайных обществах²³⁴.

Большинство названных лиц были открыты следствием в январе-феврале 1826 г. Повторные показания отбирались почти сразу, опросы других подследственных («свидетелей») производились, как правило, позже, в марте-мае. Нередко авторы показаний, обнаружившие новых лиц, опрашивались повторно. Из обширного перечня Оболенского, датированного 21 января, стало известно о членстве в Союзе Н.К. Воейкова и И.И. Ростовцева. Опрос об их участии в тайных обществах, отраженный в материалах дела, проводился в марте 1826 г.²³⁵ Из допроса А.Ф. Бригена 27 января и его показаний 28 января стали известны имена новых членов Союза благоденствия Н.М. Приклонского, Г.И. Копылова, П.К. Хвоцинского. Повторный опрос Бригена датирован мартом 1826 г.²³⁶ Показания И.Д. Якушкина от 16 февраля вскрыли факт участие в Союзе А.В. Шереметева и Я.В. Воронца. Повторный опрос сохранился в указанном особом следственном деле, в котором сконцентрировались показания о лицах, не привлекавшихся к расследованию²³⁷.

Следствием были получены данные об участии в тайном обществе Владимира Пестеля, брата Павла Пестеля, — об этом свидетельствовал С.П. Трубецкой. 20 февраля на заседании были заслушаны показания П.И. Пестеля о принадлежности к тайному обществу его брата. Пес-

тель категорически отрицал какую-либо степень участия брата в конспирации, заявляя, что его «образ мыслей» был совершенно противоположен. Было решено опросить «главных» членов²³⁸. Показания участников Союза спасения и Союза благоденствия (А.Н. и Н.М. Муравьевых, М.А. Фонвизина, М. Муравьева-Апостола) открыли другую картину: все согласно свидетельствовали, что он принадлежал к Союзу. Некоторые из участников тайных обществ утверждали, что Владимир Пестель был осведомлен о декабристском союзе и участвовал в его деятельности в более позднее время, в период существования Южного и Северного обществ²³⁹. Комитет оставил это без внимания, как в случае других лиц, не привлекавшихся к следствию. Однако В. Пестель не попал в окончательный список членов Союза благоденствия; его включили в другой перечень — «Список лиц, кои по некоторым показаниям подозревались в принадлежности к тайным обществам или в участии в мятеже, но по следствию оказались непричастными», где присутствуют главным образом полностью оправданные лица, как правило, не привлекавшиеся к допросам²⁴⁰. Из этого можно сделать вывод, что Владимир Пестель был признан оправданным от обвинения в принадлежности к Союзу благоденствия. Этот вывод означает, что показания, полученные от лидеров тайного общества, были сочтены недостаточно значимыми и авторитетными, а полный все придали показанию П. Пестеля. В другом подобном случае следователи не стали придавать значение показаниям брата подозреваемого лица — случай П.П. Трубецкого (Сергей Трубецкой также категорически отрицал причастность брата, настаивая на принципиальной невозможности его вступления в тайное общество)²⁴¹. Очевидно, в случае В. Пестеля определенную роль сыграли посторонние для следствия факторы.

Возвращаясь к «списку 42-х» «отставших членов» Союза благоденствия, следует отметить, что, вероятнее всего, в его основу был положен перечень 22 человек, обнаруженных показаниями Бурцова и А.Н. Муравьева²⁴². Затем в список были внесены лица, обнаруженные ранее, еще до показаний Бурцова, прежде всего, почерпнутые из показаний Трубецкого и Пестеля (С.П. Шипов, Ф.И. Левин, В.И. Белавин, А.И. Фредерикс, А.А. Авенариус, Н.П. Годаин, П.И. Кошкуль и др.), Комарова (А.Ф. Астафьев). Причем в список вошли как те, кто имел различного рода «объяснения» с императором, и письменные или устные (А.А. Кавелин, братья Перовские, И.Г. Бибиков, В.И. Гур-

ко, А.Я. Миркович), так и прощенные, привлекавшиеся к допросам неарестованными (Ф.П. Толстой, И.А. Долгоруков, И.П. Шипов, Л.П. Витгенштейн), а также автор доносов М.К. Грибовский.

Итоговый вид «списка 42-х» представляет собой список членов Союза благоденствия, «по высочайшему повелению оставленных без внимания», сохранившийся в фонде Следственного комитета. Сама структура и последовательность расположения имен в итоговом списке членов свидетельствуют о том, что его составители опирались на материалы дел, объединивших в себе справки о членах Союза благоденствия: после фамилий призывавшихся к допросам без ареста следуют лица из списка, составленного по показаниям Бурцова, а затем из показаний Трубецкого, Оболенского, Якушкина, Бригена, А.З. Муравьева. Завершают его лица, названные Пестелем²⁴³.

Все обнаруженные после показаний Бурцова участники Союза благоденствия и других ранних тайных обществ пополняли список, в том числе лица, открытые показаниями Оболенского (Н.П. Жуков, Н.П. Летюхин, Н.К. Воейков, Ф.П. Панкратьев, А.А. Челищев, А.И. Шляхтинский, И.И. Ростовцев, П.Н. Семенов) и других подследственных: В.П. Ивашева, А.З. Муравьева, И.Д. Якушкина, А.Ф. Бригена (С.Н. Бегичев, Ф.В. Акинфов, В.И. Гурко, В.А. Глинка, Я.В. Воронеж, А.В. Шереметев, Г.И. Копылов, А.Д. Башуцкий, П.К. Хвошинский, С.В. Капнист, М.А. Волков, П.М. Устимович, П.В. Хавский). Рассматриваемый список, представленный императору, как свидетельствуют записи журнала Комитета, не позднее конца марта 1826 г., постоянно пополнялся. Хотя он и вырос количественно, в документах расследования долгое время сохранялось устойчивое название: «список 42-х участников Союза благоденствия»²⁴⁴.

«Отставшие» члены Союза благоденствия не исчерпывают перечень всех, кто был «оставлен без внимания» следствием и вошел в «разряд невзятых». Помимо бывших участников тайных обществ, в числе фактически прощенных, расследование о которых проводилось заочно, без привлечения к допросам, имелись лица, причастные к заговору 14 декабря 1825 г.

Сведения об участии в заговоре офицеров Финляндского полка поступили от А.Е. Розена и затем были подтверждены Е.П. Оболенским. Показания Розена от 9 января содержали данные об участии офицеров-финляндцев в совещании заговорщиков, состоявшемся 11 декабря на квартире Н.П. Репина. Эти показания впервые открыли

перед следствием целую группу офицеров Финляндского полка, извещенных о заговоре и согласившихся участвовать в нем. Согласно показаниям Розена, это были: И.А. Базин, А.А. Бурнашев, А.Ф. Гольдгоер, А.И. Мореншильд, Ф.Б. Мореншильд, Г.Г. Насакен, Я.Г. Насакен, А.Ф. Нумерс²⁴⁵. Из показаний Розена видно, что все они были осведомлены о готовящемся военном выступлении, принимали участие в обсуждении «средств», которые можно использовать, «если будут принуждать... к присяге», по итогам собрания «согласились» не присягать, «а в случае принуждения собраться на Сенатскую площадь...». Представитель этой группы (Розен) ездил вечером того же дня к Рылееву и имел с ним разговор. На следующий день, 12 декабря, представители финляндцев Розен и Богданов отправились на собрание к Оболенскому, где услышали о скором выступлении гвардии и узнали, что нужно готовить солдат, а в момент присяги «отговаривать» их. Им было разъяснено, что если не удастся поднять солдат, то на Сенатскую площадь нужно прийти самим офицерам. Выступление объявлялось под лозунгом верности первой присяге и своему государю, Константину Павловичу. Согласно показанию Оболенского, у него на совещании речь шла о средствах поднять солдат. Совещание окончилось тем, что все его участники обязались привести войска столько, сколько смогут, или находиться на Сенатской площади лично²⁴⁶. Все услышанное на собрании — как и ранее, на встрече с Рылеевым, Розен, по его словам, передал некоторым из согласившихся действовать полковых товарищей, в частности полковнику Тулубьеву, подпоручикам Насакенам и прапорщикам Мореншильдам.

В своих показаниях Розен утверждал, что ему неизвестно, действовал ли кто-нибудь из финляндцев согласно полученным от руководителей заговора указаниям. Известно, что в день 14 декабря некоторую активность обнаружил только Базин, который первый сообщил Розену о том, что на Сенатскую площадь пришли войска, а затем поехал вместе с ним на площадь. В ключевом эпизоде в казармах Финляндского полка с участием полковника Тулубьева свидетелями были некоторые из офицеров этой группы и, возможно, принимали в нем некоторое участие (Г.Г. Насакен и А.А. Бурнашев). Они слышали слова Розена о том, что «все полки» идут на Сенатскую площадь, что финляндцы должны последовать этому примеру; очевидно, вместе с Тулубьевым они согласились на это²⁴⁷. Согласно мемуарам Розена, несомненно, эта же группа офицеров («несколько офицеров полка»)

посетила его накануне событий, вечером 13 декабря. Они спросили, как следует поступить тому, кто будет назначен на следующий день в караулы. Розен отвечал, что «для общей безопасности и порядка» они должны оставаться на своих постах, не покидая их. В эту группу входил Я.Г. Насакен, который спрашивал у Розена, что ему делать, поскольку вступал в караул у здания Сената²⁴⁸. В целом заговорщики-финляндцы оказались в стороне от событий, хотя не исключено, что благоприятное развитие выступления или решение старшего начальника могли вполне изменить это положение.

Обращает на себя внимание другое обстоятельство, связанное с ходом выступления 14 декабря. Руководители заговора надеялись на Финляндский полк: очевидно, результатом совещаний накануне стала уверенность заговорщиков в том, что финляндцы выступят на их стороне. В воспоминаниях Розена приводится характерный эпизод, когда на Сенатской площади офицеры Московского полка, прося о помощи, спрашивали у него о Я.Г. Насакене, который стоял с караулом на площади: «Отчего он не присоединяется к ним с караулом своим?». Очевидно, заговорщики знали не только о возможном присоединении полка к мятежу, но также и о готовности конкретных офицеров полка принять участие в выступлении. Таким был итог тех обязательств, которые были даны Розеном и, видимо, другими финляндцами. Оболенский подтверждал в своих показаниях, что Розен и Богданов 12 декабря в числе прочих участников собрания на его квартире «решительно утвердили... честным словом» свое участие в выступлении²⁴⁹. Но эти обязательства основывались на обещаниях, данных представителями группы офицеров полка, о которой идет речь. Вряд ли один Розен мог дать слово привлечь на сторону восстания большую часть полка, исходя только из своего личного согласия.

Ознакомившись с показаниями Розена, Комитет решил собрать справки о названных им офицерах Финляндского полка²⁵⁰. Первоначальные данные об офицерах «были оставлены до получения сведений из полков о действиях их во время возмущения 14-го минувшего декабря и пред оным»²⁵¹. Свод данных был готов к 5 мая и представлен императору 9 мая 1826 г.; в его основу положены показания Розена и Оболенского; не были опрошены сами офицеры, не были учтены показания Репина, Богданова, старших офицеров полка, в том числе Моллера и Тулубьева. Выяснилось, что офицеры-финляндцы не возмущали солдат, присягали без сопротивления, а во время мятежа

находились при своих местах. Комитет, исходя из полученных данных, сделал вывод о неосведомленности группы офицеров-финляндцев о подлинных целях заговора. Последовало распоряжение императора — оставить всех в полку, не привлекая к следствию, как неприкосновенных к делу²⁵².

В своих записках Розен в немногих словах рассказал о совещании полковых товарищей 11 декабря. Между прочим, здесь он значительно увеличил количество офицеров, его участников: «11 декабря я поехал к Репину, где к большому неудовольствию моему застал до 16 молодых офицеров нашего полка, рассуждавших о событиях дня и частью уже посвященных в тайны главного предприятия. Мне удалось отозвать Репина в другую комнату, заметить ему неуместность и опасность таких преждевременных откровений, что в минуту действия можно положиться на их содействие...». «Из всех тут присутствующих не было ни единого члена тайного общества, кроме хозяина», — утверждал в заключение мемуарист²⁵³.

Разумеется, следствие не имело в своем распоряжении данных о формальной принадлежности финляндцев к тайному обществу. Руководители заговора (Рылеев, Оболенский, Пушкин, Трубецкой) не подтверждали членства в тайном обществе даже фактического лидера этой группы офицеров Розена. Правда, полковой товарищ Розена Репин, напротив, удостоверял его принадлежность к обществу. Показание Репина имеет особое значение для характеристики приемов вербовки в конспирацию накануне событий, в условиях ускоренного формирования заговора: «...при приеме в общество никаких обрядов не существовало... одно сообщение о намерениях оно и согласие во мнениях составляло все так называемое принятие. Поручик барон Розен был у Рылеева и Оболенского, знал столько же, сколько и я, о намерениях общества и также был на сие согласен, а потому и я полагал его в том же отношении к обществу, как и самого себя»²⁵⁴. Тем не менее, Репин не мог подтвердить в отношении приема Розена необходимых и при такой лишенной обрядности процедуре формальных моментов: предложения кандидату о вступлении в общество, сообщения о целях и намерениях конспираторов, полученного в ответ согласия кандидата. Он не знал, кто сообщил Розену об обществе, не мог уличить его в том, что он действительно член общества, но сообщал, что полагает его принятие одновременно с собственным.

С другой стороны, особое внимание привлекает сообщение Репи-

на о том, что Розен «знал столько же», сколько и сам автор показания. Эта информация была известна ему, несомненно, из личного общения с Розеном, поэтому обладает высокой достоверностью. Именно в силу этого Репин полагал Розена в тех же отношениях к декабристской конспирации, что и самого себя. Кроме того, Репин определенно свидетельствовал, что Розен знал о существовании общества и его намерениях, что совпадает с показаниями Оболенского. Но Оболенский и Рылеев заявили в своих показаниях, что лично не привлекали Розена к заговору и не сообщали ему о тайном обществе. Исследователь вправе усомниться в этом, зная о той роли, которую сыграл Розен в событиях, а также о факте его двукратного посещения лидера заговора Рылеева, а также Оболенского.

Если считать показания Оболенского и Рылеева вполне справедливыми, а оснований для этого недостаточно, то нельзя исключить и другой путь, который привел Розена к присутствию на собраниях членов тайного общества и активному участию в заговоре. Неслучайным и весьма значимым в этой связи видится показание Оболенского, который отрицал формальное членство Розена в тайном обществе, но вместе с тем сообщал, что последний «известился о его [общества. — П.И.] существовании... только 11-го декабря, если Репин накануне ничего не объяснял ему»²⁵⁵.

Процедура приема, которая установилась в Северном обществе, отличалась постепенностью: на первом этапе «положено было, чтоб тот, кто принимает нового члена, не открывал ему о существовании общества, но только открывал бы ему свой образ мыслей», — свидетельствовал Трубецкой²⁵⁶. С течением времени вновь принимаемому лицу сообщали о существовании тайного общества, предлагали поступить в его члены. Ознакомление с отдаленной политической целью было содержанием последнего этапа: «О цели и мерах говорили не вдруг, и не все, и не всем одинаково...»²⁵⁷. Это сохраняло свое значение и в «рылеевской отрасли», которая ставила задачу активного распространения конспиративного союза в полках гвардии. На практике в 1825 г., особенно в условиях междуцарствия, эта трехступенчатая процедура значительно сокращалась. По-видимому, такого рода изменения не могли не привести к ускоренному ознакомлению кандидата с фактом существования тайного общества. Сообщение политической цели и средств ее достижения зависело от степени «подготовленности» вновь принимаемого, его «образа мыслей» («смотря по усердию» новопри-

нятого). При этом следует особо отметить, что никаких специальных обрядов не существовало: речь приходится вести только о формальном предложении к вступлению и получению согласия²⁵⁸.

Было ли известно финляндцам о политической цели — изменении государственного порядка? Как уже отмечалось, Розен настаивал на том, что его товарищам по полку открыли лишь непосредственную цель: остаться верными государю, препятствовать навязываемой присяге, что было подтверждено в показании Оболенского. Но достоверность этих свидетельств ставится под сомнение другим показанием Оболенского. Из него явствует, что офицерам было открыто гораздо больше. Оболенский показал, что на совещании у Репина говорилось в числе прочего: если Сенат представит убедительное доказательство тому, что Константин Павлович отказывается занять престол, «...тогда намеревались воспользоваться обстоятельствами, дабы требовать всеобщий собор и временное правление...». Более того, лидер заговора сообщил офицерам, что план этот родился не теперь, — над ним «работали» еще с 1814 года: несомненно, он имел в виду время основания тайных политических организаций. Эти указания имеют принципиальное значение. Оказывается, что участникам заговора, молодым офицерам Финляндского полка, были открыты важнейшие политические намерения руководителей тайного общества. Сообщение о политической цели и, практически, о существовании тайного общества напоминает формальный прием в члены тайного общества.

Показания Оболенского удостоверяют в том, что финляндцам стала известной не только политическая цель заговора, но и само существование конспиративной организации с политической целью. Одновременно они лишают исследователя возможности считать прием финляндских офицеров состоявшимся: молодые офицеры не стали безусловно соглашаться с объявленной им целью, отвечая, что не могут участвовать в исполнении плана созыва «всеобщего собора», ибо не знают лиц, «которые управляют обществом», и «всех предшествующих обстоятельств». Свою готовность участвовать в выступлении они увязали только с «законным поводом»: отсутствием формального отречения от престола Константина Павловича, «предоставляя обстоятельствам впоследствии решить остальное»²⁵⁹. Это согласие участвовать в предполагаемом «возмущении» не было надежным: «верность» законному монарху могла быть поколебленной при новой присяге, как и произошло в действительности; отречение Константи-

на могло поступить в ближайшее время. Поэтому вряд ли надежды руководителей заговора на согласие такого рода были безусловными, в отличие от расчетов на членов тайного общества и лиц, согласившихся участвовать в деле, знавших и одобрявших главные политические намерения.

Тем не менее, финляндцы обещали привести полк или быть на площади без солдат, если последних не удастся поднять. Очевидно, опираясь на показание Оболенского, группу офицеров-финляндцев следует отнести к тем участникам заговора, которым было известно о существовании тайного общества с политической целью; для прояснения вопроса свидетельство Розена нужно признать явно недостаточным. Показание Оболенского о том, что было сообщено им лично финляндским офицерам, свидетельствует о неполной процедуре принятия. Это и понятно: шла напряженная работа по быстрому расширению заговора, что и вызвало сокращение процедуры приема. В условиях ускоренного формирования заговора соответствующим образом изменилась и практика приема. Лишенная, как уже отмечалось, всякой обрядности, эта практика опиралась на личные связи, на установление близкого «образа мыслей», а формально выражалась только в сообщении о существовании тайного общества и его целях, предложении вступить в него. Но и в этой ситуации акт вступления в тайное общество, по нашему мнению, оставался для кандидата вполне осознанным решением²⁶⁰.

Действительно, убеждение в «надежности» привлекаемого лица подразумевало уверенность в единстве «образа мысли», в его согласии участвовать в заговоре. Немалую роль в налаживании связей между руководителями заговора и офицером-кандидатом должен был сыграть товарищ по полку, давний знакомый последнего, уже вошедший в круг тайных связей. Кто мог выступить связующим звеном между лидерами тайного общества и Розеном? Им мог быть Репин: не случайно именно он накануне событий 14 декабря пригласил Розена посетить Рылеева. Если справедливо отрицание Репиным своей осведомленности о процедуре принятия Розена, то эту роль мог сыграть И. Пущин, весьма активный в собирании сил заговора, использовавший для этого свои старые связи и родственные отношения. Как отмечает исследователь биографии Розена Г.А. Невелев, его герой сблизился со своим однополчанином И.В. Малиновским, женатым на сестре Пущина, его лицейского товарища. Это обстоятельство, как

представляется, способствовало знакомству Розена с Пушиным, отсюда один шаг до сближения с Рылеевым и Оболенским (в своих показаниях и мемуарах Розен «проговаривается», обнаруживая свое знакомство с Оболенским, начавшееся задолго до 14 декабря). С Рылеевым Розен был знаком еще со времени обучения в I кадетском корпусе; несомненно, это давнее знакомство поддерживалось литературными интересами Розена²⁶¹.

Еще одно правило конспиративной организации Северного общества, не соблюдаемое, однако, систематически, — новопринятый в первую очередь должен был относиться по делам общества с тем, кто его принял. Только с течением времени вновь принятый член узнавал более широкий круг товарищей. Система отношений, при которой во многих случаях член тайного общества был известен в этом качестве одному-двум лицам, в условиях следствия позволяла успешно отрицать формальную принадлежность к политической конспирации как самому обвиняемому, так и тем, кто вовлек его в тайное общество. В этом, как представляется, кроется основная причина появления противоречивых показаний о принадлежности или непринадлежности к декабристскому обществу. Думается, в случае Розена, как и других лиц, доказавших свою непричастность к декабристской организации (Д.А. Щепин-Ростовский, Я.И. Ростовцев и т. д.), связанных с одним-двумя участниками тайного общества, реальная ситуация была несколько более сложной, чем это явствует из следственных показаний, о чем прямо свидетельствуют их конкретные действия как накануне событий, так и в день 14 декабря.

Таким образом, путь, который привел Розена в декабристский заговор и одновременно, как мы считаем, в тайное общество, представляется достаточно различимым. Он прошел определенную процедуру приема в декабристскую конспирацию — возможно, неполную и ускоренную, облегченную связями с лидерами заговора, прежде всего с Рылеевым и Пушиным. Можно выделить несколько составных частей этой процедуры, которые не поддаются точной хронологической привязке: 1) более тесное знакомство с лидерами тайного общества (через Репина и, возможно, Пушина); 2) предложение присоединиться к тайному союзу (сделанное одним из руководителей заговора — Рылеевым, Пушиным, Оболенским), сопровождаемое сообщением о его цели; 3) присоединение к числу сторонников формируемого заговора. При этом следует особо подчеркнуть необходимость разделить два после-

дних момента. Если участники заговора, не вовлеченные в тайное общество, были осведомлены лишь о непосредственных намерениях заговорщиков, считая своей задачей недопущение «незаконной» присяги, то знание политической цели заговора заставляет предположить прием в тайное общество. Розен вошел в поле зрения руководителей тайного общества значительно раньше кануна 14 декабря. Поскольку, по указанию Репина, прием в тайное общество ограничивался в это время формальным предложением кандидату, его согласием на предлагаемую цель, то можно полагать показание Репина об участии Розена в тайном союзе заслуживающим доверия. В этом случае вывод о формальном принятии Розена в тайное общество вполне правомерен. В пользу него говорит знание Розеном политической цели заговора, его несомненное согласие участвовать в нем, фактическое лидерство среди офицеров Финляндского полка, присутствие в качестве представителя полка на собрании у Оболенского и, по крайней мере, двукратное посещение квартиры Рылеева 12 декабря.

Можно ли считать, что другие офицеры Финляндского полка были присоединены к тайному обществу параллельно с вовлечением в заговор? На этот вопрос трудно дать определенный ответ. При оценке свидетельств нужно иметь в виду следующее. На следствии были получены достоверные данные о том, что офицерам-финляндцам стала известной «ближайшая» цель готовящегося выступления: сопротивление «незаконной» присяге. В качестве отголоска политических задач тайного общества они узнали от Оболенского, что существует завещание Александра I, в котором убавляется срок службы солдатам и прибавляется жалованье²⁶². Очевидно, эти данные должны были использоваться для увлечения нижних чинов. Как уже отмечалось, согласно неучтенному следствием показанию Оболенского офицеры узнали о существовании тайного общества и конечной цели выступления — созыве «всеобщего собора» и изменении характера «правления». Они согласились участвовать в выступлении, но не выразили, как можно понять из этого показания, сочувствия объявленным политическим планам. Таким образом, следует заключить, что процедура приема, если она имела место, не получила завершения, и, по видимому, финляндцы ограничились участием в заговоре против новой присяги.

Офицеры Московского полка М.А. Бестужев и Д.А. Щепин-Ростовский открыли участие в заговоре своих однополчан А.А. Бекетова,

А.А. Корнилова, А.С. Кушелева, П.И. Цицианова. Все они не привлекались к допросам в Следственном комитете²⁶³.

Об участии Корнилова в заговоре стало известно уже к 28 декабря. В журнале Комитета после рассмотрения показаний Щепина-Ростовского было отмечено, что «поименованные» в них офицеры-москвичи Брое, Волков, Кудашев и Корнилов должны быть привлечены к расследованию: их предлагалось «...взяв, допросить». Однако у Николая I было другое мнение, о чем говорит помета А.И. Татищева на докладной записке: «Высочайше повелено по надобности требовать к себе в Комитет, но не арестовывать. 29 декабря»²⁶⁴. Такое распоряжение было отнесено и к другим офицерам Московского полка. Император усматривал, что полученные показания не содержат данные о принадлежности офицеров к тайному обществу или участии в заговоре со знанием политической цели. Следствие согласилось, что офицеры могли быть в «заблуждении» относительно правомерности новой присяги, т. е. находились в том же положении, что и солдаты Московского полка, прощенные императором. Было решено собрать о названных лицах дополнительные данные: «Взять офицеров сих только тогда, когда необходимо нужно будет»²⁶⁵. Тем временем проводилось расследование в полку; офицеры привлекались к допросам полковой следственной комиссией; по некоторым данным, они были арестованы. Часть сведений, собранных в полку (главным образом, среди нижних чинов), была представлена Следственному комитету; эти данные сопоставлялись с показаниями М. Бестужева и Щепина-Ростовского²⁶⁶.

Главные свидетели и обвинители М. Бестужев и Щепин-Ростовский утверждали, что членами тайного общества офицеры-москвичи не являлись и его цели не знали. В отношении Корнилова оба показали: 12 декабря он согласился препятствовать присяге, а во время ее проведения отказался от данного слова. Кушелев, согласно свидетельству Бестужева, 12 и 13 декабря заявлял «о своей решимости» не присягать и даже «хотел вести 4 роту». Этот офицер считал, что нужно быть верным тому, кому присягал; этим он обосновывал свое участие в заговоре. Из показаний следовало, что Бекетов знал о намерениях заговорщиков, но не согласился принять в их действиях личное участие; в то же время он не уведомил о намерениях заговорщиков начальство. То же относилось к Цицианову. Цицианов слышал от офицеров о желании не присягать и не возражал им²⁶⁷.

Следствие обратило внимание на показания Щепина и Бестужева, но поскольку офицеры-москвичи не принимали участия в мятеже и «находились при своих местах», то «подозрение не было очень сильное». Император поручил великому князю Михаилу Павловичу отобрать у них показания, не арестовывая; офицеры отвергли обвинения в согласии участвовать в заговоре и мятеже; император повелел оставить без внимания прозвучавшие показания. Но последующие показания Бестужева, Щепина и материалы следствия в полку обнаружили, что отрицание это являлось «ложным». Однако пока шло рассмотрение дела полковой следственной комиссией, Комитет решил не привлекать офицеров к главному расследованию²⁶⁸.

Следует указать на одно важное обстоятельство: как уже отмечалось, объяснения самих офицеров, данные в полковой следственной комиссии, противоречили показаниям Бестужева и Щепина-Ростовского. Офицеры не признали свою осведомленность о действиях заговорщиков и их целях, как и свое согласие участвовать в заговоре, т. е. отвергали существо показаний Бестужева и Щепина. Однако показания двух полковых товарищей, авторитетных свидетелей, к тому же отрицавших формальную причастность к тайному обществу офицеров-москвичей, ставят под сомнение оправдания последних.

Записи мемуарных рассказов М. Бестужева также дают существенный материал для заключения в пользу участия в заговоре по крайней мере Корнилова и Кушелева. Мемуарист утверждает: «Все бы ротные командиры были бы сосланы, если бы я не молчал на допросах. Кушелев проезжал в Кяхту — прислал поклон и благодарность, что помнит, чем обязан». Почему эти офицеры подверглись бы ответственности, Бестужев подробно не объясняет. Он же утверждал позднее, что «молчал» на допросах, из чего вытекает, что, рассказав на следствии о готовности офицеров-москвичей принять участие в выступлении против присяги, он скрыл нечто более значительное. Возможно, речь шла о знании политической цели выступления, либо о более серьезной вовлеченности в заговор. Так и или иначе, следствие не узнало всех обстоятельств, связанных с привлечением в заговор этих офицеров. В своих воспоминаниях и рассказах о событиях 14 декабря Бестужев сообщал о готовности Корнилова принять участие в выступлении; но перед присягой, при ознакомлении с официальными документами, Корнилов отказал в содействии, назвав готовящееся выступление «беззаконным предприятием». Мемуарист пере-

дал и свой диалог с Кушелевым утром 14 декабря: «„Я буду с своей ротой, хотите, чтоб я был?“ Я сказал: „Ваше присутствие не нужно... Дайте роту...“. „И прекрасно, — возьмите роту“»²⁶⁹.

Офицеры-московцы продолжали полностью отрицать показания главных обвинителей. Специальное исследование по этому поводу, включая допросы и очные ставки между обвинителями и обвиняемыми, проведено не было по следующим официально обозначенным причинам: это замедлило бы ход главного следствия, такое исследование напрямую не связывалось с главным следствием (как утверждалось, офицеры не состояли в тайном обществе и не знали о политических намерениях его участников). Наконец, следователи ссылались на полученное еще в марте 1826 г. повеление императора привлекать к следствию только тех, против которых имелись «важные» показания. К преданию офицеров военному суду как участников заговора усматривалось еще больше препятствий: обвинители, нижние чины, к тому времени были отправлены в крепости и Грузинский корпус, удалены от места расследования. Поэтому Комитет представил решение участи офицеров на усмотрение императора, «без предварительного дальнейшего исследования обыкновенным судебным порядком»²⁷⁰. Уже в конце своей работы в мае 1826 г. была подготовлена особая записка об офицерах Московского полка, не участвовавших в «бунте», но вошедших в число заговорщиков, которая была затем рассмотрена Николаем I для вынесения решений²⁷¹. В записке обобщалась информация, полученная от свидетелей-подследственных и полковой следственной комиссии. Следствие заключило, что Бекетов, Корнилов и Кушелев знали о намерениях «произвести возмущение» и не донесли о них начальству. Они отказались содействовать товарищам во время присяги, после оглашения официальных документов, которые прилагались к манифесту о восшествии Николая I на престол. Перечисленные офицеры-московцы были признаны виновными в том, что «ложно отреклись от предварительной известности о мятеже» и соглашались накануне мятежа действовать против присяги. Однако эта выявленная виновность была признана высшей властью недостаточной для назначения им наказания. Император, ознакомившись с итоговой запиской и представленным сводом показаний, велел оставить офицеров-московцев по-прежнему в полку, не привлекая к ответственности, что фактически означало прощение выявленной «вины».

* * *

Насколько многочисленна группа участников тайных обществ, не привлекавшихся к следствию непосредственно, о которых проводилось заочное расследование? Материалы следственных розысканий о категории лиц, получивших «заочное прощение», были собраны как в персональных делах (А.А. Кавелин, Л.А. и В.А. Перовские, С.Н. Бегичев и др.), так и в показаниях, отложившихся в составе особых следственных дел (например, справки, собранные по показаниям И.Г. Бурцова). Как уже отмечалось, несмотря на цифру, фигурирующую в заглавии составленного следователями списка непривлекавшихся к допросам («42 человека»), документы следствия содержат информацию о гораздо большем числе лиц, показания об участии которых в тайных обществах были «оставлены без внимания». В окончательном варианте перечня «отставших» членов Союза благоденствия, которые не привлекались к следствию, по сравнению с первым списком лиц, извлеченных из показаний Бурцова и А.Н. Муравьева (22), оказалось почти в три раза больше участников ранних декабристских организаций. Всего в перечень «заочно прощенных» участников Союза благоденствия вошли 60 человек, с учетом трех привлекавшихся к допросам неарестованными (И.П. Шипов, Ф.П. Толстой, И.А. Долгоруков) и шести представивших «объяснительные записки». В список членов Союза благоденствия и других «ранних» тайных обществ, «оставленных без внимания», из числа заочно прощенных не вошли О.П. Богородицкий, А.Ф. Воейков, М.А. Дмитриев-Мамонов, В.И. Пестель, из числа прощенных и освобожденных после первого допроса — П.П. Лопухин и Петр Колошин²⁷².

Если учесть, что список содержит отдельные имена привлекавшихся к следствию (без ареста), но при этом не включает лиц, названных в качестве участников заговора, показания против которых «были оставлены без внимания», то общее количество тех, с кого заочно было снято наказание, составляет 70 человек.

Выявленный «состав преступления» и реконструкция причин освобождения от наказания

На завершающем этапе процесса верховная власть и руководители следствия отказались от мысли предать суду всех обнаруженных участников тайных обществ, которым можно было предъявить обвинение по «первым двум пунктам»; часть обвиняемых избежала суда, получив административные наказания. В случае прощенных и освобожденных от наказания сложилась противоречивая ситуация, вызванная, как можно считать, различными причинами, повлиявшими на освобождение от преследования выявленных участников декабристской конспирации. Прежде чем перейти к рассмотрению этих причин, необходимо остановиться на вопросе о характере выдвигавшегося обвинения против освобожденных от наказания подследственных, принимая во внимание содержание обвинительных показаний.

Прежде всего, нужно обратиться к группе освобожденных от наказания участников Союза благоденствия. По версии следствия, участники этого тайного общества не подлежали ответственности, если они не знали «сокровенной» цели политического характера. В отношении прощенного императором Петра Колошина, а также освобожденных в ходе процесса И.М. Юмина, Ф.Ф. Гагарина, Ф.Г. Кальма и Н.И. Кутузова действительно не было собрано никаких конкретных данных о знании ими планов политического переворота и достижения представительного правления. Согласно собственным показаниям, а также показаниям основных свидетелей, они были осведомлены только о просветительской цели Союза благоденствия. Имелось, правда, показание (без конкретных деталей и обоснования) П.И. Пестеля о том, что Кальм должен был знать о политической цели тайного общества, которая объявлялась при вступлении или вскоре после него всем участникам южных управ Союза²⁷³.

Большинство очно не привлекавшихся к следствию участников ранних обществ также должны быть отнесены, согласно полученным данным, к категории знавших только о «внешней» цели (А.А. Кавелин, братья Перовские, В.И. Гурко, А.Я. Миркович и др.). Показания, которые имелись против них, не содержали каких-либо данных о знании ими политической цели, кроме, в ряде случаев, сведений о слышанных разговорах, касавшихся необходимости ввести конституцию в России²⁷⁴.

С точки зрения следствия, этого было недостаточно для выдвижения формального обвинения.

Осведомленность Н.И. Комарова о существовании политической цели Союза благоденствия и планах решительных действий по ее достижению не вызывала сомнений: она была очевидна при анализе его собственных показаний. Но декларируемая им позиция (личные усилия, находящиеся исключительно в пределах «внешней» просветительской цели) и общая линия, проведенная в показаниях (сопротивление всем намерениям превратить тайное общество в оппозиционную организацию, борьба с политическим направлением в Союзе), затрудняли предъявление обвинения.

Приблизительно та же позиция была выдержана на процессе М.Н. Муравьевым. Вместе с тем имелись показания, обвинявшие его в соучастии при основании тайных обществ и принадлежности к ним со знанием «сокровенной» цели («полное знание умысла, но без всякого действия»^{274а}), что могло привести как к приговору суда по VIII разряду, так и к административному наказанию.

Несколько участников Союза благоденствия обвинялись в принадлежности к тайным обществам после 1821 г. и в знании политической цели. Это П.П. Лопухин, А.В. Семенов, В.Д. Вольховский. В отношении Семенова была доказана его принадлежность к Союзу благоденствия и «Практическому союзу». Осведомленность о политической цели тайного общества, участие в Северном обществе и знание о «приготовлениях к мятежу» обнаруживались только в показаниях Оболенского и Пущина. Особенно опасным с точки зрения обвинения являлось свидетельство Оболенского о том, что Семенов был лично им извещен о плане 14 декабря. Сам Семенов категорически отрицал это, ему удалось защитить свою позицию на очных ставках с обвинителями, поэтому обвинение в принадлежности к тайному обществу после 1821 г. фактически было снято. В итоге он оказался уравнен с другими членами Союза благоденствия. Если бы обвинительные показания подтвердились, Семенов по крайней мере мог попасть в число наказанных административным образом.

Показания Лопухина ясно обнаружили, что он знал и разделял «сокровенную» цель тайного союза, участвовал в учреждении Северного общества. Показания о нем свидетелей подтверждали это, равно как и его принадлежность к категории «коренных» членов Союза спасения и Союза благоденствия, что также указывало на участие в

обсуждении намерений преобразования государственного строя. Лопухин знал, судя по собственным показаниям, о намерениях «бунта»²⁷⁵. Смягчал положение только отход Лопухина от Северного общества вскоре после 1822 г. Этот «состав преступления» был достаточно серьезен: он позволял выдвинуть обвинение по «второму пункту» («бунт», учреждение общества с целью изменения государственных порядков) в нескольких видах: «участие в умысле распространением тайных обществ, впоследствии сопровождаемое... отступлением от оных», «участие в умысле распространением обществ, привлечением товарищей или принятием поручений», «полное знание умысла, но без всякого действия». В совокупности с другими видами виновности этот «состав преступления» соответствовал обвинению лиц, преданных суду по V–VII разрядам. Однако учитывая, что Лопухин не обвинялся по другим «родам преступлений», он, как представляется, по выявленной вине должен был подвергнуться наказанию без суда.

Одним из наиболее серьезных с точки зрения обвинения следует признать случай Вольховского. Свидетели представили многочисленные данные о его формальном членстве в Северном обществе, а следовательно — знании им политической цели. Его участие в собраниях членов Северного общества, где обсуждались средства достижения цели — конституционного правления, свидетельствует о полном знании «сокровенной цели». Он был знаком с Конституцией Н.М. Муравьева и «Русской Правдой» Пестеля, участвовал в избрании Думы Северного общества. Вольховскому могло быть предъявлено обвинение в преступлении по роду «бунт» («полное знание умысла, но без всякого действия»), что влекло за собой неотвратимое наказание (судебный приговор по одному из низших разрядов или наказание без суда).

Особенно сложная ситуация возникла вокруг освобожденных от наказания участников Союза благоденствия, на которых пало подозрение в участии в наиболее опасных с позиции обвинения собраниях руководящих членов Союза в 1820 г. — И.П. Шипова, И.А. Долгорукова, Ф.П. Толстого²⁷⁶. Все трое участвовали в обсуждении вопроса о желаемом государственном устройстве и республиканском правлении. Из чего вытекала их осведомленность о «сокровенной» политической цели. То, что все трое всецело отрицали показания о собраниях 1820 г. и своем участии в них, не препятствовало предъявлению обвинения: оно покоилось на показаниях нескольких авторитетных

свидетелей (прецедент Ф.П. Шаховского, преданного суду, несмотря на полное отрицание им обвиняющих свидетельств). Кроме того, на квартире Шипова, согласно ряду показаний, двое из упомянутых участвовали в обсуждении путей и способов достижения политической цели, вплоть до возможности царубийства. Следует, наконец, добавить, что Шипов обвинялся по собранным данным еще и в том, что участвовал в организации Северного общества и принимал в него новых членов. Собранный на следствии материал позволял обвинить этих лиц по «первому пункту» (покушение на жизнь и власть императора) — в «знании умысла, в том или другом его виде, достоверное, но равнодушное», «без согласия и противоречия», либо в «знании умысла... но без согласия, даже с противоречием на первые его виды», а по роду виновности «бунт», учитывая осведомленность о политической цели, — в «полном знании умысла, но без всякого действия», либо в «участии в умысле, но без согласия на меры жестокие». В совокупности обеих «вин» Долгоруков и Шипов, а также отчасти и Толстой (не бывший на собрании у Шипова) подлежали, строго говоря, преданию Верховному уголовному суду (VI–VII разряды). Если учитывать роль и влияние в тайном обществе этих лиц на протяжении ряда лет, если следовать выявленной степени виновности, так и должно было произойти. Особенно серьезное обвинение могло быть выдвинуто против Шипова: принадлежность к Северному обществу и принятие в него членов подразумевали полную осведомленность о «сacroквенной» цели, что вело к дополнительному пункту обвинения — в «участии в учреждении тайных обществ, впоследствии сопровождаемом отступлением от оных» или «участии в умысле распространением обществ, привлечением товарищей или принятием поручений». Придерживаясь критериев, заложенных в распределении «степеней» виновности по разрядам, Шипову следовало назначить приговор по V–VI разряду.

К перечисленным участникам Союза благоденствия, которые подзревались или прямо обвинялись в знании политической цели, можно добавить Л.П. Витгенштейна, который по официальному заключению принадлежал только к Союзу благоденствия, и в таком случае не подлежал ответственности, но ряд свидетельств указывал на обратное. Принадлежность к Южному обществу могла привести к обвинению Витгенштейна в знании политической цели.

В отношении прощенных участников тайных обществ, возникших

после 1821 г., можно было выдвинуть обвинения по «второму» пункту («бунт») и по пункту «мятеж воинский», в связи с осведомленностью многих из них о готовящемся восстании. В числе прощенных лично императором такие обвинения могли последовать в отношении А.А. Суворова и С.Н. Жеребцова (по «бунту» — «полное знание умысла, но без всякого действия», либо «неполное знание умысла», по «мятежу» — «знание о приуготовлениях к мятежу без личного действия со сведениями о сокровенной цели»). В совокупности по обоим пунктам обвинения эти помилованные императором лица подлежали ответственности наравне с осужденными по IX–X разрядам. Принадлежность Суворова к петербургскому филиалу Южного общества должна была вызвать подозрение в знании планов покушения на императора и введения республики. Против Ф.В. Барыкова подобных данных не было, однако он, несомненно, знал о политической цели тайного общества (введение Конституции), что влекло за собой то или иное наказание (по крайней мере несудебного характера).

Освобожденный от наказания полковник А.Ф. Моллер, как член Северного общества, подлежал ответственности по пункту «бунт» за «полное знание умысла, но без всякого действия», по роду преступления «мятеж воинский» — за «знание о предстоящем мятеже без действия и без полного сведения о сокровенной его цели», либо за «знание о приуготовлениях к мятежу со сведением о сокровенной цели». Это в целом соответствовало виновности осужденных по VIII–X разрядам. Относительно полковника А.Н. Тулубьева следствие располагало показаниями (прежде всего, Розена), обвинявшими его по пункту «мятеж воинский» в том, что он знал о готовящемся выступлении. Тулубьев подозревался также в осведомленности о цели выступления и в согласии присоединить к восставшим подчиненный ему батальон. Сам он решительно отрицал эти показания. Однако, учитывая случай Ф.П. Шаховского, обвинительные показания могли стать основанием для предания Тулубьева суду и приговора по IX–X разрядам.

Участники заговора, подготовленного тайным обществом, освобожденные от ответственности, обвинялись в основном по пункту «мятеж воинский», поскольку знали и не донесли правительству о готовящемся выступлении. Наиболее серьезное обвинение могло быть выдвинуто против прощенных императором офицеров Конной артиллерии А.Г. Вилламова, К.Д. Лукина и А.И. Гагарина. Они оказывались

виновными в личном участии в мятеже. Формулировка «состава преступления» по пункту «мятеж воинский» могла звучать как «личное действие в мятеже с возбуждением нижних чинов или возбуждение без личного действия» (без знания «сокровенной цели»). Надо отметить, что это, строго говоря, соответствовало степени виновности преданных суду и осужденных по IX–XI разрядам. Кроме того, показания говорили в пользу того, что эти офицеры знали о готовящемся выступлении (хотя, согласно полученным показаниям, о политической цели представления не имели). В случае подтверждения этих показаний виновность конноартиллеристов, при последовательном применении принятой системы обвинений, соответствовала виновности осужденных по IX разряду²⁷⁷.

Офицеры Гвардейского экипажа Д.Н. Лермантов, П.Ф. Миллер, А.Р. Цебриков до последних дней расследования рассматривались как подлежащие наказанию, не случайно их судьба решилась вместе с наказанными без суда. Против них имелись данные о непосредственном участии в мятеже. Сведения о знании ими политической цели заговора на следствии не фигурировали. В силу этого офицерам грозило обвинение по пункту «мятеж воинский» («личное действие без возбуждения нижних чинов... без полного знания о сокровенной цели»). Обвиняемые с такой степенью вины предавались суду только в том случае, если им предъявлялись обвинения по другим родам преступлений. Без этого, очевидно, им следовало административное наказание. То же можно отнести к Н.А. Колончакову.

Освобожденные от наказания офицеры Московского полка А.А. Бекетов, А.А. Корнилов, А.С. Кушелев и П.И. Цицианов, по собранным данным, могли быть обвинены в «знании о предстоящем мятеже без личного действия и без полного знания сокровенной цели». Офицеры, кроме того, были согласны участвовать в выступлении. Но, поскольку они тоже не обвинялись по другим пунктам, то, несомненно, подлежали наказанию без суда. Более серьезное положение было у группы офицеров Финляндского полка (И.А. Базин и др.). Показания Оболенского вскрыли осведомленность этих офицеров не только о готовящемся мятеже, но и, что самое важное, о политических требованиях как цели выступления. Следовательно, открывалась возможность для обвинения их в «знании о приготовлениях к мятежу со сведением о сокровенной цели», «без личного действия». В этом случае их виновность оказывалась такой же, как у осужденных по X разряду. Однако

показания Оболенского в полной мере не были приняты во внимание. Если учесть, что показание Оболенского было единственным, а другие свидетели его не поддержали, то получается, что виновность офицеров следует оценить согласно формулировке «знание о предстоящем мятеже без действия и без полного сведения о сокровенной цели». Без вины по другим родам преступлений обвиняемые в этом наказывались без предания суду.

К.О. Куликовский был осведомлен о готовящемся выступлении. Он, кроме того, «соглашался на мятеж», дав согласие участвовать. Учтывая то, что не была установлена принадлежность к тайному обществу, против него могло быть выдвинуто обвинение в «знании о предстоящем мятеже без действия и без полного сведения о сокровенной цели». Последнее влекло за собой предание суду и приговор по X разряду.

Таким образом, виновность большинства прощенных и освобожденных от наказания была доказана. В ряде случаев, при отрицании обвинений самим подсудимым, имелись авторитетные показания свидетелей-обвинителей. Наиболее серьезным выглядит обвинение по главному роду виновности («первый пункт»), в отношении И.П. Шипова и И.А. Долгорукова. Некоторые подозрения «по первому пункту» и наиболее серьезная виновность по «второму пункту» (в знании политической цели), что тоже влекло за собой приговор суда, имелись в отношении Ф.П. Толстого, В.Д. Вольховского. Если бы следствие придавало больше веса показаниям свидетелей по делу А.В. Семенова, а не его собственным оправдательным показаниям, то приговора суда или серьезного административного наказания не избежал и он. Однако в данном случае следствие предпочло не брать за образец решение относительно Ф.П. Шаховского. Наказания, главным образом соответствующие низшим разрядам преданных суду, а также наиболее тяжким административным наказаниям, «заслуживали» по составу выявленной вины участники тайных обществ А.А. Суворов, С.Н. Жеребцов, Ф.В. Барыков, знавшие о готовящемся заговоре и его цели А.Ф. Моллер и А.Н. Тулубьев, группа офицеров-финляндцев и конноартиллеристов. Несомненно, их вина была в глазах власти, судя по всему, смягчена теми или иными обстоятельствами (личным прощением императора, неучастием в событиях восстания, неосведомленностью о политической цели выступления и т. д.).

Большая часть освобожденных от наказания членов Союза благо-

денствия (Ф.Г. Кальм, М.Н. Муравьев, Н.И. Комаров и др.) подлежали внесудебному преследованию, наравне с административно наказанными (Бурцов и др.) — за «недонесение» о существовании тайного общества. Установленная виновность некоторых даже заслуживала приговора суда (П.П. Лопухин). Таким образом, в случае если бы верховная власть и следствие предельно точно выдержали принятую систему наказаний и были последовательны в вынесении решений, то большинство прощенных и освобожденных от наказания могли подвергнуться внесудебным репрессиям, которые так же зависели напрямую от воли императора, как и решения о помиловании.

* * *

Установив факт доказанной «вины» подавляющей части освобожденных от наказания участников тайных обществ, которая влекла за собой административное наказание, а в некоторых случаях — предание суду, согласно принятой на судебно-следственном процессе градации виновности и системе наказаний, нужно уяснить причины решений о прощении выявленной виновности подследственных.

Прежде всего, отметим, что в Донесении Следственной комиссии все обнаруженные тайные общества объявлялись «злоумышленными», имеющими антигосударственный характер: «Целью составления их общества было с самого начала изменение государственных установлений в России; так показывают Александр, Сергей, Матвей, Никита Муравьевы и Пестель»²⁷⁸. Из чего следовало, что принадлежность к любому из тайных обществ влекла за собой ту или иную степень ответственности. «Злоумышление», иначе говоря, намерение изменить государственный порядок, согласно Донесению, возникло уже при основании первого тайного общества — Союза спасения: «...с самого учреждения первого общества... обнаруживались в основателях мысли конституционные, но весьма неопредетельные и более склонные к монархическим установлениям»²⁷⁹.

Однако в ходе расследования, как отмечалось выше, следствие пришло к мнению, которое разделяла высшая власть, что не все из участников этих обществ подлежали ответственности. Это произошло потому, что следствие различало «полное знание» «сокровенной цели» и ее неполное знание, допускало отсутствие осведомленности о политических планах организаторов и руководителей обществ. По мнению

следствия, некоторые из участников тайного общества знали только о «внешней» цели просвещения, благотворения и нравственных занятий, не догадываясь о «сокровенной». Опираясь на показания членов Союза, следствие провело разграничительную линию внутри сообщества выявленных участников декабристской конспирации. Большинство «рядовых» членов Союза благоденствия, тех участников тайных обществ, что оставались на низших ступенях членства, как неосведомленных в «преступных целях», следовало относить к числу «замешанных» в дело, не знавших о преступных замыслах.

Эта на первый взгляд простая и логичная схема, взятая на вооружение следствием, при ближайшем рассмотрении часто оказывается достаточно далекой от адекватного отражения даже той информации, что содержалась в следственных показаниях, не говоря об указаниях других источников (мемуаров и т. д.). Материалы следствия содержали показания, противоречившие этой схеме. Так, секретарь Коренного совета Союза благоденствия С.М. Семенов свидетельствовал, что о политических намерениях «сначала... знали только главные, а впоследствии проникнули и другие члены, что целью Союза было изменение государственных установлений, для оной и для той, которая была объявлена в Уставе, признавали равно нужным усиливать общество, распространять политические знания и стараться овладеть мнением публики»²⁸⁰. Из этого следовало, что политический характер Союза был вполне проявлен и в его практической, «повседневной» для рядовых членов деятельности (столь подробно и тщательно описанной в «Зеленой книге»); о нем знали едва ли не все его участники.

Многие из участников Союза благоденствия, даже отошедшие от тайного общества, согласно тем данным, что получило следствие, вели политические разговоры и знали о политической цели тайного общества. Так, из числа участников Петербургских совещаний 1820 г. и Московского съезда 1821 г., на которых обсуждались принципиальные вопросы программы, тактики и организационного устройства конспиративных обществ, некоторые были наказаны без суда (Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе, И.Г. Бурцов, М.Ф. Орлов, Павел И. Колошин, И.А. Фонвизин). Другие оказались прощенными, либо освобожденными от ответственности иным образом и не получили наказания (И.А. Долгоруков, П.П. Лопухин, М.Н. Муравьев, Ф.П. Толстой, И.П. Шипов, Петр И. Колошин, Н.И. Комаров). Все они принимали самое непосредственное, часто — деятельное, участие в

составлении программных документов тайных организаций, наряду с преданными суду и наказанными без суда. Они оказывали влияние на принятие решений, осуществляли прием новых участников, различные поручения, наблюдали за деятельностью членов и т. д. О политической направленности тайного общества, планах преобразования правления, пусть и отдаленных во времени, не могли не знать начальники управ, напрямую связанные с руководящими членами, те, кто посещал общие с членами Коренного совета собрания, на которых шло обсуждение принципиальных вопросов о возможной в будущем форме правления.

Признанию объективности указанной схемы препятствуют затруднения в установлении степени причастности к тайному обществу того или иного члена, его принадлежности к определенному разряду в структуре тайного общества. Следствие так и не смогло представить ясного взгляда на самую многочисленную тайную организацию из обнаруженных — Союз благоденствия, в котором отсутствовали степени членства. Кто из участников Союза знал политическую цель тайного общества, кто имел представление о намерениях ввести «представительное правление», а кто замыкался лишь на целях «благотворения и просвещения», — все это с трудом поддавалось более или менее последовательному выяснению в условиях следствия.

Кроме того, выяснению подлинного содержания конспиративных контактов мешает также отсутствие интереса следствия к членам ранних тайных обществ, которое основывалось на общем принципе: Комитет специально не расследовал историю этих тайных обществ. Он касался ее лишь в той степени, в какой в период существования указанных союзов обсуждались «острые» вопросы о введении республиканской формы правления, покушении на императора и т. д., подпадающие под статьи обвинения в государственных преступлениях, то есть стремился выявить факты и обстоятельства, служившие материалом для обвинения конкретных лиц.

Между тем, опираясь на заявленные в уставе Союза благоденствия цели и содержание деятельности организации, привлеченные к процессу члены тайного общества получали благоприятную возможность представить дело так, что Союз не имел политического характера, являясь собранием людей, одушевленных патриотическими, просветительскими и филантропическими стремлениями. Многие подследственные в своих показаниях утверждали, что никогда не участвовали

в политических намерениях, а если и слышали слова, их содержавшие, то возражали планам «вольнодумцев», не придавали им значения. Облик тайного общества приобретал известные масонские черты. Эту ситуацию можно интерпретировать как попытку части обвиняемых избежать привлечения к «делу» о государственном преступлении. Некоторым из подследственных удалось строго придерживаться этой позиции (М.Н. Муравьев, Н.И. Кутузов, Ф.П. Толстой и др.). Другие настаивали на своем кратковременном и бездейственном участии в тайном обществе, имевшем некоторые черты политического характера (Ф.Ф. Гагарин, П.П. Лопухин, И.А. Долгоруков).

Навстречу этому шла официальная версия истории тайного общества. Как отмечалось в Донесении Следственной комиссии, «многие могли быть прельщены рассеянными в уставе... весьма обыкновенными филантропическими и патриотическими мыслями; других завлекли побуждения дружбы, доверенность к некоторым людям или влияние моды... а сим пользовались деятельнейшие в обществе, возбуждая в слабых боязнь сделаться смешными или суетное любопытство, а [в] иных... даже виды личной корысти»²⁸¹.

В значительном числе случаев оправдательные показания членов Союза благоденствия не подвергались сомнению в ходе процесса. Многим удалось убедить следствие в том, что политические цели тайного общества не были им известны. Но иногда следствие все же не верило бывшим участникам Союза. Так, Ф.П. Шаховской в своих показаниях отрицал политический характер тайного общества, в котором состоял, категорически отвергал свой вызов на покушение против императора в 1817 г., ставший известным благодаря другим подследственным²⁸². Несмотря на это, Шаховской был предан Верховному уголовному суду, поскольку против него имелись показания авторитетных свидетелей. Ф.Н. Глинка, несмотря на свои показания о «невинном» благотворительном характере тайного общества, в котором он играл значительную роль на протяжении 1818–1821 гг., был наказан в несудебном порядке.

Однако в той же ситуации И.П. Шипов, И.А. Долгоруков и Ф.П. Толстой, которые также отвергли свою осведомленность о намерениях установления республики и участие в обсуждении, пусть и теоретического характера, вопроса о цареубийстве, не привлекались к ответственности и были освобождены. Их имена, а также имя П.П. Лопухина, не назывались в Донесении Следственной комиссии.

В тексте Донесения не удалось избежать упоминания об этих лицах, с санкции высшей власти они фигурировали анонимно: «...еще три члена, кои потом в разные времена удалились от общества, прекратили всякие сношения с упорнейшими из бывших товарищей своих и тем заслужили, при милостивом прощении Вашего императорского величества, совершенное забвение кратковременного заблуждения, извиняемого и отменною их молодостию»²⁸³. Сюжет раскрывался в отдельном документе, приложенном к Донесению, но не обнародованном. Он предназначался исключительно для сведения императора. «Секретное объяснительное прибавление ко всеподданнейшему докладу Комиссии» объясняло, кто и почему не упомянут в Донесении: «По высочайшей воле Вашего императорского величества комиссия в своем общем донесении не наименовала трех членов тайного общества, удостоившихся полного отеческого прощения Вашего, но о коих, однако же, по участию их в составлении сих обществ и в некоторых замечательных совещаниях нельзя было умолчать вовсе. Они (князь Илья Долгорукий, Иван Шипов и князь Павел Лопухин) в докладе означены как члены, искренним раскаянием заслужившие совершенное забвение своего кратковременного заблуждения, извиняемого и отменною их молодостию. Не наименован также граф Федор Толстой, бывший в Коренном совете Союза благоденствия, но не действовавший и вскоре оставивший сие общество...»²⁸⁴. Из текста «прибавления» видно, что имена исключенных из Донесения лиц не внесены в него «по воле» Николая I. Фактически этот документ следствия передавал решение участи указанных лиц на усмотрение императора. Однако ко времени его составления решение уже состоялось — Николай I повелел простить их. Ясно, что эти «наиболее виновные» из числа отошедших от тайного общества в 1821–1822 гг. лиц избежали репрессий, несмотря на угрожавшее им наказание, прежде всего благодаря тому, что их простил сам император.

Таким образом, участники Союза благоденствия, не состоявшие по данным следствия в последующих конспиративных организациях, были почти полностью выведены за пределы расследования и фактически «прощены». Для их привлечения требовались дополнительные обстоятельства: связь с тайными обществами, возникшими после 1821 г., известность о заговоре 1825 г., осведомленность о замыслах покушения на членов императорской фамилии и планах преобразования политического устройства. В целом, участники ранних тайных об-

ществ, которым, по версии следствия, была известна лишь «внешняя» цель: просвещение, благотворительность, нравственное совершенствование, а не «сокровенная» политическая цель, освободились от ответственности. Решение о «прощении» принадлежности к Союзу благоденствия не могло, конечно, состояться без участия высшей власти.

Можно констатировать, что в ходе процесса победила концепция двух обществ — «первого» (до 1821 г.) и «второго», имевшего обязательную политическую цель. Из этого вытекало, что большинство участников Союза благоденствия и других тайных обществ до 1821 г. не знали о политическом характере конспиративного объединения, не были осведомлены о «сокровенной» его цели. Исключением служили те, кто составлял ядро руководителей Союза и разработывал содержание политической «сокровенной» цели, значительная их часть при этом вошла в состав последующих организаций и поэтому в любом случае заслуживала наказания²⁸⁵. Исходя из этой ситуации, получалось, что рядовые члены последующих обществ были осведомлены о политических планах и все без исключения должны были понести наказание²⁸⁶. В итоге члены Союза благоденствия и других тайных обществ до 1821 г. составили основную часть избежавших наказания участников движения²⁸⁷.

Между тем, при широте заявленных принципов привлечения к ответственности (основанием для наказания могло служить одно лишь недонесение о существовании тайного общества), всех признавшихся в принадлежности к тайным обществам следовало предать суду или подвергнуть административному наказанию. Не случайным видится и то, что в качестве обоснования наказания в отношении ряда бывших членов Союза благоденствия император прибег к формуле «за необъявление при подписке» принадлежности к тайному обществу. Действительно, поскольку при проведении в 1822 г. подписки никто из членов Союза не объявил о своем участии в нем, все они подлежали наказанию. Это и последовало в отношении ряда членов, содержащихся под арестом²⁸⁸. Однако по такому основанию все члены Союза благоденствия должны были привлекаться к ответственности, в том числе многие из оставленных без внимания следствием по распоряжению императора.

Другую часть ненаказанных декабристов образовали лица, прощенные императором, — главным образом, участники тайных об-

ществ после 1821 г. и заговора 1825 г. Акт помилования в ряде случаев оказал сдерживающее влияние на расследование, не позволив установить в полной мере «состав преступления» помилованных. Особенно наглядно это видно в случаях, когда следствием были проигнорированы показания о тех, кто разделял политические намерения заговорщиков (А.А. Суворов, Л.П. Витгенштейн, А.Ф. Моллер).

Определяющую роль в этих случаях играла избранная подследственным линия защиты²⁸⁹. Одна из основных причин прощения и освобождения от наказания — умелая и последовательная защита подследственных при допросах. Если для членов Союза благоденствия, привлеченных к следствию, как говорилось выше, самым главным было доказать свою непричастность к тайному обществу, образованному после 1821 г., а также свою неосведомленность о политических намерениях конспирации, то для участников тайных обществ после 1821 г. важнейшим звеном тактики защиты являлось доказательство отсутствия всякой реальной связи с тайным обществом, своей организационной непричастности к нему. Действительно, над членами тайных обществ после 1821 г. нависла угроза ответственности за «знание» планов переворота и цели «перемены правления», поэтому практически единственным способом оправдания представлялось доказательство случайности связи с участниками конспирации, отрицание какой-либо деятельности в рамках общества и особенно — в заговоре декабря 1825 г. Именно такой позиции придерживались А.А. Суворов, С.Н. Жеребцов, А.Н. Тулубьев и другие прощенные и освобожденные участники Северного и Южного обществ.

Для участников военных выступлений декабристов главным элементом защиты служило доказательство неосведомленности о существовании тайного общества и политических планов заговорщиков. Так поступили офицеры-конноартиллеристы, гвардейские моряки. В том случае если следствие выявляло «легитимные» мотивы участия в мятеже (стремление не нарушить первую присягу Константину Павловичу), не отягощенного какими-либо «преступными действиями», следовало освобождение от наказания.

Продуманная, последовательно проведенная тактика защиты на следствии сыграла не последнюю роль в освобождении от наказания ряда участников движения, в том числе весьма активных. Результаты сокрытия подлинных обстоятельств конспиративных отношений, несомненно, отразились в формулировках степени причастности к

«делу», зафиксированных в документах следствия: записках о «силе вины», справках «Алфавита» Боровкова о членах Союза благоденствия, а также о В.Д. Вольховском, А.В. Семенове, А.А. Суворове, С.Н. Жеребцове, А.Н. Тулубьеве, офицерах-конноартиллеристах.

Отрицание причастности к планам «перемены правления» (и, тем более, к обсуждению темы царевубийства и введения республиканского правления, планов мятежа и покушений) убеждало следователей в «слабой» виновности подозреваемого, особенно если не было других уличающих показаний. Тактика отрицания нередко приносила свои плоды и при наличии серьезных показаний уличающего характера, и при проведении очных ставок. В ряде случаев подследственные, первоначально обвинявшие тех или иных лиц, после проведения очных ставок или перед угрозой их проведения отказывались от своих показаний²⁹⁰. Упорное отрицание приводило в таких ситуациях к благоприятному исходу для подследственного: оно сыграло свою роль в случаях А.В. Семенова, Н.И. Кутузова, М.Н. Муравьева и др. Вместе с тем, нужно указать и на противоположные случаи. Так, Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе, А.Н. Фролов, несмотря на полное отрицание компрометирующих показаний, все же понесли административное наказание.

Характерным примером трансформации такого рода оправдательной позиции в ретроспективный рассказ служат воспоминания С.П. Шипова, известного следствию в качестве участника тайных обществ до 1821 г., но не привлекавшегося к допросам. Эти воспоминания, написанные в 1850-е гг., отразили «сценарий» отношений мемуариста и декабристского общества, который сложился на протяжении десятилетий в индивидуальном сознании автора. Вспоминая о своих отношениях с осужденными декабристами, Шипов рисует образ друга будущих заговорщиков, предостерегающего их об опасностях «ложного пути». Он сообщает о тесной дружбе с Пестелем, о длительных занятиях политическими науками вместе с группой близких товарищей, в которых угадывается ядро инициаторов Союза спасения и Союза благоденствия, о регулярных беседах политического содержания. Он не скрывает даже своего принципиального разговора с Пестелем, длившегося «во всю ночь», в ходе которого Шипов «не только отказался от вступления в общество, но убеждал и Пестеля стараться разрушить оное...». Шипов вместе с тем категорически отрицает собственную формальную принадлежность к тайному обществу, утверждая, что в декабристском союзе состоял его брат, И. Ши-

пов. Образ «друга» конспираторов, безусловно, сформировался в контексте следственного процесса, со временем прошел через тщательную шлифовку и свой окончательный вид приобрел к моменту создания мемуаристом своей «истории жизни». То, что этот образ ложен, а обрисованный мемуаристом «сценарий» отношений с лидерами декабристского общества далек от действительности, обнаруживается при внимательном анализе источников. И дело даже не в свидетельствах его осужденных товарищей: сам текст противоречивых воспоминаний С. Шипова свидетельствует о несколько ином характере отношений, которые связывали его с тайным обществом. Заявляя о своем полном неведении о «неблагонадежной» цели тайного общества, Шипов одновременно повествует о предпринятых попытках «отклонить» главных конспираторов (Пестеля) от «ложного пути», на которой они вступали. Осуждая деятельность тайных обществ, он вместе с тем пишет, что среди участников первого из них были «люди совершенно благонамеренные», которые имели одно желание: «содействовать правительству в усовершенствовании правления и устройении блага народного». Тут же следует характерная ссылка на речь Александра I при открытии польского сейма (1818 г.), в которой выражалось намерение учредить в России конституционное правление. Шипов далее сообщает читателю, что сторонники этих планов не могли «действовать открыто», поэтому избрали для своих занятий форму тайных обществ, которые тогда были «терпимы» правительством. Следует заметить, что подобное «оправдание» близко обоснованию правомерности учреждения тайных обществ в следственных показаниях и мемуарных сочинениях осужденных товарищей Шипова (Лунин, Трубецкой, Фонвизин). В «сценарии» Шипова «второе общество», основанное Пестелем и его друзьями, отошло от этих «благонамеренных» планов и приступило к подготовке политического переворота. Автор воспоминаний утверждает, что некоторые из «благонамеренных» участников, видя это, предприняли меры к уничтожению «первого» общества²⁹¹. Взятая на вооружение концепция Донесения Следственной комиссии предстает здесь в обрамлении отрицаний автора, якобы ничего не знавшего о политической цели общества и одновременно сопротивлявшегося планам Пестеля.

Рассказы, принадлежащие «замешанным», но не привлекавшимся к процессу, прощенным и освобожденным от наказания (а также вышедшие из среды, близкой к ним), часто содержат мотив «оговора»

со стороны уличенных, а затем осужденных заговорщиков. Ссылки на «оговор», достаточно характерные для этой традиции, служат как бы подтверждением полной невинности «оговоренного» и оправданного. Иначе и быть не могло: ведь такого рода рассказы возникли под влиянием необходимости дистанцироваться от осужденных, от любой причастности к тайному обществу, поэтому здесь не могло быть и речи об обнаружении какой-либо степени причастности освобожденного и оправданного лица к деятельности тайного общества и заговору.

В этой связи интересны оценки, данные мемуаристом С. Шиповым событиям и обстоятельствам, связанным с привлечением к следствию его брата И. Шипова. Согласно С. Шипову, его брат был невинен с точки зрения предъявленных обвинений (принадлежность к «злоумышленному» обществу, осведомленность о планах ввести республику). Обвинители не имели никаких доказательств его вины, но «старались втянуть...» в дело. Пестель и его товарищи преследовали цель облегчить собственную участь: зная, что Николай I и Михаил Павлович «любят брата и ценят его», они, «вероятно, полагали, что если он явится участником в их действиях, то государь, желая пощадить брата моего, будет и с ними снисходительнее»²⁹².

Адресация к намерениям арестованных придать тайному обществу значительный масштаб, для того чтобы изменить характер репрессивных решений в сторону их смягчения, заявить об участии в нем лиц, пользующихся дружбой и доверием государя, влиятельных особ, — любопытное свидетельство о распространенных в общественном сознании эпохи представлениях о способах защиты обвиняемых.

Сходное представление о желании подследственных вовлечь в расследование как можно больше лиц, в том числе совершенно невинных, имел и великий князь Константин Павлович. В своих письмах императору он неоднократно проводил мысль о том, что такие усилия «замешанных» могут привести к тому, что пострадают «невинные». По его мнению, арестованные стремятся скомпрометировать тех, кого не смогли завербовать — «для своего оправдания». Они хотят навлечь подозрение на «людей верных». Очевидно, эти соображения следует рассматривать в контексте «борьбы» великого князя за М.С. Лунина, стремления не допустить его привлечения к формальному расследованию в Петербурге; однако сам мотив весьма показателен.

Нужно отметить распространенность представления о намерениях главных виновных вовлечь в расследование как можно больше лиц:

«...во всех делах такого рода все виновные держатся правила — чем больше замешанных, тем труднее будет наказать»²⁹³. Примеры высказываний подобного рода можно множить²⁹⁴. Несомненно, это мнение базировалось на традиционном представлении о следствии по «государственным преступлениям» и должно было иметь определенные подтверждения в практике предшествующих политических процессов. Мотив «оговора» и «запутывания» «невинных» со стороны главных обвиняемых, разумеется, приобретал некоторое значение в условиях почти неограниченных возможностей монарха при вынесении решений о наказаниях в делах, касающихся государственных преступлений. Большое число «причастных» к политическому делу, участие в нем влиятельных лиц — все этого могло сыграть определенную роль при расследовании дела. Но все же нельзя не признать, что на протяжении XVIII—XIX вв. участие в серьезных «антигосударственных» заговорах влиятельных лиц, вплоть до ближайшего окружения императора и даже его родственников, оказывало чаще всего незначительное влияние на характер репрессивных решений — по крайней мере, в отношении главных обвиняемых. В силу этого последние не могли рассчитывать на смягчение наказания, прибегая к подобным способам защиты. Наконец, стоит обратить внимание на то, что ссылками на «оговор» (в рамках указанных свидетельств, оставшихся от избежавших наказания) аргументировалась непричастность к тайному обществу лиц, которые в действительности принадлежали к числу его участников, о чем согласно говорят как материалы следствия, так и другие источники. Приведенные наблюдения позволяют, как представляется, заключить, что такого рода аргументация «невиновности» освобожденных и прощенных была призвана скрыть подлинную степень причастности к тайному обществу.

К числу главных факторов, влиявших на освобождение от наказания, следует отнести воздействие на следствие и высшую власть родственных и служебных связей лиц, привлеченных к расследованию. Нужно отметить, что решение участи никакой другой группы привлеченных к следствию не зависело в столь значительной мере от высшей власти. Роль императора в ряде случаев представляется очень значительной и чуть ли не определяющей. Для участников тайных обществ, возникших после 1821 г., важное значение имела, например, принадлежность к знаменитым, известным в русском обществе фамилиям (А.А. Суворов, Л.П. Витгенштейн). Имела значение и близость

к императору или влиятельным лицам из его окружения семейств Барыковых, Жеребцовых, Лопухиных, Долгоруковых и других. Не последнюю роль играло и личное знакомство императора с Н.И. Кутузовым (а также с первоначально прощенными П.Х. Граббе, М.А. Назимовым): оно, несомненно, оказало влияние на решение императора освободить их от следствия. В отношении участников заговора и событий 14 декабря прослеживаются те же мотивы: конноартиллеристы А. Вилламов, А. Гагарин принадлежали к близким к императорской фамилии семьям. Привлечение к следствию А.Ф. Моллера, оказавшего серьезные услуги Николаю I в судьбоносный день 14 декабря и являвшегося племянником начальника Морского штаба А.В. Моллера, конечно, было крайне затруднительно.

В некоторой степени загадочным остается лишь одно прощение — Петра Колошина, как и последующее свертывание расследования по его делу.

В этой связи нельзя исключить и влияния на императора личности самого подследственного, а также избранных им приемов защиты. Акты «высочайшего прощения» не случайно приходятся на первые дни следствия, когда император лично участвовал в допросах многих из тех, кто оказывался арестованным. Исходя из этого, нужно указать на большую роль допроса в присутствии императора (в других случаях — личной встречи с Николаем I). В такой ситуации у обвиняемых возникала возможность не только отрицать предъявляемое обвинение, но и произвести своим поведением благоприятное впечатление на самодержца, способствуя тем самым своему полному прощению. Лопухин, Витгенштейн, Моллер, И. Шипов, Колошин, Суворов и другие прощенные в первые дни следствия, очевидно, в немалой степени обязаны своим освобождением тому впечатлению, которое они смогли произвести на императора. Оправдательные записки также читались в первую очередь императором.

Личный допрос императора как элемент расследования традиционно рассматривался как средство к оправданию: такой допрос позволял лично оправдаться перед глазами верховного правителя. Иллюстрацией служит рассказ О.Ф.Л. Мармона о допросе А.А. Суворова в присутствии императора: «Внук Суворова был сильно скомпрометирован. Император пожелал допросить его лично, с целью дать молодому человеку средство оправдаться. На его первые слова он отвечал: „Я был уверен, что носящий имя Суворова не может быть сообщни-

ком в столь грязном деле!“ — и так продолжал в течение всего допроса. Император повысил этого офицера в чине и отправил служить на Кавказ. Так он сохранил чистоту великого имени и приобрел слугу, обязанного ему более чем жизнью»²⁹⁵. К этому следует добавить, что многие из привлеченных к следствию обращались с просьбой предстать перед императором и лично изложить свои «оправдания» или «признания».

Большое значение имела личная известность подследственного императору, собственные пристрастия Николая I, стремление монарха к демонстрации «милости» по отношению к случайно замешанным, которое обусловили репутационные нужды верховной власти, необходимость специфического воздействия на общественное мнение. Это обстоятельство оказало влияние на исход следствия в случаях с Суворовым, Кутузовым, А.В. Семеновым и т. д. Не случайно в первые дни следствия были освобождены Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе (правда, обоим пришлось арестовать вновь), офицер подшефного Николаю Павловичу гвардейского Коннопионерного эскадрона М.А. Назимов²⁹⁶, а также Д.И. Завалишин (оба позднее осуждены Верховным уголовным судом). Император хотел показать со всей очевидностью, что арестованных без достаточных оснований он освобождает.

Существуют прямые указания на участие самых влиятельных лиц, вплоть до представителей царствующей династии, в судьбе подозреваемых, в решениях о смягчении участи или освобождении от следствия. Хорошо известна роль А.Ф. Орлова в принятии решения об освобождении от суда его брата, влиятельного участника Союза благоденствия М.Ф. Орлова. Есть подобный пример, прямо относящийся к прощенным декабристам. В дневнике Александры Федоровны имеется запись о ее беседе с А.Ф. Орловым, датированная 22 декабря 1825 г.: «Я просила его придти, так как хотела спросить его о Федоре Барыкове и узнать, действительно ли он невинен... Сначала мы говорили о Федоре; слава богу, он чист — иначе это было бы ужасно для Varette [В.П. Ушаковой, фрейлины Александры Федоровны. — П.И.]...»²⁹⁷. Влияние подобного рода интереса императрицы к одному из подследственных могло быть достаточно значимым при решении его участи.

Определенное воздействие могли оказывать и прямые ходатайства членов императорской семьи и ближайших к ней лиц за арестованных. Влияние посторонних факторов на ход следствия особенно ощущается в фактическом изъятии из расследования Л.П. Витгенштейна,

И.А. Долгорукова, И.П. Шипова, П.П. Лопухина. Большие возможности влияния на расследование имели отцы Лопухина и Витгенштейна — председатель Комитета министров П.В. Лопухин и главнокомандующий 2-й армией П.Х. Витгенштейн. Видимо, свою роль сыграла близость Долгорукова и Шипова к брату Николая I Михаилу Павловичу: его заступничество могло оказать большое влияние на решение их дел. Однако акты официального прощения не могли изменить личной позиции императора. Сохранился рассказ В.А. Олениной, относящийся к Долгорукову. По ее мнению, «Долгорукой был очень умен, с большими способностями». Описывая личные качества князя, рассказчица особо остановилась на негативном отношении к нему первого лица государства как наиболее значимом и характерном факте, сопроводив его, очевидно, распространенным в светском обществе рассказом о прощении Ильи Долгорукова в 1826 г.: «К[нязь] Илья Андре[евич] Долгорукой просил в[еликого] к[нязя] Мих[аила] Павловича испросить ему у Госуд[аря] прощения, что великий князь и исполнил, но Госуд[арь] простил, жестоко говоря: „Если ваша гнусная жизнь вам так дорога, я вам ее дарю“. Потом на бале... он, видя Долгор[укого], стоявшего возле окна, с которого шнур упал ему на плечо возле самой шеи, он ему сказал: „Mon p[rin]ce, prenez garde, le corde vous tombe au cou“»²⁹⁸. Рассказ, сохранившийся в виде светского анекдота, передает отношение первого лица государства к спасшемуся бывшему участнику декабристской конспирации. Следует иметь в виду, что И.А. Долгоруков был старшим братом пользовавшегося благосклонностью императора будущего шефа жандармов В.А. Долгорукова, в 1825 г. офицера наделенной особым доверием Николая I Конной гвардии.

Таким образом, нужно признать несомненным влияние родственных связей с близкими ко двору семьями, близости к императорской семье, а также и служебных связей некоторых из участников тайных обществ на исход расследования.

Самый любопытный и отчасти трудно объяснимый случай, связанный, по нашему мнению, с влиянием фактора служебных связей, — это исход дела В.Д. Вольховского. Отсутствие наказания в его отношении не вполне понятно, это единственный пример, когда, строго говоря, установленный член Северного общества, принимавший участие в обсуждении программы действий организации, избежал наказания. Возможно, имело место заступничество прежнего (до 1824 г.)

или настоящего руководства Главного штаба — П.М. Волконского, И.И. Дибича, А.Н. Потапова. Сыграла свою роль известность Вольховского как участника экспедиций в Среднюю Азию, а также, не исключено, его служебные способности, известное усердие к службе, ценившееся государем, репутация дельного способного офицера.

Сохранившиеся прошения родственников о помиловании или смягчении участи арестованных доносят до нас ту аргументацию, которую использовали их авторы для обоснования своей просьбы. Помимо апелляции к христианским чувствам милосердия к «заблудшим», дополнительным основанием для чего служил молодой возраст, чаще всего в этих документах вновь фигурирует весьма примечательная ссылка на «вовлечение злонамеренными людьми» в заговор, чем и объяснялся факт участия в «злумышленном» тайном обществе и антиправительственном мятеже²⁹⁹.

Несомненным фактором воздействия на следствие являлось высокое статусное положение некоторых из обнаруженных следствием членов тайных обществ. Привлечение их к следствию, а тем более наказание, могли повлечь за собой значительный и нежелательный для правительства резонанс в обществе и за границей. В совокупности с другими причинами и обстоятельствами данный фактор приобретал серьезное значение, что также способствовало освобождению от расследования ряда лиц. Наиболее четко просматривается влияние нежелательности привлечения к процессу П.В. Лопухина, А.А. Суворова (как внука полководца, известного всей Европе), Л.П. Витгенштейна.

Важным обстоятельством при решении об освобождении также являлось отсутствие серьезных уличающих показаний на момент прощения, касавшихся главных предметов расследования: планов покушения на императора и военного выступления. В случае отсутствия «важной вины» легче было получить прощение, — и, естественно, выносить решения о прощении. Об этом прямо свидетельствуют примеры Суворова, Моллера.

В каждом случае можно выявить то или иное сочетание нескольких перечисленных причин, — очевидно, это сочетание в итоге дало основание для прощения или освобождения от наказания. Но определяющим фактором явилась все же, по нашему мнению, непринадлежность большинства освобожденных к тайному обществу, возникшему после 1821 г., отсутствие данных, говорящих в пользу осведомленности подследственного о политической цели конспирации.

Сам факт освобождения из-под ареста без наказания, подтвержденный выдачей соответствующего документа о «невинности» освобожденного, факт кратковременного расследования без ареста, либо, наконец, непривлечения к допросам оказывал определенное влияние на последующее восприятие степени причастности такого лица к «делу», в первую очередь, в ходе следствия, а затем и в общественном мнении. Несомненно, все это трактовалось как свидетельство о невинности освобожденного, непричастности к политическим замыслам осужденных.

Итак, можно констатировать, что при анализе актов помилования и освобождения от наказания выявляются мотивы прощения: официально заявленные и реальные. Официальное обоснование причин освобождения некоторых из участников заговора заключало в себе ссылку на слабую степень «прикосновенности» освобожденных от наказания членов тайных обществ, которая вдобавок «извинялась» молодостью и кратковременностью «заблуждения». Мы уже видели, какие формулировки оказались отраженными в справках «Алфавита» Боровкова о А.А. Суворове, С.Н. Жеребцове, Ф.В. Барыкове. В обществе было распространено представление о полной «невинности» освобожденных, как бы удостоверенной во время кратковременного расследования, что часто не соответствовало действительности.

В чем причина отчетливо выразившейся незаинтересованности следствия в наказании лиц менее замешанных, но все же серьезно причастных к открывшемуся делу? Прежде всего, напрашивается простое объяснение: перед нами стремление власти ограничить рамки процесса — от этого зависели скорость в продвижении и успех следствия. Думается, эта причина действительно имела место, вызвав к жизни ряд распоряжений императора, зафиксированных в документах следствия, смысл которых состоял в ограничении направленности расследования главными лицами и главными обвиняющими статьями. В то же время, перед властью стояла и другая задача: ограничить размер выявленного тайного общества, чтобы снизить резонанс от масштабного политического заговора как внутри России, так и за ее пределами. Большие цифры привлеченных к расследованию и ответственности лиц могли негативным образом сказаться на облике власти и нового императора, вызвать нежелательное впечатление в широких общественных кругах, подтолкнуть к заключениям о серьезном недовольстве правительством в России или оппозиции широких дво-

рянских кругов, влиятельных сановников и т. д. Тем более, что достаточно заметная часть членов первых тайных обществ значительно продвинулась по служебной лестнице к моменту начала следствия, и к 1826 г. многие из них находились в высоких офицерских и генеральских чинах.

Но наряду с этим имелись посторонние факторы влияния, не вызванные напрямую логикой следствия. К их числу следует отнести: принадлежность освобожденных к влиятельным фамилиям, близость к императору (личная или через родственников), неформальное влияние служебных связей, высокий служебный статус, в котором в ряде случаев находились прощенные. Нельзя исключать действительного стремления власти избавить от наказания малозамешанных, не участвовавших в политическом заговоре и военном выступлении участников тайных обществ.

Из сделанных выше наблюдений складывается общая иерархия причин, которые легли в основу освобождения без последствия или непривлечения к следствию ряда участников тайных обществ. *Мотивы прощения* в каждом случае прощения и освобождения от наказания следует анализировать отдельно, в зависимости от конкретных обстоятельств этого акта, в связи с выявленной степенью виновности освобожденного. В каждом конкретном случае налицо сочетание нескольких причин, их соединение часто создавало благоприятное основание для прощения; каждый акт освобождения от наказания наделен своими специфическими чертами. В целом можно выделить две основополагающих причины: 1) *недостаточность выявленной следствием вины для привлечения к ответственности в рамках данного процесса*; 2) *произвольные решения верховной власти при вынесении вердикта, освобождающего от ответственности*.

Основные итоги

1. В категорию прощенных («помилованных») и освобожденных следует отнести только «действительно виновных» лиц, *«вина» которых была выявлена и доказана следствием*. В отношении большого количества освобожденных и «помилованных» существуют полученные следствием доказательства принадлежности к тайному обществу, заговору и выступлению 1825–1826 гг., однако установленная степень

вины признана официальным следствием незначительной, не подлежащей наказанию (главным образом, члены Союза благоденствия и те, кто смог доказать неосведомленность о политической цели декабристской конспирации). В то же время значительная часть освобожденных была прощена по распоряжению императора. Таким образом, здесь рассматриваются прощенные в ходе следствия лица, освобожденные от наказания, *несмотря на выявленную вину* (с ними нельзя смешивать тех, кто был освобожден в силу доказанной следствием непричастности к тайным обществам, арестованных по ошибке, по ложному доносу и т. д.). В широком смысле к «прощенным» следует отнести также выявленных участников тайных обществ, оставленных следствием «без внимания» и не понесших наказания (заочное расследование и освобождение от наказания); решения об этом не могли состояться без соответствующей санкции императора.

2. Освобожденные от ответственности члены тайных обществ и участники заговора 1825 г. подразделяются на три основные группы — а) ненаказанных участников ранних тайных обществ до 1822 г. (привлекавшихся к следствию и освобожденных с оправдательным аттестатом и не привлекавшихся к следствию), б) прощенных участников более поздних тайных обществ, в) участников заговора 1825 г. и военных выступлений, освобожденных без последствий. Эти группы лиц в совокупности составляют категорию прощенных декабристов.

3. В зависимости от особенностей привлечения к процессу можно выделить три основные группы ненаказанных участников тайных обществ и военных выступлений декабристов: 1) прощенных непосредственно по воле императора; 2) освобожденных от наказания с санкции верховной власти в ходе и по итогам процесса (выпущенных с «оправдательным аттестатом» особой формы); 3) фактически не привлекавшихся к следствию, расследование виновности которых проводилось заочно. Последнюю группу составили в основном члены Союза благоденствия и других ранних тайных обществ (до 1821 г.), не участвовавшие в более поздних конспиративных связях. «Оставленные без внимания», согласно официальной формулировке, они не привлекались к следствию. Расследование виновности этих лиц имело свои специфические черты (прежде всего, оно носило заочный характер). Отсутствие обвиняющего материала, кроме самого участия в тайном обществе, в свою очередь, стало причиной ослабления внимания к ним со стороны следствия. Показания со сведениями об их

участии в декабристской конспирации были только приняты к сведению и обобщены в рамках отдельного списка отошедших от тайного общества лиц. Эта группа членов тайных обществ также рассматривается как в широком смысле слова прощенные участники движения.

4. Категория не получивших наказания по итогам следствия членов тайных обществ достаточно весома в количественном отношении: всего, по нашим подсчетам, не были наказаны **99 человек** — как привлеченных к следствию (арестованными и без ареста), так и «оставленных без внимания» (прощенных и освобожденных от наказания заочно). В их числе 26 привлекавшихся к расследованию участников тайных обществ и военных выступлений декабристов, виновность которых была установлена в ходе процесса. 73 человека непосредственно не привлекались к процессу, их «дела» рассматривались заочно.

5. В группу ненаказанных участников движения тайных обществ вошли главным образом члены тайных обществ до 1822 г. Это связано с направленностью следствия на более поздние тайные общества, планы политических переворотов и покушений на императора. Кроме того, были освобождены без наказания целый ряд участников более поздних обществ. В ряде случаев было прекращено расследование в отношении лиц, против которых имелись достаточно серьезные обвинения по показаниям. Несколько имен не удалось обойти молчанием в главном официальном документе следствия — Донесении Следственной комиссии.

6. Официальная версия прощения виновных апеллировала к их слабой «замешанности» в деятельность тайного общества, неосведомленности о политических намерениях конспиративных организаций и заговорщиков 1825 г.

7. Среди действительных причин освобождения без наказания нужно отметить непричастность к политическим планам тайных обществ, неосведомленность о «злонамеренной» цели декабристской конспирации, зафиксированная в материалах следствия. В то же время, заметно влияние на следствие посторонних факторов: родственных связей, служебных связей, высокого статуса, принадлежности к известным фамилиям, впечатления, оказанного на императора, и т. д. Существенную роль играло также опасение со стороны правительства огласки участия влиятельных лиц, офицеров в больших чинах.

8. В свою очередь, появлению этих причин актов прощения и

освобождения способствовал целый ряд факторов, среди которых выделяются: для лиц, по данным следствия не знавших о политических планах конспиративных организаций, — признание следствием «внешней» (просветительской) программы Союза благоденствия не входящей в «состав преступления»; для лиц, относящихся к поздним тайным обществам, — линия защиты арестованных на следствии, проведенная на устных допросах и в письменных показаниях.

9. Нужно обратить внимание на отсутствие каких-либо следственных мер в отношении прощенных по высочайшему повелению в первые дни следствия. При этом степень виновности оказывалась до конца невыясненной. В этой связи стоит отметить, что акт «высочайшего прощения» в самом начале процесса часто влиял на дальнейшее расследование. Вновь поступавшие данные, уличающие прощенное лицо, в ряде случаев не учитывались следствием.

10. Существенное влияние на благоприятный исход дела оказали в целом ряде случаев родственные отношения. Факты свидетельствуют о том, что примеры, когда родственные связи арестованных имели определенное значение в ходе расследования и сыграли заметную роль при решении вопроса о дальнейшей участи некоторых привлеченных к делу, налицо. В таких случаях власть не стремилась довести расследование обстоятельств вины до конца столь же последовательно, как это было в отношении лиц, не связанных с близкими к ней семейными кланами. Этот вывод — не просто наблюдение, а результат анализа следственной деятельности относительно целой группы лиц, которые могли рассчитывать на смягчение участи в результате ходатайств влиятельных родственников³⁰⁰.

11. Отсутствие большого количества уличающих данных имеет под собой два существенно важных основания. Первое из них образует проблему периферии тайного общества, т. е. его участников, имевших конспиративные связи с одним-двумя лицами и не полностью осведомленных о политических намерениях руководства тайного общества. Второе основание можно охарактеризовать как проблему тактики защиты декабристов на следствии. Последовательно и умело проведенное отрицание уличающих данных в ряде случаев (А.В. Семенов, М.Н. Муравьев) позволяло избежать выдвижения обвинения по ряду опасных «пунктов» и выйти из опасной зоны ответственности.

12. Не следует забывать, что «высочайшее прощение» в подавляющем большинстве случаев следовало, как правило, когда «вина», вскры-

тая расследованием по делу, была в глазах власти не столь велика. Если следствие не обнаруживало данных о причастности к воинскому мятежу, планам покушения на императора и к другим тяжким преступлениям, — лишь в этом случае арестованные могли рассчитывать на снисхождение или «прощение» императора. Исключения из этого правила крайне немногочисленны. Для обнаруживших значительную «вину» участников тайных обществ и военных выступлений никакого снисхождения и облегчения участи не последовало. Все это говорит, конечно, о том, что Николай Павлович не считал для себя возможным воспользоваться правом прощения или смягчения участи тяжко виновных.

13. Исследование практики освобождения от наказания на процессе декабристов заставляет внести некоторые коррективы в распространенное мнение о том, что император обладал неограниченным правом на безоговорочное решение участи привлеченных к следствию лиц, в том числе — на их помилование. Представление о том, что Николай I «мог кого угодно из привлеченных к следствию помиловать...»³⁰¹, требует определенных поправок: «состав преступления» значительной части освобожденных от наказания был недостаточен для предания их суду в рамках сформированной в ходе следствия системы обвинения. В особенности это относится к участникам тайных обществ до 1821 г. (принадлежность к ним, по решению верховной власти, в целом не преследовалась). Что же касается членов тайных обществ после 1821 г. и участников военных выступлений, то их число среди освобожденных от наказания сравнительно невелико. Освобождение от наказания этих лиц, действительно, было часто связано с теми или иными посторонними для следствия обстоятельствами: личной волей императора, заступничеством влиятельных лиц и, во многом, также позицией защиты, занятой обвиняемым при первом допросе (А.А. Суворов) или на следствии (А.В. Семенов).

Исследователь располагает единичными случаями, когда были прощены лица, обвиняемые по главным пунктам обвинения (цареубийство и «бунт» против власти). Все это говорит о тех или иных ограничениях, которые налагались в условиях процесса, рассматривавшего дело о государственных преступлениях, на принадлежащее императору право помилования.

Заметим, что если следствие обнаруживало участие того или иного лица из числа освобожденных от следствия в наиболее «криминаль-

ных» эпизодах «дела» (преступления «по первым двум пунктам»), то возникал вопрос о новом привлечении к ответственности. Об этом говорят случаи повторного ареста Ф.Н. Глинки, П.Х. Граббе, Д.И. Завалишина, А.А. Добринского, — первоначально прощенных императором лиц, которые затем были наказаны. Об этом же свидетельствует факт специального расследования в отношении участников Петербургских собраний 1820 г. (И.А. Долгорукова, И.П. Шипова, Ф.П. Толстого) уже после решения о непривлечении их к ответственности. Таким образом, следствие не могло пройти мимо обвиняющих показаний, и в этом случае император был вынужден согласиться с новым привлечением к следствию уже прощенных лиц и упоминанием их в итоговых документах расследования.

В категорию ненаказанных декабристов вошли видные участники ранних тайных обществ: Петр И. Колошин, М.Н. Муравьев, П.П. Лопухин, И.А. Долгоруков, И.П. Шипов, Ф.П. Толстой. Все они занимали руководящее положение в Союзе благоденствия, принимали участие в разработке уставных документов, в обсуждении принципиальных программных вопросов. К ним примыкают руководители управ Союза благоденствия А.В. Семенов и Н.И. Кутузов. Среди ненаказанных членов тайных обществ почти нет значимых фигур из числа участников Северного и Южного обществ: в основном это те, членство которых в поздних обществах не было полностью доказано следствием (А.В. Семенов, Ф.Г. Кальм), либо не обнаружившие деятельного участия в тайных обществах после 1821 г. (В.Д. Вольховский, И.П. Шипов); некоторые из них оказали крупные услуги императору 14 декабря и пользовались его доверием (А.Ф. Моллер)³⁰². В число привлекавшихся к расследованию заочно вошли руководители управ Союза благоденствия А.А. Кавелин, А.Я. Миркович, руководитель Военного общества П.А. Катенин. Были прощены некоторые участники открытых выступлений — конноартиллеристы и большая группа офицеров, осведомленных о заговоре и соглашавшихся сопротивляться присяге.

Примечания

- ¹ См. главы 2 и 3.
- ² Согласно нормам уголовно-процессуального права изучаемой эпохи, арест во время следствия не являлся наказанием, если он не был признан таковым последующим решением судебно-следственных органов.
- ³ *Ченцов Н.М.* Восстание декабристов. Библиография. М.; Л., 1929; Движение декабристов: Указатель литературы 1928–1959 / Сост. Р.Г. Эймонтова. М., 1960; Движение декабристов: Указатель литературы. 1960–1976 / Сост. Р.Г. Эймонтова. М., 1983; Движение декабристов. Указатель литературы. 1977–1992 / Под ред. С.В. Мироненко. М., 1994.
- ⁴ Речь идет о той ситуации, когда в справочнике одно и то же лицо включено в персональную рубрику «Декабристы», но не отнесено к декабристам в именном указателе.
- ⁵ *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...» Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 64, 66. Автор справедливо отмечает, что среди освобожденных от наказания находились и действительные члены тайных обществ. Вместе с тем, в этом единственном специальном исследовании, посвященном следствию, достаточно часто можно встретить следы устоявшейся, традиционной точки зрения о невиновности всех освобожденных: таково, например, заключение автора о том, что освобождение с «оправдательным аттестатом» происходило, «если арестованный оказывался не причастным к тайному обществу» (С. 107). Тем самым исследователь прошел мимо того факта, что освобождение от наказания в ряде случаев состоялось, **несмотря** на вскрытое следствием участие в тайном обществе. Кроме того, сообщение автора о том, что А.А. Суворов, А.Г. Вилламов и Л.П. Витгенштейн были освобождены от следствия с «оправдательными аттестатами» (С. 66), — не соответствует действительности. Суворов и Вилламов, как прощенные императором в первые дни следствия, еще до начала регулярных заседаний Следственного комитета, освобождались без каких-либо оправдательных документов (см. об этом в настоящей главе); Витгенштейн, не подвергавшийся аресту и заключению, также не получил «аттестата».
- ⁶ *Семенова А.В.* Предисловие // ВД. Т. XX. С. 7–20; *Ильин П.В.* «Государь! Исповедую тебе яко боящийся бога!» Прошения родственников декабристов о помиловании арестованных // Исторический архив. 2001. № 1. С. 156–158. [сопроводительная статья к публикации].
- ⁷ *Коваленская Н.Н.* Художник-декабрист Ф.П. Толстой // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 516–560; *Комарницкая Ж.О.* Библиотека декабриста Ф.П. Толстого // Проблемы библиографии и библиотековедения. Л., 1976. Вып. 12. С. 105–115; *Кузнецова Э.В.* Федор Петрович Толстой. 1783–1873. М., 1977.
- ⁸ *Вейс А.Ю.*: 1) Петр Колошин — автор послания «К артельным друзьям» // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 541–554; 2) Автобиографическая записка декабриста Петра Колошина // Пушкин и его время. Л., 1962. С. 290–295; *Калантырская И.С.* П.И. Колошин и «Священная артель» // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 247–260.
- ⁹ *Кропотов Д.А.* Жизнь графа Муравьева в связи с событиями его времени. СПб., 1874; *Розен А.Е.* М.Н. Муравьев и его участие в тайном обществе // Русская старина. 1884. Т. 41. № 1. С. 61–70; *Шеголев П.Е.* Граф М.Н. Муравьев — заговорщик // Современник. 1913. № 1. С. 301–326.
- ¹⁰ [*Малиновский И.В.*] О жизни генерал-майора Вольховского. Харьков, 1844; *Гастфрейнд Н.А.* Товарищи Пушкина по Царскосельскому лицезу. Материалы для словаря лицезистов первого курса. 1811–1817. СПб., 1912. Т. 1. С. 1–286; *Шадур В.С.*

- Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов: Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В.Д. Вольховском. Тбилиси, 1979; *Афанасьев В.В.* Декабрист В.Д. Вольховский // Афанасьев В.В. События и судьбы. Б. м., 1992. С. 7–10; *Мясоедова Н.Е.* Друг Пушкина — В.Д. Вольховский // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. СПб., 1996. С. 172–187.
- ¹¹ *Шаховской Д.И.* 1) Якушкин и Чаадаев // Декабристы и их время. [Сб. ст.] Т. 2. М., 1932. С. 161–203; 2) П.Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 г. / Публ. и вступ. ст. Д.И. Шаховского // Литературное наследство. Т. 19/21. М., 1935. С. 16–32; *Берелевич Ф.И.*: 1) Чаадаев и декабристы // Учен. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. 1958. Т. 5. Вып. 2. С. 157–177; 2) Был ли П.Я. Чаадаев членом Союза благоденствия // Учен. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. 1962. Т. 15. Вып. 3. С. 66–75.
- ¹² *Лотман Ю.М.* М.А. Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Учен. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1959. Вып. 78. С. 19–92.
- ¹³ Воспоминания П.А. Катенина о Пушкине / Вступ. ст. и примечания Ю.Г. Оксмана // Литературное наследство. Т. 16/18. М., 1934. С. 619–656.
- ¹⁴ *Яровой Ю.* Странный генерал Глинка // Рифей. Уральский литературно-краеведческий сб. Челябинск, 1976. С. 159–223.
- ¹⁵ *Глаголева О.Е.* Книги с пометами декабриста С.Н. Бегичева в Туле // Русские библиотеки и их читатели. Л., 1983. С. 217–226. О Бегичеве см. также: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977.
- ¹⁶ *Бортневский В.Г.* Дневник декабриста П.С. Пушина // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1986. Вып. 4. С. 27–33; *Бортневский В.Г., Анисимов Е.В.* Новые материалы о П.С. Пушине // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. С. 157–161.
- ¹⁷ Восстание декабристов. Документы. Т. XVIII–XX. М., 1984–2001.
- ¹⁸ «Истинное изображение нравственного состояния войск». Записка декабриста Н.И. Кутузова Николаю I 1826 г. / Публ. А.В. Семеновой // Исторический архив. 2000. № 6. С. 30–45; *Ильин П.В.*: 1) Из истории либеральной публицистики 1810–1820-х гг.: Н.И. Кутузов и его статья «О причинах благоденствия и величия народов» // Общество и власть: Межвуз. сб. науч. трудов. СПб., 2001. Ч. 1. С. 104–116; 2) Записки члена Союза благоденствия Н.И. Кутузова к императору Николаю I: К изучению эволюции «декабристского либерализма» после 1825 г. // История глазами историков: Межвуз. сб. науч. трудов, посвященный 70-летию... проф. Е.Р. Ольховского. СПб.; Пушкин, 2002. С. 45–65; 3) К характеристике политических взглядов членов Союза благоденствия: новонайденные записки А.В. Семенова (1821 г.) // Власть и общество. Матер. всероссийской науч. конф. СПб., 2003. С. 57–65; *Трибунский П.А.*: 1) Жизнь и деятельность О.П. Богородицкого // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 137–141; 2) Из биографических разысканий: П.В. Хавский // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 469–476.
- ¹⁹ Русский вестник. 1893. № 4. С. 14.
- ²⁰ *Боровков А.Д.* Автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 334–335.
- ²¹ Там же.
- ²² *Невелев Г.А.* «Истина сильнее царя...»: А.С. Пушкин в работе над историей декабристов. М., 1985. С. 20.
- ²³ Следует отметить, что среди последних, наряду со схваченными активными деятелями заговора Трубецким и Рылеевым, были как непосредственные участники выступления, не состоявшие в тайном обществе (А.А. Шторх), так и арестованные по случайному подозрению (Е.В. Свечин, П.Н. Креницын и др.).
- ²⁴ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 95–96. Эту же

- позицию доводил до сведения императора в своих письмах великий князь Константин Павлович (см.: Междуцарствие. С. 166).
- ²⁵ В данном случае не имелись в виду нижние чины, увлеченные в мятеж.
- ²⁶ Манифест опубликован 22 декабря 1825 г. (Русский инвалид. № 302). См.: Государственные преступления в России в XIX веке. Сб. извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / Сост. под ред. Б. Базилевского. Т. 1. 1825–1876 гг. СПб., 1906. С. 3; Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских. / Изд. В.М. Саблина. М., 1907. С. 37.
- ²⁷ Русский инвалид. 29 дек. 1825 г. № 305; Декабристы. Тайные общества. Процессы... С. 38–42. О возможном авторстве «Подробного описания...» см.: *Невелев Г.А.* «Истина сильнее царя...». С. 21.
- ²⁸ Русский инвалид. 7 янв. 1826 г. № 5.
- ²⁹ *Боровков А.Д.* Автобиографические записки... С. 343.
- ³⁰ Русский инвалид. 7 янв. 1826 г. № 5; Государственные преступления... С. 7; Декабристы. Тайные общества. Процессы... С. 43–44.
- ³¹ См., например, фразу из письма А.С. Пушкина В.А. Жуковскому, написанного в январе 1826 г.: «...оно (правительство. — П.И.) в журналах *объявило опалу* и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции... легко может, уличая меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных...» (*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 1937. С. 257–258; выделено нами — П.И.).
- ³² То, что власть особо волновал вопрос о резонансе, порождаемом в обществе следственным процессом, хорошо прослеживается из переписки Николая I с императрицей Марией Федоровной. В частности, император подчеркивал: «...Слишком поспешное ведение дела вызовет обвинение в легкомыслии и равнодушии к судьбе несчастных» (Междуцарствие. С. 203).
- ³³ Русский инвалид. 29 янв. 1826 г. № 24; Государственные преступления... С. 9–10; Декабристы. Тайные общества. Процессы... С. 49–52.
- ³⁴ Государственные преступления... С. 10; Декабристы. Тайные общества. Процессы... С. 50.
- ³⁵ Там же. С. 52.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ВД. Т. XVII. С. 25 (выделено нами — П.И.).
- ³⁹ Там же. С. 24.
- ⁴⁰ *Боровков А.Д.* Автобиографические записки. С. 350.
- ⁴¹ См., например: *Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 85.
- ⁴² См.: *Люблинский П.И.* Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. СПб., 1907. С. 259. Ср.: *Фойницкий И.Я.* Учение о наказаниях в связи с тюремноведением. СПб., 1889. С. 124–126; *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. СПб., 1896. С. 375–376; *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. СПб., 1902. Часть общая. Т. 2. С. 128–133. В формулировке К.Ф. Хартулари под аболицией понимается «отпущение действительной вины в момент предъявления обвинения, с прекращением такового» (*Хартулари К.Ф.* Право суда и помилования как прерогативы русской державности: Сравнительное историко-законодательное исследование. СПб., 1899. Ч. 1. С. 17).
- ⁴³ См.: *Хартулари К.Ф.* Право суда и помилования как прерогативы русской державности. СПб., 1899. Ч. 2. С. 240–244. Ср.: *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 669–678.
- ⁴⁴ *Фойницкий И.Я.* Учение о наказаниях... С. 125–126.

- ⁴⁵ Анисимов Е.В. Дыба и кнут... С. 470, 669. Ср.: *Хартулари В.С.* Право суда и помилования... С. 241, 244.
- ⁴⁶ Анисимов Е.В. Дыба и кнут... С. 469, 470, 487.
- ⁴⁷ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 139.
- ⁴⁸ Остзейский вестник. 1859. № 3. С. 2–3; Русский архив. 1897. Кн. 2. № 5. С. 141.
- ⁴⁹ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 225.
- ⁵⁰ Декабристы. С. 112; Алфавит. С. 276. Из документов полкового архива Семеновского полка следует, что вместе с ними содержались некоторое время В.А. Шпейер и офицеры Гвардейского экипажа, не подвергавшиеся допросам в Следственном комитете — А.А. Баранцев и А.П. Литке (*Дирин П.* История л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. С. 132).
- ⁵¹ Декабристы. С. 85.
- ⁵² Алфавит. С. 284, 334. Ср.: *Вершевская М.В.* Места заключения декабристов в Петропавловской крепости // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 4. СПб., 1996. С. 133–135. Следует указать также на тот примечательный факт, что в крепости содержались некоторые освобожденные в связи с непричастностью к деятельности тайных обществ: О.М. Сомов, Е.В. Свечин, братья Красносельские и другие.
- ⁵³ Эти данные попали и в биографический справочник «Декабристы»: Декабристы. С. 119. Ср.: ВД. Т. XX. С. 542.
- ⁵⁴ *Вершевская М.В.* Места заключения декабристов в Петропавловской крепости. С. 124. По данным первоисточников, собранным исследователем, в каземате № 20 Трубецкого бастиона содержался не М.Н. Муравьев, а М.И. Муравьев-Апостол. (Ср.: Декабристы. С. 119, 121).
- ⁵⁵ Алфавит. С. 261, 342.
- ⁵⁶ Декабристы. С. 119; Алфавит. С. 272, 242. О содержании А.В. Семенова на Главной гауптвахте Зимнего дворца см.: *Львов А.Ф.* Записки // Русский архив. 1884. Кн. 2. № 4. С. 238–239.
- ⁵⁷ ВД. Т. XVI. С. 97, 159, 239. Ср.: ВД. Т. XX. С. 550, 552.
- ⁵⁸ Записки графа Ф.П. Толстого. М., 2001. С. 220–223.
- ⁵⁹ ВД. Т. XVI. С. 159; Т. XX. С. 558, 562; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 88.
- ⁶⁰ ВД. Т. XX. С. 533, 537.
- ⁶¹ ВД. Т. XVI. С. 51.
- ⁶² Там же. С. 89.
- ⁶³ С 15 января 1826 г. он назывался «Комитет для изыскания о злоумышленном обществе». Первоначальное его название: «Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества к нарушению государственного спокойствия» (ВД. Т. XVI. С. 27).
- ⁶⁴ Там же. С. 59, 61.
- ⁶⁵ Там же. С. 89.
- ⁶⁶ Там же. С. 268.
- ⁶⁷ Там же. С. 96.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Для освобождаемых лиц, не принадлежавших к тайному обществу, сохранялась прежняя форма аттестата. Это же, разумеется, распространялось на тех подследственных, которые были оправданы от обвинений в принадлежности к тайным обществам и заговору 14 декабря (А.А. Плещеев 2-й, А.С. Грибоедов и др.).
- ⁷⁰ ВД. Т. XX. С. 415–416.
- ⁷¹ ВД. Т. I. С. 9, 30; Т. XVI. С. 45.
- ⁷² ВД. Т. XX. С. 415.

- ⁷³ Дело Петра Колошина опубликовано: ВД. Т. XX. С. 413–416, 548–549 (комментарий А.В. Семеновой).
- ⁷⁴ ВД. Т. I. С. 238.
- ⁷⁵ Алфавит. С. 320.
- ⁷⁶ А.А. Суворов длительное время (1817–1824 гг.) жил в Швейцарии, Франции и германских землях.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 222. Л. 1, 2.
- ⁷⁸ Алфавит. С. 320. ВД. Т. XVI. С. 313.
- ⁷⁹ Любопытно, что, согласно одному из мемуарных свидетельств, освобожденный 23 декабря Суворов столкнулся в Зимнем дворце с привезенным на допрос Свистуновым и шепнул ему: «Меня простил — авось простит и тебя» (Русский архив. 1897. Кн. 2. № 5. С. 141).
- ⁸⁰ ВД. Т. XI. С. 201; Т. XIV. С. 332, 386, 390; Т. XV. С. 248; Т. XVIII. С. 255. Ср.: *Коржов С.Н.* Северный филиал Южного общества декабристов // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 136. См. также наш комментарий к воспоминаниям А.А. Суворова: 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 603–604.
- ⁸¹ ВД. Т. II. С. 262.
- ⁸² Русский архив. 1908. Кн. 3. № 11. С. 442.
- ⁸³ *Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. С. 84–85. Здесь налицо неточность автора или перевода: речь должна идти не об «осужденном», а о «подозреваемом».
- ⁸⁴ Остзейский вестник. 1859. № 3. С. 2–3; Русская старина. 1882. Т. 33. № 3. С. 829; Русский архив. 1897. Кн. 2. № 5. С. 141; 1898. Кн. 1. № 2. С. 297.
- ⁸⁵ См., например: *Дубровин/Н.* Несколько слов в память императора Николая I-го // Русская старина. 1896. Т. 96. № 6. С. 458.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Старк В.П.* Портреты и лица. СПб., 1995. С. 194.
- ⁸⁸ Алфавит. С. 221; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 227. Л. 2–2 об. Ср.: *Коржов С.Н.* Северный филиал Южного общества... С. 137–138.
- ⁸⁹ ВД. Т. XI. С. 201, 206, 208; Т. XIV. С. 332, 340; Т. XV. С. 248.
- ⁹⁰ ВД. Т. XI. С. 206.
- ⁹¹ ВД. Т. XVI. С. 27, 28, 30, 224.
- ⁹² Там же. С. 309.
- ⁹³ Междуцарствие. С. 92.
- ⁹⁴ ВД. Т. I. С. 153; Т. II. С. 123.
- ⁹⁵ Алфавит. С. 256. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 214. Л. 2–2 об.
- ⁹⁶ Алфавит. С. 256. Ср.: ВД. Т. I. С. 246, 373; Т. XVIII. С. 49.
- ⁹⁷ См.: ВД. Т. XVI. С. 311.
- ⁹⁸ См. воспоминания И.О. Сухожанета и дневник Г.И. Вилламова: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 85, 225
- ⁹⁹ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 226.
- ¹⁰⁰ Алфавит. С. 237, 242.
- ¹⁰¹ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 223–226.
- ¹⁰² Алфавит. С. 267, 279, 282.
- ¹⁰³ ВД. Т. XVI. С. 312. Ср.: Декабристы. С. 267, 282.
- ¹⁰⁴ См.: ВД. Т. XVI. С. 42, 45, 62.
- ¹⁰⁵ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 225.
- ¹⁰⁶ ВД. Т. XX. С. 310–312.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 533–534. Ср.: ВД. Т. XVI. С. 83, 86.
- ¹⁰⁸ См.: «Истинное изображение нравственного состояния войск». Записка декабриста

- Н.И. Кутузова Николаю I... С. 30–45; *Ильин П.В.* 1) Из истории либеральной публицистики 1810–1820-х гг.: Н.И. Кутузов и его статья... С. 104–116; 2) Записки члена Союза благоденствия Н.И. Кутузова к императору Николаю I... С. 45–65.
- 109 ВД. Т. XX. С. 537.
- 110 ВД. Т. XX. С. 339, 538; Алфавит. С. 212.
- 111 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–33. Ср.: ВД. Т. XVI. С. 124, 128, 133.
- 112 ВД. Т. XX. С. 396.
- 113 ВД. Т. XX. С. 364–365, 541–542.
- 114 Там же. С. 357–358, 539–540. В «Алфавите» Боровкова были отражены только показания И.Н. Хотяинцева (Алфавит. С. 261).
- 115 ВД. Т. XVI. С. 133; Т. XX. С. 358, 542.
- 116 Оболенский настаивал на том, что лично сообщил Семенову о планах выступления 14 декабря.
- 117 ВД. Т. XX. С. 391. О критическом значении очных ставок с Пушиным и Оболенским, определивших освобождение Семенова без наказания, рассказывал сам освобожденный своему родственнику А.Ф. Львову (*Львов А.Ф.* Записки // Русский архив. 1884. Кн. 2. № 4. С. 239).
- 118 ВД. Т. XX. С. 392, 544–546. Ср.: ВД. Т. XVI. С. 58, 169–170.
- 118a По утверждению Семенова, Оболенский сообщил только о своих «сомнениях насчет присяги; но более ничего не говорил...» (ВД. Т. XX. С. 391).
- 119 Там же. С. 217; ВД. Т. XX. С. 546.
- 120 ВД. Т. XX. С. 377.
- 121 ВД. Т. XVI. С. 103;
- 121a ВД. Т. III. С. 56; Т. XX. С. 375.
- 122 ВД. Т. XVI. С. 133.
- 123 ВД. Т. XX. С. 381–382, 545.
- 124 ВД. Т. XVI. С. 222. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 168. О готовящемся решении, видимо, было известно еще накануне, о чем свидетельствует то обстоятельство, что один из офицеров, А.Р. Цебриков, был отправлен из каземата Нарвской крепости, где он содержался, к председателю Комитета А.И. Татищеву еще 14 июня (Декабристы. С. 191).
- 125 Алфавит. С. 276.
- 126 Там же. С. 284. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 167.
- 127 Алфавит. С. 334. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 169.
- 128 Алфавит. С. 265.
- 129 *Габаев Г.С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка // *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 179.
- 130 ВД. Т. I. С. 9; Междуцарствие. С. 168.
- 131 ВД. Т. I. С. 30, 292; Т. XI. С. 201; Т. XIV. С. 332; Т. XVI. С. 34.
- 132 ВД. Т. XX. С. 438–439. Ср.: Там же. С. 555 (комментарий А.В. Семеновой).
- 133 ВД. Т. XVI. С. 57.
- 134 Там же. С. 42, 43, 231.
- 135 Алфавит. С. 238. Ср.: ВД. Т. XX. С. 444.
- 136 ВД. Т. IX. С. 189, 268; Т. XIII. С. 122, 55; Т. XVIII. С. 258; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 156 (С.Н. Булгари). Л. 10–10 об.
- 137 Алфавит. С. 238. Ср.: ВД. Т. XX. С. 557–558; Т. XVI. С. 58.
- 138 ВД. Т. XVI. С. 89.
- 139 Показания А.В. Поджо, М.Ф. Митькова, Е.П. Оболенского, М.С. Лунина: ВД. Т. I. С. 238; Т. III. С. 196, 122–123; Т. XI. С. 48, 60, 82.
- 140 ВД. Т. XX. С. 24; Т. XVI. С. 90.

- ¹⁴¹ Там же. С. 90. Текст записки: ВД. Т. XX. С. 23–25.
- ¹⁴² ВД. Т. XVI. С. 97.
- ¹⁴³ См. об этом эпизоде в его воспоминаниях: Записки графа Ф.П. Толстого. С. 220–223.
- ¹⁴⁴ ВД. Т. XX. С. 426–430, 552–553.
- ¹⁴⁵ Следует отметить, что в Сводном полку находились офицеры, не принимавшие участия в заговоре или выступлении 14 декабря. Полк пользовался некоторыми привилегиями, через 2 года благополучно вернулся в Петербург; его состав вновь был распределен среди гвардейских полков. См. о нем: *Скрутковский С.Э.* Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896.
- ¹⁴⁶ Алфавит. С. 339.
- ¹⁴⁷ ВД. Т. XX. С. 418–424, 550–551.
- ¹⁴⁸ ВД. Т. XVI. С. 97; Т. XX. С. 553–554.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 546.
- ¹⁵⁰ Междуцарствие. С. 170, 174.
- ¹⁵¹ Дело Комарова опубликовано: ВД. Т. XX. С. 393–412. См. также комментарий к нему А.В. Семенов: С. 547–548. Мы далеки от укрепившегося в литературе отнесения Комарова к числу предателей и доносчиков. Действительно, его показания на процессе были использованы в качестве одного из первоначальных источников информации о Союзе благоденствия и его персональном составе. Слова об «измене» Комарова тайному обществу, которые содержат мемуары И.Д. Якушкина (*Якушкин И.Д.* Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 114), и фраза в записках С.Г. Волконского — «...впоследствии был доносчик» (*Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 365), по нашему мнению, отражают факт откровенных показаний Комарова на следствии и последующего его прощения. Более того, оценка Якушкина, по-видимому, есть реакция на открытое несогласие Комарова с целями политического характера, а главное, — с конкретными средствами политического действия (расчеты на военную силу вместо заложенного в уставе Союза влияния на общественное мнение и правительство), которые обсуждались в 1820–1821 гг. среди руководящих участников тайного общества; на это прямо указывают собственные показания Комарова (ВД. Т. XX. С. 399). Сколько-нибудь определенных данных об «измене» Комарова или сделанном им доносе на тайное общество обнаружить до сих пор не удалось. Если бы Комаров в действительности участвовал в агентурной деятельности против тайного общества или выступил доносчиком, то, несомненно, не преминул бы заявить об этом на следствии, по примеру И.М. Юмина. Намерение «обнаружить» общество, если оно не вернется к своей первоначальной цели — прием защиты на следствии, использованный многими подследственными в своих показаниях (*Якушкин И. Д.* Мемуары... С. 336). Между тем, в показаниях Комарова отчетливо видно стремление доказать «чистоту» своих намерений — сохранить тайное общество в рамках просветительской деятельности, а кроме того, достаточно заметны его усилия спасти себя от грозящей ответственности: ведь доказывая свое несогласие с политической целью общества, он там самым обнаруживал свою осведомленность о ней. В свете сказанного позднейшие обвинения в его адрес, высказанные на уровне гипотезы, представляются неубедительными (*Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 325, 451). Утверждение авторитетного ученого, будто Комаров после своего освобождения был заключен «для вида» в Петропавловскую крепость, основано на недоразумении: использованная исследователем в качестве доказательства сопроводительная записка Николая I относилась не к Комарову, а к вновь

- арестованному Т.В. Комару (Декабристы. С. 83–84). В основе негативной ауры, которая сложилась вокруг образа Комарова в историографии, лежит отношение к нему мемуариста Якушкина и особая ситуация, в которой он, как «отставший» участник Союза благоденствия, оказался на следственном процессе.
- ¹⁵² Алфавит. С. 226.
- ¹⁵³ ВД. Т. I. С. 10, 32.
- ¹⁵⁴ Алфавит. С. 226; ВД. Т. XX. С. 487.
- ¹⁵⁵ ВД. Т. XVI. С. 56, 57. Алфавит. С. 326.
- ¹⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 380. Д. 58. Л. 9 об.—10 об. Эта записка Е.А. Головина цитируется в исследовании Я.А. Гордина (*Гордин Я.А.* Мятёж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 285–286).
- ¹⁵⁷ ВД. Т. I. С. 33, 234.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 33, 97, 240, 246, 258, 435, 446.
- ¹⁵⁹ ВД. Т. XVI. С. 308.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 302.
- ¹⁶¹ Записки Николая I (тетради 2-я, 3-я, 4-я) // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 336.
- ¹⁶² Алфавит. С. 272. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244.
- ¹⁶³ Декабристы. С. 94.
- ¹⁶⁴ ВД. Т. I. С. 9, 32; Т. XX. С. 559.
- ¹⁶⁵ ВД. Т. XVI. С. 38.
- ¹⁶⁶ Алфавит. С. 261.
- ¹⁶⁷ ВД. Т. XX. С. 560.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 119.
- ¹⁶⁹ Уже после 27 декабря В.А. Перовский был назначен в помощь А.Х. Бенкендорфу для разбора бумаг арестованных. Именно он нашел среди бумаг участника Славянского общества И.И. Иванова стихи А.С. Пушкина (ВД. Т. XVI. С. 228, 129).
- ¹⁷⁰ ВД. Т. I. С. 10, 32; Т. XX. С. 370, 371; Т. XVI. С. 64.
- ¹⁷¹ ВД. Т. XVI. С. 143. Алфавит. С. 300.
- ¹⁷² ВД. Т. XIV. С. 426.
- ¹⁷³ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 1в, 4, 5; ВД. Т. I. С. 86, 253, 316; Т. XIV. С. 427, 428.
- ¹⁷⁴ ВД. Т. XX. С. 462; Т. XVI. С. 198.
- ¹⁷⁵ О привлечении Вольховского к следствию см.: *Гастфрейнд Н.* ВД. Вольховский // *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицее. Материалы для словаря лицеистов первого выпуска. СПб., 1912. Т. 1. С. 45–50; *Шадури В.С.* Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов: Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В.Д. Вольховском. С. 3–5; *Мясоедова Н.Е.* Друг Пушкина — В.Д. Вольховский. С. 175–176.
- ¹⁷⁶ ВД. Т. I. С. 10, 30; Т. III. С. 190, 197; Т. X. С. 189, 225.
- ¹⁷⁷ ВД. Т. XX. С. 446–447; Т. XIV. С. 430, 432, 437.
- ¹⁷⁸ Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. Кн. 1. № 2. С. 186–187. Следует исправить ошибку, вкравшуюся в комментарий к следственному делу В.Д. Вольховского: последний был доставлен в Петербург и непосредственно привлечен к процессу (неарестованным): ВД. Т. XX. С. 558.
- ¹⁷⁹ Цит. по: *Орлик О.В.* Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 194–195. Оригинал: РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Св. 12. Д. 15. Л. 2.
- ¹⁸⁰ ВД. Т. XX. С. 447.
- ¹⁸¹ ВД. Т. XVI. С. 159.
- ¹⁸² В окончательном варианте этого списка фамилия Вольховского отсутствует (ВД. Т. XX. С. 487–488).

- ¹⁸³ ВД. Т. IX. С. 257–258; Т. III. С. 203, 207; Т. I. С. 168, 177, 261, 266; Т. II. С. 221, 222; Т. XX. С. 448–449.
- ¹⁸⁴ Алфавит. С. 235.
- ¹⁸⁵ ВД. Т. XX. С. 447. Любопытно отметить, что вместе с запиской о Вольховском была затребована записка о степени причастности к «делу» Ф.Я. Скарятин, который сначала получил административное наказание, а затем, спустя непродолжительное время оказался, переведенным в гвардию. У Скарятин имелись влиятельные родственники и ходатаи.
- ¹⁸⁶ К такому же выводу пришла Н.Е. Мясоедова (*Мясоедова Н.Е.* Друг Пушкина — В.Д. Вольховский. С. 176, 184).
- ¹⁸⁷ ВД. Т. XX. С. 451. Следует отметить, что формулировка «Алфавита»: «по отзыву... начальника Главного штаба... оставлено сие без дальнейшего действия» (Алфавит. С. 235) не должна вводить в заблуждение. Речь идет не о распоряжении самого Дибича, а о том, что он довел до сведения Комитета повеление императора; принятие такого рода решений не входило в компетенцию начальника Главного штаба.
- ¹⁸⁸ ВД. Т. XI. С. 119, 121; Т. XVI. С. 184; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 90 и сл.
- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 470. Л. 78–79 об. (оригинал на франц. яз.). Копия письма В.И. Гурко: Д. 244. Л. 88–89. (на ней помета: «Подлинник находится у барона Дибича. Копию же сию приобщить к делу»).
- ¹⁹⁰ Алфавит. С. 251.
- ¹⁹¹ *Боровков А.Д.* Автобиографические записки... С. 342–343.
- ¹⁹² ВД. Т. XVI. С. 27.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 38.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 36, 38.
- ¹⁹⁶ ВД. Т. XVI. С. 41.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 42, 43, 231. Ср.: ВД. Т. XX. С. 396–397. Большинство из названных Комаровым лиц затем были оправданы.
- ¹⁹⁸ См. анализ показаний о Баранове в главе 2.
- ¹⁹⁹ ВД. Т. I. С. 9–10, 16–17, 30–32.
- ²⁰⁰ Исключение было сделано только для, несомненно, лично знакомых Николаю I И.П. Шипова и И.А. Долгорукова, получивших «прощение»; другие близкие к императору лица представили оправдательные записки (А.А. Кавелин).
- ²⁰¹ ВД. Т. XVI. С. 40, 230.
- ²⁰² Там же. С. 56; ВД. Т. I. С. 31, 85.
- ²⁰³ Как уже отмечалось, на основании доноса А.И. Майбороды и показаний Трубецкого, Комарова, Бурцова и Пестеля были непосредственно привлечены к процессу А.Г. Непенин, П.Х. Граббе, Ф.Г. Кальм, Е.В. Руге, И.М. Юмин, М.Н. Муравьев и др. Эта группа арестованных участников Союза благоденствия, почти без исключения, не избежала наказания; отдельные ее представители были фактически прощены и освобождены в ходе следствия (М.Н. Муравьев, И.М. Юмин).
- ²⁰⁴ ВД. Т. XVI. С. 50, 150, 236.
- ²⁰⁵ ВД. Т. XVI. С. 50, 56; Ср.: *Вейденбаум Е.Г.* Декабристы на Кавказе // Русская старина. 1903. Т. 114. № 6. С. 495 (предписание А.П. Ермолова И.А. Вельяминову от 4 марта 1826 г.).
- ²⁰⁶ ВД. Т. III. С. 8, 10.
- ²⁰⁷ ВД. Т. XVI. С. 62, 243. На докладной записке о заседании 16 января Николай I поставил резолюцию: «Согласен». Стоит отметить, что в этой записке Юрьев был

- назван членом «злоумышленного» общества — характеристика, которая применялась прежде всего к Северному и Южному обществам.
- ²⁰⁸ ВД. Т. I. С. 237–242.
- ²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 39–40; Д. 28. Л. 16–18 об. (ВД. Т. XX. С. 487–488).
- ²¹⁰ Бурцов не знал фамилии офицера, указав, что он перешел из Егерского полка в Орловский пехотный полк. Эти данные указывают на А.И. Шляхтинского, впервые названного Оболенским в обширном списке от 21 января (Декабристы. С. 202; ВД. Т. I. С. 239). В дальнейшем Комитет, по всей видимости, не стал устанавливать биографические данные названного Бурцовым неизвестного офицера Егерского полка. Независимо от этого фамилия Шляхтинского перекочевала в итоговый список членов, оставших от тайных обществ (ВД. Т. XX. С. 487).
- ²¹¹ Впервые имя П.А. Катенина упомянул П.И. Пестель в показаниях, данных в ответ на вопросные пункты от 13 января (ВД. Т. IV. С. 101).
- ²¹² См.: ВД. Т. XX. С. 195–199; Ср.: ВД. Т. XVI. С. 257–260.
- ²¹³ ВД. Т. XIX. С. 484; Т. XX. С. 541.
- ²¹⁴ ВД. Т. I. С. 30; Т. XX. С. 438. Почти одновременно с показаниями Бурцова П.П. Грубцкой был назван в показаниях А.Н. Муравьева от 17 января (ВД. Т. III. С. 10).
- ²¹⁵ ВД. Т. XVI. С. 63.
- ²¹⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243 («Справки о членах тайного общества, собранные по показанию полковника Бурцова»). Л. 26, 27 об.
- ²¹⁷ Копия свода: ВД. Т. XVI. С. 257–260. Оригинал свода: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 39–40. Оригиналы отобранных показаний: Там же. Л. 1–39.
- ²¹⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 28–28 об. В копии свода, представленной императору, показания А.П. Юшневского об этих офицерах отсутствуют (ВД. Т. XVI. С. 258–259). В оригинале свода они нашли отражение лишь частично (приведены показания только в отношении Чумпалова и Алимского); по своему внешнему виду этот текст — поздняя вставка (см.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 39 об.).
- ²¹⁹ В результате «Юлина» не признали членом общества ни Пестель, ни Юшневский, которые, несомненно, знали об участии в Союзе Юмина (Пестель счел необходимым сообщить о майоре Юмине особо: Там же. Л. 18, 39 об.).
- ²²⁰ Подробнее о Н.П. Воейкове и показаниях о нем см. в главе 2.
- ²²¹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 2, 5 об., 17 об., 18, 22, 39. Интересно отметить, что Пестель в своем показании сообщал, что источником его данных о П. Голицыне послужили в равной степени А. Поджио и И. Шипов, но в оригинале свода сообщалось, что он знал об этом «...по словам Поджио, а не Шипова...». Здесь видится влияние акта прощения Шипова, имевшего место в начале следствия.
- ²²² Там же. Л. 5, 22, 25.
- ²²³ Там же. Л. 5 об., 33, 39–40.
- ²²⁴ ВД. Т. XVI. С. 80, 255.
- ²²⁵ Там же. С. 82.
- ²²⁶ Формулировки о Сурнине и Чумпалове стали результатом искажения показания Пестеля о том, что эти офицеры были приняты в тайное общество М.А. Фонвиным (Пестель ссылался на самого принявшего), при этом оказалась утеряна хронологическая привязка данного факта (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 18).
- ²²⁷ ВД. Т. XVI. С. 63, 80.
- ²²⁸ ВД. Т. XVI. С. 117 (данные о принадлежности Глинки к тайному обществу собирались еще 11 января, сразу после первого показания о нем И.Н. Хотьинцева — ВД. Т. XIX. С. 34–35; Т. XX. С. 562). Вместе с тем о принадлежности Глинки

- к тайному обществу было сообщено главнокомандующему 1-й армией, под началом которого состоял этот офицер.
- 229 ВД. Т. XX. С. 254.
- 230 ВД. Т. XVI. С. 129–130.
- 231 Там же. С. 143.
- 232 Там же. С. 159, 165–166.
- 233 Там же. С. 170, 198.
- 234 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244 («Справки, собранные о разных лицах, в описи означенных, о принадлежности их к злоумышленным обществам»). Сводного документа, обобщающего показания об этой группе лиц, не имеется. Помимо участников Союза благоденствия, в деле содержатся «справки» о лицах, подозревавшихся в принадлежности к более поздним тайным обществам.
- 235 ВД. Т. I. С. 239; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 72, 73.
- 236 ВД. Т. XIV. С. 426, 428, 485; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 20–20 об.
- 237 ВД. Т. III. С. 55; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 23 и сл. Позднее Якушкин также назвал Копылова (показания в деле М.Ф. Митькова от 22 февраля — ВД. Т. III. С. 149); 23 февраля он был повторно спрошен о вновь названном лице (Там же. С. 151, 153).
- 238 ВД. Т. XVI. С. 111.
- 239 Показания о В.И. Пестеле: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 41 и сл.
- 240 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.
- 241 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 39.
- 242 Из него выпали только Голицын (В.М. Голицын?), Юмин и Лукашевич, о которых производилось отдельное расследование, а также А.Ф. Воейков, который не фигурирует в конечном варианте списка, видимо, вследствие того, что показание Бурцова никто не подтвердил.
- 243 Итоговый список членов Союза благоденствия недавно опубликован (ВД. Т. XX. С. 487–488). См. также: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 28. Л. 16–18 об.
- 244 К Донесению были приложены несколько списков, в том числе членов Коренного совета Союза благоденствия, участников Общества соединенных славян и т. п. Почти несомненно, что эти списки были идентичны спискам из Д. 28 фонда следствия и суда (ВД. Т. XVII. С. 30 (примечание к Донесению)).
- 245 Еще один офицер-финляндец из этой группы был вовлечен в заговор более серьезно (А.И. Богданов), поэтому подвергся административному наказанию.
- 246 ВД. Т. XVI. С. 308.
- 247 ВД. Т. XV. С. 209–210.
- 248 *Розен А.Е.* Записки декабриста. С. 123.
- 249 ВД. Т. XVI. С. 308.
- 250 Там же. С. 56, 307–308.
- 251 Там же. С. 302.
- 252 Там же. С. 195–196, 302. Подозрения в знании политической цели заговора пали только на А.И. Богданова.
- 253 *Розен А.Е.* Записки декабриста... С. 122.
- 254 ВД. Т. XV. С. 213–214. Репин являлся членом Северного общества (принят в декабре 1825 г., в дни междуцарствия, Пуциным при участии Рылеева).
- 255 ВД. Т. XV. С. 211–215.
- 256 ВД. Т. I. С. 107. Характерно, что еще задолго до 1825 г. практика вербовки новых членов опиралась, судя по показанию Трубецкого, на установившиеся неформальные отношения; руководители общества стремились облечь процедуру присоединения к тайному обществу в форму дружеского общения, с неременным выясне-

нием общности политического мировоззрения: «Я требовал, чтобы все сие было сделано в виде знакомства, основанного на одинаковом образе мыслей, а не в виде принадлежности к тайным обществам...» (Там же). Руководящее ядро общества представляло собой круг тесно связанных друг с другом знакомых, однако входившие в него лица позиционировали себя и в качестве «убежденных членов» тайного общества.

²⁵⁷ Цит. по: *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ... С. 440.

²⁵⁸ См. об этом: Там же. С. 458, 462–463.

²⁵⁹ ВД. Т. XVI. С. 308. На собрании у Репина, по показанию Оболенского, совещались о практических шагах по воздействию на нижних чинов, но офицеры не имели в своем распоряжении команд, поэтому не могли оказать большого влияния на солдат. В то же время было известно, что 14 декабря офицеры поляка будут возглавлять караулы по городу. Не это ли имели в виду руководители заговора, обращаясь к группе офицеров-финляндцев?

²⁶⁰ В силу настоятельной потребности в расширении рядов общества, по мнению современного исследователя, наблюдалась даже «известная неразборчивость в вербовке»: «вербовали всякого, до кого могли дотянуться» (*Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. С. 472). Представляется, что этот интересный вывод можно сопроводить одним важным уточнением: для приема в тайное общество вербовщику требовалось исходное согласие кандидата, которое чаще всего подразумевало общность базовых политических представлений, готовность к восприятию и положительной оценке общего набора «кодовых слов» декабристского ряда. Поэтому вступление в тайное общество не могло не являться следствием, в различной степени, более или менее осознанного выбора со стороны кандидата.

²⁶¹ ВД. Т. XV. С. 206; *Розен А.Е.* Записки декабриста... С. 121.

²⁶² ВД. Т. XV. С. 210.

²⁶³ Признанные более виновными офицеры Московского полка, обнаруженные показаниями Бестужева и Щепина-Ростовского (А.А. Брое, В.Ф. Волков, М.Ф. Кудашев), были привлечены к ответственности и наказаны без суда.

²⁶⁴ ВД. Т. XVI. С. 40, 229.

²⁶⁵ ВД. Т. XVI. С. 301.

²⁶⁶ Там же; Алфавит. С. 267. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 242 (материалы полковой следственной комиссии). См. также: *Пестриков Н.* История лейб-гвардии Московского полка. СПб., 1904. Т. 2. С. 20–26.

²⁶⁷ ВД. Т. XVI. С. 305–307.

²⁶⁸ Там же. С. 301.

²⁶⁹ Диалог Кушелева и Бестужева сохранился и в другом варианте: «„Вот рука моя: если я нужен, располагайте мною“. — „Вы благородно поступаете, мы идем на верную смерть — нам нужны не вы, а солдаты“» (См.: Воспоминания Бестужевых. М., 1951. С. 68, 390, 398). Сообщения мемуариста не точны: Корнилов и Кушелев не участвовали в выступлении; солдаты их рот, за немногими исключениями, не приняли в нем участия. (Там же. С. 707, 789 — комментарий М.К. Азадовского).

²⁷⁰ ВД. Т. XVI. С. 302.

²⁷¹ См.: ВД. Т. XVI. С. 300–302. Представлена на заседании Комитета 5 мая (фигурирует как «выписка из показаний некоторых лиц... и из сведений, от гвардейских полков доставленных, о действиях некоторых офицеров пред мятежом 14-го... декабря и участии, принимаемом ими в совещаниях, бывших пред сим возмущением»), представлена императору 9 мая в виде «особого доклада» (Там же. С. 195–196, 215, 300). Возвращена от императора с высочайшими резолюциями не позднее 22 мая (Там же. С. 300), зачитана на заседании Комитета 24 мая (Там же. С. 215).

- Помимо офицеров-москвитин, в записке речь шла об офицерах Финляндского полка, названных Розеном.
- 272 Причина в каждом случае индивидуальна. Так, Лопухина и Петра Колошина, видимо, посчитали привлекавшимися к следствию, Вольховского — членом не только Союза благоденствия, но и Северного общества, о Богородицком стало известно, что он умер (умерших в такого рода списки не вносили), оставшееся одиноким показание Бурцова о А.Ф. Воейкове сочли неубедительным, о Дмитриеве-Мамонове забыли вовсе. Что касается Владимира Пестеля, то в данном случае сыграло роль личное отношение к нему Николая I, который в июне 1826 г. наградил брата одного из главных заговорщиков, зачислив в Свиту.
- 273 Пестель показал о приеме Любимова Кальмом следующее: «...иначе полагать не могу, как что он объявил ему о конституционных намерениях общества...»; Любимов это категорически и настойчиво отрицал (ВД. Т. XX. С. 224, 227). Отметим здесь же, что наказанные административным способом Р.В. Любимов, А.Г. Непенин, Е.В. Руге и др. находились в точно таком же положении, что и Кальм, однако подверглись наказанию за «недонесение» о тайном обществе. Эта вина в действительности тяготела над всеми обнаруженными участниками конспирации, но наказание реализовывалось, как видим, достаточно избирательно.
- 274 См. показания Ф.Ф. Гагарина, В.А. и Л.А. Перовских о политических намерениях участников Военного общества (ВД. Т. XX. С. 310, 454, 457).
- 274а Здесь и далее мы пользуемся формулировкой обвинений, предъявленных лицам, преданным по итогам следствия суду.
- 275 В записи допроса Левашевым говорится, что Лопухин был свидетелем разговоров членов тайного общества о том, что «можно со временем, какими бы то средствами ни было, а особенно при перемене царствования, принудить правительство согласиться на представительное правление...» (ВД. Т. XX. С. 438).
- 276 Четвертое лицо, которое находилось в этой же ситуации, было наказано без суда (Ф.Н. Глинка).
- 277 Показания против И. Коновницына и А. Малиновского стали причиной решения о их несудебном наказании, но информация о них напрямую касалась и других офицеров Конной артиллерии.
- 278 ВД. Т. XVII. С. 26.
- 279 Там же. С. 30.
- 280 Там же. С. 29.
- 281 ВД. Т. XVII. С. 32.
- 282 ВД. Т. III. С. 85–109.
- 283 ВД. Т. XVII. С. 26. Стоит отметить, что никак нельзя говорить об «отменной молодости» в период членства в Союзе ни И. Шипова, ни Ф. Толстого. После публикации Донесения в обществе возникли различные слухи и домыслы относительно не упомянутых в документе лиц.
- 284 Там же. С. 68.
- 285 Интересным отражением этой ситуации служит письмо Николая I Константину Павловичу с сообщением о поездке А.А. Кавелина в Варшаву: «Он сумеет сообщить вам подробности... так как он сам был членом первого общества, он сможет вам рассказать, под каким прикрытием все началось...» (Междучарствие. С. 191).
- 286 Видимо, в этом смысле следует трактовать слова Николая I из письма к брату Константину: «...очень трудно разделить виновных одного общества от виновных другого...» (Там же. С. 188).
- 287 Отметим в этой связи, что противопоставление Союза благоденствия и поздних тайных обществ в реальной практике следствия иногда выражалось вполне опре-

деленно: так, в «записке» о Кальме утверждалось, что он вступил в Союз благоденствия, «к тайному же обществу не принадлежал»; в справках «Алфавита» о Петре Колошине и Юмине таким же образом противопоставлялись Союз благоденствия и «тайное общество» (Алфавит. С. 342. Ср.: ВД. Т. XX. С. 357). Это обстоятельство свидетельствует о том, что в некоторых случаях Союз благоденствия не причислялся следствием к числу «тайных обществ», подлежащих преследованию.

²⁸⁸ Речь идет о группе членов Союза благоденствия, наказанных без суда.

²⁸⁹ Подробнее об этом см. в главе 2.

²⁹⁰ Наиболее яркий случай такого рода представляют показания И.И. Пушина о собраниях членов Московской управы Северного общества, проходивших в 1825 г. в Москве с участием А.В. Семенова. После ряда очных ставок с противоречившими ему лицами Пущин отказался от своих прежних показаний, ссылаясь на ошибку памяти. Показания Е.П. Оболенского относительно известности Семенова о целях и намерениях на 14 декабря тоже были фактически дезавуированы их автором после настойчивого отрицания Семенова, со ссылкой на тяжелое состояние во время дачи этих показаний. Но в других случаях подследственные продолжали настаивать на обвинительных показаниях против новых лиц (Пестель, Свистунов, Перетц).

²⁹¹ См.: *Шутов С.П.* Воспоминания // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 153–154, 164, 171, 183–184.

²⁹² Там же. С. 183. В действительности, как уже отмечалось, Пестель и другие участники совещаний 1820 г. показали о присутствии на них И. Шипова вполне авторитетно, как прямые свидетели; имелись и достоверные указания об участии его в Северном обществе.

²⁹³ Междуцарствие. С. 171, 176. Константин Павлович приводит еще один вариант этого взгляда, согласно которому виновные стремятся увеличить число привлеченных к делу: «из мести... впутать» невинных (Там же. С. 172).

²⁹⁴ См. главу 2, где помещен фрагмент воспоминаний А.Ф. Львова, брата оправданного на следствии И.Ф. Львова.

²⁹⁵ Цит. по: *Анцело Ф.* Шесть месяцев в России. С. 268.

²⁹⁶ Другой офицер Коннопионерного эскадрона М.И. Пущин, хорошо известный императору и пользовавшийся его постоянным «расположением» (ВД. Т. XIV. С. 456), в своих показаниях и мемуарных записках оставил указания на благожелательное отношение к себе со стороны Николая I в начале расследования. Оно, однако, не привело к прощению или смягчению наказания. Очевидно, Пущин сразу же был серьезно скомпрометирован информацией об участии в заговоре и тех надеждах, что возлагали заговорщики на подчиненную ему часть гвардейских коннопионеров; линия поведения Пущина на следствии, признавшегося в своей первоначальной «неоткровенности», оказалась, по-видимому, неэффективной. Нужно отметить и дистанцирование императора от решения участи Пущина (мемуарист приводит его слова: «Буду очень рад, если ты оправдаешься».) (*Пущин М.И.* Записки // Русский архив. 1908. Кн. 3. № 10. С. 440, 445, 447; № 11. С. 553).

²⁹⁷ Междуцарствие. С. 92.

²⁹⁸ «Князь, берегитесь, веревка касается вашей шеи» (франц.). См.: Декабристы. Летописи Государственного Литературного музея. Вып. 3. М., 1938. С. 487. Письмо В.А. Олениной П.И. Баргеву (1869 г.).

²⁹⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 4. Л. 14–16. См. также: «Государь! Исповедую тебе яко боящийся Бога»: Прошения родственников декабристов о помиловании

арестованных. 1826 г. / Вступ. ст. и публ. П.В. Ильина // Исторический архив. 2001. № 1. С. 156–177.

³⁰⁰ Та же картина наблюдается в отношении некоторых подследственных, признанных невиновными (см. главу 2).

³⁰¹ Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы»... С. 107.

³⁰² В.Д. Вольховский официально не был репрессирован, но переведен в 1826 г. в Кавказский корпус (без указания на административное наказание); по заключению следствия, собранные обвинительные данные оставлены «без дальнейшего действия» (Алфавит. С. 235). Его случай, как и случай А.Н. Тулубьева (отставка в январе 1826 г.), — пограничный между освобождением от наказания и репрессивным актом несудебного характера; это фактически состоявшееся (но официально не декларированное) наказание.

ГЛАВА 2

«НЕ СЧИТАТЬ ПРИКОСНОВЕННЫМ...»

*Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.,
оправданные на следственном процессе*

Вопрос о декабристах, оправданных на следствии, в историографии

Начавшийся после подавления выступления 14 декабря 1825 г. следственный процесс с первых своих шагов обнаружил существование «злумышленных тайных обществ», преследовавших цель изменения государственного строя и стремившихся к этой цели путем вооруженного «бунта». Расследование приобрело характер процесса по обвинению в государственных преступлениях, главным содержанием расследования стало установление степени участия каждого из привлеченных к следствию лиц в «антигосударственной деятельности» вновь обнаруженных тайных обществ, а также степени его осведомленности о планах военного переворота.

В условиях, когда по подозрению в участии в тайных обществах были привлечены сотни человек, руководители расследования так или иначе оказались перед необходимостью выстраивать определенную иерархию реконструируемых связей и отношений, где то или иное лицо играло разные роли — главным образом, на основе содержания полученных показаний.

Первые сведения о характере и направлении начатого расследования появились в печати уже в конце декабря 1825 г. — начале января 1826 г. Из них вытекало с полной определенностью, что главным направлением процесса стало подведение фактов деятельности тайных обществ под основные обвиняющие статьи государственных преступлений — «против жизни и власти государя» и

замыслы «военного мятежа». Для наблюдательного современника стало вполне очевидным, что основным обвинением, предъявляемым подследственным, могла быть принадлежность к тайному обществу, знание его «сокровенной» цели. Факт участия в этом обществе и знание его цели и стремилось установить следствие. Поскольку такого рода цель и замыслы объявлялись главной движущей силой развития «злоумышленных тайных обществ», то сама принадлежность к тайному обществу, а точнее — знание его цели и ближайших намерений, служили основанием для признания виновности привлеченного к следствию лица.

Направленность следствия дает основание для гипотетического предположения, что именно по этому вопросу проходило главное противостояние между следователями, допрашивающими, с одной стороны, и обвиняемым («заподозренным»), с другой. Для большого числа лиц, привлеченных к процессу, осведомленных из первых официальных сообщений о следствии, либо уже из содержания первого допроса, что главный предмет интереса следствия составляло участие в тайном обществе и знание его «политической цели», — вопрос этот являлся важнейшим рубежом, вокруг которого строилась собственная линия защиты. Разумеется, безоговорочно уличенные имели другие задачи: показать себя неактивным, неосведомленным, пассивным участником деятельности тайного общества, малозначимым и, следовательно, подлежащим меньшей ответственности.

Политический процесс, грозивший самыми тяжелыми последствиями для привлекаемых к ответственности, не мог не сопровождаться попытками части обвиняемых выйти из поля наказания, спастись от преследования. Об этом ясно и недвусмысленно говорит линия поведения на следствии, которой первоначально придерживались многие из тех, кто был впоследствии осужден: полное отрицание существования тайного общества, антиправительственных деяний — например, со стороны П.И. Пестеля, Н.А. Крюкова, других значительных фигур среди участников декабристских союзов. О желании утаить многие обстоятельства и, прежде всего, имена сочленов по тайному обществу, напрямую свидетельствуют следственные показания (И.Д. Якушкин, И.И. Пущин) — здесь основное значение имели этические принципы. С другой стороны, чиновники Комитета вполне сознавали это стремление подвергнутых аресту. Так, Боровков в своих воспоминаниях отмечал: «Главное упорство большей части допраши-

ваемых состояло в открытии соумышленников, но когда им показали бывшие в Комитете списки членов их обществ, когда сказали им, что они почти все уже забраны, тогда они стали чистосердечнее¹.

Тактика сокрытия отдельных обстоятельств (как правило, служащих более тяжкому обвинению), взятая на вооружение многими привлеченными к расследованию, отчетливо прослеживается при анализе следственных показаний, при обращении к мемуарным источникам. Зная особенности политического расследования, часть попавших в его орбиту лиц старалась не расширять круг обвиняемых; некоторые из них прямо декларировали эту позицию в своих показаниях (Якушкин, Пущин, Лунин и др.). В частности, Лунин писал, что «постановил себе неизменным правилом никого не называть поименно», поясняя: «...касательно основателей Тайного общества и лиц, к оному принадлежащих, я не мог по совести отвечать удовлетворительно, ибо, называя их поименно, я изменил бы родству и дружбе»². В своих записках Трубецкой обозначил один из главных первоначальных мотивов собственного поведения на следствии: стремление избежать показаний на других лиц и укрытие имен сочленов³. Такая же ситуация с «упорством» в сокрытии имен «соучастников» возникала при допросах многих других арестованных⁴. Впоследствии, в ходе процесса, это «упорство», однако, под влиянием различных мотивов ослабевало.

Очевидно, в условиях следствия произошло разделение всех действительно виновных по линиям защиты и, в целом, по тактике поведения на процессе. Степень откровенности привлеченных к процессу была различной. Прямо или косвенно об этом свидетельствовали сами бывшие подследственные в поздних мемуарных текстах; недаром в ряде случаев потребовалось примирение с теми, кто давал уличающие показания, усиливающие вину других осужденных. Наряду с этим, как известно, многие из осужденных и наказанных без суда настаивали на своем неактивном участии в заговоре или на полном незнании «злоумышленных» целей тайного общества. Особенно выраженной и очевидной эта ситуация становится при обращении к изучению следственных показаний не тех, кто был признан следствием наиболее активным и осведомленным участником декабристских союзов, осужденных по приговору Верховного уголовного суда, — а тех, кто избежал судебного преследования или наказания: наказанных без суда, помилованных, освобожденных в результате расследования.

Мемуарист Д.И. Завалишин удостоверял, что на следствии члены тайного общества вели себя по-разному. Одни (к ним он причислял себя) старались не компрометировать никого (в первую очередь себя самого), другие же «делали показания» не только на себя, но и на других, несмотря на ответные отрицания. При этом мемуарист не утверждал, что полученные таким образом следствием показания не соответствовали истине⁵. Завалишин конкретизировал важнейшие правила тактики защиты, примененной частью арестованных: «В старании товарищей не компрометировать Грибоедова не было также ничего особенного, исключительного. Это было лишь следствием наперед условленного, общепринятого правила стараться не запутывать никого, кто не был еще запутан, а если сам Грибоедов не говорил о сношениях с членами, имевшими особенное значение, то говорить об этих сношениях значило бы добровольно и без нужды выдать самого себя»⁶.

Завалишин затрагивает здесь два вопроса. С одной стороны, он указывает на имевшее место соглашение, суть которого сводилась к применению тактики частичного «запирательства», отрицания обвиняющих показаний, а также ограничения в раскрытии обвиняющей других лиц информации. Подобное соглашение заключали между собой группы привлеченных к следствию, связанных дружескими или служебными отношениями. Одним из главных условий этого соглашения являлся, по словам мемуариста, запрет на вовлечение в расследование «новых» лиц, еще не известных следствию. Но расширение репертуара имен по сравнению с первоначальными списками, составленными на основе материалов доносов и первых допросов, говорит с несомненностью о том, что такого рода соглашений придерживалась не все подследственные.

С другой стороны, мемуарист свидетельствует о присущем многим обвиняемым стремлении избежать наказания, нежелании «выдать самого себя». Оно выражалось, прежде всего, в сокрытии наиболее обвиняющей информации. Сколько было лиц, стремившихся избежать ответственности с помощью полного отрицания уличающих свидетельств, помимо Грибоедова, мемуарист умалчивает. Очевидно, дело не ограничилось только Грибоедовым. В своих воспоминаниях Д.И. Завалишин утверждал, что по итогам следствия в силу многих причин «спасены были и многие другие члены, даже такие, которые были замешаны и посильнее, чем Грибоедов»⁷.

Итак, учитывая фиксируемое в источниках стремление части под-

следственных укрыть от внимания следователей малозатронутых и не обнаруженных лиц, ограничить репертуар имен уже известными участниками, можно уверенно считать, что следствию не удалось получить полную информацию о персональном составе тайных обществ. Кроме того, в условиях следствия имели место попытки умолчать о собственной причастности к делам тайного общества, скрыть присутствие в декабристской конспирации лиц, обнаружение которых могло повлечь за собой дополнительные обвинения. Подследственные старались скрыть подлинную степень участия в тайном обществе или заговоре, некоторые обстоятельства своих конкретных планов, связанных с еще не привлеченными к следствию лицами. Многие остались вне пределов внимания следователей или получило неполную или искаженную трактовку в документах следствия, многое по тем или иным причинам осталось без ясного и четкого ответа. Это и понятно — ведь в условиях процесса по делу о «государственных преступлениях» обвиняемые и подозреваемые были заинтересованы в укрытии обстоятельств, которые служили к их обвинению.

На основании сказанного правомерно предположить, что некоторым из привлеченных к следствию удалось доказать свою невиновность, свою непричастность к тайному обществу, попасть в число оправданных. Это предположение выводит исследователя на более общие вопросы — о линии защиты подследственных, о степени откровенности декабристов на следственном процессе, о характере и методике работы расследования, не получившие в целом однозначного ответа в историографии. Задача историка — на основании достоверных свидетельств авторитетных источников попытаться реконструировать факты, связанные с деятельностью тайных обществ, оставшиеся по тем или иным причинам вне выявленной на следствии картины или значительно трансформированные им.

В этой связи главным методом работы становится оценка и «проверка» доказательной базы обвиняющих показаний, которые не подтвердились в ходе следствия; необходимы критическая проверка их достоверности и оценка авторитетности, сопоставление их с другими показаниями, в том числе оправдательного характера.

В исследовательской литературе сложилось представление о примененных значительной частью подследственных различного рода методах и приемах защиты, включавших, в том числе, полное «запи-

рательство», сокрытие наиболее «криминальной» обвиняющей информации, осторожные признания («полупризнание»), подтверждение только уже известной следствию информации, снижение обвинительного значения предъявленных показаний и т. д. Оно выражается в конкретном выводе о сокрытии арестованными некоторых наиболее опасных с точки зрения обвинения сведений⁸.

Однако, при общей констатации этих выводов и наблюдений, факта более или менее эффективного и последовательного применения значительной частью арестованных тактики защиты, в декабристской историографии остается достаточно распространенной точка зрения о полной откровенности подследственных. Эта точка зрения, нуждающаяся в постоянном обосновании, ввиду столь редко встречающегося феномена, влечет за собой, помимо прочего, представление о том, что информация из следственных показаний в главной своей основе заслуживает безусловного доверия, заключенные в ней данные можно воспринимать «напрямую», как полностью объективные. В научной традиции установилось безусловное доверие к показаниям, данным на процессе, и, что еще более важно, к выводам и обобщениям обвинительной информации, принадлежащим следователям, — не исключая рассматриваемого вопроса о персональном составе декабристского движения. Наглядным отражением этого доверия служит вывод одного из современных исследователей декабризма В.А. Федорова, который отмечает: «...никому не удалось скрыться от бдительного ока правительства», за исключением тех, кто «краткое время состоял в Союзе благоденствия и вскоре прекратил с ним всякие связи»⁹.

Согласно этому подходу, членство в тайном обществе в конечном счете должно быть прямо зафиксировано в материалах следствия. В «Алфавите» Боровкова указано множество лиц, против которых имелись показания о принадлежности к декабристскому обществу, не нашедшие подтверждения в ходе процессе. В рамках приведенной точки зрения их нельзя признать декабристами. Группа сумевших доказать свою невиновность остается при таком подходе вне пределов внимания исследователей.

Другой подход к следственным показаниям — как к источнику, требующему критической работы, содержащему далеко не полную информацию, причем часть сведений в нем затенена, — хотя и сформулирован в научной традиции, но до сих пор не получил распространения в исследовательской практике. Тот факт, что на следствии

многое оказалось скрытым, принимается во внимание достаточно избирательно. На практике оба подхода нередко сочетались у одного исследователя, поочередно выходя на первый план в соответствии с исследовательскими задачами (примером такого сочетания служит работа М.В. Нечкиной).

Однако вопрос о невыявленных на следствии лицах, участниках декабристских союзов, которым удалось доказать свою невиновность и оправдаться, не ставился и не рассматривался в рамках отдельного исследования. Одной из главных причин являлся установившийся взгляд на «откровенность» подследственных. Никто из историков не рассматривал специально случаи оправдания обвиняемых — когда было вынесено оправдательное решение, несмотря на прозвучавшие в их адрес показания о принадлежности к тайным обществам.

В монографии, специально посвященной следствию и суду над декабристами, В.А. Федоров приходит к справедливому выводу о том, что на первом этапе процесса перед следствием была поставлена задача арестовать всех участников тайных обществ и прикосновенных к ним: «В этой обстановке было захвачено немало случайных лиц, непричастность которых к заговору стала очевидной уже после первых их допросов», — заключает исследователь. Далее исследователь констатирует: освобождались с аттестатами главным образом в том случае, «если арестованный оказывался непричастным к тайному обществу», как только следствие устанавливало факт непричастности к тайному обществу¹⁰. Однако этот вывод можно отнести лишь к части освобожденных в период процесса. С другой их частью — арестованными в силу конкретных уличающих показаний — дело должно обстоять гораздо сложнее.

В.А. Федоров уделяет особое внимание расследованию и выдвинутому обвинению против группы осужденных по приговору Верховного уголовного суда. Категория *освобожденных «за отсутствием против них улик» и оправданных на следствии* подозреваемых предметом отдельного внимания не стала. Признавая, что в числе освобожденных с оправдательным документом (по его подсчетам, 64 человека) находились участники декабристской конспирации, Федоров называет в этой связи только установленных следствием членов тайных обществ, прощенных Николаем I (Л.П. Витгенштейн, А.А. Суворов). Те же, кто был оправдан из-за неподтвердившегося обвинения, кто был признан следователями «невинным», остались фактически вне рамок исследо-

вания. Историк счел возможным зачислить в разряд «спасшихся» от наказания декабристов только А.С. Грибоедова¹¹. В целом, автор единственного монографического исследования, посвященного следственному процессу по делу декабристов, не вышел за пределы традиционного представления о том, что привлеченные к следствию лица, освобожденные с оправдательными аттестатами, как правило, не были причастны к тайным обществам и «никакого отношения к декабристам не имели»¹².

Образцом другого подхода является исследование М.В. Нечкиной «Следственное дело о А.С. Грибоедове» (М., 1945), вошедшее в переработанном и дополненном виде в состав монографии «Грибоедов и декабристы» (М., 1947) и выдержавшее несколько изданий¹³. В этой обстоятельной работе подробным образом затронут вопрос о ходе расследования причастности к тайному обществу одного из оправданных на следствии — А.С. Грибоедова. Выводы, к которым пришла исследовательница, весьма значимы для проблематики настоящей работы. Нечкина, опираясь на проведенный анализ следственных материалов и других источников, полагала, что Грибоедов, официально признанный непричастным к тайному обществу, в действительности достоверно знал о его существовании и его целях, причем выполнял поручения главных лиц декабристской конспирации. Оговорив наличие противоречивых показаний, на основе сопоставительного анализа имеющихся материалов следствия историк сделала аргументированное заключение о формальном членстве известного литератора в декабристском союзе¹⁴.

Итак, констатируя неполноту и необъективность показаний, а также явную тенденциозность расследования, историки, вслед за выводами следователей, чаще всего полагают, что освобождение в результате следствия служит вполне достаточным доказательством действительной непричастности к декабристской конспирации. В этом случае оказывается, что официальное признание «невиновным» привлеченного к следствию опирается на его реальные отношения к декабристскому союзу и служит своеобразной гарантией его непричастности к деятельности тайного общества. Тем самым исследовательская традиция оказалась в зависимости от официального вердикта следствия, косвенно признавая адекватность заложенной в следственных показаниях арестованных информации.

В справочно-библиографических изданиях, отражающих сложив-

шуюся историографическую ситуацию вокруг того или иного лица, в «разряд» декабристов занесены лишь немногие из числа официально оправданных: декабристами считались только авторы воспоминаний об аресте и заключении В.П. Зубков¹⁵ и Н.П. Крюков. Видимо, в данном случае влияние оказал факт сохранившихся мемуарных текстов, что «стихийно», в ситуации общей малоизвестности этих лиц, влекло за собой отнесение их к числу декабристов. Стоит отметить, что Б.К. Данзас, против которого были выдвинуты те же обвинения, что и против Зубкова, в библиографических справочных изданиях, напротив, никогда не считался декабристом. Колебания в идентификации наблюдаются в отношении А.А. Плещеева 2-го, членство которого не было доказано на следствии. Он был «зачислен» в разряд декабристов лишь однажды (справочник 1980 г.). Лишь в последнем по времени справочнике 1994 г., значительно расширившем круг декабристов, к числу последних отнесены оправданные на следствии А.М. Голицын, Ф.К. Левенталь, В.К. Ширман¹⁶.

Другие лица, подозревавшиеся в членстве в тайном обществе, но оправданные на следствии, хотя и фигурируют в библиографических справочниках, но не в качестве декабристов: И.П. Липранди, Б.К. Данзас, И.И. Левенштерн, Д.А. Молчанов, В.-А. Фурнье, М.Ф. Голицын¹⁷. Путаница в статусе (считать или не считать декабристом того или иного оправданного в ходе процесса?) в полной мере отразилась на обобщающих работах по истории декабризма¹⁸. Такой разнობой в отнесении лиц, принадлежащих к числу оправданных, к участникам тайных обществ вызывает множество вопросов у внимательного читателя¹⁹.

А.С. Грибоедов тоже не признавался действительным членом тайного общества, как и все остальные оправданные на следствии лица, против которых были получены показания об участии в конспирации. Несмотря на обоснованное, покоящееся на критическом анализе источников мнение авторитетного исследователя вопроса, заключение о формальном участии писателя в тайном обществе не было в полной мере воспринято историографией. Одной из причин послужило наличие традиционного, противоположного мнения, представленного в трудах Н.К. Пиксанова и других историков литературы²⁰, оживленная дискуссия вокруг вопроса, развернувшаяся в 1940–1980-е гг., а главное, подозрения в стремлении «искусственно» зачислить в ряды «революционеров-декабристов» известного писателя²¹.

**Особенности следственных показаний как исторического источника.
Вопрос о тактике защиты привлеченных к следствию**

Главным комплексом источников, при обращении к которым можно рассматривать обозначенные вопросы, являются материалы следствия. В ходе процесса прозвучали разные по степени авторитетности и достоверности показания о составе участников тайных обществ. Без сомнения, в распоряжении следователей оказались и весьма ненадежные свидетельства, главным образом исходившие от доносчиков, не связанных с декабристской конспирацией, случайных лиц, стремившихся по разным причинам обратить на себя внимание. Нет сомнения, что многие показания были сделаны по слухам, и это безусловно снижает их достоверность. Однако отделение недостоверных свидетельств от авторитетных указаний подследственных, опиравшихся на конкретные источники информации, — задача решаемая. Ведь отбирая показания, следствие, как правило, добивалось того, чтобы показывающий приводил источник своих сведений. А значит, перед исследователем стоит задача критической проверки этой информации, сопоставления ее с имеющимися данными (других показаний, других источников).

Предметом нашего внимания, таким образом, являются неподтвердившиеся показания, сделанные осведомленными участниками тайного общества. Это — показания о принадлежности к тайному обществу, которые следствие признало неподтвержденными или опровергнутыми, в силу чего не было основания для привлечения подозреваемых лиц к ответственности. «Спорные случаи» из числа привлеченных к следствию, не признанные следствием в качестве участников тайных обществ, но против которых имелись прямые свидетельства об участии в декабристских союзах, в первую очередь составляют группу «предполагаемых декабристов», избежавших наказания²².

Проблема недоказанных обвиняющих показаний заслуживает особого внимания. Само по себе показание о принадлежности к тайному обществу, имеющее безоговорочный характер, предполагает уверенность в его обоснованности, в возможности его доказать, подтвердить обращением к другим свидетелям.

При анализе вопроса особую роль играет сама методика, применяемая следствием: наиболее точным доказательством считалось признание самого лица, а показания других обвиняемых — в меньшей

степени²³. Если обвинительное показание одного лица не подтверждалось показаниями других, а тем более если оно встречало упорное отрицание самого обвиняемого, то последний чаще всего оправдывался как очищенный в результате следственных разысканий. Таким образом, многие были оправданы из тех, кто имел возможность скрыть истинную меру своей причастности к действительности тайного общества в своих показаниях; упорное отрицание убеждало следователей в невинности обвиняемого.

В каком виде неподтвержденное обвинение осталось зафиксированным в комплексе документов следствия? Думается, что ситуация недоказанного членства возникла именно благодаря тому, что подследственный убедил следователей тем или иным способом, и прежде всего собственными приемами защиты, в том, что обвиняющие его показания не заслуживают доверия или ошибочны. Иначе говоря, в распоряжении следствия имелись показания, уличающие новое лицо, которые вместе с тем не получили подтверждения и были признаны следствием недостаточными для обвинения. Следствие не получило в отношении этой группы лиц достоверных с его точки зрения данных о принадлежности к тайным обществам и заговору 1825 г.

Исследователи, анализирувавшие историю и ход следствия, чаще всего не углублялись в предметную критику содержания показаний, сравнение линии показаний конкретного подследственного и основных свидетелей по его делу, не прибегали к анализу факторов, влиявших на «откровенность» одних обвиняемых и скрытность других. Не принимались во внимание причины, почему одни подследственные были признаны активными и «значительными» членами тайного общества, другие — бездействующими соучастниками или только осведомленными о существовании декабристского союза, а третьи, несмотря на имевшиеся показания об их участии в заговоре, по заключению следствия оказались непричастными и были полностью оправданы.

Лишь специальные источниковедческие работы включали обращение к вопросу о достоверности и исторической критике следственных показаний. О критическом отношении к следственным показаниям писала М.В. Нечкина в предисловии к X тому «Восстание декабристов». Исследовательница отмечала: «Подследственное лицо... пытается скрыть улики, ведущие к отягощению его вины. В течение всего следствия идет непрерывная борьба следователя с подследственным

лицом. Обвиняемые стремятся создать у следователя впечатление наименьшей прикосновенности их к делу... Исследователь... должен учитывать обстановку следствия, позицию подследственного лица. Перекрестное сопоставление данных и учет обстановки допросов и ответов допрашиваемого необходимы при изучении этого трудного источника»²⁴.

Справедливо считая этот источник одним из самых сложных для изучения, при анализе которого необходимы особые источниковедческие приемы, М.В. Нечкина выдвигала требование всесторонней критической оценки документов следствия, взаимной проверки и тщательного сопоставления содержащихся в них данных. Историк отмечала: «Следственный материал декабристов как исторический первоисточник чрезвычайно труден для обработки, и использование его в исследовательских целях требует большой осторожности и учета многих его специфических особенностей»²⁵. К числу «специфических особенностей» исследовательница отнесла в первую очередь пристрастность следствия, его особый интерес к планам царубийства и военного мятежа, искажение им «идеологии движения», то есть сокрытие в его официальных документах важнейших пунктов программных требований тайных обществ. Далее, Нечкина особо выделила «желание подсудимых скрыть истину и всеми силами облегчить свое положение и будущую участь», которое вносит «дополнительные трудности при использовании материала», — ведь в условиях следствия «много скрывалось или неверно освещалось арестованными»²⁶.

При этом следует сделать важное замечание: как правило, прозвучавшие на следствии показания, интерпретирующие факты в наиболее радикальном ключе, в целом воспринимались в исследовательской традиции некритически. Показания об официальной, принятой тайным обществом цели — царубийстве и республиканской форме правления, принадлежащие нескольким наиболее «виновным» лицам, встреченные в большинстве своем отрицаниями других членов, несмотря на это, безоговорочно считаются отражающими истинное положение дел, так как трактуются как вынужденное признание. Другие мотивы появления такого рода показаний — в том числе сотрудничество со следствием — не принимались во внимание.

Между тем, следует признать несомненными попытки следствия выделить несколько важных для него вопросов, которые при их

разработке создавали основание для обвинения по государственным преступлениям. Для этого, судя по всему, и осуществлялось давление на лидеров тайных обществ (Пестель, Рылеев, Оболенский, Трубецкой, Н.М. Муравьев), явно скомпрометированных лиц (Каховский, С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин) и, кроме того, на особенно откровенных, желавших полным раскаянием заслужить облегчение участи (братья Поджио, Комаров, Горбачевский, Громнитский и др.). Цель следствия в этом смысле заключалась в том, чтобы превратить различные эпизоды конспиративного общения, обсуждений различных возможностей политического действия в составные элементы преступной антиправительственной деятельности, имевшей главной своей задачей покушение на особу императора и подготовку военного мятежа («бунта»). М.В. Нечкина, и это весьма показательно для советского периода в изучении декабристского процесса, не придавала большого значения тому обстоятельству, что наиболее «скомпрометированные» подследственные испытывали самое сильное давление следствия, заинтересованного (как политическое расследование) в подведении всех открытых обстоятельств под действие судебных установлений о государственных преступлениях. Давление было направлено на то, чтобы получить материал, который позволил бы выдвинуть обвинение в государственном преступлении против всей организации, всего «злоумышленного общества», а следовательно — против всех участников тайного общества. Придавая показаниям «скомпрометированных» подследственных значение наиболее адекватных свидетельств, объективно описывающих реальные отношения, историк уходил от критической их оценки и необходимости сопоставления с показаниями других лиц. В таком ракурсе показания главных обвиняемых, содержавшие наиболее серьезные обвиняющие сведения, служившие основанием для самых тяжелых обвинений, становились непререкаемым объективным источником информации. Согласно этой интерпретации, вполне адекватными оказывались «признания» в наиболее радикальных планах. Однако представление о полной откровенности подследственных и адекватности представленной ими картины на следствии должно уйти в прошлое (это, разумеется, не исключает того, что отдельные лица в отдельных показаниях могли «говорить все как было»).

Констатируя, что «подследственные лица стремились всячески

затушевать свое участие в тайном обществе, скрыть от царского следствия наиболее острые вопросы в деятельности тайной организации (планы восстания, согласие на „умысел царубийства“ и т. д.), М.В. Нечкина лишалась возможности в полной мере учесть особенности политики следствия, оценить степень «истинности» следственных показаний²⁷.

Действительно, подследственные со своей стороны пытались представить обстоятельства, имевшие место в действительности факты и события в благоприятном для себя свете, тем самым уменьшая значение уличающего материала, прибегая для этого к специфическим приемам защиты. Но, с другой стороны, следствие было заинтересовано в оформлении такой картины реальных отношений, которая «обвиняла» бы все стороны деятельности тайного общества, что позволило бы предъявить обвинение большинству его участников. Поэтому оно концентрировалось на замыслах покушения на жизнь императора и других представителей высшей власти, планах мятежа и государственного переворота. С этой целью, оказывая разнообразное давление на «главных» подследственных, наиболее информированных и руководящих участников тайных обществ, особенно на авторов развернутых показаний, следователи пытались формировать картину обвинения «по первым двум пунктам». Вопрос о достоверности уличающих показаний, принадлежащих главным обвиняемым, требует самостоятельного исследования.

На следствии развернулась острая борьба между подследственными и следователями. Следует выделить основное содержание этой борьбы: стремление спастись со стороны обвиняемых, стремление подвести под действие конкретных обвиняющих статей уголовных законов — со стороны следствия. Главные участники процесса, безнадежно скомпрометированные, вынуждены были лавировать между естественным желанием уменьшить свое наказание, спастись от грозившей им самой жестокой кары, и давлением следствия. Но и они, и, тем более, остальные обвиняемые стремились скрыть (по крайней мере, первоначально) наиболее обвиняющие их обстоятельства. Сам факт полного и решительного отрицания своей причастности к тайному обществу, утверждений о полном «неведении» существования этого общества со стороны наиболее важных деятелей декабристской конспирации на первых допросах (не исключая П.И. Пестеля, А.П. Юшневского и др.), служит доказательством существования это-

го стремления, которое, несомненно, оказывало влияние на содержание показаний и в дальнейшем, на протяжении всего процесса. В ряде случаев лишь многочисленные очные ставки и предъявляемые один за другим обвиняющие показания делали бессмысленным дальнейшее упорное отрицание и заставляли менять тактику защиты (случай С.М. Семенова и др.).

Дальнейшие изменения в позиции подследственного, очевидно, происходили в зависимости от примененных следствием мер воздействия на арестованного. Это воздействие было различным и варьировалось, исходя из полученных данных о роли и значении подследственного в тайном обществе. Пожалуй, наиболее откровенные сообщения о приемах и средствах, использованных следствием для многостороннего давления на главных обвиняемых, принадлежат мемуаристам и, в особенности, А.В. Поджио (записки последнего представляют собой размышления о следственном процессе в связи с историей России и историей либеральных идей). К числу такого рода средств он отнес угрозы (смертной казни, пытки), высказанные при первых допросах; обещание императорского помилования; обещание значительного смягчения участи; «увещания» (воздействие на моральное состояние подследственных); особые угрозы и средства физического воздействия в отношении «запирающихся» (ручные и ножные «железа», режим содержания, питания и т. п.). Одним из первых и часто повторяющихся приемов, судя по указаниям мемуариста, было сообщение о полной осведомленности следствия относительно главной обвиняющей информации: вновь привлеченному объявлялось, что власти уже все известно, поэтому ему только нужно подтвердить искренним сознанием свое участие. К «техническим приемам» следствия, которые позволяли открыть «поток признаний», следует отнести «подтверждение» уже известного: арестованному предъявлялись имеющиеся уличающие показания, от него требовалось лишь подтвердить и расширить их содержание. Наконец, в обмен на обещанное прощение или смягчение наказания требовались искренние «чисто-сердечные» признания, что подразумевало, с одной стороны, полную истинность, откровенность и полноту показаний, а с другой, особенно по мере того, как двигалась к концу работа следователей, готовность в оформлении обвиняющей картины деятельности тайного общества²⁸.

Недавно опубликованная статья Н.В. Самовер и К.Г. Боленко

представляет новое слово в интерпретации «откровенных» следственных показаний, полученных на процессе 1825–1826 гг. Исследователи полагают, что речь можно вести о своеобразном «торге» или, по формулировке авторов, «обмене» между подследственными и обвинением. В обмен на «откровенные» признания было обещано помилование или значительное ослабление наказания. Обещание помилования (нередко — из уст самого императора) было дано, как представляется, именно главным обвиняемым (Пестелю, С. Муравьеву-Апостолу, Каховскому и др.), к началу процесса безнадежно уличенным в противоправительственной деятельности; именно им грозило самое серьезное наказание — смертная казнь. То, что такое обещание имело место, прямо свидетельствуют их показания и переписка периода заключения²⁹. Как отмечают исследователи: «Предоставленный... выбор: раскаяние и помилование (мягкий приговор) или суд по закону и казнь — оказался чрезвычайно эффективным приемом»³⁰.

В этом контексте имевшие место объяснения «искренности» и обилия уличающих показаний, полученных в ходе процесса («хрупкость дворянской революционности», стремление «объяснить» свои намерения и т. д.), традиционные для предшествующего этапа изучения, в настоящее время, конечно, нельзя считать удовлетворительными. Думается, главной причиной появления обильного обвинительного материала, полученного следствием, стало, прежде всего, наличие значительного числа явных улик в начале процесса (участие в открытом военном выступлении, доносы на тайные общества и т. д.), а также два основных приема, применявшихся следователями на первых допросах: угроза тяжких наказаний, которые соответствовали обнаруженной «виновности» и, в особенности, могли последовать за «запирательство» и сокрытие «истины», и обещание полного помилования либо значительного смягчения наказания в обмен на «чистосердечные» показания.

Мемуарные источники и следственные материалы содержат множество свидетельств о компромиссах, на которые были вынуждены пойти многие подследственные, о «тюремном развороте» (формулировка И.Д. Якушкина), который стал реальностью для многих из них. Это касается не только признаний, обнаружения фактов и новых имен, но и участия в формировании обвиняющей модели следствия. Нужно признать, что результат для следователей был вполне успешным в применении к значительной части привлеченных к процессу³¹.

А.В. Поджио писал о «слепом доверии» со стороны арестованных, которое обусловило то «чистосердечие», с которым они «пустились... в русскую откровенную болтовню», предоставив тем самым возможность для «зверских наказаний». Мемуарист приводит главный элемент «обработки» обвиняемых следствием: «Сущность их увещания состояла всегда на том же милосердии царя, на желании его знать одну лишь истину и пр.»³². Один из самых «несдержанных» в открытии самых «криминальных» эпизодов в истории тайных обществ, А. Поджио упоминает и собственные побудительные мотивы к откровенности: не называя прямо надежду на помилование, он характеризует свою линию поведения как «откровенность, не допускающую коварной, вероломной цели в допросителях»: «Мы ожидали не... наград, а должного, соразмерного наказания... Сначала, когда стали на нас злобно напирать, и мы пошли было в отпор и держались, насколько было сил; но когда борьба стала невозможной против истины доносов и самих действий... мы как-то стали свыкаться с своими следователями: взведенные ужасы (угроза расстрела, других тяжелых наказаний. — П.И.) теряли свое значение, и мы мало-помалу пришли к тому заключению, что дело должно будет принять оборот более разумный! Казалось, что дело... должно было утратить свое прежнее значение и подвергнуться не *преследованию*, а *исследованию*...»³³.

Таким образом, многие из подследственных, и в первую очередь те, против которых был значительный уличающий материал (участники мятежей, руководители тайных обществ), поверили в то, что за подробные и «положительные» показания по запрашиваемым вопросам они получат если не помилование, то по крайней мере значительное смягчение своей участи.

Все сказанное, однако, не означает, что арестованные (в том числе наиболее «откровенные» в своих показаниях) признавались «во всем», что их показания есть адекватное отражение реальной ситуации. Наблюдение о большой степени откровенности касается безнадежно скомпрометированных и державшихся линии «полного раскаяния»; оно напрямую относится к тем вопросам, которыми особенно остро интересовалось следствие. Однако это не значит, что подследственные не могли утаить информации, опасной для них самих или для лиц, принадлежавших к родственному либо дружескому окружению. Другие подследственные, прежде всего менее замешанные, находившиеся на периферии деятельности тайных обществ, принадлежавшие к низ-

шим разрядам членов, или просто рядовые участники декабристской конспирации имели больше возможностей укрыть от следствия обличающие факты (степень участия в тайном обществе, сделанные приемы новых членов, осведомленность о целях тайного общества и т. д.). Более того, учитывая условия следствия, нет ни одного аргумента, позволяющего утверждать, что хотя бы один из подследственных говорил полную правду и ничего не скрывал. Даже наиболее раскаявшиеся подследственные, демонстрирующие свою искренность, открывающие новую информацию, обвиняющую других, одновременно могли скрывать некоторое количество уличающей лично их информации.

Наиболее распространенная тактика, которой придерживалось большинство подследственных под давлением обильных уличающих показаний и прямых улик, находившихся в распоряжении следствия в самом его начале (обстоятельства мятежей, доносы, взятые документы, первые показания скомпрометированных), как верно подметили исследователи вопроса, вовсе не была тактикой полного и «чистосердечного» признания. Исследователи определяют эту линию защиты как «тактику полупризнаний предъявленных... конкретных обвинений с одновременным „снижением“ оценки фактов, о которых шла речь...»³⁴.

«Полупризнания» — это признание части фактов с отрицанием других предъявляемых улик, которые могли бы значительно увеличить обвинительный материал прежде всего против автора показания. Эту тактику по возможности использовали и многие из наиболее «виновных» подследственных. Содержание ее и основные слагаемые выявлены при анализе линии поведения на следствии таких лиц, как С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев, и ряда других лидеров тайных обществ. Н.М. Дружинин характеризовал существо дела так: «По содержанию поставленных вопросов Н. Муравьев быстро улавливает, о чем можно открыто высказываться и о чем следует безнаказанно умолчать... За редкими исключениями его показания сотканы из действительных фактов, которые подтверждаются перекрестными данными... но благодаря систематическим умолчаниям освещение деятельности общества оказывается совершенно неверным и определенным образом воздействующим на следователя: Н. Муравьев старался представить эту деятельность и более „невинной“, и значительно менее сложной»³⁵. Эти выводы и наблюдения вполне объяснимы: раскры-

вать все обстоятельства дела, особенно те, что усиливали вину, было бы неоправданным риском.

Не следует при этом забывать, что в условиях следствия, когда отрицание факта или другого свидетельства могло быть квалифицировано как «запирательство» и повлечь за собой обвинение в укрывательстве фактов и ужесточение наказаний, обвиняемый не может полностью отрицать предъявляемые свидетельства, при имеющихся против него конкретных уличающих показаниях.

Приемы полного отрицания, свойственные менее замешанным лицам, применялись и представителями основной группы обвиняемых. Они прибегали также к «смягчению» обвиняющих показаний, «снижению» значения упоминаемых в них фактов. В силу этого имеющиеся показания открывают перед исследователем ту противоречивую картину, которая долгое время смущала историков: полное противоречий описание деятельности тайного общества, которое содержит разные, порой — диаметрально противоположные оценки одного и того же события, факта или лица. В целом образующаяся картина достаточно неправдоподобна: действовала одна небольшая группа руководителей, другие участники не действовали и в большинстве своем даже не сочувствовали цели тайного общества. Эта картина — результат влияния линии защиты подследственных в условиях процесса и, вместе с тем, результат давления на лидеров тайного общества со стороны следствия.

Следственные показания — это в своей основной массе ответы на «опросники», которые содержали прежде всего ту информацию, которая интересовала расследование. При анализе содержания показаний необходимо иметь в виду, что в ответах на вопросы страдает полнота освещения: даже формулировки «вины» в итоговых документах следствия зачастую далеки от выявленного значения того или иного члена в тайном обществе. Еще один важный момент: подлинный характер связей наполняется радикальным с точки зрения обвинения содержанием, в силу особого внимания следствия к «государственным преступлениям».

Для решения современных задач исследования документов следственного процесса представляется, что учет обстановки следствия, а значит обстоятельств происхождения следственных материалов, должен включать весь комплекс факторов, определяющих тенденциозность заложенной информации, в особенности — интерпретирующих

ее оценок, а также особых «фигур умолчания», заложенных в этих источниках.

В этом отношении наиболее последовательной представляется позиция И.А. Мироновой. Исследователь обращала внимание на то, что при использовании следственных материалов необходим учет особенностей происхождения этого источника. Она отмечала, что и следствие, и подследственные искажали подлинный характер реальных отношений. Следствие, сосредоточив свое внимание на планах царевубийства и «бунта», создавало тенденциозную картину деятельности конспирации. Но и подследственные, со своей стороны, также «старались затушевать свое участие в тайном обществе, обойти острые вопросы в его деятельности... о многом умалчивали или говорили вскользь»³⁶. Все это затрудняет работу с документами политического расследования; содержащиеся в них данные требуют тщательной проверки, сопоставления и комплексного изучения.

Главным элементом анализа является учет условий происхождения документов. И.А. Миронова показала, что в условиях следствия нужно учитывать, во-первых, приемы следователей, и, во-вторых, тактику поведения подследственных. Направление следствия сужало круг рассматриваемых вопросов. Поэтому значительная часть информации о реальных конспиративных связях осталась за пределами показаний. Другой основополагающей причиной неполноты данных, содержащихся в этих показаниях, являются приемы защиты обвиняемых. Различные варианты линии поведения на следствии в основной своей части предусматривали создание у следователей впечатления откровенности и полноты признаний, «раскаяния» подследственного. Одновременно обвиняемый, понимая из задаваемых ему вопросов, что известно следствию, а что оно не знает, пытался скрыть новые обвиняющие его данные, обойти наиболее опасные для него вопросы.

К этому следует добавить необходимость анализа содержания показаний с точки зрения достоверности и полноты данных, степени осведомленности и мотивов их авторов, возможных каналов поступления к ним заложенной в показаниях информации и т. п.

Метод сопоставления показаний между собой, а также с данными других источников, по мнению И.А. Мироновой, является основным для установления достоверности отдельных показаний³⁷. По нашему мнению, при сопоставлении показаний следует особенно иметь в виду время получения того или иного показания, учитывать избранную тем

или иным подследственным линию поведения на процессе и вытекающую из нее степень откровенности.

В.А. Федоров также отмечает, что при анализе содержания материалов следствия «...никак нельзя полагаться на полноту и абсолютную достоверность этой информации», откровенность многих подследственных была кажущейся: им многое «удалось скрыть или представить в безобидном виде». Исследователь особо подчеркивает, что демонстрация откровенности и раскаяния со стороны подследственных нужна была для того, чтобы «избежать обвинения в заперательстве»³⁸.

Вместе с тем, констатируя приемы сокрытия на следствии обвиняющей информации и других сведений, признавая неполноту сведений следственных показаний, «кажущуюся откровенность» большинства декабристов, сложный характер источника и выдвигая в этой связи требования критического отношения к содержанию следственных показаний, в своей реальной практике исследователи, за небольшими исключениями, демонстрируют противоположные подходы. Так, в вопросе об участии какого-либо лица в декабристском обществе, историки предпочитают чаще всего воспроизводить вердикт или решение следствия, не стремясь в случае противоречивой ситуации вокруг того или иного привлеченного к процессу подозреваемого критически проверить те показания, которые поступали в ходе процесса. В подавляющей своей части оправданные на следствии лица традиционно рассматриваются как лица, «взятые случайно и затем освобожденные» после выяснения их непричастности к делу³⁹.

Итак, несомненно, что борьба подследственного со следователями проходила и по вопросу о персональном составе тайного общества. Предметом сокрытия были, несомненно, прежде всего, те обстоятельства, которые вели к усилению вины самого автора показаний. Вовлечение в орбиту следствия новых людей, новых фактов и обстоятельств, помимо всего прочего, угрожало новыми обвинениями в адрес самого уличителя. Важную роль играла возможность оставить за собой первую интерпретацию ставших известными конспиративных отношений с выгодной для себя стороны.

* * *

Рассматриваемая проблема выводит исследователя на вопрос о том, почему следствие в некоторых случаях не придавало значения показаниям, выдвинутому со стороны главных подследственных в отношении тех или иных лиц. Следует предположить, что следствию не хватило убедительных данных для заключения о виновности оправданного лица. Причиной такого положения могло стать как уничтожение улик по делу, бумаг (свидетельства об уничтожении улик доносят до нас имеющиеся источники⁴⁰), так и влияние линии поведения подследственных на допросах и в показаниях.

Источники сохранили достаточно ясные и недвусмысленные свидетельства о различных линиях поведения на следствии и тактиках защиты. Наряду с линией откровенных показаний зафиксированы советы держаться тактики полного отрицания в показаниях и на допросах. В этом контексте вполне закономерным становится вопрос о тех членах тайных обществ, кому такого рода тактика принесла положительный результат, способствуя их освобождению от подозрений и «очищению» в ходе расследования.

Так, В.П. Зубков свидетельствует о предложениях держаться тактики умолчания на следствии: это предложение сделал, по его словам, по дороге из Москвы в Петербург П.А. Муханов, уже будучи арестованным: «...думая, вероятно, что я принадлежу к обществу, сказал мне, что не надо ни в чем признаваться»⁴¹.

Воспоминания Н.В. Басаргина содержат прямое указание на предварительное соглашение об отказе от показаний, которое было инициировано Ф.Б. Вольфом⁴². Договоренность (фактически — стговор) о полном отрицании существования тайного союза была заключена группой офицеров штаба 2-й армии перед арестом. Это соглашение было принято в достаточно широком кругу участников Южного общества — о нем сообщил следствию П.И. Фаленберг. Перед арестом они договорились ничего не говорить на допросах о тайном обществе. Они полагали, что «...можно спастись, если не признаваться, ибо доказательств... быть не может...», а обвинителям «уличить нет возможности»⁴³. В деле П.Ф. Выгодского сохранилось свидетельство о наличии особых наставлений, где были записаны основные правила поведения при допросах, очевидно, на случай ареста и привлечения к расследованию. В письме П.Г. Дивова (разбিরавшего бумаги Выгодского и Люблин-

ского и переводившего их с польского языка) А.И. Чернышеву от 14 марта 1826 г. говорилось: «В присланных вашим превосходительством бумагах Юлиана Люблинского и Выгодовского не нашел я много замечательного, однако же черновой отпуск, или проект, наставления как действовать при допросах, обратит, без сомнения, внимание ваше... Сие странное и непонятно в какой цели сочинение вероподобно открывает некоторые замыслы...». К сожалению, упомянутое «наставление» до сих пор не обнаружено⁴⁴. Уже сами по себе приведенные факты свидетельствуют о том, что будущие подследственные задумывались над выработкой системы защиты на случай ареста и расследования по делу о «государственном преступлении»⁴⁵.

По нашим наблюдениям, более опытные, более старшие по возрасту участники значительно упорнее отрицали обвиняющие их свидетельства, и тем самым, в конечном итоге смягчали свое наказание. Очевидно, применявшиеся на процессе методы воздействия оказывали гораздо меньшее влияние на умудренных жизненным опытом подследственных. Представители старшего поколения, участники Союза благоденствия — наказанный без суда Ф.Н. Глинка, его ближайшие товарищи по Союзу, освобожденные без наказания Ф.П. Толстой и Н.И. Кутузов — отрицали политический характер тайного общества, свое участие в политических намерениях и планах заговорщиков. Сходной тактики придерживались бывшие руководители Союза благоденствия И.А. Долгоруков и П.П. Лопухин, принадлежавшие к старшему поколению участников движения, но под напором уличающих показаний они были вынуждены признать то, что на собраниях участников союза обсуждались и политические вопросы. А.В. Капнист первоначально отрицал свое участие в тайном обществе политического характера, но затем был вынужден признать это, равно как и предложение вступить в Южное общество, сделанное ему Бестужевым-Рюминым. Участник одной из дочерних организаций Союза благоденствия, сын известного флотоводца Н.Д. Сенявин, уже прошедший через испытания допросами во время расследования доноса А.Н. Ронова (1820 г.), несмотря на имевшиеся показания о членстве, полностью и до конца отрицал это (наказан без суда). Очевидно, эти лица не питали никаких иллюзий относительно неминуемых последствий от даже незначительных признаний в рамках обвинительного процесса.

Сама возможность полного отрицания («запирательства») имев-

шейся обвиняющей информации легко обнаруживается при изучении материалов следствия. Так, А.Н. Фролов полностью отрицал свою принадлежность к декабристской конспирации, несмотря на показания целого ряда участников тайного общества. Следствие, однако, не поверило ему и признало его полноправным членом Южного общества. Ф.М. Башмаков отрицал свою осведомленность о существовании тайного общества, знание его цели и планов мятежа. Следствие также не поверило его отрицаниям, и он был предан военному суду в 1-й армии. А. Мартынов в ходе допросов в Тульчине также полностью не признал своего членства в Южном обществе; о противоположном свидетельствовал целый ряд участников Южного общества, в том числе лицо, принявшее его в тайное общество⁴⁶. Таким образом, можно сделать вывод о том, что некоторые из членов общества стремились до конца отрицать свое участие в деятельности конспиративного общества, чтобы избежать наказания, однако потерпели неудачу из-за имевшихся против них убедительных уличающих свидетельств.

М.И. Пущин, согласно его воспоминаниям, вооружился перед первым допросом «всевозможными отрицаниями»; причиной послужило то обстоятельство, что он не знал, арестован ли его старший брат, вовлекший его в заговор; по собственному признанию мемуариста, на первом допросе он скрыл свою осведомленность о заговоре⁴⁷. Степень его откровенности на первом допросе в силу этого была крайне незначительной. Разумеется, М. Пущин не был одинок в стремлении предельно ограничить сообщаемую информацию, в особенности по вопросу о составе участников раскрытого правительством тайного общества и заговора. Характерны в этом смысле показания И. Пушина, который, по собственному утверждению, не мог назвать участников Практического союза, поскольку, по его мнению, обстоятельства, связанные с этим обществом, не входили в круг расследуемых вопросов. Еще более показательна позиция, занятая И.Д. Якушкиным, который первоначально строго держался правила: назвать никого не могу, так как связан честным словом. Нередко подследственные называли в качестве активных заговорщиков уже умерших товарищей и даже вводили следователей в заблуждение, называя никогда не существовавших лиц, как это сделал тот же И. Пущин, который, не желая назвать фамилию действительно принявшего его в Союз спасения Бурцова, показал о некоем капитане

Беляеве⁴⁸. Следует признать, что в большинстве случаев тактика отрицания (полного или частичного) наиболее отчетливо прослеживается в первых по времени показаниях.

Наконец, выделим еще один вопрос, важный для изучения недокананной вины на следственном процессе. Комитет был незаинтересован в полноценном и последовательном расследовании некоторых обстоятельств дела: за этим стояли интересы высшей власти. По-видимому, современные исследователи декабристского процесса правы: император решил провести дознание по отдельным остро интересовавшим его вопросам в рамках секретного следствия, в значительной степени не относящегося к сфере занятий Следственного комитета⁴⁹. Так, обнаружение связей ряда высших лиц государства с вскрытой антиправительственной деятельностью мятежников и заговорщиков подрывало авторитет власти, превращало дело в нежелательный для интересов правительства масштабный заговор антидинастического (отчасти — внутридинастического) характера. Известно, что по этой причине было свернуто расследование причастности высших государственных лиц (М.М. Сперанского, Н.С. Мордвинова, П.Д. Киселева, А.П. Ермолова и др.)⁵⁰. Из этого вытекает, что следствие не было заинтересовано в обнаружении причастности к тайному обществу и к заговору не только самих высших лиц, но также тех фигурантов из числа привлеченных к следствию, кто непосредственно контактировал с этими государственными лицами. На активность при расследовании могли оказывать влияние и другие посторонние для следствия факторы. Настойчивость следователей, интерес к тем или иным лицам и вопросам имели достаточно широкий диапазон: от предельного внимания к каждой детали до игнорирования обвиняющих показаний, поступавших к чиновникам Комитета. Несомненное влияние оказывали руководящие указания со стороны внимательно следившего за ходом следствия императора Николая I, которому принадлежала главная роль при вынесении решений о привлечении или непривлечении вновь обнаруженного лица, причастного к действиям тайных обществ. Эти указания опирались чаще всего на информацию, извлеченную теми же чиновниками следствия из полученных показаний.

Между тем, недостаточная активность расследования влекла за собой и недостаточную «базу» для обвинения. Если подследственный отрицал обвинение, а само следствие не предпринимало активных усилий по сбору уличающих его показаний, возникали благоприятные

возможности для того, чтобы оценить обвинительные показания как недостаточные для вынесения решения о «вине» этого подследственного и предания его ответственности — судебной или несудебной.

Особенно благоприятные возможности избежать наказания возникли у тех, кто, будучи вовлечен в ряды тайного общества, контактировал с 1–2 лицами и, таким образом, находился на окраине его деятельности. В этом случае вероятность серьезного обвинения и даже признания такого лица участником тайного общества резко снижалась. Подследственные, осведомленные о том, что принадлежность к «злумышленному» тайному обществу является одним из важных пунктов обвинения, не могли быть полностью откровенными в раскрытии всех участников конспирации и заговора 1825 г. Более того, нередко на следствии, чтобы не вовлекать новых лиц в расследование и не подвергать себя дополнительной ответственности, уже уличенные обвиняемые предпочитали умалчивать о наиболее опасных обстоятельствах и фактах.

Итак, какой предстает общая картина поведения привлеченных к следствию, повлиявшая на содержание полученных следственных показаний, а значит — на представления о составе конспиративных обществ?

В начале следствия сразу же выделилась группа безнадежно скомпрометированных участников, фактических лидеров тайного общества и военных выступлений 1825–1826 гг. Следствие получило благоприятную возможность оказывать на них серьезное воздействие: как виновные в самых тяжелых государственных преступлениях они заслуживали смертной казни⁵¹. Эту группу составили К.Ф. Рылеев, Е.П. Оболенский, С.П. Трубецкой, братья Бестужевы, П.Г. Каховский, И.И. Пущин, С. и М. Муравьевы-Апостолы, М.П. Бестужев-Рюмин и некоторые другие. Следователи могли ссылаться на «силу закона», в то же время обещая смягчение наказания или даже помилование в обмен на предоставление подробной, сравнительно с имеющимися против них уликами, менее «важной» и менее «криминальной» информации: о тайном обществе, его целях и планах. Так были открыты возможности для разнообразных средств давления: шантажа, манипуляций, обещаний прощения и т. д. Большинство подследственных поддалось на это. Об эффективности этих средств красноречиво говорит то обстоятельство, что многие арестованные сразу же стали давать подробные показания, вступив тем самым в своеобразное сотрудничество со следствием. Обе-

щения даровать жизнь, назначить особый вид наказания в виде службы на пользу страны и т. п. ошутимо проглядывают сквозь тексты показаний и писем главных обвиняемых, которых в действительности почти ничто не могло уже спасти. Заключенные надеялись на избавление от самых тяжелых наказаний, очевидно, обнадеженные следователями и лично императором⁵².

В то же время ситуация для многих подследственных была еще более драматичной: из задаваемых вопросов и существа показаний, предмета очных ставок подследственные видели, что следствие интересуется вопросами, входящими в состав основных государственных преступлений, шансы на отказ от формального преследования сводились к нулю. Поэтому они понимали, что открывать в таких условиях все обстоятельства заговора, говорить полную правду о контактах конспиративного характера, в частности, с еще не вовлеченными в процесс лицами, множить обвинения не имеет смысла, так как это еще более будет служить обвинению. Тем не менее, вынуждаемые надеждой на смягчение приговора и даже помилование, многие из них значительно расширяли круг обвиняющей информации, вовлекая в процесс новые лица.

К безнадежно скомпрометированным и уличенным сразу после начала следствия примкнула группа, против которой были получены неопровержимые улики, содержащиеся в доносах, поступивших в распоряжение следствия в самом начале процесса, и в первых показаниях: Ф.Ф. Вадковский (собственноручно написавший письмо к Пестелю и отдавший его в руки доносчику И.В. Шервуду), сам П.И. Пестель, А.П. Юшневский, А.П. Бярятинский, Н.И. Лорер, В.Л. Давыдов и др. При обращении к показаниям этой группы лиц складывается впечатление, что эта многочисленная часть подследственных признавала лишь некоторые уличающие факты, стремясь всячески снизить степень собственной вовлеченности в дела тайного общества и заговора. Но показания лиц этой группы, подтверждавшие некоторую часть обвинения, также были важны: тем самым следствие получало в свое распоряжение подтвержденные свидетельства о деятельности тайного общества, его планах, целях, намерениях, активности тех или иных членов. Уличающие показания от представителей основной группы подследственных и от «нестойких» представителей других групп стали поступать одно за другим.

Наконец, существовала т. н. «периферия» конспирации, или лица,

связанные с одним-двумя участниками тайного общества; они пытались отрицать сам факт своей причастности, либо представить дело таким образом, чтобы к ним нельзя было предъявить обвинение в деятельности в рамках тайного общества.

Таким образом, при ознакомлении с материалами следствия выделяются две основных линии поведения обвиняемых на следствии. Группа активных участников и лидеров конспирации, в первую очередь, — знавших о планах мятежа и покушений, вступила на путь сотрудничества со следствием и пыталась с помощью определенной «откровенности» добиться прощения или смягчения наказания. Остальные группы подследственных придерживались другой линии защиты: пытались представить свое участие как бездеятельное, малоосведомленное, кратковременное пребывание, без сообщения с другими, с неполным знанием планов и целей. К этой самой многочисленной группе непосредственно примыкают те, кому удалось доказать невинный характер своих связей с членами тайных обществ, несмотря на имевшиеся против них конкретные обвинительные свидетельства.

При этом выявляется объективный фактор оправдания ряда членов тайных обществ: их окраинное положение в декабристской конспирации, контакт с несколькими сочленами. Благодаря этому об их участии в конспирации на процессе свидетельствовал один или несколько человек, причем лидеры тайного общества, к которым в первую очередь обращалось следствие за подтверждением принадлежности к тайному обществу вновь обнаруженного лица, иногда не могли подтвердить факт принадлежности, не зная о пребывании того или иного лица в тайном обществе.

Встречалась и другая ситуация, когда, зная об окраинном положении в тайном обществе того или иного лица, главные подследственные предпочитали свидетельствовать о его непринадлежности к тайному обществу, чтобы не вовлекать в ответственность новое лицо и не быть причиной репрессий против него.

В конечном итоге, описанная ситуация означает, что следствие не получило адекватного образа тайного общества, не все действительные члены представили признания, не все были выявлены, не все, кто действительно состоял в обществе, «признались» в ходе процесса в своем членстве в декабристском союзе.

Пожалуй, один из самых сложных и спорных вопросов — насколько

ко «признания» арестованных были объективными и правдивыми? Очевидно, что следствие добивалось «рассказаний» и «чистосердечного признания». Это означало, что между следователями и подследственным устанавливалось правило правдивого свидетельствования: сообщать правдиво и с необходимой полнотой об истинных обстоятельствах. В силу этого особое значение приобретала позиция, декларируемая арестованным в показаниях, а также соответствующие элементы их структуры: высказанное желание искреннего свидетельства — сообщаемое в таком контексте вызывало доверие следствия, — не должно было появляться и противоречащих показаний. Поэтому большие шансы избежать расследования и скрыть подлинную меру своего участия получали те, кто усваивал необходимые элементы и фразеологию «откровенного признания», причем в первую очередь те из них, против кого не имелось серьезной обвиняющей информации, кто не был связан с активным ядром тайного общества.

Разумеется, арестованные по ошибке, а также те, против кого не было конкретных, авторитетных и подтвержденных показаний о членстве, первыми получали возможность доказать следствию свою невиновность. Так случилось с братьями А.Н. и Н.Н. Раевскими. Их освобождение и признание невиновными были, судя по всему, фактом, оказавшим большое влияние на формы и тактику защиты многих других подследственных, наряду с актами императорского прощения, состоявшимися в декабре 1825 г. Поэтому представляется неслучайным, что братья Раевские получили возможность донести обстоятельства своего освобождения до других подследственных. Учитывая достаточно широкое распространение слухов и рассказов об обстоятельствах этого освобождения среди заключенных, огласка этих событий и их соответствующая интерпретация, возможно, могла носить провокационный характер со стороны органов расследования.

Мемуары осужденных доносят до нас следы указанного влияния. Так, Д.И. Завалишин вспоминал, что братья Раевские «сбили с толку многих своими рассказами, что для того, чтоб скорей и лучше отделаться, чтоб избежать неприятности проволоочки следствия и риска предания суду, надобно, главное, *доказать свою откровенность*, и основывали это на собственном будто бы примере и на примере других очень известных лиц (кн. С[уворов], кн. Л[опухин] и др.), которые, как говорили тогда, *за полное признание получили полное прощение*. Но братья Р[аевские] не сообразили, что во всех приводимых ими при-

мерах решительное влияние на прощение имели совсем иные причины. Как бы то ни было, но только вследствие этих рассказов братьев Раевских некоторые лица... *наговорили на себя всякой небылицы в доказательство откровенности*, что, конечно, не послужило им в пользу»⁵³.

Было ли в чем признаваться братьям Раевским — вопрос, который остается дискуссионным; можно лишь утверждать, что показания против них не носили конкретного характера и не были подтверждены основными свидетелями (Пестель и др.)⁵⁴. Отвергнув (истинно или нет) свою принадлежность к тайному союзу, Раевские были оправданы. Примечательно само их обращение к некоторым подследственным с призывом в «полному признанию». Если Раевским было, видимо, не в чем признаваться, то признание других могло привести к усугублению виновности — собственной и других лиц. Позиция и доводы освобожденных от следствия братьев Раевских (возможно, и других получивших свободу лиц) способствовали перелому в «запирательстве» ряда подследственных, которые раньше искали спасения в сокрытии фактов и обстоятельств, и помогли смене линий защиты ради обещанного смягчения наказания или полного избавления от него. Не исключено, что таким образом следствие добивалось откровенности и «чистосердечия» в показаниях подозреваемых.

Призывая к полной откровенности перед следователями как залогом будущего освобождения, советуя откровенно свидетельствовать об истинном характере отношений с тайным обществом, ссылаясь при этом на свой пример, Раевские тем самым провоцировали других подозреваемых отойти от тактики полного «запирательства» либо сокрытия отдельных фактов и тем самым предоставить следствию новую уличающую информацию.

* * *

Наиболее показательный случай использования подследственным тактики полного отрицания (в сопровождении доказательств «откровенности»), равно как и приемов «выгораживания» со стороны основных свидетелей, представляет ход разыскания по делу А.С. Грибоедова.

Первое показание об участии Грибоедова в тайном обществе следствие получило 23 декабря 1825 г. от С.П. Трубецкого: «Я знаю только

из слов Рылеева, что он принял в члены Грибоедова, который состоит при генерале Ермолове; он был летом в Киеве, но там не являл себя за члена; это я узнал в нынешний мой проезд сюда»⁵⁵. К.Ф. Рылеев отвечал в ответ на запрос Комитета в своем первом показании о Грибоедове: «Грибоедова я не принимал в общество; я испытывал его, но нашед, что он не верит возможности преобразовать правительство, оставил его в покое. Если же он принадлежит к обществу, то мог его принять князь Одоевский... или кто-либо на юге, когда он там был»⁵⁶.

26 декабря, после показания Трубецкого о Грибоедове, Комитет немедленно принимает решение об аресте и привлечении к следствию, несмотря на отрицание Рылеева. 11 февраля нового подследственного доставили в Петербург. После допроса Грибоедова, который состоялся, вероятнее всего, в этот же день, Комитет решает расследовать вопрос об участии его в тайном обществе. Спрошенный 14 февраля ближайший товарищ Грибоедова А.И. Одоевский отрицал его участие в тайном обществе, однако в этот период следствия он не признавал и собственного участия в декабристской конспирации, что, как справедливо отметила Нечкина, лишает это свидетельство доказательной силы⁵⁷. Рылеев, вторично спрошенный о Грибоедове, утверждал, что «делал ему намеки о существовании общества, имеющего целью переменить образ правления в России», но «оставил его» в силу того, что Грибоедов «полагал Россию к тому еще не готовую». Рылеев показал также, что знал от Трубецкого о том, что на юге Грибоедова хотели принять в общество, но отступились по той же причине. Отрицая формальный прием Грибоедова, Рылеев счел необходимым специально отвергнуть предположение о конспиративных поручениях, которые он мог дать Грибоедову при его отъезде из Петербурга. Рылеев объяснял это достаточно путанно: «...он из намеков моих мог знать о существовании общества, но, не будучи принят мною совершенно, не имел права на доверенность Думы»⁵⁸.

Между тем, безоговорочное свидетельство о членстве Грибоедова в тайном обществе было повторено Трубецким 8 января, когда у него затребовали сведения о предполагаемом тайном обществе в корпусе Ермолова. Трубецкой вновь утверждал, что Грибоедов был принят в «здешнее тайное общество» (Северное. — П.И.), подтвердив таким образом свое первое показание⁵⁹. Наконец, Трубецкой еще раз подтвердил это в свидетельстве от 14 февраля, когда ему были предъяв-

лены показания Рылеева, отрицавшего прием Грибоедова. Комитет запрашивал у Трубецкого подтверждение: точно ли Рылеев сообщал ему о приеме Грибоедова? Трубецкой отвечал: «Разговаривая с Рылеевым о предположении, не существует ли какое общество в Грузии, я также сообщил ему предположение, не принадлежит ли к оному Грибоедов. Рылеев отвечал мне на это, что нет, что он с Грибоедовым говорил, и сколько помню, то прибавил сии слова: „он наш“, из коих я и заключил, что Грибоедов был принят Рылеевым. И тогда рассказал ему, что Грибоедов был в Киеве и что его там пробовали члены Южного общества, но он не поддался». Последнее Трубецкой слышал от Бестужева-Рюмина, «который имел намерение открыть Грибоедову существование их общества и принять его, но отложили оное, потому что не нашли в нем того образа мыслей, какого желали». На это, по словам Трубецкого, Рылеев ему ничего не отвечал, и автор показания остался «при мнении... что он принял Грибоедова»⁶⁰.

25 февраля, отвечая на дополнительный запрос Комитета, Оболенский показал: «О принятии Грибоедова в члены общества я слышал от принявшего его Рылеева и более совершенно никаких подробностей принятия его не слышал и не могу сказать, кто был свидетелем при приеме его». Оболенский привел и время принятия Грибоедова: «за месяц или два до отъезда его отсюда»⁶¹. Утверждая, что сам лично с Грибоедовым не встречался, он еще раз подтверждал справедливость своего первого показания. Обращает на себя внимание безоговорочность и уверенность свидетельства Оболенского.

Показание Рылеева, несмотря на отрицание им формальной принадлежности Грибоедова к тайному обществу, содержит свидетельство о незавершенном («несовершенном») приеме. Из него явствовало, что Грибоедов знал о существовании тайного общества, что началась процедура его приема. Это показание, конечно, является важнейшим для решения вопроса о принадлежности Грибоедова к декабристскому союзу. В первом своем свидетельстве о Грибоедове Рылеев допустил явное противоречие, отмеченное Нечкиной. С одной стороны, он утверждает, что сам не принимал Грибоедова вследствие его неверия в возможность преобразования России, с другой — сообщает о возможности приема Грибоедова кем-то другим — Одоевским или членами Южного общества. Следовательно, признавая возможность его приема, он подтверждал наличие у Грибоедова таких взглядов, которые позволяли его считать потенциальным товарищем по тайно-

му обществу. Как справедливо отмечала Нечкина, столь противоречивое показание свидетельствует о желании Рылеева «устранить себя как свидетеля по данному вопросу»⁶².

В показаниях Рылеева нет отрицания факта разговоров о Грибоедове, состоявшихся между ним, Оболенским и Трубецким. Между тем, согласно уставным требованиям Северного общества, прием нового члена не мог состояться без согласия или уведомления руководящих членов-распорядителей. Передавая уставные требования тайного общества, А.А. Бестужев писал: «... для приема, заметив человека, член передает его имя принявшему [его], тот — выше, и, наконец, в Думе решают, стоит или нет такой-то приема — и тогда решение идет вниз... По настоящему должно бы спрашивать всех членов Думы — но решали это обыкновенно распорядители затем, что Дума редко сходилась»⁶³.

Таковы показания, собранные следствием о приеме Грибоедова в Северное общество⁶⁴; теперь нужно обратиться к показаниям самого Грибоедова. Особым вопросом исследования М.В. Нечкиной стала позиция, занятая Грибоедовым на следствии. Наблюдения автора над «линией поведения» Грибоедова имеют большое методологическое значение, поскольку служат решению проблемы тактики защиты подследственных на данном процессе. По мнению историка, показания Грибоедова отличаются решительным и последовательным отрицанием любой степени членства или причастности к деятельности тайного общества, а также осведомленности о политических планах заговорщиков, с одновременной демонстрацией «полной и смелой» откровенности и искренности; «общий тон ответов» отличается категоричностью, показания не содержат «сомнений и колебаний»⁶⁵.

Нечкина специально отмечает то обстоятельство, что первые показания Грибоедова, записанные Левашевым, «продуманны, — он сам пошел навстречу опасности, назвал имена знакомых декабристов, отметив литературный характер связи с ними, но сразу признался и в политических разговорах, подчеркнуто полагая, что в этом нет ничего особенного»⁶⁶. Налицо весь арсенал средств, направленных на «снижение» значения обвиняющих свидетельств: признание связей с арестованными в качестве доказательства искренности, интерпретация отношений с ними как «литературных», упор на заурядность факта политических разговоров. Автор права в общей оценке содер-

жания сделанных Грибоедовым показаний на первом допросе, но не точна в обстоятельствах и самой методике допроса: Грибоедова спрашивали о знакомстве с заговорщиками, о характере связей с ними, а Левашев записывал итог сделанных показаний.

Сопоставляя показания Грибоедова с имеющимися свидетельствами других источников, Нечкина пришла к обоснованному выводу: он «дал на следствии ряд заведомо ложных показаний, и дал их совершенно сознательно», его показания содержат прямые умолчания. Она привела некоторые наиболее яркие примеры таких показаний⁶⁷.

Важны и другие обстоятельства, формировавшие линию защиты Грибоедова и других подследственных, находившихся в Главном штабе и в других местах ареста, не являющихся одиночным заключением⁶⁸. Имеется целый ряд свидетельств о том, что непосредственно перед арестом или в условиях коллективного заключения подследственные договаривались о своей линии защиты. Так, арестованные флотские офицеры (В.А. Дивов и др.) согласовали свои показания, будучи уже под арестом. Об этом узнали следователи, и офицеров рассадили по одиночным камерам Петропавловской крепости⁶⁹.

Линия защиты Грибоедова на следственном процессе заслуживает особенно пристального внимания. По-видимому, это один из наиболее ярких и показательных примеров последовательного отрицания уличающих показаний — отрицания эффективного, результатом которого стало освобождение подследственного. В воспоминаниях Д.И. Завалишина содержится свидетельство, напрямую касающееся расследования дела Грибоедова, — о разговоре Р.В. Любимова с Грибоедовым. Согласно Завалишину, который выступает здесь как непосредственный очевидец, поскольку сам находился под арестом с обоими лицами, полковник Любимов, член Союза благоденствия, арестованный в связи с показаниями и содержавшийся под арестом вместе с Грибоедовым, наставлял последнего: «Вы знаете, что все, что вы ни напишете, до меня нисколько не касается, потому что у нас с вами не было по обществу никаких сношений. Поэтому я и могу давать вам советы совершенно беспристрастные. Я только желаю предостеречь вас... Я знаю из всех наших здешних разговоров, что действия относительно Комитета предполагаются различные, смотря по разным у всякого соображениям личным и политическим... Не по любопытству, а для вашей же пользы я желал бы знать, на какой

системе вы остановились? Помните, что первые показания особенно важны».

Прочитав показания Грибоедова (очевидно, ответы на вопросные пункты Комитета, которые давались после допроса), Любимов оценил их содержание так: «Что вы это! Вы так запутаете и себя, и других. По-нашему, по-военному, не следует сдаваться при первой же атаке, которая, пожалуй, окажется еще и фальшивою; да если поведут и настоящую атаку, то все-таки надо уступать только то, чего удержать уже никак нельзя». Любимов призвал Грибоедова придерживаться выработанной «вековой практикою» тактики, суть которой залючалась в пословице «знать не знаю, ведать не ведаю»⁷⁰. Характерно, что такой же в точности совет Грибоедову зафиксирован в других воспоминаниях — ближайшего друга Грибоедова А.А. Жандра, записанных Д.А. Смирновым⁷¹.

Очевидно, какие-то разговоры и консультации с товарищами по заключению имели место, и они касались наиболее волнующего вопроса для арестованных — той линии поведения на допросах, которая являлась единственным доступным средством к освобождению. Именно совет придерживаться тактики полного отрицания, видимо, был наиболее распространенным.

Наконец, крайне любопытны заключительные слова Любимова, относящиеся к возможному раскрытию следствием ложности отрицания: «Положим, что вам докажут противное; да разве и для судей не естественно, что человек ищет спастись каким бы то ни было образом? Хуже от этого не будет, поверьте! А не найдут доказательств — вот вам и всем хлопотам конец!» Действительно, полное отрицание перекладывало инициативу в добывании уличающих свидетельств на самих следователей. Таким образом, обвиняемый получал возможность защищаться от показаний других, а не разъяснять собственные свидетельства. Сам Любимов заявлял, что он последовательно придерживался исповедуемой тактики: «...хорош бы я был, если бы сначала так-таки и бухнул признание... на первый случай лучше сказать: знать не знаю!»⁷². Так обосновывалась возможность тактики отрицания без крупных последствий для обвиняемого, если его отрицающие показания будут отвергнуты новыми доказательствами при расследовании. Расчет на то, что следствие не добудет необходимых доказательств, как выяснилось, был достаточно оправданным⁷³.

Вероятность того, что при расследовании не окажется достаточных

доказательств для обвинения, была высока в случае малозначащих участников тайных обществ, связанных по конспиративным связям с одним или незначительным числом лиц, или в случае таких лиц, обнаружение причастности которых вело в дальнейшем к включению в область расследования новых, нежелательных для подследственных обстоятельств.

Мемуары Д.И. Завалишина — поздний источник, к тому же один из менее достоверных. Однако если разговор Грибоедова с Любимовым и выдуман мемуаристом, то не вызывает сомнения сам факт обмена мнениями на подобную тему между содержащимися вместе арестованными. Сами условия *совместного заключения* в одном помещении, несомненно, значительным образом влияли на показания и линию поведения на следствии. Как отмечал Завалишин, в совместном пребывании под арестом многие из более опытных в делах следствия давали «полезные советы», которые охотно выслушивались⁷⁴. О том, как держать себя на допросах, как именно и в каких выражениях отвечать на самые опасные вопросы Комитета, какие обвинительные показания наиболее важны и используются следствием, — все это обсуждалось в беседах арестованных. Коллективное содержание под арестом (как, например, в Главном штабе) открывало большие возможности для такого рода информирования⁷⁵.

Далеко не случайными видятся содержательные совпадения между показаниями Грибоедова и запиской Ф.В. Булгарина к Я.И. Ростовцеву — любопытнейшим документом, сохранившимся среди бумаг последнего⁷⁶. Совпадение только по одному важнейшему пункту (в опасениях Грибоедова относительно вступления в литературное общество) кажется нам достаточно показательным. Очевидно, это был довод, обсуждавшийся на встречах друзей; результатом их стало, по-видимому, появление письма к Я.И. Ростовцеву, хорошему знакомому по литературным связям и Булгарина, и Грибоедова.

Советы Р.В. Любимова требуют развернутого комментария (переданные таким своеобразным автором, как Завалишин, они могут в целом считаться творчеством самого мемуариста, при этом содержательная их сторона не могла иметь другого источника, кроме разговоров между арестантами в Главном штабе). Рассмотрим их более подробно, уделяя особое внимание формулируемым в них отдельным элементам тактики защиты подследственных. Но, прежде всего, отметим как чрезвычайно характерное обстоятельство косвенно упоминаемый и как бы

сам собой разумеющийся факт участия в тайном обществе («...у нас с вами не было по обществу никаких сношений» — иначе говоря, оба не были связаны между собой в рамках конспиративной активности, тем самым косвенно признается причастность обоих к конспиративным связям). Подтверждает это свидетельство и вывод о постоянных и активно ведущихся разговорах между арестованными о тактике поведения при допросах и линии, которой нужно придерживаться в показаниях. Советы Любимова затрагивали основу поведения на следствии: «систему» показаний, которую так или иначе вынужден был выстраивать каждый арестованный. Ведь главная цель для большинства подсудимых, в особенности тех, кто содержался на гауптвахте Главного штаба, состояла в том, чтобы оправдаться. Совершенно справедливо то значение, которое придается первым показаниям. Они определяли линию обороны, которую первоначально занимал новый арестованный. От них зависело, о чем будут спрашивать его и свидетелей по его «делу» в дальнейшем, каково будет обвинение.

Советы Любимова содержат основополагающий элемент оправдательной тактики: не следует признаваться сразу, после первого сообщения обвиняющего показания, необходимо его отрицать, не давая при этом повода для обвинения в «запирательстве». Совет «уступать» только то, что удержать нельзя, говорит о том, что прямые свидетельства, подкрепленные конкретными фактами и принадлежащие основным обвиняемым, отрицать было сложно, поскольку они имели доказательную силу.

«Знать не знаю, ведать не ведаю» — клишированная формула, отражающая традиционный способ полного отрицания предъявленных обвинений, наиболее эффективный при отсутствии большого числа свидетелей и ненадежности основных обличающих показаний. Это правило первоначального отрицания уличающего свидетельства, которое, в случае если не будет подтверждено другими свидетелями, могло лишиться доказательной силы.

«Фальшивая атака» — этим весьма характерным термином названы в мемуарном рассказе, вероятнее всего, уговоры и угрозы следователей со ссылкой на уже имеющиеся улики (показания), в ситуациях, когда эти улики еще недостаточны или не ясны. Современные исследователи не склонны считать, что обвиняемых уличали вымышленными на следствии сфабрикованными показаниями. Упоминания об этом — по-видимому, прием публицистической интерпретации

процесса в позднейших сочинениях осужденных по делу⁷⁷. Поэтому речь идет о средствах давления со стороны следствия, которые могли применяться, в частности, при устных допросах.

«Запутать себя и других» — означало сообщить в своих показаниях новые сведения, которые заставят других подследственных уступить позиции и расширят круг уличающей информации, а следовательно, ухудшат собственное положение автора показания, равно как и положение других подследственных.

Очень важно замечание М.В. Нечкиной, относящееся именно к конкретным приемам защиты: «...подследственные декабристы, не сговариваясь, находили близкие формулировки для своего оправдания». Этот факт говорит о наличии определенной, устойчивой «системы» оправдательных показаний, в основе которой, безусловно, лежала сложившаяся на протяжении длительного времени традиция поведения обвиняемых. Так, осужденный впоследствии по приговору суда А.О. Корнилович, состоявший, как установило следствие, в тайном обществе, первоначально отвечал на вопрос о принадлежности к организации отрицательно и показал сходно с Грибоедовым: «Нет, но иногда в разговорах случалось мне соглашаться... насчет злоупотреблений, бывающих от худого исполнения предполагаемых правительством мер»⁷⁸. Это говорит об общих принципах защитного поведения, которых придерживались подследственные. Очевидно, сам подход был вполне результативен, но зависел от количества и содержания имеющихся показаний, ведь полное отрицание («запирательство») в случае конкретного обвинения вело к еще большим подозрениям со стороны следователей.

Главная проблема системы защиты для лица, действительно замешанного в деятельность тайного общества, состояла в том, чтобы пройти без потерь между «сциллой» демонстрации откровенности и «харибдой» полного отрицания и сокрытия истины. Обвиняемый рисковал признаться в таких отношениях, которые следствие квалифицировало бы как «виновность» (наиболее яркий пример чрезмерной «откровенности» такого рода — П.И. Фаленберг)⁷⁹, однако и полное запирательство при наличии существенных обвинительных показаний влекло за собой обвинение в сокрытии истины, «упорстве» и могло привести к тяжелым обвинениям (как это произошло с С.М. Семеновым и целым рядом осужденных Верховным уголовным судом). Поэтому подследственный вынужден был принять правила

игры, главным из которых являлась декларируемая им полная искренность и откровенность показаний. Искусство оправдания заключалось в том, чтобы поместить в ткань этих «откровенных» оправдательных показаний как можно меньше сведений, которые можно было использовать в качестве обвинения.

В таких условиях подследственный, в зависимости от реальных отношений, в которые он был вовлечен, а также в зависимости от исходных обвиняющих показаний, которыми располагало следствие, должен был строить свою линию, — по выражению Завалишина, «систему» показаний.

Тактика действительной и полной искренности, «раскаяния» с признаниями по основным пунктам обвинения, однозначно вела к серьезным наказаниям. Те, кто ее придерживался, как уже отмечалось, рассчитывали на обещание помилования со стороны следователей и самого императора. Это оказалось блефом⁸⁰. Для тех лиц, кто был безнадежно уличен, серьезно скомпрометирован, правило откровенности приобретало характер требования «чистосердечного признания» или «раскаяния». Это означало, что следствие и подследственный говорят на одном языке, что последний искренен в своих показаниях и не скрывает важных для следствия обстоятельств. Именно поэтому в первых допросах, на первых встречах с императором так настоятельно звучат требования «раскаяния» и искренности в показаниях, — ведь расследование должно было выявить все важнейшие обстоятельства дела и при этом не сомневаться в достоверности даваемых показаний.

Другой вариант тактики поведения на следствии оказался более эффективным для обвиняемых. В.А. Федоров справедливо заметил, что в арсенал защитной тактики ряда осужденных подследственных входила демонстрация раскаяния с одновременным отрицанием собственной активной роли в тайном обществе и наиболее опасных фактов и показаний, с точки зрения обвинения. Такая тактика усматривается им, например, в случаях А.П. Арбузова и А.И. Одоевского. Число лиц, придерживавшихся этой тактики, достаточно велико: сюда входит большинство осужденных. Однако в силу того, что эти подследственные по итогам расследования были преданы суду, избранная тактика не была последовательно выдержана. Думается, более результативной эта тактика могла быть в случае менее активных участников тайных обществ, которые занимали окраинное положение

в движении декабристов. Тот же исследователь приводит пример А.В. Капниста и Е.Е. Франка, которые утверждали на следствии, что хотя и принадлежали к конспиративному обществу, но не разделяли его политической цели⁸¹.

Те же, кто в этой ситуации оказывал «запирательство», был неискренен в своих показаниях, отказывался назвать известных ему членов тайных обществ, — попадали под подозрение в укрывательстве важных имен и важных обстоятельств. Полное отрицание, при наличии достаточного (не менее 2–3) количества обвиняющих показаний, в особенности если они касались важнейших обстоятельств и принадлежали лицам, занимавшим видное положение в тайном обществе и непосредственно связанным с наиболее «криминальными» его сторонами деятельности, вело к ужесточению содержания в заключении, усилению давления, к тяжелым очным ставкам. Наиболее известный пример — С.М. Семенов, полностью отрицавший свое участие в тайном обществе вплоть до апреля 1826 г.

Грибоедов оказался вовлеченным в следственный процесс в зрелом возрасте, имея за плечами опыт пребывания под следствием (по делу о «четверной дуэли»). Несомненно, подобный опыт был крайне существен для привлеченных к процессу. Отметим, что, судя по письменным показаниям, Грибоедов в полной мере последовал советам Любимова (либо их содержание совпало с его собственными представлениями о тактике защиты).

К числу отчетливо различимых конкретных приемов самозащиты подследственных нужно отнести «частичное признание» предъявленной обвиняющей информации. Подследственный готов согласиться с частью обвинения, отвергнув остальную часть (наиболее уличающую подследственного). Задача этого приема — вызвать доверие к показаниям, продемонстрировав свою искренность и полную «откровенность», и тем самым снять подозрения следователей в сокрытии фактов. При этом за автором показания оставалась инициатива в интерпретации опасных данных, которые могли служить к его обвинению. Признавая часть обвиняющей информации (как правило, наименее опасную), подследственный старался представить факт «вольных разговоров», знакомства с руководителями мятежа или заговора и т. п. с выгодной для себя стороны, в таком свете, чтобы они не могли служить к обвинению в государственном преступлении.

Грибоедов применил этот прием сразу же при первом допросе,

записанном Левашевым. Он признал факт своего знакомства с Рылевым и Бестужевым, сообщил о том, что его встречи с ними не ограничивались литературными беседами: он слышал и сам участвовал в разговорах, которые содержали «смелые суждения насчет правительства», — но это не находится под запретом — утверждал Грибоедов. «Откровенным признанием вольных разговоров о правительстве Грибоедов как бы парировал улику, которая была основана лишь на изложении его мнения» вольнодумца, — справедливо подчеркивала М.В. Нечкина⁸².

Иными словами, подследственный ставил возможный уличающий материал (вольные разговоры о правительстве с руководителями заговора) в контекст, благоприятный для себя. В то же время он категорически отрицал какую-либо степень своей осведомленности о существовании тайного общества, тем более — о его целях и намерениях, политических замыслах лидеров тайного общества. По наблюдениям историка, показания Грибоедова отличает тон полной и смелой откровенности; в них отсутствуют выражения, передающие колебания или сомнения. Они демонстрировали, что ничего не скрывается, что их автор не запирается, а говорит «так, как все и было». Они не содержат обещаний откровенных показаний, свойственных скрывающим. Характер данных Грибоедовым показаний, как отмечала М.В. Нечкина, не позволял сомневаться в его искренности и откровенности⁸³. Историком констатировалась последовательность линии защиты Грибоедова, которая сыграла большую роль в оправдательном решении следствия: «Обрисованный образ выдержан Грибоедовым непоколебимо»⁸⁴.

Наконец, при всем том, в показаниях Грибоедова многое замалчивается, его ответы не охватывают опасные места вопросов. В ряде случаев он ничего не отвечает по существу вопроса (своеобразное игнорирование вопроса о том, что было ему известно о тайном обществе, о его составе, цели, средствах и намерениях), отвечает суммарно на ряд вопросов следствия.

М.В. Нечкина обнаружила прямые подтасовки фактов, которые содержатся в показаниях Грибоедова, она привела примеры заведомо ложных показаний. Главный и наиболее вопиющий факт: в ответ на показание Е.П. Оболенского о времени приема в тайное общество Грибоедова («дня за три» до отъезда его из Петербурга), последний отвечал, что речь идет о приеме не в тайное политическое, а в

литературное общество. Другими словами, Грибоедов категорически утверждал, что он вступил в Вольное общество любителей российской словесности за три дня до своего отъезда, в мае 1825 г. Документы архива Вольного общества недвусмысленно свидетельствуют о том, что Грибоедов был предложен в действительные члены 8 декабря 1824 г., а принят 15 декабря 1824 г., то есть более чем за полгода до отъезда из Петербурга⁸⁵. Оболенский, конечно, не мог перепутать в своих показаниях тайное общество и разрешенное литературное общество. Грибоедов, давая эти показания, не мог забыть недавних и памятных для него событий; он не ошибался, а сознательно вводил в заблуждение Комитет. Надежда на то, что показания не будут проверяться, оправдалась.

Есть и другие примеры показаний, которые не выдерживают проверки сведениями других источников. Так, Грибоедов сообщил, что «почти не знал» С.П. Трубецкого, сделавшего на него одно из главных обвиняющих показаний. В действительности сохранившаяся переписка Грибоедова с полной очевидностью доказывает противоположное: из письма Грибоедова Я.Н. Толстому и Н.В. Всеволожскому от 27 января 1819 г. явствует, что с Трубецким, другом его корреспондентов, входившим в кружок литераторов «Зеленая лампа», его связывали весьма тесные дружеские отношения («Трубецкого целую от души»). Из письма Грибоедова к С.Н. Бегичеву от 10 июня 1824 г. явствует, что и в это время его связи с Трубецким не прекращались (с Трубецким он обещает доставить свое письмо к другу)⁸⁶. Письма эти с полной очевидностью доказывают близкое знакомство Трубецкого и Грибоедова. Наконец, в июне 1825 г. в Киеве Грибоедов, согласно его показаниям на следствии, встречался с Бестужевым-Рюминым именно на квартире Трубецкого.

В вопросных пунктах от 24 февраля Комитет потребовал от Грибоедова ответа на прямой принципиальный вопрос: сообщали ли ему сведения о тайном обществе Рылеев и Бестужев? Вопрос предваряли слова о том, что Комитету уже известно об открытии Грибоедову этими лицами существования тайного общества. Грибоедов не решился прямо отрицать этот факт; он только категорически утверждал: «Рылеев и Бестужев никогда мне о тайных политических замыслах ничего не открывали»⁸⁷. Таким образом, в этом случае Грибоедов не считал для себя возможным отрицать предъявленные ему сведения о том, что ему стало известно о существовании тайного общества, он лишь отвергал ос-

ведомленность о планах заговора и переворота. Отметим, что следствие не стало обращать внимание на это признание.

Таким образом, проверка фактической стороны показаний Грибоедова вскрывает ряд ложных свидетельств. Нечкина пришла к выводу: «сопоставление грибоедовских показаний с данными других источников опровергает утверждения Грибоедова», они «рушатся под напором многих и разнообразных по характеру свидетельств»⁸⁸. Как следует из рассмотрения этих данных и анализа следственных показаний, Грибоедов в своих показаниях сознательно говорил неправду, утаивая некоторые факты и обстоятельства, служащие его обвинению. Он дал заведомо ложные показания, которые внешне имели убедительный вид.

Избранная Грибоедовым тактика защиты оказалась эффективной. Но чем больше затягивалось решение участи арестованного, особенно на фоне освобождения ряда союзников в течение марта-апреля 1826 г., тем больше у него должны были нарастать сомнения в правильности избранной линии защиты. И действительно, свидетельства о такого рода сомнениях в распоряжении исследователя имеются. Среди записок, написанных из-под ареста и адресованных близкому другу Булгарину, есть и такие, что содержат прямое отражение колебаний Грибоедова в мыслях о своей дальнейшей судьбе. Арестованный не был уверен в том, что его отрицания достигают цели, что они убеждают следствие, и ему «верят». Так, в записке, датированной 19 марта, Грибоедов писал: «В случае, что меня отправят куда-нибудь подальше, я чрез подателя этой же записки передам тебе мой алмазный крест...», а спустя почти месяц, в течение которого его участь не переменилась, он представлял этот «случай» уже в более определенном виде: «Кажется, что мне воли еще долго не видать, и вероятно, буду отправлен с фельдъегерем...»⁸⁹. Таким образом, несмотря на твердость и последовательность позиции, занятой Грибоедовым в его письменных и, очевидно, устных показаниях на следствии, немногие сохранившиеся источники удостоверяют появление у него сомнений в положительном исходе рассмотрения его дела.

Очевидно, Грибоедов понимал, что уличающие показания имеют такой характер, что категоричное отрицание не может их опровергнуть в существенных моментах. Понимал он и то, что могут найтись новые улики и «всплыть» новые отягчающие его положение обстоятельства. Кроме того, он не был уверен в том, что расследование

завершено; он мог ожидать очных ставок с основными обвинителями, в силу явных противоречий, возникших между их показаниями и его утверждениями. Какого же решения своей участи он ожидал? Из приведенных слов ясно, что это могла быть ссылка в отдаленные губернии, возможно — ссылка в заключение или на поселение, куда отправляли со специальным фельдъегерем, а также длительное заключение («...мне воли еще долго не видать...»), — все эти варианты решения судьбы, конечно, связывались Грибоедовым с возможным признанием его виновности следствием. Причиной этого признания могло послужить лишь одно обстоятельство: следствие не придало значения его отрицанию улик, а затем, квалифицировав его как «запирательство», продолжило расследование, проведя очные ставки с обвинителями и, наконец, включило улики в состав обвинения перед судом. Очень важно отметить, что в этих конфиденциальных записках, предназначенных только лишь для сведения близкого друга и помощника, с которым подследственный был откровенен, Грибоедов допускал развитие событий по этому сценарию. Главной причиной этого опасения было затянувшееся заключение, — несмотря на все оправдания, представленные Грибоедовым.

Историки лишь приблизились к изучению проблемы защитной тактики декабристов на следствии. В.А. Федоров выделяет три основных варианта поведения основной группы обвиняемых на следствии: 1) «упорство до конца» (свойственное, однако, лишь единицам); 2) откровенность с первых допросов и раскрытие ценной для следствия информации; 3) укрытие по возможности опасных замыслов, своей роли в тайном обществе и заговоре⁹⁰.

Эта общая схема требует поправок и уточняющих комментариев. Упорство до конца в чистом виде было невозможно для группы основных, безнадежно скомпрометированных обвиняемых. Такой линии защиты могли придерживаться только те, против кого имелись не многочисленные обвиняющие показания, а только несколько показаний, заставляющих вести расследование. Этой линии придерживалось большинство тех, кто был оправдан на следствии и признан невиновным. К тому же нужно было убедить следствие в своей полной искренности и откровенности. При столкновении с уличающей информацией подследственный оказывался перед непростым выбором. Понимание того, что он неизбежно получит наказание, вызывало стремление рассказать, подтвердить запрашиваемую информацию ради

помилования. Однако в большинстве случаев, даже в ситуации обещанного прощения за полную откровенность, многие привлеченные к процессу понимали, что таким образом возможность для обвинения увеличивается.

Тактика сокрытия фактов и обстоятельств опиралась на различные конкретные приемы «оформления» следственных показаний. Так, И.А. Миронова отмечает следующие специальные приемы (большинство из них также приводится в исследовании М.В. Нечкиной): объединение в письменных ответах нескольких вопросов в один, ссылка на свою неосведомленность, плохую память, различные оговорки (кратковременный характер конспиративных отношений, ссылка на другого свидетеля и т. п.); обход отдельных вопросов за счет подробного ответа на другие вопросы, менее существенные и важные с точки зрения обвинения. Не отказывались подследственные от прямого отрицания и даже подтасовки фактов, когда это было возможно⁹¹.

Отрицание самими оправданными в ходе следствия лицами какой-либо степени причастности к тайному обществу вполне объяснимо и не должно вводить в заблуждение: они отвергали уличающие их показания в целях самозащиты. Факт принадлежности к тайному обществу, как они прекрасно знали, легко превращался в ходе следствия в главное обвинение: знание «антигосударственной» (политической) его цели и планов изменения существующего строя, вплоть до покушения на жизнь императора. Шанс на то, что признавшись в своей принадлежности, удастся представить дело в «невинных» тонах (как принадлежность к филантропическому просветительскому обществу, а не к политическому), был у немногих — только у тех, кто состоял в ранних декабристских организациях, прежде всего в Союзе благоденствия. Именно в силу этого, как можно думать, больше всего полностью оправдавшихся, признанных непричастными к деятельности тайных организаций, оказалось среди тех, кто подозревался в участии в Северном и Южном тайных обществах, имевших значительно более радикальный характер. Свидетельства о принадлежности к Союзу благоденствия, как правило, подтверждались.

В.А. Федоров обобщает приемы защиты, приходя к сходным наблюдениям: наряду с наиболее откровенными подследственными существовали и те, кто избрал другую тактику: так, одни при внешней откровенности скрывали самые «криминальные» аспекты своей деятельности, другие — отрицали наиболее опасные показания,

демонстрировали предельную сдержанность и осторожность, были уклончивы в своих ответах, давали краткие показания, сообщали только о том, что известно уже следствию, ссылались на давность времени и плохую память и даже мистифицировали расследование. К числу подследственных, которые вели такого рода игру, историк отнес И. Пущина, Свистунова, Лунина, М. Фонвизина, Барятинского и др. Грибоедов же на следствии «занял позицию полного отрицания»⁹².

Подводя итог, нужно отметить, что проблема невыявленной на следствии информации важна для исследователей и в фактографическом, и в проблемном отношении. Ведь укрытая от следствия информация заключает в себе основания для нового взгляда на многие, в том числе казалось бы изученные страницы «движения декабристов». Однако нужно иметь в виду: поскольку историк имеет в данном случае дело с недоказанной на следствии информацией и с обстоятельствами, не нашедшими подтверждения в других материалах следствия, он часто вынужден не выходить за пределы области предположений. Доказанным в полной мере можно считать, главным образом, те факты и обстоятельства, что находят подтверждение в других источниках, не только в следственных материалах, но также в мемуарных и иных документах.

Вопрос о степенях членства и проблема «периферии» тайных обществ. Случай А.С. Грибоедова

Пожалуй, наиболее известный и, в определенной степени, показательный пример недоказанного обвинения на следственном процессе по делу декабристов — это случай **Александра Сергеевича Грибоедова**. Ходу расследования по делу Грибоедова посвящены обстоятельные работы М.В. Нечкиной⁹³. Отличающиеся глубиной и тщательностью анализа источникового материала, они принадлежат к числу лучших работ, посвященных критике документов следствия, с углубленным рассмотрением вопроса о членах тайных обществ, оправданных на следственном процессе. Нечкина поставила для своей работы «задачу анализа фактических данных следствия и оценки их достоверности»⁹⁴. Приступая к исследованию, она констатировала: «Следственное дело о Грибоедове еще ни разу не подвергалось специальному изучению

источниковедческого характера»⁹⁵. П.Е. Щеголев, публикатор дела о Грибоедове, высказал лишь отдельные замечания о степени достоверности сделанных показаний, при этом он не ставил отдельной задачей своей работы выяснение вопроса: был или не был Грибоедов членом тайного общества. Основным содержанием исследования, по мнению Нечкиной, теперь должна была стать проверка фактических данных «дела».

В ходе работы историк считала необходимым установить общие требования критического подхода к использованию данных следственных показаний как исторического источника. «Проверка достоверности дела» заключалась прежде всего в анализе фактических данных, обнаруженных в показаниях; последний, в свою очередь, производился на основе взаимного сопоставления различных показаний между собой, а также сопоставления информации, заключенной в показаниях, с данными других источников⁹⁶. При критическом анализе фактических данных Нечкина сосредоточила свои усилия на разработке следующих вопросов: знал ли Грибоедов о существовании тайного общества декабристов, был ли он членом, формально принятым в это общество, в чем состояло содержание встреч Грибоедова с руководителями тайного общества в Киеве в июне 1825 г.

Выводы, к которым пришла Нечкина на основе рассмотрения документальных свидетельств, сопоставления различных показаний, других источников, анализа линии поведения Грибоедова на следствии, следует также разделить по выделенным ранее аспектам исследования. Во-первых, исследовательница дала положительный ответ на вопрос «знал ли Грибоедов о тайном обществе»: «Грибоедов был осведомлен не только о самом факте существования тайного общества, но и о программе его, о целях политического переворота и декабристских вариантах программы»⁹⁷. Во-вторых, рассматривая вопрос о формальном членстве Грибоедова в тайном обществе, Нечкина отметила, что ответить на него гораздо сложнее, чем на первый, ввиду разноречивости имеющихся показаний. Тем не менее, сопоставление следственных показаний привело исследователя к заключению: «...сам факт *предложения* Грибоедову вступить в члены тайного общества не подлежит никакому сомнению...» Факт приема, по ее мнению, также имел место, но принятие произошло в несовершенной, незаконченной форме.

Ключевым для обоснования этого вывода является показание

Рылеева в ответ на вопрос о приеме Грибоедова: «...хотя он из намеков моих мог знать о существовании общества, но не будучи принят мною совершенно, не имел права на доверенность Думы». Показание Рылеева поддерживалось двумя свидетельствами руководителей Северного общества, Оболенского и Трубецкого, сославшихся на слова Рылеева о принятии Грибоедова⁹⁸. «В силу изложенных выше соображений нельзя не признать сильной позицию тех исследователей, которые придерживаются мнения, что Грибоедов был членом тайного общества», — таков вывод, который сформулировал историк⁹⁹.

М.В. Нечкина пришла к следующему заключению: Грибоедов, бесспорно, знал о тайном обществе, о его цели и планах военной революции. Он был принят в Северное общество в несовершенной форме, а затем, выполняя поручение его руководителей, встречался в Киеве с членами Южного общества и Трубецким. Реконструируя содержание этих встреч, Нечкина выдвинула гипотезу о том, что предмет переговоров Грибоедова и руководителей Васильковской управы Южного общества был связан с замыслом военного выступления — «Белоцерковским планом», разработанным С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым в конце 1824 г. для совершения политического переворота, а именно — осведомление об этом плане главнокомандующего Кавказским корпусом А.П. Ермолова. Грибоедов, по-видимому, отказался служить передаточным звеном для информирования об этом плане и, возможно, для склонения к участию в военном выступлении своего начальника¹⁰⁰. Подводя итог проделанному анализу, Нечкина писала: «Грибоедов, несомненно, знал о тайном обществе декабристов и, по-видимому, был в какой-то форме принят в него Рылеевым. Ему удалось избежать кары более всего в силу осторожнейшего поведения на следствии и влиятельных родственных связей»¹⁰¹.

Выражение, примененное Рылеевым по отношению к Грибоедову («несовершенное» «принятие» в члены тайного общества) означает, как представляется, незаконченный, незавершенный прием, остановившийся на одном из этапов процедуры. Надо отметить, что «несовершенный прием» — устойчивое выражение, которым пользовались члены тайных обществ, говоря о незаконченной процедуре, неполном принятии в тайное общество. Случаи незавершенного приема фиксируются в материалах следствия. Так, имеется показание

А.А. Бестужева о приеме Д.И. Завалишина: «Рылеев принял было его в члены, но узнав, что он писал из Бразилии письмо к государю императору, содержание которого не хотел сказать, приостановился открывать ему все и после не вверялся ему». При этом уже был выяснен образ мыслей Завалишина, который был сочтен соответствующим кандидату на прием. Действительно, тот же Бестужев показал о Завалишине: «Мнение о перемене порядка вещей он сам излагал»¹⁰².

Принятие в тайное общество — процесс продолжительный во времени. Сначала нужно было узнать образ мысли кандидата, выяснить единомышленник он или нет; только после этого делали предложение вступить в члены. По имеющимся показаниям, нет сомнений, что такое предложение Грибоедову делалось. Из этого следует, что первый этап приема был пройден, Грибоедова признали единомышленником. На втором этапе сообщалось о существовании тайного общества, имеющего целью улучшение правительства, но без подробностей — фактически это было начало приема, при этом делалось предложение присоединиться. Если кандидат соглашался участвовать, он уже считался полноценным членом первой степени. Формула, примененная Рылеевым в отношении Грибоедова в разговоре с Трубецким («наш»), а также утвердительное свидетельство Оболенского прямо говорят о том, что прием Грибоедова состоялся, однако показание Рылеева вынуждает сопроводить этот вывод оговоркой: прием не был полностью завершен. Почему это произошло?

Прием мог остановиться по ряду причин: отъезд новопринятого, его подозрительные для принимающих поступки (случай Завалишина), нежелание подчинять себя воле руководителей тайного общества, наконец, несогласие со средствами, которые в перспективе предполагались для достижения цели (использование военной силы).

Тем не менее, следует особо подчеркнуть, что принятый в первую степень членства считался «своим»: то есть членом, хотя и «полупринятым». Для принятых членов всех степеней имелось одно обобщающее название, устойчиво встречающееся в среде участников конспирации, которое отражало формальную организационную связь с этим лицом — формула «наш». К Грибоедову, как следует из показаний Трубецкого, она была применена. И Трубецкой понял эту формулу таким образом, что сделал вывод о принятии Грибоедова в тайное общество. Очень важным обстоятельством для правильной интерпретации этого

свидетельства, мимо которого прошли оппоненты М.В. Нечкиной, является тот факт, что руководитель тайного общества принял эту формулу как сообщение о приеме нового члена и настолько не сомневался в этом своем понимании, что несколько раз назвал Грибоедова членом тайного общества без какой-либо оговорки, что в условиях следствия было особенно ответственным уличающим показанием. Сообщение Рылеева не позволяло Трубецкому сомневаться в этом факте¹⁰³.

Вопросы об организационном устройстве тайных обществ и, в частности, о процедуре приема в декабристскую конспирацию, о степенях членства заслуживают отдельного исследования. Эти вопросы освещались в следственных показаниях фрагментарно и скупо. Не затрагивались они подробно и в мемуарах декабристов, поэтому исследователи вынуждены прибегать к реконструкции содержания уставных правил на основе всего комплекса документальных свидетельств.

В Южном обществе «несовершенный прием» относился к случаям т. н. «полупринятых» членов. Согласно имеющимся прямым свидетельствам участников конспиративных собраний, «полупринятые» назывались «членами» наряду с полноправными участниками организации. В Южном обществе при вступлении в члены общества сообщались тайна существования общества и правила устава, в ходе вступления давалась «присяга или просто честное слово» хранить тайну и оказывать всевозможное содействие. При этом старались не сообщать имена других членов, и, как правило, вновь принятый имел связь только с принявшим его или ближайшим окружением последнего. Предполагалось, что «принимаемый уже тот, коего образ мыслей был сходен с образом мыслей союза», поэтому своеобразный отбор проходил уже при выборе кандидата, а в ходе самого приема объявлялись «цель и средства» тайного общества. «Сие было одним из законов, принятых обществом, чтобы объявлять новопринимающимся цель его и средства, дабы тем соблюсти единогласие»¹⁰⁴. Таким образом, на позднем этапе существования тайного общества предлагалось вступить уже заранее отобранному единомышленнику, чьи взгляды уже имели сходство с «образом мыслей» членов тайного общества. Однако, для того чтобы знать взгляды кандидата, необходимо было их выяснить. Для этого и существовала определенная схема предварительного общения перед предложением вступления или началом процедуры принятия.

В Северном обществе действовал утвержденный осенью 1823 г. устав («статуты»). Согласно ему, в тайном обществе имелись две степени членства: «убежденные» и «соединенные». Первые — старые члены, основатели, а также, с течением времени, наиболее проверенные новопринятые; они знали о цели и планах воспользоваться военной силой для ее достижения. Новопринятые образовывали низшую степень членства — «круг» «соединенных», которому также объявлялась дальняя политическая цель общества — достижение представительного правления. Они не имели права принимать новых членов, но могли намечать кандидатов. В это время кандидатов испытывали после ознакомления с написанным Е.П. Оболенским сочинением, в котором содержалось рассуждение «об обязанностях гражданина» к семье и отечеству. Его «давали читать... знакомым, без всяких предосторожностей; но замечали влияние нравственное, какое оно могло произвести на молодых людей... и по влиянию сему судили о большей или меньшей готовности их вступить в общество»¹⁰⁵.

Вместе с тем, в Северном обществе, как и в Южном, на практике существовала степень «полупринятых». Эта степень членства сложилась в ходе совершенствования действующей процедуры приема. Она отразилась в организационном устройстве наиболее активной части Северного общества, выделившейся в 1824 г. — «рылеевской отрасли», к которой принадлежал Грибоедов. В ходе приема в тайное общество, когда кандидат считался «полупринятым», конкретные сведения о существовании тайного общества ему открывали не сразу. «Положено было, чтоб тот, кто принимает нового члена, не открывал ему о существовании общества, но только открывал ему свой образ мыслей... Я требовал, чтобы все сие было сделано в виде знакомства, основанного на одинаковом образе мыслей, а не в виде принадлежности к тайным обществам», — показывал Трубецкой. На практике, после выяснения единомыслия в политических вопросах, чаще всего следовало открытие существования сообщества единомышленников, о чем говорят показания А.И. Якубовича, А.А. Бестужева, Г.С. Батенькова¹⁰⁶.

«Полупринятым» открывали конкретные сведения о существовании тайного общества после определенного промежутка времени, причем кандидат мог отказаться от вступления, дав честное слово никому не говорить о сделанном ему предложении (случаи Э.А. Белосельского, Ф.А. Щербатова). Новопринятый член общался главным

образом с принявшим его членом и его «управой». Таким образом, и в Северном обществе существовали три степени членства, последнюю из которых образовывали кандидаты-«полупринятые». «Эти „полу-принятые“ составляли на практике третью, самую низшую категорию членов, не имевшую, судя по всему, собственного названия», — отмечает В.М. Бокова¹⁰⁷.

Данные о процедуре приема, распространенной в «рылеевской отрасли», содержатся в показании самого Рылеева: «...принимающий должен был узнать образ мыслей принимаемого. Если сей последний пламенно любил Россию, если он для блага ее готов был на всякое самоотвержение, если был хорошего поведения, притом скромн и умен, то принимающий мог его принять немедленно, но кроме себя, не имел права открывать других членов. После уже, судя по деятельности его и способностям, ему открывались и другие»¹⁰⁸. А.А. Бестужев специально отвел организационным принципам «рылеевской отрасли» отдельное показание. «Правила приема были следующие: во-первых, исследовать жизнь того, на кого метят... Чтобы узнать образ мыслей — начинать противоречить — и когда тот разгорячится — то и видеть образ его мыслей. Рассудительных брать со стороны доказательств, а пылких — блестящими картинами будущего... Честолюбивым оставлять надежду, как они будут славны, а людям, требующим руководителей уже с именем, не обманывая, намекать, что тут есть люди...»¹⁰⁹. После предложения вступить в тайное общество «обработка» согласившегося кандидата продолжалась. Стадийность «посвящения» была сложная. Полная цель тайного общества открывалась в зависимости от готовности новопринятого, не сразу. «Впрочем, о времени и решительных мерах никто не должен был знать, кроме Думы», — свидетельствовал А. Бестужев¹¹⁰. В «рылеевской отрасли», согласно показаниям Бестужева, вновь принимаемым открывались данные о политической цели (в общем виде) и характере общества, его членах. Решительные меры и срок начала действия не объявлялся. Общение ограничивалось первоначально только тем лицом, кто предложил вступить¹¹¹.

Подробные показания о характере приема в низшую степень членства на юге дал С. Муравьев-Апостол в связи с запросом о членстве офицеров Ахтырского гусарского полка Арсеньева, Франка и Семичева. Он сообщил о подразделении членов общества на три разряда — старых членов, принятых после 1821 г. и «новопринятых». Согласно

показаниям С. Муравьева-Апостола, низшему «третьему» разряду открывали далеко не все о конкретных планах руководителей, не знали они ни о внутреннем устройстве общества, ни об его руководстве, ни о средствах действия.

Дело не только в сроке пребывания в тайном обществе «полупринятых». Речь должна идти о том, насколько доверяли новому члену руководители тайного общества, насколько его считали готовым воспринять политические цели тайного общества в полном объеме. Некоторые вновь вступившие становились сразу активными участниками, как М.М. Спиридов или сам М.П. Бестужев-Рюмин. Другим открывать все планы и замыслы считалось излишним, они должны были узнать впоследствии о конкретных планах, в особенности если речь шла о военном мятеже. Принципы строгой конспирации не позволяли открывать весь объем цели и средств тайного общества всем новопринятым членам, не проверенным еще в полной мере и только испытывавшимся в качестве единомышленников. До «полупринятых» было донесено общее представление о политической цели: достижении представительного правления. Представление о средствах не было полностью ясным и включало различные варианты политического действия: воспользоваться военной силой или вообще — действовать по мере возможности, заявить о своих требованиях при вступлении на престол нового монарха. Новопринятые не принимали активного участия в делах общества, присутствовали только на нескольких совещаниях, на которых нередко одновременно происходило постепенное ознакомление новых членов с другими участниками, с целями общества, велась агитация для окончательного привлечения их в организацию.

К «третьему разряду» членов, по утверждению Муравьева-Апостола, принадлежали не только офицеры Ахтырского полка (Франк, Семичев), но и офицеры-артиллеристы (Пыхачев, Нашокин и др.), а также офицеры другого гусарского полка — принца Оранского (Паскевич, Веселовский); об этом Муравьев-Апостол свидетельствовал в отдельных показаниях, отложившихся в следственных делах этих офицеров¹¹². Примеры показывают, что членов «третьего разряда» фактически считали уже сочленами, вошедшими в состав тайной организации. Не случайно об их приеме и поступлении в общество принимавшие члены сообщали руководителям декабристской конспирации. Так, например, Пестель прекрасно знал о том, что в тайное

общество были приняты Пыхачев, Фролов (отрицавший на следствии свое членство), а М. Муравьев-Апостол знал от Бестужева-Рюмина, что он принял в общество Пыхачева, Нащокина и других артиллерийских офицеров. Бестужев-Рюмин сообщал о том, что «полупринятым» членам сообщалось цель общества — «искоренить злоупотребления правительства и ограничить власть государя»¹¹³.

Таким образом, методы вербовки разнились, но сводились к трем последовательным этапам: изучению образа мысли кандидата, его характера и умственных качеств, предварительного осведомления его о существовании тайного общества (очевидно, без обозначения «дальней» цели и главное — без определенных сведений о тайном обществе) и, наконец, из собственно процедуры приема (формальное предложение, отбирание устного «слова» или письменной расписки). При этом надо отметить специально, что кандидат мог отказаться от сделанного ему предложения.

«Полупринятые» в тайных обществах после 1821 г. — чрезвычайно важное явление для исследования персонального состава декабристской конспирации. Их считали сочленами, хотя и не открывались им в полной мере, на них предполагалось опираться при дальнейших планируемых военных выступлениях. Иными словами, политический характер и цели тайного общества не скрывались от членов низшей степени. Скорее всего, речь шла об ограничении в открытии конкретных планов военных выступлений, всех средств, считавшихся возможными для применения, планов покушения на жизнь императора, а также данных о структуре, принципах управления, руководстве конспирации. Главное отличие «полупринятых» от последующих степеней членства — неполное знание о внутреннем устройстве тайного общества, целях, намерениях и конкретных планах, а также сравнительно слабое участие в его деятельности¹¹⁴.

Случай Грибоедова может быть полностью «вписан» в вариант «не-совершенного» приема. Действительно, руководство «рылеевской отрасли» составило отчетливое представление об образе мыслей Грибоедова в течение нескольких месяцев общения в Петербурге, после приезда драматурга в столицу в 1824 г. Информация о контактах, прямо относившихся к приему Грибоедова, как определенно следует из показаний, адресует к одному Рылееву. Очевидно, предложение вступить в тайное общество последовало от самого руководителя «отрасли», наиболее энергичного конспиратора, привлекавшего новых членов из сре-

ды литераторов. «Пламенная любовь» к отечеству, либеральный образ мыслей Грибоедова, его ум и выдающиеся личные качества не вызвали сомнений. Это говорит в пользу того, что в данном случае дело не ограничилось предложением кандидату и поступлением его в разряд «полупринятых» — следует высказать предположение о том, что Грибоедов был принят в члены «немедленно». Но в данном случае, как показал Рылеев, Грибоедову открыли ограниченные сведения о тайном обществе. Общение по делам тайного общества, по-видимому, ограничилось Рылеевым и его ближайшим товарищем А. Бестужевым. Грибоедов, таким образом, вошел в «рылеевскую отрасль».

Современный исследователь В.М. Бокова отмечает: «...методика вербовки, основанная на провоцировании кандидата на явное обнаружение своего образа мыслей, была примерно одинакова в обоих основных обществах», созданных после 1821 г.¹¹⁵ Грибоедову не нужно было обнаруживать свой образ мыслей и проходить через длительное «прошупывание»: близким к нему участникам тайного общества, тесно сошедшимся с ним на почве литературных интересов, был хорошо известен общественно-политический строй взглядов автора пьесы «Горе от ума», встреченной с энтузиазмом и активно распространявшейся либеральными кругами: в ее главном герое участники тайного общества узнавали своего единомышленника. Тем более, что, как неопровержимо свидетельствуют следственные показания, разговоры между Грибоедовым и Рылеевым, Бестужевым, Одоевским носили откровенный характер и напрямую касались острых политических тем, собеседники не сдерживались в оценках.

Учитывая имеющиеся данные о личности и взглядах Грибоедова, следует выдвинуть предположение: в данном случае Рылеев имел дело с человеком «рассудительным». Поэтому его убеждали вступить в тайное общество, очевидно, «со стороны доказательств»: «Принять в члены значило показать... механизм общества и позволить избирать самому. О цели и мерах говорили не вдруг, и не все, и не всем одинаково... Принявший должен был обрабатывать тех, которые не готовы», — показал на следствии А. Бестужев¹¹⁶. Зная о том, что Грибоедов располагал некоторыми данными «о цели и мерах», можно утверждать, что процесс приема в тайный союз продвинулся достаточно далеко и не ограничился только первой стадией.

Круг реальных связей с участниками тайных обществ на протяжении 1824–1825 гг. (прежде всего, в Петербурге) не оставляет сомнений

в самой возможности предложения Рылеева, сделанного Грибоедову. Нечкина предприняла особые усилия для вскрытия такого рода связей, опираясь на имеющиеся источники, современные эпохе, и данные мемуарных, эпистолярных и других документов¹¹⁷. Нет принципиальных преград для отнесения Грибоедова к числу участников декабристского общества и при анализе его взглядов: то, что он был ближайшим единомышленником членов тайных обществ, никогда не вызывало сомнений как у сторонников признания факта его вступления в тайное общество, так и у их оппонентов; этот вывод следует из всей совокупности документального материала. Заключение, к которому пришла Нечкина, нужно признать объективным: «принципиальных программных разногласий по линии основных политических идей у Грибоедова с декабристами не было». Исследователи констатируют разногласия в тактических вопросах: сомнения Грибоедова в планах насильственного военного переворота¹¹⁸. Однако эти сомнения были в полной мере свойственны значительной части членов тайных обществ, не исключая и лидеров позднедекабристских организаций (даже наиболее радикального Общества соединенных славян), в том числе Пестеля, Оболенского, П. Борисова.

В члены Северного общества набирались участники литературного кружка, группировавшегося вокруг Рылеева и А. Бестужева. Грибоедов, прибыв в Петербург, органично вошел в состав этого литературного круга. Как отмечает В.М. Бокова, «границы между литературным кружком и тайным обществом оказались очень зыбкими, и попадавшие в орбиту кружка литераторы так или иначе вербовались потом в тайное общество...». «Рылеевцы» «вербовали писателей вполне целенаправленно», доказательством чему являются предложения, сделанные П.А. Вяземскому, В.Д. Сухорукову, Я.И. Ростовцеву, В.К. Кюхельбекеру и др. Основной побудительной причиной для приглашения их в тайное общество служили возможности «использования» их литературного труда и известности. Так, о приеме Ростовцева Оболенский показал: «будучи Поэт, был принят мною единственно как человек, коего талант мог быть полезен распространению просвещения, тем более, что талант сей соединен был с истинною любовью к отечеству и с пылким воображением»¹¹⁹. Грибоедов был как нельзя более важен и ценен с точки зрения пропаганды и просветительской деятельности в духе тайного общества, еще большее значение ему придавал факт авторства лучшего произведения агитационного харак-

тера, с точки зрения «либералистов»; его выдающийся талант не подвергался сомнению, равно как свободолюбие и патриотизм.

Оценивая показания о Грибоедове, полученные следствием, необходимо заметить, что им свойственна определенная внутренняя противоречивость. Авторы большинства свидетельских показаний выражали Грибоедова, стремились интерпретировать свои контакты с известным литератором как дружеские отношения единомышленников, пытались создать впечатление, что Грибоедов мог знать о тайном обществе, но сам формальный прием в конспиративную организацию не состоялся. В ряде случаев, для придания большего веса отрицанию факта состоявшегося приема свидетели по делу прибегали к утверждению о начавшейся, но не законченной процедуре приема, о несочувствии Грибоедова основным целям тайного общества, что вступает в явное противоречие с другими следственными показаниями и данными других источников.

На следствии Рылеев воспользовался «несовершенным» (незаконченным) приемом Грибоедова, чтобы отчетливо показать несогласие писателя с намерениями заговорщиков, подчеркивая, что прием остановился из-за неполного согласия кандидата с целью тайного общества. Из показаний Рылеева как будто следовало, что последний только знал или «мог знать» о существовании тайного общества, но фактически не принадлежал к нему. Напрашивается вывод: это было сделано для оправдания Грибоедова (незавершенный прием как бы снимал обвинение в формальной принадлежности к тайному союзу, которое, как хорошо знали подследственные, было определяющим на процессе). Главный аргумент Рылеева — неполное согласие Грибоедова с целями декабристского общества — представляется недостаточно ясным, во всяком случае он оставляет широкое пространство для различных интерпретаций. Но, самое главное, он в значительной мере опровергается собственными показаниями Рылеева и показаниями других лиц. А. Бестужев свидетельствовал о том, что в своих откровенных разговорах «с Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим... нередко мечтал о желании преобразования России. Говорил даже, что есть люди, которые стремятся к этому». Бестужев не мог утверждать, говорил ли он Грибоедову «прямо об обществе и его средствах» в подробностях¹²⁰. Перед нами попытка отвергнуть собственное участие в приеме Грибоедова, либо просто избежать свидетельствования по этому вопросу. Здесь отсутствует прямое сообщение о приеме кандидата, но, вместе с

тем показания Бестужева не содержат категорического отрицания собственного участия в этой процедуре. Информирование кандидата о «людях», стремящихся к преобразованиям, как справедливо отмечала Нечкина, есть сообщение о декабристском обществе.

Показание Рылеева, отличающееся внутренней противоречивостью, приводит исследователя к выводу о незавершенном приеме Грибоедова в тайное общество. При этом Рылеев вынужден был сообщить следствию о конкретной стороне своих разговоров с Грибоедовым: «...делал ему намеки о существовании общества, имевшего целью переменить образ правления в России и ввести конституционную монархию», «он из намеков моих мог знать о существовании общества»¹²¹. Формальный прием Рылеев отрицал, несмотря на утверждения ссылавшихся на него свидетелей.

В условиях конспиративной деятельности сообщение о существовании тайного общества, адресованное единомышленнику, с которым ведутся откровенные разговоры и которому открывается цель этого общества, несомненно связано с предложением о вступлении в это общество. Прием мог быть прерван из-за нежелания кандидата вступить в члены общества, как это было в известных случаях (Вяземский, Жуковский, Ф.А. Щербатов и др.). Но в таком контексте, в условиях расследования о членстве Грибоедова, в руки Рылеева и Бестужева попадал неопровержимый аргумент: несмотря на их предложения, Грибоедов отказался вступить, перед ними открывалась возможность заявить о несходстве их взглядов, о принципиальных разногласиях Грибоедова и руководителей тайного общества. Однако подследственные не решились полностью отвергнуть общность взглядов между ними и Грибоедовым, не стали они «придумывать» и решительный отказ Грибоедова от членства в тайном обществе¹²².

Что знал Грибоедов о тайном обществе? Он был осведомлен о факте его существования, его цели (преобразование правления и введение конституции), других элементах программы («буржуазные свободы»), средствах достижения цели (военный переворот или давление на власть в помощь военной силы, — об этом свидетельствует традиционно приписываемая Грибоедову фраза о «ста прапорщиках», желающих изменить «весь государственный быт России»), о времени планируемого выступления — при смене императора (об этом говорит его слова, брошенные при известии о смерти Александра I и присяге новому императору Константину: «В настоящую минуту идет в Петер-

бурге страшная поножовщина»¹²³). Как справедливо писала М.В. Нечкина, зная о том, что в момент смены императора на престоле последует открытое выступление, мог только человек, вовлеченный в деятельность декабристской организации. Кроме того, Грибоедов располагал данными о структуре тайного общества и его распространении в южных губерниях (в пользу этого говорят встречи в Киеве). Все эти сведения, носившие конкретный характер, бесспорно говорят о том, что члены тайного общества осведомили Грибоедова не только о существовании заговора, но и о средствах к достижению политической цели, безусловно свидетельствуют о знании им планов переворота. В силу этого отрицание Грибоедова на следствии своей осведомленности о тайном обществе трудно признать достоверным, равно как и показания ряда участников тайного общества, спасавших его от обвинения в принадлежности к «злоумышленному обществу».

Объем информации, которым, судя по указаниям источников, обладал Грибоедов, сообщался на стадии приема, подразумевавшей полноправное членство, а главное — согласие кандидата на вступление в общество. Очевидно, процедура приема Грибоедова в Северное общество если и была прервана, то уже после его согласия быть членом, после прохождения первой стадии «испытания» или «первоначального членства».

Еще одним доказательством вступления Грибоедова в полноправные члены является его встреча с руководителями Васильковской управы и Трубецким в Киеве. Встречу эту трудно назвать случайной, поскольку на нее специально был вызван С. Муравьев-Апостол. Этот эпизод заставляет предположить наличие отдельного поручения, сделанного Грибоедову — скорее всего, информативного характера: передачи членам, находившимся в Киеве, сведений о петербургском тайном обществе. Известны поручения, которые давались руководством Северного общества А.Ф. Бригену и М.М. Нарышкину. Оба принадлежали не к «рылеевской отрасли», в то время как Грибоедов был осведомлен о существовании тайного общества от самого Рылеева. Тем более возможным представляется вывод о том, что Грибоедов, отправляясь в Киев, должен был передать киевским членам информацию, прямо относящуюся к тайному обществу, и таким образом выполнить поручение принявшего его Рылеева. Выполняя определенное поручение, Грибоедов не мог, согласно правилам конспирации, выступать только как «товарищ», не включенный в кон-

спиративные связи в качестве сочлена. Для поручения была необходима доверенность руководства. Следует особо отметить, что поручения, напрямую связанные с конспиративной информацией, давались в большинстве случаев лишь формально принадлежавшим к декабристской конспирации лицам¹²⁴.

Итог нашего рассмотрения в значительной степени близок выводам М.В. Нечкиной: Грибоедову удалось оправдаться, несмотря на прозвучавшие показания о вступлении в тайное общество. Причем эти показания имеют высокую степень достоверности: ведь они принадлежат наиболее осведомленным и авторитетным руководящим членам тайного общества, членам Думы Северного общества. Характер решающего показания Рылеева, который был источником информации для всех основных уличающих свидетелей, свидетельствует о том, что он, стремясь не допустить дальнейшего расследования вопроса, все же не смог скрыть факт ознакомления Грибоедова с существованием и намерениями тайного общества и начавшегося приема в Северное общество (вероятно, в первую степень членства)¹²⁵.

После получения показаний от Грибоедова, отрицавшего обвиняющие свидетельства Трубецкого и Оболенского, а также изменявшего смысл свидетельств Рылеева и Бестужева, Комитет уже 25 февраля решил представить Грибоедова к освобождению, сочтя его оправданным расследованием¹²⁶. Но разрешения императора тогда не последовало: дело было отложено, и только в конце мая, при завершении следствия, вместе с несколькими содержавшимися под арестом, Грибоедов был вновь представлен к освобождению. В итоговой справке о Грибоедове значилась стандартная фраза, включавшая официальную формулу оправдания: «...к тайному обществу не принадлежал и о существовании оно не знал»¹²⁷.

Подводя итог анализу показаний о Грибоедове, нужно признать, что Грибоедову было формально предложено вступить в тайное общество, на что было получено его согласие; можно уверенно заключить, что он поступил, по крайней мере, в первоначальную степень членства (в Северном обществе не имевшую названия). Наконец, совокупность имеющихся данных позволяет сделать предположение, что процедура приема завершилась и Грибоедов стал полноправным членом тайного общества¹²⁸.

Особенности ареста и заключения в ходе следственного процесса

Арест и заключение подавляющего большинства оправданных в ходе и по результатам процесса фактически ничем не отличались от обстоятельств привлечения к процессу преданных суду и наказанных без суда. Значительная часть представителей группы оправданных оказалась под арестом на Главной гауптвахте Зимнего дворца, а затем содержалась «у дежурного генерала», в здании Главного штаба, а также на других гауптвахтах. Так, после недолгого пребывания на Главной гауптвахте под арестом в Главном штабе оказались А.С. Грибоедов, Н.П. Воейков, И.П. Липранди¹²⁹.

Местом содержания под арестом менее замешанных, по мнению следствия, гвардейских офицеров были гауптвахты в казармах частей гвардии. Под арестом в казармах Конного полка находился офицер этого полка М.Ф. Голицын. Кратковременный арест и заключение перед оправданием на следственном процессе И.Д. Лузина и А.М. Голицына, очевидно, также связаны с полковыми казармами¹³⁰. На гауптвахте Петровской площади содержался К.П. Миллер¹³¹.

Тех, в отношении кого имелись распоряжения императора о скорейшем расследовании дела, содержали, главным образом, непосредственно в Зимнем дворце, на Главной гауптвахте. Так, после заключения на Главной гауптвахте был перемещен в гвардейские казармы (на квартиру дивизионного командира) арестованный И.Ф. Львов¹³². На гауптвахте Зимнего дворца провели короткое время своего заключения полковники Ф.К. Левенталь и В.К. Ширман; здесь же содержался А.А. Плещеев 2-й¹³³.

Некоторые из оправдавшихся на процессе лиц были заключены в крепостные казематы Петропавловской крепости, что служило вполне определенным признаком того, что следователи первоначально питали в их отношении серьезные подозрения в деятельном участии в декабристской конспирации, основываясь на имевшихся показаниях. Среди заключенных Петербургской (Петропавловской) крепости были впоследствии оправдавшиеся Ф.Е. Врангель, В.П. Зубков, Б.К. Данзас, Н.П. Крюков, А.А. Плещеев 2-й (короткое время), братья А.М. и Н.М. Исленьевы. В крепости содержался также И.А. Арсеньев; место его заключения в крепости, в отличие от предыдущих лиц, не установлено¹³⁴.

Ход и результаты расследования в отношении лиц, признанных невиновными

Другие случаи неподтвержденного («снятого») обвинения на следственном процессе по делу декабристов не вызвали столь пристального внимания историков. Это и понятно: как правило, оправданные лица не столь известны в общем историко-культурном контексте. Тем не менее, факт оправдания Грибоедова, несмотря на имевшиеся показания авторитетных свидетелей об участии его в тайном обществе, представляет собой дополнительное основание для предположения о неединичности подобных исходов расследования. Сходные обстоятельства почти в полном объеме повторяются в делах других оправданных, против которых имелись конкретные уличающие показания. Далее мы обратимся к анализу этих случаев оправдания участников тайных обществ.

Имя подполковника Ахтырского гусарского полка **Ивана Алексеевича Арсеньева** прозвучало 29 января 1826 г., на первом устном допросе его бывшего полкового командира А.З. Муравьева, который назвал Арсеньева членом тайного общества¹³⁵. Он подтвердил это еще раз в письменных показаниях, данных на составленные сразу после этого допроса вопросные пункты. В них он свидетельствовал, что вскоре после своего присоединения к тайному обществу на юге узнал об участии в обществе офицеров своего полка: ротмистров Семичева, Франка и подполковника Арсеньева. Муравьев, более того, в своих показаниях сообщил информацию, серьезно уличающую нового подозреваемого: «...30-го числа подполковник Арсеньев, также ко мне войдя, говорит: “При теперешних обстоятельствах не быть ли готову?” Я и ему сказал, что преступно для спасения своей кожи губить людей безвинных. И, наконец, я бы должен идти против брата родного своего (Александра З. Муравьева, командира соседнего Александрийского гусарского полка. — П.И.)»¹³⁶. На следствии Артамон Муравьев настаивал на полной непричастности своего брата Александра к декабристской конспирации и его неучастию в замысле восстания. Следовательно, из этого показания вытекало, что предложение Арсеньева ставило Артамона «против брата родного своего», а значит речь шла об участии в мятеже. Весь контекст диалога — планируемое действие должно было «спасти» заговорщиков, но при этом, вполне возможно, погубить «людей безвинных», — не оставляет сомнений в

том, что обсуждались перспективы восстания. К тому же, о восстании Черниговского полка Муравьев узнал, по его словам, только 31 декабря, и поэтому 30 декабря, как следовало из этих показаний, предложение Арсеньева находилось только в контексте планируемого выступления заговорщиков. Проведя устный допрос и получив эти показания, следствие констатировало: Арсеньев спрашивал у Муравьева, не приготовить ли эскадрон к участию в мятеже, после известия об аресте С. Муравьева-Апостола¹³⁷.

Показание, принадлежащее крупной фигуре в тайном обществе, вызвало со стороны следствия немедленное решение об аресте. Комитет запросил разрешение на «вытребование» всех названных Муравьевым офицеров его полка и одновременно решил обратиться за разъяснениями к С. Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину¹³⁸. Император согласился на арест, и 31 января в журнале Комитета было записано решение об аресте всех трех офицеров Ахтырского полка и доставлении их в Петербург¹³⁹. 7 февраля исполняющий после ареста А.З. Муравьева должность полкового командира Арсеньев был также арестован и отправлен в Петербург. 15 февраля, после первого допроса, он был заключен в Петропавловскую крепость. Показания Арсеньева зачитывали на заседании Комитета 21 февраля, в них он полностью отрицал свою принадлежность к тайному обществу и какую-либо степень осведомленности о его существовании и планах мятежа. На главный пункт обвинения — сведения, полученные от Муравьева, — Арсеньев отвечал, что 30 декабря действительно спрашивал у полкового командира, не подготовить ли эскадрон, потому что «слышал от проезжавшего артиллерийского офицера», что «будет полку поход»¹⁴⁰. Арсеньев ссылался на неизвестного артиллерийского офицера (им был посланный от членов Славянского общества Я.М. Андреевич). По его словам выходило, что Муравьев неверно истолковал сделанное предложение, приняв слова Арсеньева за предложение участвовать в мятеже. Сам же Арсеньев, по его утверждению, имел тогда в виду, что вскоре будет получен приказ о «походе» (очевидно, против восставших).

Тем временем, в своем ответе на повторный запрос об Арсеньеве, написанном до 21 февраля, Муравьев был более осторожен: по его словам, сам он не принимал Арсеньева в тайное общество, о его членстве знал лишь со слов Бестужева-Рюмина: «только полагал сие, основываясь на словах Бестужева-Рюмина». Последний, по утвержде-

нию Муравьева, сообщил ему, что на Арсеньева «можно крепко надеяться». Муравьеву пришлось дать еще дополнительные показания об источнике сведений о членстве Арсеньева в тайном обществе и, в особенности, о том разговоре, что состоялся между ними 30 декабря; в них он подтвердил сказанное раньше¹⁴¹. Бестужев-Рюмин, со своей стороны, отрицал свое участие в приеме Арсеньева, заявляя также, что Арсеньев не состоял членом тайного общества; не мог ничего сообщить о приеме Арсеньева и С. Муравьев-Апостол. После этого Комитет решил представить подполковника Арсеньева к освобождению, как оправданного расследованием. В итоговой записке о А.З. Муравьеве в особом примечании приведена окончательная формулировка следствия об Арсеньеве: «Артамон Муравьев называл Арсеньева членом тайного общества и принял слова сего последнего в смысле готового содействовать обществу, но Арсеньев был сюда вытребован, оказался невинным и по высочайшему повелению уволен» от расследования¹⁴². Такой же вывод о невинности Арсеньева был отражен в записке о нем, представленной императору вместе с решением Комитета об освобождении. Последовала резолюция императора: «Сейчас выпустить» и, видимо, на следующий день, 22 февраля, он был освобожден с аттестатом¹⁴³.

Таким образом, следствие поверило Арсеньеву и Бестужеву-Рюмину. Оно предпочло удовлетвориться той интерпретацией эпизода с предложением готовить эскадрон «к походу», состоявшегося 30 декабря 1825 г., что основывалась на оправдательных показаниях Арсеньева. Обвинение со стороны А.З. Муравьева объяснялось неверно понятым смыслом слов Арсеньева, который получил сведения о скором походе полка, а вовсе не имел в виду замысел участия в мятеже.

Между тем, неоднократные показания А.З. Муравьева, который прямо свидетельствовал о вступлении Арсеньева в тайное общество, не были единственной уликой против этого офицера. Еще 15 января, в дополнительном показании В.К. Тизенгаузена, сделанном после первого допроса, содержались весьма двусмысленные сведения о его знакомстве с офицерами-гусарами летом 1824 г.: «В Белой Церкви бывали у меня, кроме моих офицеров, Ахтырского полка два брата Годениуса... Франк... Семичев, подполковник Арсеньев, но с которыми я никогда ни одного слова о конституции или тайном обществе не говорил. Хотя они все честных правил и, как мне кажется, не должны принадлежать к обществу... но я не могу ручаться, чтобы они после

того не поступили в общество, подобно артиллерийским офицерами в Лещине; впрочем, я ни от кого не слышал, чтобы они соблазнились»¹⁴⁴. Всплыло имя Арсеньева как участника тайного общества и позднее. В показаниях, датированных 10–11 апреля 1826 г., М.И. Муравьев-Апостол прямо свидетельствовал: «Ахтырского гусарского полка Арсеньев, Семичев и Франк были приняты в члены Южного общества в 1824 году в лагере в Белой Церкви Бестужевым и братом моим Сергеем...»; правда, Муравьев-Апостол добавлял: «Арсеньева и Франка я никогда не видел»¹⁴⁵. Следовательно, он слышал об их принятии в общество, очевидно, от брата Сергея и самого Бестужева-Рюмина. Таким образом, показание Муравьева о принадлежности Арсеньева к тайному обществу было подтверждено авторитетным голосом Матвея Муравьева-Апостола, хорошо информированного в делах Васильковской управы, возглавляемой его братом.

Важно обратить внимание и на другой факт: прочие офицеры Ахтырского полка, названные Муравьевым членами тайного общества, признали свою осведомленность о существовании тайного общества; принадлежность к членам общества названных Муравьевым Н.Н. Семичева и Е.Е. Пфейлицера-Франка была установлена на следствии. Еще одним важным обстоятельством является то, что оба этих офицера узнали о тайном обществе от Бестужева-Рюмина. Очевидно, именно он отвечал за прием офицеров-ахтырцев, а не полковой командир Муравьев. И Франк, и Семичев были извещены о существовании общества в 1824 г., а в 1825 г. формально приняты в Лещинском лагере¹⁴⁶. Путь, который они проделали в ряды членов тайного общества, имеет множество пересечений с той фрагментарной информацией об Арсеньеве, которая проявилась в показаниях подследственных о нем. Это та группа офицеров, которую С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин готовили к вступлению в тайное общество. В этом контексте ссылка А.З. Муравьева на Бестужева-Рюмина в вопросе о принятии в члены тайного общества Арсеньева приобретает особое значение.

Следует отметить, что товарищи Арсеньева по Ахтырскому полку, будучи важными свидетелями по его делу, не запрашивались о его принадлежности к тайному обществу. Только Франк 17 февраля показал, что ему не было известно, принимались ли Муравьевым в тайное общество Арсеньев, Семичев или другие офицеры полка. Сам Франк, действительно, был извещен о тайном обществе еще в 1824 г.,

а окончательно принят в 1825 г. С. Муравьевым-Апостолом. В ответ на особый повторный вопрос Комитета от 21 февраля — вовлек ли А.З. Муравьев в тайное общество других офицеров полка — Франк отвечал: «Подполковник Арсеньев принят ли был им (А.З. Муравьевым. — *П.И.*) или нет, мне неизвестно, но он мне говорил раз, что надеется со временем его уговорить». Однако Франк передал весьма характерный диалог, удостоверяющий причастность Арсеньева к конспиративным связям: после известия об аресте Пестеля Муравьев сообщил Франку, что «...все пропало и что Пестель уже взят, прибавив еще, что теперь надо нам как можно дружнее держаться, и что он надеется, что подполковник Арсеньев будет также согласен, на что он (Муравьев. — *П.И.*) от меня в ответ получил, что это его дело об этом хлопотать».¹⁴⁷

Комплекс следственных показаний об Арсеньеве, несмотря на его оправдание, содержит прямые свидетельства о принадлежности к тайному обществу, как и о том, что его рассматривали как единомышленника и кандидата, готового вступить в число членов. Показания его полкового командира Муравьева и М. Муравьева-Апостола, которых нельзя не признать авторитетными и осведомленными свидетелями, говорили о том, что Арсеньев состоял в числе членов общества. Несомненно, еще с 1824 г. он входил в круг офицеров-ахтырцев, охваченных влиянием руководителей Васильковской управы, которые с течением времени становились ее членами. Распространение тайного общества в этом полку происходило не благодаря усилиям Муравьева (принявшего полк только весной 1825 г.), а прежде всего через Бестужева-Рюмина, что делает наиболее убедительным предположение о том, что подготовка к приему и само принятие Арсеньева осуществлялись именно руководством управы. Данные следственных показаний ставят под сомнение отрицание Бестужева-Рюмина принадлежности Арсеньева к тайному обществу; очевидно, у него были причины скрыть участие Арсеньева в конспиративном союзе. Отдельно отметим слова Бестужева-Рюмина, переданные Муравьевым, что на Арсеньева «можно крепко надеяться», — они прямо говорят об Арсеньеве как единомышленнике членов тайного общества. Разговор Арсеньева с Муравьевым, состоявшийся 30 декабря 1825 г., источником которого послужили, согласно оправдательным показаниям Арсеньева, сведения, поступившие от участника заговора Андреевича, находился в прямой связи с известиями об открытии тайного обще-

ства правительством и аресте С. Муравьева-Апостола. Предложение подготовить эскадрон в этом случае, без сомнения, помещается в контекст обсуждавшегося плана военного восстания в случае обнаружения общества.

Таким образом, данные, полученные следствием, ставят под серьезное сомнение показания Арсеньева, избравшего для своей защиты позицию полного отрицания, последовательно выдержанную им во всех показаниях. Следует признать весьма успешной осуществленную Арсеньевым в целях оправдания интерпретацию важного уличающего показания Муравьева о смысле предложения подготовить свой эскадрон к «походу» — предложения, которое Арсеньев не стал отрицать. В целом, следствие по делу Арсеньева отмечено незавершенностью: не получили развития показания о членстве его в тайном обществе, не были опрошены офицеры Ахтырского полка и другие свидетели (в частности, Андреевич), не проводилась очная ставка с Муравьевым. Следствие, подойдя некритически к оправдательным показаниям Арсеньева, не придавало значения показаниям Муравьева и М. Муравьева-Апостола о принадлежности Арсеньева к тайному обществу. В вопросе о поступлении офицеров-ахтырцев в тайное общество следствие сосредоточилось на участии в этом полкового командира Муравьева, упустив из виду энергичную деятельность в данном направлении руководителей Васильковской управы. Полученные следствием прямые и косвенные свидетельства об участии Арсеньева в тайном обществе, обсуждении им замысла восстания, конкретные данные о предложении подготовить к выступлению эскадрон Ахтырского полка заставляют признать оправдательный вердикт следствия необоснованным. Эти свидетельства говорят о том, что подлинные отношения оправданного лица к декабристской конспирации укрылись от внимания следствия.

Поручик 6-й конно-артиллерийской роты **Фаддей Егорович Врангель** был назван членом Южного общества в показаниях нескольких лиц. На первом допросе, снятом Левашевым и заслушанном на заседании Комитета 17 января, М. Муравьев-Апостол перечислил среди известных ему офицеров-артиллеристов, состоявших в тайном обществе, А.Н. Фролова, М.И. Пыхачева, Д.А. Нашокина, Ф.Е. Врангеля, а также, с оговоркой «кажется», Глебова; помимо них, он назвал также Горбачевского и Андреевича¹⁴⁸. Источником этих сведений являлись сообщения Бестужева-Рюмина. Показание М. Муравьева-Апостола было сочтено достаточным для решения об аресте Врангеля и других

офицеров и привлечении их к следствию. Врангель был доставлен в Петербург 31 января и после предварительного допроса в тот же день заключен в Петропавловскую крепость¹⁴⁹.

27 января сведения об артиллерийских офицерах были запрошены у Бестужева-Рюмина, причем вновь названные лица были отнесены Комитетом к участникам Славянского общества. В своем ответе подследственный отмечал: «Пыхачев и Нащокин принадлежали к нашему обществу. Врангелю только что говорено было об обществе, и он *совершенно* принят не был. О Глеbove я никогда не слыхал»¹⁵⁰.

Запрос С. Муравьеву-Апостолу был сделан 31 января в составе обширных вопросных пунктов. В ответах от 6 февраля он фактически перекаладывал ответственность за прием артиллерийских офицеров на Бестужева-Рюмина. Тем не менее, о принадлежности Врангеля, Нащокина и других он показал вполне определенно: «Сношения между нашим и Славянским обществами были препоручены Бестужеву. Сам же я непосредственно с оным не сносился... Пыхачев, Нащокин и Врангель... (а о Глеbove в первый раз слышу) приняты были прежде Бестужевым, а в Лещине причислены к Славянам, они все служат в конной артиллерии 3-го корпуса». В эти же дни, в ответах на допросные пункты от 29 января, М. Муравьев-Апостол вновь подтвердил факт членства Врангеля: «Бестужев-Рюмин мне говорил, что он принял в Южное общество Пыхачева, Нащокина, Врангеля в 1823 году в лагере 3-го корпуса»¹⁵¹.

Таким образом, Бестужев-Рюмин признал, что Врангелю было сообщено о существовании тайного общества, но «совершенно» он принят не был. Иначе говоря, речь шла о первоначальной степени членства («несовершенном» приеме), начальной стадии процедуры. Со своей стороны, С. Муравьев-Апостол прямо говорил о вступлении всех названных офицеров в члены тайного общества, причем раскрывал длительный характер подготовки этих офицеров к вступлению в конспирацию.

На предварительном допросе у Левашева, а также на первом устном допросе в Комитете 23 февраля, Врангель полностью отверг свое участие в тайном обществе¹⁵². Он отрицал показания о своем вступлении в тайное общество и в ответах на вопросные пункты, направленные к нему после допроса 23 февраля. Спустя месяц, в повторных показаниях, зачитанных на заседании Комитета 23 марта, Врангель сообщал, что летом 1824 г., во время смотра войск у Белой Церкви,

он познакомился с С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым; дважды был у последнего по его приглашениям. В один из приездов Бестужев-Рюмин завел речь о правлении во Франции и Англии, необходимости введения представительного правления и конституции в России. Но Врангель, согласно его показанию, высказал противоположное мнение. Как свидетельствует карандашная помета на показаниях Врангеля, Комитет решил установить достоверно, кто принял Врангеля, а затем при необходимости дать ему очную ставку с обвинителями¹⁵³. В своих показаниях Врангель не отрицал факт знакомства с лидерами Васильковской управы и близкого общения с ними. При этом каждое такое утверждение он старался сопроводить различными оговорками, снижающими значение этих «признаний»: так, сообщая о своем знакомстве с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, Врангель одновременно замечает, что с ними «не был... близок», более того — избегал общения с последним, так как он производил «неприятное впечатление». Признавая, что не раз посещал обоих, он уверял, что ни о чем, кроме текущих служебных дел, разговоров с ними не имел. Признавая, что Бестужев-Рюмин сообщал о желательности для России конституции и представительного правления, Врангель одновременно свидетельствовал о своих возражениях на эти слова собеседника, настаивая на том, что имел «образ мыслей», противоположный настроениям лидеров тайного общества. Встретив такую интерпретацию «разговоров» с Врангелем в его оправдательных показаниях, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин в дальнейших показаниях о Врангеле предпочли ограничиться утверждением, что Врангель лишь приготовлялся к вступлению в тайное общество, но полноценным членом не был¹⁵⁴.

Тем временем В.И. Враницкий в ответах на вопросные пункты от 2 февраля дал показания, отрицающие принадлежность артиллерийских офицеров, — правда, тогда он отрицал и собственное членство. Но вскоре, признав его, Враницкий перечислил известных ему членов общества, среди которых назвал Врангеля, добавив, что видел его и Пыхачева на совещании в Лещине вместе с другими членами тайного общества — молодыми артиллерийскими офицерами. Враницкий, по его словам, наблюдал, как Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин «возмущали и запаливали умы разными средствами сим молодым безопытным артиллерийским офицерам»¹⁵⁵. Присутствие Врангеля на общем собрании в Лещинском лагере, наряду с другими офицерами-

артиллеристами, было обнаружено показаниями членов Славянского общества. Конкретно о Врангеле свидетельствовали П.И. Борисов, И.И. Горбачевский, В.А. Бечаснов, А.И. Тютчев, А.С. Пестов, Я.М. Андреевич, А.В. Веденяпин 1-й, И.М. Черноглазов, А.К. Берстель. Борисов передавал слова Бестужева-Рюмина, которые относились ко всем офицерам-артиллеристам, приехавшим на общее собрание членов Славянского и Южного обществ в Лещинском лагере: «Господа, это все члены». Однако, по словам Борисова, при Врангеле и других артиллеристах «ничего не было сказано об тайном обществе»; о членстве Врангеля, Пыхачева, Нащокина и других артиллеристов Борисов ничего более не знал: «Я никогда от них о сем не слышал, хотя, будучи в... Лещине, часто с ними видался»¹⁵⁶. Горбачевский также свидетельствовал, что видел Врангеля на совещании у Муравьева-Апостола в Лещине. 13 февраля он подтвердил участие Врангеля в этом собрании, но о его членстве ничего более не знал. При артиллерийских офицерах, по словам Горбачевского, И.С. Повало-Швейковский резко отзывался о командующем 1-й армией Ф.В. Остен-Сакене и корпусном командире Л.О. Роте. Наконец, 26 февраля Горбачевский показал, что видел у Бестужева-Рюмина Врангеля, Нащокина, Пыхачева. Бестужев говорил при них, что «вся конная артиллерия готова», не раз повторяя, что бывает у них часто, что «Пыхачев, Врангель и Нащокин согласны на все»; сам Горбачевский с этими офицерами не виделся. В показаниях от 12 февраля Бечаснов реконструировал содержание разговора, который велся на том собрании, где присутствовали офицеры артиллерии. Представляя их, Бестужев-Рюмин, по словам Бечаснова, сказал: «Господа, это наши члены». В дальнейшем в основном говорили он и Муравьев-Апостол: о необходимости «восстановить» Конституцию, об угнетениях, которые испытывают все, и офицеры в особенности, «охуджали» правительство, наконец, речь зашла об императоре Александре I, который был выставлен как главная причина общественного зла: «...слишком стыдно, чтобы 50 миллионов страдали от одного человека». Высказывалось мнение, что надо «истребить сие зло», что «скоро будем счастливы». А.З. Муравьев и В.К. Тизенгаузен отзывались так же плохо обо всей императорской фамилии. Говорили о «силе тайного общества» и его действиях, которые скоро начнутся. Впрочем, по свидетельству Бечаснова, Пыхачев, Нащокин и Врангель прибыли на это собрание позже основных участников, находились очень недолго, ушли с него до завершения и

слышали далеко не все. К тому же, большинство из присутствующих были заняты разговорами между собой: «говорили каждый между собой порознь». Наконец, Пыхачев и два других конноартиллерийских офицера (Врангель и Нашокин) «совершенно почти молчали». Тютчев подтверждал, что слышал от Бестужева-Рюмина о принятии Врангеля к тайному обществу, а Андреевич показал о присутствии Врангеля у Муравьева-Апостола, он считал Врангеля и Нашокина членами Южного общества¹⁵⁷. Веденяпин показал (в ответах на пункты от 10 февраля), что Врангель спрашивал у него о цели собрания у Муравьева-Апостола и в ответ на сообщенную цель заметил, что «надобно опасаться Бестужева, потому что он, конечно, будет скоро схвачен»¹⁵⁸. Берстель в ответах, датированных 9 февраля, показал, что он знал как членов тайного общества Пыхачева и Фролова. О Нашокине и Врангеле он «слышал впоследствии», что в лагере под Лещином им тоже было сделано предложение вступить в тайное общество и присутствовать на общих совещаниях, в силу чего они появились на собрании у Муравьева-Апостола, но, «услышав речь о Конституции, ушли»¹⁵⁹. Громнитский свидетельствовал о том, что фамилии Врангеля и Нашокина часто «неоднократно произносимы были» лидером Славянского общества П. Борисовым. Черноглазов, отрицавший свою формальную принадлежность к тайному обществу, в начале июня 1826 г. показал о слышанных от Пестова словах, что «конной бригады... Врангель, Нашокин, подпоручик Новицкий, Высочин принадлежат уже к членам. Того же дня я, бывши у Врангеля, спросил его о том... но он... уверял, что он никогда ни от кого и не слышал ни о каком обществе»¹⁶⁰.

Товарищи-сослуживцы Врангеля Нашокин и Пыхачев согласно свидетельствовали о нем как участнике тех же собраний, на которых присутствовали и они. Нашокин дважды показал, что он вместе с Врангелем был у Муравьева-Апостола в лагере под Лещином (первый допрос Левашева, ответ на вопросные пункты от 19 февраля), также вместе с Врангелем посетил Муравьева-Апостола еще раз в Белой Церкви, а затем они слышали на общем собрании от того же Муравьева-Апостола: «Мы все здесь члены»; правда, оба досрочно покинули это собрание. Нашокин при этом отрицал собственную принадлежность к тайному обществу. Пыхачев в показаниях от 7 марта утверждал, что Врангель, в отличие от него, вместе с Нашокиным оставался до конца собрания. Он встретил Врангеля после завершения

собрания, когда тот возвращался от Муравьева-Апостола. По словам Пыхачева, Врангель знал, что совещание в Лещине имело своим предметом обсуждение способа «действовать», иными словами — замысла военного выступления¹⁶¹.

В ходе следствия очные ставки Врангеля с его обвинителями так и не состоялись. К 20 апреля была подготовлена итоговая записка о Врангеле, которая зачитывалась на заседании Комитета, однако решение его участи последовало только месяц спустя. 28 мая, при завершении основной работы Комитета было решено представить императору о судьбе нескольких подследственных, которые «оказались совершенно непричастными к злоумышленным обществам». По итогам следствия Врангель был освобожден без всякого взыскания, как «непричастный к злоумышленным обществам», 2 июня — в тот же день, когда получили свободу А.С. Грибоедов, А.А. Плещеев 2-й, М.Ф. Голицын, а также признанные следствием членами тайного общества, но не подлежащими ответственности А.В. Семенов и М.Н. Муравьев¹⁶². Справка «Алфавита» Боровкова содержит краткое резюме показаний членов тайного общества, причем отражены лишь оправдывающие свидетельства: «при Врангеле насчет общества ничего не было говорено»; из числа обвинительных показаний приведено лишь свидетельство Бестужева-Рюмина о том, что Врангелю было только сообщено о существовании тайного общества, но он «совершенно принят не был»¹⁶³.

Отметим особо тот факт, что все артиллерийские офицеры, кроме Врангеля, были признаны следствием знающими о существовании тайного общества или его действительными членами (в случае А.Н. Фролова — несмотря на его полное отрицание обвиняющих показаний, длившееся в течение всего процесса) и получили административное наказание. Удалось оправдаться только одному Врангелю. Видимо, вследствие этого, в научной литературе утвердилось мнение о том, что Врангель не состоял членом тайного общества, хотя некоторые исследователи считали возможным включить его в число лиц, вошедших в состав Южного общества, наряду с другими артиллерийскими офицерами и офицерами гусарских полков 1-й армии¹⁶⁴.

Показания, полученные следствием, свидетельствуют о такой же степени причастности Врангеля к тайному обществу, что и Пыхачева и Нащокина — офицеров-артиллеристов, состоявших в тайном обществе. Из свидетельств непосредственных участников собраний в Ле-

щине с полной очевидностью следовало, что Врангель присутствовал на этих собраниях в качестве члена общества (артиллерийские офицеры были представлены как члены общества), что он не раз посещал Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, вел с ними политические разговоры, знал о тайном обществе и его политическом характере, понимал его опасность. Узнал он и о замысле военного выступления для достижения цели заговора. А показания руководящих членов Васильковской управы прямо говорили о состоявшемся приеме Врангеля в тайное общество, причем из них вытекало, что процедура приема была растянутой во времени: принятие Врангеля и других артиллерийских офицеров состоялось еще до лагеря в Лещине. Бестужев-Рюмин, подтверждая факт предложения о вступлении, сделанного Врангелю, свидетельствовал о «несовершенном» характере приема.

Однако следствие не обратило никакого внимания на целый ряд показаний, подтверждавших эти выводы, в том числе принадлежащих ближайшим товарищам Врангеля Пыхачеву и Нащокину. Главным фактором, оказавшим влияние на следствие, оказалось, по-видимому, поведение Врангеля на допросах и характер его оправдательных показаний. Завоевав доверие к своим словам откровенным признанием имевшихся контактов с руководителями тайного общества, он сумел своими показаниями убедить следователей, что являлся принципиальным противником цели декабристской конспирации и особенно планов ее реализации, несмотря на опасный характер разговоров, бывших у него с лидерами Васильковской управы. В этих условиях следователи сочли излишним даже проведение очных ставок Врангеля с его обвинителями.

О принадлежности к тайному обществу полковых командиров Низовского и Муромского пехотных полков **Федора Карловича Левенталя** и **Вильгельма Карловича Ширмана** следствию стало известно из показаний П.И. Пестеля, М. и С. Муравьевых-Апостолов. Они ссылались на сведения, полученные от Бестужева-Рюмина. Согласно этим показаниям, последний сообщил об осуществленном им приеме Ширмана и Левенталя в тайное общество во время поездки для приобретения новых членов в 7-ю пехотную дивизию, соседнюю с 9-й дивизией, к которой относился Черниговский пехотный полк. Первое показание М. Муравьева-Апостола от 22 января — после допроса у Левашева — содержало сведения о принятии Бестужевым-Рюминым

в тайное общество еще не названных лиц: «при проезде своем в 7 дивизию, где он принял двух членов — полковников Ширмана и Левенталья». Сведения эти относились к осени 1824 г., тогда Бестужев-Рюмин заехал в деревню, где жил М. Муравьев-Апостол — имение Хомулец Полтавской губернии. В ответах на вопросные пункты от 29 января Муравьев-Апостол повторил это утверждение еще раз, назвав Ширмана и Левенталья среди известных ему членов Южного общества¹⁶⁵. С. Муравьев-Апостол и Пестель ссылались на Бестужева-Рюмина, от которого исходила информация о приеме полковых командиров 7-й дивизии¹⁶⁶. Несколько показаний, полученных от осведомленных и руководящих участников тайного общества, предопределили особое внимание к Левенталю и Ширману со стороны следствия.

23 января на заседании Комитета после первых показаний Муравьева-Апостола было решено просить повеления «взять» двух новых членов Южного общества; резолюция императора «Привезти» санкционировала это решение, 26 января отдано приказание об аресте. Оба полковника были доставлены в Петербург и помещены на главную гауптвахту 9 февраля¹⁶⁷. На первом «предварительном» допросе у Левашева они категорически отвергли свое участие в тайном обществе или какую-либо степень осведомленности о существовании заговора. Ответы были зачитаны на заседании Комитета 9 февраля. Очевидно, к этому времени император был уже знаком с содержанием их ответов на предъявленные обвинения; он повелел, чтобы «немедленно были даны очные ставки сперва Ширману и Левенталю, а потом другим, с теми, кои их обвиняют, дабы скорее привести в известность их вины»¹⁶⁸.

Немедленно были допрошены основные свидетели. 10 февраля М. и С. Муравьевы-Апостолы показали, что считали обоих полковых командиров членами, так как Бестужев-Рюмин объявил о сделанном им приеме, однако отрицали наличие собственных связей с этими лицами. То же показал и Пестель. Бестужев-Рюмин отвечал в показаниях, что он посетил двух полковых командиров в марте 1825 г., во время поездки в 7-ю пехотную дивизию для «распространения общества». С Левенталем он говорил о порядках в армии, о «возмутительных поступках» корпусного командира; примерно тот же предмет разговора был и в случае с Ширманом. Бестужев-Рюмин имел намерение принять обоих в тайное общество, но «не решился» и отложил прием, надеясь осуществить его с помощью других членов при сборе

войск (очевидно, летом 1825 г., в лагере при Лещине), но этого также не случилось. На основании показания Бестужева-Рюмина Комитет уже 10 февраля признал обоих полковников невиновными, показания Бестужева-Рюмина были сочтены достаточными для оправдания, а поскольку других улик не было, то было решено, «отменяя очные ставки, в коих уже не настает никакой надобности, представить об освобождении их...» императору. Николай I повелел «выпустить» полковых командиров, 13 февраля Левенталь и Ширман были освобождены с аттестатами¹⁶⁹.

В справке «Алфавита» Боровкова включены данные о показаниях Пестеля и братьев Муравьевых-Апостолов о принадлежности Ширмана и Левенталья к тайному обществу, отсылающих к сообщению Бестужева-Рюмина. По мнению следователей, показания эти были полностью опровергнуты разъяснением Бестужева-Рюмина¹⁷⁰. Его показание на первый взгляд достаточно убедительно: разница в чинах, казалось бы, должна была исключить возможность близкого общения молодого подпоручика и зрелых, опытных полковников. Но отметим важный факт: как следует из показаний, с обоими полковыми командирами Бестужев-Рюмин был знаком раньше. Отношения его с С. Муравьевым-Апостолом, принадлежность к известной родовитой фамилии, то обстоятельство, что он являлся бывшим офицером гвардии, — все это в совокупности, несомненно, позволяло Бестужеву-Рюмину свободно контактировать с армейскими полковыми командирами и заводить с ними откровенные с политической стороны разговоры¹⁷¹. Бестужев-Рюмин утверждал, что намерен был принять обоих полковников, но не открылся им полностью, надеясь при удобном случае «склонить... к принятию участия в их предприятии». Очевидно, если он сделал предложение о вступлении в тайное общество, в рядах которого присутствуют «важные лица» (а это было одним из распространенных приемов при «склонении» кандидата), то мог привлечь заинтересованное внимание полковых командиров. Заметим, что в этом показании Бестужева-Рюмина прямо говорится только о том, что он надеялся «склонить» впоследствии обоих офицеров к участию в планируемом восстании, но нисколько не затрагивается вопрос о том, открывал ли он полковникам само существование и цели тайного общества. Очевидно, эту сторону вопроса Бестужев-Рюмин решил скрыть.

Почему выбор Бестужева-Рюмина пал именно на этих полковых

командиров? Очевидно, Левенталь и Ширман оказались готовыми воспринять сведения о существовании и политических задачах тайного общества, что являлось содержанием начального этапа принятия в декабристскую конспирацию. Именно по этой причине они стали рассматриваться внутри тайного общества в качестве членов. Уверенные показания лидеров тайного общества о принятии полковых командиров, со ссылкой на то, что Бестужев-Рюмин без всяких оговорок сообщил им о приеме двух полковников, заставляют усомниться в той версии, что была представлена в показаниях Бестужева-Рюмина. Рискованность вовлечения в следственный процесс большого числа полковых командиров 1-й армии состояла в значительном увеличении масштаба заговора, на первое место в этом случае выступали планы «военной революции», которые разрабатывались руководителями Васильковской управы на протяжении 1823–1825 гг. и которые опирались на поддержку командиров различных подразделений 3-го пехотного корпуса.

На следствии прозвучало имя еще одного полкового командира, связанного с кругом С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. В показаниях М. Муравьева-Апостола среди известных ему участников тайного общества был назван также командир Ревельского пехотного полка подполковник **Петр Антонович Криднер**. М. Муравьев-Апостол впервые назвал имя Криднера в показаниях, сделанных в ответ на первые вопросные пункты, где упоминались Ширман и Левенталь¹⁷². Он ссылался также на сообщение Бестужева-Рюмина. Это показание стало отправной точкой для опроса подследственных о степени участия Криднера в деятельности тайного общества. Показания отбирались 10–17 марта у основных участников Васильковской управы, ответы были отрицательные. Бестужев-Рюмин в отдельном показании отвечал, что действительно предложил Криднеру вступить в тайное общество, имеющее целью введение представительного правления, но получил отказ. Спрошенный через военное начальство Криднер отверг сам факт такого предложения со стороны Бестужева-Рюмина, при этом показание полковника давало основание для подозрения в политической окраске его контактов с членами тайного общества. Криднер заявил, что, заметив «нелепые» разговоры Бестужева, не обращал на них никакого внимания. Первоначально учрежденный за Криднером надзор вскоре был снят¹⁷³.

Еще один полковой командир 1-й армии, оказавшийся в поле зре-

ния следствия в связи с контактами с С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, — командир 16-го егерского полка **Михаил Андреевич Габбе**. Согласно письму М.М. Спиридова от 2 февраля, обращенному на имя императора, Бестужев-Рюмин поручил ему «непременно» принять в тайное общество полковника Габбе. Бестужев-Рюмин советовал «набирать сообщников» среди тех, кто имел «неудовольствия на правительство». Габбе казался ему весьма пригодным для этого: его брат был разжалован в солдаты. Спиридов, по его словам, не выполнил поручения Бестужева, хотя посетил место расположения полка Габбе в ноябре 1825 г.¹⁷⁴ Н.Ф. Лисовский в показаниях от 14 февраля открыл, что 3 января к нему и П.Ф. Громнитскому в расположение Пензенского пехотного полка приехал А.И. Борисов, который объявил: «Общество наше открыто правительством чрез донос полковника Габбе (кажется, командир 16 егерского полка), ругая притом Бестужева, что он его принял. Он (Габбе. — П.И.) хотел скрыться, но Андреевич поехал догонять его... с намерением лишить его жизни...»¹⁷⁵. Еще раньше, в ответах на вопросные пункты от 9 февраля, об этом же свидетельствовал А.И. Тютчев: он показал, что данную информацию А. Борисов получил от И.И. Горбачевского. Спрошенный по этому вопросу лишь 9 мая, Андреевич показал, что цель его поездки была уведомить Муравьева-Апостола о том, что его разыскивают власти. Приехав в Васильков, на квартире Муравьева увидел офицеров Черниговского полка — членов Славянского общества. Они сказали Андреевичу, что «полковника Габбе надобно умертвить, дабы он не взял Муравьева». Андреевич признавал, что «может быть, в рассеянности... и объявил им на то мое согласие», но намерения убить Габбе не имел¹⁷⁶. В связи с показаниями Спиридова, Лисовского и Тютчева о Габбе запрашивали других полковых командиров, входивших в Васильковскую управу: И.С. Повало-Швейковского, В.К. Тизенгаузена, а также Бестужева-Рюмина и С. Муравьева-Апостола (29 марта). Все они отрицали участие Габбе в тайном обществе¹⁷⁷. Вместе с тем, М. Муравьев-Апостол показал о принятии Габбе в Союз благоденствия М.А. Фонвизиним, но последний отрицал знакомство с Габбе. В данном случае велика вероятность того, что автор показания перепутал по созвучию фамилий Габбе с П.Х. Граббе, действительно принятым Фонвизиним. Следствие, приняв к сведению полученные показания, а также отрицание участия Габбе в тайном обществе со стороны С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и других «главных

членов», оставило его без внимания¹⁷⁸. Однако, согласно мемуарам Горбачевского, Габбе был прямо назван среди членов Южного общества, объявленных Бестужевым-Рюминым собравшимся на объединительном совещании в Лещинском лагере¹⁷⁹. Неожиданные данные открывают источники, современные событиям. Согласно донесению полковника Чеботарева генерал-лейтенанту Гогелю от 27 января 1826 г., сохранившемуся в бумагах последнего, обнаруживается близость Габбе к С. Муравьеву-Апостолу. Чеботарев вскоре после разгрома выступления Черниговского полка лично встречался с Габбе, говорил с ним и, как выяснилось из разговора, Габбе был «знаком с Сергеем Муравьевым-Апостолом, приезжал в Лещин к нему и слышал разговоры против правительства»¹⁸⁰. Как видим, среди членов тайного общества была распространена информация о приеме Габбе, мемуарные источники подтверждают участие полковника в декабристском обществе. Современный событиям документ — донесение Чеботарева — обнаруживает непосредственные контакты Габбе с лидерами мятежа во время Лещинского лагеря. Все эти данные заставляют усомниться в показаниях «главных членов», категорически отрицавших участие Габбе в делах тайного общества.

Полковые командиры представляли в глазах руководителей декабристской конспирации единственную серьезную опору военного мятежа, за каждым из них стояла реальная сила — воинское подразделение, готовое последовать по приказу командира в любом направлении¹⁸¹. Поэтому привлечение их в тайное общество было необходимым компонентом деятельности по расширению влияния и подготовки планируемого в перспективе выступления. В особенности эта сторона конспиративной активности выходила на первый план для руководителей Васильковской управы, лелеявших планы испанского сценария «военной революции». Обнаружение на следствии всех офицеров в высоких чинах, которые оказались в поле влияния тайного общества или были формально приняты в ряды членов, открывало возможность вскрытия наиболее опасных элементов плана «военной революции», расширяло круг обвиняемых и, безусловно, отягощало «вину» подследственных¹⁸².

В числе оправданных следствием лиц, которые уличались прямыми показаниями о принадлежности к тайному обществу, были офицеры, связанные с конкретными эпизодами выступления Черниговского полка. Подпоручик 17-го егерского полка **Дмитрий Александро-**

вич Молчанов подозревался не только в принадлежности к тайному обществу, но и в причастности к выступлению черниговцев.

Непосредственный участник событий, прапорщик Черниговского полка А.Е. Мозалевский, на допросе у дежурного генерала 1-й армии К.Ф. Ольдекопа 9 января 1826 г. показал, что 30 декабря, на второй день восстания, в Васильков приезжали офицеры 17-го егерского полка А.Ф. Вадковский и Молчанов, которых он видел лично; эти два офицера находились вместе с С. Муравьевым-Апостолом у полковой гауптвахты, при этом последний говорил солдатам: «вот и 17 егерский полк готов и с нами же пойдет в поход». Полученные сведения стали исходным пунктом для допросов руководителей восстания. На допросе 9 января, снятом в штабе 1-й армии, Бестужев-Рюмин заверял, что другого офицера 17-го егерского полка, кроме Вадковского, он не видел. На снятом 10 и 11 января допросе в штабе 1-й армии С. Муравьев-Апостол тоже отрицал присутствие Молчанова в Василькове, утверждая, что этого офицера он к себе не приглашал, а «приезжал в Васильков подпоручик Вадковский без Молчанова». Письмо к Вадковскому С. Муравьев-Апостол отправил из села Трилеса при самом начале мятежа, 29 декабря¹⁸³. Стоит отметить в этой связи, что согласно позднему источнику, воспоминаниям И.И. Горбачевского, С. Муравьев-Апостол обращался с запиской к двум офицерам 17-го егерского полка — Вадковскому и Молчанову; источником данных мемуариста могли послужить как тот же Мозалевский, так и другие бывшие офицеры-черниговцы, отбывавшие наказание в Петровском заводе¹⁸⁴.

Из этих показаний вытекало, что руководитель мятежа письменно вызывал к себе офицера 17-го егерского полка (согласно его утверждению, сделанному при допросах — одного Вадковского): появление офицера (офицеров?) в Василькове становится одним из элементов организационной деятельности инициаторов выступления. Таким образом, показания Мозалевского в отношении Молчанова вошли в противоречие с показаниями лидеров мятежа, но очная ставка между ними не проводилась. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин были спешно отправлены в Петербург¹⁸⁵.

Тогда же решалась судьба и Дмитрия Молчанова. Арестованный сразу же после возвращения от мятежников 30 декабря, А. Вадковский был впервые допрошен 12 января в присутствии корпусного командира Л.О. Рота. Вадковский утверждал, что подпоручика Молчанова

в Василькове не было; других членов тайного общества, кроме него самого, в 17-м егерском полку не имелось. Но 16 января на допросе у Ольдекопа Вадковский признал, что говорил Молчанову о своей поездке к Муравьеву «по записке, писанной ко мне... Муравьевым-Апостолом о том, что наше общество открыто, которую записку я тут же и прочитал ему (Молчанову. — П.И.)... но так как Молчанов был уже известен о существовании одного общества, то и не расспрашивал меня об оном». Вадковский свидетельствовал, что «известность» Молчанова о тайном обществе считал достоверной: Муравьев-Апостол «...назад тому с год, говорил мне, что он узнал о известности Молчанова о существовании тайного общества, почему и спрашивал меня, не я ли сказал о том Молчанову, но когда я отвечал, что я Молчанову ничего не говорил, тогда Муравьев просил меня, чтоб я был поосторожнее...». Вадковский отрицал факт совместной поездки с Молчановым в Васильков, как и свое участие в приеме Молчанова в тайное общество¹⁸⁶.

В эти же дни, по всей видимости, состоялся и первый допрос Молчанова, который был арестован 31 декабря, а затем вместе с Вадковским «взят» в главную квартиру 1-й армии. Особое подозрение вызвал тот факт, что оба офицера раньше служили в расформированном Семеновском полку¹⁸⁷. Первоначально ситуация вокруг Молчанова не отличалась от положения других арестованных в связи с открытием тайного общества в 1-й армии и событиями мятежа черниговцев. Так, 12 января датировано отношение начальника Главного штаба И.И. Дибича к командующему 1-й армией Ф.В. Остен-Сакену, в котором содержалось требование «взять и прислать в Санкт-Петербург» Молчанова, как подозреваемого в соучастии в мятеже¹⁸⁸. Но уже 19 января корпусной командир Рот сообщал Остен-Сакену, что Молчанов отрицает свое участие в выступлении черниговцев, арестованные же мятежники отрицают его причастность к событиям. Рот предлагал начать особое расследование по этому вопросу. Согласно рапорту начальника штаба 1-й армии К.Ф. Толя Дибичу от 25 января, Молчанов не сознался в принадлежности к тайному обществу, а Вадковский не изобличил его в этом. Но, как считал Толь, «невзирая на то, он имеет быть отправлен в Санкт-Петербург тотчас, как скоро будет сделано окончательное исследование, не был ли он у Муравьева во время мятежа, ибо он сознался, что знал об отъезде Вадковского к мятежникам»¹⁸⁹. Вскоре, однако, позиция военного начальства 1-й армии изменилась: верх

взяло мнение Рота. По докладу следственной комиссии 1-й армии Ф.В. Остен-Сакен счел возможным оставить Молчанова под арестом при штабе армии в Могилеве, как причастного к событиям в Черниговском полку, а его отправка в Петербург была отменена.

В ходе петербургского следствия прозвучали важные показания о принадлежности Молчанова к числу членов тайного общества. О надеждах руководителей мятежа на 17-й егерский полк свидетельствовал очевидец и участник событий М. Муравьев-Апостол в ответах на вопросные пункты от 29 января. Он показал, что «брат надеялс[я], что он (17-й егерский полк. — *П.И.*) к нему пристанет, потому что в нем были два члена Южного общества Молчанов и Александр Вадковский... брат имел намерения соединиться с 8-ю дивизией». М. Муравьев-Апостол вместе с тем утверждал, что в Васильков приезжал один Вадковский, который «обещал приготовить 17 егерский полк», а затем уехал на полковую квартиру в Белую Церковь¹⁹⁰. Таким образом, на первом своем допросе М. Муравьев-Апостол назвал Молчанова среди известных ему участников тайного общества. Впоследствии он сделал дополнительное показание: Молчанова считал он членом еще и потому, что тот подал в отставку в 1824 г. вследствие неприятностей с корпусным командиром Ротом, при этом Молчанов тайно сообщил С. Муравьеву-Апостолу о своем намерении убить Рота за нанесенное оскорбление. Данное обстоятельство было подтверждено в показаниях С. Муравьева-Апостола от 16 апреля 1826 г.¹⁹¹ 3 мая эти данные были сообщены Дибичу, который переслал их руководству 1-й армии для сведения комиссии в Могилеве. Молчанов на допросе признал свой конфликт с Ротом, но отказался признаться в намерении покуиться на его жизнь¹⁹².

Наиболее тесно связанный с Молчановым подследственный, А. Вадковский, отвечая на допросные пункты от 5 февраля, продолжал держаться прежних показаний, данных в Могилеве: «В 17-м егерском полку никто даже не знал о существовании тайного общества, исключая Молчанова...», но вместе с тем отрицал его формальное членство в тайном обществе. На вопрос, почему он решил показать Молчанову записку С. Муравьева-Апостола, в которой говорилось о тайном обществе и его открытии правительством, Вадковский отвечал: «Живучи с лишком пять лет с Молчановым, мудрено мне было скрыть от него, что я получил записку от Муравьева... Я ему говорил, что я членом общества, но не открывал ему никогда цели

оного... До сей поры знает он только, что есть какое-то общество, но ни цель, ни в чем оно состоит, ему неизвестно. Насчет того, что он не состоял в обществе, я готов присягнуть»¹⁹³. Другие руководящие участники Васильковской управы либо ничего не знали о Молчанове, либо отрицали его формальное членство в тайном обществе¹⁹⁴.

17 марта на заседании Комитета решался вопрос о привлечении Молчанова к петербургскому следствию. Было заслушано отношение начальника Главного штаба Дибича на имя председателя Комитета Татищева, к которому присоединялось отношение главнокомандующего 1-й армией от 5 марта 1826 г. В нем содержался запрос: может ли быть представлен решению военно-судной комиссии при штабе 1-й армии Молчанов, который оказался «виновным в том только, что знал об отъезде... Вадковского к мятежникам Черниговского пехотного полка, о чем он начальству не донес». Комитет положил, что Молчанов к делу о тайном обществе не причастен, и его участь можно передать в ведение комиссии в Могилеве. Решение Комитета было согласовано заранее, о чем говорит помета В.Ф. Адлерберга: «Уведомить, что можно предоставить суду тамошнему, ибо к делу, Комитету производимому, не причастен». 17 марта председатель Комитета Татищев адресовался Дибичу, сообщая, что Молчанов «по изысканию... к тайному обществу не причастен», поэтому его следует предать военному суду для расследования его причастности к мятежу Черниговского полка¹⁹⁵.

Несмотря на то, что расследование и в Петербурге, и в Могилеве не выявило достоверных данных об участии Молчанова в мятеже Черниговского полка, Молчанов был предан военному суду по делу восстания на юге. Во всеподданнейшем докладе от 10 июля 1826 г. по результатам следствия Молчанову отводился особый раздел. Показания Мозалевского о том, что он «видел... 17 егерского полка подпоручиков Вадковского и Молчанова, кои были у гауптвахты в Василькове», судебная комиссия признала недоказанными. Для их проверки были опрошены еще в начале расследования Вадковский и Молчанов, которые отвергли это показание. Молчанов «при всех убеждениях суда» не сознался в своей поездке в Васильков во время мятежа. Из его показаний следовало, что в рождественские дни 1825 г. он жил уединенно в месте расположения роты, в которой служил, но несколько раз ходил на охоту, отлучаясь от места своего проживания; к Муравьеву-Апостолу не ездил и никаких связей с ним не имел, как и с Бестужевым-Рюминым. Молчанов признал факт знакомства с пись-

мом Муравьева-Апостола к Вадковскому, но отрицал свою осведомленность о политическом характере тайного общества, его цели и конкретных планах восстания; более того, как уверял Молчанов, до 30 декабря он не знал, что Вадковский и Муравьев-Апостол принадлежали к тайному обществу¹⁹⁶.

На очной ставке с А.Е. Мозалевским Молчанов настаивал на том, что не приезжал в Васильков. Мозалевский же в целом подтвердил свое показание, заявив, что видел двух офицеров егерского полка в Василькове, «с коими Муравьев, разговаривая, называл Вадковским и Молчановым, но сам он, Мозалевский, в лицо их тогда не заметил; почему и не признает Молчанова за одного из тех бывших в Василькове офицеров». Опрос слуг Молчанова и хозяина дома, в котором он жил в декабре 1825 г., а также нижних чинов и офицеров 17-го егерского и Черниговского полков дал следующие результаты. Хозяин дома в селении Трушки, где жил Молчанов, показал, что последний по возвращении из Белой Церкви «...опять куда-то ездил и возвратился на ночь с борзою своею собакою и в третий раз ездил на охоту». Также стало известно, что Молчанов «неизвестно куда» ездил 28 декабря, для чего взял сани и своего слугу, но в тот же день возвратился. Один из нижних чинов подтвердил, что Вадковский ездил 30 декабря один, без Молчанова, то же показал унтер-офицер Черниговского полка¹⁹⁷.

Поскольку петербургский Комитет признал привлечение Молчанова к ответственности по проводимому им расследованию излишним, главнокомандующий 1-й армией Остен-Сакен предал Молчанова военному суду по делу мятежа Черниговского полка «за обнаруженное преступление». Он подозревался в соучастии в мятеже. Над Молчановым нависла угроза обвинения в том, что он не донес о ставшей ему известной тайне существования заговора с антиправительственной целью. В суде Молчанов вновь подтвердил, что он в тайном обществе не состоял, не знал о его существовании и в мятеже не участвовал. Свои отношения с Вадковским он объяснял родственной связью. Она же, по его уверению, способствовала тому, что Вадковский не говорил ему ничего о тайном обществе, и только 30 декабря сообщил о записке Муравьева-Апостола. Зная о подписке, отобранной правительством в 1822 г., Молчанов счел тайное общество противозаконным, но не донес¹⁹⁸. В связи с тем, что он узнал о цели тайного общества, Молчанов вынужден был пояснить, что «хотя и

находил ее противозаконной, но по убеждению Вадковского, чтобы сие держать в секрете, и по близкому с ним родству, решился о том молчать». Кроме того, он узнал о тайном обществе тогда, когда оно уже было открыто правительством, как следовало из зачитанной ему записки¹⁹⁹.

По рассмотрении обстоятельств судная комиссия признала обвиняющие Молчанова показания недостоверными. Доказанным считалось только то, что Молчанов не был в Василькове и не участвовал в планах заговорщиков. Хотя следствие выявило тот факт, что он знал о тайном обществе, судом было принято во внимание, что он получил сведения о нем уже после открытия общества и счел его противозаконным. Следствие не выявило доказательств его участия в мятеже. Поэтому было предложено освободить его как невинного из-под ареста. Признавалось, что за недонесение начальству о записке С. Муравьева-Апостола Молчанову следовало назначить наказание, но судная комиссия сочла возможным вменить в качестве последнего «долговременный арест», под которым Молчанов находился с начала следствия. Окончательно решение о Молчанове передавалось на усмотрение императора. По мнению Остен-Сакена, Молчанов, подозревавшийся в «соучастии», оказался неприкосновенным к мятежу и заговору. За недонесение о записке главнокомандующий счел необходимым назначить Молчанову наказание: «сверх нынешнего содержания под арестом выдержать еще в Бобруйской крепости два месяца на гауптвахте»²⁰⁰. В итоге суд счел, что по его делу нет никаких доказательств виновности в знании о тайном обществе и участии в мятеже. Поэтому в результате конфирмации военного суда по делу восстания Черниговского полка он был оправдан и освобожден (12 июля 1826 г.)²⁰¹.

В справке о Молчанове в «Алфавите» Боровкова зафиксирована только информация о знании им факта поездки А. Вадковского, а также о его желании покуситься на жизнь Рота²⁰². Помимо этого, в распоряжении следствия имелись и другие уличающие Молчанова показания. Так, Вадковский настаивал на том, что перед своим отъездом в Васильков утром 30 декабря он сообщил Молчанову о записке Муравьева-Апостола, познакомил с содержанием этой записки («их тайное общество открыто»), объявил ему о своем намерении ехать в Васильков. Тем самым Вадковский фактически признавал осведомленность Молчанова о существовании тайного общества — именно этим он объяснял свое намерение ознакомить Молчанова с запиской

Муравьева-Апостола, а также отсутствие пояснений по содержанию этой записки. Тот факт, что Молчанов знал о заговоре, Вадковский основывал на своем разговоре с Муравьевым-Апостолом. В ходе этого разговора Муравьев-Апостол, получивший сведения о том, что Молчанов узнал о тайном обществе, спрашивал Вадковского, не он ли принял Молчанова, и просил быть осторожнее. Вадковский утверждал, что сам он якобы никогда с Молчановым о тайном обществе не говорил.

Таким образом, петербургское следствие не обратило внимания не только на показание М. Муравьева-Апостола о принадлежности Молчанова к Южному обществу, но и на свидетельство Вадковского о словах С. Муравьева-Апостола, из которых следовало, что Молчанову стало известно о существовании тайного общества задолго до конца 1825 г. Следствие в Белой Церкви также располагало показаниями о членстве Молчанова в тайном обществе, сделанными разжалованным из офицеров рядовым Черниговского полка Д. Грохольским — человеком, близким к С. Муравьеву-Апостолу и введенным в курс дел заговора офицерами Черниговского полка. 8 апреля Грохольский показал, что среди известных ему участников тайного общества находились офицеры 17-го егерского полка Вадковский и Молчанов (остальные названные им члены тайных обществ в своем большинстве были признаны на следствии участниками декабристской конспирации)²⁰³. Показания Грохольского не были учтены в ходе расследования при штабе 1-й армии.

К этому следует прибавить другие немаловажные обстоятельства. Вадковский и Молчанов (так же как Бестужев-Рюмин и С. Муравьев-Апостол) являлись бывшими офицерами Семеновского полка, раскассированными после известного «возмущения» по полкам 1-й армии; первоначально они служили в одном полку — Кременчугском пехотном; в том же полку ротным командиром в это время был И.П. Жуков, который вскоре вступил в Южное общество. Наконец, Молчанов был родственником членов тайного общества братьев Вадковских²⁰⁴. Васильковская управа в процессе расширения своих рядов в значительной степени опиралась на бывших офицеров Семеновского полка, в среде которых явным образом зрело недовольство.

Итак, на следствии в Петербурге и Могилеве прозвучали показания о принадлежности Молчанова к тайному обществу, не ставшие предметом расследования. Откровенное обсуждение содержания записки

С. Муравьева-Апостола, адресованной Вадковскому, в полной мере демонстрирует факт осведомленности Молчанова о существовании тайного общества еще до начала восстания черниговцев. Взятые в своей совокупности, показания авторитетных свидетелей заставляют усомниться в правдивости полного отрицания участия в декабристском обществе Молчанова со стороны бывших его товарищей по Семеновскому полку С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и его родственника Вадковского. Кроме того, не могут быть сброшены со счетов настойчивые утверждения очевидца событий Мозалевского о прибытии в Васильков двух офицеров 17-го егерского полка, хотя они и были сочтены недоказанными²⁰⁵. В любом случае, Молчанов, несомненно, пользовался особой доверенностью участников тайного общества и, по всему вероятию, входил в разряд «полупринятых» членов.

Еще одним бывшим «семеновцем», служившим после перевода в армию в Кременчугском полку и оказавшимся в сфере внимания руководителей Южного общества, был юнкер Кременчугского пехотного полка **Лев Сенявин**²⁰⁶. А.В. Поджио в ответах на первые присланные допросные пункты от 17 января писал: «Слышал от Бестужева, что он некоторых принял в гусарах и артиллерии. Говорил мне о каком-то Синявине...»²⁰⁷. И.В. Поджио в показаниях от 4 февраля свидетельствовал, что в апреле 1824 г. Бестужев-Рюмин предлагал ему принять участие в покушении на императора на смотре войск 1-й армии. В ходе разговора он сообщил, что шестеро кандидатов уже записаны в особый список, и назвал из них трех: В.С. Норова, И.П. Жукова и Сенявина. И. Поджио лично никого из них не знал, кроме последнего, которого видел при прохождении Кременчугского полка. Членство этих лиц в тайном обществе автор показания удостоверить не мог. Сведения, полученные от братьев Поджио, повлекли за собой серию допросов. Так, данные И. Поджио 16 февраля были предъявлены в вопросных пунктах Бестужеву-Рюмину. В своем ответе он фактически подтвердил их, одновременно отрицая формальную принадлежность Сенявина к тайному обществу: кроме разжалованных из офицеров в солдаты, в случае ареста или покушения на императора «целили мы на Жукова, Сенявина (сей последний никогда обществу не принадлежал) и на Кузмина... Никому из вышеупомянутых предложения сделано не было», ввиду рискованности преждевременного оповещения. В показаниях от 6 марта он еще раз подтвердил эту информацию²⁰⁸.

В ответах на отдельный запрос следствия о членстве Сенявина Бестужев-Рюмин клятвенно заверял, что это лицо не являлось членом тайного общества; если же откроется «противное», то «он готов за оное отвечать». Это заверение Бестужева-Рюмина, видимо, оказало свое воздействие на Комитет, и больше разысканий о Сенявине не проводили. В справке «Алфавита» Боровкова утверждалось, что других показаний о причастности Сенявина к тайному обществу не было²⁰⁹. Почти одновременно, 15 февраля, о принадлежности к тайному обществу Льва Сенявина был спрошен И.П. Жуков, контакт которого с Сенявиным был выявлен при изучении найденных у Жукова бумаг. Последний отвечал, что Сенявин служил в роте, которой он командовал; они жили на одной квартире и стали приятелями; об участии его в тайном обществе Жуков не знал²¹⁰. Комитет «оставил без внимания» свидетельства о членстве Сенявина, полагаясь, видимо, на «честное слово» Бестужева-Рюмина. Но имеющиеся показания скорее говорят о другом. Прежде всего, кандидаты на участие в главном акте мятежа, названные Бестужевым-Рюминым, на протяжении 1824–1825 гг. так или иначе оказались в рядах членов тайного общества. Сам факт расчетов на Сенявина в случае начала открытых действий не требует комментария: он удостоверяет близость его умонастроений «образу мыслей» заговорщиков. Но А. Поджио в своем показании прямо сообщал о членстве Сенявина, ссылаясь на свой разговор с Бестужевым-Рюминым именно о принятии в члены тайного общества Сенявина, фамилию которого Поджио хорошо запомнил. Бестужев-Рюмин подтвердил, что на Сенявина рассчитывали в случае начала переворота, — правда, он уверял, что сам Сенявин не знал об этом²¹¹. Наконец, близкие связи Сенявина с бывшими полковыми товарищами-семеновцами, с Жуковым, Молчановым, Вадковским и другими участниками декабристского общества заставляют усомниться в «честном слове», данном на следствии Бестужевым-Рюминым, и предположить участие Сенявина в декабристской конспирации²¹².

Сходная ситуация возникла на следствии в случае офицеров Ахтырского и принца Оранского гусарских полков, на которых Бестужев-Рюмин тоже рассчитывал при проведении задуманного ареста императора или покушения на него. Это корнет **Л.Е. Годениус**, отличавшийся, по словам Бестужева-Рюмина, «решительностью», корнет **А.П. Рославлев** и юнкер **Н.Ф. Лосев**. Однако Бестужев-Рюмин, как и другие «главные члены» Васильковской управы, отвергал организаци-

онную связь этих офицеров с тайным обществом, заявляя, что все они не были даже извещены о существовании конспиративной организации²¹³. Эти утверждения содержат в себе некоторое противоречие: как можно было уверенно рассчитывать на содействие офицеров в таком решающем акте, как арест или покушение на императора, если они совсем не были причастны к тайному обществу? Подозрения, возникшие в ходе следствия в отношении трех офицеров, были преодолены отсутствием других обвиняющих показаний. После опроса «главных членов» Южного общества о Годениусе, Лосеве и Рославлеве Комитет пришел к выводу об их непричастности к декабристскому обществу, однако все они были взяты под надзор.

Между тем выяснить «образ мысли» каждого офицера можно было только в результате продолжительного тесного общения руководителей управы с офицерами, в ходе которого могли быть установлены их склонность к политическому «вольномудству», сочувствие важнейшим принципам, делавшие этих офицеров единомышленниками конспираторов, наконец, «решительность», о которой свидетельствовал Бестужев-Рюмин, готовность принять участие в политическом перевороте. В показаниях содержатся некоторые обстоятельства, позволяющие предположить причастность офицеров к числу членов Васильковской управы. Так, в отношении А.П. Рославлева было установлено, что он постоянно вращался в кругу тех офицеров-однополчан, кто состоял в тайном обществе (И.П. Жуков, П.С. Веселовский), присутствовал на встречах с участием Бестужева-Рюмина, на которых последний распространял свои мнения, убеждал офицеров в том образе мысли, который разделялся членами тайных обществ (это выяснилось из показаний товарища Рославлева по полку, М.Н. Паскевича). Корнет Годениус посещал видных участников тайного общества Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Враницкого еще в 1824 г., вместе с вступившими в тайное общество позднее товарищами по полку Семичевым и Франком, а также подозревавшимся в этом же Арсеньевым²¹⁴. Нет сомнения, что три офицера, на которых рассчитывали руководители тайного общества в случае начала решительных действий, входили в ближайшее окружение декабристского общества, и если не принадлежали к нему формально, то во всяком случае рассматривались как подготовленные к вступлению кандидаты.

Любопытный пример столкновения разноречивых показаний представляет расследование принадлежности к тайному обществу генерал-

майора **Каменского**. В ответах на вопросные пункты от 10 апреля 1826 г. М. Муравьев-Апостол показал, что в 1824 г. Ф.Ф. Вадковский, находясь в отпуске, принял в тайное общество своего младшего брата Александра Вадковского и генерал-майора Каменского, который находился под судом в Туле. Следствие сразу обратило внимание на это показание, признаком чего является знак «NB», поставленный в документе напротив фамилии Каменского, и 22 апреля Комитет запросил Ф. Вадковского: действительно ли он принял в тайное общество Каменского и какое участие принимал генерал?²¹⁵ При этом в вопросных пунктах в сведения, взятые из первоначального показания, были внесены неточности, искажившие его смысл. Так, в запросе утверждалось, что письмо, отправленное Ф. Вадковским на юг через Повало-Швейковского, было адресовано именно принятому в общество генералу Каменскому, тогда как Муравьев-Апостол показал, что это письмо было адресовано младшему брату Вадковского, Александру. Ответ Ф. Вадковского 24 апреля был однозначен: «Что касается... до генерал-майора Каменского, вероятно, Муравьев забыл, что когда я был в Туле, то есть до перехода моего в Южное общество, я не только не имел права никого принимать в члены Союза, но даже о делах общества ничего не знал, кроме существования оно и моего к нему причисления. Говорил я точно Муравьеву, что если бы я имел право принимать, я успел бы может быть присообщить к Союзу генерала Каменского, которым я был весьма обласкан в Туле... С Швейковским действительно познакомился через Муравьева... просил доставить письмо к брату Александру... но не к генералу Каменскому, с коим вся моя связь ограничилась несколькими посещениями, сделанными мной ему, когда я был в Туле, и то всегда при свидетелях, ибо вследствие своего суда он был под надзором»²¹⁶. 28 апреля, по разноречию в показаниях, была дана очная ставка Муравьеву-Апостолу и Вадковскому. На очной ставке Муравьев-Апостол настаивал на своем варианте той информации, которую сообщил ему Вадковский о приеме Каменского. Согласно записи, сделанной по итогам очной ставки, Вадковский признал справедливость показаний Муравьева-Апостола, «не допуская до очной ставки». Но в этот же день Вадковский написал дополнительное показание, в котором, признавая, что принял брата во время отпуска, несмотря на неправомочность такого приема, по вопросу о Каменском утверждал: «Что касается до генерала Каменского, я клянусь, что никогда его не принимал: вышеупомянутыми

средствами я мог увлечь только брата и ребенка, но не человека зрелых лет и образованного ума!»²¹⁷

При анализе показаний нужно иметь в виду, что, вопреки запрету принимать в члены, о котором сообщалось в показаниях, Вадковский тем не менее принял своего брата в тайное общество. Признание Вадковским своей готовности завербовать генерала Каменского тоже весьма симптоматично: для этого требовалось узнать «образ мыслей» генерала и признать возможным его присоединение к политической конспирации. Эти соображения создают основание для предположения о том, что мог состояться и прием генерала Каменского. Уверенное показание М. Муравьева-Апостола, колебания Вадковского и его непоследовательная позиция в этом вопросе ставят под сомнение достоверность отрицания факта принятия генерала Каменского.

Еще один любопытный случай представляет расследование причастности к тайному обществу генерал-майора **Михаила Александровича Менгдена**. В показаниях С.Г. Волконского, датированных 1 февраля 1826 г., говорилось: «В числе сочленов тайного общества, к которому я принадлежал, сообщено мне было словесно Пестелем, что находились полковник Леман и Канчиялов... и генерал-майор фон Менгден, [принятый] в 1822 г.», но лично автор показания с ними не встречался. Спрошенный немедленно в связи с показанием Волконского 2 февраля Пестель отвечал: «...Я говорил князю Волконскому, что при моих разговорах с генералом фон Менгденом я его считаю способным к обществу принадлежать и что по образу его мыслей можно его за члена почитать; но о точной принадлежности к тайному обществу удостовериться не могу»²¹⁸. Следствие после этого сделало вывод о непринадлежности Менгдена к тайному обществу и утратило к нему интерес.

Показание Пестеля поражает общим характером и противоречивостью формулировок «причастности» Менгдена. Генерал признается «способным» принадлежать к обществу на правах единомышленника, его «можно за члена почитать» (значит, его считали членом?), но руководитель Южного общества отказывался подтвердить его формальное («точное») членство. При этом Пестель не называл свидетелей — тех, кто был непосредственно связан с Менгденом. В то же время Волконский, со слов Пестеля, безоговорочно утверждал формальную принадлежность генерала к Южному обществу. Трудно однозначно интерпретировать данную ситуацию: возможно, имела место ошибка памяти со стороны Волконского, однако гораздо более

вероятно, что Пестель осторожно «ослаблял» значение показания Волконского, стремился представить участие Менгдена в конспиративном союзе в максимально «щадящих» тонах, выгородить своего товарища. Оба показанных Волконским, помимо Менгдена, лица: П.М. Леман и Е.А. Канчиялов, действительно были приняты в Южное общество. Интересна указанная Волконским хронологическая привязка сообщения о членстве Менгдена — 1822 г., время, когда недавно образованное общество на юге делало свои первые шаги, когда в него вступали первые новые члены (среди них был и Волконский). Возможно, Пестель не был заинтересован в «открытии» всех присоединенных им в начале существования Южного общества участников.

Не во всех случаях уличающая информация, не подтвердившаяся в ходе следствия, содержала прямые указания на членство в тайном обществе. Полковник гвардейского Генерального штаба, служивший обер-квартирмейстером 4-го пехотного корпуса (соседнего с 3-м корпусом, в состав которого входил Черниговский полк), **Павел Яковлевич Ренненкампф** был назван в качестве лица, причастного к выступлению черниговцев, во время следствия в 1-й армии, в показаниях разжалованного из штабс-капитанов рядового-черниговца Д. Грохольского от 8 апреля 1826 г. О связях лидеров мятежа с Ренненкампом стало известно ранее из донесения капитана Сотникова (специального агента, посланного руководством 1-й армии для выяснения обстоятельств восстания) из Киева от 2 января 1826 г.: «Подполковник Муравьев за несколько дней до возмущения был в Киеве и старался внушить свои правила... полковнику Ренненкампу, но оный отклонил его предложение. Также внушал подобное квартирмейстерским офицерам, при штабе 4 пех[отного] кор[пуса] находящимся, но и сии поступили подобно Ренненкампу. После сего Муравьев, сказав, что он будет опять чрез пять дней в Киеве, уехал. О всем сем рассказывал мне сам Ренненкампф»²¹⁹. Весьма любопытным обстоятельством является поступление этой информации от самого Ренненкампа, который старательно обращал внимание правительственного агента на свой принципиальный отказ от содействия С. Муравьеву-Апостолу. Очевидно, полковник хотел подстраховать себя на случай появления обвиняющей информации при неминуемом, как он понимал, расследовании событий восстания Черниговского полка. Подозрения, возникавшие при ответе на вопрос, почему именно к нему обратился Муравьев-Апостол, Ренненкампф надеялся лишить силы сообщени-

ем о своем решительном отказе от предложения руководителя мятежа — отказе, который подразумевал полное несогласие с «правилами» лидера восстания. Вместе с тем, открывая этот эпизод, Ренненкампф рисковал попасть под ответственность за «недонесение» о замыслах мятежа, которые стали ему известны еще до начала восстания.

Согласно упомянутому свидетельству Грохольского, 25 декабря 1825 г., после того как было получено известие о разгроме выступления 14 декабря, С. Муравьев-Апостол послал Бестужеву-Рюмину письмо, в котором просил его «как можно поспешнее» отправиться в Киев к Ренненкампфу²²⁰. Однако письмо это не дошло до адресата: на квартире Муравьева-Апостола, ввиду отсутствия Бестужева-Рюмина, его распечатали офицеры — участники заговора. В присутствии автора показания Грохольского, других членов тайного общества и будущих участников военного выступления черниговцев (В.Н. Соловьев, И.И. Сухинов, А.Д. Кузьмин, В.Н. Петин, А.С. Войнилович, Ф.М. Башмаков), М.А. Щепилло зачитал его содержание. Кроме просьбы отправиться в Киев, в письме сообщалось о происшествии 14 декабря, упоминались имена Трубецкого и Якубовича, говорилось о смерти М.А. Милорадовича и, очевидно, об «открытии» тайного общества правительством. О дальнейшей судьбе письма Грохольский ничего не знал. По его словам, цель поездки к Ренненкампфу в письме не открывалась²²¹. Эта цель, очевидно, могла состоять в привлечении офицера корпусного штаба к осуществлению задуманного Муравьевым-Апостолом плана действий заговорщиков в случае начала арестов членов тайного общества.

Реконструкция взаимоотношений Ренненкампфа и руководителей мятежа Черниговского полка осуществлена в исследовании О.И. Киянской²²². Историк отмечает: «Полковник Ренненкампф... личность довольно странная, полумифическая. Он не привлекался к следствию (в Петербурге. — П.И.), и единственным общедоступным источником сведений о нем, кроме показаний Грохольского, является... „Алфавит...“, составленный А.Д. Боровковым»²²³.

Вероятнее всего, вследствие полученных от Сотникова данных, а также показаний Грохольского Ренненкампф был привлечен к допросам при штабе 1-й армии (конкретных данных, был ли он арестован или допрашивался неарестованным, у нас нет); началось расследование связей полковника с руководителями мятежа. Ренненкампф при допросе показал, что С. Муравьев-Апостол «за несколько дней» до вос-

стания Черниговского полка «предлагал ему действовать для перемены правления», но он от этого предложения отказался. Согласно Ренненкампфу, на встрече с ним Муравьев-Апостол говорил о том, что «наступило время, где надо действовать решительно, переменить образ правления, которое дальше терпеть невозможно», но Ренненкампф возражал на это: «...не наше дело преобразовывать правительство», и просил «...его и подчиненных ему офицеров оставить в покое»²²⁴.

В связи с этими показаниями в Петербурге был допрошен Муравьев-Апостол. Он отвечал, что никакого предложения Ренненкампфу не делал, изложенное содержание разговора с полковником «ошибочно», письмо к Бестужеву-Рюмину было написано с целью информирования о событиях 14 декабря. Бестужев-Рюмин также отрицал наличие в этом письме просьбы отправиться к Ренненкампфу, однако показал, что не раз виделся с полковником, разговаривал «о разных злоупотреблениях» и считал его готовым к вступлению в тайное общество. Как показал Бестужев-Рюмин, он сообщил Муравьеву-Апостолу, что Ренненкампфу «кажется, можно открыться, и чтобы он рассмотрел его, но почему ему казалось сие возможным, сам не знает». При этом Муравьев-Апостол «адресовался к нему... но без успеха»²²⁵.

Очевидные противоречия в полученных показаниях не обратили на себя внимания следствия; оно предпочло считать показания Грохольского неподтвержденными, сделав, очевидно, вывод о полной искренности полковника и основных свидетелей. Ренненкампф был оправдан и освобожден от дальнейшего следствия. В справке «Алфавита» Боровкова о Ренненкампфе приводятся извлеченные из показаний Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола факты неоднократных встреч лидеров Васильковской управы с ним, «адресования» к нему Муравьева-Апостола, расчетов на него, как на участника заговора, готового действовать, а также показанное самим Ренненкампфом обстоятельство: приглашение, сделанное ему Муравьевым-Апостолом, действовать «для перемены правления». Столь значительные улики остались, однако, без последствий. «Смягчающие обстоятельства», которые содержатся в показаниях о контактах Ренненкампфа с руководителями восстания, — его возражения на подготовительную агитацию со стороны членов тайного общества (по его мнению, злоупотребления происходят «без ведома императора»), отказ Ренненкампфа от предложения содействовать организаторам восстания — во многих других случаях не являлись препятствием для дальнейших

допросов и предания суду, но в деле Ренненкампфа расследование конкретных обстоятельств его связей с заговорщиками было фактически остановлено²²⁶.

При анализе собранного следствием материала важна каждая деталь. С Ренненкампфом контактируют руководители Васильковской управы и инициаторы мятежа, которые рассматривают его как готового кандидата в члены тайного общества. Они предлагают ему содействовать военному выступлению. Визит С. Муравьева-Апостола к Ренненкампфу состоялся не позднее 24 декабря (с этого дня все его передвижения хорошо фиксируются источниками; в них нет данных о посещении Киева, где жил полковник). По-видимому, в это время Муравьев-Апостол еще не имел намерения немедленно начать восстание. Оно появилось после известия о том, что взяты его бумаги, — это означало скорый арест. Но известия о начале арестов в Тульчине уже были получены.

Начало арестов для Муравьева-Апостола являлось сигналом к подготовке восстания, о чем известно из многочисленных показаний на следствии. Следует предположить, что разговор с Ренненкампфом имел своей целью организовать содействие штаба 4-го корпуса, опереться на высших чинов штаба. Возможно, Муравьев-Апостол надеялся оказать через них влияние на приказы о передвижении полков, либо обеспечить со стороны офицеров штаба отсутствие мер по немедленному блокированию Черниговского и других полков, находившихся под влиянием заговорщиков, в случае начала действий. Но самое важное: этот разговор не мог не сопровождаться открытием существования тайного общества и его цели, что прямо следует из показаний Ренненкампфа, согласно которым он отказался действовать в пользу «перемены правления». Уровень осведомленности Ренненкампфа, характер и содержание его разговоров с Бестужевым-Рюминым и Муравьевым-Апостолом, отраженных в показаниях, свидетельствуют о том, что руководители Васильковской управы посвятили полковника в существование общества и его цели («перемена правления»). В свете того, что они считали его готовым для вступления в тайное общество еще до начала кризиса декабря 1825 г., собиравшись «рассмотреть» возможность его приема и «открыться» ему, факт обращения к Ренненкампфу за содействием в ответственный момент подготовки восстания приобретает особое значение, ставится в контекст вполне планомерной деятельности руководителей тайного

общества по приему новых членов среди офицеров больших чинов и полковых командиров.

Обращаясь к полковнику с предложением оказать содействие в канун мятежа, его инициаторы должны были считать Ренненкампа не только единомышленником в отношении цели тайного общества, но и находить, что он будет готов поддержать и предлагаемый способ достижения этой цели. Очевидно, положительное впечатление на этот счет Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин вынесли из предыдущих встреч с полковником.

Следует отметить особо, что с 1815 г. Ренненкампа служил в гвардейском Генеральном штабе. Его сослуживцами в то время являлись многие деятели тайного общества (А.Н., М.Н. и Н.М. Муравьевы, И.Г. Бурцов, Петр И. Колошин и др.). Не исключено, что именно в эти годы зародились его контакты с декабристской средой и, в частности, с С.П. Трубецким, который являлся старшим адъютантом начальника Главного штаба, курировавшего Генеральный штаб. Во всяком случае, достоверно известно, что в 1810-е гг. Ренненкампа был знаком с М. Муравьевым-Апостолом²²⁷. С конца 1824 г. Трубецкой являлся дежурным офицером штаба 4-го пехотного корпуса и, судя по всему, Ренненкампа был связан с товарищем по службе постоянным дружеским общением. С. Муравьев-Апостол показал на следствии, что познакомился с Ренненкампом именно в доме Трубецкого в Киеве. После отъезда последнего в Петербург осенью 1825 г. Ренненкампа приглашал Муравьева-Апостола к себе на квартиру, если тот окажется в Киеве. Так фактически и произошло: он виделся с Ренненкампом в начале декабря²²⁸.

Из показаний Бестужева-Рюмина с очевидностью вытекает тот факт, что встречи его и Муравьева-Апостола с Ренненкампом проходили в течение длительного времени, оба руководителя Васильковской управы находили возможным его прием в члены тайного общества. Но показания не отвечают на вопрос — чем закончилось «рассмотрение» Ренненкампа как кандидата в члены тайного общества, «открылись» ли ему руководители тайного общества? Иначе говоря, состоялся ли прием полковника в тайное общество? Если бы на этот вопрос следствие получило прямой положительный ответ, то степень виновности Ренненкампа была бы принципиально иной. О.И. Киянская справедливо полагает, что «реальные отношения Муравьева с полковником Ренненкампом остались неясными как для следствия,

так и для историков»²²⁹. Причина такого положения кроется в освобождении полковника от наказания за недоказанностью обвинения, в свертывании следственных разысканий. Между тем, при внимательном сравнении показаний и анализе поступившей информации вскрываются обстоятельства, недвусмысленно говорящие о причастности Ренненкампа к тайному обществу. Лидеры Васильковской управы и выступления Черниговского полка имели с Ренненкампом не одну встречу. Если учесть, что руководители мятежа пытались связаться с Ренненкампом и непосредственно перед началом выступления, то получается картина оживленных и последовательно развивающихся контактов, каждый из которых мог сопровождаться открытием существования декабристского общества и предложением вступить в него. Отраженная в показаниях (очевидно, далеко не в полной степени) цепь событий: ранние встречи Ренненкампа с лидерами Васильковской управы и Трубецким, оформившееся среди руководителей управы мнение о нем как готовом кандидате, предложение «открыться» ему, сделанное Бестужевым-Рюминым после неоднократных встреч с Ренненкампом, состоявшаяся после этого «адресация» Муравьева-Апостола к Ренненкампу, их встреча накануне восстания и, наконец, письмо Муравьева-Апостола к Бестужеву-Рюмину с предложением прямо ехать к полковнику в Киев в момент непосредственной подготовки мятежа, свидетельством чему являются убедительные показания Грохольского, — все это говорит о том, что Ренненкамф был извещен о существовании тайного общества и его планах ранее конца декабря 1825 г.

В связи с этим правомерно утверждать, что в ходе первых встреч Ренненкамф был ознакомлен с существованием тайного общества и его планами. Последующая поездка к нему Муравьева-Апостола, предложившего действовать с целью «перемены правления», а также адресованная ему записка доказывают, что Ренненкамф продолжал рассматриваться как человек, готовый к содействию. Иначе говоря, на него рассчитывали в конкретных планах выступления, — как на сочлена²³⁰. Расчет на его содействие не мог появиться без организационной связи с декабристской конспирацией. Содержание переговоров с Муравьевым-Апостолом указывает на его посвященность в цель и конкретные планы военного выступления, что подразумевает одновременно ту или иную степень формальной принадлежности к тайному обществу.

Случай Ренненкампфа отмечен любопытными особенностями. Прежде всего, это противоположное освещение переговоров с главным инициатором мятежа в собственных показаниях Ренненкампфа и в свидетельствах Муравьева-Апостола. Совершенно очевидно, что одна из сторон пытается скрыть правду. Крайне интересно, что содержание важного разговора с заговорщиком обнаружилось благодаря самому подозреваемому. Зачем ему было выдумывать обстоятельства переговоров с Муравьевым-Апостолом, особенно в условиях, когда он подозревался в содействии заговорщикам? Очевидно, зная, что можно проверить и доказать факт встречи с лидером мятежа, раскрыть содержание опасного разговора, полковник признал этот факт и попытался представить свою версию. В силу этого показания Ренненкампфа, по нашему мнению, заслуживают большего доверия, чем отрицание Муравьева-Апостола. Полковник — человек, весьма опытный в области военной дипломатии и разведки, что явствует из его формулярного списка, очевидно, сделал все возможное, чтобы представить свои контакты с руководителями тайного общества и, тем более, встречи с ними, связанные с подготовкой мятежа, в благоприятных для себя тонах. Выгораживая себя, он постарался придать особое значение своему несогласию со сделанным ему предложением: содействовать в реализации планов заговорщиков. Вся оправдательную силу своего показания Ренненкампф вложил в передачу ответной реакции на предложение Муравьева-Апостола: по его словам, категорически отрицательной.

С. Муравьев-Апостол, если он действительно получил отказ, вполне мог сообщить об этом в своих показаниях, чтобы окончательно доказать невиновность офицера. Но он отверг сам факт этого разговора: ведь последний был ярким свидетельством тому, что руководители мятежа рассчитывали на содействие штаба 4-го корпуса, а это открывало широкие возможности для нового расследования и обвинения. Очевидно, он хотел не столько выгородить Ренненкампфа (хотя такие мотивы полностью нельзя сбросить со счетов), сколько скрыть свои расчеты на поддержку мятежа со стороны ряда высших военных руководителей, офицеров в высоких чинах (и это ему удалось), а кроме того, имевшие место организационные усилия заговорщиков по подготовке «военной революции» в частях 1-й армии.

Очевидно, расчеты на содействие полковника Ренненкампфа представляли важное звено в той цепи конкретных договоренностей,

которая постепенно формировалась в течение 1824–1825 гг. и которая почти целиком осталась скрытой от следователей. И эти договоренности шли рука об руку с процессом вербовки в ряды декабристской конспирации новых членов из числа влиятельных офицеров, не все из которых были обнаружены на следствии.

Начальник штаба 1-й армии К.Ф. Толь, который курировал расследование в Могилеве, пришел к выводу, который прямо перекликается с нашими наблюдениями: «Полагаю я, что подозрение на Ренненкампа... основательно относительно... принадлежности его к тайному обществу, ибо общество сие, наблюдавшее столь большую осторожность в вербовке своих членов, и в коем Муравьев был одним из главных, конечно, не побудило бы сего последнего делать формальные предложения в столь важном предприятии человеку, к обществу вовсе не принадлежащему»²³¹. Выводы опытного штабного офицера Толя представляются существенно важными и логически вытекающими из полученных данных: предложение участвовать в мятеже с обозначением цели тайного общества, прозвучавшее из уст Муравьева-Апостола, могло быть сделано только лицу, на которого рассчитывали как на единомышленника. Даже сверхосторожные показания лидеров мятежа содержат указание на то, что они имели намерение принять Ренненкампа, но от ответа на вопрос, был ли он принят, авторы показаний по существу уклонились. Освобождение Ренненкампа от наказания и признание его невиновным привели к тому, что содержащиеся в показаниях ряда ведущих лиц заговора существенно важные обстоятельства, а также противоречия между их показаниями и ответами Ренненкампа на следствии остались в тени внимания историков. В итоге, решение следствия стало основанием для выведения этого лица из числа даже вероятных участников тайного общества²³².

Случаи обвиняющих показаний, сочтенных на следственном процессе недоказанными, обнаруживаются при обращении к показаниям и членов Северного общества. Одним из таких случаев является расследование в отношении подпоручика 1-й гвардейской артиллерийской бригады **Александра Михайловича Голицына**, старшего брата осужденного по приговору Верховного уголовного суда В.М. Голицына. В ответах на вопросные пункты от 12 января 1826 г. Ф.В. Вольский свидетельствовал о том, что в конце декабря 1823 г. он принял в тайное общество офицера гвардейской артиллерии Голицына. Вольский под-

черкивал, что его собственное участие в тайном обществе ограничилось только тем, что он осуществил прием Голицына²³³. Показания Вольского обратили на себя внимание Комитета и зачитывались на заседании 13 января. На рукописи показаний сохранилась помета помощника делопроизводителя Комитета В.Ф. Адлерберга: «NB. О названном... членом общества князе Александре Михайловиче Голицыне (офиц[ере] из гвард[ейской] арт[иллерии]), принятом в общество Вольским, сообщено его императ[орскому] выс[очеству] Мих[аилу] Пав[ловичу]»²³⁴. Это означало, что после прямого недвусмысленного показания было отдано распоряжение о привлечении Голицына к расследованию.

Данные об участии в тайном обществе «служащего в артиллерии» Голицына, а им мог быть только А.М. Голицын, — поступили в Комитет еще до показаний Вольского. 26 декабря на устном допросе, а затем в письменных показаниях А.А. Бестужев свидетельствовал о принадлежности к тайному обществу князя Голицына, служащего «в артиллерии», — правда, он делал оговорку об отсутствии личного знакомства с ним («которого не знаю») ²³⁵. 28 декабря на основании устных допросов Оболенского, а также показаний Бестужева, Трубецкого и Щепина-Ростовского последовало распоряжение об аресте группы лиц, в том числе названного Бестужевым Голицына²³⁶. Перед списком подлежащих аресту, включавшим Голицына, стояла резолюция Комитета: «Нижеследующих взять». На полях докладной записки против фамилии Голицына был поставлен знак «NB»; рядом — помета делопроизводителя Комитета: «Взять под арест». На полях записки имелась также помета А.И. Татищева: «Высочайше повелено взять. 29 декабря»²³⁷. Но Голицын не был арестован ни в конце декабря 1825 г., ни в начале января 1826 г. Его арест произошел, судя по всему, лишь после показания Вольского, то есть после 12 января, по распоряжению великого князя Михаила Павловича²³⁸. Таким образом, решение об аресте Голицына принималось дважды; причины же, по которым первое распоряжение осталось невыполненным, пока не выяснены. Обстоятельства привлечения к следствию Голицына требуют дальнейшего изучения. В следственном делопроизводстве не обнаружены указания на сбор сведений о Голицыне и его допросы в январе 1826 г. Только в деле Н.М. Муравьева появляется запрос от 5 января о принадлежности к тайному обществу ряда лиц, среди которых значится «артиллерийский офицер князь Голицын», причем

в примечании Комитет дополнительно запрашивал: «который именно». В своем ответе Никита Муравьев удостоверил свою полную неизвестность об участии в обществе офицера артиллерии²³⁹.

В письменных показаниях А.М. Голицын полностью отрицал свою формальную принадлежность к тайному обществу, настаивая на том, что только слышал о его существовании от Вольского, но не выражал согласия вступить в члены и больше ни разу не говорил с ним об этом. Тем временем в повторных показаниях от 3 и 11 апреля, сделанных в ходе особого расследования связей Голицына с тайным обществом, Вольский был более осторожен. Он утверждал теперь, что формально в члены общества Голицына не принимал, а только сообщил ему о существовании тайного общества, имевшего целью «распространение просвещения и усовершенствование самого себя». В повторных показаниях Вольский, в противоречие своему первому сообщению, заявлял, что не получал от Голицына согласия на вступление и больше с ним не встречался. Эти повторные показания Вольского были зачитаны на заседании Комитета 15 апреля. Характерно, что в журнале Комитета было особо отмечено это существенное для расследования изменение в показаниях Вольского: выяснилось, что Голицыну, который сначала был назван им членом, он лишь «говорил» о существовании тайного общества, причем «только глухо». Следствие отдало распоряжение собрать справки об участии Голицына в тайном обществе у «важнейших» членов. Оболенский и М. Муравьев-Апостол показали, что Голицына «имели в виду» (очевидно, в целях тайного общества) по его родству с В.М. Голицыным, но формально членом не считали. Рылеев и некоторые другие члены тайного общества, опрошенные о Голицыне, не знали о факте его вступления²⁴⁰. На заседании 20 апреля Следственный комитет, после рассмотрения поступивших показаний и составленной на их основе справки о Голицыне, пришел к решению об освобождении его от ответственности из-за отсутствия «вины». По мнению членов Комитета, следовало «представить государю императору, что князь Александр Голицын к обществу не принадлежал и даже по сведению, которое имел о существовании оногo, не мог подозревать противозаконной его цели». Резолюция императора гласила: «Выпустить»²⁴¹. В справку «Алфавита» Боровкова были занесены только данные из повторного показания Вольского, согласно которому Голицын «не отвечал» на сделанное ему предложение стать членом общества, и основные пункты оправда-

тельных показаний самого Голицына (показание А. Бестужева не было принято во внимание уже при решении участи Вольского)²⁴². Но, в противоречии с вердиктом следствия о Голицыне, в итоговой записке о Вольском нашел отражение тот факт, что он «в сочлены, вскоре по вступлении своем, принял служащего в гвардейской артиллерии князя Голицына»²⁴³.

Следует остановиться на важнейших составляющих линии защиты, которой придерживался Голицын в своих показаниях. Не отвергая установленный следствием факт разговора с Вольским, свою осведомленность о существовании общества и его цели, Голицын постарался сделать все, чтобы лишить этот факт обвиняющего значения. Он, прежде всего, настойчиво отрицал свое присоединение к тайному обществу и, следовательно, организационную принадлежность к нему. Утверждая, что ему только было открыто существование общества и сообщена его цель (что в действительности являлось необходимым элементом процедуры приема), Голицын отводил вопрос о своем поступлении в число членов. Принципиально важным являлось и другое его утверждение: о том, что он не дал положительного ответа на предложение вступить в общество. Тем самым Голицын удостоверил, что его принятие не состоялось; одновременно демонстрировалось нежелание быть членом. Наконец, отрицание продолжительных контактов с Вольским показывало случайность «разговора» о тайном обществе, его единичность, говорило об отсутствии постоянных связей с заговорщиками. В итоге, значение «разговора» с Вольским предельно ослаблялось; факт принятия в члены тайного общества заменялся расплывчатой формулировкой, согласно которой подозреваемому было только «открыто» существование общества и его «внешняя» «просветительская» цель, при том что он фактически ответил отказом на предложение стать членом. Категорическое отрицание формального членства заслонило факт сделанного Вольским предложения, так же как и первоначальное свидетельство последнего о приеме им нового члена; Комитет принял решение не считать Голицына участником тайного общества.

В этой связи нужно признать, что следователи не сочли нужным обратить внимание на достоверно установленный в ходе процесса факт осведомленности Голицына о существовании тайного общества, что во многих других случаях влекло за собой привлечение к ответственности. Прозвучавшая на следствии формулировка «общей» цели

тайного общества, сообщенной Голицыну («распространение просвещения и усовершенствование самого себя»), как правило, была известна всем новопринятым членам, составлявшим в Северном обществе разряд «согласных», и с течением времени наполнялась политическим содержанием. Так, в частности, произошло в случае Вольского и Зыкова, которые со временем узнали о намерениях общества «перемениť правление», в результате чего понесли административное наказание. Узнал ли Голицын о политической цели декабристского общества — осталось неизвестным. Выяснение действительной степени осведомленности Голицына о Северном обществе и продолжительности его контактов с другими членами было фактически прервано. В таком повороте событий ощущается влияние на исход дела посторонних для расследования факторов. Такому выводу придает дополнительную основу тот факт, что следствие немедленно «ухватилось» за изменение показаний Вольского, обвиняющих Голицына.

При анализе имеющихся обвинительных и оправдательных показаний о Голицыне важно обратить внимание на источники свидетельств о его членстве в тайном обществе. О принятии Голицына прямо показал Вольский, который непосредственно делал ему предложение вступить в члены. Показание, принадлежащее столь авторитетному в данном случае лицу, являлось первым показанием Вольского на следствии, написанным собственноручно, — тем самым исключается неадекватное отражение в нем уличающего свидетельства. Заметим, что основное содержание последующих показаний Вольского об этом эпизоде почти идентично главным элементам оправдательной линии защиты самого Голицына. Это обстоятельство заставляет предположить «согласование» их показаний. Вероятнее всего, такого рода «согласование» оправдательных показаний и выработка общей линии защиты произошли после ознакомления Вольского с предъявленными ему на устном допросе показаниями Голицына. Увидев из них, с каким упорством и последовательностью Голицын отрицает свою организационную принадлежность к тайному обществу и факт принятия в члены, а также поняв, что следствие не имеет в своем распоряжении других улик против подозреваемого, кроме его показаний, Вольский решил изменить свою позицию, представив, вместо факта осуществленного им приема, фрагментарную картину почти случайного «открытия» Голицыну сведений о тайном обществе и его цели, без всякого соотнесения с существовавшей процедурой приема.

Кроме того, свое второе и третье показание Вольский дал уже в конце процесса, когда у него уже не вызывало сомнений, чем может обернуться для подозреваемого прямое свидетельство о его формальном участии в тайном обществе. Исходя из сделанных наблюдений, следует признать, что первое показание Вольского о принятии Голицына в члены заслуживает большего доверия.

Автор другого показания о принадлежности Голицына к тайному обществу, А. Бестужев, принадлежал к руководящему ядру Северного общества. Он не был лично знаком с Голицыным, но имел постоянные контакты с ведущими членами, в частности с Оболенским — человеком, весьма информированным в вопросе о членах, принятых в декабристский союз на всем протяжении его существования. Круг конспиративных контактов Александра Голицына, а в еще большей степени — его брата Валериана, приводит исследователя непосредственно к фигуре Оболенского, активного участника приобретения новых членов тайного общества в гвардейских полках в 1823 г.²⁴⁴ Однако на процессе Оболенский не стал свидетельствовать о степени причастности Александра Голицына к тайному обществу и предпочел ограничиться лишь осторожным показанием о том, что его «имели в виду» в целях общества, обнаружив тот факт, что лидеры конспирации возлагали на него вполне определенные надежды. Что лежало в основе этих надежд — только ли возможность повлиять на офицера через его родного брата или организационная принадлежность к заговору — осталось на следствии невыясненным.

Между тем, снятое на процессе обвинение в отношении Голицына находит себе подтверждение в мемуарных источниках. Очерк «Четырнадцатое декабря», написанный И.Д. Якушкиным на основе рассказов Оболенского, Пущина и других осведомленных участников выступления на Сенатской площади, содержит неожиданную информацию о Голицыне как участнике тайного общества и событий 14 декабря, зная о готовящемся восстании и даже принявшем участие в беспорядках, отказавшись присягать. Из очерка Якушкина сведения о Голицыне как участнике событий 14 декабря перекочевали в записки М.А. Бестужева «14 декабря 1825 года», не претерпев никаких изменений²⁴⁵. Еще один мемуарист из числа осужденных, Д.И. Завалишин, говоря об артиллерийских выстрелах против мятежников, писал: «...офицеры же вынудили солдат стрелять, а те из них, которые сами принадлежали к Южному обществу, не сумели воспрепятство-

вать тому». В примечании мемуарист пояснял: «Когда я спросил потом кн. Александра Голицына, как же это он допустил стрелять Бакунина и привозить заряды Философова, над которыми имел неоспоримое влияние, если даже и они не были сами еще членами Тайного общества, то он сказал мне: „Что же было делать?“ — и сознался, что когда Бакунин спрашивал его, то он сказал, что надо стрелять»²⁴⁶. Завалишин хорошо известен как автор мемуаров, не всегда выдерживающих критическую проверку. В данном случае вызывает сомнение неверное отнесение Голицына к числу участников Южного общества. Однако появление Александра Голицына в качестве члена тайного общества следует признать чрезвычайно важным, симптоматичным фактом, отражающим информацию, которая бытовала среди осужденных членов тайного общества, — ведь его имя как лица, причастного к деятельности декабристской конспирации, никогда не фигурировало ни в одном официальном документе. Следовательно, осужденные декабристы, которые являлись источником информации для Завалишина, уверенно считали Голицына своим товарищем по тайному обществу.

Появление сведений о причастности Голицына к заговору декабря 1825 г. и событиям 14 декабря в мемуарной традиции, несомненно, демонстрирует пласт скрытой на следствии информации. Сведения эти поступили к авторам мемуарных текстов от руководителей заговора, непосредственных организаторов выступления 14 декабря, которые собирали накануне событий данные о тех офицерах, на которых можно было опереться в гвардейских частях (Оболенский, Пущин). Александр Голицын — один из наиболее показательных примеров участника тайного общества, избежавшего наказания благодаря занятой на следствии позиции полного отрицания формальной принадлежности к декабристской конспирации, а также в силу сокрытия товарищами по тайному обществу действительного характера его конспиративных связей и, возможно, значительного воздействия на решения следствия родственных связей подозреваемого.

Офицеры л.-гв. Конного полка поручики **Михаил Федорович Голицын**, **Андрей Карлович Ливен** и корнет **Александр Александрович Плещеев** были названы в показаниях А.А. Бестужева от 26 декабря. Он свидетельствовал, что знал о принадлежности этих офицеров к тайному обществу от их товарища по полку А.И. Одоевского, отвечавшего за принятие новых членов из числа конногвардейцев²⁴⁷. Несколькими

днями ранее, на заседаниях Комитета 22 и 23 декабря, были рассмотрены записи первых допросов большой группы арестованных, сделанные Левашевым. Из них были извлечены данные о новых участниках тайных обществ, которых следовало привлечь к процессу. Среди подлежащих аресту оказались фамилии конногвардейцев М.Ф. Голицына, А.А. Плещеева, А.Е. Ринкевича. Об этом свидетельствует докладная записка императору, поданная 24 декабря. Император отметил их крестиком; в тот же день было отдано повеление об аресте офицеров²⁴⁸. Однако в список, который на основании распоряжений императора был представлен на заседании Комитета 25 декабря, Голицын и Ринкевич, в отличие от Плещеева, не вошли, — возможно, потому, что оба уже были арестованы. К 5 января 1826 г. были рассмотрены бумаги, взятые у М. Голицына²⁴⁹. Помимо показаний А. Бестужева, данные о причастности Голицына к тайному обществу содержались в показаниях офицера-конногвардейца Ринкевича. На состоявшемся около 27 декабря 1825 г. первом допросе у Левашева Ринкевич сообщил о причастности Голицына к заговору; эта информация была отражена Левашевым в следующем виде: «Никого из сочленов я не знал, кроме поручика князя Голицына, и наверное не знал, что он сему обществу принадлежал». 10 января среди допросных пунктов, предложенных Ринкевичу, находился и запрос о Голицыне. В своем собственноручном ответе Ринкевич свидетельствовал: «...членом общества я его не называл и клянусь, что никогда от него не слышал, чтоб он был оным; по короткому знакомству с ним я чаще всех сообщал ему все, что приходило мне в голову...»²⁵⁰.

М. Голицына допросили на заседании Комитета 13 февраля. Он отвечал, что слышал о существовании тайного общества, но формально принят в него не был, в чем ссылался на Одоевского. Голицыну были даны вопросные пункты. В своих показаниях Голицын рассказал, что в октябре или ноябре 1825 г. Одоевский говорил с ним о «положении» России, завел разговор о существовании общества «людей, желающих распространением либеральных идей достигнуть до ослабления деспотического правления»; Голицын утверждал, что оставил слова Одоевского без внимания²⁵¹. Одоевский со своей стороны показал на допросе, что Голицын возражал ему и не соглашался с его мнением. «Главные» члены Северного общества не могли подтвердить принадлежность Голицына к тайному союзу. Все эти данные были занесены в «Алфавит» Боровкова²⁵². К 30 марта 1826 г. была подготовлена записка о Го-

лицыне, в тот же день она была зачитана на заседании Комитета²⁵³. Но решение вопроса об освобождении затянулось, — очевидно, по воле императора. 28 мая вместе с Ф.Е. Врангелем Голицын был назначен к освобождению Комитетом, 2 июня освобожден с аттестатом как «совершенно непричастный» к «злоумышленному» тайному обществу²⁵⁴.

Среди членов, принятых Одоевским, А. Бестужев назвал Александра Плещеева 2-го. Одоевский не признался в том, что принял Плещеева 2-го в общество; при этом следует отметить, что долгое время он не признавал и собственного членства. Плещеев фигурировал также в списке подлежащих аресту, составленном на основе первых допросов (проведенных Левашевым), который был оформлен как докладная записка о заседании Следственного комитета 24 декабря. На полях против его фамилии зафиксирована воля императора: обратиться к начальнику Гвардейского корпуса Воинову, который должен был распорядиться об аресте; решение было утверждено на заседании Комитета 25 декабря. В тот же день он был арестован и содержался на главной гауптвахте, а затем, вероятно, оставлен под домашним арестом, но 25 января вновь арестован и отправлен в Петропавловскую крепость²⁵⁵. Причиной тому, как можно предположить, стало присутствие имен братьев Плещеевых в обширном списке членов тайных обществ, составленном Оболенским в дополнительном показании от 21 января. Напротив фамилий офицеров Конной гвардии, в том числе Плещеева 2-го, значилось: «О намерениях на 14-е декабря они должны быть извещены чрез князя Одоевского, но в оных не участвовали»²⁵⁶.

26 января 1826 г. Александр Плещеев был допрошен на заседании Следственного комитета, затем ему были даны вопросные пункты, ответы на которые были зачитаны на следующий день. При допросе он не скрыл, что за месяц до 14 декабря, в ноябре 1825 г., слышал от Одоевского «о существовании тайного общества, имевшего целью улучшение правительства» и введение Конституции; о средствах к этому ничего, по его словам, не было сказано. Но Плещеев утверждал, что от вступления отказался, никакого участия в обществе не принимал. Комитет обратился за «справками» к «главным» членам. В связи с отрицанием Одоевским и другими подследственными формальной принадлежности Плещеева к тайному обществу следствие по его делу было завершено. К 30 марта была готова записка о Плещееве. 28 мая сделано представление об освобождении как «непричастного» к тайному обществу, а 2 июня он, так же как и Голицын, был освобожден

с аттестатом²⁵⁷. Обвиняющие данные лишь частично были внесены в «Алфавит» Боровкова.

Другой офицер Конной гвардии Андрей Карлович Ливен, как упоминалось ранее, также был назван А. Бестужевым членом общества со ссылкой на сообщение Одоевского. Спрошенный на следствии Одоевский отрицал свое участие в приеме Ливена. К допросу привлекли самого Ливена, не прибегая к аресту: он был спрошен А.Х. Бенкендорфом, членом Следственного комитета. Ливен отвечал, что Одоевский несколько раз «заводил с ним либеральный разговор», но Ливен, по его утверждению, дал понять ему «несовместимость одного» и более ничего от него не слышал. Следствие оставило без внимания показания Бестужева. Допрос Ливена состоялся не позднее 2 января 1826 г. (вероятнее всего, в последних числах декабря 1825 г.), так как сразу после него был допрошен его брат Александр Ливен; сообщение о допросе последнего отражено в журнале Комитета от 2 января 1826 г.²⁵⁸

Все показания о приеме конногвардейских офицеров отсылают к Одоевскому. Судя по всему, он предпринимал энергичные усилия, стремясь привлечь в тайное общество офицеров своего полка. Линия защиты Одоевского на следственном процессе отличалась противоречивостью; долгое время он не признавал себя участником тайного общества, затем пытался представить свое участие в конспиративных связях крайне незначительным. Эта линия, свойственная главным образом членам, занимавшим окраинное положение в тайном обществе, однако, не принесла ему успеха. Характерно, что при уличении Одоевского использовались и показания конногвардейских офицеров, которым он делал предложение вступить в тайное общество. Так, 31 марта в направленных ему вопросных пунктах указывалось, что он принимал в члены товарищей по полку; здесь же содержалась отсылка на показания Плещеева 2-го, Голицына и Ринкевича, сообщивших о предложениях, сделанных им Одоевским. В ответ Одоевский категорически утверждал: «Совершенная ложь: я кроме Ринкевича никого не принял, если могу назвать принятием то, что я ему сказал два слова: „есть общество“»²⁵⁹. Следствие, однако, не поверило Одоевскому: ведь существовали показания А. Бестужева и Оболенского, которые говорили о совершенно противоположном. Кроме того, из показаний самих конногвардейцев следовало, что предложения вступить в общество (пусть, по их словам, отвергнутые ими) поступали именно от Одоевского. Так, в итоговом своде обвиняющих показаний об Одоев-

ском фигурировало свидетельство Плещеева. Из следственного дела последнего было взято показание о том, что Одоевский осведомил его о существовании общества, причем это показание было квалифицировано как состоявшееся «принятие в тайное общество»; также приводились данные о политическом характере тайного общества, которые были сообщены вновь принимаемому лицу: «Одоевский сказал, что цель общества была просить... Конституцию, не объявляя каким способом»²⁶⁰.

Позиция, занятая на следствии арестованными офицерами-конногвардейцами, обнаруживает большое сходство с линией защиты других лиц, обвинявшихся в участии в декабристской конспирации, но затем оправданных: все они отрицали формальную принадлежность к тайному обществу и заговору, настаивая на своем отказе от полученного предложения вступить в него. Вынужденные признать факт сообщенной им Одоевским информации о существовании и политическом характере тайного общества, они пытались различными способами снизить значение этого факта, чтобы избежать наказания. Так, подозреваемые в принадлежности к заговору не только отвергали формальное участие в нем, но стремились, если позволяли обстоятельства, показать свое принципиальное несогласие с взглядами и намерениями заговорщиков, заявить о несходстве своего «образа мысли» с убеждениями разоблаченных членов тайного общества. Полное отрицание принадлежности к тайному обществу со стороны арестованных офицеров вполне объяснимо. Учитывая особенности тактики защиты Одоевского на процессе, понятно и его стремление полностью отрицать факт принятия им трех полковых товарищей. Однако утверждения Одоевского лишает убедительности свидетельство А. Бестужева, который прямо опирался на слова самого Одоевского о принятии им в тайное общество несколько офицеров Конного полка. В основе этого свидетельства, как можно уверенно предполагать, лежали сведения, полученные руководителями тайного общества от Одоевского незадолго до событий 14 декабря. В условиях собрания сил заговорщиками, распространения влияния тайного общества в полках гвардии эти сведения имели серьезное значение и должны были отражать вполне определенную информацию: речь шла о состоявшемся присоединении новых членов. Поэтому показания Бестужева и Оболенского приобретают большую значимость в сравнении с оправдательными показаниями Одоевского.

Анализируя комплекс показаний о конногвардейских офицерах, стоит остановиться на одной чрезвычайно важной их особенности. Даже из осторожных оправдательных показаний, цель которых достаточно очевидна — попытаться избежать привлечения к ответственности и наказания, явствует политический характер тайного общества, в которое предлагалось вступить офицерам. М. Голицын и Плещеев, отрицая факт членства, свидетельствовали, что они узнали о тайном обществе, стремящемся к изменению государственного строя, имевшем целью «улучшение правительства», введение Конституции. Кандидаты в члены знакомились с системой политических взглядов, в которой существующий «образ правления» был маркирован как «деспотический», а его желаемые изменения рассматривались как благо. Таким образом, они почти сразу получали вполне четкое и адекватное представление о политическом характере тайного общества и главных намерениях заговорщиков. Можно подвергнуть сомнению настойчивое отрицание наиболее острого вопроса о средствах к достижению цели: скорее всего, некоторые детали конкретных сценариев действий также стали им известны, даже если процедура приема остановилась на первых стадиях. Отрицая любую степень осведомленности о тактических замыслах тайного общества, подозреваемые в причастности к нему отводили от себя главные обвинения. В наиболее откровенном варианте показаний (Плещеев 2-й) подозреваемые в членстве, говоря о предлагаемых способах к достижению цели, ограничились расплывчатой формулой: распространение «либеральных идей». Эта формула в целом соответствует сведениям, сообщаемым вновь принятым членам.

Таким образом, выводы исследователя при углубленном рассмотрении показаний о группе офицеров Конной гвардии должны включать в себя признание того, что после сделанного предложения о вступлении в тайное общество (в той форме, в которой оно было отражено в собственных показаниях подозреваемых) у них не должно было оставаться никаких иллюзий относительно цели и политической направленности этого общества. В целом объем сообщенной информации не уступал сведениям о цели тайного общества, которыми располагали рядовые участники декабристской конспирации. Данное заключение имеет самостоятельное значение вне зависимости от ответа на вопрос о том, поступили ли оправданные на следствии офицеры в разряд полноправных членов тайного общества или же проце-

дура их приема не была доведена до конца. Показания осведомленных руководителей заговора Оболенского и Бестужева свидетельствуют в пользу состоявшегося вступления М. Голицына, Плещеева и Ливена в члены Северного общества.

Еще один офицер Конного полка корнет **Иван Дмитриевич Лужин**, занимавший впоследствии пост московского обер-полицмейстера (1846–1854 гг.), также попал в поле зрения следствия по делу о тайных обществах. Данные о причастности его к заговорщикам попали в руки следователей еще в декабре 1825 г.; источник их выявить не удалось. К 5 января 1826 г. были рассмотрены бумаги Лужина²⁶¹. 16 февраля на заседании Комитета были зачитаны показания Одоевского, в которых он назвал множество имен членов тайных обществ, но, как отмечалось в журнале Комитета, все названные им лица уже были известны следствию, «кроме Конной гвардии офицера Лужина, которого в виду еще не имели». Одоевский свидетельствовал, что о принятии в тайное общество Лужина он слышал от Алексея Плещеева 1-го, участника Петербургского филиала Южного общества. Решено было навести справки о причастности Лужина к тайному обществу, «ибо на одно слово Одоевского положиться нельзя»²⁶². В первую очередь речь шла об обращении к Плещееву. Он показал, что в сентябре 1825 г. «открыл» Лужину «о существовании общества, имевшего целью введение конституции», приглашая его вступить в это общество. Лужин склонялся к этому, но в скором времени уехал в отпуск, и больше о тайном обществе они не разговаривали. Главные члены Северного общества, к которым обратился Комитет, не знали о принадлежности Лужина к обществу²⁶³. На основе собранной информации, обвиняющей Лужина, была составлена записка, которая легла в основу расследования. Допрос Лужина состоялся гораздо позднее, 21 июля 1826 г., уже после завершения формальных заседаний Комитета. На допросе Лужин показал, что с Одоевским никаких отношений, относящихся к расследуемому делу, у него не было, но однажды Плещеев «между шуточного разговора» сообщил ему о существовании общества, целью которого, как утверждал Лужин, была «свобода веселиться». Лужин, не подозревая политической цели этого общества, отвечал «шутя», что «очень рад вступить в такое общество, где веселятся». Эти данные были включены в «Алфавит» Боровкова, а расследование по делу Лужина прекращено²⁶⁴.

Как видим, в отличие от офицеров-конногвардейцев, связанных с

Одоевским, Лужин не отрицал свое формальное членство, но счел возможным утверждать, что ему не был раскрыт политический характер тайного общества. Но что особенно любопытно, его показание входит в полное противоречие со свидетельством того, кто, собственно, делал ему предложение о вступлении, — Плещеева. Согласно собственным показаниям Плещеева, он сообщил Лужину о главной цели общества — введении конституции. Кто же из них говорил правду? Показание Одоевского о принадлежности Лужина к тайному обществу подтверждается свидетельством Плещеева и придает ему еще бóльшую авторитетность. Следует отметить, что Одоевский действовал в этом случае совсем иначе, нежели с офицерами Конного полка, напрямую связанными с ним: он без всяких оговорок сообщил об участии Лужина в конспиративной организации. В своей совокупности показания Плещеева и Одоевского делают оправдания Лужина, повествующие о тайном обществе, созданном ради «свободы веселиться», совсем неубедительными. Вместе с тем показание Плещеева заставляет усомниться в завершенности процедуры приема Лужина, оставляя открытым вопрос о формальном присоединении этого офицера к числу петербургских «южан». Несмотря на показания, принадлежавшие авторитетным очевидцам, в том числе лицу, лично предложившему ему вступить в тайное общество, Лужин не был подвергнут наказанию и освобожден без последствий как непричастный к делу.

Любопытный пример оправданного лица, в отношении которого имелись прямые свидетельства о принадлежности к тайному обществу, «не замеченные» следствием, представляет штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, адъютант командующего Кавказским корпусом А.П. Ермолова **Николай Павлович Воейков**. В справке «Алфавита» привлечение Воейкова к процессу прочно связывается с неподтвердившимися показаниями о его членстве в тайном обществе в Кавказском корпусе, сделанными С.Г. Волконским, который ссылался на сведения, полученные от А.И. Якубовича (Якубович отверг эти показания; существование тайного общества в корпусе А.П. Ермолова доказано не было). Поскольку Кавказское общество признали «мнимым», Воейков получил полное оправдание и был освобожден из-под ареста²⁶⁵. Согласно справке итогового свода, о Воейкове опрашивались «главные члены» Северного и Южного обществ, все они отрицали его участие в этих организациях, равно как и в Союзе благоденствия. В выступлении 1825 г. Воейков не только не участво-

вал, но и не знал о его подготовке²⁶⁶. Если опираться на справку «Алфавита», то складывается впечатление, что Воейков привлёкся к следствию только в связи с вопросом о Кавказском обществе, а дополнительный опрос «главных членов» «очистил» его и со стороны участия в декабристской конспирации. В таком виде информация о причинах привлечения Воейкова к следственному процессу отразилась в основной части биографического справочника «Декабристы», которая является итогом исследовательской работы и должна отражать все накопленные научной традицией данные²⁶⁷.

Действительно, побудительной причиной для привлечения Воейкова к следствию стали свидетельства о существовании тайного общества в корпусе Ермолова. Имя Воейкова впервые прозвучало в показаниях Пестеля, который на первом петербургском допросе, записанном Левашевым (3 января), назвал известных ему со слов Волконского участников Кавказского тайного общества. Император распорядился арестовать вновь названных Пестелем лиц, а на заседании Комитета 5 января было решено немедленно привлечь их к следствию. Начальник Главного штаба Дибич «принял на себя» распоряжение об аресте Воейкова, который состоялся спустя несколько дней после этого, по некоторым указаниям — 9 января²⁶⁸. 13 января Пестель в своих развернутых показаниях еще раз назвал Воейкова, причем в качестве одного из главных членов «тайного политического» общества в Кавказском корпусе, со ссылкой на данные Волконского, который почерпнул их из бесед с Якубовичем и В.Ф. Тимковским²⁶⁹.

Однако, обратившись непосредственно к следственному делу Воейкова, исследователь будет удивлен тем, что вопрос о Кавказском обществе занимает в нем не самое значительное место, а большая часть показаний посвящена выяснению связей с тайным обществом и заговором 1825 г. На первом допросе, записанном Левашевым, Воейков свидетельствовал не столько о тайном обществе «в Грузии» (существование которого он категорически отрицал), сколько о своих связях с Якубовичем и другими членами тайных обществ. Он показал, что, находясь в Петербурге с 15 октября («отпущен из Грузии для лечения болезни...»), нередко виделся с Якубовичем «как с сослуживцем» (по Кавказскому корпусу), а через него познакомился с А.А. Бестужевым. Эти связи приближали Воейкова к руководству Северного общества, к средоточию заговора и должны были вызвать у следователей законные подозрения в знании намерений и планов заговорщи-

ков. Воейков сообщил также, что его контакты с видными заговорщиками продолжались вплоть до 14 декабря: в этот день утром Якубович появился у него на квартире «с предложением езжать смотреть, как полки будут присягать...». Они вместе поехали на Сенатскую площадь и долгое время находились на ней, ожидая подхода гвардейских частей: согласно свидетельству Воейкова, Якубович «...ожидал... войска, уверяя, что они должны присягать на площади, наконец я сказал ему, что более ждать не могу и просил его меня завезти домой, что он исполнил, а сам уехал»²⁷⁰. Даже собственные показания Воейкова содержали некоторые основания для подозрений в его осведомленности о намерениях восставших.

Между тем, в январе 1826 г. следствием были получены разнообразные данные о причастности Воейкова к тайному обществу при отборе показаний о названных И.Г. Бурцовым членах Союза благоденствия. Бурцов в своих показаниях от 16 января сообщал об участии в Союзе «профессора» А.Ф. Воейкова, но в запросе другим подследственным значилась только фамилия — Воейков. В результате Оболенский показал именно об интересующем нас Воейкове: «Воейков Николай, адъютант генерала Ермолова, кажется, был принят членом нашего (Северного. — П.И.) общества, но утвердительно сказать сего не могу; лично я с ним не имел сношений». Еще более категоричными и определенными оказались показания Никиты Муравьева в ответах на тот же запрос. По его словам, к тайному союзу принадлежал Воейков, который «служил в квартирмейстерской части, находился впоследствии в Кавказском корпусе, где вскоре и умер»²⁷¹. Муравьев ошибся: адъютант Ермолова, служивший долгое время в квартирмейстерской части, здравствовал и, более того, уже был привлечен к следствию. Таким образом, из данных свидетельств стал известен факт участия Воейкова в декабристской конспирации; правда, не до конца ясно, о каком периоде ее истории шла речь: о Союзе благоденствия или Северном обществе? Показания Оболенского, очевидно, указывают на последнее, однако их авторитетность ограничивается оговоркой «кажется», т. е. отказом от окончательного подтверждения сообщаемых сведений; Оболенский утверждал, что личных отношений с Воейковым у него не было. Более определенные показания Муравьева говорят об участии Воейкова в деятельности Союза благоденствия, поскольку он известен автору показания как офицер квартирмейстерской части: Н.П. Воейков был переведен в

Московский полк в августе 1821 г.; ранее он служил в квартирмейстерской части²⁷².

К этому следует добавить, что в показаниях Бурцова от 16 января, наряду с упомянутыми данными о «профессоре» Воейкове, имелись сведения об участии в тайном обществе офицера л.-гв. Московского полка Воейкова²⁷³. Данное указание, по-видимому, не привлекло внимания следователей. Итак, отошедший с 1822 г. от конспиративной активности Бурцов тоже знал о принадлежности к декабристскому союзу Воейкова. Указанные им данные о месте службы офицера говорят о том, что информация, полученная Бурцовым, относилась к периоду после 1821 г., т. е. после учреждения Северного общества. Как можно объяснить это обстоятельство? Только тем, что сведения о членстве Воейкова поступили к Бурцову от осведомленного человека, принадлежавшего к тайному обществу после 1821 г. Бурцов, после отхода от конспиративной активности, не терял контактов с участниками декабристских обществ и был осведомлен о многих событиях внутренней жизни как Южного, так и Северного обществ. Имеются конкретные данные о нескольких его встречах с деятелями поздних обществ (Пестель, Волконский)²⁷⁴. Из числа членов Северного общества таким осведомленным человеком, достоверно встречавшимся с Бурцовым осенью 1825 г., был М.М. Нарышкин, в свое время принятый в тайный союз Бурцовым, что придавало их конспиративным связям особенно доверительный характер²⁷⁵. Нарышкин мог сообщить своему давнему другу информацию о некоторых вновь принятых в тайное общество членах, в том числе о Воейкове.

Таким образом, возможны два ответа на вопрос о времени поступления Воейкова в декабристское общество: либо это произошло на этапе Союза благоденствия, вследствие чего Н.М. Муравьев знал о членстве в Союзе офицера квартирмейстерской части Воейкова, либо после учреждения Северного общества, в которое Воейков вступил, уже будучи офицером Московского полка, и в этом качестве стал известен Оболенскому и Бурцову.

Но и это еще не все. 25 декабря 1825 г., после своего признания в принадлежности к тайному обществу, Н.И. Лорер сообщал в показаниях, данных А.И. Чернышеву и П.Д. Киселеву, проводившим расследование во 2-й армии: «Я был принят 1824 года... принял меня поручик Воейков лейб-гвардии Московского полка». На следующий день с его слов было записано: «...принят... еще в Петербурге незадол-

го до перехода своего в армию и, кроме здешних (тульчинских. — П.И.) членов, известны ему служивший в лейб-гвардии Московском полку полковник Михайла Нарышкин и Генерального штаба капитан Никита Муравьев...»²⁷⁶. Как известно, Лорер первоначально стал членом в Петербурге и до своего перехода во 2-ю армию в марте 1824 г. состоял в Северном обществе²⁷⁷. Лорер продолжил линию показаний о Воейкове 3 января, на первом допросе в Петербурге, записанном Левашевым: «В 1824 году в мае месяце в Петербурге был я принят в тайное общество господином Воейковым и к[нязем] Оболенским...»²⁷⁸.

Стоит отметить, что если в первом показании Лорера фигурировал один Воейков, то на допросе в Петербурге фиксируются уже две фамилии: наряду с Воейковым указывается старейший участник конспирации Оболенский; в дальнейшем фамилия Воейкова вообще выпала из указаний о приеме Лорера. Замеченное изменение в показании, несомненно, свидетельствует об определенном воздействии на автора, — воздействии, которое оказывала на него поступавшая информация; основным ее источником для Лорера являлись в первую очередь допрашивающие его лица, а также чиновники Следственного комитета. Эта информация, по всей видимости, содержала данные о недоказанной вине Воейкова, а затем, без сомнения, о состоявшемся оправдательном вердикте следствия. По этой же причине фамилия Воейкова исчезает из итоговых материалов по делу Лорера: в последующих документах следствия, в частности, в итоговой записке о Лорере говорилось, со ссылкой на его собственное признание, что прием осуществил один Оболенский. Лорер, очевидно, получил четкое представление об исходе «дела» Воейкова и больше не упоминал его имя среди известных ему участников тайных обществ²⁷⁹.

Каким образом развивалось расследование по делу Воейкова? После допроса у Левашева Воейков в письме от 13 февраля просил очной ставки с обвинителями. 16 февраля Воейков был допрошен на заседании Комитета, а затем отвечал на вопросные пункты, в которых должны были получить отражение накопленные следствием обвиняющие данные. Действительно, в них значилось: «Комитет, имея в виду, что вы постоянно находились в тесных связях с некоторыми из числа ревностных членов тайного общества и что вам известно было о существовании оногo, требует чистосердечного показания вашего». Следующие за этим вопросы раскрывают, какие «ревностные члены» имелись в виду — в первую очередь, следствие вновь интересовали

контакты с Якубовичем и А. Бестужевым накануне и в день 14 декабря. Среди прочих вопросов был и такой: «Что именно говорил вам капитан Якубович о знакомстве своем... с генерал-майором князем Волконским?», продолжавший «линию» Кавказского общества. Наконец, следствие интересовалось знакомством Воейкова с М.М. Нарышкиным: «Давно ли вы знакомы с Нарышкиным... Он ли первый, или кто другой, при суждениях о положении России, склоняя разговор к цели своего общества, давал вам чувствовать, что есть люди, желающие лучшего порядка вещей и стремящиеся к достижению оногo?» Следствие фактически предлагало и свою версию степени причастности подозреваемого к конспирации: «Точно ли вы не были приняты в члены тайное общество и только слышали о существовании оногo?». В ответах Воейков не согласился ни с одной формулировкой следствия: «В тесных связях со членами тайного общества я не был ни с кем, а что же касается до существования тайного общества, я никогда не знал и никогда и ни от кого об этом не слыхивал, в чем по чистой совести имею честь уверить»²⁸⁰.

Как видим, Воейков избрал способ защиты, в основе которого — полное отрицание любой степени участия или даже извещенности о конспиративном обществе. Но и следствие, со своей стороны, располагая прямыми свидетельствами об участии адъютанта Ермолова не в предполагаемом Кавказском обществе, а во вполне реальном Петербургском (Северном), включая весьма авторитетное показание Лорера об участии Воейкова в приеме новых членов (самого Лорера), подкрепленное свидетельствами Бурцова и Н. Муравьева, формулировало вопрос в весьма расплывчатой и «смягченной» форме («...вы постоянно находились в тесных связях с некоторыми из весьма ревностных членов...»), проявляя недостаточное внимание к участию Воейкова в конспиративных связях. Скорее всего, результатом этой двусмысленной ситуации стал выбор Воейкова тактики полного и решительного отрицания предъявленной ему информации, представленной к тому же в неясной форме.

Подозреваемый «решился» на «признание» исключительно дружеских и служебных связей с арестованными, полностью отвергая при этом политическое «наполнение» имевших место встреч, разговоров и, в целом, своих контактов с заговорщиками: «Бывши в 1821-м году в С.-Петербурге... с господином капитаном Нарышкиным... я был знаком. Но суждений о положении России и об улучшении порядка ве-

щей, равно как и о людях, желающих перемен, я никогда не слышал...». Категорически отверг Воейков свое участие в тайном обществе в какой бы то ни было форме: «Ни от кого предложения вступить в тайное общество я не слышал... Никогда я не был принят ни в какое общество и о существовании оных равномерно никогда не слыхивал»²⁸¹.

Встретив такое сопротивление, следствие обратилось к традиционному опросу «главных» свидетелей-подследственных о подозреваемом. А. Бестужев сообщил, что Воейков не принадлежит к Северному обществу, а когда спрашивал у Якубовича: «есть ли в нем надежда, он сказал, что никакой». Другие опрошенные отозвались неизвестностью об участии Воейкова в конспирации (среди них: Пестель, Волконский, Трубецкой, Рылеев, И. Пущин, Ф. Вадковский)²⁸². Особое значение приобретали показания Оболенского и Нарышкина — тех участников Северного общества, которые оказывались непосредственно связанными с Воейковым: первый, по показанию Лорера, принял его в тайное общество в 1824 г. вместе с Воейковым, а второй — по собственному признанию Воейкова, входил в число его близких друзей. От этих наиболее осведомленных и тесно связанных с Воейковым лиц должны были поступить показания, проливающие свет на тайну принадлежности этого офицера к декабристской конспирации.

Как уже говорилось, Оболенский в ответах, данных в связи с показаниями Бурцова, осторожно заметил, что Николай Воейков, «кажется», состоял в тайном обществе; при этом Оболенский отказался быть уличающим свидетелем, ссылаясь на отсутствие личных контактов с ним, что не соответствовало, как будет видно далее, действительности. В отдельном показании о Воейкове Оболенский свидетельствовал: «По истине показать не могу, принадлежал ли к тайному обществу Воейков... но кажется известен был о существовании оногo, но как был он принят и когда именно, сего не помню и показать не могу. О намерениях наших на 14-е декабря он никем из наших членов (насколько мне известно) извещен не был, разве от капитана Якубовича, но я от сего последнего не слышал, чтобы он извещал его о сем». Оболенский вновь утверждал, что не был лично знаком с Воейковым, но «знал о нем единственно по прежним его дружеским сношениям с бывшим капитаном лейб-гвардии Московского полка Нарышкиным». А что показал Нарышкин? Он отвечал категорическим отрицанием: «Честь имею уведомить, что мне неизвестно, принадлежал ли штабс-капитан Воейков к обществу и какое принимал в оном учас-

тие»²⁸³. Показание Нарышкина вступало в разительное противоречие с показанием Оболенского, который располагал данными о причастности Воейкова как раз по связям последнего с Нарышкиным. Следствие не придало этому значения, остановившись на выводе, благоприятном для Воейкова: уже 16 февраля в «журнале» Комитета появилась запись «представить... к освобождению с аттестатом». Император согласился, и 20 февраля бывший подозреваемый был освобожден с оправдательным аттестатом, как вполне оправданный²⁸⁴.

Для оценки достоверности показаний Лорера, Бурцова, Оболенского и Н. Муравьева о принадлежности Воейкова к тайному обществу следует обратиться к фактам и обстоятельствам, проясняющим круг и характер обоюдных контактов подозреваемого и его знакомых из числа участников тайных обществ: Нарышкина, Оболенского и др. Это позволит сделать вывод о достоверности и обоснованности показаний, касающихся вопроса о вступлении Воейкова в декабристский союз.

Прежде всего, нужно отметить, что Воейков и Нарышкин вместе, в одни и те же годы, обучались в Училище колонновожатых, кузнице кадров офицеров квартирмейстерской части и Генерального штаба, из стен которого вышли многие будущие участники тайных обществ²⁸⁵. Несомненно, к этому времени правомерно отнести начало их многолетних дружеских отношений. Воейков окончил Училище колонновожатых в 1816 г.; в тот же год его окончили Нарышкин, Муханов, А. Шереметев, Корнилович, в следующий год — Зубков, Н.П. Крюков, Тучков, Христиани. Связи, зародившиеся во время совместного обучения, оказывали самое непосредственное влияние на процесс пополнения рядов конспиративных организаций. Характерно, например, что в 1824—1825 гг. Нарышкин принял в Северное общество В.А. Мусина-Пушкина и П.П. Титова, которые в свое время учились вместе с ним в Училище колонновожатых²⁸⁶. Нельзя не привести еще один факт: выпускники Училища рассматривались руководителями вновь созданного Союза благоденствия как наиболее подготовленные кандидаты для пополнения рядов общества. Вскоре по окончании Училища в 1816 г. были завербованы сокурсники Воейкова — Нарышкин, Муханов и А. Шереметев, почти одновременно — окончившие Училище позднее Христиани, Басаргин, Тучков и, видимо, Н.П. Крюков²⁸⁷. Это и неудивительно: молодые офицеры находились в сфере влияния семейства Муравьевых, отец которых возглавлял Училище, а также тяготевших к ним лиц (Петр и Павел Колошины,

Бурцов и др.); большинство из них были хорошо знакомы друг с другом. Еще более укрепляла связи принадлежность к одному ведомству, совместная служба: после окончания учебного заведения его выпускники некоторое время проводили вместе, участвуя в топографических съемках под Москвой. В это время, по-видимому, происходило налаживание новых конспиративных контактов и принятие новых членов. В случае с Воейковым ситуация несколько другая: в 1816 г. он и другой воспитанник Училища колонновожатых — офицер квартирмейстерской части Е.Е. Лачинов, служивший впоследствии во 2-й армии и поступивший в Южное общество, отправились на службу в Грузинский корпус А.П. Ермолова²⁸⁸. По этой причине исследователь имеет все основания перенести время установления связей Воейкова с тайным обществом на более позднее время, если бы не одно обстоятельство.

Документально фиксируется факт непосредственного контакта Воейкова с кругом офицеров-квартирмейстеров в лице А.Н. Муравьева и его ближайших друзей, которые являлись главными инициаторами Союза благоденствия; именно Муравьев и его окружение были основными вербовщиками среди офицеров-выпускников Училища колонновожатых. В этом круге немалую роль играли контакты конспиративного характера, связанные с вновь образованным в Москве Союзом благоденствия. Особенно важно отметить, что хронологически этот факт оказывается соотношенным с первой половиной 1818 г., временем активного пополнения рядов Союза благоденствия: в январе 1818 г. Воейков отправился в Москву, имея при себе письмо-рекомендацию Н.Н. Муравьева к друзьям и родственникам (вероятнее всего, к А.Н. Муравьеву), членам артели офицеров Генерального штаба, известной в исторической традиции под именем «Священной артели». Письмо имело целью ввести Воейкова в число участников артели: «Постоянство всякому члену Священной артели... Тебе, брату моему, лист сей показывает Николай Воейков, который заслужил его в моих глазах мыслями и поступками, сходными с правилами, знаменующими нас. Да каждый из вас ударит в колокол, да соберется вече наше, да прочтут сие писание в думе нашей. Там его вы испытайте и, буде слова мои окажутся справедливыми, удостойте его всеми правами, которыми пользуется почтенная братия наша. Тогда да назовется он членом Священного братства нашего; примите его в беседу вашу и просвещайте»²⁸⁹.

По предположению Н.А. Задонского, именно к этому времени следует отнести сближение Воейкова с участниками тайного общества (только что созданного Союза благоденствия). Тем самым, частично опубликованный комплекс документов и переписки Н.Н. Муравьева подтверждает включенность Воейкова в декабристскую среду, близость его политических взглядов к мировоззрению деятельных участников Союза благоденствия. Приведенное письмо документирует и конкретные контакты Воейкова с этим кругом. Правомерно полагать, что принятие Воейкова в число участников артели могло быть первым шагом на пути к вступлению в Союз благоденствия. Во всяком случае, нельзя исключить того, что в 1818 г. дело не закончилось артелью, и А.Н. Муравьев принял хорошо ему известного Воейкова в декабристский союз, как это происходило и с другими воспитанниками Училища колонновожатых.

Достоверно установленный факт контактов Воейкова с активными основателями Союза благоденствия в 1818 г. дополняется следующими соображениями. Большая часть окончивших Училище офицеров поступала на службу в квартирмейстерскую часть и Генеральный штаб, занимая должности и в штабе Гвардейского корпуса. Сближение по службе и тесные дружеские отношения товарищей по совместному обучению еще более способствовали формированию конспиративных связей. В Петербурге в 1818–1819 гг. центральной фигурой кружка офицеров-штабистов, известного как «Священная артель» офицеров Генерального штаба (воспитанники Училища колонновожатых Павел Колошин, А. Шереметев, Вольховский), был Бурцов. Именно Бурцов в 1818 г. завершил прием в тайный союз Нарышкина (открыл ему существование тайного общества А.Н. Муравьев в Москве, и он же отправил вновь принятого в Петербург с рекомендацией к Бурцову)²⁹⁰. В случае хотя бы единичного посещения столицы Воейков не мог избежать общения с кругом хорошо известных ему лиц, который составляли в большинстве своем его товарищи, соученики по Училищу колонновожатых. Тогда он неминуемо попадал в среду членов «Коренной управы», возглавляемой Бурцовым (с 1819 г. — Павлом Колошиным). Не с этого ли времени идет осведомленность Бурцова о принадлежности Воейкова к тайному обществу?

Проявленная на следствии осведомленность Н.М. Муравьева о принадлежности к тайному обществу адъютанта Ермолова Воейкова выводит нас на тот же круг связей офицеров-штабистов. Никита

Муравьев в 1818–1820 гг. — один из руководителей Союза благоденствия и, одновременно, офицер Генерального штаба, имеет прямое отношение к хорошо известному сообществу лиц; он тесно связан с Бурцовым, Колошиным и др. Следует отметить, что Воейков долгое время (до 1821 г.) также являлся офицером квартирмейстерской части, и его служебные контакты в Петербурге неминуемо замыкались на перечисленных активных участников Союза.

Удаленность Воейкова от Петербурга и Москвы не могла служить препятствием для вступления в тайную организацию, она лишь ограничивала регулярность и продолжительность конспиративных контактов (как, например, это было в случае В.Д. Вольховского). Несомненно, что каждый приезд Воейкова в Петербург не мог обойтись без возобновления контактов с кругом друзей, старых знакомых, сослуживцев. Особое внимание обращает на себя факт совместной службы Воейкова, Нарышкина и Лорера в 1820-е гг., уже в период существования Северного общества: все они числились в л.-гв. Московском полку: Воейков с 1821 г., Нарышкин с 1817 по 1823 гг., Лорер с 1820 по 1824 г. Этот круг товарищей угадывается в конкретных отсылках записок офицера Московского полка Лорера: «Я говорил уже о дружеских моих отношениях со многими сослуживцами... я ничего не знал о существовании тайного общества в России, хотя мои знакомые, люди большею частью либеральные, не стесняясь, очень часто говорили о значении 2-й армии, об М. Орлове и проч.». Ясно, что речь здесь идет о кружке «либеральных» офицеров, главным образом офицеров Московского полка, многие из которых находились в тайном обществе или были к нему близки. Из слов мемуариста явствует, что они знали о существовании тайного общества во 2-й армии; в контексте правил конспирации, которые были приняты в декабристских союзах после 1822 г., это напрямую свидетельствует о действительной принадлежности большинства участников кружка к тайному обществу. И действительно, Лорер называет Оболенского «душою нашего кружка». Тесные дружеские связи открывали возможность для доверительного обмена мнениями и знакомства с «образом мыслей» товарищей. Так, по словам Лорера, Оболенский хорошо знал «мысли» мемуариста; когда Лорер выразил желание перейти на службу во 2-ю армию, рекомендовал ему, в качестве лучших полковых командиров, Пестеля и Бурцова. Характерно, что Лорер к этому времени хорошо знал, что Бурцов «...очень дружен с М.М. Нар[ышкиным]», и это, как

писал мемуарист, было «...достаточно уже в моих глазах на полную мою симпатию...»²⁹¹. Вскоре, после выяснения «образа мыслей» товарища, Оболенский принимает Лорера в члены тайного общества. Процедура приема началась со следующего сообщения: «...многие из наших общих знакомых давно желают иметь тебя товарищем в одном важном и великом деле и упрекают себя в том, что ты до сих пор не наш». В ходе разговора, делая свой выбор, Лорер поинтересовался у Оболенского о трех лицах, «дорогих, близких... сердцу, с нами ли они?». «С нами», — отвечал Оболенский. «Я ваш», — дал согласие Лорер. Особенно любопытно следующее описанное мемуаристом обстоятельство: в тот же вечер «многие из товарищей узнали о моем посвящении, поздравляли меня, обнимали, целовали»²⁹².

Реконструируя круг либеральных «знакомых» Лорера на основе известных по материалам следствия участников тайных обществ, связанных с Оболенским, к нему можно уверенно отнести товарища по полку и друга мемуариста М.М. Нарышкина, упомянутого к тому же Лорером в приведенном фрагменте (Нарышкин, без сомнения, был среди трех «дорогих» ему лиц, о принадлежности которых к тайному обществу он спрашивал у Оболенского), сослуживца Лорера и Нарышкина, офицера Московского полка А.Ф. Моллера, который в том же 1824 г. перешел из Московского в Финляндский полк, связанного с Оболенским Ф.В. Вольского (в январе 1824 г. перешел в Московский полк), а также принятого Нарышкиным в Северное общество М.А. Назимова, принятых Назимовым офицеров Измайловского полка М.Д. Лаппу и А.А. Фока; можно назвать еще хорошо знакомых с Оболенским и Вольским А.В. Поджио и Д.П. Зыкова; к перечисленным добавим тесно связанных с Оболенским И. Пушина, А.М. и Н.М. Муравьевых²⁹³.

Это, скорее всего, далеко не полный состав дружеского кружка, основной элемент которого составляли, как пишет мемуарист, офицеры Московского и других гвардейских полков. Полный перечень его участников до сих пор неизвестен²⁹⁴. Примечательным в этой связи представляется следующий факт: еще один офицер Московского полка, перешедший в полки 2-й армии в 1824 г., П.М. Леман, в скором времени оказывается принятым в Южное общество Пестелем, при участии своего бывшего однополчанина Лорера²⁹⁵. Неслучайность ситуации очевидна; по-видимому, Леман тоже находился среди однополчан-«либералистов», которые составляли окружение членов

тайного общества в полку, иначе нельзя объяснить «легкость» его вступления в ряды конспираторов.

Представляется правомерным полагать, что в числе участников декабристского общества в Московском полку находился и Воейков. Он вполне мог быть среди тех «многих знакомых» Лорера, поздравлявших его с вступлением в тайное общество: пребывание Воейкова в Петербурге на момент вступления Лорера документировано показаниями последнего. Более того, из показаний Лорера явствует, что Воейков принимал самое ближайшее участие в приеме Лорера. Если относить вступление в тайный союз Воейкова к этому же времени (весна 1824 г.), то логично предположить, что он был принят либо своим старым товарищем Нарышкиным, либо Оболенским.

Каким образом в исследуемый набор реальных связей оказывается включенным Оболенский? Дело в том, что и Нарышкин, и Оболенский были приняты в тайное общество Бурцовым; из этого следует, что изначально их конспиративные контакты в немалой степени были общими. Зарождение их дружеских связей, по-видимому, тоже связано с учебным заведением для колонновожатых: как выясняется, перед поступлением в 1814 г. в гвардейскую артиллерию Оболенский прослушал курс точных наук в Математическом обществе, руководимом генералом Н.Н. Муравьевым, а затем в самом Училище²⁹⁶. Таким образом, весьма правдоподобно, что прием Оболенского в Союз спасения произошел благодаря включению молодого офицера в тот же круг (Муравьевы—Бурцов), который год спустя привел в декабристскую конспирацию Нарышкина. Нарышкин и Оболенский действовали совместно на этапе Союза благоденствия; оба офицера находились в одной управе, возглавляемой Бурцовым в 1818—1819 гг.²⁹⁷; оба стали инициаторами и руководителями отдельного конспиративного кружка, общества Измайловского полка²⁹⁸. Круг знакомств Нарышкина одновременно являлся и кругом связей Оболенского: те, кто знал в качестве члена тайного общества Нарышкина, знали и Оболенского.

Очевидно, Нарышкин участвовал в принятии новых членов; он не прерывал своих контактов с вновь введенными членами и позднее: известно, что Нарышкин посетил Лорера уже после его перехода во 2-ю армию, осенью 1825 г.²⁹⁹ Учитывая факт участия Воейкова в принятии Лорера (если показания последнего верны), исследователь вправе заключить, что Нарышкин не мог не знать об участии в тайном обществе Воейкова, о чем умолчал на следствии. То, что Воейков был

непосредственно связан по тайному обществу с Нарышкиным, подтверждают показания Оболенского. Более того: по-видимому, Нарышкин, если сам не принял Воейкова, то немало способствовал его вовлечению в Северное общество.

Итак, показания Лорера и Оболенского и высказанные наблюдения, опирающиеся на конкретные свидетельства, дают в целом основание утверждать, что Воейков сохранил свои связи с соучеником по Училищу колонновожатых Нарышкиным в 1821–1824 гг., входил в ближайшее окружение как Нарышкина, так и Оболенского. Это окружение было тесным образом связано с Северным обществом, из него непосредственно набирались новые члены (как, например, Лорер, Моллер и др.), причем особую активность в данном направлении проявляли Оболенский и Нарышкин. Все это ставит по сомнению и полное отрицание Нарышкиным членства Воейкова в тайном обществе, и отрицание Оболенским своего личного знакомства с Воейковым. Следует признать, что в действительности дело обстояло противоположным образом: судя по показаниям Лорера, Воейков оказывается в это время настолько втянутым в конспиративную активность, что участвует в приеме нового члена.

К этому нужно добавить, что сохранившиеся письма Воейкова к Н.Н. Муравьеву свидетельствуют о продолжении дружеских контактов не только с Нарышкиным, но с другим соучеником по Училищу колонновожатых — П.А. Мухановым, приехавшим в мае 1825 г. в Кавказский корпус устраиваться на должность адъютанта Ермолова — должность, которую занимал и Воейков. В содействии последнего этой попытке Муханова переменить место службы трудно усомниться³⁰⁰. Нельзя не отметить, что Муханов приехал на Кавказ, состоя членом Южного общества; к этому времени он находился в тайных обществах более 6 лет³⁰¹. Контакт Воейкова с давним участником конспирации и старым товарищем многозначителен: не исключено, что Воейков мог получить какие-то сведения и о Южном обществе.

Итак, связи Воейкова с членами тайных обществ, фиксируемые сохранившимися материалами переписки и следственными показаниями (А.Н., Н.Н. и Н.М. Муравьевы, Нарышкин, Оболенский, Лорер, Муханов, Якубович), позволяют говорить не только о тесной дружбе с участниками декабристской конспирации, но и о формальном членстве в тайном обществе этого «незамеченного» следствием декабриста. Включенность Воейкова в круг декабристских связей не

вызывает сомнений. Учитывая эпизодичность его появлений в Петербурге, следует предположить, что в том случае, если он состоял в Союзе благоденствия, он несомненно вступил в него в свой приезд в Москву в 1818 г., а затем конспиративные контакты укреплялись во время приездов в Петербург, когда Воейков встречался с Нарышкиным. В 1824 г. Воейков продолжал находиться в орбите тайного общества, будучи связанным с активными участниками Северного обществ Нарышкиным и Оболенским; он участвовал в приеме новых членов (Лорер)³⁰².

Однако в ходе расследования привлечение к процессу Воейкова связывалось с вопросом о предполагаемом Кавказском обществе. Это отразилось в итоговой справке о Воейкове. Особенно наглядно данная ситуация предстает в другом документе, возникшем после завершения основного следствия. 29 октября 1826 г. дежурный генерал Главного штаба А.Н. Потапов спрашивал у В.Ф. Адлерберга: «По какому именно подозрению о принадлежности к тайному злоумышленному обществу взят был, но по исследованию оказался к тому не причастным, адъютант г. генерала от инфантерии Ермолова лейб-гвардии Измайловского полка Воейков?» Вопрос был, как видим, вызван необходимостью выяснить степень причастности Воейкова к делу. В ответе значилось: «...был взят по подозрению о принадлежности к тайному обществу в Кавказском корпусе, о существовании коего сделано было показание бывшим генерал-майором князем Волконским, со слов бывшего капитана Якубовича... По исследованию оказалось, что в Кавказском корпусе тайное общество не существовало... а спрошенные о Воейкове члены Северного и Южного обществ отозвались, что он ни к первому, ни к последнему их Союзу благоденствия не принадлежал»³⁰³.

Сохранился уникальный документ, который содержит описание и оценки расследования, принадлежащие только что освобожденному бывшему подозреваемому. В письме к Н.Н. Муравьеву от 11 апреля 1826 г., отправленному, согласно данным публикатора, частным образом, Воейков сообщал: среди арестованных нашлись «злодеи, которые хотели замарать имена гнусною клеветою. Самые неприятные слухи о корпусе нашем носились по городу. Присяга не получалась весьма долгое время. Сверх сего, знакомство мое с Якубовичем, пребывание мое в столь смутное время в Петербурге, все сие не могло не навлечь на меня справедливого подозрения...». После допроса у Лева-

шева в Зимнем дворце Воейков узнал: «Главное обвинение мое состояло в том, что будто в Грузии существует также общество злоумышленников и что я должен быть одним из членов оногo, сие донесение сделано было генерал-майором Сергеем Волконским... Невзирая на все слухи весьма дурные о нашем корпусе, я так был уверен, что они несправедливы, что ручался головою своею, что у нас нет общества... После сих допросов я был представлен к государю и точно так же ручался за корпус головою и решительно утверждал, что у нас нет общества. Государь со мною говорил милостиво и довольно долго, после чего я был опять отвезен в Главный штаб и содержан до тех пор, пока не собраны были доказательства в моей невинности»³⁰⁴.

Версия причин ареста и «главного обвинения», которой придерживается Воейков в письме, во многих элементах совпадает с итоговыми формулами следствия. Она целиком ограничивается неподтвержденным подозрением о Кавказском обществе; о других обвинениях, предъявленных автору, в письме умалчивается, как и о показаниях, которые подтверждали участие Воейкова в тайном обществе. Едва ли это случайно. Упоминание об акте освобождения сопровождается информацией о благородном и откровенном поведении автора письма на допросах, о случайности упавших на него подозрений. Несомненно, Воейков был заинтересован в сокрытии имевшихся против него серьезных обвинительных свидетельств, в концентрации внимания адресата на официально считавшемся «ложным» подозрении о Кавказском обществе, по которому автор письма был оправдан. Все это, в совокупности с дистанцированием от «общества злоумышленников», создает впечатление о полной невинности освобожденного. Конкретные показания о принадлежности Воейкова к тайному обществу оказались скрытыми. Эти же показания остались не востребованными и следствием.

Штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка **Илья Федорович Львов** был арестован по распоряжению, отданному командующим Гвардейским корпусом Воиновым 24 января 1826 г. Основанием для ареста стали показания Оболенского, который поместил в представленный им 21 января обширный список членов тайного общества фамилию Львова и в пояснение сообщил: «Львов и Кожевников приняты за несколько дней до 14-го декабря и, не командуя ротами, должны были действовать лично». Речь, таким образом, шла ни много ни мало об участии в военном мятеже. Кроме того, один из руководителей тай-

ного общества в Петербурге и заговора 14 декабря открыл в своих показаниях, что о существовании тайного общества и его цели Львову сообщили сначала Н.П. Кожевников (тоже офицер Измайловского полка), а затем Я.И. Ростовцев³⁰⁵.

И.Ф. Львов был сыном Федора Петровича Львова — человека, достаточно близкого к императорской фамилии, действительного статского советника, помощника статс-секретаря Государственного Совета по департаменту военных дел, известного музыканта, ставшего в 1826 г. директором Придворной певческой капеллы. Семейство Львовых было очень хорошо известно новому императору, оно пользовалось влиянием в придворных кругах³⁰⁶.

В ходе следствия быстро выяснилось неучастие Львова в действиях заговорщиков в Измайловском полку и в самом выступлении на Сенатской площади. В сводке данных о поступках арестованных офицеров в день восстания, собранных в Измайловском полку, о Львове сообщалось: во время присяги находился во фронте (своего полка. — *П.И.*), в сопротивлении присяге, организованной группой заговорщиков, не участвовал. Вместе с тем, по собранным данным, Львов оказался человеком, тесно связанным с участниками заговора из числа измайловских офицеров, — прежде всего с наиболее активным из них, Кожевниковым, который являлся к тому же его дальним родственником. 14 декабря ротный командир измайловцев И.И. Богданович, участник заговора, позвал Львова и «просил по родству унять Кожевникова, который (по словам его) бог знает, что делает с его стрелками». Львов отправился к Кожевникову, уговаривал его от имени Богдановича, упрашивал «не губить себя и отца своего...». Кроме того, стало известно, что 14 декабря офицер Конной гвардии (вероятно, Одоевский), встретив Львова, спрашивал у него как у своего товарища по заговору: «Что же не идет сюда ваш полк?»³⁰⁷

Львов был допрошен на заседании 26 января 1826 г., через два дня после ареста. Он категорически отрицал не только свое формальное участие в тайном обществе, но и какую-либо степень осведомленности о нем. Комитет, учитывая прямое свидетельство одного из лидеров заговора о его членстве, решил «спросить главнейших членов общества и дать в разноречии очную ставку», а также отобрать у Львова письменные ответы³⁰⁸. В ответах на допросные пункты Львов снова отрицал свое участие в тайном обществе и заговоре 14 декабря. Эти ответы были зачитаны на заседании 28 января. О Львове, как «несоз-

наоущемся», решили «собрать еще более справок», а затем дать очную ставку с обвинителями. Помета на показаниях Львова, сделанная Адлербергом, гласила: «Спросить о нем... Трубецкого, Рылеева, Никиту Муравьева, Алекс[андра] Бестужева... Пушина, Одоевского, Кожевникова (Изм[айловского] полка), Андреева, Малютина»³⁰⁹. Ответы собирались в течение 31 января — 1 февраля. 2 февраля на заседании Комитета были заслушаны отзывы о Львове, отобранные у Пушина, Одоевского, Рылеева, Трубецкого. Кроме них, в распоряжении следствия были уверенные показания Оболенского, который по-прежнему утверждал, что Львов принят в члены Кожевниковым и Ростовцевым. Комитет положил спросить о Львове и последнего³¹⁰. На заседании 4 февраля, согласно записи в журнале Комитета, были повторно заслушаны показания, сделанные Трубецким, Рылеевым, А. Бестужевым и Одоевским в ответ на особый запрос о Львове (все они не могли сказать ничего определенного о формальном приеме Львова в тайное общество, сообщая, что слышали об его участии от Оболенского). Комитет решил, что «хотя обвинение не сильно, однако для большего удостоверения, что он не ложно отрицается, уличить его очными ставками с князем Оболенским и Кожевниковым и, если его императорское величество дозволит, с поручиком Ростовцевым, бывшим адъютантом генерал-адъютанта Бистрома»³¹¹. Это решение так и не было реализовано: очные ставки с Оболенским, Ростовцевым и Кожевниковым не проводились.

В связи с имеющимися уличающими показаниями Львов был повторно допрошен: следствие пыталось выяснить меру его участия в тайном обществе. Львов продолжал категорически отрицать свою принадлежность к тайному обществу. Он отверг и главное уличающее показание Оболенского — о своем вступлении в тайное общество, знании планов заговорщиков и осведомленности о подготовке военного выступления в момент присяги новому императору. Ответ Львова был зачитан на заседании 20 февраля³¹². Тем временем показания Оболенского, сделанные со ссылкой на Кожевникова и Ростовцева, были проверены обращением к этим свидетелям, первый из которых также являлся подследственным. Показание Кожевникова, данное на следствии, отрицало информацию Оболенского, как и свидетельство, взятое у неарестованного Ростовцева. Оба отвергали осведомленность Львова о заговоре и, тем более, свою роль в приеме Львова в тайное общество. Ростовцев вообще не признал того факта, что в его присут-

ствии Оболенский сообщил Львову о планах тайного общества на 14 декабря, о чем свидетельствовал Оболенский³¹³. В результате после рассмотрения показаний Львова, Кожевникова и Ростовцева Комитет постановил представить императору об освобождении Львова с аттестатом. Реакция Николая I последовала незамедлительно: «Сейчас выпустить». Согласно помете чиновника Следственного комитета, распоряжение об этом было отдано уже на следующий день, 21 февраля, а 22 февраля на заседании Комитета решение об освобождении Львова с «аттестатом» было утверждено³¹⁴.

В справку «Алфавита» Боровкова о Львове включены данные об отрицании Кожевниковым и Ростовцевым его участия в тайном обществе, перечеркнувшие в глазах следователей обвиняющие показания, сделанные Оболенским. При этом некоторую часть показаний Оболенского Боровков все же был вынужден привести. Важным обстоятельством, способствовавшим освобождению Львова и признанию его невиновным, было свидетельство Кожевникова о том, что при сопротивлении присяге в Измайловском полку Львов не участвовал в агитации солдат и, более того, противоречил уговорам со стороны Кожевникова³¹⁵.

Между тем, уже после освобождения Львова следствие получило новые показания, свидетельствующие об его участии в тайном обществе. По-прежнему, уличающая информация исходила от Оболенского. В его дополнительных показаниях, данных в ответ на вопросные пункты от 14 марта, речь вновь шла о том, что Оболенский на квартире Ростовцева лично объявил Львову о планах заговорщиков и намерениях на 14 декабря. Замысел выступления, сообщенный Оболенским, заключался в намерении объявить солдатам о новой присяге как «обмане», собрать войска перед Сенатом, требовать объяснения причин, почему отказывается от престола Константин Павлович, объявить, что пока он жив, гвардия не вправе присягать другому кандидату, требовать собрания «представителей от губерний по примеру Соборов» для «назначения императора и формы правления», до созыва же этого собрания образовать Временное правление. Оболенский еще раз подтверждал, что он лично объявил этот план и намерения членам, связанным с ним по линии заговора напрямую: Кожевникову, Ростовцеву и другим, в том числе Львову. Показания Оболенского были зачитаны на заседании 16 марта, но никакого влияния на дело Львова они уже не оказали³¹⁶.

Крайне важным документом для анализа хода следствия по делу Львова, сохранившимся среди бумаг Комитета, является отношение начальника Главного штаба Дибича к председателю Следственного комитета Татищеву от 19 февраля. В нем сообщалась воля императора: «Касательно же лейб-гвардии Измайловского полка поручика Львова Его величеству угодно знать, скоро ли мера прикосновенности его к делу приведена будет в ясность, и желает, чтобы сие было кончено без замедления»³¹⁷. Причем слова о желании быстрого завершения расследования были приписаны отдельно рукой Дибича. Это характерный пример прямого вмешательства Николая I в ход следствия в отношении лица, принадлежащего к семейству, входившему в императорское окружение. Распоряжение императора, без сомнения, в немалой степени способствовало тому, что имевшиеся у следствия достаточные весомые уличающие показания, сделанные безусловно осведомленным руководителем заговора Оболенским, не были приняты во внимание, а оправдывающие Львова свидетельства его родственника Кожевникова и близкого друга Ростовцева (последний полностью отрицал и свое участие в заговоре) были признаны более авторитетными.

Следователей не смутили показания Оболенского об участии в тайном обществе Кожевникова и Ростовцева, о неоднократных конспиративных разговорах, которые вел с Львовым он и другие участники заговора, о растянутом во времени, постепенном посвящении Львова в планы и намерения заговорщиков. Показания Оболенского прямо свидетельствовали о состоявшемся принятии Львова в тайное общество, осуществленном двумя лицами при его собственном участии, о разговоре с Львовым, открывшим последнему конкретный план восстания, об осведомленности офицера в конкретных мерах, принятых в ходе подготовки мятежа.

Позиция Львова, проявленная на допросах и в письменных показаниях, была неколебимой на протяжении всего расследования. Он полностью отрицал любую формальную связь с тайным обществом и заговором, переводя свидетельства о контактах с членами общества в плоскость служебных и дружеских отношений. Следует признать, что такая позиция в ситуации, когда два свидетеля отрицали главные уличающие показания, являлась единственно пригодной для официального оправдания.

Весьма характерно, что многие обстоятельства дела Львова и, в

первую очередь, содержание полученных на следствии уличающих показаний были опущены в воспоминаниях его брата А.Ф. Львова. Согласно им, только спустя месяц после ареста состоялся допрос И. Львова на заседании Комитета, на котором ему было объявлено окончательное решение следствия: он найден невиновным; ему тут же выдали аттестат. По версии мемуариста, вобравшей в себя, очевидно, семейное предание (в основу которого легли, по-видимому, рассказы сумевшего оправдаться брата), Львов «был оговорен злоумышленниками, которые старались увеличивать число преступников, полагая, что чрез то будет облегчена участь их самих». Любопытно, однако, что автор свидетельства, далекого от воспроизведения многих реальных обстоятельств дела, особо отмечает: «по возвращении домой Илья не верил своему счастью, не верил, что он дома»³¹⁸. Все значение этого наблюдения раскрывается, если принять во внимание серьезность обвинительных показаний, имевшихся против Львова.

Весьма близким к заговорщикам человеком оказался младший брат И.Ф. Львова, подпоручик Измайловского полка **Василий Федорович Львов**. Согласно письму наиболее активного заговорщика среди измайловских офицеров Н.П. Кожевникова к бригадному командиру П.П. Мартынову, В. Львов вечером 14 декабря находился на его квартире, видел в его руках пистолеты и, «проникнув» намерение Кожевникова покончить жизнь самоубийством, просил его оставить это намерение³¹⁹. Степень доверия, которую питал один из самых активных заговорщиков в Измайловском полку к младшему Львову, по-видимому, было весьма высокой, и Львов был о многом осведомлен.

Братья Львовы фигурируют в очень важном эпизоде, обстоятельства которого расследовались на процессе, но остались без каких-либо последствий. Приехавший в казармы Гвардейского экипажа вечером 13 декабря измайловец И.П. Гудим, полковой товарищ Львовых, сообщил группе офицеров-заговорщиков, что, отправляясь к присяге в Зимний дворец и находясь в доме Львовых, член Государственного Совета Н.С. Мордвинов выразил свое решительное намерение противиться присяге Николаю I, при этом обратился к братьям Львовым со словами: «Теперь вы должны действовать». Показание об этом первоначально было сделано В.А. Дивовым, а затем полностью подтверждено другими свидетелями рассказа Гудима: А.П. и П.П. Беляевыми, А.П. Арбузовым, М.А. Бодиско. Согласно этим показаниям, Гудим

услышал все это от самих братьев Львовых. Гудим был немедленно арестован (23 февраля), на допросе сначала отрицал предъявленное ему показание, но перед угрозой очных ставок с морскими офицерами «после долгого запирательства» признал справедливость показаний; вновь допрошенные морские офицеры также подтвердили свои показания³²⁰.

24 февраля, почти сразу же после своего освобождения, И. Львову пришлось вновь предстать перед Комитетом, на этот раз вместе с братом Василием. Оба брата на допросе, несмотря на показания целой группы подследственных, категорически утверждали, что в дни междуцарствия не видели Н.С. Мордвинова в доме отца, ни от кого не слышали показанных слов и ничего Гудиму не говорили. На состоявшейся затем очной ставке с последним, проведенной для уличения Львовых с каждым из братьев порознь, они остались при своих показаниях. «По недостаточной улике» Комитет решил не считать показания Гудима доказательными, а Львовых освободить, обязав их не говорить о предмете допроса. Отрицание Львовых заставило Комитет остановить расследование этого эпизода, но в дальнейшем он получил подтверждение со стороны морских офицеров А.П. Арбузова и Б.А. Бодиско. Однако следствие больше не интересовалось данным сюжетом³²¹. Несомненно, этот эпизод составил звено в секретном расследовании связей декабристского заговора с высшими государственными лицами. В делах А.П. и П.П. Беляевых, А.П. Арбузова, В.А. Дивова, а также в следственных делах Гудима и Львова отложилась некоторая часть материалов этого расследования³²².

Привлечение к следствию братьев Львовых в связи с показаниями офицеров Гвардейского экипажа получило в семье Львовых следующее объяснение: уличающие показания дал Гудим, который выдумал все обстоятельства эпизода. Мотивом «оговора» со стороны Гудима явилось будто бы стремление «придать себе более важности в обществе, в котором [он] был членом»³²³. Это утверждение не находит подтверждения в документах следствия: формальная принадлежность Гудима к тайному обществу на процессе не была установлена, первоначальные уличающие показания были даны не им, а участниками восстания — морскими офицерами, которые разговаривали лично с Гудимом в канун событий 14 декабря и являлись авторитетными свидетелями в данном вопросе. Неверное обоснование появления уличающих показаний, отразившееся в семейном предании, пред-

ставляется весьма симптоматичным. Оно в особенности обращает на себя внимание потому, что, в сущности, сообщает о полной фабрикации уличающих показаний; но, как видим, это обоснование не выдерживает проверки фактами³²⁴. В действительности, Гудим не признался в своей принадлежности к числу членов тайного общества и участия в совещаниях заговорщиков, но несмотря на это подвергся административному наказанию.

Совершенно фантастическими выглядят мотивы «оговора» со стороны Гудима, приведенные в записках А.Ф. Львова: придание себе «веса» в заговоре грозило лишь более тяжким наказанием. Очевидно, действительные обстоятельства этого эпизода существенным образом отличаются от семейного предания, а значит, правомерно придать больше веса показаниям флотских офицеров и вынужденному признанию Гудима. Отсюда с необходимостью вытекает вывод о более серьезном участии братьев Львовых в декабристском заговоре, чем это явствует из материалов следствия и, тем более, из его итогового заключения. Как представляется, всплывший на следствии эпизод с Мордвиновым объясняет одну из причин сокрытия фактов, связанных с участием Львовых в заговоре: возможно, эти офицеры являлись одним из звеньев, которые связывали руководство декабристского заговора с государственными деятелями, высшими сановниками, заинтересованными в политических переменах.

В числе подозревавшихся в участии в заговоре декабря 1825 г. находились братья **Владимир Николаевич** и **Николай Николаевич Креницыны**, прапорщики Измайловского полка. Арестованный по подозрению в участии в заговоре подпоручик того же полка К.П. Миллер показал, что его однополчанин подпоручик А.А. Фок 15 декабря, на следующий день после событий, когда офицеры полка, сопротивлявшиеся присяге, были вызваны к полковому командиру для объяснений, сообщил Миллеру, что «призывали только пятерых, но что еще были в заговоре два Креницына», которые, по словам Фока, «приглашены были в общество подпоручиком Кожевниковым и обещали не присягать», однако в действиях заговорщиков не участвовали. Эти сведения были предъявлены на следствии Фоку в сопровождении вопросов: «Точно ли Креницыны были предварены о намерении [заговорщиков] и точно ли обещали не присягать... в чем состояли их действия, когда и кем были приняты?». В своем ответе от 1 февраля Фок показал, что ему неизвестно, были ли Креницыны предупрежде-

ны и обещали ли они не присягать, но утверждал, что узнал об участии их «не ранее, как вечером накануне... происшествия», причем застал их у Кожевникова, и поэтому считал, что последний и принял обоих братьев в заговор. «Я не полагаю, чтобы они и после принимали какое-либо участие, да и у самой присяги я их не заметил, впрочем, ручаться не могу. Миллеру же я не говорил, что они обещали не присягать, а говорил, что они тоже замешаны», — заключал Фок³²⁵. Главный свидетель, Н.П. Кожевников, был также спрошен о Креницыных. Он подтвердил, что Креницыны являлись участниками «рассуждений его с прочими о сопротивлении новой присяге», но, по его утверждению, ничего не знали о существовании тайного общества и его планах. Главные члены Северного общества отозвались незнанием на запрос о принадлежности Креницыных к тайному обществу и участии их в заговоре³²⁶.

После этого расследование было прекращено. Следствие, очевидно, пришло к заключению, что показания Фока и особенно Кожевникова «очистили» братьев Креницыных от обвинения в принадлежности к тайному обществу. Показания Миллера были «оставлены без внимания», сами Креницыны не привлекались к допросам³²⁷. Следует отметить, что сам факт осведомленности о готовящемся выступлении, а он был подтвержден полученными показаниями главных свидетелей, очень часто рассматривался как достаточный для предъявления обвинения и соответствующего (главным образом, административного) наказания. В данном случае фактически состоялось оправдание причастных к заговору офицеров; важную роль в этом сыграли, как видится, показания «главных» членов, отрицавших формальное членство Креницыных в тайном союзе.

Причастность братьев Креницыных к заговору, несмотря на оправдание их следствием, все же не осталась незамеченной. В отличие от большинства лиц, признанных невиновными, Креницыны находились на подозрении и после 1825–1826 гг. Бывший дивизионный начальник Измайловского полка император Николай I хорошо помнил каждого офицера и, по всей видимости, во время следствия тщательно наблюдал за тем, кто из них и в какой мере окажется причастным к тайному обществу и событиям 14 декабря. Поэтому когда вскоре после 1825 г. к нему поступил донос-характеристика на некоторых офицеров-измайловцев со сведениями о причастности их к заговору 1825 г., он счел нужным отразить в особых пометах свое

мнение, основанное на материалах следствия 1825–1826 гг. и собранных в полку данных о поведении офицеров-заговорщиков 14 декабря. Пометы Николая I — очень важное и крайне любопытное свидетельство тех представлений о причастности офицеров полка к заговору, которые оформились у императора после окончания следствия. Почти все офицеры из списка, представленного вместе с доносом, были так или иначе «оправданы» замечаниями Николая I, за исключением братьев Креницыных. Напротив фамилии «поручика Креницына 1-го» император написал: «Он почти наверное участвовал в заговоре 14-го числа», напротив фамилии «подпоручик Креницын 2-й» — «Истинный негодяй», демонстрируя свое личное отношение к офицеру, подозревавшемуся в принадлежности к заговору³²⁸. Оценивая свидетельство, можно сделать вывод: несмотря на оправдание во время следствия, эти офицеры оставались в глазах высшей власти «виновными»: император, по-видимому, считал их заговорщиками, избежавшими наказания. В данном случае налицо ясные доказательства того, что акт оправдания следствием не исключал убеждения власти в неправильности итогового решения следствия, ее уверенности в сокрытии имевших место в действительности фактов и обстоятельств.

Говоря об освобожденных и оправданных в ходе следствия лицах, исследователь не может пройти мимо **Василия Петровича Зубкова** и **Бориса Карловича Данзаса**. В ходе расследования причастности их к тайному обществу сложилась весьма запутанная ситуация, наблюдаемая также в значительной степени и в исследовательской традиции, при оценке участия в декабристском союзе. Не позднее 6 января В.И. Штейнгейль, на первом допросе, снятом Левашевым, открыл, что он «видел частое сношение» И. Пущина с В.П. Зубковым, Б.К. Данзасом и Павлом И. Колошиным, при этом сам не мог подтвердить участие этих лиц в тайном обществе. Показание привлекло внимание императора, который на основе не очень четких свидетельств Штейнгейля отдал распоряжение о привлечении к процессу Зубкова и Данзаса: 6 января на заседании Комитета начальник Главного штаба Дибич объявил высочайшее повеление арестовать их³²⁹.

13 января состоялись первые допросы Данзаса и Зубкова на заседании Комитета, а затем им были даны вопросные пункты. Данзас показал, что в тайном обществе не был, но знал от Пущина о его существовании и цели — распространении образования и искоренении злоупотреблений. Зубков же свидетельствовал, что ничего не знал

о тайном обществе и не слышал о его существовании. На заседании 14 января в связи с показанием Данзаса было решено спросить Пушина: не открывал ли он еще что-нибудь, а Зубкова представить к освобождению. На показаниях Зубкова появилась помета Татищева: «О освобождении представить государю императору»³³⁰. Но резолюция императора на докладной записке о заседании Комитета гласила: «Повременить»³³¹.

В своих показаниях Данзас признал, что летом 1825 г. слышал от своего соученика по Лицею Пушина о некоем обществе с политической целью, но не придавал этому значения; собственную же причастность к этому обществу отрицал на протяжении всего расследования, заявляя о своей полной «невинности»³³². 20 января на заседании Комитета зачитывались показания, запрошенные у Пушина, который свидетельствовал, что в разговоре с Данзасом объявил о своей принадлежности к тайному обществу, имеющему цель «покамест» благотворительную, но которое в будущем намерено подготовить «средства к изменению правительства»; Данзас, по утверждению Пушина, советовал ему оставить это намерение. Больше ничего о тайном обществе Данзас, по словам Пушина, не знал, другого разговора между ними не было, а вступить в члены ему не предлагалось. Комитет решил представить решение об участии Данзаса императору, предлагая освободить его, вменив ему в наказание «за то, что не донес о тайном обществе», взятие под арест и содержание в крепости. Так же предлагалось поступить и относительно Зубкова, которого Комитет уже представлял к освобождению³³³. В докладной записке императору о Зубкове указывалось, что со времени резолюции императора о продлении расследования не обнаружилось никаких данных о принадлежности Зубкова к тайному обществу или его знании цели этого общества, поэтому Комитет вновь предлагал его участь на рассмотрение. Последовали резолюции императора: в отношении Зубкова — «выпустить с аттестатом», в отношении Данзаса — «посадить еще на месяц на гауптвахту и потом выпустить»³³⁴.

Тем временем 21 января, в своем большом перечне участников тайного общества, Оболенский назвал Зубкова среди членов, находящихся в Москве. Вместе с Колошиным, Штейнгейлем, Горстким и Нарышкиным Зубков был охарактеризован так: «Все сии члены женаты и потому принадлежат к обществу единственно по прежним связям», а «круг их действий» заключается только в благотворении,

освобождении дворовых, улучшении состояния крестьян, заведении школ «в деревнях». Зубков был назван Оболенским среди членов тайного общества, имевшего целью «распространение просвещения», «улучшение состояния крестьян», освобождение дворовых людей. При этом Оболенский лично не знал Зубкова³³⁵. Речь шла о созданном Пушиным в Москве в начале 1825 г. «Практическом союзе», состоявшем из бывших членов Союза благоденствия, членов Московской управы Северного общества и его друзей, ранее не принадлежавших к политическим тайным обществам.

Показание Оболенского, адресованное на имя Николая I, поступило уже после принятия решения об освобождении Зубкова. По воле императора, объявленной Левашевым, у Зубкова был отобран уже выданный ему оправдательный документ «под видом некоторых перемен», а выезд из Петербурга запрещен. У Пушина и других участников «Практического союза» затребовали дополнительные показания. Пушин и Павел Колошин отвечали, что Зубков не принадлежал к нему, руководители Северного общества не знали о членстве Зубкова, Оболенский в повторном показании отвечал, что точно не знает, состоял ли Зубков в этом союзе, ссылаясь в этом вопросе на Пушина (о принадлежности Зубкова к какому-либо другому обществу Оболенского не спросили, об источнике сведений, которые легли в основу его прежнего показания, — тоже). Вывод, который сделали члены Комитета на заседании 25 января, состоял в том, что «уважительных причин привлекать Зубкова к делу о злоумышленном обществе» из представленных показаний не открывается, в силу чего аттестат ему нужно возратить и разрешить отъезд из Петербурга. Император согласился с этим мнением³³⁶. В «Алфавите» Боровкова утверждалось, что Зубков «оказался не принадлежащим к обществу и не знавшим о существовании оно́го», а Данзас «только слышал о существовании общества, стремящегося к ниспровержению правительства, и о том не донес»³³⁷.

Зубков оставил любопытнейший документ: «Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости», одно из первых по времени мемуарных свидетельств об аресте и привлечении к следствию по делу декабристских тайных обществ, созданное «по горячим следам» спустя несколько месяцев после освобождения. Особую ценность документу придает его синхронность событиям, свойственная ему подробность в описании основных процедур следствия. Это обстоятельство открывает уникальные возможности для оценки мотивов поведения

подследственных, с одной стороны, и для анализа политики следствия, с другой. В «Рассказе» Зубкова можно обнаружить уникальные данные о приемах ведения «устных» допросов Комитетом, характере воздействия руководителей следствия на подозреваемого, которые нельзя извлечь из сохранившихся документов следствия. Зубков отразил существенно важные принципы, методы и приемы ведения устных допросов, которые, в той или иной степени, проявлялись в большинстве других случаев, в том числе в случаях подозреваемых, оправданных затем в ходе процесса. Это обстоятельство придает источнику особую ценность в контексте изучения особенностей расследования по «делу декабристов».

«Рассказ» позволяет установить тот пласт настроений и мотивов поступков подследственного, который трудно обнаружить в фиксированном виде в тексте даваемых им показаний, а также лучше понять характер воздействия на личность арестованного тех или иных шагов следствия. Вместе с тем, при сопоставлении с оригинальными показаниями Зубкова открывается возможность оценить точность его воспоминаний, критически проверить мемуарное свидетельство.

В ракурсе изучаемой проблемы оправдательный вердикт следствия в отношении Зубкова, несмотря на имевшиеся показания об участии его в тайном обществе, принадлежность мемуариста к категории оправданных наделяют рассматриваемый документ особым значением для настоящего исследования³³⁸.

«Рассказ» Зубкова передает важные и, несомненно, типичные элементы «обработки» следователями вновь арестованного лица во время устного допроса — как предварительного, проводившегося Левашевым, так и «формального», на заседании Комитета. Так, согласно «Рассказу», Левашев начинает допрос сразу с сообщения об уличении нового подследственного свидетелями — его близкими друзьями и товарищами по службе, хорошо осведомленными лицами, предлагая немедленно признаться в принадлежности к тайному обществу, не усугубляя свою вину «запирательством». Если вновь арестованный отвергал сделанные против него показания, то заявлялась возможность очной ставки с теми, кто свидетельствовал против него. Сведения об обвинениях со стороны товарищей, так же как и угроза очной ставки, конечно, должны были серьезно воздействовать на допрашиваемого. Зубков, согласно мемуарному «Рассказу», на этом допросе считал возможным «открыть» о предложении, сделанном ему в 1817 или

1818 г., — вступить в литературное общество (не политическое, т. е. не антиправительственное). Вместе с тем он категорически отрицал свою принадлежность к тайному обществу политического характера. Обращение к оригиналу показаний Зубкова существенно корректирует это сообщение: согласно записи допроса Левашевым, Зубков указывал на то, что в 1818 или 1819 г. ему было предложено Ф.П. Шаховским вступить в общество, в котором требовалось жертвовать 10 % своего годового дохода. Это сообщение поразительным образом совпадает со сведениями из доноса члена Союза благоденствия М.К. Грибовского, который сообщал, что члены этого Союза обязаны жертвовать 10 % своих доходов. Кроме того, в показаниях Зубкова ничего не говорится о литературном характере этого общества. Можно уверенно полагать, что Шаховской предложил Зубкову вступить в Союз благоденствия, но тот, если опираться на его собственное показание, отказался³³⁹. В 1817 г. Зубков окончил Училище колонновожатых; именно в это время из среды воспитанников Училища активно набирались новые члены Союза благоденствия³⁴⁰. В мемуарном «Рассказе» Зубков, как представляется, счел за лучшее упомянуть о литературном характере того общества, в которое его приглашали.

Результаты допроса у Левашева были немедленно доведены до сведения императора. Левашев передал Зубкову слова Николая I о том, что его поместят в крепость и подвергнут дальнейшим допросам; если он докажет свою невинность, его «освободят» через два-три дня или «немного больше». Такая оценка содержала надежду на освобождение, если, при отсутствии новых уличающих данных, подследственный оставался на позиции полного отрицания участия в тайном обществе и даже знания о существовании этого общества³⁴¹. Очевидно, подозрения против Зубкова и Данзаса были довольно значительны, — такого рода, что после первого допроса обоих отправили в крепость (в своем «Рассказе» Зубков удивлялся, что признавшегося в принадлежности к тайному обществу в 1817 г. А.А. Тучкова поместили в Главный штаб). Несомненно, причиной тому стала обнаруженная близость обоих к Пушину, одному из главных деятелей Северного общества и выступления 14 декабря 1825 г.; Тучков же заявил только о своей давней принадлежности к Союзу благоденствия³⁴².

Допрос Зубкова на заседании Комитета вел А.Х. Бенкендорф. На нем начался новый этап противоборства следователей и подозреваемого. Со стороны следствия вновь прозвучала констатация уже «из-

вестного» факта участия подозреваемого в «преступном» обществе: по словам члена Комитета, показания «неоспоримо доказывают» принадлежность Зубкова к тайному обществу; об этом говорят и вскрытые связи его с арестованными³⁴³. Требовалось откровенное и полное признание в характере участия в тайном обществе, либо осведомленности о нем. Примечателен и другой прием следователей в ходе «подготовки к допросу», направленный на формирование у обвиняемого надежды на прощение со стороны высшей власти. Член Комитета сообщал допрашиваемому: «Если сознаетесь — можете надеяться на высочайшее прощение»; если отрицание имеющихся доказательств продолжится — последует неминуемое и тяжелое наказание. Надежда на прощение в случае откровенного признания сопровождалась угрозой ужесточения наказания за сокрытие правды.

Согласно описанию Зубкова, следователи пошли даже на формулирование собственной оценки критериев причастности к конспиративной организации. Они утверждали во время устного допроса, что «преступное» тайное общество существенным образом отличается от масонства с его обрядностью и отлаженной методикой принятия членов: в отличие от масонства, в данном обществе «если вы разделяете идеи хоть одного из его членов, вы уже этим самым принадлежите к нему... вас могли завлечь»³⁴⁴. Тем самым подчеркивалась слабая формализация конспиративных связей, их неоформленность, отсутствие особых обрядов и развернутой системы посвящения в члены.

Зубков продолжал отрицать и свое членство в конспирации, и знание о ее существовании, и общий с ее участниками образ мыслей. При повторном отрицании следователи вновь сообщили о неизбежности очных ставок с обвинителями, но на этот раз в сопровождении конкретной угрозы: «...навстречу гибели идете». Подследственному настойчиво внушалась мысль, что ему не удастся избежать серьезного наказания после того, как выяснится факт «запирательства». Зубков со своей стороны настаивал на «оклеветании» «честных людей», просил очной ставки: «Возможно, что другие лица назвали меня, чтобы увеличить число виновных». Бенкендорф еще раз указал на то обстоятельство, что Зубкова обвиняют его близкие друзья — тем самым обвинение имело серьезное доказательное значение: «Вы не можете же отрицать, что эти господа говорили при вас о своих планах?». Зубков отверг это. Его отрицание следователи встретили, по словам мемуариста, недоверчиво: сам факт, что подозреваемый был близким

другом главных заговорщиков, от чего он не отказывался, для них был вполне достаточен для серьезного подозрения. Отрицание Зубкова — что при этом он не слышал от них политических разговоров — в момент допроса явно оценивалось как неискреннее, и допрашиваемый подвергался активному давлению. В заключение допроса Зубкову обещали провести очную ставку и потребовали от него обдумать свои показания, прежде чем изложить их на бумаге. Его вновь поставили перед выбором: надежда на прощение в случае полной искренности или верное наказание («гибель»).

Письменные «пункты», по заключению Зубкова, представляли собой фактически полное повторение вопросов, заданных в присутствии Комитета. Они включали вопросы о принадлежности к тайному обществу и знании его целей и намерений. «Не дожидаясь приведения неопровержимых доказательств и очной ставки с... обвинителями», предлагалось признаться откровенно в членстве или знании о существовании общества. Формулировалось доказательство принадлежности Зубкова к числу членов: его связи с активнейшими членами и полученные показания³⁴⁵.

В письменных показаниях Зубков продолжил линию полного отрицания; он категорически отверг обвинения, повторив сообщение о своем участии в масонских ложах и отказе от предложения войти в состав общества с благотворительной целью. Свои контакты с главными обвинителями Зубков поставил в рамки дружеских отношений, утверждая, что никогда не имел с ними политических разговоров. От Пущина слышал о пользе освобождения крепостных, «жалобы на судопроизводство»; разговоры о важных предметах встречал со смехом, зная его как человека «веселого». О цели его отъезда в Петербург в дни междуцарствия не знал. В некотором противоречии с занятой позицией, с заявленным отсутствием политических разговоров Зубков показал, что с Кашкиным говорил о «французском правлении», депутатах, улучшении судопроизводства, адвокатах и т. д., но о тайном обществе не говорил, дополнительно сообщая, что сам вскоре «совершенно перестал заниматься политикою» (?!), «закрыл Сея и Сисмонди»³⁴⁶. Согласно «Рассказу», Зубков счел также нужным «открыть» о собраниях у Колошина по вечерам, на которых он часто бывал («мы обыкновенно съезжались все у Колошина...»), но, не дожидаясь их завершения, сам лично уезжал домой (в показаниях этой детали нет, наоборот, сообщается, что здесь между прочим говорили об «устрой-

стве» своих имений). Зубков ссылался на Данзаса, Колошина и Пущина и вновь утверждал свои отрицания.

В оригинале показаний Зубков большое место отвел утверждению, что, будучи хорошо знаком с Павлом Колошиным, Кашкиным, С. Семеновым и Пушиным, никогда не слышал от них о тайном обществе. Зубков утверждал также, что не боится ни улики, ни очных ставок и уверен в своей невинности. Вместе с тем он писал: «Не ручаюсь совершенно за свою память и не могу решительно сказать, чтобы никогда ни с кем политического разговора не имел...». Кроме того, Зубков косвенно ставил под сомнение объявленный им «неполитический» характер своих отношений с некоторыми из названных им лиц, свидетельствуя, «что уже около двух лет... ни одной политической, ни юри[ди]ческой книги не читал и не думал ни о теориях, ни о переменах...». Получалось, что раньше Зубков об этих предметах думал и, вероятно, говорил с известными участниками тайных обществ³⁴⁷.

На примере Зубкова хорошо видно, что одной из существенно важных для последственного проблем построения линии защиты являлось «объяснение» полученных следствием обвинительных показаний, иными словами — трансформация их содержания из обвинительного в «безопасное». После настойчивого решительного отрицания «политических разговоров», не говоря уже о принадлежности к тайному обществу или знании о нем, Зубков, как он пишет, «не переставал думать» о действии, которое это отрицание произведет на следствие. По-видимому, он не был уверен в эффективности занятой позиции в связи с наличием, по уверениям следователей, показаний авторитетных свидетелей об обратном. Поэтому Зубков решил послать дополнительное показание (оно датировано 15 января), в котором как раз и пытался объяснить появление обвиняющих показаний, очень мало зная об их сути: это была одна из главных уловок следствия. Он решил сообщить о характере политических разговоров, которые он раньше полностью отрицал; этим своим показанием он фактически признавал их: «Члены тайного общества могли считать меня за своего, потому что по приезде моем из-за границы я занимался политикою и восхищался французскими постановлениями... Главными нашими разговорами были судебные дела... никогда не желал освобождения крестьян... Я верил глупым слухам о могущей произойти междоусобной войне после кончины императора Александра...

никогда ни с кем не стоваривался переменить образ правления в России...», а со времени женитьбы перестал заниматься политикой³⁴⁸. Но перемены, как считал автор показания, должны исходить от верховной власти; он снова требовал очных ставок. Зубков выражал уверенность в своем оправдании, даже просил у императора гласного оправдания, чтобы официально очиститься от подозрений и вернуть к себе «уважение» в обществе. Вместе с тем из «Рассказа» явствует, что он ожидал очной ставки с большим волнением. В этом можно усмотреть естественное волнение невинно обвиненного перед встречей с обвинителем. Но нельзя исключать и другое: скрываемое им на допросах опасение того, что доказательства невинности окажутся недостаточными, страх перед обнаружением скрываемой информации.

Очной ставки так и не последовало, ожидание решения следствия затягивалось. Крепостное заключение и, в особенности, ожидание вердикта следствия налагали серьезный отпечаток на линию защиты подследственного. Постоянное ожидание решения участи (освобождения или нового обвинения) подтачивало силы, заставляло предпринимать новые шаги. Зубков отмечает охватившее его желание получить свободу любым путем: даже через лишение чина и «сана» (дворянства)³⁴⁹. Он не исключал того, что избранная линия защиты не принесет ему оправдания, и от нее придется отказаться, что доказательства будут более серьезными и достаточными для обвинения. Что за этим стоит: убеждение невинного в пристрастном, обвинительном уклоне следствия или угрожавшее подследственному обнаружение фактов участия в делах тайного общества?

Вскоре Комитет признал, что Зубков не только не принадлежал к тайному обществу, но и не слышал о его существовании. Любопытно выстроен в мемуарном «Рассказе» эпизод с временным изъятием у Зубкова оправдательного документа в связи с показаниями Оболенского. Особенно важно, что несмотря на свое освобождение и получение «аттестата», Зубков, однако, не был до конца уверен в своем полном оправдании. Возможно, он ожидал новых «открытий» со стороны подследственных. Узнав, что в Петербург привезен П.Д. Черкасский, товарищ Зубкова и Данзаса по службе у Д.В. Голицына, он «был сильно возбужден» и, уже находясь на свободе, лег спать «с твердой уверенностью», что его вновь арестуют. И действительно, на следующий день ему было велено явиться к столичному генерал-губернатору П.В. Голенищеву-Кутузову; здесь у него был отобран

«аттестат». Несмотря на официально названную причину («пропуск» в документе), Зубков не сомневался в том, что его привлекут к следствию снова. Согласно изложенному в «Рассказе», он отправился к Левашеву и сообщил о криминальном, с его точки зрения, эпизоде: разговоре с Черкасским, в котором он рассказал последнему о существовании «мнимого заговора» во главе с А.П. Ермоловым, — по словам Зубкова, «ради смеха». Но Левашев не придал этому никакого значения, зато назвал истинную причину задержки с полным освобождением: показание Оболенского. Согласно «Рассказу...», Оболенский показал о принадлежности Зубкова к разряду членов, где целью считалось «распространение образования». Характерно, что Левашев озвучил позицию следствия: этот «класс» не подлежит ответственности, но есть подозрение, что принадлежавшие к нему лица могли знать о других, политических планах, «...обо всем обществе». При этом Левашев не мог сказать Зубкову об ожидавшей его участи; последний был уверен в предстоящем новом заключении. Но, как он узнал позже, продолжение расследования по его делу было сочтено излишним, через несколько дней ему возвратили оправдательный документ и выдали разрешение покинуть Петербург: Оболенский не мог доказать свое показание³⁵⁰.

Какова же все-таки действительная степень участия Зубкова в делах тайного общества? Можно ли говорить о его членстве в декабристском союзе? Оправдательный вердикт определили показания самого Зубкова, проведенное им до конца отрицание любых свидетельств о своем членстве или извещенности о тайном обществе, даже «политических разговоров» с арестованными, а также показания единственного свидетеля — друга Зубкова, Пущина. В силу этого его принадлежность к конспиративным организациям на следствии не была доказана, хотя об этом свидетельствовал вполне осведомленный Оболенский. Несомненно, в качестве уличающей информации может рассматриваться показание С.Н. Кашкина, который в ответах на допросные пункты от 24 января сообщал, что С. Семенов в доме Зубкова «в присутствии хозяина» передавал содержание адресованного ему письма И. Пущина (о намерении поднять восстание в Петербурге), впрочем, утверждая, что Зубков к тайному обществу не принадлежал. Эти показания были зачитаны в Комитете 27 января³⁵¹.

«Невиновность», при внимательном анализе показаний Зубкова и свидетелей по его «делу», а также мемуарного «Рассказа», ставится в

значительной степени под сомнение, так как вступает в противоречие с целым рядом обстоятельств и весомым количеством косвенных данных. Во-первых, это многолетние тесные связи Зубкова с московскими конспираторами, что удостоверено показаниями Оболенского, Штейнгейля, Данзаса, Кашкина; об этом же говорит факт совместного обучения Зубкова с многими будущими участниками конспирации в Училище колонновожатых (в т. ч. с Павлом Колошиным и др.), предопределивший их давнее знакомство³⁵²; сюда же следует отнести отраженную в показаниях и «Рассказе» Зубкова его многолетнюю дружбу с активными участниками московской управы Северного общества (Пушиным, Кашкиным, Колошиным), постоянный контакт с товарищами по службе при Московском генерал-губернаторе и в Московском надворном суде. Во-вторых, это занятия «политическими науками», отнесенные Зубковым ко времени после возвращения из-за границы, — интерес, сблизивший его с участниками декабристской конспирации. Питаемое им «восхищение» французскими судами присяжных и конституционными учреждениями делало его единомышленником декабристов. В-третьих, серьезное значение имеет факт сделанного Зубкову предложения вступить, очевидно, в Союз благоденствия, которое было им отвергнуто, по собственному утверждению; это указание подозреваемого осталось непроверенным. В-четвертых, особый интерес представляет упомянутое показание Кашкина о прочтении письма Пушина к С. Семенову (в нем сообщалось о подготовке выступления 14 декабря) в доме Зубкова, в его присутствии. Этому свидетельству на следствии не было придано должного значения: факт осведомленности Зубкова о готовящемся мятеже в Петербурге, видимо, остался вне сферы внимания следствия, между тем, его трудно переоценить: при Зубкове можно было говорить о самом сокровенном, не опасаясь распространения конспиративной информации. Это показывает как тесные отношения Зубкова с видными деятелями декабристского общества, так и близость его «образа мыслей» московским конспираторам, если не полное единство их взглядов. Очевидно, посвященность Зубкова в дела тайной организации, доверие к нему были столь серьезными, что при нем не скрывали самых важных вопросов, к которым безусловно относился предмет письма Пушина. Подобный уровень доверия соответствует, как правило, формальному членству (хотя бы первой степени членства). Примечательно, что в своем мемуарном «Рассказе» Зубков придает

особое значение аресту Кашкина: по словам Зубкова, когда он узнал об этом, стало ясно, что и ему самому не удастся избежать привлечения к следствию. Зубков объяснял это тем, что Кашкин был «связан со многими серьезно замешанными лицами»; при этом «Рассказ» содержит неоднократно повторяемые уверения Кашкина, «что не принадлежит ни к какому тайному обществу» (однако на следствии вскрылось обратное: оказалось, что Кашкин участвовал и в Союзе благоденствия, и в Московской управе Северного общества, входил он и в «Практический союз»³⁵³).

Важно отметить, что мемуарный «Рассказ» Зубкова создавался в целях самореабилитации: автор неоднократно заявляет о своей невиновности, уделяет внимание опровержению «слухов» и подозрений о его формальной принадлежности к тайному обществу³⁵⁴. И в показаниях, и в «Рассказе» он стремится представить себя исключительно другом и сослуживцем арестованных, оставшимся при этом вне конспиративных связей. Между тем, в показаниях Зубкова и в «Рассказе» обнаруживается немало оговорок и указаний, заставляющих сомневаться в правдивости избранной им на следствии основной линии защиты. 1) Обращает на себя внимание интерес Зубкова к политическим вопросам, отвергаемый в показаниях, но вытекающий из их существа. Этот интерес влек за собой занятия политэкономией, юриспруденцией, историей, статистикой, обостренное внимание к современным политическим проблемам. Отсюда с неизбежностью вытекает наличие «политических разговоров» с известными членами тайных обществ, составлявшими близкое окружение Зубкова. Следовательно, отрицание Зубковым разговоров политического характера с арестованными не находит подтверждения в его же собственных показаниях, вступает с ними в противоречие. 2) Не менее существенны постоянные встречи Зубкова с участниками тайных обществ, тесное дружеское общение с ними на протяжении многих лет, фиксируемое в его показаниях. Из этого явствует откровенный, доверительный характер их взаимоотношений, что на фоне близости политических взглядов создает почву для вовлечения в ряды тайного общества. 3) Еще более важными являются черты и характеристики поведения Зубкова в период следствия, говорящие о колебаниях в правильности выбранной линии защиты, скрытых от следствия фактах и обстоятельствах, о которых можно судить, опираясь на замеченное выше противоречие в показаниях Зубкова.

К числу этих черт и характеристик нужно отнести: а) противоречия в показаниях, колебания в занятой позиции полного отрицания; б) беспокойство перед очной ставкой с основным свидетелем; в) добровольное объявление следствию, почему заговорщики считали его «своим»; г) промелькнувшую мысль о более серьезном «признании»³⁵⁵; д) страх перед новыми обвинениями; е) опасение серьезного наказания, которое не соответствовало открытой в показаниях и выявленной следствием информации; ж) неуверенность в полном официальном оправдании; з) убежденность в новом аресте (уже после состоявшегося освобождения).

Ожидание серьезных и конкретных обвинений со стороны следствия и свидетелей, которое обнаруживается при анализе мемуарного «Рассказа» Зубкова, говорит о многом. И, прежде всего, о наличии предмета умолчания, скрытого от официального расследования. Почти с полной уверенностью можно утверждать: в ходе следствия Зубков сомневался в том, что избранная им линия защиты принесет оправдание, что она выдержит новые обвинения. Если Зубков был уверен в своей полной непричастности к тайным обществам, в полноте и откровенности своих показаний, то почему он опасался новых обвинительных данных и нового ареста, почему боялся грозящего ему серьезного наказания (не за «запирательство» ли)? Ответить на этот вопрос можно дать, только предположив, что часть информации о контактах Зубкова с декабристским обществом была им скрыта в показаниях и в оправдательном мемуарном «Рассказе».

В этой связи интересно отметить следующее: Зубков уверял в своем «Рассказе», что он «не был виновнее» Данзаса, и хотел знать о том, что случилось с Данзасом: «Если бы я знал, в каком он положении, то ждал бы того же и для себя...». Поэтому он интересовался участием друга даже у посещавшего его в крепости офицера. Между тем, как уже говорилось, Данзас признался, что слышал о существовании тайного общества с целью «изменения» правительства, хотя сам в него не вступал. Если это действительно так, то подобные связи с заговорщиками, по-видимому, имелись у Зубкова. На следствии ему удалось почти полностью умолчать о политическом характере «бесед» и контактов с Пушиным и другими, тогда как Данзас не смог выдержать эту позицию до конца, поплатившись месячным арестом на гауптвахте. Таким образом, следует предположить, что и в случае Зубкова имела место та же степень причастности к декабристской конспирации: речь

идет по крайней мере о знании существования тайного общества с целью изменения «образа правления», осведомленности о его политической цели. Думается, данное наблюдение может служить надежным основанием для вывода о том, что обоим освобожденным, равно как и основным свидетелям по их делам, удалось скрыть и некоторые другие факты и обстоятельства. Позиция же Пуштина, отраженная в его показаниях, в немалой степени определялась давними дружескими отношениями с совоспитанником по Лицею Данзасом и Зубковым.

Прямого и однозначного ответа на вопрос о членстве Зубкова и Данзаса в Московском отделении Северного общества получено не было, и вряд ли этот вопрос можно решить окончательно при настоящем состоянии источников. И Зубков, и Данзас демонстрировали на следствии полную откровенность, подробно рассказывая о своих встречах с арестованными товарищами, сообщая о мелких деталях разговоров с ними и создавая таким образом впечатление исчерпывающей полноты показаний и полной искренности. Оба требовали очных ставок с обвинителями, показывая уверенность в своей невиновности (заметим, что этого требовали и многие лица, впоследствии признанные виновными). Вместе с тем следует констатировать: из всей совокупности данных видно, что оба оправданных лица знали о существовании общества с благотворительной и политической целью во главе с Пуштинным, вели разговоры на актуальные политические и острые общественные темы с его известными участниками. Дело, таким образом, не ограничивалось «короткими связями» по службе и дружбой с несколькими «из самых ревностных» членов тайных обществ³⁵⁶. Необходимо указать и на то, что Зубков и Данзас более всего контактировали с участниками «Практического союза», как это видно из их собственных показаний, мемуарного «Рассказа» Зубкова и показаний свидетелей. Учитывая сравнительную «умеренность» целей «Практического союза», его слабую организационную оформленность (фактически — кружок близких товарищей, поставивших перед собой благотворительные и «нравственные» цели), можно считать Зубкова и Данзаса если не формальными его членами, то участниками собраний союза. Несомненно также, что оба входили в тесный дружеский кружок, группировавшийся вокруг Пуштина, являлись его единомышленниками, разделяя основные мнения лидера, и, тем самым, входили в ближайшее окружение одного из руководителей Северного общества.

Обоснованные свидетельства о лицах, которые подозревались в участии в декабристской конспирации, а затем были оправданы, обнаруживаются среди показаний членов Славянского общества. В связи с такого рода показаниями в поле зрения петербургского Следственного комитета и военно-судной комиссии, созданной при Главной квартире 1-й армии в Могилеве, попали ротные командиры Троицкого пехотного полка капитан **Киселевич** и поручик **Ярошевич**. Вопрос о принятии в тайное общество этих офицеров оказался тесно связанным с одним из самых опасных, с точки зрения обвинения, событий, происходивших одновременно с выступлением Черниговского полка: попытками членов Славянского общества поднять другие полки 1-й армии.

Впервые офицеров Троицкого полка назвал на следствии М.М. Спиридов. На устном допросе в Комитете, состоявшемся 8 февраля, он засвидетельствовал принадлежность к Славянскому обществу Киселевича и Ярошевича, однако их формальное членство утверждал лишь «гадательно»; иными словами, он ничем не мог удостоверить свое показание, ссылаясь на других членов. В письменных показаниях от 11 февраля Спиридов был более осторожен. Он утверждал, что слышал от П.Ф. Громнитского о том, что А.И. Борисов заезжал в Троицкий пехотный полк к этим офицерам, которых считал готовыми принять участие в восстании, «но суть ли они члены или нет» — не знал, «на совещаниях же никогда их нигде не видал»³⁵⁷. Одновременно в ответах на вопросные пункты от 9 февраля о причастности к Славянскому обществу двух офицеров показал А.И. Тютчев. По его словам, А. Борисов, приехавший в Пензенский пехотный полк во время событий в Черниговском полку в начале января 1826 г.³⁵⁸, привез письмо от И.И. Иванова, из которого стало известно, «что в Троицком пехотном полку приняты были... Киселевич и... Ярошевич». Иванов просил сообщить этим офицерам о принятом решении начать открытое восстание и привлечь их для совместного действия с другими полками, в которых служили офицеры-«славяне». Но этого сделано не было, так как офицеры Пензенского полка никаких действий не предприняли. Тютчев безоговорочно считал Киселевича и Ярошевича членами³⁵⁹.

Комитет решил иметь в виду вновь названных лиц при допросах П.И. Борисова и других главных членов Славянского общества, по мере их прибытия в Петербург³⁶⁰. Действительно, 13 февраля П. Борисов получил запрос об офицерах Троицкого полка. В ответ он

показал, что не знает об этом обстоятельстве, ничего не слышал о намерении своего брата посетить Троицкий полк и, более того, сообщал: Бестужев-Рюмин говорил, что в этом полку нет офицеров, «которые могли стать членами тайного общества»³⁶¹.

Отдельное расследование о членстве в Славянском обществе Киселевича и Ярошевича было проведено в феврале 1826 г.³⁶² Комитет обратился с запросом об участии в Славянском обществе ряда лиц к А.С. Пестову, Я.М. Андреевичу, А.К. Берстелю, В.А. Бечаснову. Полученные ответы были заслушаны на заседании 15 февраля. Оказалось, в частности, что Киселевич и Ярошевич никому из них не известны; так ответили и опрошенные позднее Ю.К. Люблинский и П.Ф. Выгодский. Следователи решили вновь обратиться к Спиридову для «определяющего» показания и подтверждения его первоначального свидетельства³⁶³. Отметим, что в рамках расследования Комитет обращался с запросами о Киселевиче и Ярошевиче главным образом к офицерам, служившим в артиллерии, и к гражданским чиновникам, — не было ни одного запроса, обращенного к офицерам пехотных полков, которые на этот момент в большинстве своем еще только доставлялись в Петербург. Доказательство того, что Комитет пошел по неправильному пути, не заставило себя ждать: показания об участии в тайном обществе указанных офицеров сделали другие подследственные.

Н.Ф. Лисовский, в ответах на первые вопросные пункты от 14 февраля, передавал слова А. Борисова, с которыми тот обратился к офицерам Пензенского полка: «Я имею письмо в Троицкий пехотный полк к двум ротным командирам... Они приняты в тайное общество комиссионером Ивановым. Соединятся с вами на дороге к Новоград-Волынску»³⁶⁴. По словам Лисовского, он вместе с Громнитским отговорил Борисова ехать в распоряжение Троицкого пехотного полка для вовлечения его в мятеж, взял письмо Иванова и обещал передать его Киселевичу и Ярошевичу при встрече с Троицким полком; письмо затем они сожгли.

Другой участник переговоров с Борисовым, Громнитский, в ответах на вопросные пункты, помеченные той же датой — 14 февраля, показал, что план, представленный Борисовым, заключался в поднятии подчиненных заговорщикам частей и их движении в сторону Новограда-Волынского, Житомира и Киева, с попутным присоединением артиллерийских частей и пехотных полков, ближайшим из

которых был Троицкий. Громнитский удостоверял: данные о том, что Киселевич и Ярошевич принадлежат к тайному обществу, содержала записка от Иванова, которую доставил Борисов. Автор показания далее утверждал: «Намерение Борисова ехать в Троицкий пехотный полк к Киселевичу и Ярошевичу мы отклонили тем, что он разъездами своими может навлечь подозрения, что нас откроют, и намерения наши останутся без исполнения». Борисов затем уехал к третьему офицеру Пензенского полка, Тютчеву, и вскоре вернулся вместе с ним. Громнитский, вопреки Лисовскому, свидетельствовал, что отдельного письма в Троицкий полк Борисов не привозил, а было только письмо от Иванова к офицерам-пензенцам и другое письмо к ним от члена Славянского общества И.В. Киреева. О содержании письма Иванова он утверждал: в нем говорилось, что Иванов «открыл Киселевичу и Ярошевичу об обществе и принял их — до того времени я не знал о сем... Письма эти сожгли»³⁶⁵. На основании сведений, имевшихся в письме, Громнитский показал: «Троицкого пехотного полка капитан Киселевич и поручик Ярошевич по окончании уже [Лещинского] лагеря, во время содержания Троицким полком караула в г. Житомире, были приняты Ивановым в Общество славян, к которому Иванов принадлежал уже давно»³⁶⁶.

Показания Громнитского и Лисовского зачитывались на заседании 20 февраля. Имена Киселевича и Ярошевича обратили на себя внимание Комитета, о чем свидетельствуют пометы чиновников аппарата: было решено расспросить об этих событиях Иванова, когда он будет доставлен в Петербург, а также А. Борисова³⁶⁷. 25 февраля Спиридов в ответ на запрос о том, какие полки были охвачены влиянием тайного общества, дополнительно показал, что в Троицком полку ему неизвестны офицеры, кто «точно был принят членами, исключая Киселевича и Ярошевича, и сие по словам... Громнитского о заезде к ним Борисова...»³⁶⁸.

В показаниях, записанных на первом допросе у Левашева 11 апреля, А. Борисов был вынужден подтвердить все показанное офицерами-пензенцами. Он утверждал, что, прибыв 3 января 1826 г. в Пензенский пехотный полк к Громнитскому и Лисовскому, привез с собой два письма — от Иванова и неизвестного ему артиллерийского офицера (И.В. Киреева). Записка Иванова, по словам Борисова, содержала сведения о том, что ротные командиры Троицкого полка Киселевич и Ярошевич приняты им в тайное общество, и возглавля-

емые ими роты нужно присоединить при начале выступления. Но Громнитский и Лисовский отговорили Борисова ехать в Троицкий полк к Киселевичу и Ярошевичу, уверяя, что «роты их присоединят к себе» при начале восстания, которое обещали организовать «по смене с караула их рот». В собственноручном ответе на вопросные пункты Борисов показал, что особую записку к Киселевичу и Ярошевичу Иванов не писал, — информацию о них содержала приписка к его письму, адресованному офицерам-пензенцам. Борисов показал безоговорочно, что цель его поездки в Троицкий полк, от которой его отговорили офицеры Пензенского полка, была недвусмысленной: он ехал к офицерам этого полка «с предложением восстать»³⁶⁹.

И.И. Иванов — давний участник Славянского общества, избранный его секретарем еще до присоединения к Южному обществу. Будучи рядовым чиновником (бухгалтером) провиантского комиссариата 1-й армии, он развил бурную деятельность по вербовке в тайное общество новых членов и был весьма активен в пополнении рядов конспиративного союза. В записке об Иванове, составленной по итогам следствия, особо выделялось его поведение во время следствия. Оно характеризовалось как «упорство в заперительстве»: «На допросах он оказывал до конца упорство в заперительстве... Он не признается в важнейших показаниях, как то: в умысле царубийства и в намерении защищаться оружием». По данным следствия, на собрании участников Славянского общества у Киреева Иванов первым предложил при известии об аресте С. Муравьева-Апостола «возмутить» 8-ю артиллерийскую бригаду. Именно после этого собрания в полки 1-й армии отправился А. Борисов, снабженный письмами Иванова и Киреева. Комментаторы следственного дела Борисова в целом согласны с выводами следствия: «Вопреки уликам, Иванов продолжал отрицать, что принял в Общество... Мозгана, Киселевича и Ярошевича...». Он также отрицал ряд существенных для обвинения обстоятельств, в частности свое присутствие на одном из собраний в Лещинском лагере³⁷⁰.

Что же показал Иванов в связи с полученными данными о содержании написанной им записки к офицерам-пензенцам, в которой говорилось о принятых им в тайное общество Киселевиче и Ярошевиче? В ответ на первые вопросные пункты от 8 марта он признал, что летом 1825 г. в Житомире принял в тайное общество лишь двух лиц: Я.А. Драгоманова и П.Ф. Выгодовского. Прием в общество двух

офицеров Троицкого пехотного полка он отверг категорически: «Капитана же Киселевича и поручика Ярошевича я никогда не принимал, да и состоят ли они в каком-либо обществе, я вовсе неизвестен. Более никого не принимал». В показаниях от 20 апреля Иванов вынужден был объясняться по поводу письма, привезенного Борисовым: «Я особо отставному Борисову никакого письма не давал, а только написал внизу... засвидетельствование почтения Борисову 2-му и Громнитскому, последнего же просил кланяться знакомым мне Троицкого полка офицерам Киселевичу и Ярошевичу»³⁷¹.

К 27 марта была составлена сводная записка, объединившая собранные следствием сведения о Киселевиче и Ярошевиче в числе других показаний о названных членами тайного общества лицах, которые еще не привлекались к петербургскому следствию. Из этой записки выясняется, что показания Громнитского о членстве ротных командиров Троицкого полка в тайном обществе были оценены следствием как мало достоверные: как отмечалось в ней, несмотря на сделанные им показания о членстве в тайном обществе Киселевича и Ярошевича, последние «к оному вовсе не принадлежат». Характерно, что из всех обвиняющих свидетельств упоминалось одно лишь показание Громнитского. По мнению составителя документа, оно было «основано на словах одного только комиссионера Иванова, который оные не подтверждает; впрочем, все их решительно членами не признают». Последнее утверждение разительно противоречило действительному положению вещей: помимо показаний Громнитского, в распоряжении следствия имелись показания Спиридова, Тютчева, Лисовского и А. Борисова, которые единодушно свидетельствовали о принадлежности Киселевича и Ярошевича к Славянскому обществу, опираясь на недвусмысленное сообщение Иванова, содержавшееся в его собственноручной записке. Тогда же, на заседании 27 марта, Комитет положил не считать обоих офицеров прикосновенными к тайному обществу, как «очищенных сим исследованием». Император одобрил это решение³⁷².

Однако обстоятельства, связанные с предполагаемым участием обоих офицеров в тайном обществе, продолжали исследоваться. В ответ на запрос Комитета от 20 апреля П. Борисов сообщил, что от своего брата Андрея ничего не слышал о Киселевиче и Ярошевиче. Наконец, 25 апреля Комитет вновь запросил Иванова о записке с упоминанием Киселевича и Ярошевича. В сопровождающем вопрос

обращении следователи констатировали, что ответы Иванова показывают «ту же неискренность, которая замечена и в начальных... ответах», и приводили многочисленные улики против отрицаний Иванова — в частности, выдержки из показаний Громнитского и Тютчева. В запросе утверждалось, что Борисов доставил офицерам Пензенского полка записку, в которой Иванов «приглашал к выступлению» и сообщал о принятии в тайное общество Киселевича и Ярошевича, просил «пригласить их к совместному действию». В ответе от 26 апреля Иванов показал, что он «к Тютчеву... особо не писал», появление показаний об обратном он объяснял тем, что их авторам, вероятно, показали письмо от артиллерийского офицера (Киреева), «...по коему Киселевича и Ярошевича почли, верно, принятым мною в общество». Сам же Иванов, по его словам, только приписал к этому письму просьбу «кланяться» Киселевичу и Ярошевичу, но об их принятии в тайное общество ничего не сообщал³⁷³. Все это показание входило в разительное противоречие с приведенными ранее свидетельствами целого ряда опрошенных.

Таким образом, Иванов продолжал отрицать факт приема в тайное общество двух офицеров Троицкого полка, несмотря на показания других подследственных, выступавших авторитетными свидетелями по этому вопросу: ведь именно офицерам Пензенского полка была адресована его записка, которая содержала имена Киселевича и Ярошевича. По разноречию в показаниях Иванову были даны очные ставки: 30 апреля с А. Борисовым, а 2 мая с Тютчевым и Громнитским. На первой из них каждая из сторон осталась при своем мнении. Тютчев подтвердил свое показание «без малейшей отмены», Громнитский также подтвердил свое показание, еще раз указав на то, что в записке, полученной от Иванова, автор «сообщал ему, что открылся Киселевичу и Ярошевичу, и просил их также пригласить к содействию». Иванов на очных ставках пытался выдержать прежнюю линию, но полностью осуществить это не удалось. Весьма симптоматичным нужно признать изменение позиции Иванова по вопросу о принадлежности к тайному обществу офицеров Троицкого полка. На очной ставке было зафиксировано его «признание»: «...Киселевич и Ярошевич не приняты им в общество, и он им не объявлял об оном, а только приглашал Тютчева и Громнитского видетъся с ними для переговоров о содействии обществу»³⁷⁴.

Таким образом, под напором показаний трех лиц, которые соглас-

но утверждали о принятых в Славянское общество Киселевиче и Ярошевиче, Иванов был вынужден в значительной степени согласиться с показаниями о содержании написанной им записки: в ней действительно говорилось о возможности привлечения к мятежу ротных командиров Троицкого полка. Если раньше Иванов полностью отрицал упоминание в своей записке причастности Киселевича и Ярошевича к тайному обществу и содержащееся в ней предложение вовлечь их в мятеж, заявляя, что все это могла содержать другая записка (от Киреева), то теперь он признавал, что его собственная записка не являлась простой просьбой «засвидетельствовать» свою дружбу знакомым офицерам. Если раньше он настаивал на простом «знакомстве» с Киселевичем и Ярошевичем, то теперь утверждал, что указывал другим членам тайного общества на этих офицеров как на способных содействовать членам общества и принять участие в выступлении. Но тем самым он косвенно признавал факт причастности Киселевича и Ярошевича к тайному обществу: возможность привлечения офицеров к восстанию не могла проистекать из обыкновенного «знакомства» с Ивановым. Почему Иванов считал их готовыми поддержать заговорщиков, почему просил товарищей-заговорщиков обратиться к ним за содействием? Уверенность в том, что офицеры Троицкого полка поддержат выступление членов тайного общества, могла опираться на известный Иванову «образ мыслей» Киселевича и Ярошевича. В свою очередь офицеры должны были получить от Иванова хотя бы первоначальные сведения о тайном обществе, его цели, конкретных намерениях. В обоих случаях следует предполагать наличие определенных контактов между Ивановым и офицерами Троицкого полка, способствовавших выяснению их «образа мыслей», получению ими сведений о тайном обществе. Таким образом, Иванов, формально отрицая факт принятия им в тайное общество Киселевича и Ярошевича, признавал возможность их вовлечения в восстание и обнаруживал тем самым свою причастность к установлению связей этих офицеров со Славянским обществом. В этом случае доверие к полному отрицанию членства Киселевича и Ярошевича в тайном обществе, которое содержат показания Иванова, существенно снижается. Между тем, показания Иванова сыграли главную роль в официальном признании Киселевича и Ярошевича неприкосновенными к делу.

В итоговой справке «Алфавита» Боровкова из всех показаний, обвиняющих Киселевича и Ярошевича, сохранилось лишь упомина-

ние о свидетельстве Громнитского («один Громницкий показал, что Киселевич принят Ивановым в октябре или ноябре 1825 года»). Вместе с тем утверждалось, что другие опрошенные участники Славянского общества «и не слыхали», что эти офицеры принадлежат к обществу. Тем самым полностью игнорировались показания Лисовского, Тютчева, Спиридова, Борисова. Тому факту, что Иванов, на которого как на лицо, принявшее Киселевича и Ярошевича, показывал Громнитский, отверг его свидетельство, придавалось решающее значение³⁷⁵.

Окончательный вердикт следствия относительно предполагаемого участия этих офицеров в Славянском обществе отразился в документах следственных дел основных свидетелей этого эпизода. Например, в итоговой записке о Тютчеве говорилось, что письмо Иванова содержало лишь обращение к «знакомым» автора записки — Киселевичу и Ярошевичу. Однако предмет записки нельзя не принять во внимание: Иванов приглашал их принять участие в возмущении и следовать вместе с другими полками, которые должны были поднять члены тайного общества.

Несмотря на то что на следствии обвиняющие показания против Киселевича и Ярошевича были сочтены недостаточными для обвинения, руководящие участники Славянского общества были хорошо осведомлены о попытке привлечения ротных командиров Троицкого полка к мятежу, о чем наглядно свидетельствует упоминание о приглашении их «участвовать в восстании» в записках И.И. Горбачевского³⁷⁶.

Итак, формальное участие в Славянском обществе Киселевича и Ярошевича не было подтверждено официальным следствием, несмотря на достаточно весомые уличающие показания основных свидетелей. Отрицание Ивановым многочисленных показаний о содержании его записки, обращенной к офицерам Пензенского полка, вызывает серьезные подозрения, учитывая в особенности существенное изменение его показаний по этому вопросу. Многочисленные показания главных свидетелей, ознакомившихся с содержанием записки Иванова, убеждают в том, что сообщенную в ней степень причастности Киселевича и Ярошевича к тайному обществу следует квалифицировать как полноценное членство (согласно показаниям откровенного Громнитского, принятие этих лиц Ивановым состоялось после Лещинского лагеря, то есть не ранее сентября 1825 г.). Во всяком случае, уверенные расчеты активных членов Славянского общества на этих

двух офицеров подразумевают достаточно серьезную осведомленность последних о существовании, цели и планах декабристской конспирации, согласие с основными намерениями тайного общества. Цель и контекст обращения Иванова к двум офицерам Троицкого полка должны были стать предметом особого расследования на процессе.

Противоречивые показания были получены следствием относительно принадлежности к Славянскому обществу польского аристократа **Януша Ильинского**, сына крупного землевладельца, сенатора графа Августа Ильинского. Прапорщик И.В. Киреев сначала на устном допросе в заседании Комитета 9 февраля, а затем в ответ на первые вопросные пункты, датированные этим же днем, показал, что слышал от П.И. Борисова о принадлежности Я.А. Ильинского к Славянскому обществу; в дополнительных показаниях от 14 февраля Киреев еще раз подтвердил, что Ильинский был известен ему как член тайного общества; Комитет решил иметь его «на примете». На тексте записки об этом заседании император оставил помету: «Сын гр[афа] Ильинского должен быть здесь, присматривать». 11 февраля повеление императора было оглашено на заседании Комитета — требовалось выяснить, не является ли подозреваемым сын сенатора Ильинского, находящийся в Петербурге, и, если это он, учредить за ним надзор. 19 февраля военный генерал-губернатор Петербурга П.В. Голенищев-Кутузов сообщил, что камер-юнкера графа Ильинского зовут Генрихом, а показанного — Янушем; последний живет в имении матери в Польше. Об учреждении за ним надзора был уведомлен Константин Павлович, который отвечал, что над показанным «гадательно» членом Славянского общества он учредил надзор до дальнейшего распоряжения. Комитет решил приступить к «определятельному узнанию» относительно Ильинского и других упомянутых в ответе Константина Павловича лиц³⁷⁷. В.А. Бечаснов свидетельствовал: о членстве Ильинского в тайном обществе он слышал от других поляков-членов тайного общества — П.Ф. Выгодского и Ф.А. Жебровского — еще в 1824 г. В показаниях от 8 марта И.И. Иванов утверждал, что «слыхал от Борисова, что граф Ильинский состоит в Славянском обществе», однако и Борисов «сомневался, кем же принят, не знаю»³⁷⁸. Выгодский и Жебровский на устном допросе и в письменных показаниях отрицали свою осведомленность о вступлении в тайное общество Ильинского³⁷⁹. 14 марта Следственный комитет вновь решил «дознаваться, действительно ли принадлежат к тайному обществу... граф

Ильинский и помещик Скармировский»³⁸⁰. 27 марта на заседании Комитета были заслушаны несколько справок о ряде лиц, подозреваемых в принадлежности к тайным обществам. Среди них имелись справки об Ильинском. Констатировалось, что Киреев и Бечаснов назвали его членом Славянского общества, но только «по слухам»; эти свидетельства не были подтверждены другими членами этого общества (П. Борисов, Спиридов), а некоторые доказывают, что он не мог принадлежать к нему, жительствовав в польских губерниях. В итоге Комитет пришел к заключению о невинности Ильинского, «очищенного... исследованием»³⁸¹.

Оценивая ситуацию, сложившуюся вокруг показаний об участии в Славянском обществе Ильинского, нужно обратить внимание на то, что контакты Ильинского с немногими членами Славянского общества, причем, по всей видимости, исключительно с поляками по национальности, их хронологическая привязка к ранней истории этого общества (1824 г.), — все это создавало возможности для отрицания членства Ильинского как со стороны руководства «славян», так и со стороны тех, кто контактировал с ним, но в условиях следствия не желал раскрывать содержание этих контактов. Крайнее положение, которое он занимал в организации, особые отношения руководства «славян» с отпрыском известного польского рода также способствовали складыванию благоприятной ситуации для снятия обвинения, выдвинутого против Ильинского. Вероятен последующий отход Ильинского от участия в конспиративной организации, задолго до ее присоединения к Южному обществу. Тем серьезнее нужно отнестись к прозвучавшим на следствии ясным и точным указаниям Бечаснова (вступившего в общество еще в 1823 г.; в силу этого его указание особенно важно) и откровенного на следствии Киреева, сославшегося на руководителя «славян» П. Борисова, — авторитетным свидетельствам, заставляющим подвергнуть сомнению отрицание своих контактов с Ильинским со стороны того же Борисова и польских участников Славянского общества (Жебровский, Выгодский). Ведь указания Бечаснова и Киреева говорят о том, что информация о принадлежности Ильинского к тайной организации распространялась среди членов последней и позднее, ее источником были руководители Славянского общества. Уверенные показания этих членов общества заставляют предположить, что следствие поспешило со своим итоговым вердиктом в отношении Ильинского.

Любопытный «конфликт показаний» в русле рассматриваемой проблемы проявился на следственном процессе в случае офицеров Тамбовского пехотного полка. И.К. Ракуза, разжалованный из офицеров рядовой Черниговского полка, на допросах в военно-судной комиссии в Белой Церкви свидетельствовал о принадлежности к тайному обществу пятерых офицеров Тамбовского полка (**Рихарда 1-го и Рихарда 2-го, Розена, Тшилинского, Унгерн-Штернберга**). Вследствие его показаний офицеры были арестованы³⁸², а от некоторых членов Южного и Славянского обществ запрошены «справки». Бестужев-Рюмин отозвался полной неизвестностью об участии названных лиц в тайном обществе, «главные» члены Славянского общества также не знали их в качестве членов. Сами арестованные офицеры Тамбовского полка полностью отрицали свою принадлежность к тайному обществу. В результате на заседании 28 марта, после рассмотрения полученных ответов, Комитет положил считать их «очищенными... показаниями главных участников Южного и Славянского обществ»; было решено не считать их причастными к тайному обществу, о чем 8 апреля уведомили главнокомандующего 1-й армией Ф.В. Остен-Сакена³⁸³. Однако вскоре после этого в показаниях члена Славянского общества А.Ф. Фролова неожиданно появились данные о том, что после подавления восстания Черниговского полка, в момент начала арестов, еще один офицер Тамбовского полка, прапорщик **Александр Рихард 4-й** выразил товарищу Фролова по Славянскому обществу, юнкеру Богославскому, свое удовлетворение тем обстоятельством, что офицер Черниговского полка А.Д. Кузьмин застрелился, поскольку он пригласил «их, человек шесть» (речь идет об офицерах Тамбовского полка. — П.И.), в тайное общество. Эти данные вошли в «Алфавит» Боровкова³⁸⁴.

Говоря о шести офицерах, Рихард, очевидно, имел в виду себя и своих товарищей по полку. Следует обратить внимание на точное совпадение данных двух свидетельств (Ракузы и Фролова): согласно показаниям Ракузы, офицеров, состоявших в тайном союзе, как раз было пятеро. О полученных показаниях Фролова уведомили Остен-Сакена, вследствие чего Рихард 4-й и Богославский были арестованы и допрошены в военно-судной комиссии при главной квартире 1-й армии в Могилеве. Рихард отверг показание Фролова, говоря, что он отзывался лишь о «низких» нравственных качествах покойного Кузьмина. Показание Фролова отверг и Богославский, который свидетель-

ствовал, что Рихард выражал радость в связи со смертью Кузьмина потому, что он мог подвергнуть такой же участи других офицеров, в силу особенностей своей личности. На очной ставке Рихард согласился с вариантом Богославского, ссылаясь на склонность Кузьмина к обидам и возникавшую в этой связи, в случае его привлечения к допросам, опасность ложных показаний с его стороны, — которые Рихард квалифицировал как «оклеветание» невинных. Спрошенный в Петербурге повторно Фролов, однако, полностью утвердил свои показания без всякой отмены, настаивая на том, что речь шла именно об участии в тайном обществе. На сообщение об этом Остен-Сакен отвечал, что невинность офицеров Тамбовского полка уже доказана, они освобождены и обращены вновь на службу³⁸⁵.

Таким образом, следствием в 1-й армии была всецело принята версия А. Рихарда 4-го и Богославского; показания Ракузы, получившего сведения о тайном обществе и заговоре «из первых рук», от офицеров Черниговского полка — в первую очередь, разумеется, от самого Кузьмина, — были сочтены опровергнутыми оправдательными показаниями самих офицеров. Свидетельство же Фролова также было формально опровергнуто показаниями свидетелей, на которых он ссылался (Богославским и А. Рихардом). Но в предложенных ими интерпретациях собственных слов заставляют усомниться: во-первых, явное противоречие между показаниями обоих, которое затем пришлось снимать на очной ставке; во-вторых, уверенное свидетельство Фролова, от которого он не отказался после предъявленных ему оправдательных показаний Богославского и Рихарда. Наконец, в-третьих, в пользу обоснованности показаний Ракузы и Фролова также свидетельствует полное совпадение содержащейся в них информации о принятии в общество группы офицеров.

Свидетельство Фролова нужно признать весьма достоверным. Особо отметим доверительный и откровенный характер контактов Фролова и Богославского. Как следует из показаний Фролова, в ноябре 1825 г. Богославский был прикомандирован к команде учебного батальона, в которой служил Фролов. Тогда же Богославский поделился с Фроловым сведениями о том, что Кузьмин предложил ему вступить в тайное общество, целью которого представил военный поход для захвата столицы и «издания законов». В январе 1826 г. Фролов и Богославский обсуждали начавшиеся многочисленные аресты офицеров 1-й армии, в основном членов Славянского общества, к которому

оба принадлежали³⁸⁶. Таким образом, конспиративные контакты Фролова и Богославского отмечены продолжительностью, постоянностью, доверительным характером, в силу чего показания Фролова, отсылающие к сообщению Богославского, приобретают особенную авторитетность. Осуществленное Кузьминым принятие Богославского в тайное общество дополнительно убеждает в достоверном характере показаний Фролова. Сама связь Богославского с А. Рихардом могла опираться на посредничество Кузьмина: ведь Рихард, как следовало из его слов, вместе с другими офицерами Тамбовского полка был приглашен в тайное общество именно Кузьминым.

Арестованные не позднее начала марта 1826 г., Богославский и Рихард имели перед этим достаточно времени для выработки общей линии защиты (что, однако, не уберегло их от противоречий в показаниях). Развернувшееся при штабе 1-й армии расследование к моменту ареста обоих офицеров обнаружило важнейшие пункты обвинения, главным из которых была принадлежность к тайному обществу. Юнкер Богославский, племянник начальника артиллерии 3-го пехотного корпуса, с одной стороны, был безусловно осведомлен о характере начатого расследования, с другой стороны, — имел покровителей в руководстве армии, которые могли оказать влияние на благоприятный исход расследования его причастности к тайному обществу и «обеспечить» полное доверие к его показаниям. Контакты с несколькими членами тайного общества, в свою очередь, могли способствовать значительному отягчению «вины» Богославского. Все это говорит в пользу того, что истинная степень причастности к тайному обществу ряда офицеров Тамбовского полка так и осталась непроясненной на следствии: никто из арестованных на юге не был заинтересован в открытии обстоятельств, из которых вытекало, что к «злоумышленникам» принадлежала еще целая группа офицеров, так как их собственная «вина» при этом значительно увеличивалась. Не исключено, что члены Славянского общества на петербургском следствии — те, кто знал о привлечении офицеров-тамбовцев, нашли излишним открытие новых имен, вовлеченных в деятельность общества накануне событий декабря 1825 г., которые легко могли избежать ответственности.

Показания Ракузы и Богославского находят подтверждение в других источниках, в частности — в известных «Записках» И.И. Горбачевского. В них сообщается о записке офицера Саратовского пехот-

ного полка, члена Славянского общества И.Ф. Шимкова, которая была доставлена в дни выступления Черниговского полка М.М. Спиридову в ответ на его письмо-приглашение принять участие в выступлении. Записка Шимкова датируется приблизительно 4–5 января 1826 г. В ней, между прочим, говорилось: «...я ездил в Тамбовский полк и принял там пять ротных командиров, которые поклялись при первом случае соединиться с нашим полком и готовы содействовать нам со своими подчиненными»³⁸⁷. Это свидетельство подкрепляет прозвучавшую на следствии, но неподтвержденную информацию о принятии офицеров-тамбовцев.

Следует отметить, что Саратовский полк, в котором служил Шимков, находился в ближайшем соседстве с Тамбовским и составлял вместе с ним 2-ю бригаду 8-й пехотной дивизии; контакты между офицерами полков вполне закономерны³⁸⁸. Как видим, вступление в конспиративную организацию офицеров Тамбовского полка не осталось тайной для руководства Славянского общества, вопреки линии на отрицание этой информации, проведенной в следственных показаниях.

Утверждая в ходе процесса полную неосведомленность об этих офицерах, П. Борисов, Горбачевский, а возможно, Шимков и другие «славяне», скрыли часть своих конспиративных контактов, — особенно тех, что сложились в последнее время существования тайного общества и были, несомненно, тесно связаны с задачами непосредственной подготовки военного выступления. В отношении разноречия, кто именно принял офицеров Тамбовского полка — Кузьмин или Шимков, следует заметить, что одно не может исключать другого: процедура приема в Славянское общество подразумевала возможность постепенного открытия существования и программы тайной организации не одним человеком: так, сам Шимков был принят двумя лицами: Громнитским и Тютчевым, а его однополчанин В.И. Шеколла — Н.О. Мозгалевским и М.М. Спиридовым³⁸⁹. Тем больше аргументов в пользу истинности показаний Фролова и свидетельства записок Горбачевского.

В числе оправданных на следствии лиц, относительно которых были получены показания о принадлежности их к тайному обществу, находился **Сергей Юрьевич Нелединский** (Нелединский-Мелецкий), служивший некоторое время адъютантом великого князя Константина Павловича, единственный сын поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого,

близкого к высшим государственным лицам и особенно к императорской семье (входил в окружение императрицы Марии Федоровны). Имя Нелединского было названо на следствии И.Д. Якушкиным при расследовании обстоятельств собраний участников тайного общества, которые состоялись в Москве на квартире М.Ф. Митькова 19 или 20 декабря (после получения известий о событиях 14 декабря 1825 г.).

20 февраля 1826 г., отвечая на вопрос Комитета о встрече на квартире Митькова с П.А. Мухановым, Якушкин впервые показал о весьма важном для следствия разговоре, в котором обсуждалось предложение Муханова отправиться в Петербург для покушения на жизнь императора. 22 февраля Якушкин дополнительно показал, что сам он при этом разговоре не присутствовал, «а был в другой комнате с Нелединским, который также принадлежал к обществу»³⁹⁰. Якушкин не знал точно, принадлежал ли к обществу Муханов, но в отношении Нелединского он свидетельствовал о его членстве безоговорочно.

23 февраля Комитет запросил у Якушкина данные о Нелединском, о времени и обстоятельствах его принятия. 24 февраля Якушкин ответил, что бывшего адъютанта Константина Павловича «Нелединского... видел один только раз у Митькова». Якушкин настаивал, что не знал, в чем состоял разговор Митькова с Мухановым, потому что находился вместе с Нелединским. Вместе с тем он еще раз подтвердил, что Нелединский находился в доме Митькова вместе с другими членами тайного общества — С.М. Семеновым, М.А. Фонвизиным, П.А. Мухановым и им самим. Якушкин предположил, что Муханов сделал свое предложение на другой день, когда он снова посетил Митькова, но и при этом разговоре автор показания не присутствовал. Также Якушкин не мог вспомнить, «кто подавал какое-нибудь мнение или соглашался на предложение Муханова...», вместе с тем утверждая, что предложение Муханова могло быть принято только за слова неосторожного человека³⁹¹.

Дополнительные показания Якушкина, который впервые назвал Нелединского в качестве участника собрания в доме Митькова, обратили на себя внимание Комитета. На заседании 25 февраля, где рассматривались показания о собрании у Митькова, констатировалось, что Якушкин назвал нового члена Союза благоденствия Нелединского. Комитет положил спросить о присутствии Нелединского на этом собрании у Митькова и Муханова, выяснить принадлежность Нелединского к последним тайным обществам, возникшим после

распада Союза благоденствия³⁹². Опрос «главных» членов тайных обществ после 1821 г. не дал положительного результата: членом Нелединского не знали³⁹³.

Показания Якушкина стали исходным пунктом для расследования данного сюжета; следствие провело серию допросов участников разговоров в доме Митькова. Спрошенный 2 марта 1826 г. Митьков, отвечая на вопрос, кто был свидетелем предложения Муханова, сообщал: «Когда Якушкин с Мухановым приезжали ко мне, у меня был посторонний человек, не принадлежащий к обществу, — Нелединской-Мелецкой; почему Муханову говорить о сем слухе и делать предложения нельзя было (говорили о происшествии 14-го декабря, рассказывая о сем кто что слышал), а Муханов выходил в другую комнату говорить о сем с членами общества особенно с каждым». Митьков назвал из присутствовавших на этом собрании еще М.М. Нарышкина³⁹⁴. Особенно важными являлись показания Муханова: «Прибыв к Митькову, нашли мы у него Семенова и еще двух (из коих один был Фонвизин, что я узнал после). После меня приехал Нарышкин. Не зная их, мы вошли в смежную комнату, и я рассказывал им о происшествии 14 д[екабря] то же, что и Орлову; они сообщили мне тоже, что знали, почти сходное». В ходе разговора обсуждалась возможность спасения арестованных и было признано, что спасти их может только смерть императора, однако вызова отправиться в Петербург не было. Этот разговор, как видно из показаний Муханова, происходил между ним, Якушкиным, Митьковым и Семеновым, а затем в соседней комнате, с участием Нарышкина. Муханов показал о дальнейшем: «После сего я взошел в ту комнату, где оставался Фонвизин с другим — не бывшим свидетелем разговора». При них «говорили о несчастном состоянии жены Рылеева и матери Бестужев[а]... о подробностях отречения великого князя, читанных в соборе, о новости и неожиданности оного...» Вскоре Муханов уехал. В своих показаниях он специально подчеркивал: Фонвизин «оставался в комнате с другим незнакомым — и я с Нарышкиным вошел к ним, а не он к нам, и он от меня ничего не слышал, может быть, ему сообщили... по моем отъезде»³⁹⁵. В показаниях Муханова Нелединский, несомненно, фигурирует как «другой незнакомый».

3 марта в ответах на сделанный запрос Нарышкин также подтвердил присутствие Нелединского в доме Митькова в момент приезда Муханова. Но при этом он показал: «Муханов заметил мне, что тут

находился г-н Нелединский, который не был членом общества, и что он удивляется, что при нем говорят откровенно...». Нарышкин утверждал, что ничего не слышал о предложении Муханова³⁹⁶.

4 марта в ответ на запрос Комитета Фонвизин показал о содержании разговоров Муханова в доме Митькова. Он утверждал, что говорили о событиях 14 декабря, но о намерении покушения ничего не было сказано. Фонвизин подтвердил присутствие Нелединского в доме Митькова и показал, что выходил в другую комнату с Митьковым и Якушкиным, чтобы «спросить фамилии гг. Муханова и Нелединского-Мелецкого, которых... увидел в первый раз». Муханов выходил в другую комнату «с Митьковым и прочими, а я оставался в это время с Нелединским-Мелецким и не припомню еще с кем в кабинете Митькова, и мы разговаривали... (примечание автора показания: „кажется, с Семеновым...“). Фонвизин также припомнил содержание разговора Муханова в общем присутствии: «г. Муханов рассказывал о происшествии 14-го декабря, говорил, что по известному ему характеру Государя нельзя ожидать никому помилования». Наконец, Фонвизин признал, что уже после отъезда Муханова Митьков сказал ему и Якушкину, что Муханов «способен и готов убить государя, чтобы спасти виновников 14-го декабря». Это сообщение было очень важным для следствия, способствуя обвинению всех присутствовавших в доме Митькова³⁹⁷.

28 марта последовал особый запрос Митькову: сообщал ли он о сказанных Мухановым словах Фонвизину и Нарышкину (очевидно, подразумевались и другие, бывшие в «другой комнате»)? Митьков отрицал это, несмотря на показание Фонвизина. Однако Митьков не мог точно засвидетельствовать: может быть, они слышали об этом от самого Муханова³⁹⁸. Позднее, 3 мая Митьков в ответ на дополнительный запрос Комитета о содержании разговора с Мухановым показал, что свидетелями слов Муханова о событиях 14 декабря и его вопроса: «Неужели виновников сего происшествия оставят погибнуть и ничего не сделают к их спасению? Надобно за них отомстить!», — были все присутствовавшие, включая Нелединского, Семенова и Фонвизина. В отдельном показании, в ответ на запрос, знал ли Семенов о предложении Муханова, Митьков подтвердил, что Семенов знал об этом, но когда он мог узнать: в отдельной комнате, где были Митьков и Муханов, или в другом месте — точно сказать не мог. По его словам выходило, что приехавший Муханов, рассказав о событиях 14 декаб-

ря, объявил о необходимости спасти заговорщиков и о своей готовности покуситься ради этого на жизнь императора при всех собравшихся.

С. Семенов отрицал свое знание умысла Муханова, утверждая при этом, что не помнит, кто именно был у Митькова. Он сообщал, «что было несколько человек сторонних»; при этом стоит напомнить, что вплоть до 28 марта Семенов полностью отрицал какую-либо степень своей причастности к тайному обществу³⁹⁹. В записке о Семенове Комитет формулировал дело таким образом, что одни участники собрания у Митькова уединились в комнате, где сделал предложение Муханов, а другие находились в соседней комнате, в которой оставался Нелединский. Семенов был отнесен к числу последних, не знавших о предложении Муханова, на основе собственных показаний и показаний Фонвизина, говорившего о своем пребывании вместе с Семеновым и Нелединским отдельно от других собравшихся в доме Митькова⁴⁰⁰. На очных ставках в начале мая 1826 г. Муханов признал сказанные им слова о необходимости отправиться в Петербург для покушения на императора. Сведения о присутствии Нелединского в доме Митькова в момент разговора Муханова с членами тайного общества попали в итоговую записку, резюмирующую содержание сделанных показаний⁴⁰¹.

Из приведенного обзора показаний, касающихся собрания в доме Митькова, можно сделать вывод о том, что часть собравшихся не была знакома с Нелединским. Это Муханов и Фонвизин, которые спрашивали о нем у других присутствующих. Первый раз его видел и Якушкин. Другая часть участников собрания, напротив, несомненно знала его. К ним нужно отнести хозяина дома Митькова, который, очевидно, и пригласил к себе Нелединского, а также Семенова. Стоит отметить, что утверждения о непринадлежности Нелединского к числу членов тайного общества принадлежат, в основном, группе незнакомых с ним лиц (Муханов, Фонвизин).

Вместе с тем один из них, Якушкин, наоборот, выступил главным автором уличающего показания о Нелединском, прямо назвав его членом общества. Очевидно, чтобы утверждать это, он должен был быть уверенным в членстве Нелединского. Поскольку Якушкин лично его не знал, он опирался на информацию, полученную от другого участника собрания, знакомого с Нелединским. Таким лицом мог быть Митьков, но он в своих показаниях на следствии назвал Неле-

динского «посторонним» лицом, не принадлежавшим тайному обществу. В то же время показания, данные в условиях следствия, касающиеся столь опасного с точки зрения обвинения эпизода, не могут быть признаны полностью достоверными: Митьковым могли руководить мотивы спасения от грозящего привлечения к ответственности человека, который, как он предполагал, не был арестован и которого он, как представляется, пригласил к себе. Все сказанное заставляет отнести к его показанию с большим сомнением. Согласно имеющимся показаниям, в одной комнате с Нелединским долгое время находился С. Семенов, бывший секретарь Союза благоденствия, прекрасно осведомленный о персональном составе тайных обществ. Очевидно, он был знаком с Нелединским, однако следствие не обращалось к нему с вопросом о причастности последнего к тайному обществу.

Для исследователя особое значение имеет факт присутствия Нелединского в момент политически острых разговоров и обсуждений, в том числе — предложения Муханова. Если бы Нелединский был полностью чужд настроениям собравшихся членов тайного общества, то его присутствие в такой момент было бы невозможным. Вероятнее всего, Нелединский был одним из тех уже отошедших от тайного общества членов, кто сохранил прежние связи с некоторыми из деятельных его участников. В сущности, в этом положении находились и некоторые другие собравшиеся у Митькова лица — Якушкин и Фонвизин. При Нелединском, как выясняется из полученных показаний, на этом собрании не сдерживались в опасных разговорах: характерно, что опасения Муханова относительно присутствия на собрания «постороннего» Нелединского не разделялись всеми собравшимися: при нем говорили вполне «откровенно». Во всяком случае, обсуждение событий 14 декабря в Петербурге, сочувствие, проявленное к заговорщикам, желание «отомстить» за них — все это было обнаружено Мухановым и другими участниками разговора непосредственно в присутствии Нелединского; в этом согласны все показания. Степень откровенного обсуждения заставляет отнести с сомнением к отрицанию принадлежности Нелединского к декабристскому обществу со стороны авторов показаний.

Предположение о формальном участии Нелединского в декабристской конспирации подкрепляется свидетельствами других источников. Показания о принадлежности Нелединского к тайному обществу,

сделанные на следствии, подтверждаются в мемуарных текстах Якушкина. Описывая в них события, происходившие в декабре 1825 г. в Москве, он упоминает Нелединского в качестве члена тайного общества⁴⁰². По итогам опроса некоторых арестованных Нелединский был сочтен следствием вполне оправданным, показания Якушкина признаны неподтвердившимися. Справка о Нелединском в «Алфавите» Боровкова утверждает, что показания Якушкина Комитет оставил «без внимания», очевидно, в силу доказанной «невиновности» бывшего подозреваемого⁴⁰³.

К числу оправданных следствием лиц, об участии которых в декабристской конспирации имелись авторитетные свидетельства, следует отнести штабс-капитана квартирмейстерской части **Николая Павловича Крюкова**. Арест и привлечение его к следствию обычно связываются с показаниями С.М. Палицына, который на своем первом допросе 2 или 3 января 1826 г., записанном Левашевым, упомянул Крюкова в качестве своего знакомого, который жил с ним на одной квартире вместе с еще одним заговорщиком М.Н. Глебовым. Это явилось причиной для подозрения о принадлежности Крюкова к заговору⁴⁰⁴. После выяснения непричастности Крюкова к тайному обществу и заговору, после того, как оказалось, что Палицын и Глебов ничего не сообщили своему товарищу о готовящемся выступлении, последовало решение об освобождении его из Петропавловской крепости. Все скоротечное расследование заняло чуть больше 2 недель: Крюков был арестован в Москве 6 января 1826 г., доставлен в Петербург, допрошен Левашевым и заключен в крепость 9 января, получил вопросные пункты 21 января, а освобожден с оправдательным аттестатом 30 января 1826 г.⁴⁰⁵ Весь ход событий, начиная от ареста и заканчивая актом освобождения, лаконично описан самим Крюковым в особом мемуарном рассказе, написанном вскоре после происшедших с ним событий⁴⁰⁶.

То, что исследователи могли почерпнуть из этого рассказа, а также из краткой справки «Алфавита» Боровкова, ограничивалось исключительно тесными дружескими и служебными контактами Крюкова с несколькими участниками тайного общества и заговора. В свете этого к Крюкову надолго пристал образ офицера, арестованного случайно. В соответствии с характеристикой публикатора его рассказа Б.Л. Модзалевского, этому «чуждому всякой политики» человеку, «неожиданно вовлеченному в водоворот непредвиденных событий», пришлось до-

казывать свою действительную невиновность, выходить из крайне трудного положения, а итогом расследования стало закономерное оправдание Крюкова⁴⁰⁷.

25 января на заседании Комитета были заслушаны его показания, в тот же день следствие запросило императора об освобождении Крюкова, как невиновного. Последовала резолюция Николая I: «Если не рано». 26 января следователи сочли возможным освободить офицера «ныне же», в связи с тем, что к этому времени имелись показания о Крюкове, отобранные у Рылеева, А. Бестужева, Каховского — все они не знали об участии Крюкова в тайном обществе⁴⁰⁸.

Действительно, на первый взгляд Крюкова вполне можно зачислить в разряд случайно привлеченных к следствию лиц, справедливо освобожденных после недолгих разысканий (А.А. Жандр, братья А.Н. и П.Н. Очкины и т. д.). В самом деле, он был арестован вследствие проживания на одной квартире с Палицыным и Глебовым. Сам Крюков как в показаниях, так и в мемуарной записке отрицал любую связь с тайными обществами⁴⁰⁹. Кроме того, отвечая на повторный запрос о названном им Крюкове, Палицын утверждал, что никогда не говорил ему о тайном обществе⁴¹⁰. М.Н. Глебова о Крюкове, по всем указаниям, не спрашивали.

Но следствие, сконцентрировавшее свое внимание на тесных отношениях Крюкова с рядом участников заговора 14 декабря, оказалось невнимательным к другим свидетельствам, прозвучавшим в ходе процесса. Неожиданные факты вскрываются в показаниях Н.М. Муравьева, отложившихся в следственном деле Ф.П. Толстого. 24 января, накануне рассмотрения показаний Крюкова (25 января) и почти одновременно с решением Комитета об его освобождении, Муравьеву был задан вопрос о принадлежности к тайному обществу Ф.П. Толстого и «квартирмейстерской части штабс-капитана» Крюкова. Ясно, что следователи пытались узнать у Муравьева, хорошо осведомленного об участии офицеров квартирмейстерской части и Генерального штаба в тайных обществах, именно о Н.П. Крюкове (троюродный брат последнего, Николай Александрович Крюков, также служивший в квартирмейстерской части и впоследствии преданный суду, имел чин поручика). В ответ Муравьев писал: «Сколько я помню, Александр Муравьев в 1818 году в Москве принял в Союз благоденствия едва лишь только перед сим произведенного в офицеры по квартирмейстерской части г. Крюкова. Вот все, что я об нем знаю»⁴¹¹.

Можно предположить, что речь здесь идет о Н.А. Крюкове, окончившем Училище колонновожатых и произведенном в офицеры в 1819 г. Предположение опирается на версию о том, что Муравьев, не зная лично обоих, в ответ на запрос о Н.П. Крюкове ошибочно указал на его троюродного брата. Однако такому предположению можно противопоставить целый ряд убедительных контраргументов. Во-первых, Никита Муравьев, несомненно, был достаточно хорошо знаком со своими сослуживцами, к которым принадлежал штабс-капитан Н.П. Крюков. Во-вторых, приведенные им биографические реалии (а говорит он о принятии Крюкова, «едва лишь только перед сим произведенного в офицеры») прямо указывают на то, что упомянутый человек стал офицером не позднее 1818 г. В-третьих, Муравьев сообщил о приеме, осуществленном А.Н. Муравьевым. Между тем, никаких следов участия А.Н. Муравьева в принятии Н.А. Крюкова в Союз благоденствия ни его следственное дело, ни другие следственные материалы не содержат. После окончания учебы в Училище колонновожатых в 1819 г. Н.А. Крюков отправился на службу во 2-ю армию и уже там в 1820 г. вступил в Тульчинскую управу⁴¹². Таким образом, объявленные Муравьевым обстоятельства не могли относиться к Н.А. Крюкову. Все обозначенные Муравьевым реалии указывают на Н.П. Крюкова, который окончил Училище колонновожатых в ноябре 1817 г., тогда же был произведен в офицеры и в 1818 г. находился в Москве при училище. Именно тогда он, как можно уверенно предположить, попал в сферу влияния сына директора училища, А.Н. Муравьева, и вполне мог быть принят им в Союз благоденствия. Именно таким путем пришли в тайное общество воспитанники Училища колонновожатых или посещавшие занятия в нем П.А. Муханов, А.А. Тучков, М.М. Нарышкин, В.Х. Христиани, А.В. Шереметев, а также Н.В. Басаргин (принятый близким к Муравьевым Бруннером) и, возможно, Н.П.Воейков⁴¹³. Крюков входил в круг офицеров-выпускников Училища колонновожатых, из которого вербовались новые участники декабристской конспирации, вследствие чего вероятность его вступления в Союз благоденствия существенно возрастает⁴¹⁴.

Таким образом, показание Муравьева, судя по всему, вполне четко и недвусмысленно открыло перед следствием имя еще одного участника Союза благоденствия⁴¹⁵. Но внимание следователей оно не привлекло, расследование пошло исключительно по пути выяснения

связей Крюкова с членами Северного общества и заговорщиками в декабре 1825 г. После того как выяснилось, что Палицын, по-видимому, ничего не сообщал ему о заговоре, все подозрения у следователей отпали. В ходе скоротечного расследования, несмотря на авторитетное свидетельство Н.М. Муравьева, Крюкова признали невиновным, выдав ему оправдательный аттестат и освободив из заключения⁴¹⁶. Не оценивая, за недостатком данных, истинный характер контактов Крюкова с товарищами по службе в Главном штабе и «однодомцами» Палицыным и Глебовым, в свете сказанного необходимо поставить под сомнение итоговые выводы следствия. Почти несомненно, что свидетельство об участии Крюкова в Союзе благоденствия прошло мимо внимания следователей, из-за чего участник Союза было освобожден как полностью непричастный к делу.

В большом перечне членов Союза благоденствия (главным образом, его южных управ: Тульчинской и Кишиневской), составленном Н.И. Комаровым в первых показаниях от 27 декабря, значились несколько лиц, членство которых в тайном обществе следствие в дальнейшем не подтвердило. Важно подчеркнуть, что факт членства двух из них — **Ивана Петровича Липранди** и **Баранова** — Комаров утверждал уверенно и безоговорочно, сопровождая это указание ссылкой на свою прямую и точную осведомленность о принадлежности их к Союзу благоденствия. Баранов и Липранди были помещены Комаровым в список достоверно известных участников тайного общества (рядом с фамилиями А.Г. Непенина, В.Ф. Раевского, И.М. Юмина, С.Г. Краснокутского, Н.В. Басаргина и др.).

Адъютант командующего 2-й армией П.Х. Витгенштейна (к 1825 г. — бывший) Баранов был указан Комаровым в ряду членов тайного общества вместе с другими адъютантами (А.П. Бярятинским, В.П. Ивашевым, А.А. Крюковым)⁴¹⁷. В отношении некоторых из приведенных в списке Комаров делал пометы, характеризующие их участие в конспирации: так, против фамилии Ивашева он написал: «слабо принадлежал всегда»⁴¹⁸. Против фамилий Липранди и Баранова никаких помет не имеется.

Комаров — давний участник Союза благоденствия и весьма осведомленный человек, в особенности многое он знал о деятельности и внутренних реалиях тайного общества на юге в 1818—1821 гг. Называя столь определенно в качестве сочленов указанных лиц, он не сомневался в их участии в тайной организации. Оба названных лица служи-

ли в составе 2-й армии в указанные годы и входили в число офицеров, хорошо ему знакомых. Комитет принял к сведению показания, которым придавалось большое значение как источнику достоверных данных о составе Союза благоденствия. Последовала императорская резолюция о привлечении к следствию обоих; выяснение личности и места жительства Баранова отложило его арест⁴¹⁹. Одновременно Комитетом были сделаны запросы о названных Комаровым членах Союза благоденствия, адресованные главным, с его точки зрения, свидетелям.

Вскоре уверенное показание Комарова о Баранове встретило возражение со стороны Пестеля. В связи с этим потребовалось дополнительное разъяснение Комарова («выписка», датируемая началом января 1826 г.): «Баранов жил с Пестелем в Тульчине в одном доме, хотя и [осподин] Клейн жил тогда же вместе, но принимавши меня, Пестель об Баранове именно сказал мне, что он принадлежит к обществу, а насчет Клейна, напротив того, советовал об нем (обществе. — *П.И.*) никогда не говорить ему. Баранов очень скоро после сего оставил Тульчин... и я после с ним не видался и не слышал ничего об нем»⁴²⁰. Представляется, что в памяти Комарова должен был четко отложиться столь важный для него разговор с Пестелем, состоявшийся при вступлении в тайное общество, слова, которые тот произносил, в особенности по контрасту с предостережением насчет Клейна. Поэтому показание Комарова наделено высокой достоверностью, отрицание же Пестеля ставится под сильное сомнение. Кроме того, из показания с очевидностью явствует, что Комаров виделся с Барановым после своего приема, и именно как со своим товарищем по Союзу; только после отставки Баранова он утерял с ним связь.

Привлечение Баранова к процессу так и не состоялось: причиной тому, очевидно, явился факт отрицания показаний Комарова одним из главных свидетелей — Пестелем, а также неподтверждение его другими подследственными. Вначале дознания последовало распоряжение императора об аресте Баранова: неточные сведения Комарова, назвавшего его адъютантом Витгенштейна, вызвали резолюцию «Гр[а-фу] Витген[штейну]». Но впоследствии выяснилось, что Баранов занимает должность курляндского губернского почтмейстера. Распоряжения о привлечении к процессу не последовало, так как к этому времени (к 8 февраля) уже были опрошены главные свидетели: Пестель, Юшневский, Бярятинский, Бурцов, не знавшие о его член-

стве⁴²¹. Баранов был исключен из списка членов Союза, представленного Комаровым, причем в докладной записке императору сообщалось, что Баранов показан Комаровым «гадательно» (что абсолютно неверно). Баранов был признан непричастным к делу, о чем уведомили главноуправляющего почтовым ведомством А.Н. Голицына, начальника Баранова⁴²².

Вместе с тем факты пребывания Баранова в Тульчине, в центре конспиративной активности Союза благоденствия на юге, среди активных его участников, совместного проживания в одном доме с руководителем Тульчинской управы Пестелем, активно пополнявшим ряды конспираторов в 1818 г., включенность в тесный дружеский кружок офицеров штаба 2-й армии⁴²³, — все это говорит в пользу показаний Комарова, который без сомнений свидетельствовал об участии в Союзе Баранова. Очевидно, вышедший в отставку около 1819 г. офицер короткое время состоял в Тульчинской управе, на первом этапе ее существования; в 1826 г. немногочисленные бывшие товарищи не стали открывать факт причастности к тайному обществу давно не связанного с ним человека, чтобы не подвергать его риску наказания. К тому же большая часть тех, кто мог выступить авторитетным свидетелем по данному вопросу, не были опрошены о Баранове.

Показание Комарова о И.П. Липранди также осталось одиноким: опрошенные 12–13 февраля подследственные (Орлов, Бурцов, Пестель, С. Муравьев-Апостол и др.) не могли подтвердить его участие в Союзе благоденствия⁴²⁴. Сам Липранди, арестованный и привлеченный к следствию, категорически отрицал любую степень причастности к тайному обществу. В повторном показании Комаров дал следующее пояснение: «...о Липранди я показал по слухам, равно как и об иностранце Фурнье»⁴²⁵. Нужно отметить, что это не совсем так: в первом показании, как уже говорилось, Липранди фигурирует среди несомненно известных Комарову членов, а не в отдельном перечне известных «по слухам». Значит, Комаров предпочел отступить от своей первоначальной позиции, возможно, не желая стать единственным обвинителем и, может быть, не имея прямых доказательств. В ситуации, когда главные свидетели не поддержали единственное показание, пусть и принадлежащее осведомленному участнику Союза, сам Комаров не стал настаивать на первом показании, а следствие предпочло поверить «главным», с его точки зрения, свидетелям. 19 февраля, после ознакомле-

ния с показаниями самого Липранди, Комитет предложил освободить его с «оправдательным аттестатом». Вскоре последовала соответствующая резолюция Николая; Липранди был оправдан⁴²⁶.

Безоговорочное показание осведомленного Комарова заставляет усомниться в достоверности позиции на следствии ряда привлеченных к процессу лиц, в особенности это относится к И.П. Липранди, свидетельства о вовлечении которого в деятельность Кишиневского отделения Союза благоденствия достаточно убедительны и не единичны (записки С.Г. Волконского, В.Ф. Раевского)⁴²⁷.

Другие лица, названные Комаровым, вошли во второй раздел перечня участников Союза: здесь оказались те члены, «кои сделались известны по слухам» — братья **А.М. и Н.М. Исленьевы, В.-А. Фурнье**⁴²⁸. При оценке этого свидетельства нужно ответить на вопрос: на какие «слухи» мог опираться автор показания, говоря о факте принадлежности названных им лиц к тайному союзу? Очевидно, эта информация поступила к нему от других членов Союза благоденствия; он мог сослаться на них. Во всяком случае, очевидно, что каналом информации о персональном составе конспиративного союза для Комарова, участника этого союза, не могли служить слухи, почерпнутые от посторонних лиц, не связанных с деятельностью тайного общества. Поэтому информация о членстве, конечно, оговоренная предположительным участием лиц, известных «по слухам», не должна быть отброшена. Характерно, что, предваряя список, Комаров сделал оговорку: «Пестель должен всех ближе знать это»⁴²⁹. Следовательно, очень возможно, что источником информации Комарова являлся Пестель или кто-либо из его ближайшего окружения. Крайне важно, что среди названных по слухам оказались точно установленные участники тайного общества: И.С. Повало-Швейковский, вступивший в Южное общество только в 1823 г. (это указание служит доказательством продолжившихся контактов Комарова с членами тайного общества после 1821 г.), Н.И. Тургенев, В.Л. Давыдов, Ф.Н. Глинка, братья Колошины, П.С. Пущин, И.И. Пущин, П.Х. Граббе. Следовательно, «слухи», которыми оперировал Комаров, не были полностью недостоверными, безосновательными или неясными, и исходили они от вполне надежных источников (вероятнее всего, от участников Южного общества). Большинство из известных «по слухам» лиц оказались действительными членами. Здесь же Комаров поместил А.Л. Давыдова, правда, сопроводив это указание особой оговоркой: «не знаю, принадлежал ли». В этом же списке

помещены братья А.М. и Н.М. Исленьевы, В.-А. Фурнье, Н.И. Стояновский, А.Н. Раевский. Комитет первоначально рассматривал показание Комарова как полноценное свидетельство о членстве. Между тем, помимо оговорки о Давыдове, подобное замечание было сделано также относительно Н. Исленьева («едва принадлежал») и Стояновского («более известен по ревностному масонству»). Об А. Исленьеве, напротив, Комаров довольно предметно и точно написал, что он был близок к М.Ф. Орлову, адъютантом которого некоторое время являлся, и не смягчил свое свидетельство никакой подобной оговоркой.

Таким образом, велика вероятность того, что известные Комарову «по слухам», как участники Союза благоденствия, А. Исленьев, Фурнье (иностранец-учитель, живший долгое время в семье Орлова) и, вероятно, Стояновский, состояли в нем и в действительности.

В дополнительном показании Комаров несколько изменил характер первого своего свидетельства о И. Липранди, Стояновском и Фурнье, утверждая, что показывал о них «по слухам» (в случае Липранди это не соответствует действительности), причем также весьма неточно замечал, что «из числа 44-х лиц, мною показанных вообще, 8 лиц, которых я показал, известных мне по слухам только и требующих точнейшего сведения»⁴³⁰. Кто именно составил эту цифру (8 человек), он не пояснил, но Липранди не входил в первоначальный список «известных по слухам».

Среди докладных записок Комитета императору сохранился любопытный документ: своеобразное пояснение к перечню впервые названных Комаровым лиц, записанное с его слов и удостоверенное им собственноручно. Пояснение касается в первую очередь названных по «слухам»: А.Л. Давыдова, братьев Исленьевых, Фурнье, а также братьев Липранди. Здесь уточнены данные, которые имел в своем распоряжении Комаров. Если автор показания об участии А.Л. Давыдова и младшего Липранди (Павел Петрович) в тайном союзе ничего не знает, о Стояновском — что он «едва ли принадлежал обществу», то об И.П. Липранди Комаров прямо утверждал: «принадлежал к обществу один [Липранди], отставной... другой, адъютант Сабанеева, кажется, не принадлежал к обществу...». Таким образом, Комаров подтверждал серьезность сделанных показаний, уверенно говоря о членстве Липранди и других известных ему по «слухам» членов. В результате 31 декабря были отданы распоряжения об аресте всех указанных в показании Комарова лиц⁴³¹.

Любопытно, что в отношении Исленьевых и Фурнье следствие обрабатывало фактически только одну ссылку Комарова на Пестеля, не вполне точно истолковав суть показания: Комаров писал о том, что Пестель «всех ближе» должен знать обстоятельства их причастности к Союзу благоденствия, следователи же истолковали это как ссылку на единственного свидетеля — Пестеля. Отобранные у подозреваемых показания, а также полученные от Пестеля и других подследственных «справки» о братьях Исленьевых и Фурнье не подтвердили свидетельства Комарова, после чего последовало их освобождение с оправдательным «аттестатом»⁴³².

В справках «Алфавита» утверждалось, что показания Комарова о принадлежности к тайному обществу Исленьевых, Фурнье, Липранди не получили подтверждения, так как «все главнейшие члены Северного и Южного обществ» отвечали, что они не были членами и ничего не знали о тайном обществе. Показателен сам круг опрошенных лиц, принадлежащих к более поздним организациям и, как правило, плохо осведомленных о предшествующих обществах. После получения отрицательных показаний Комаров не смог удостоверить своего «открытия» и отказался от него. В справках «Алфавита» всячески подчеркивается, что показания Комарова о перечисленных лицах были сделаны «по одной догадке», «по слухам», «гадательно», что не учитывает положения Комарова в Союзе благоденствия, круга его контактов и источников информации. Вся эта группа лиц была освобождена в конце января, только Липранди получил аттестат позднее, 19 февраля⁴³³. Но все, изложенное выше, заставляет усомниться в том выводе, которое сделало следствие. По крайней мере, характеристику биографического справочника «Декабристы», которая касается степени причастности Липранди к тайному обществу и опирается на итоги следствия («По показанию Н.И. Комарова, член тайного общества. Все опрошенные члены Южного общества показали, что он членом не был и не знал о его существовании»⁴³⁴), нужно признать не вполне точной, хотя бы потому, что Комаров свидетельствовал о Союзе благоденствия, а не о Южном обществе. То же можно сказать об оценке А.М. Исленьева: «В показаниях Н.И. Комарова назван членом тайного общества. Следствием установлено, что членом тайных обществ декабристов не был»⁴³⁵. Исследователь вправе отметить неполноту данной оценки.

Характер выдвинутого обвинения и реконструкция причин оправдательных решений

На основе рассмотренного материала следует сделать выводы по двум основным вопросам. С одной стороны, необходимо понять, какие особенности расследования позволили избежать наказания целой группе арестованных, казалось бы, достаточно изобличенных в причастности к «злоумышленному» обществу и политическому заговору, основанному его участниками в 1825 г. К этому вопросу примыкает еще один: необходимо определить причины признания невиновными некоторых из привлеченных к процессу, несмотря на имевшиеся против них улики, прямо говорившие об участии в декабристской конспирации. С другой стороны, представляется важным выяснение содержания выдвигавшегося, а затем снятого обвинения, на основе предпринятого анализа уличающих показаний. Последний вопрос заслуживает особого внимания, поскольку ответ на него дает необходимый материал для итоговых заключений по первому проблемному вопросу.

Сразу отметим, что в основу оценки степени виновности оправданных следствием лиц положена *только информация, добытая на процессе*. Сведения из других источников не рассматриваются. Кроме того, нужно отметить, что уличающие показания, как правило, отрицались самими подозреваемыми.

Согласно принятой на следствии градации наказаний, наиболее серьезно преследовались виды «виновности», относящиеся к «первым двум пунктам»: различные преступления, связанные с умыслом покушения на императора и антиправительственного выступления. Как уже отмечалось, знание политической (по терминологии следствия «сокровенной») цели позволяло следствию считать обвиняемого виновным по «второму» пункту («бунт» с целью изменения государственного строя).

Наименее виновными, как говорилось в предыдущем разделе, с точки зрения следствия, являлись «рядовые» члены Союза благоденствия, которые фактически не преследовались. Это в полной мере относится и к случаям снятого обвинения. Наименьшие «шансы» получить наказание имели И.П. Липранди, В.-А. Фурнье, братья Исленьевы, подозревавшиеся только в участии в Союзе благоденствия. В том же положении находился Баранов, расследование о

котором проводилось заочно. Подозрения в отношении Н.П. Крюкова исходили из фактов его связи с членами Северного общества, были получены также свидетельства о его членстве в Союзе благоденствия. Самый «негативный» сценарий в отношении лиц этой группы, как можно полагать, заключался в причислении к группе привлеченных к следствию бывших членов Союза благоденствия (И.Г. Бурцов и др.), часть которых была наказана без суда за «недонесение» о существовании тайного общества.

Подозревавшиеся в принадлежности к «злоумышленным» обществам, созданным после 1821 г., преследовались почти без исключения, с преданием суду или без суда. Доказанное членство с полным знанием цели в Северном и Южном обществах влекло за собой выдвижение обвинения «полного знания умысла» по «второму пункту» — «бунт» с целью изменения государственного устройства. Те, кому была открыта «политическая цель» общества после 1821 г., сразу оказывались под прицелом обвинения в «умысле» «бунта», что влекло за собой или предание суду, или административное наказание. Подозревавшиеся в этом лица, как правило, отрицали такого рода обвинительные показания.

Если же было установлено, что будучи членом тайного общества, человек не знал его политической цели в полном объеме, то речь шла о «неполном знании умысла». В случае А.М. Голицына уличающие показания говорили только о том, что ему была открыта цель — «распространение просвещения и усовершенствование самого себя». Вероятно, такого рода «виновность» могла повлечь за собой административное наказание. Такого же рода исход следствия был возможен, при подтверждении обвинительных показаний, в отношении В.П. Зубкова, против которого фактически выдвигалось обвинение в «неполном знании» умысла «бунта» (намерений изменения государственных порядков). Характерно, что находившегося в сходной ситуации Б.К. Данзаса при решении его участи император велел наказать месяцем административного ареста за «недонесение» о существовании тайного общества, ставшего ему известным. Зубкова фактически спасла более последовательная и настойчивая линия защиты, направленная на отрицание любой степени осведомленности о тайном обществе. При этом против него имелось более опасное показание в принадлежности к Северному обществу.

И.Ф. Львов, согласно выдвинутым обвинениям, был посвящен в

план 14 декабря, что квалифицировалось как «знание о предстоящем мятеже без действия без полного сведения о сокровенной цели» (по роду виновности «мятеж»). Но, помимо этого, имелись подозрения в том, что он принадлежал к тайному обществу и знал его политическую цель («полное знание умысла» по роду виновности «бунт»). Это ясно наблюдаемый пример совмещения двух родов вины, что в других случаях влекло за собой предание суду (в пространстве от VIII до X разряда). В отношении младшего брата, В.Ф. Львова, могло быть заявлено первое из этих обвинений.

Особый случай представляют А.С. Грибоедов и Н.П. Воейков, ввиду длительности конспиративных контактов и возможной включенности в самые потаенные планы готовящегося заговора. Предмет разговоров Грибоедова с Рылеевым (возможность будущего переворота) и предполагаемое содержание киевских встреч с лидерами Васильковской управы (планы военного выступления), так же как и предложения о вступлении в Северное и Южное общества, — все это дает основание для обвинения по «второму пункту» («бунт») — в знании политической цели («полное знание умысла» «без всякого действия»), по мятежу — в «знании о приготовлениях к мятежу без личного действия, но с сведениями о сокровенной цели». По совокупности виновности, Грибоедов мог быть предан суду, в пространстве от VII до IX разряда. То же самое относится к Воейкову, учитывая обвинение в принадлежности к Северному обществу. Но, в отличие от Грибоедова, нет достаточных оснований для обвинения Воейкова в полном знании «умысла бунта». Контакты с Якубовичем и другими руководителями заговора накануне выступления 14 декабря позволяют считать, что против Воейкова могло быть выдвинуто обвинение в «знании о предстоящем мятеже без действия и без полного сведения о сокровенной его цели» (IX разряд). Согласно показаниям свидетелей, М.Ф. Голицын, А.А. Плещеев 2-й, И.Д. Лужин знали о политической цели тайного общества (введение Конституции), причем первые двое были осведомлены о готовящемся военном выступлении. Совокупность двух родов виновности могла привести к преданию суду этих офицеров и определению наказания в соответствии с VIII—IX разрядами. То же самое относится к А.К. Ливену, против которого имелось показание о членстве в тайном обществе.

Особенно опасной могла быть принадлежность к Южному обществу, многие рядовые члены которого, согласно полученным показа-

ниям, были хорошо осведомлены о планах введения республики и военного выступления. Случай И.А. Арсеньева, пожалуй, наиболее серьезный. Если бы подтвердилось не только его членство в тайном обществе, но и предложение взбунтовать Ахтырский полк, то ему грозило обвинение по «второму пункту» — «полное знание умысла», по мятежу — «приготовление товарищей планами и советами, с знанием сокровенной цели», или, более мягкое, «знание о предстоящем мятеже без действия», что в совокупности позволяло его предать суду (разряд от V до VIII).

Другой серьезный случай — Д.А. Молчанов. По «второму пункту» против него могло быть выдвинуто обвинение в «полном знании умысла» «без всякого действия», либо в «неполном знании умысла», по мятежу — в «знании о приготовлениях к мятежу без личного действия, но со сведениями о сокровенной его цели», либо в «знании о предстоящем мятеже без действия», а если бы был доказан его приезд к лидеру восстания черниговцев, то возникало подозрение и в «личном действии». Все это позволяло предать Молчанова суду (в пространстве от VIII до X разряда). Впрочем, его товарищ по полку, который состоял членом тайного общества и участвовал в мятеже, приехав к Муравьеву-Апостолу, избежал суда и был репрессирован административным способом. Кроме того, над Молчановым как дамоклов меч висело обвинение в недонесении о готовящемся мятеже, чуть было не приведшее к действительному приговору военного суда. Спасло Молчанова только то, что следствие пришло к выводу: он узнал о восстании тогда, когда оно уже началось, а все сведения, полученные им ранее, не были достаточно ясными. Однако ряд показаний, которые следствие сочло недостаточными, говорил об обратном.

П.Я. Ренненкампф мог быть обвинен по «второму пункту» в «полном знании умысла» «без всякого действия», по мятежу — в «знании о предстоящем мятеже без действия...», либо в «знании о приготовлениях к мятежу со сведением о сокровенной цели». В своей совокупности эти обвинения давали приговор суда на уровне VIII–IX разрядов.

Ф.Е. Врангель по «второму пункту» оказывался виновным в том, что знал об «умысле» переворота, «но без всякого действия», а по мятежу — знал о предстоящем мятеже «без действия и без полного сведения о сокровенной его цели». Это позволяло осудить его по IX–X разрядам; однако находившиеся в таком же положении его сослу-

живцы М.И. Пыхачев и Д.А. Нащокин в итоге были наказаны без предания суду. Если бы подтвердилось членство в тайном обществе полковых командиров В.К. Ширмана, Ф.К. Левенталя, М.А. Габбе, П.А. Криднера, то все они оказывались виновными по «второму пункту» — в «полном знании умысла» «без всякого действия», либо в «неполном знании умысла»; по мятежу их «вина» могла состоять в «знании о предстоящем мятеже без действия и без полного знания сокровенной цели», что приравнивало их к осужденным по IX разряду. Генерал Каменский, принятый, возможно, в Южное общество с «неполным знанием» политической цели, равно как генерал М.А. Менгден, конкретных данных о степени осведомленности которого о «сокровенной» цели нет, вероятнее всего, в любом случае остались бы вне пределов суда.

Останавливают на себе внимание лица, которые были назначены для участия в открытых действиях заговорщиков: военном выступлении, аресте императора или даже покушении на его жизнь (Л. Сенявин, Годениус, Лосев, Рославлев); в их случае, однако, не было доказано членство или знание о тайном обществе. Вместе с тем, расчеты на участие их в открытом политическом акте основывались на длительных контактах с руководителями заговорщиков. Предполагаемая их осведомленность о политической цели тайного общества также позволяла выдвинуть обвинение в «неполном знании умысла» (по роду преступления «бунт»), что также грозило преданием суду.

Подозревавшиеся в членстве в Славянском обществе Киселевич и Ярошевич обвинялись по «второму пункту» в «полном знании умысла» «без всякого действия», поскольку имелись показания о состоявшемся приеме их в тайное общество. Ввиду того, что они не принимали участия в обсуждении планов восстания, обвинения по роду «мятеж» не могли быть серьезными: нельзя исключить их осведомленность о готовящемся выступлении («знание о предстоящем мятеже без действия и без полного сведения о сокровенной цели»). По совокупности «вины» им грозил приговор суда, аналогичный вынесенному VII–IX разрядам. Группа офицеров Тамбовского полка находится в том же положении: они знали как о предстоящем «военном походе», так и о цели — «издании законов». Объем сведений Я.А. Ильинского о цели Славянского общества неизвестен, поэтому характер снятого обвинения определить с точностью не представляется возможным. Очевидно, ему грозило наказание административного характера.

Особенно тяжелым было обвинение по «первому» пункту (по царубийству). В этом мог подозреваться С.Ю. Нелединский, против которого имелись свидетельства о присутствии его при «частном разговоре», в ходе которого было выражено намерение покунуться на жизнь императора. Тот факт, что лично он, судя по всему, не слышал «злодерзостных» слов Муханова, однако, не перечеркивал полностью возможность сообщения ему об этих намерениях в то же время или несколько позже. В пользу этого говорит то обстоятельство, что в общем разговоре всех собравшихся (включая находившихся вместе с Нелединским « в другой комнате») говорилось о возможности сопротивления (или отщепеня) власти. При подтверждении обвинительных показаний Нелединскому грозило обвинение: «знание умысла» царубийства «достоверное», но «равнодушно» — т. е. последний вид виновности по пункту царубийства, что в сочетании с другим видом обвинения (по «второму пункту» — «знание» о перевороте с политической целью) могло поставить его в число судимых по VII разряду. Учитывая отсутствие показаний о принадлежности к тайному обществу после 1821 г., а следовательно отсутствие «вины» по другим видам преступлений, Нелединский мог попасть в число административно наказанных бывших членов Союза благоденствия. Кроме Нелединского, никто из оправданных подследственных, против которых имелись обвинительные показания, не мог быть обвинен в знании намерений царубийства. Это показывает лишний раз, насколько тщательно расследовалось каждое указание на этот счет.

Наконец, обвинявшиеся в участии в заговоре 14 декабря братья В.Н. и Н.Н. Креницыны могли быть признаны виновными в согласии участвовать в мятеже («знание о предстоящем мятеже без действия и без полного знания сокровенной цели») (IX—X разряды).

Таким образом, против подавляющего большинства лиц, оправданных на следствии, имелись показания, обвиняющие их в принадлежности к тайному обществу, со знанием политической цели, в участии в заговоре с целью переворота и изменения государственного устройства или «знании» о нем. Подчеркнем, что почти все без исключения обвинялись в самых слабых «видах» преступлений: полном или неполном знании «умысла» без какого-либо действия, а в отношении мятежа — в осведомленности о его подготовке, с знанием политической цели или без нее. Эта виновность соответствовала наказанию, определенному низшим разрядам осужденных Верховным уголовным

судом (VIII—X), либо административному наказанию. Свидетельства о наиболее серьезных видах виновности были получены против Грибоедова, И. Львова, Ренненкампа, Арсеньева, Молчанова. Фактически только один человек (Нелединский) подозревался в осведомленности о замысле покушения на жизнь императора. Против остальных прямых свидетельств об этом не было. Небольшая часть оправданных подозревалась в неполном знании политической цели конспиративного общества, либо, наконец, объем их «знания» не был известен.

Стоит отметить, что все оправданные на процессе лица, почти без исключения, могли быть также наказаны за недонесение о существовании тайного общества (это произошло только с Данзасом) и готовящемся мятеже, поскольку в той или иной форме знали о существовании декабристской конспирации, а некоторые — о его цели, о заговоре и готовящемся выступлении. Но в данном случае следствие (и верховная власть) предпочли закрыть на это глаза, хотя в других случаях достаточно жестко наказывали за подобную «степень вины» без суда.

* * *

Выше уже говорилось об одном устойчивом представлении, которое часто обнаруживается в источниках при обосновании невинности тех лиц, против кого имелись конкретные обвиняющие показания⁴³⁶. Согласно этому представлению, желание подследственных вовлечь в расследование как можно больше лиц приводит к тому, что показания «замешанных» содержат обвинения в адрес «невинных». Считалось, что арестованные стремятся скомпрометировать как можно больше людей, в том числе совершенно непричастных, в целях своего оправдания. О намерениях главных виновных «запутать» непричастных к делу писал своему брату Николаю I великий князь Константин Павлович: «...во всех делах такого рода все виновные держатся правила — чем больше замешанных, тем труднее будет наказать»⁴³⁷.

Однако стоит обратить внимание, что этим соображением аргументировалась непричастность к тайному обществу тех, кто в действительности принадлежал к числу его участников, о чем согласно говорят как материалы следствия, так и другие источники, в то время

как случайно привлеченные к процессу лица в своем подавляющем большинстве были освобождены без всяких последствий. Распространенность приведенного взгляда создавала удобную возможность использовать его для своего оправдания: для этого было достаточно настаивать на отсутствии формальных связей с тайным обществом, исключительно дружеских отношениях с его участниками и лидерами, убедить следствие в необоснованности отдельных свидетельств арестованных о противном.

Указанное представление находило определенный отклик в позиции, занятой высшей властью и самим императором, заявленной в том числе в официальных публикациях. Одним из важных ее составных элементов нужно назвать неоднократно упоминаемое убеждение в том, что многие были вовлечены случайно, несознательно, дали себя «увлечь» и т. д. В официальных документах отчетливо звучал тезис о том, что отдельные арестованные будут оправданы в силу их невинности; их привлечение к следствию объяснялось случайным подозрением⁴³⁸.

Следствие было направлено на получение сведений о персональном составе тайного общества, выявление наиболее полного состава заговорщиков, причастных к государственному преступлению. Поэтому вопрос о признании — один из главных во взаимоотношениях следователей и подследственных. Опора следствия на собственные признания подследственных создавала возможность для выхода из поля ответственности части обвиняемых. Эта возможность возникала при выборе тактики защиты на следствии и способности последовательно выдержать принципы защиты в ходе процесса.

Составной элемент официальной позиции, необходимый для подчеркивания объективности следствия: часть привлеченных невинна, и только случайные обстоятельства навлекли на них подозрения. 20 февраля Николай I в письме брату Константину писал: «Мы арестуем не в поисках жертв, но чтобы дать оправдаться оклеветанным». Очевидно, в этом случае вновь имелась в виду возможность ложных показаний и искусственного вовлечения в дело невинных — со стороны руководителей тайных обществ. Здесь же император замечал: «...немногие по необходимости только будут смешаны с настоящими виновниками. Но они имеют возможность оправдаться»⁴³⁹. Таким образом, высшая власть, а значит и органы расследования, допускали возможность оправдания некоторых из арестованных и привлеченных

«по ошибке», на которых возводили «напраслину» главные обвиняемые. Для этого и производилось расследование, которое должно было выглядеть справедливым и ответственным.

Попасть в число полностью «невинных» с точки зрения власти — такая задача оказалась под силу лишь немногим. В свою очередь решение данной задачи зависело от ряда факторов, частично уже разобранных при анализе оправдательной линии поведения подследственных, наиболее эффективный вариант которой заключался в отрицании своей формальной принадлежности к тайному обществу с одновременной демонстрацией откровенности и полноты показаний. Источники свидетельствуют о фактах сговора о «запирательстве», сокрытии информации, которая могла вызвать подозрения против друзей, против лиц слабо причастных, связанных с 1–2 членами, условия не замешивать лиц, не известных следователям; некоторые из этих соглашений были нарушены на следствии, однако сам факт их существования доказывает возможность более успешных «запирательств» в других случаях. Другое полновесное доказательство сокрытия на следствии части конспиративных контактов заключается в наличии имен декабристов, полностью укрытых подследственными от внимания органов расследования⁴⁴⁰. Результатом соглашений о «молчании» касательно некоторых фактов, обстоятельств, имен, в том числе действительной степени причастности к конспиративной деятельности целого ряда лиц, стало оправдание некоторых из тех, кто был назван на процессе как член тайного общества.

Очевидно, главной причиной использования тактики отрицания следует признать уверенность подследственных в том, что против них не имеется серьезных улик. Эта уверенность основывалась, безусловно, на убеждении в том, что другие привлеченные будут использовать сходную линию защиты. Однако в ходе процесса с этой уверенностью многим узникам пришлось расстаться, вслед за чем вставала необходимость избрать иную тактику защиты. Многое зависело от конкретной ситуации, разного рода влияния на ход расследования и особенностей ведения следствия.

Следует указать еще на одну черту в расследовании большинства случаев «оправданных декабристов»: избирательность в извлечении сведений из показаний и в формулировании итоговых выводов. Например, о Грибоедове из показаний Рылеева было взято только то, что последний имел намерение принять Грибоедова в тайное общество,

но отступился. Рылеев же фактически показал о том, что Грибоедов был принят в общество в несовершенной форме⁴⁴¹.

Нельзя не упомянуть о посторонних для следствия факторах, к которым относится воздействие на ход расследования со стороны императора, влиятельных особ, а также членов Комитета и чиновников аппарата Следственного комитета. Из воспоминаний декабристов известны отдельные случаи благоприятного отношения к арестованному со стороны великого князя Михаила Павловича, А.Н. Голицына, А.Х. Бенкендорфа. Большое влияние «технического» свойства оказывали чиновники аппарата следствия.

Среди определяющих причин освобождения Грибоедова и ряда других подозреваемых исследователи называют «высокие протекции» и «влиятельные ходатайства» родственников и служебных начальников, имевшие влияние на императора. Как правило, подобного рода влияния не фиксируются в источниках и не могут быть в полной мере доказаны. Однако в случае Грибоедова имеется прямое свидетельство о попытке воздействия на ход расследования, предпринятой дружеским окружением арестованного. Это записка Ф.В. Булгарина, адресованная Я.И. Ростовцеву, бывшему члену тайного общества, пользовавшемуся благосклонностью императора Николая I и его брата великого князя Михаила Павловича, члена Следственного комитета. Записка содержала просьбу: «Представьте кому следует и кому можно, что Грибоедов осмел в своей комедии и либералов, и тайные общества, о которых, вероятно, по слуху только знал. Он даже не хотел вступать в Общество любителей российской словесности под председательством Ф.Н. Глинки, опасаясь, нет ли какой политической цели. Во время бытности Грибоедова в Петербурге он избегал знакомства с Рылеевым, говорил, что он порет вздор... Что Грибоедов ненавидел Якубовича и стрелялся с ним»⁴⁴². Результат этих «советов» и их адресация не выяснены (можно предположить, что записка была доведена до Михаила Павловича), но нельзя исключать, что подобная аргументация могла сказаться на исходе дела.

В случае Грибоедова М.В. Нечкина придавала особое значение роли чиновника Следственного комитета А.А. Ивановского, хорошего знакомого драматурга по Обществу любителей российской словесности. Но она считала помощь Ивановского явно недостаточной для освобождения от следствия с благоприятным исходом. Большую роль сыграло содействие одного из членов Комитета, а также заступниче-

ство близкого к императору И.Ф. Паскевича, родственника Грибоедова.

Однако представляется, что в первую очередь здесь должно быть названо другое имя: влиятельного чиновника следствия, уже не раз упоминавшегося делопроизводителя Комитета А.Д. Боровкова⁴⁴³. Именно Боровков «вместе со своими подчиненными составлял вопросные пункты, на основании которых велся допрос декабристов в комитете... Понятно, что это позволяло Боровкову в значительной степени направлять ход следствия. Он же в конце работы комитета составил о каждом подследственном особую записку. Эти записки сыграли определенную роль в окончательном приговоре»⁴⁴⁴. Отметим, что Боровков состоял действительным членом Вольного общества любителей российской словесности, его постоянным и активным участником⁴⁴⁵. Более того, Боровков связан с этим обществом гораздо теснее: он был одним из основателей и авторов устава Вольного общества столичных литераторов, в котором с начала 1820-х гг. определяющее влияние перешло к группе во главе с К.Ф. Рылевым (Ивановский же являлся лишь членом-корреспондентом общества)⁴⁴⁶.

Боровков хорошо знал многих из привлеченных к следствию по участию в масонских ложах, литературных кружках и обществах. Именно от Боровкова зависели во многом направленность и нацеленность внимания следствия, формулировка и составление письменных вопросов к свидетелям и обвиняемому, учет предъявляемых им обвинений, наконец, составление итоговых справок по делу и извлечений из уличающих показаний. Боровков ведал штатом чиновников, которые непосредственно готовили вопросные пункты, подавал членам Комитета извлечения из ответов и из других материалов следствия, фактически зачастую формировал мнение членов Комитета по определенному вопросу. Кроме того, в круг его обязанностей входило составление итоговых записок «о силе вины», о выявленной следствием степени причастности подозреваемого к тайному обществу. В силу этого во многом от него зависели отбор «уличающих» показаний и формулировка самого главного в обвинении: степени причастности к деятельности тайного общества того или иного подследственного. Сам Боровков в своих воспоминаниях указывал на свои усилия смягчить участь некоторых из декабристов (он писал об осужденных); по его утверждению, благодаря его запискам при конфирмации императором приговора нескольким подсудимым были смягчены наказания.

Кроме того, исследователям известны случаи, когда обвинительный материал против ряда подсудимых не был включен в обобщающие «силу вины» записки⁴⁴⁷. Тем не менее, роль Боровкова не стоит преувеличивать: он работал под контролем А.И. Татищева и других членов Комитета⁴⁴⁸. Санкция на прекращение расследования, подразумевавшее отказ от проведения очных ставок, от необходимых дальнейших вопросов к обвинителям Грибоедова, должна была поступить от них, как и разрешение обратиться к императору с просьбой об освобождении.

По-видимому, предположение Нечкиной о том, что ходатайства И.Ф. Паскевича и других лиц окончательно вывели чиновника и литератора Грибоедова из опасной для него зоны наказания, останется догадкой, не выходящей из области гипотез, так же как и соображение о решающей роли в освобождении Грибоедова неподтвердившегося подозрения о существовании Кавказского общества. Основными при расследовании дела Грибоедова, по нашему мнению, являлись вопросы о его формальном участии в тайном обществе и встречах с видными деятелями декабристской конспирации в Киеве. Вопрос о связи с Кавказским корпусом и Ермоловым в вопросных пунктах занимал окраинное положение. Важно подчеркнуть, что хотя следствие пыталось собрать данные о том, давались ли поручения Грибоедову в связи с отъездом на юг, его участие в предполагаемом Кавказском тайном обществе специально не расследовалось. Возможно, подозрения насчет существования заговора на Кавказе могли сыграть роль лишь в затягивании вопроса об освобождении Грибоедова. Поэтому трудно безоговорочно согласиться с итоговым выводом историка: «Полагаю, что именно вопрос о Ермолове и решил грибоедовское дело... Позиция, занятая Николаем I по делу о Ермолове, решила вопрос о Грибоедове, дело о котором, в плане следствия, и было частью ермоловского вопроса»⁴⁴⁹.

Рассмотренные в главе примеры дают дополнительное основание для вывода о значительном воздействии на ход следствия родственных связей арестованных с влиятельными лицами, решающем влиянии самого императора.

В отношении многих оправданных следствие не было настойчивым, допускало ускорение темпа расследования, не учитывало обвиняющие показания в полном их объеме (случаи братьев Львовых, Александра Плещеева, М.Ф. и А.М. Голицыных, С.Ю. Нелединского-

Мелецкого). Все решения оправдательного характера принимались с санкции императора. В этой связи значительную роль играла позиция Николая I. Личные качества и твердость при допросах, позиция, занятая на процессе, могли произвести впечатление лично на императора (армейский офицер Врангель, полковые командиры Арсеньев, Левенталь и Ширман, в максимально краткие сроки освобожденные из-под ареста). Сворачивание следствия, невнимание ко всем прозвучавшим обвинительным показаниям отличают многие случаи в группе оправданных.

Содержащиеся в показаниях прямые, а также и косвенные доказательства знания о тайном обществе, его намерениях и конкретных действиях, данные об организационной принадлежности к нему (Сенявин, Молчанов, Львов) не находили адекватного отражения в материалах следствия, не отражались в итоговых записках, в подаваемых на решение императора выписках из показаний, из журналов Комитета.

Негласное влияние на ход расследования следует рассматривать как исключительное явление: главной задачей оставалось выявление и установление в возможно полном объеме действительной степени причастности к «делу» каждого привлеченного к процессу. Тем не менее, факты, говорящие в пользу значительной роли посторонних для следствия влияний в отдельных случаях, налицо. Характерным примером является расследование в отношении А.М. Голицына, родственника члена Следственного комитета А.Н. Голицына, очень близкого к императорской семье. Спасти младшего брата, В.М. Голицына, не было возможности: слишком серьезной была обвинительная информация. Ситуация со старшим племянником А.Н. Голицына оказалась значительно более благоприятной: удалось снизить значение показаний Вольского, а свидетельство А. Бестужева фактически не было принято во внимание. В случае офицеров Конной гвардии А.А. Плещеева 2-го, А.К. Ливена, М.Ф. Голицына, конечно, в скоротечном расследовании и оправдательном вердикте следствия немалую роль сыграла принадлежность к придворным кругам: Голицын представлял влиятельный и близкий к императорской семье род; Ливен был внуком воспитательницы Николая I Ш.К. Ливен, очень влиятельной в придворных кругах, и кроме того, являлся родственником допрашивавшего его Бенкендорфа; Плещеев — сыном тещи императрицы Марии Федоровны, литератора и придворного, камергера

А.А. Плещеева. М.В. Нечкина в этой связи отмечала: «В смягчении хода следствия и в доверии к... отрицательным показаниям чувствуется сильное влияние императрицы-матери... которая приняла меры для спасения двух сыновей своего любимого чтеца... Поэтому Алексей Плещеев остается для исследователя фигурой невыясненной, подлежащей дополнительному изучению. Все это касается и брата Алексея — Александра... Николай I не тронул и его, освободив перед судом без малейшего взыскания. Заметим, что во многих других случаях знание о существовании общества и недонесение на него само по себе считалось тяжелой виной и подлежало взысканию»⁴⁵⁰. В этом наблюдении с большой точностью выделены важнейшие последствия влияния на расследование посторонних факторов: невнимание следователей к уличающим показаниям, склонность рассматривать оправдательные показания (самого обвиняемого или отдельных свидетелей) как наиболее авторитетные свидетельства, а также «смягчение хода следствия» (т. е., в первую очередь, отсутствие всех необходимых процедур, включая очные ставки, и скоротечность).

Принадлежность к «злоумышленникам» представителей известных семей, не исключая входивших в ближайшее окружение императора, разумеется, оказывала вполне определенное воздействие на ход следствия, настойчивость и углубленность его разысканий. Наличие всего одного-двух обвиняющих показаний, полностью отрицаемых одним из главных свидетелей или самим подозреваемым, создавало благоприятную возможность для признания привлеченного к процессу лица невиновным.

Неслучайными в этом контексте видятся формулировки итоговых документов следствия, не только результирующие полученную в ходе процесса информацию, но и интерпретирующие ее. Так, в справке «Алфавита» Боровкова сообщается о показаниях А.А. Плещеева 2-го и затем прибавляется: «...в члены общества не поступал и участия в оном никакого не брал, а 14 декабря действовал противу возмутителей». Вопреки имевшимся показаниям Бестужева и Оболенского в справке утверждается: «...никто из злоумышленников не показал о принадлежности Плещеева к обществу или участия в оном»⁴⁵¹. Столь серьезная избирательность в отборе информации, замалчивание прозвучавших уличающих показаний и вполне определенная тенденциозность выводов позволяет предположить существенное воздействие посторонних факторов на ход расследования, в случаях расследования

участия в конспиративной активности представителей влиятельных фамилий.

Другим достаточно характерным случаем является расследование в отношении И.Ф. Львова. Сохранился даже конкретный документ, прямо указывающий на существенное воздействие на ход следствия, и ни кого иного, как первого лица государства. Речь идет об упоминавшемся выше отношении И.И. Дибича к председателю Следственного комитета Татищеву, передающем волю Николая I об ускорении расследования по делу Львова и скорейшем выяснении его «меры прикосновенности». Разумеется, последствия такого распоряжения императора трудно переоценить; их благоприятная для привлеченного к процессу лица направленность также не требует пояснений.

Необходимо сделать вывод, что, скорее всего, негласное давление на следствие имело место не только в случае Грибоедова, но и Львова, Плещеева 2-го и в ряде других. Когда в Комитет поступало прямое указание императора ускорить расследование или получить в возможно короткий срок показания, обвиняющие то или иное лицо (а также ответы на эти показания с его стороны), — это можно рассматривать как несомненный признак такого рода давления.

Но главным основанием для признания следствием уличающих свидетельств недостоверными нужно все же признать позицию самого обвиняемого. Прежде всего, решение следствия зависело от тактики защиты, избранной подозреваемым, от обозначенной им и обвиняющими свидетелями степени осведомленности о существовании тайного общества. В значительной степени водораздел между теми, кто признавался следствием виновным, и теми, кто был оправдан, проходил по следующему принципу: вердикт зависел от количества и содержания обвиняющих свидетельств.

Феномен «знания» о существовании и целях тайного общества при декларируемой организационной непричастности, без сомнения, следует подвергнуть более внимательному изучению: особенно те случаи, когда информация о тайных обществах была получена из личных встреч с руководителями или активными участниками конспиративных организаций, «из первых рук», как, например, в деле Грибоедова. Из примеров такого рода наиболее важны те, когда информация о приеме в члены тайного общества лица, которому сообщалось якобы только о существовании общества, распространялась среди членов и, в особенности, руководства декабристской конспирации.

Те, кто получал сведения о тайном обществе из уст его руководителей, несомненно, испытывался для приема, либо прошел первую стадию процедуры вступления, — это не были для конспираторов «случайные люди». Напомним, что первые ступени членства подразумевали знание не только существования тайного общества, но и его политического характера, общее представление о цели, без полной известности о средствах ее достижения, а также о членах и организационном устройстве конспирации.

Следует обратить внимание на то, что показания о «несовершенном» членстве, иными словами — о приеме в первоначальную степень полноправного членства («третий разряд» в Южном обществе, «согласные» в Северном обществе) — часто относились не только к точно установленным в ходе процесса членам тайного общества, но и к ряду оправданных, «очищенных» на следствии. Другое дело, что в силу ряда факторов, в том числе позиции самого уличаемого лица, следствие не придало этим показаниям, в отличие от других случаев, никакого значения, и они не оказали своего влияния на оправдательное решение следствия⁴⁵².

Упорное отрицание при наличии благоприятных факторов убеждало следователей в невинности обвиняемого. Если показание одного лица не было подтверждено самим подозреваемым, а в особенности — другими подследственными, оно, как правило, считалось недостоверным и теряло доказательную силу, а в дальнейшем не принималось во внимание. В результате многие из участников тайных обществ, на которых были сделаны на следственном процессе обвиняющие показания, не были признаны виновными, а некоторые — вообще не привлекались к расследованию.

В своем мемуарном «Рассказе» В.П. Зубков свидетельствует о том, что подследственные имели намерение говорить лишь о тех, кто, как они знали, уже был привлечен к расследованию. Так, поняв из дополнительного вопроса, что названный им человек, предлагавший ему вступить в «литературное» общество, неизвестен следователям (Ф.П. Шаховской), он «сильно» смутился: по слухам Зубков был уверен в том, что этот человек уже арестован⁴⁵³.

Одинокое заключение, в отличие от коллективного содержания на гауптвахте Главного штаба, сыграло свою роль: отсутствие коммуникации между арестованными способствовало нарушению заключенных ранее соглашений и отходу большинства подследственных от

тактики «запирательства». Возникавшие возможности переговариваться нередко, в равной мере, провоцировали их на отход от «запирательства» или позиции неполной откровенности. Выше уже говорилось о широком распространении рассказа о полной откровенности как причине освобождения братьев Раевских. Согласно «Рассказу» Зубкова, заключенный в соседнем каземате Якубович убеждал мемуариста, что Комитету все известно, и поэтому советовал «ничего не скрывать». Якубович утверждал: в силу того, что он сам признался не во всем, на него были наложены кандалы. Он убеждал Зубкова в том, что на заседаниях Комитета записывают устные показания, чтобы сравнивать их с последующими, в том числе письменными. Прибывший с юга Бярятинский был также уверен, что следствию известно все⁴⁵⁴.

Подвинуть арестованного к чистосердечным показаниям, чтобы он не скрыл ничего, были обязаны и священники, посещавшие заключенных перед допросами. Зубков упоминает о визите к нему священника, который, по собственному признанию, был послан от Комитета, чтобы «убедить... ничего не скрывать». Зубков обещал ему это. Характерен и другой вопрос священника: почему он оказался арестованным; автор записки в ответ заявил о своей невиновности⁴⁵⁵.

Если обвинительное показание одного или нескольких лиц не подтверждалось показаниями других свидетелей, а тем более если оно встречало упорное отрицание самого подследственного, то последний чаще всего имел серьезные шансы для оправдания и освобождался как «очищенный» в результате следственных разысканий. Если это не удавалось, а имеющиеся показания были либо единичными, принадлежали 1–2 лицам, либо неудовлетворительными по каким-либо причинам, или не подтверждались на очных ставках, то в этом случае следствие оправдывало подозреваемого. Демонстрация откровенности в сочетании с полным и последовательным отрицанием предъявляемых уличающих показаний почти гарантировала оправдательный вердикт следствия. Итак, важным благоприятным фактором служило наличие противоречивых показаний, неясных свидетельств, а также отсутствие многочисленных обвиняющих показаний.

Особую роль для обвинения играл вопрос о формальной принадлежности к тайному союзу. Выявленный в ходе процесса факт членства в декабристском обществе после 1821 г. был существен для установления известности о планах перемены правления, «умысла

бунта» и покушения на жизнь императора. Однако те, кто занимал украинное положение в декабристской организации, с одной стороны, меньше интересовали расследование. С другой стороны, у них было больше возможностей избежать установления подлинной степени причастности к конспиративной активности. Тогда следствие, как правило, «отступало» и не считало это обвинение доказанным, несмотря даже на то, что против подследственного были существенные обвиняющие показания. В этой связи многое зависело от позиции оправдания, занятой подследственным, от показаний других обвиняемых, к которым обращалось следствие в ходе установления степени причастности подозреваемого к тайному обществу. Таким образом, многие из лиц, причастных к деятельности тайных обществ или же прямо состоявших членами декабристских союзов, получили статус оправданных в ходе расследования и даже непричастных к тайному обществу.

«Очищенные» следствием лица составляют численно незначительную группу в сравнении с признанными виновными и получившими то или иное наказание, а также в сравнении с установленными участниками тайных обществ, прощенными и освобожденными без наказания. Вместе с тем численная незначительность данной группы не должна заслонять того важного для исследователя декабристов факта, что многие из участников движения тайных обществ, в том числе, как представляется, игравшие достаточно значимую роль в декабристской конспирации и в событиях декабря 1825 г., остались так или иначе в тени расследования и получили оправдательный вердикт следствия.

Иногда встречается прямая незаинтересованность и ошибки следствия. В случае Н.П. Воейкова внимание следователей не было обращено на показания Н.И. Лорера и И.Г. Бурцова. Является ли это результатом намеренного смягчения расследования, или это простая ошибка? Не в пользу последнего предположения служит тот факт, что даже «замеченные» показания Е.П. Оболенского и Н.М. Муравьева не были соответствующим образом оценены и предъявлены обвиняемому.

Важно отметить, что во многих случаях именно недорасследованность характера отношений того или иного лица к тайному обществу, степени его участия в этом обществе, влияла на последующее решение следствия. Поэтому многие из прощенных или освобожденных без

последствий как невинные, оправданные следствием, могли бы стать предметом особого рассмотрения. Опрашивались не все свидетели, и даже не всегда наиболее осведомленные; опрашивались главные, с точки зрения следователей, члены Северного и Южного обществ, которые в действительности часто не были осведомлены о степени причастности к декабристской конспирации лиц, занимавших в ней крайнее положение, состоявших в тайном союзе короткое время или отошедших от него ранее.

Основные итоги

В настоящем разделе рассматривается особая группа, попавшая в поле зрения следствия по делу декабристов. Это лица, не признанные виновными, поэтому в «Алфавите» Боровкова они, как правило, отнесены к разряду непричастных к тайным обществам. В поле зрения исследователя оказываются в этом случае подозреваемые, вина которых не была доказана, несмотря на имевшиеся показания об их участии в деятельности тайного общества, о формальной принадлежности к декабристской конспирации и знании ее существования, целей и намерений. Показания, обвиняющие этих лиц, прозвучавшие на следствии и оказавшиеся в его распоряжении, принадлежат авторитетным свидетелям, осведомленным в иерархии, персональном составе, вопросах приема в тайные общества, занимавшим в них ведущее положение или знавшим о приеме подозреваемого лица из первых рук (от тех, кто его принял, или от него самого).

Сравнительный анализ документов следствия, «Алфавита» Боровкова, других источников (мемуаров, доносов, писем) обнаруживает неучтенные следствием обстоятельства, недорасследованные факты, непроясненные показания. В ходе исследования обнаружились прямые аргументы в пользу опровергнутых свидетельств — показаний, которые были сочтены следствием в ряде случаев недостаточными для обвинения и были «сняты» в связи с оправдательными показаниями самого подозреваемого или других свидетелей-подследственных.

Решения следствия об оправдании лиц, против которых имелись показания об их участии в деятельности тайных обществ, имели под собой различные основания. В одних случаях следствию не хватило доказательств и улик, в других оно само не было заинтересовано в

последовательном доведении расследования до конца и проверке обвиняющих показаний.

1. Всего, по итогам исследования, выявлено не менее **43 человек**, официально оправданных и избежавших преследования, несмотря на полученные показания о членстве в тайном обществе или участии в деятельности заговорщиков в 1825 г. В целом, по степени вовлеченности в следственный процесс можно выделить две группы оправданных:

а) арестованные и привлекавшиеся к допросам на главном (петербургском) процессе, а также при дознании в 1-й армии (А.С. Грибоедов, Н.П. Воейков, Н.П. Крюков, В.П. Зубков, А.А. Плещеев 2-й, А.М. и М.Ф. Голицыны, офицеры Тамбовского полка Рихарды, Розен, Тшилинский, Унгерн-Штернберг, Д.А. Молчанов и др.);

б) не привлекавшиеся к непосредственному дознанию, расследование о которых проводилось заочно (Л. Сенявин, Каменский и др.).

2. Не подлежит сомнению, что те, кто сумел оправдаться на следствии, несмотря на конкретные показания других подследственных о принадлежности к декабристской конспирации и заговору, — это, в основном, лица, скрывшие истинную степень своей причастности к тайному обществу. Поэтому нужно признать, что важнейшую роль для оправдания в ходе следствия играла, как ни в каком другом случае, позиция самого подследственного, занятая им на устных допросах и зафиксированная в письменных показаниях. Образцовым примером здесь может служить артиллерийский офицер 1-й армии, обвинявшийся в принадлежности к Васильковской управе Южного общества, — Ф.Е. Врангель. Несмотря на уличающие показания целого ряда осведомленных участников тайного общества, занимавших в нем руководящее положение (М.И. Муравьев-Апостол, П.И. Пестель, М.П. Бестужев-Рюмин), вопреки тому, что его товарищи по службе признались в своем участии в конспиративной организации (М.И. Пыхачев, П.А. Нашокин), Врангель до конца отвергал устойчивый характер своих отношений с участниками декабристской конспирации, которые по ряду указаний приняли его в состав Южного общества, сам факт своей формальной принадлежности к политическому обществу. Занятая им позиция привела к тому, что следствие признало все имеющиеся показания о членстве Врангеля недостаточными для обвинения, и он был оправдан. Судя по всему, под влиянием последовательной линии защиты главные свидетели (обвиняемые) по «делу» оправданного лица изменяли свою позицию в пользу оправдания,

давая ему возможность избежать привлечения к ответственности и наказания.

3. Помимо такого рода общих гуманистических соображений, несомненно, значительную роль в замалчивании ряда обстоятельств, в сокрытии принадлежности и участия в заговоре со стороны главных свидетелей-подследственных играли соображения собственной безопасности и ослабления вины. Ведь признание в собственной активной деятельности по расширению рядов тайных обществ и распространению влияния заговора, сообщения о новых контактах конспиративного характера грозили серьезным отягощением вины и более суровым наказанием. Это особенно наглядно показывает замалчивание участия в заговоре П.Я. Ренненкампа, офицера штаба 4-го пехотного корпуса, близкого к С. Муравьеву-Апостолу, старшего подполковника Ахтырского гусарского полка И.А. Арсеньева, полковых командиров 1-й армии, оказавшихся в орбите влияния инициаторов восстания Черниговского полка. С другой стороны, в группе оправданных лиц, с которых было снято обвинение, можно найти тех, кто связывал декабристское общество с представителями «высших кругов» управления империей, видными и влиятельными государственными и военными деятелями. В качестве характерного примера назовем братьев В.Ф. и И.Ф. Львовых, тесно связанных с высшей бюрократической элитой империи, адъютанта А.П. Ермолова Н.П. Воейкова и чиновника его канцелярии А.С. Грибоедова. Раскрытие истинных отношений этих лиц в рамках тайного союза угрожало множеством осложнений, помимо отягчения вины контактировавших с ними известных участников декабристского общества.

4. Мотивы сокрытия тех или иных лиц от следствия могли быть различными: от естественного желания сохранить от репрессий друга или родственника до более широких соображений морально-этического характера. В особенности стремления этого рода получали дополнительный стимул в том случае, если обвиняющие показания были непосредственно связаны с главными «винами»: подготовка мятежа, планы восстания, знание умысла и участие в обсуждении планов царевубийства. За попытками умолчать об участии в тайных обществах того или иного лица или представить его членство как «простую» осведомленность о существовании конспиративных организаций, а то и как отказ на предложение о вступлении, несомненно, стояло стрем-

ление не касаться важного обвинительного вопроса, усиливающего вину самого автора показания. Возможно, для подследственных рассказ о некоторых оправданных был связан с опасными вопросами подготовки мятежа, надеждами на поддержку широкого круга единомышленников или личными мотивами (родственники, друзья). Не случайно, что в большинстве случаев именно по опасным вопросам подследственные старались отрицать собственное участие и тем более — участие третьих лиц. В особенности это касается стойкого отрицания формальной принадлежности к тайному обществу ряда офицеров, находившихся в высоких чинах, которое проводили в своих показаниях некоторые из самых активных заговорщиков, вопреки появившимся показаниям «третьих лиц», прямо удостоверяющим принадлежность к декабристской конспирации, со ссылкой на других обвиняемых.

5. Наименее доказательными примерами неподтвержденного обвинения следует признать случаи, когда свидетель не мог привести дополнительные аргументы, подтверждающие его показания, а подследственный, на которого он ссылался, приводил убедительные возражения. Такие случаи (например, случай генерал-майора Каменского, принятого по показанию М.И. Муравьева-Апостола в Южное общество Ф.Ф. Вадковским), однако, количественно незначительны в общем числе подвергнутых изучению. Их нельзя сбрасывать со счетов: показания, прозвучавшие на следственном процессе, не основанные на слухах, ошибке, не сопровождаемые оговорками, ограничивающими их достоверность, требуют к себе внимания, так как отражают ту информацию, те сведения, что циркулировали в среде участников декабристской конспирации.

6. Нет сомнения, что весьма значительную роль играла в ряде случаев незаинтересованность самого следствия в предметном и последовательном, объективном расследовании степени участия в декабристском обществе некоторых из освобожденных вследствие установленной «невиновности» лиц. В ряде случаев следствие не стало продолжать разыскание, очевидно, по воле высшей власти, в первую очередь, по воле Николая I. С этим связано, прежде всего, свертывание расследования в отношении связей декабристов с государственными деятелями высокого уровня и военачальников (М.М. Сперанский, Н.С. Мордвинов, А.П. Ермолов, П.Д. Киселев, К.И. Бистром, М.А. Милорадович и др.). Наглядный пример такого рода «остано-

вившегося» расследования — дела упомянутых уже Н.П. Воейкова, А.С. Грибоедова, братьев Львовых.

7. Еще одна причина снятия обвинений «по инициативе» самого следствия, либо его незаинтересованности в проведении тщательного углубленного исследования причастности к тайному обществу, наличие которой можно уверенно утверждать, — это близость ряда подозреваемых к императорской семье, принадлежность их к влиятельным родам, придворной среде. Наиболее характерные примеры такого рода представляют А.М. и М.Ф. Голицыны, А.А. Плещеев 2-й, С.Ю. Нелединский.

8. Причины, по которым следствие вынесло оправдательное решение, в каждом конкретном случае следует рассматривать особо. Представляется, что источники дают основание для следующих итоговых наблюдений. Основная причина — тактика защиты подследственных, включающая:

— последовательное отрицание любой степени формальной принадлежности к тайному обществу;

— демонстрацию искренности и откровенности в показаниях;

Далее, следует обозначить особенности расследования, которые способствовали появлению оправдательных вердиктов:

— отсутствие значительных усилий со стороны расследования, направленных на выяснение степени причастности к тайному обществу.

Последнее обстоятельство предполагает определенное воздействие на ход расследования чиновников штата Следственного комитета (А.Д. Боровков, А.А. Ивановский), которые непосредственно участвовали в составлении вопросов, сопоставлении полученных показаний, анализе их содержания, в подготовке выписок из уличающих показаний, итоговых «записок о силе вины», других обобщающих результаты расследования документов, и тем самым влияли на вынесение итоговых решений следствия. Возможно, имело место содействие некоторых членов Следственного комитета. Возможно, сыграла свою роль близость к некоторым из оправданных великого князя Михаила Павловича, А.Х. Бенкендорфа и других.

— в ряде случаев (А.С. Грибоедов, И.Ф. Львов, Александр Плещеев и др.) исследователь вполне обоснованно может предполагать присутствие посторонних для расследования факторов, способствовавших оправданию этих лиц. Это постороннее влияние, в частности, выра-

зилось в том, что следствие не придало должного значения обвиняющим показаниям, не учло некоторые из них, не было настойчиво в выяснении противоречий в показаниях и не проводило очных ставок. Очевидно, происходило давление на следствие со стороны близких к императорской семье лиц, прежде всего, со стороны родственников обвиняемых, а также лиц из дружеского окружения (в случае Грибоедова традиционным ходатаем за него считается И.Ф. Паскевич, кроме того, известна роль А.А. Ивановского, можно добавить еще А.Д. Боровкова и Я.И. Ростовцева, близкого к ряду членов Комитета).

— личная симпатия императора, проявившаяся при ознакомлении с подследственным, при устном допросе, при знакомстве с его показаниями (Ф.Е. Врангель, И.А. Арсеньев и др.).

9. Степень обоснованности и доказательности обвиняющих показаний о членстве, которые были фактически отвергнуты в ходе расследования, также различна. В некоторых случаях можно считать недоказанную уличающую информацию вполне достоверной. Иначе говоря, исследователю следует признать, что дело обстояло с точностью наоборот: оправданное лицо принадлежало к числу членов тайного общества, но по тем или иным причинам было признано невиновным (Н.П. Воейков, Ф.Е. Врангель, А.А. Плещеев 2-й). В других случаях степень достоверности уличающих показаний в принадлежности к тайному обществу оправданных лиц несколько снижается в силу отрицания со стороны подследственных, в той или иной степени осведомленных в вопросе о приеме этого лица (Л. Сенявин, Д.А. Молчанов, И.А. Арсеньев). Тем не менее, это отрицание не обладает полной доказательной силой, несмотря на то что следствие сочло его достаточным для вынесения оправдательного решения. Исследователь вправе подвергнуть сомнению такие показания, поскольку, как правило, признание принадлежности влекло за собой привлечение нового лица, расширение круга обвиняемых, расширение объема уличающей информации.

10. Рассмотренные в настоящем разделе случаи недоказанного обвинения на следственном процессе декабристов позволяют сделать важные наблюдения, относящиеся к проблеме персонального состава декабристской конспирации. Достаточно очевидно, что подавляющая часть лиц, составивших данную группу, причастна к деятельности тайного общества. Они были избраны руководителями и активными участниками декабристской конспирации в качестве кандидатов на вступ-

ление, рассматривались как ближайший резерв организации. Многие из них подготавливались к приему в тайное общество, причем вместе с лицами, признанными на следствии полноправными членами⁴⁵⁶. В каждом разобранным случае есть прочно фиксируемые источниками связующие нити между тем или иным известным участником декабристской конспирации и оправданным на следствии «подозреваемым». И все, почти без исключения, указывают на ту или иную степень осведомленности о существовании и целях тайного общества, что в значительной мере может служить достаточным свидетельством организационной причастности к декабристскому союзу.

11. Принадлежность к «пограничной группе», в силу недоказанного участия в тайных обществах, оказала серьезное определяющее влияние на непризнание участия в движении декабристов представителей этой группы в научной традиции. В исторической литературе их считать декабристами не принято, нередко отрицается любая связь с деятельностью тайных обществ. Единственным основанием для такого вывода служит, как правило, оправдательный вердикт Следственного комитета. Только в отдельных, единичных работах, принадлежащих, как правило, историкам, специально занимавшимся тайными обществами и событиями 1825 г., утверждается причастность, либо прямое участие в декабристских союзах (опыт доказательства участия в тайном обществе Грибоедова содержит исследование М.В. Нечкиной об А.С. Грибоедове, имеются также заключения о принятии в тайное общество некоторых из оправданных на следствии: Л.Я. Павловой — об И.П. Липранди, Л.А. Медведской — о В.К. Ширмане и Ф.К. Левентале, О.И. Киянской — о П.Я. Ренненкампе)⁴⁵⁷. Несмотря на авторитетное мнение М.В. Нечкиной, обоснованное в рамках двух монографических трудов и разделяемое другими исследователями (П.Е. Щеголев, С.А. Фомичев), представление о А.С. Грибоедове-участнике декабристской конспирации не получило распространения в научной традиции, вызвав оживленную дискуссию. По-прежнему превалирует противоположное мнение, представленное в трудах Н.К. Пиксанова и других историков литературы⁴⁵⁸. Некритический подход к обобщающим формулам следствия, отраженным в его итоговых документах, воспроизведение окончательного вердикта следствия в качестве результата исследовательского анализа очень опасны для подлинно научного осмысления и реконструкции действительных взаимоотношений между членами конспиративных союзов⁴⁵⁹.

12. В целом следует признать, что устоявшееся в научной традиции представление о невинности всех оправданных на следствии лиц, как «очищенных» объективным расследованием, не выдерживает проверки документальными свидетельствами и не находит подтверждения при обращении к критическому анализу первоисточников. Это представление упрощает сложную картину расследования, не учитывает той реальной степени причастности к деятельности декабристских обществ целой группы привлеченных к следственному процессу лиц, которая выявляется с помощью анализа следственных показаний, их сопоставления между собой, критической проверки другими источниками. Изучение основных линий поведения привлеченных к следствию также не оставляет сомнений в том, что среди тактических приемов защиты одно из важных мест занимало полное отрицание любой степени причастности к декабристской конспирации, которое в сочетании с демонстрацией откровенности («чистосердечия») позволяло надеяться на оправдательное решение следствия и полное избавление от ответственности и наказания.

13. Вывод о формальной принадлежности ряда оправданных в ходе процесса лиц, сделанный на основе критического анализа и сопоставления следственных показаний, находит подтверждение при обращении к другим источникам: указания на членство в тайных обществах оправданных лиц находятся и в показаниях, не учтенных следствием, и в позднейших (мемуарных) источниках (Н.П. Воейков, А.С. Грибоедов, Ф.Е. Врангель, А.М. Голицын и др.). Это обстоятельство служит еще одним существенно важным аргументом в пользу правильности итогов проделанного анализа документов следствия.

14. Одновременно данный сюжет представляет немалый интерес и для исследования особенностей следственного процесса 1825–1826 гг. Неподтвержденное обвинение и те «пограничные случаи» участия в тайных обществах, которые были рассмотрены в настоящей главе, показывают, что на следственном процессе имели место попытки скрыть действительную степень участия в декабристском движении. В отношении группы предполагаемых участников движения, оправданных на следственном процессе и признанных «невинными», материалы следствия нельзя не признать противоречивыми, а во многих случаях — недорасследованными, дающими основание для вывода, противоположного тем итогам расследования, которые повлекли за собой оправдание подозреваемого. Степень участия и конкретные

действия в рамках политической конспирации предполагаемых декабристов, привлеченных к следствию и затем им оправданных, требуют дальнейшего исследования. Это еще одна группа декабристов, уцелевших от правительственных репрессий, укrywшихся от внимания следствия. В отличие от предполагаемых декабристов, не отраженных в «Алфавите» Боровкова, в следственных материалах, и известных историку из указаний других источников, представители этой группы привлекались к следственным разысканиям, но оказались оправданными и «очищенными» официальным следствием.

Примечания

- ¹ Боровков А.Д. Автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 343.
- ² ВД. Т. III. С. 117, 121, 123.
- ³ Трубецкой С.П. Записки // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 254, 260, 264.
- ⁴ См., например: Якушкин И.Д. Записки // Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 134, 135, 142–143, 146.
- ⁵ Завалишин Д.И. Воспоминания о Грибоедове // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 132.
- ⁶ Там же. С. 141–142.
- ⁷ Там же. С. 142.
- ⁸ См.: Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 176, 177.
- ⁹ Там же. С. 220. Очевидно, исследователь в данном случае имел в виду членов тайного общества, установленных на следствии, но не подвергавшихся аресту.
- ¹⁰ Там же. С. 205.
- ¹¹ Там же. С. 66, 76, 107.
- ¹² Там же. С. 64–65, 107.
- ¹³ Нечкина М.В.: 1) Грибоедов и декабристы. М., 1951; 2) Грибоедов и декабристы. М., 1977; 3) Следственное дело А.С. Грибоедова. М., 1982.
- ¹⁴ Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. М., 1982. С. 51–52.
- ¹⁵ См. о нем: Козьмин Б.П. Московский либерал из «Былого и дум» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1950. Т. 7. № 1. С. 85–87.
- ¹⁶ См.: Ченцов Н.М. Восстание декабристов. Библиография. М.; Л., 1929; Движение декабристов. Указатель литературы. 1929–1959. М., 1960; Движение декабристов. Указатель литературы. 1960–1980. М., 1982; Движение декабристов. Указатель литературы. 1977–1992. М., 1994 (по именному указателю).
- ¹⁷ См. приложение к работе: Эрлих С.Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 283–313.
- ¹⁸ Так, в обобщающей монографии В.А. Федорова можно одновременно встретить как утверждение о том, что Грибоедов не относится к числу участников декабристских обществ, так и безоговорочное включение его в число декабристов (сообщения о том, что на квартиру С.П. Трубецкого в Киеве «...приезжали П.А. Муханов, А.С. Грибоедов и другие декабристы»; Грибоедову, Якушкину, Басаргину «и многим другим

- декабристам» удалось перед арестом истребить компрометирующие бумаги) (Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 24, 167, 221).
- ¹⁹ В последнем по времени выхода в свет библиографическом справочнике (1994 г.) число лиц, считающихся декабристами, значительно расширилось. Публикация следственных дел участников тайных обществ, избежавших суда и понесших административные наказания, также способствует расширению традиционно зауженных представлений о декабристах (ВД. М., 2001. Т. XIX, XX).
- ²⁰ См., например: Пиксанов Н.К. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 183–184.
- ²¹ См.: Лебедев А.А. Грибоедов: факты и гипотезы. М., 1980. С. 72. Отметим кстати, что принадлежность к категории известных исторических лиц не помешала включить в число декабристов П.Я. Чаадаева и П.А. Катенина.
- ²² Следует сделать необходимую оговорку: речь идет о лицах, привлеченных к следствию, зафиксированных в «Алфавите».
- ²³ Следственная комиссия «основанием своих заключений почти всегда полагала признание самих подозреваемых или бумаги, ими писанные, изветы же сообщников и показания других свидетелей были по большей части только пособиями для улики или для распространения следствия и соображений при допросах» (ВД. Т. XVII. С. 24).
- ²⁴ Нечкина М.В. Предисловие // ВД. Т. X. С. 10.
- ²⁵ Нечкина М.В. Предисловие // ВД. Т. XII. С. 8; ВД. Т. IX. С. 10.
- ²⁶ Нечкина М.В. Предисловие // ВД. Т. IX. С. 10.
- ²⁷ Нечкина М.В. Предисловие // ВД. Т. XI. С. 7.
- ²⁸ Поджио А.В. Записки. Письма. Иркутск, 1989. С. 98–99.
- ²⁹ Боленко К.Г., Самовер Н.В. Верховный уголовный суд 1826 года: декабристская версия в историографической традиции // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования. М., 2001. С. 143–170. Здесь приведен обзор указаний мемуаристов декабристского ряда, которые свидетельствуют об обещаниях помилования или облегчения участи за «откровенность» и «раскаianie».
- ³⁰ Там же. С. 153.
- ³¹ См.: Эдельман О.В. Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник // Отечественная история. 1995. № 6. С. 40–41.
- ³² Поджио А.В. Записки. Письма. С. 98, 99.
- ³³ Там же. С. 98, 117 (выделено автором мемуаров).
- ³⁴ Нечкина М.В. Предисловие // ВД. Т. XIV. С. 24.
- ³⁵ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 201, 202; Павлова В.П. Сергей Петрович Трубецкой. С. 59, 64. Анализ позиции подследственных (в том числе главных обвиняемых), которые при всей откровенности придерживались тактики «полупризнаний», дан в книге В.А. Федорова (Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...»). С. 177–195).
- ³⁶ Миронова И.А. Судебно-следственные материалы первой половины XIX в. М., 1958. С. 14.
- ³⁷ Там же. С. 21, 22.
- ³⁸ Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 33.
- ³⁹ Там же С. 32, 33. Не упоминая об уверенных и авторитетных показаниях о членстве, имевшихся в отношении некоторых оправданных на процессе, В.А. Федоров пишет, что в ходе следствия было «много взятых по одному подозрению», которые не имели «никакого отношения к декабристам» (Там же. С. 219).

- ⁴⁰ См. рассказ об уничтожении бумаг Р.В. Любимова, сообщенный в воспоминаниях Д.И. Завалишина (А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 134–135).
- ⁴¹ *Зубков В.П.* Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости // Петропавловская крепость: Страницы истории. СПб., 2001. С. 191.
- ⁴² *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 82.
- ⁴³ ВД. Т. XII. С. 120, 124–125; Т. XIII. С. 28; Т. XI. С. 385, 395.
- ⁴⁴ ВД. Т. XIII. С. 389. М.В. Нечкина писала в связи с этим: «Конечно, принятые заранее правила не были осуществлены в условиях тяжелого заключения в Петропавловской крепости, допросов и очных ставок, но самый факт попытки предварительногоговора заговорщиков заслуживает внимания» (*Нечкина М.В.* Предисловие // ВД. Т. XIII. С. 16).
- ⁴⁵ По этой причине трудно согласиться с мнением, высказанным К.Г. Боленко и Н.В. Самовер в их весьма ценной работе. Авторы считают твердо установленным фактом то обстоятельство, «что никто из них (арестованных. — П.И.) не готовился к процессу (не анализировал свои показания, не продумывал тактику защиты и т. п.)» (*Боленко К.Г., Самовер Н.В.* Верховный уголовный суд 1826 года... С. 156). По нашему мнению, многие из подследственных имели возможность подготовиться в той или иной степени к допросам и, кроме того, опирались на определенные сложившиеся традиции поведения на следственных процессах.
- ⁴⁶ ВД. Т. XIX. С. 205, 213.
- ⁴⁷ *Пуцин М.И.* Из «Записок» // *Пуцин И.И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 408, 409.
- ⁴⁸ ВД. Т. II. С. 206, 210, 229. Ср.: *Якушкин И.Д.* Записки // *Якушкин И.Д.* Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 134.
- ⁴⁹ *Семенова А.В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 53, 54, 172; *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...». С. 145.
- ⁵⁰ См. об этом: *Семенова А.В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 53–54, 98, 133, 172–173.
- ⁵¹ См. об этом: *Боленко К.Г., Самовер Н.В.* Верховный уголовный суд 1826 года... С. 165.
- ⁵² Об этом прямо говорят письма, написанные в крепости главными обвиняемыми (Пестель, Рылеев, С. Муравьев-Апостол и др.). Так, С. Муравьев-Апостол писал в своем Николаю I о своем стремлении употребить свои способности на пользу отечеству: «...я бы осмелился ходатайствовать перед Вашим величеством об отправлении меня в одну из тех отдаленных и рискованных экспедиций, для которых ваша обширная империя представляет столько возможностей...» (ВД. Т. IV. С. 262). Следует согласиться с Н.Я. Эйдельманом, который полагал, что Муравьеву-Апостолу была дана «определенная надежда» на допросе с участием императора («обещание») (*Эйдельман Н.Я.* К биографии С.И. Муравьева-Апостола // *Эйдельман Н.Я.* Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. СПб., 2001. С. 141).
- ⁵³ *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Грибоедове. С. 137. Выделено мной. — П.И.
- ⁵⁴ Информация поступила из доносов Бошняка и Майбороды; последний ссылался на слова нескольких членов тайных обществ, которые в свою очередь в показаниях сослались на Пестеля. Последний отрицал это обстоятельство (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 177 (А.Н. и Н.Н. Раевских). Л. 4–9).
- ⁵⁵ ВД. Т. I. С. 21.
- ⁵⁶ Там же. С. 163.
- ⁵⁷ *Нечкина М.В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 42. Ср. оригинал дела: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 174. Л. 4.
- ⁵⁸ Там же. Л. 5.
- ⁵⁹ ВД. Т. XIX. С. 375.

- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 174. Л. 6, 7.
- ⁶¹ Там же. Л. 20.
- ⁶² *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. С. 467.
- ⁶³ ВД. Т. I. С. 439–440.
- ⁶⁴ В данной работе не затрагиваются показания о встречах Грибоедова с членами Южного общества в Киеве.
- ⁶⁵ *Нечкина М.В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 17, 18, 19.
- ⁶⁶ *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. С. 568.
- ⁶⁷ *Нечкина М.В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 21–24.
- ⁶⁸ Грибоедов содержался на гауптвахте дежурного генерала Главного штаба с 11 февраля по 2 июня 1826 г.
- ⁶⁹ ВД. Т. XIV. С. 302.
- ⁷⁰ *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Грибоедове. С. 138–139.
- ⁷¹ *Смирнов Д.А.* Рассказы об А.С. Грибоедове, записанные со слов его друзей // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 222. Согласно Жандру, этот совет дал Грибоедову чиновник следствия А.А. Ивановский. Рассказ близкого к драматургу Жандра, в целом весьма авторитетный (источником информации мог служить как сам Грибоедов, так и близкий к литературным кругам Ивановский), в ряде деталей недостоверен. М.В. Нечкина совершенно справедливо отметила тот факт, что на первом допросе отбирались устные показания, которые фиксировались Левашевым, следовательно, исправить их уже было невозможно. Очевидно, Завалишин не точен в этом своем рассказе, и речь может идти только о первых показаниях, данных в ответ на вопросные пункты Комитета.
- ⁷² *Завалишин Д.И.* Воспоминания о Грибоедове. С. 139.
- ⁷³ Самому Любимову не удалось придерживаться исповедуемой им (согласно свидетельству Завалишина) линии защиты, — фактически полного первоначального отрицания предъявляемой следователями информации. Недавно опубликованное его следственное дело показывает, что на первом допросе у Левашева, в силу имевшихся показаний о его членстве в Союзе благоденствия, Любимов признался в этом, не отрицал он свое пребывание в нем и в дальнейшем, лишь категорически и односложно сообщал о неосведомленности относительно политических целей Союза и планов ввести конституцию, заявляя, что общество носило благотворительный характер, стремилось к искоренению злоупотреблений и жестокостей в армии, членов общества он не знал, кроме принявшего, никакого участия в делах общества не принимал (Дело Р.В. Любимова // ВД. Т. XX. С. 223–229. См. также комментарий А.В. Семенов к этому делу — Там же. С. 522).
- ⁷⁴ Следует обратить внимание еще на один факт в этой связи. Режим содержания под следствием Грибоедова отличался особой свободой. Он мог посещать, в частности, друзей — Жандра, Булгарина. Возможно, и другие арестованные по примеру Грибоедова могли также покидать место заключения.
- ⁷⁵ См., например, воспоминания И.П. Липранди, который содержался в Главном штабе, наряду с Грибоедовым и Любимовым: Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1873. № 2. С. 235.
- ⁷⁶ Основное содержание записки: Грибоедов не хотел вступать в Вольное общество любителей российской словесности, потому что опасался его политического характера (вступление в это общество — один из главных аргументов, использованных Грибоедовым при защите от показаний о принятии его в тайное общество); вражда с Якубовичем, одним из главных действующих лиц заговора (ГАРФ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 493; опубл.: Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 477).
- ⁷⁷ *Эдельман О.В.* Мемуары декабристов о следствии как исторический источник //

- Отечественная история. 1995. № 6. С. 35. См. также указанную работу К.Г. Боленко и Н.В. Самовер.
- ⁷⁸ *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. С. 701. Ср.: ВД. Т. XII. С. 323.
- ⁷⁹ О случае Фаленберга см.: *Предтеченский А.В.* Декабрист П.И. Фаленберг // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1931. Т. 1. С. 206–222.
- ⁸⁰ См. указанную статью К.Г. Боленко и Н.В. Самовер.
- ⁸¹ *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...». С. 171, 173.
- ⁸² *Нечкина М.В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 18.
- ⁸³ Там же. С. 17.
- ⁸⁴ Там же. С. 18–19.
- ⁸⁵ Там же. С. 24. Ср.: *Шеголев П.Е.* Грибоедов и декабристы // *Шеголев П.Е.* Декабристы: Сб. ст. М.; Л., 1926. С. 113–114; *Базанов В.Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 336.
- ⁸⁶ См. об этом: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. С. 579–580.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 174. Л. 14, 18.
- ⁸⁸ *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. С. 456.
- ⁸⁹ *Грибоедов А.С.* Сочинения. М., 1988. С. 530, 531.
- ⁹⁰ *Федоров В.А.* Декабристы и их время. С. 227.
- ⁹¹ *Миронова И.А.* Судебно-следственные материалы первой половины XIX в. М., 1958. С. 23. Ср.: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. С. 576, 578.
- ⁹² *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы»... С. 137–138, 177, 181, 182.
- ⁹³ *Нечкина М.В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. М., 1982.
- ⁹⁴ Там же. С. 13. Ср.: *Шеголев П.Е.* Грибоедов и декабристы. С. 94–110.
- ⁹⁵ *Нечкина М.В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 12. Важно при этом отметить, что в данном случае в принятом исследовательницей понятийном аппарате выражение «следственное дело о Грибоедове» означает не его персональное дело, но весь комплекс показаний и других документов, затрагивающих расследование о Грибоедове и сохранившихся в фонде следствия.
- ⁹⁶ Там же. С. 13.
- ⁹⁷ Там же. С. 33.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 174. Л. 4, 7, 20.
- ⁹⁹ *Нечкина М. В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 50, 52. Ср.: *Шеголев П.Е.* Грибоедов и декабристы. С. 124. Современные исследователи не подвергают сомнению вывод М.В. Нечкиной о предложении, сделанном Грибоедову Рылеевым (см.: *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 475).
- ¹⁰⁰ *Нечкина М.В.* Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 53–84.
- ¹⁰¹ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 397.
- ¹⁰² ВД. Т. I. С. 446.
- ¹⁰³ Б.Е. Сыроечковский, автор рецензии на исследование М.В. Нечкиной, не придал значения формуле Рылеева, которую передал на следствии Трубецкой: «он наш». Историк считал, что Трубецкой услышал от Рылеева несколько неясных и незначущих слов и к тому же неверно их понял. Исходя из этого, рецензент полагал, что свидетельство Трубецкого не имеет доказательной силы (*Сыроечковский Б.Е.* Рец.: *Нечкина М.В.* Следственное дело о А.С. Грибоедове. М., 1946 // *Вопросы истории.* 1946. № 8/9. С. 122). С этим выводом авторитетного исследователя трудно согласиться.
- ¹⁰⁴ ВД. Т. IV. С. 111; Т. X. С. 281; Т. XI. С. 198, 210; Т. XII. С. 349.
- ¹⁰⁵ ВД. Т. I. С. 267.
- ¹⁰⁶ ВД. Т. I. С. 107, 181; Т. XIV. С. 42, 89–90, 98.
- ¹⁰⁷ *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. С. 458.

- ¹⁰⁸ ВД. Т. I. С. 159.
- ¹⁰⁹ ВД. Т. I. С. 441.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ См. об этом: *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. С. 458–459.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 176 (И.А. Арсеньева). Л. 5–5 об. Показание от 19 февраля 1826 г.; Д. 94 (М.Н. Паскевича). Л. 8. См. также дело П.А. Нащокина: ВД. Т. XIX. С. 131.
- ¹¹³ ВД. Т. XIX. С. 87, 93, 131–133.
- ¹¹⁴ Поэтому на следствии складывалась парадоксальная ситуация: руководители конспирации называли принадлежавших к этому разряду членами тайного общества, а последние, напротив, отрицали свое участие в конспирации, говоря только о том, что они слышали о существовании ее, или о том, что им было сообщено только о политическом характере общества, в которое они, однако, не поступали.
- ¹¹⁵ *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. С. 532.
- ¹¹⁶ ВД. Т. I. С. 440–441.
- ¹¹⁷ *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. С. 442–455.
- ¹¹⁸ Там же. С. 462.
- ¹¹⁹ ВД. Т. I. С. 235. Ср.: *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. С. 473–475.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 174. Л. 7.
- ¹²¹ Там же. Л. 5.
- ¹²² Ссылка К.Ф. Рылеева на несходство мнений о способах введения Конституции ставится под сомнение его следующим показанием. Кроме того, такое несходство мнений обнаруживается и внутри тайного общества, среди его членов.
- ¹²³ Рассказ входившего в ближайшее окружение Ермолова А.Ф. Реброва, переданный Д.В. Давыдову самим Ермоловым. См.: *Давыдов Д.В.* Из «Записок, в России цензурой непропущенных» // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 152.
- ¹²⁴ Причем не исключались приемы с чисто утилитарной целью: известны случаи, когда принятие в тайное общество совершалось только для информирования других членов, для конкретного поручения (И.В. Рынкевич на юге был принят для передачи сообщения Пестелю; приведем показание Ф.Ф. Вадковского о приеме Н. Булгари: «...я принял только для того, чтобы посылать с бумагами... по мере надобности...» (ВД. Т. XI. С. 198; Т. XIX. С. 188–190).
- ¹²⁵ При анализе достоверности следственных материалов та линия интерпретации итогов расследования «дела Грибоедова», которая пыталась на основе оправдательного вердикта следствия и полного отрицания самим Грибоедовым уличающих показаний обосновать его непричастность к тайным обществам, его отказ от вступления в декабристскую конспирацию, представленная именами известных исследователей (в начале XX в. Н.А. Котляревский, Е.Г. Вейденбаум, а позднее Н.М. Дружинин, Б.Е. Сыроечковский, Н.К. Пиксанов и др.), не выдерживает критики. Ссылаясь на факт оправдания Грибоедова, сторонники этой линии исходили из той предпосылки, что следствие установило истинные отношения, связывавшие его с тайным обществом. Другие исследователи полагали, что чуть ли не единственным обоснованием неучастия Грибоедова в тайном обществе может служить апокрифическое высказывание, принадлежавшее Грибоедову: «Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России» (см.: *Дружинин Н.М.* Рец.: Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1947 // Вопросы истории. 1947. № 12. С. 101–106; *Лебедев А.А.* Грибоедов: факты и гипотезы. М., 1980. С. 53, 115, 127; *Гришунин А.Л., Маркович В.М.* Грибоедов Александр Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. М., 1992. С. 23). Несмотря на исследования М.В. Нечкиной, в научной литературе в значительной мере

- сохранился взгляд на Грибоедова как человека, «близкого к декабристам», «сочувствующего» им, друга и т. п. (См., например: *Семенова А.В.* Временное революционное правительств в планах декабристов. М., 1982. С. 78, 119). Очевидно, сдерживающую роль в признании непосредственного участия Грибоедова в тайном обществе сыграли укрепившиеся в литературе стереотипные представления о мировоззрении и идейной эволюции выдающегося драматурга.
- ¹²⁶ ВД. Т. XVI. С. 118.
- ¹²⁷ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 174. Л. 24.
- ¹²⁸ В целом, сопоставление имеющихся свидетельств, критический анализ не только достоверности, но и авторитетности показаний, полученных в ходе процесса, заставляют признать обоснованность выводов М.В. Нечкиной, с учетом тех корректив в интерпретации данных, что изложены выше.
- ¹²⁹ Алфавит. С. 238, 251, 277.
- ¹³⁰ Декабристы. С. 54, 83; Алфавит. С. 246.
- ¹³¹ Там же. С. 284.
- ¹³² Там же. С. 280; *Львов А.Ф.* Записки // Русский архив. 1884. Кн. 2. № 4. С. 236.
- ¹³³ Алфавит. С. 275, 339, 238.
- ¹³⁴ Алфавит. С. 220, 240, 301, 256, 259, 260, 261, 271. Ср.: *Вершевская М.В.* Места заключения декабристов в бастионах и куртинах Петропавловской крепости // Краеведческие записки. Исследования и материалы. СПб., 1996. Вып. 4. С. 114–115, 123, 124, 133.
- ¹³⁵ ВД. Т. XVI. С. 78.
- ¹³⁶ ВД. Т. XI. С. 105.
- ¹³⁷ ВД. Т. XVI. С. 78.
- ¹³⁸ ВД. Т. XI. С. 111; Т. XVI. С. 78.
- ¹³⁹ ВД. Т. XVI. С. 80, 254.
- ¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 176 (И.А. Арсеньева). Л. 12–13.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 2, 7–8, 10–10 об. (показания от 19, 20 и 22 февраля).
- ¹⁴² ВД. Т. XI. С. 131.
- ¹⁴³ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 176. Л. 3–6, 14; ВД. Т. XVI. С. 112, 275.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 256.
- ¹⁴⁵ ВД. Т. IX. С. 270.
- ¹⁴⁶ ВД. Т. XIX. С. 105, 106, 117–118.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 104, 107.
- ¹⁴⁸ ВД. Т. IX. С. 190; Т. XVI. С. 63, 244.
- ¹⁴⁹ Декабристы. С. 45.
- ¹⁵⁰ ВД. Т. IX. С. 226, 52, 61 (выделено мной. — *П.И.*)
- ¹⁵¹ ВД. Т. IV. С. 280.
- ¹⁵² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 114. (Ф.Е. Врангеля) Л. 2; ВД. Т. XVI. С. 115.
- ¹⁵³ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 114. Л. 13–18; ВД. Т. XVI. С. 140.
- ¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 114. Л. 3–7 об.
- ¹⁵⁵ ВД. Т. XI. С. 323, 325, 331, 333.
- ¹⁵⁶ ВД. Т. V. С. 34, 40.
- ¹⁵⁷ ВД. Т. V. С. 186, 200, 209, 215, 282–283, 379, 382, 442.
- ¹⁵⁸ ВД. Т. XIII. С. 219.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 408.
- ¹⁶⁰ ВД. Т. XIX. С. 256; Т. XIII. С. 141. Уставные требования Южного общества запрещали его членам открывать свою принадлежность к тайному обществу другим лицам, за исключением тех сочленов, кто был принят одним лицом и состоял в одной «отрасли».

- ¹⁶¹ ВД. Т. XIX. С. 130, 139–140, 142, 144, 147–148.
- ¹⁶² ВД. Т. XVI. С. 174, 216. 7 июня Ф.Е. Врангель был награжден переводом в гвардейскую конную артиллерию, при этом экипирован за казенный счет, о чем говорит помета на итоговой записке о нем, поданной императору (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 37. Л. 5–6 об.).
- ¹⁶³ Алфавит. С. 240.
- ¹⁶⁴ *Медведская Л.А.* С.И. Муравьев-Апостол. М., 1970. С. 105, 125.
- ¹⁶⁵ ВД. Т. IX. С. 194, 201, 226.
- ¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. Л. 4, 6.
- ¹⁶⁷ ВД. Т. XVI. С. 70, 72, 249, 338; Декабристы. С. 99, 201.
- ¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195 (В.К. Ширмана, Ф.К. Левентала). Л. 1, 2; ВД. Т. XVI. С. 93.
- ¹⁶⁹ ВД. Т. XVI. С. 94–95, 270; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 195. Л. 3–8 об.
- ¹⁷⁰ Алфавит. С. 275, 339.
- ¹⁷¹ См.: *Киянская О.И.* Декабрист М.П. Бестужев-Рюмин // Отечественная история. 2001. № 6.
- ¹⁷² ВД. Т. IX. С. 226.
- ¹⁷³ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 130. Л. 2–4; Алфавит. С. 269–270.
- ¹⁷⁴ ВД. Т. V. С. 127, 131.
- ¹⁷⁵ ВД. Т. XIII. С. 365.
- ¹⁷⁶ ВД. Т. V. С. 400, 442.
- ¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 257 (М.А. Габбе). Л. 1–5.
- ¹⁷⁸ Алфавит. С. 242; ВД. Т. III. С. 72.
- ¹⁷⁹ *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. М., 1963. С. 10.
- ¹⁸⁰ Документы о бунте Черниговского полка [Бумаги И.Г. Гогеля, опубликованные М.Ф. Шугуровым] // Русский архив. 1902. Кн. 2. С. 301–302.
- ¹⁸¹ М. Муравьев-Апостол вспоминал впоследствии: «В 8-й пехотной дивизии находились многие члены Тайного союза и Общества соединенных славян. В числе первых считались несколько полковых командиров, на содействие которых можно было положиться...» (Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 193). 8-ю пехотную дивизию составляли Троицкий, Пензенский, Тамбовский и Саратовский пехотные, 15-й и 16-й егерские полки; они располагались вокруг Житомира. Однако все известные историкам члены тайного общества-полковые командиры относились к 3-й гусарской дивизии и 9-й пехотной дивизии, за исключением Повало-Швейковского: подчиненный ему лишь осенью 1825 г. Саратовский полк относился к 8-й дивизии. Таким образом, свидетельство М. Муравьева-Апостола оставляет пространство для догадок: либо он ошибся, имея в виду командиров 9-й дивизии, либо указал на оставшихся неизвестными следствию полковых командиров, офицеров в больших чинах, не названных на допросах.
- ¹⁸² См. главу 3, где речь идет о полковых командирах — членах тайного общества, оставшихся неизвестными следствию (П.А. Набоков).
- ¹⁸³ ВД. Т. IV. С. 247, 248, 251; Т. IX. С. 34.
- ¹⁸⁴ *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 65.
- ¹⁸⁵ О первых показаниях лидеров мятежа, которые отбирались до привлечения к главному петербургскому расследованию, в исторической литературе высказано, по нашему мнению, важное наблюдение: «...Муравьев, конечно, тогда еще не мог представить себе степень осведомленности правительства в делах тайного общества, и его главной задачей было „вспомнить“ как можно меньше фактов и назвать как можно меньше имен» (*Киянская О.И.* Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка. М., 1997. С. 83). Отметим, со своей стороны, что вопрос о

- соучастниках (лицах, готовых принять участие в «бунте», на которых рассчитывали при запланированном соединении черниговцев с другими полками) оставался одним из самых скрываемых на следствии; он весьма неясно освещается в показаниях арестованных.
- ¹⁸⁶ ВД. Т. XIX. С. 164, 168–169.
- ¹⁸⁷ ВД. Т. VI. С. 62 (всеподданнейший рапорт Константина Павловича от 6 января 1826 г.), 173.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 188.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 78, 168.
- ¹⁹⁰ ВД. Т. IX. С. 236, 239.
- ¹⁹¹ Там же. С. 226, 270–271.
- ¹⁹² ВД. Т. VI. С. 190.
- ¹⁹³ ВД. Т. XIX. С. 172–174. Вадковский позднее был вынужден дать дополнительное показание о Молчанове и степени его осведомленности о тайном обществе: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 151 (Д.А. Молчанова). Л. 1 в.
- ¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–5.
- ¹⁹⁵ ВД. Т. VI. С. 189; Т. XVI. С. 127, 279, 350.
- ¹⁹⁶ ВД. Т. VI. С. 172.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 173.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 174.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 172–173.
- ²⁰⁰ Там же. С. 186, 188.
- ²⁰¹ Декабристы. С. 115.
- ²⁰² Там же. С. 286.
- ²⁰³ Там же. С. 307.
- ²⁰⁴ Декабристы. С. 115.
- ²⁰⁵ Согласно изложению записок Горбачевского, который опирался на рассказы участников событий, прежде всего, бывших черниговских офицеров Мозалевского, Быстрицкого, Соловьева, С. Муравьев-Апостол, отправляя записку в 17-й егерский полк, обращаясь к обоим офицерам (и Вадковскому, и Молчанову), просил приехать в Васильков только одного из них. Приехавший Вадковский, по словам мемуариста, обещал «с помощью [своего] товарища Молчанова взбунтовать если не весь егерский полк, то, по крайней мере, батальон...» (*Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 65, 67). Записки, таким образом, не поддерживают показания Мозалевского о приезде Молчанова в Васильков, но одновременно подтверждают серьезную вовлеченность последнего в деятельность тайного общества.
- ²⁰⁶ Вероятнее всего, речь идет о Льве Григорьевиче Сенявине (1805–1862), впоследствии сенаторе, члене Государственного совета (Фонды Российского государственного исторического архива. Краткий справочник. СПб., 1994. С. 86).
- ²⁰⁷ ВД. Т. XI. С. 48.
- ²⁰⁸ ВД. Т. IX. С. 89, 90; Т. IV. С. 138.
- ²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 198 (Л. Сенявина); Алфавит. С. 318.
- ²¹⁰ ВД. Т. XIX. С. 49.
- ²¹¹ ВД. Т. IV. С. 138.
- ²¹² По мнению некоторых исследователей, Бестужев-Рюмин, опираясь на старые дружеские связи, привлек в Южное общество трех подпрапорщиков, бывших сослуживцев по Семеновскому полку, переведенных в 1820 г. в Кременчугский полк: Вадковского, Молчанова, Сенявина (*Мачульский Е.Н.* Новые данные к биографии М.П. Бестужева-Рюмина // Исторические записки. 1975. Т. 96. С. 356).

- ²¹³ Алфавит. С. 245, 278, 311. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 128 (Годениуса, Лосева, Рославлева).
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ ВД. Т. IX. С. 259.
- ²¹⁶ ВД. Т. XI. С. 220, 222.
- ²¹⁷ Там же. С. 223, 224, 225.
- ²¹⁸ ВД. Т. X. С. 136, 137.
- ²¹⁹ ВД. Т. VI. С. 16.
- ²²⁰ Там же. С. 308.
- ²²¹ Там же. С. 308, 311.
- ²²² *Киянская О.И.* Южный бунт. С. 89–96. В книге восстановлены подлинные биографические данные П.Я. Ренненкампа (среди лиц, причастных к декабристам, долгое время фигурировал другой представитель рода Ренненкампов — Карл Павлович).
- ²²³ Там же. С. 90.
- ²²⁴ Там же. С. 94.
- ²²⁵ Алфавит. С. 309; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 245. Л. 54–55.
- ²²⁶ Алфавит. С. 309.
- ²²⁷ *Киянская О.И.* Южный бунт. С. 186.
- ²²⁸ Там же. С. 92, 94.
- ²²⁹ Там же. С. 90.
- ²³⁰ Мы считаем излишне категоричным мнение О.И. Киянской о том, что на встрече с С. Муравьевым-Апостолом в канун выступления Черниговского полка Ренненкампа дал согласие содействовать мятежу (Там же. С. 95). Для такого вывода нет достаточных оснований. Более вероятно, что полковник занял выжидательную позицию, стремясь сориентироваться по ходу развития событий и оставляя себе пространство для маневра.
- ²³¹ Цит. по: *Киянская О.И.* Южный бунт. С. 94. Копия донесения К.Ф. Толя: РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 96. Ч. 1. Л. 191 об.
- ²³² См. вывод о Ренненкампе, отраженный в справке биографического справочника «Декабристы»: «Следствием установлено, что членом тайных обществ декабристов не был...» (Декабристы. С. 155).
- ²³³ ВД. Т. XVIII. С. 211, 212, 213.
- ²³⁴ Там же. С. 210.
- ²³⁵ ВД. Т. I. С. 431.
- ²³⁶ Докладная записка императору содержала конкретное указание на то, что Голицын, как и А.А. Тучков, И.Н. Горсткин, В.И. Штейнгейль, С.Н. Кашкин, были названы в показаниях А. Бестужева.
- ²³⁷ ВД. Т. XVI. С. 40, 229.
- ²³⁸ Там же. С. 174.
- ²³⁹ ВД. Т. I. С. 297, 303.
- ²⁴⁰ Показания Голицына: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 209 (А.М. Голицына); показания Вольского: Там же. Л. 1–3; ВД. Т. XVI. С. 169, 174.
- ²⁴¹ ВД. Т. XVI. С. 174, 290. Справка о А.М. Голицыне не сохранилась (Там же. С. 366).
- ²⁴² Алфавит. С. 246.
- ²⁴³ ВД. Т. XVIII. С. 214.
- ²⁴⁴ Е.П. Оболенский действовал в сотрудничестве с А.В. Поджио. На протяжении 1823 г. они приняли Ф.В. Вольского, В.М. Голицына, Д.П. Зыкова. См.: *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. С. 55–56.
- ²⁴⁵ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 247, 276. Согласно

- утверждению мемуаристов, вследствие своих действий Голицын тогда же был арестован.
- ²⁴⁶ Там же. С. 344.
- ²⁴⁷ ВД. Т. I. С. 431. Следует отметить, что старший брат Александра Плещеева, поручик Конной гвардии Алексей Плещеев 1-й, тоже был привлечен к следствию (распоряжение об аресте отдано 31 декабря; арестован в середине января в Воронеже). На процессе была установлена его принадлежность к Петербургской организации Южного общества; он получил административное наказание (ВД. Т. XVIII. С. 60).
- ²⁴⁸ ВД. Т. XVI. С. 309. Согласно записке о поступках арестованных конногвардейцев в день 14 декабря 1825 г., скрепленной подписью полкового командира А.Ф. Орлова, М. Голицын был арестован 23 декабря (ВД. Т. II. С. 269).
- ²⁴⁹ ВД. Т. XVI. С. 43, 48.
- ²⁵⁰ ВД. Т. XVIII. С. 114, 117–118.
- ²⁵¹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 208. (М.Ф. Голицына). Л. 2–6 об.; ВД. Т. XVI. С. 99, 340.
- ²⁵² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 208. Л. 6; Декабристы. С. 246.
- ²⁵³ ВД. Т. XVI. С. 151. Записка — ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–3 об.
- ²⁵⁴ ВД. Т. XVI. С. 216.
- ²⁵⁵ Там же. С. 309, 35; Алфавит. С. 301. Согласно записке за подписью А.Ф. Орлова, Плещеев 2-й был арестован «на собственной квартире» 25 января (ВД. Т. II. С. 269). Думается, что в предшествующее этому время он был под домашним арестом. В данном случае речь идет именно об Александре Плещееве, а не о старшем его брате Алексее, распоряжение об аресте которого было отдано 31 декабря; в Петербург он был доставлен из Орла 19 января, а 21 января заключен в Петропавловскую крепость (Декабристы. С. 143).
- ²⁵⁶ ВД. Т. I. С. 239.
- ²⁵⁷ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 192 (А.А. Плещеева 2-го) Л. 6–7; ВД. Т. XVI. С. 73; Декабристы. С. 143; Алфавит. С. 301; ВД. Т. XVI. С. 151, 216. Записка о Плещееве 2-м: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–4 об.
- ²⁵⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 229 (А.К. Ливена). Л. 2–2 об.; Алфавит. С. 276; ВД. Т. XVI. С. 233.
- ²⁵⁹ ВД. Т. II. С. 261–262.
- ²⁶⁰ ВД. Т. II. С. 270.
- ²⁶¹ ВД. Т. XVI. С. 43, 48.
- ²⁶² Там же. С. 104.
- ²⁶³ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 113. (И.Д. Лужина). Л. 1 а–в.
- ²⁶⁴ Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 99; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 113. Л. 2–3; Алфавит. С. 278–279.
- ²⁶⁵ О Кавказском обществе см. особое следственное дело: ВД. Т. XIX. С. 367–375.
- ²⁶⁶ Алфавит. С. 238.
- ²⁶⁷ Декабристы. С. 41. Единственная фраза «Алфавита», которая раскрывает другие причины привлечения к следствию Воейкова: «Был взят по подозрению о[б] участии в мятеже 14 декабря...» (Алфавит. С. 238) — не обратила на себя внимание исследователей, готовивших к печати биографический справочник, которые ограничились лишь указанием на подозрение в принадлежности к Кавказскому тайному обществу.
- ²⁶⁸ ВД. Т. IV. С. 82; Т. XVI. С. 47–48, 235; Грибоедов и Ермолов под тайным надзором Николая I / Сообщ. О. Ивановой // Литературное наследство. Т. 47/48. А.С. Грибоедов. М., 1946. С. 240–241. Указания на арест Воейкова на Кавказе и отправку его в Петербург недостоверны, поскольку в конце 1825 — начале 1826 гг. он

- находился в отпуске в столице (см.: *Липранди И.П.* Из «дневных записок» // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 127).
- 269 ВД. Т. IV. С. 117.
- 270 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 187.
- 271 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 5 об., 25, 39 об. В своде, составленном на основе полученных показаний, свидетельство Муравьева звучало крайне неопределенно: «Был один [в тайном обществе], который умер», — за скобкой остались данные о том, какой именно Воейков имелся в виду.
- 272 Декабристы. С. 41.
- 273 ВД. Т. XX. С. 195.
- 274 См.: *Макаров В.Б.* Декабрист И.Г. Бурцов. Саратов, 1981.
- 275 ВД. Т. XIV. С. 406. От Нарышкина Бурцов узнал, в том числе, о намерении Якубовича покуситься на жизнь Александра I.
- 276 ВД. Т. XII. С. 34, 35 (запись допроса от 26 декабря 1825 г.).
- 277 Декабристы. С. 104.
- 278 ВД. Т. XII. С. 36, 53. Датировка вступления в общество, приведенная Лорером в этом показании, явно ошибочна.
- 279 Лорер не упомянул Воейкова и в своих мемуарах, где в эпизоде приема мемуариста в тайный союз фигурирует один Оболенский (*Лорер Н.И.* Записки. Иркутск, 1984. С. 61–63). Следует заметить, что Воейков был жив на момент написания записок (1862–1867 гг.) (Там же. С. 26). Для мемуаристов, особенно тех, которые стремились к публикации своих воспоминаний на родине, это обстоятельство служило нередко главным мотивом сокрытия причастности оставшихся нераскрытыми товарищей по конспирации. Очень возможно, что после окончания службы на Кавказе Лорер возобновил свое давнее знакомство с Воейковым (в 1851 г. Лореру было разрешено посещать Москву, где долгое время жил Воейков) (Там же. С. 25).
- 280 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 187. Л. 4–4 об., 5.
- 281 Там же. Л. 5 об.–6.
- 282 Там же. Л. 13–19.
- 283 ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 187. Л. 9, 10–10 об., 11–11 об.
- 284 ВД. Т. XVI. С. 104, 109. Характерно, что уже в записи «журнала» от 16 февраля говорилось, что Воейков «...был взят по показанию о тайном обществе в Кавказском корпусе...». Таким образом, след показаний об участии этого офицера в декабристской конспирации оказался затерянным и не отразился в главных документах следствия.
- 285 См.: *Чагин Г.В.* «Своеобразно по происхождению...» // Куранты. Историко-краеведческий альманах. М., 1987. № 2. С. 129–135.
- 286 *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. С. 58, 60; Декабристы. С. 14, 41, 71, 83, 85, 93, 98, 122, 123, 125, 174, 180, 195.
- 287 ВД. Т. III. С. 32, 169; Т. XIV. С. 400, 404; Т. XII. С. 283, 284; Т. XX. С. 316. О Н.П. Крюкове см. далее.
- 288 Декабристы. С. 41, 98.
- 289 Цит. по: *Задонский Н.А.* Жизнь Муравьева. Документальная историческая хроника. М., 1974. С. 114.
- 290 ВД. Т. XIV. С. 400–401; Ср.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 213, 215, 220; *Макаров В.Б.* Декабрист И.Г. Бурцов. Саратов, 1981.
- 291 *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 61.
- 292 Там же. С. 62, 63.
- 293 ВД. Т. I. С. 240, 258; Т. XVIII. С. 188, 210, 214, 227; Т. XIV. С. 408; Т. XV. С. 165, 192, 194.

- ²⁹⁴ Отметим, что в период Союза благоденствия существовала отдельная управа в Московском полку, во главе с Нарышкиным. Видимо, некоторые из принятых им в Союз сослуживцев продолжили свое участие в конспиративной организации и после 1821 г. Некоторые офицеры, правда, к этому времени уже покинули службу и вышли из рядов тайного общества (например, Г.А. Римский-Корсаков — Декабристы. С. 156).
- ²⁹⁵ Декабристы. С. 100; ВД. Т. XIX. С. 72–74.
- ²⁹⁶ *Осьмакова Н.И.* Евгений Петрович Оболенский // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 374.
- ²⁹⁷ В нее входили также И. Пущин, Павел Колошин, А. Семенов. См. об этом: *Нарышкин А.К.* Декабрист М.М. Нарышкин в тайных обществах: 1810–1820-е гг. // 170 лет спустя... Декабристские чтения 1995 года: Статьи и материалы. М., 1999. С. 54. Ср.: ВД. Т. I. С. 252; *Уваров С.Ф.* Из дневника // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. М., 1975. Вып. 36. С. 145.
- ²⁹⁸ ВД. Т. I. С. 235, 251; Т. XIV. С. 410.
- ²⁹⁹ ВД. Т. XIV. С. 407.
- ³⁰⁰ См.: *Задонский Н.А.* Жизнь Муравьева. С. 166–167.
- ³⁰¹ ВД. Т. III. С. 142; Т. IX. С. 82.
- ³⁰² Кроме пребывания в Петербурге с октября 1825 г. с целью лечения, как показал сам Воейков, он два раза находился в отпусках (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 187. Л. 5 об.). Материалы следствия (собственные показания Воейкова и Лорера) обнаруживают факт пребывания Воейкова в Петербурге в 1821 и 1824 гг. Из других источников (переписки Н.Н. Муравьева) (см.: Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975) известно, что Воейков посетил Москву в 1818 г., в период пребывания в Москве сводного гвардейского отряда и возникновения Союза благоденствия и Военного общества.
- ³⁰³ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 187. Л. 20, 21. Очевидно, Воейков после своего освобождения был переведен из Московского в другой гвардейский полк, Измайловский.
- ³⁰⁴ Цит. по: *Задонский Н.А.* Жизнь Муравьева. С. 174–175.
- ³⁰⁵ ВД. Т. I. С. 239, 245, 249; Т. II. С. 372; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196 (И.Ф. Львова).
- ³⁰⁶ См.: *Ваганова Е.* Из хроники семейства Львовых // Русская старина. 1898. Т. 96. № 12. С. 54.
- ³⁰⁷ ВД. Т. XV. С. 143–144.
- ³⁰⁸ ВД. Т. XVI. С. 73, 251. Львов был прислан на этот допрос дворцовым комендантом П.Я. Башуцким и, следовательно, содержался под арестом на одной из гауптвахт Зимнего дворца. 9 февраля он был отправлен под арест к бригадному командиру Измайловского полка П.П. Мартынову (Декабристы. С. 108). Согласно воспоминаниям его брата А.Ф. Львова, Николай I, «зная лично И.Ф. Львова и не полагая возможным, чтобы он был причастен к заговору, сказал: „Что ему делать в крепости? Отпустите его в полк под надзор полкового адъютанта и с дозволением родным его видеть“» (*Львов А.Ф.* Записки // Русский архив. 1884. Кн. 2. № 4. С. 236). И. Львов содержался под арестом в казармах своего полка.
- ³⁰⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196. Л. 4–4 об.; ВД. Т. XVI. С. 331.
- ³¹⁰ ВД. Т. XVI. С. 83, 262. Показания о И. Львове: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196. Л. 7–12 об.
- ³¹¹ ВД. Т. XVI. С. 86.
- ³¹² Там же. С. 110; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196. Л. 21–21 об.
- ³¹³ Там же. Л. 22.
- ³¹⁴ ВД. Т. XVI. С. 110, 114, 275.
- ³¹⁵ Алфавит. С. 280.

- ³¹⁶ ВД. Т. I. С. 245, 249; Т. II. С. 372. В этой связи явно неточной видится обобщающая формулировка степени причастности к тайному обществу И. Львова, приведенная в биографическом справочнике «Декабристы» (С. 108): «По показаниям ряда декабристов знал о существовании тайного общества и намерениях не присягать Николаю I, что на следствии не подтвердилось». Показания Оболенского свидетельствовали о состоявшемся вступлении Львова в члены декабристского общества.
- ³¹⁷ ВД. Т. XVI. С. 273.
- ³¹⁸ *Львов А.Ф.* Записки. С. 236. Анализ распространенных представлений об «оговоре» невинных со стороны главных обвиняемых см. в главе I. Почему только что освобожденный, полностью «невинный» офицер, если против него не было никаких улик, кроме беспочвенных «оговоров» со стороны арестованных, проявлял столь серьезную озабоченность, не был уверен в неизбежности своего освобождения? Ответ, как представляется, может быть дан, только если учесть серьезность конкретных уличающих показаний о принадлежности к тайному обществу и заговору, принадлежавших авторитетным свидетелям (ср. подобную же ситуацию с Грибоедовым).
- ³¹⁹ ВД. Т. XV. С. 135.
- ³²⁰ ВД. Т. II. С. 31; Т. XIV. С. 242, 272, 294; Алфавит. С. 281.
- ³²¹ ВД. Т. XVI. С. 117. И.П. Гудим, в отличие от братьев Львовых, был оставлен под арестом, а затем понес административное наказание (перевод тем же чином из гвардии в Кавказский корпус).
- ³²² ВД. Т. II. С. 31; Т. XIV. С. 242, 272; Т. XV. С. 24; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 80 (И.П. Гудима). Л. 2–3; Д. 196 (И.Ф. Львова). Л. 23. Обстоятельства, связанные с расследованием возможной причастности Н.С. Мордвинова к заговору 14 декабря, рассмотрены в исследовании А.В. Семеновой «Временное революционное правительство в планах декабристов» (М., 1982), см. главу «Друг ваш Мордвинов».
- ³²³ *Львов А.Ф.* Записки. С. 236–237.
- ³²⁴ Согласно тем же запискам А.Ф. Львова, накануне эпизода с Гудимом произошла любопытная и весьма симптоматичная встреча только что освобожденного И.Ф. Львова с обеспокоенным грядущим арестом Гудимом. Львов спросил товарища, состоял ли он в тайном обществе и участвовал ли в собраниях членов? Гудим категорически это отрицал, в ответ собеседник убеждал, что в таком случае ему не нужно беспокоиться — его немедленно отпустят, и ссылаясь на собственный пример (Там же. С. 236).
- ³²⁵ ВД. Т. XV. С. 155–156. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 165 (К.П. Миллера). Л. 2; Алфавит. С. 270.
- ³²⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 212 (Креницыных).
- ³²⁷ Алфавит. С. 270.
- ³²⁸ Полицейская характеристика офицеров лейб-гвардии Измайловского полка // Русская старина. 1906. № 12. С. 708–709.
- ³²⁹ ВД. Т. XVI. С. 49, 235. 11 января Зубков и Данзас были доставлены на главную гауптвахту, а 12 января отправлены в крепость (Декабристы. С. 62, 71).
- ³³⁰ ВД. Т. XVI. С. 59–60. Ср.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197 (В.П. Зубкова). Л. 4–5; Д. 188 (Б.К. Данзаса). Л. 4–5 об.
- ³³¹ ВД. Т. XVI. С. 60, 242.
- ³³² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 188. Л. 4 об., 5 об., 6–6 об., 8–9. Б.К. Данзас — лицеист второго выпуска. Говоря о том, почему он не сообщил правительству о тайном обществе, ставшем ему известным, Данзас ссылаясь на свою дружбу с Пушиным и на «неопасный» характер общества.

- ³³³ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 188. Л. 7–7 об.; ВД. Т. XVI. С. 66–67, 247.
- ³³⁴ ВД. Т. XVI. С. 67.
- ³³⁵ ВД. Т. I. С. 233, 240; Декабристы. С. 71. Зубков был женат с 1823 г.
- ³³⁶ ВД. Т. XVI. С. 72, 73, 250; Т. II. С. 214–215.
- ³³⁷ Алфавит. С. 252, 259. Любопытно, что политическая цель общества («изменение» правительства), которая стала известна Данзасу по его собственному признанию, в итоговом справочном документе превратилась в «ниспровержение» правительства.
- ³³⁸ См. об этом: *Кони А.Ф.* Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 40.
- ³³⁹ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 182; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.
- ³⁴⁰ Декабристы. С. 71. См. также выше о Н.П. Воейкове. Одновременно или несколько ранее в Союз благоденствия были приняты А.А. Тучков, П.А. Муханов, В.Х. Христиани, Н.В. Басаргин и др. В это же время в училище преподавал Петр Колошин, посещал занятия его брат Павел, близкий друг Зубкова.
- ³⁴¹ *Зубков В.П.* Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости // Петропавловская крепость. Страницы истории. СПб., 2001. С. 195.
- ³⁴² ВД. Т. XX. С. 316.
- ³⁴³ Зубков приводит содержание одной из важных с точки зрения методики дознания составных частей устного допроса. По его данным, члены Комитета оперировали обвиняющей информацией о связях Зубкова как с признавшимися на момент допроса свидетелями, так и с непризнавшимися (в частности, с С.М. Семеновым), что, между прочим, открывало перед следствием возможность получения новых обвиняющих данных в отношении непризнавшихся.
- ³⁴⁴ *Зубков В.П.* Рассказ... С. 199. Ср.: Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, братьев Критских и Раевских. М., 1907. С. 227–228.
- ³⁴⁵ *Зубков В.П.* Рассказ... С. 200–202. Оригинал вопросов пунктов содержит сходные, но не идентичные приведенным в рассказе мемуариста формулы: «Короткие связи ваши с несколькими из самых ревностных членов тайного общества, а еще более сделанные на вас показания, открывают, что вы равным образом принадлежите к числу сочленов сего общества; не допусая до улик, могущих усугубить вину вашу, ответствуйте со всю справедливостью и без утайки» (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 2).
- ³⁴⁶ В оригинале показаний Зубков писал: «После путешествия за границу я возвратился прельщенный французским судопроизводством и красноречивыми выражениями некоторых депутатов. Кашкин тогда занимался французскою политикою, я ему много говорил про Францию, и тем началось наше знакомство... Опять уверяю, что от Кашкина не слышал желания, чтобы в России было представительное правление, а кажется, мы иногда желали иметь адвокатов и присяжных» (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 4 об.).
- ³⁴⁷ *Зубков В.П.* Рассказ... С. 202; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 4 об.–5.
- ³⁴⁸ *Зубков В.П.* Рассказ... С. 203. Текст этого показания, как и всех других, приводится в записке, судя по всему, по памяти, так как имеет значительные отличия от оригинала: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 197. Л. 6–7.
- ³⁴⁹ *Зубков В.П.* Рассказ... С. 205.
- ³⁵⁰ Там же. С. 214–215. У исследователей нет данных о привлечении к декабристскому процессу П.Д. Черкасского.
- ³⁵¹ ВД. Т. XIV. С. 150; Т. XVIII. С. 149.
- ³⁵² Не исключено, что Зубков сохранял контакты не только с Павлом Колошиным, который одновременно с ним посещал Училище колонновожатых (1816–1817 гг.), но и с другими товарищами по обучению: А.А. Тучковым, П.А. Мухановым,

- М.М. Нарышкиным, В.А. Мусиным-Пушкиным. В этом случае круг конспиративных связей Зубкова преобразуется в серьезную вовлеченность в декабристскую организацию, но прямые указания на этот счет нам не известны.
- ³⁵³ ВД. Т. XVIII. С. 146, 152; Т. I. С. 233.
- ³⁵⁴ Зубков В.П. Рассказ... С. 189, 211. После ареста, констатирует Зубков, «враги мои не замедлили распространить слух, что я тоже участвовал в заговоре». Связи с заговорщиками, прежде всего с Пушиным, Семеновым, Колошиным и др., единый круг общения, репутация либерала — очевидно, способствовали этому. Определенное значение имели и некоторые конкретные обстоятельства. Так, карандашный рисунок, коллективный портрет друзей, заказанный Зубковым осенью 1825 г., на котором были запечатлены Пущин, Колошин, Горсткий, Зубков, Данзас, Пальчиков, Черкасский и Бакунин, как свидетельствовал сам Зубков, вызвал слух о том, что на нем изображены участники тайного кружка. Этот слух, очевидно, фиксирует письмо А.Я. Булгакова брату Константину в Петербург от 22 декабря 1825 г., в котором речь идет о «Братстве семиугольной звезды» (Русский архив. 1901. Кн. 2. С. 233. Ср.: Зубков В.П. Рассказ... С. 195).
- ³⁵⁵ Как уже отмечалось, после сделанных показаний, не имея сведений о положительном воздействии их на следователей, Зубков желал получить свободу любым путем, в том числе через лишение чина и дворянства. Получается, он не исключал для себя признания, которое повлекло бы за собой такого рода наказание.
- ³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 188. Л. 2.
- ³⁵⁷ ВД. Т. XVI. С. 92; Т. V. С. 132–133.
- ³⁵⁸ Согласно указанию И.И. Горбачевского, в ночь с 2 на 3 января (*Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 48).
- ³⁵⁹ ВД. Т. V. С. 441.
- ³⁶⁰ ВД. Т. XVI. С. 269.
- ³⁶¹ ВД. Т. V. С. 41.
- ³⁶² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 129 (Киселевича, Ярошевича, Понятовского, Ильинского, Скальмировского, Магавли). Л. 7–17 об.
- ³⁶³ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 129. Л. 2–7. Комитет намеревался дать запрос также И.И. Горбачевскому, но его показания в деле отсутствуют.
- ³⁶⁴ ВД. Т. XIII. С. 365.
- ³⁶⁵ ВД. Т. XIII. С. 139–140.
- ³⁶⁶ Там же. С. 141.
- ³⁶⁷ ВД. Т. XVI. С. 344.
- ³⁶⁸ ВД. Т. V. С. 139.
- ³⁶⁹ Там же. С. 83, 90, 94–95.
- ³⁷⁰ ВД. Т. XIII. С. 320, 443.
- ³⁷¹ Там же. С. 297, 306.
- ³⁷² ВД. Т. XVI. С. 144–145. Справки: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 129. Л. 19–20.
- ³⁷³ ВД. Т. V. С. 55; Т. XIII. С. 307–308.
- ³⁷⁴ Там же. С. 310–311; ВД. Т. XVI. С. 192. Очная ставка Иванова с А. Борисовым не отражена в тексте журнала Комитета.
- ³⁷⁵ Алфавит. С. 263, 345. Формулировки биографического справочника (1988 г.) о Киселевиче и Ярошевиче: «По показанию... П.Ф. Громнитского, член тайного общества, что в ходе следствия не подтвердилось» (Декабристы. С. 210) — нужно признать неудачными. Показания Громнитского были подтверждены Лисовским, Тютчевым и Борисовым, а отвергнуты только одним Ивановым, который стремился избежать серьезных обвинений. Таким образом, в действительности следствие

- не опровергло показания Громнитского; факт членства Киселевича и Ярошевича остался до конца не выясненным.
- ³⁷⁶ Горбачевский И.И. Записки. Письма. С. 45. В свете всего сказанного комментарий к этому упоминанию мемуариста представляется далеким от необходимой точности: «...принадлежность их (Киселевича и Ярошевича. — П.И.) к тайному обществу осталась недоказанной. Единственный из славян, кто назвал Киселевича и Ярошевича своими товарищами по организации, был Громницкий. При этом, как выясняется из материалов следствия, он, видимо, опирался в своем утверждении на совет Иванова искать у... офицеров Троицкого полка содействия в организации восстания» (Там же. С. 314). Это типичный пример зависимости исследователей от текста «Алфавита»: комментаторы, следуя за Боровковым, ошиблись, считая показания Громнитского единственным свидетельством о членстве Киселевича и Ярошевича; не учли они и изменений в позиции самого Иванова.
- ³⁷⁷ ВД. Т. XVI. С. 93, 96, 109, 114, 127, 269, 350; ВД. Т. XIII. С. 167, 172. Отношение Константина Павловича: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.
- ³⁷⁸ ВД. Т. XIII. С. 296.
- ³⁷⁹ Там же. С. 389; ВД. Т. XVI. С. 123.
- ³⁸⁰ Там же. С. 127.
- ³⁸¹ Там же. С. 145.
- ³⁸² Об этом сообщается в донесении Ф.В. Остен-Сакена великому князю Константину Павловичу от 7 марта 1826 г. См.: Документы о бунте Черниговского полка // Русский архив. 1902. Кн. 2. С. 295. Кроме того, данные об аресте офицеров содержат комплекс бумаг генерала И.Г. Гогеля, в том числе донесения специальных полицейских агентов. Из них следует, что 16 или 17 марта 1826 г. «взяты... 4 человека офицеры Тамбовского пехотного полка, из коих три были ротными командирами, кои и повезены... в Главную квартиру 1 армии» (Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 27).
- ³⁸³ ВД. Т. XVI. С. 147, 283. По данным комментатора тома, справки об этих офицерах в делах следственного фонда не сохранились (Там же. С. 356).
- ³⁸⁴ Алфавит. С. 310.
- ³⁸⁵ Там же.
- ³⁸⁶ Показания А.Ф. Фролова (ВД. Т. XIII. С. 334).
- ³⁸⁷ Горбачевский И.И. Записки. Письма. С. 50.
- ³⁸⁸ См.: ВД. Т. VI. Карта расположения полков [3-го пехотного корпуса].
- ³⁸⁹ Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ. С. 65–66.
- ³⁹⁰ ВД. Т. III. С. 149 (показания Якушкина в деле П.А. Муханова).
- ³⁹¹ Там же. С. 151, 153.
- ³⁹² ВД. Т. XVI. С. 118.
- ³⁹³ Материалы опроса в фонде следствия и суда не обнаружены.
- ³⁹⁴ ВД. Т. XVI. С. 153–154.
- ³⁹⁵ Там же. С. 158–159.
- ³⁹⁶ Там же. С. 165.
- ³⁹⁷ Там же. С. 163–164.
- ³⁹⁸ Там же. С. 166.
- ³⁹⁹ Там же. С. 177–178; ВД. Т. XVIII. С. 179, 191–192.
- ⁴⁰⁰ Там же. С. 195.
- ⁴⁰¹ ВД. Т. III. С. 173, 174.
- ⁴⁰² Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 127. Составители последнего по времени издания «Записок» Якушкина отмечают: «Хотя принадлеж-

- ность С.Ю. Нелединского-Мелецкого доказана на следствии не была... его близость с декабристами бесспорна» (*Порох В.И., Порох И.В.* Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин // Там же. С. 41). В этой связи нужно заметить, что хотя факт принадлежности к тайному обществу не был доказан на следствии, — при том что имелись прямые показания о членстве, исследователь, однако, не вправе заключить, что этот факт не мог иметь места в действительности.
- ⁴⁰³ Формулировка степени причастности к тайному обществу Нелединского в биографическом справочнике «Декабристы» не точна: «По показанию И.Д. Якушкина... член общества и был на совещании в Москве в декабре 1825 г. у М.Ф. Митькова... в ходе следствия это не подтвердилось» (*Декабристы.* С. 128). В действительности, как показано выше, факт присутствия Нелединского в доме Митькова следствием был доказан, а его членство в тайном обществе оказалось в тени расследования.
- ⁴⁰⁴ ВД. Т. XVIII. С. 270.
- ⁴⁰⁵ ВД. Т. XVI. С. 67, 72, 73. Ср.: *Декабристы.* С. 93–94; *Алфавит.* С. 271.
- ⁴⁰⁶ *Крюков Н.П.* Рассказ о заключении в Петропавловской крепости в 1826 году // *Дела и дни.* 1922. Кн. 3. С. 47–63 (публ. Б.Л. Модзалевского). В своей мемуарной записке Крюков продолжает придерживаться позиции, которую занимал на следствии: заявляя о полной непричастности к тайным обществам, он демонстрирует уверенность в своей невиновности (Там же. С. 52).
- ⁴⁰⁷ Там же. С. 47, 48.
- ⁴⁰⁸ ВД. Т. XVI. С. 72, 73, 250. Показания о Н.П. Крюкове: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 186. Л. 5–7.
- ⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 186. Л. 1, 3–4 об.
- ⁴¹⁰ ВД. Т. XVIII. С. 272.
- ⁴¹¹ ВД. Т. XX. С. 432.
- ⁴¹² ВД. Т. XI. С. 359, 361 (принят В.П. Ивашевым при участии А.П. Бяратинского).
- ⁴¹³ См.: *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. С. 32, 37, 39, 40. Следует иметь в виду, что Муханов был товарищем Н.П. Крюкова по выпуску (Генерал-майор Н.Н. Муравьев. СПб., 1852. С. 33). Не исключено, что А.Н. Муравьев одновременно принял обоих только что вышедших из Училища колонновожатых офицеров.
- ⁴¹⁴ В этой связи представляется неслучайным, что в своей мемуарной записке Крюков в качестве главной причины своих ожиданий привлечения к процессу накануне ареста (правда, не в качестве обвиняемого, а в качестве свидетеля) назвал факт совместного обучения и давних связей с бывшими соучениками, офицерами квартирмейстерской части: «...дети моего бывшего начальника (Н.Н. Муравьева. — *П.И.*) и многие из его учеников были схвачены» (*Крюков Н.П.* Рассказ о заключении в Петропавловской крепости в 1826 году. С. 53).
- ⁴¹⁵ Крюков на первом допросе сообщил о своем поступлении в 1818 г. в члены общества, занимавшегося переводами исторических сочинений (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 186. Л. 1). Исследователи склонны трактовать это сообщение как свидетельство о членстве в литературном кружке под руководством С.Е. Раича (данные об этом содержатся в воспоминаниях товарища Крюкова по Училищу колонновожатых Н.В. Путяты — *Русский архив.* 1876. Кн. 2. С. 357). Не отрицая правомерности подобной интерпретации, считаем возможным, в свете анализируемого свидетельства, указать на вероятность завуалированного (смягченного) указания на вступление в Союз благоденствия, участники которого (действующие по отрасли «Образование») были обязаны заниматься переводами на русский язык полезных книг, в том числе по «государственным наукам» и «словесности» (Устав Союза

- благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 244, 269, 271).
- ⁴¹⁶ Интересно, что, помимо показаний Палицына, основанием для привлечения Крюкова к следствию Комитет признал то обстоятельство, что имелись свидетельства о принадлежности к Южному обществу «квартирмейстерского офицера» Крюкова; получалось, что Н.П. Крюков был арестован из-за этой путаницы. Однако Палицын прямо назвал чин своего товарища, обнаружив факт его службы в Петербурге, тогда как показания о Н.А. Крюкове недвусмысленно указывали на служебную принадлежность к квартирмейстерской части 2-й армии (ВД. Т. XVI. С. 72, 73). Видимо, некоторое время следствие было введено в заблуждение фактом службы обоих Крюковых в квартирмейстерской части; неслучайно, что, согласно записке Н.П. Крюкова, первый вопрос, с которым обратился к нему Левашев, звучал так: «...есть показание, что вы принадлежите к обществу на юге» (*Крюков Н.П.* Рассказ о заключении в Петропавловской крепости в 1826 году. С. 58). Весьма странной выглядит и формулировка справки «Алфавита»: «...некоторыми гадательно показан был в числе членов» (Алфавит. С. 271); кто были эти «некоторые» — неизвестно.
- ⁴¹⁷ ВД. Т. XX. С. 396.
- ⁴¹⁸ Там же.
- ⁴¹⁹ ВД. Т. XVI. С. 231. Распоряжение императора передает помета А.И. Татищева на докладной записке: «Высочайше повелено взять, кроме Витгенштейна, которого вытребовать. 31 декабря».
- ⁴²⁰ ВД. Т. XX. С. 409.
- ⁴²¹ ВД. Т. XVI. С. 91; показания о Баранове: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 254. Л. 1в—4. Бурцов появился в Тульчине весной 1819 г., Бярятинский вступил в Союз благоденствия в 1820 г., когда Баранов, судя по свидетельству Комарова, уже не служил в Тульчине.
- ⁴²² ВД. Т. XVI. С. 269, 338. Очевидно, распоряжения об аресте Баранова или об учреждении за ним надзора готовились через того же А.Н. Голицына.
- ⁴²³ Баранов, несомненно, во время своей службы в Тульчине входил в число участников дружеского круга офицеров 2-й армии, известного из записок Н.В. Басаргина (*Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 52). Современный исследователь В.М. Бокова считает возможным говорить об этом круге как «Тульчинском офицерском сообществе», из рядов которого вербовались члены тайного общества. Она отмечает, что многие офицеры участвовали в этом кружке одновременно: «Офицеры переводились, повышались по службе; на их место приезжали новые... поэтому состав общества постоянно менялся» (*Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. С. 101–102).
- ⁴²⁴ Показания об И.П. Липранди в его деле: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 191. Л. 1–11.
- ⁴²⁵ ВД. Т. XX. С. 409.
- ⁴²⁶ Там же; ВД. Т. XVI. С. 108, 114. Показание Комарова было оценено Комитетом как «гадательное».
- ⁴²⁷ Волконский прямо свидетельствует о принятии И.П. Липранди в члены тайного общества, Раевский — о намерениях руководящих членов Союза благоденствия (в частности, М.Ф. Орлова) принять его. См. об этом: *Эйдельман Н.Я.* «Где и что Липранди?» // *Эйдельман Н.Я.* Обреченный отряд. М., 1987. С. 372; *Ильин П.В.* Предполагаемые декабристы: Обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. С. 162–163.
- ⁴²⁸ ВД. Т. XX. С. 396–397.
- ⁴²⁹ Там же.

- ⁴³⁰ ВД. Т. XX. С. 409. Показания о братьях Исленьевых, так же как их собственные показания, собраны в персональных делах: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 200–201. Показания о Н.И. Стояновском: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 63 и сл. Показания о В.-А. Фурнье: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 190.
- ⁴³¹ ВД. Т. XX. С. 231–232. Отметим, что в показаниях Комарова не было данных о П.П. Липранди.
- ⁴³² ВД. Т. XVI. С. 70, 72, 82, 84–85. В своих обширных показаниях от 4 января М.Ф. Орлов полностью отрицал участие Фурнье в Союзе, как и его осведомленность об обществе (ВД. Т. XX. С. 172).
- ⁴³³ Алфавит. С. 260–261, 277, 332.
- ⁴³⁴ Декабристы. С. 102.
- ⁴³⁵ Там же. С. 75.
- ⁴³⁶ См. главу 1.
- ⁴³⁷ Междуцарствие. С. 171, 176.
- ⁴³⁸ См. главу 1.
- ⁴³⁹ Междуцарствие. С. 190, 191.
- ⁴⁴⁰ См. главы 3 и 4.
- ⁴⁴¹ ВД. Т. XVI. С. 118.
- ⁴⁴² Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 477 (авторство записки ошибочно приписано Д.Н. Бегичеву, подлинное авторство указано в книге С.А. Фомичева «Грибоедов в Петербурге»). Оригинал: ГАРФ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 493.
- ⁴⁴³ М.В. Нечкина ошибочно отнесла функции, принадлежавшие главному делопроизводителю Комитета А.Д. Боровкову, к А.А. Ивановскому. Эта ошибка повторена современными исследователями вопроса (Фомичев С.А. Грибоедов в Петербурге. С. 143). Боровков был вовсе упущен из построений Нечкиной: отмечаем этот факт особо, потому что авторитетная исследовательница допустила в этом вопросе другую ошибку, считая делопроизводителем Следственного комитета не Боровкова, а Д.Н. Блудова (Нечкина М. В. Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 88).
- ⁴⁴⁴ МIRONENKO С.В. Декабристы глазами их следователя [Вступ. ст. к публикации «Очерков моей жизни» А.Д. Боровкова] // Факел. 1990. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 58.
- ⁴⁴⁵ Базанов В.Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 291, 442, 445.
- ⁴⁴⁶ Там же. С. 292.
- ⁴⁴⁷ Характерным примером в этом отношении называют случай Н.Н. Оржицкого, который предложил конкретный способ казни императора; эта обвиняющая информация не вошла в итоговую записку (см.: Федоров В.А. «Своей судьбой гордился мы...». С. 97).
- ⁴⁴⁸ Документы следственного дела Грибоедова не снабжены подписью одного из «главных» членов Комитета, что вели расследование (А.И. Чернышев, А.Х. Бенкендорф), поэтому нельзя выяснить, кто именно курировал расследование по его делу. См.: Эдельман О.В. Следственный комитет по делу декабристов: организация деятельности // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. III. СПб.; Кишинев, 2000. С. 222.
- ⁴⁴⁹ Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. С. 90.
- ⁴⁵⁰ Нечкина М.В. Предисловие // ВД. Т. XVIII. С. 14. Историк при этом ошибочно полагала, что на А.А. Плещеева 2-го не было заведено особого следственного дела.
- ⁴⁵¹ Алфавит. С. 301.
- ⁴⁵² Мы не включили в сферу анализа тех лиц, свидетельства о которых не привлекли внимания следователей. Это показания о тех предполагаемых участниках тайных обществ, что отсутствуют в «Алфавите» Боровкова.

⁴⁵³ *Зубков В.П.* Рассказ... С. 194.

⁴⁵⁴ Там же. С. 207–208.

⁴⁵⁵ Там же. С. 198.

⁴⁵⁶ См., например, мнение Л.А. Медведской о вступлении в члены Южного общества Врангеля, Левенталья, Ширмана, Ренненкампа (Медведская Л.А. С.И. Муравьев-Апостол. М., 1970. С. 105, 121, 125, 144, 147).

⁴⁵⁷ *Павлова Л.Я.* Декабрист М.Ф. Орлов. М., 1964. С. 71–72; *Медведская Л.А.* С.И. Муравьев-Апостол. С. 121 (исследователь считает, что Левенталь был принят в общество, а Ширману было лишь предложено вступить); *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. С. 455–477; *Киянская О.И.* Южный бунт. С. 89–97.

⁴⁵⁸ О современном состоянии исследований в этой области см.: *Фесенко Ю.П.* Тема «Грибоедов и декабристы» в работах последних лет (некоторые итоги) // А.С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 92–108; *Мещеряков В.П.* Был ли А.С. Грибоедов членом Северного общества декабристов? // Вопросы русской литературы: Респ. межведомств. науч. сб. Львов, 1991. Вып. 1 (57). С. 94–96.

⁴⁵⁹ Для существа конкретных возражений, высказанных оппонентами М.В. Нечкиной в вопросе об участии Грибоедова в тайном обществе, характерны упреки в желании исследователя «искусственно» зачислить в ряды «революционеров-декабристов» столь значимую в истории русской культуры фигуру, как Грибоедов. Но историку, для которого всегда важнейшим приоритетом является восстановление подлинных, имевших место в действительности отношений и обстоятельств, следует отстраниться от устоявшихся схем и построений, которые утвердились, в том числе, в научной традиции, и обратиться к анализу и сопоставлению данных первоисточников.

ГЛАВА 3

«НЕИЗВЕСТНЫЕ ДЕКАБРИСТЫ»

*Участники тайных обществ и военных выступлений
1825–1826 гг., не привлекавшиеся к следствию*

**Итоги декабристоведческих разысканий:
особенности изучения группы непривлекавшихся к следствию
и оставшихся неизвестными участников движения**

Реконструкция состава тайных обществ не может ограничиться выявленными на следственном процессе членами конспиративных организаций и участниками заговора и военных выступлений 1825–1826 гг. Помимо тех, кто подвергся репрессиям, был прощен или сумел оправдаться в ходе процесса и избежал наказания, у исследователя имеются основания говорить о группе участников движения, имена которых на следствии не были названы. Кроме того, особенности «большого процесса», о которых уже говорилось в предыдущих разделах, позволяют предположить существование определенной (сравнительно незначительной в численном отношении) группы лиц, зафиксированных в показаниях и других документах следствия, но не ставших предметом расследования и по этой причине выпавших из поля зрения следователей (и, соответственно, авторов итоговых документов процесса). Входившие в эту группу лица также остались неизвестными следователям и правительству в рамках данного процесса. Таким образом, для того чтобы выделить и изучить категорию декабристов, необнаруженных следствием, необходимо обратиться к всестороннему анализу документов следствия, а также к изучению документальных свидетельств, не относящихся к главному «декабристскому» процессу.

Но, прежде всего, необходимо остановиться на принципиальном

для методики исследования вопросе о *полноте* известного справочного свода — «Алфавита» Боровкова, составленного по материалам расследования в 1827 г. По мнению первых публикаторов «Алфавита...» Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса, Боровков «отнесся к своей задаче вполне добросовестно... он был даже чересчур усерден и добросовестен: так, он занес в „Алфавит“, рядом с лицами вполне определенными, реальными и ясными, несколько имен личностей, или не выясненных следствием, или вовсе не существовавших, мифических... Боровков при составлении „Алфавита“ поставил свою задачу очень широко, желая дать возможность справляться не только о действительно замешанных в деле лицах, но и о таких, кои к нему оказались непричастными...»¹.

В самом деле, помимо точно установленных следствием членов тайных обществ и участников военных выступлений, Боровков включил в «Алфавит» лиц, причастность которых к тайным обществам не была выявлена на процессе, только подозреваемых в этом (подозрения в их отношении не подтвердились), случайно попавших в орбиту следствия или названных на допросах ошибочно, даже вовсе не существовавших «персонажей». Все это создает впечатление исключительной (даже чрезмерной) полноты документального свода, максимального охвата сведений, оказавшихся в распоряжении следствия. Вероятно, на основании этого в научной литературе и, особенно, в конкретной исследовательской практике сформировалось стойкое представление о том, что свод Боровкова носит исчерпывающий характер. С.В. Мироненко, подготовивший в 1988 г. новое издание «Алфавита», отмечал: «Не все они (лица, помещенные в «Алфавит». — *П.И.*) были членами тайных декабристских обществ или участниками восстаний на севере и юге, но даже простое упоминание того или иного имени в связи с движением декабристов, пусть эта связь не подтверждалась, влекло за собой составление Боровковым справки для царя»². По этой причине принято считать, что в VIII томе серии «Восстание декабристов», включающем вместе с «Алфавитом» и особое документальное приложение (материалы суда над участниками выступления Черниговского пехотного полка), были опубликованы «официальные материалы практически обо всех участниках декабристского движения»³.

Итак, обратной стороной такого благоприятного для исследователя обстоятельства, как наличие «полного» списка подследственных, обобщающего собранную следствием информацию, стало сложившее-

еся в литературе мнение об «Алфавите» как исчерпывающем своде («выжимке») полученных следствием данных «практически обо всех» лицах, попавших в его орбиту. В результате этого историки постепенно оказались в своеобразном плену у «Алфавита», считая, что помещенными в нем лицами (570 человек) круг декабристов исчерпывается. Все это негативным образом повлияло на научные представления о персональном составе декабристских обществ. 579 человек — цифра, приведенная Модзалевским и Сиверсом как общее количество лиц, занесенных в «Алфавит» и документальное приложение к нему⁴, нередко фигурирует в специальной литературе как общее количество участников «декабристского движения»⁵. Фактически сложилось такое положение, что если лицо присутствует в документальном своде Боровкова, то оно автоматически считается принадлежащим к декабристам или причастным к ним, если же его в составе «Алфавита» нет, значит оно не может претендовать на этот статус.

Действительно ли исследователь вправе рассматривать «Алфавит» как наиболее полный список всех членов тайных обществ и военных выступлений декабристов? Ответ может быть только один: этот документ не является исчерпывающим сводом всех декабристских имен в силу своего официального характера и обстоятельств происхождения: ведь он базируется исключительно на совокупности данных, полученных следствием. В условиях расследования подлинная степень причастности к тайному обществу могла быть по разным причинам утаена, а некоторые лица не обнаруживались вовсе. Ответ на вопрос: «Все ли узнало следствие о персональном составе декабристских обществ?», уже только при теоретическом осмыслении этой проблемы очевиден: ясно, что занесенными в «Алфавит» Боровкова именами круг лиц, которых принято называть декабристами, не ограничивается. Специальное изучение источников подтверждает это общее наблюдение конкретными доказательствами.

Принципиальным в этом отношении следует считать наблюдение составителя биографического справочника 1988 г. С.В. Мироненко: «...широкий круг декабристов и вообще привлеченных к следствию лиц», внесенный Боровковым в «Алфавит» и отраженный в приложениях к нему, «не исчерпывает реальный состав членов тайных обществ и участников восстаний на севере и юге»⁶. Действительно, «Алфавит» Боровкова охватывает только выявленных следствием участников тайных обществ и военных выступлений декабристов, множество

причастных к делу лиц, прошедших через следствие в Петербурге и в южных армиях. Из чего видно, что к числу «неизвестных декабристов», оставшихся за рамками «Алфавита», надо отнести тех, кто не был обнаружен в ходе процесса и по этой причине уцелел от репрессий (они известны главным образом по мемуарным источникам). В группу декабристов, не обнаруженных на главном следственном процессе, входят также: 1) те, кто привлекался к ответственности позднее (дело офицеров Черниговского полка, дело Е.Н. Трощаковского — С.И. Труслова), так как данными о них петербургский Следственный комитет не располагал. При этом следует учесть, что Боровков, хотя и собирал сведения о привлеченных к другим следствиям (в частности, при штабе 1-й и 2-й армий), но отразились они в «Алфавите» далеко не полностью⁷; 2) те, кто обнаружил свое участие в декабристских обществах в ходе проведенной по распоряжению императора в 1826 г. подписки о «непринадлежности» к тайным обществам; 3) те, кто был назван на петербургском следствии или других связанных с ним расследованиях, но по каким-то причинам не привлечен внимания составителя «Алфавита», при всей тщательности его работы, и тем самым оказался вне документального свода; 4) лица, о членстве которых в обществах сообщали доносы, имевшиеся в распоряжении следствия и, по-видимому, не учтенные Боровковым⁸.

Согласно подсчетам Л.П. Петровского, источники свидетельствуют о том, что к декабристским тайным организациям принадлежали не менее 260 человек, включая как полноправных членов, так и «полупринятых». Кроме того, имеется еще 60 человек, на которых были сделаны показания о принадлежности к обществам, не получившие в ходе следствия достаточного подтверждения⁹. Согласно проведенным нами подсчетам (см. примеч. 5), только в «Алфавите» Боровкова имеются сведения о 417 лицах, так или иначе причастных к декабристским обществам и военным выступлениям. К этой цифре надо добавить группу декабристов, не зафиксированную в документальном своде. Выявление и анализ документальных свидетельств об этой группе участников тайных обществ, заговора и военных выступлений, оставшихся неизвестными как органам следствия и власти в 1826 г., так и, в значительной мере, исследователям, составляет предмет нашего исследования.

До публикации «Алфавита» Боровкова в 1925 г.¹⁰ данные о личном составе тайных обществ декабристов и участниках декабрьских собы-

тий 1825 г. извлекались в первую очередь из официальных документов следствия и суда 1825–1826 гг. Они ограничивались главным образом осужденными по приговору Верховного уголовного суда, включенными в «Роспись государственным преступникам...», а также осужденными военным судом по делу восстания Черниговского полка. Вместе с тем, постепенно накапливались свидетельства о принадлежности к декабристским обществам ряда лиц, получивших административные наказания или освобожденных без последствий, о чем свидетельствовали мемуарная литература и другие опубликованные источники (М.Ф. Орлов, Ф.Н. Глинка и другие участники «Союза благоденствия», а также А.С. Гангелов, А.А. Суворов и некоторые участники более поздних обществ).

Среди тех, кто фигурировал как участник тайных обществ в воспоминаниях декабристского ряда, числились и вообще не привлекавшиеся к следствию: из «Записок» И.И. Горбачевского стали известны имена членов «Славянского общества» офицеров Полтавского пехотного полка Е.Н. Троицкого и С.И. Трусова, из воспоминаний С.Г. Волконского и С.П. Трубецкого — имена членов тайных обществ Бухновского, М.Д. Горчакова, Ф.П. Литке, А.М. Мейера, Н.Н. Муравьева (Муравьева-Карского), В.А. Обручева, а из опубликованного доноса М.К. Грибовского можно было почерпнуть фамилии участников Союза благоденствия Прижевского и Реада. Из публикаций документов и воспоминаний на страницах исторических журналов стало известно о причастности к тайным обществам и событиям 14 декабря С.С. Ланского, С.Д. Нечаева, Д.И. Альбицкого, А.В. Чевкина и некоторых других. Однако в силу того, что многие из этих лиц сделали после 1825 г. значительную карьеру, а участие в декабристских обществах было лишь одним из фактов их биографии, эти указания существовали как бы на периферии представлений о декабристских обществах и интерпретировались в основном как «замешанность» (слабая причастность) в заговоре. Общий взгляд, рассматривавший в качестве декабристов лишь осужденных по делу, при этом принципиально не менялся.

Когда исследователи получили возможность обратиться к «Алфавиту» Боровкова, представления о составе участников движения существенно расширились. Впервые возникла кардинально другая картина, включавшая в себя разные степени участия и «прикосновенности» к деятельности тайных обществ значительно более широкого

круга лиц. Огромная часть этого круга ранее не фигурировала в качестве участников декабристских организаций. Но, с другой стороны, целого ряда имен, значившихся в опубликованных к тому времени документах и мемуарах, в «Алфавите» не оказалось. Понятно, что этот ряд составили те, кто не был назван на петербургском следствии или, будучи привлеченным к другим расследованиям, прошел мимо внимания составителя «Алфавита». Обосновывая необходимость составленного ими документального приложения к «Алфавиту», Б.Л. Модзалевский и А.А. Сиверс отмечали: «...редакторы настоящего издания дополнили данные «Алфавита» сведениями о нескольких участниках декабрьского движения, в этом «Алфавите» пропущенных или обрисованных недостаточно точно»¹¹. Подготовленное ими документальное приложение содержало текст справок из архива III Отделения, касающихся участников выступления Черниговского полка, не затронутых главным петербургским следствием (Е.И. Апостол-Кегич, А.Д. Белелюбский, В.Я. Кондырев, К.К. Маевский, А.П. Мещерский, А.Е. Модзалевский, В.О. Сизиневский, наказанный без суда полковой священник Д.Ф. Кейзер)¹².

В составе VIII тома издания «Восстание декабристов» Модзалевским и Сиверсом был опубликован биографический «Указатель», в котором дополнялись и уточнялись сведения Боровкова. В нем можно найти несколько лиц, отсутствующих в «Алфавите»; данные о причастности к тайным обществам и восстаниям декабристов лиц, не отразившихся в документах главного следствия, содержались в опубликованных к тому времени источниках¹³. Это Лашкевич, А.В. Чевкин, а также привлекавшийся к следствию по делу выступления Черниговского пехотного полка майор А.А. Лебедев¹⁴. К сожалению, составители «Указателя» ограничились перечисленными 3 лицами, не проведя специальных разысканий для более полного выявления декабристов, отсутствующих в «Алфавите». Таким образом, целый ряд известных к тому времени имен декабристов, не вошедших в «Алфавит», не был учтен при составлении справочного издания 1925 г.

После издания «Алфавита» Боровкова вышло в свет лишь несколько публикаций, авторам которых удалось расширить круг помещенных в нем лиц. А.Е. Пресняков в монографическом исследовании истории тайного общества и событий 14 декабря 1825 г. и Г.С. Габаев в «военно-исторической справке», приложенной к нему, обобщили данные как опубликованных, так и архивных источников, и назвали

имена отсутствующих в «Алфавите» А.А. Баранцева, Лашкевича, А.П. Литке, А.П. Пущина и А.В. Чевкина, участвовавших в событиях 14 декабря на стороне заговорщиков, расширив круг отсутствующих в «Алфавите» персоналий еще 3 лицами¹⁵.

Составители биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова, опиравшиеся главным образом на тот же «Алфавит» Боровкова, дополнили группу отсутствующих в справочном своде следствия еще 4 персоналиями (Бухновский, Е.Н. Троицкий, С.И. Трусов, Крупеников), извлеченными из мемуаров С.Г. Волконского и И.И. Горбачевского¹⁶.

М.В. Нечкина на страницах своего обобщающего труда уделила немалое место персональному составу декабристских обществ. Она тщательно реконструировала персональный состав Союза спасения, упомянув отсутствующего в «Алфавите» полковника Петрулина, с достаточной полнотой выявила состав различных управ Союза благоденствия, в поле ее зрения оказались и участники поздних тайных обществ, по разным причинам оказавшиеся «за кадром» расследования по делу тайных обществ — Крупеников, Троицкий, Трусов и др.¹⁷

Дальнейшее выявление новых имен приходится уже на последнее 30-летие декабристоведческих исследований. Указатель декабристских материалов РГВИА, составленный под редакцией Л.П. Петровского, включает ряд новых имен (Афанасьев, Градовский и др.), о причастности которых к декабристским обществам дали основание судить документы расследований при штабах 1-й и 2-й армий¹⁸. К сожалению, издание не содержит конкретных сведений, извлеченных из документов следствия, и развернутой аргументации, необходимой для сделанных его составителем заключений о причастности к декабристам.

В эти же годы появляются первые исследования, специально посвященные отдельным «новым» (или «неизвестным») декабристам. С.Л. Мухина в статье «Безвестные декабристы (С.Д. Нечаев и П.Д. Черевин)», опираясь на давнюю публикацию М.О. Гершензона¹⁹ и привлекая новые материалы, остановила свое внимание на двух малоизвестных фигурах, из которых один — член Союза благоденствия С.Д. Нечаев — не значится в «Алфавите» Боровкова; данные об участии его в декабристском обществе были обнаружены в ходе подписки 1826 г. о «непринадлежности» к тайным обществам. Он представляет характерный пример члена декабристского общества, «ускользнувшего от следствия». Я.А. Гордин вновь ввел в число участников декаб-

ристского заговора забытые имена А.Ф. Багговута и А.В. Чевкина, не привлекавшихся к главному расследованию²⁰.

Следующие важные шаги были сделаны приблизительно в те же годы. В.А. Пушкина, составитель графической схемы декабристских организаций, включающей списки членов тайных обществ, собрав и обобщив тщательным образом данные источников и исследовательской литературы, представила целый ряд новых имен, не избежав, однако, при этом ошибок и неточностей²¹. Исследовательница привела более 20 имен, отсутствующих в «Алфавите» Боровкова. Но без раскрытия доказательной базы включения того или иного лица в списки декабристов эта работа все же не могла считаться в полной мере законченной.

В вышедшем в свет в 1988 г. биографическом справочнике «Декабристы» сведения о персоналиях участников декабристских обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. были значительно пополнены и расширены²². Более того, в справочник включен особый раздел «Декабристы, не вошедшие в „Алфавит“ Боровкова и выявленные по другим источникам», содержащий 20 имен «вновь обнаруженных декабристов», из которых 18 являлись участниками декабристских обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.²³ Этот раздел можно считать итогом того выборочного изучения свидетельств о «неизвестных» декабристских персоналиях, которое осуществлялось на протяжении предыдущих десятилетий.

Говоря о более полном, в сравнении с «Алфавитом» Боровкова, составе участников тайных обществ и декабристских выступлений 1825–1826 гг., С.В. Мироненко отмечал: «В настоящем издании сделан шаг к расширению и уточнению представлений об этом реальном составе. В особом, втором разделе справочника помещены биографические справки о 20 декабристах, не упомянутых в издании 1925 г. Принадлежность этих лиц к тайным декабристским обществам установлена по другим источникам. О некоторых из них написаны уже исследования. О других таких работ нет, но их имена, как членов тайных обществ, назвали сами декабристы... Это, как можно надеяться, привлечет к ним внимание исследователей и будет стимулировать дальнейшие разыскания в этой области»²⁴. Вместе с тем, в этом фундаментальном издании не были учтены некоторые известные на тот момент документальные указания о принадлежности к декабристам целого ряда лиц (например, С.С. Ланского, А.Ф. Багговута,

А.В. Чевкина), а справки нового раздела нуждаются в уточнениях и дополнениях²⁵.

Не зафиксированные в «Алфавите» имена «новых» декабристов, несмотря на то что некоторые из них вошли в состав биографического справочника «Декабристы», все же оставались на окраине исследовательского внимания. Как правило, они по-прежнему не рассматривались в качестве участников «движения декабристов», прямым свидетельством чему является практически полное отсутствие сведений о них в библиографических указателях декабристоведческой литературы, отражающих утвердившееся в историографии представление о том, кто является декабристом²⁶. Таким образом, их статус как декабристов остается неподтвержденным.

Лишь факт членства С.Д. Нечаева в Союзе благоденствия, а следовательно его принадлежности к декабристам, прочно укрепился в научной традиции и зафиксирован в библиографических справочниках; Нечаев даже «заслужил» как декабрист персональную рубрику²⁷. Но этот случай является скорее исключением из общего правила. Другие лица, не отраженные в «Алфавите» Боровкова, составителями библиографических указателей декабристами не считаются. Об этом красноречиво свидетельствует отсутствие во всех указанных научных библиографиях имен А.Ф. Багговута, М.Д. Горчакова, А.В. Чевкина, в то время как о каждом из них имеются те или иные данные в публикациях и специальной литературе²⁸. Это обстоятельство в полной мере показывает отсутствие интереса к ним как декабристам. Еще более показательным, что такие лица, как С.С. Ланской, А.П. и Ф.П. Литке, Н.Н. Муравьев, хотя и присутствуют в указателях декабристоведческой литературы, но не фигурируют в них в качестве декабристов. Все эти наблюдения говорят об одном: лица, не вошедшие в состав «Алфавита», как правило, не считаются декабристами. Инерция традиционных представлений распространяется и на современный этап декабристоведения.

Подводя итог обзору исследований, затрагивающих проблему «неизвестных декабристов» и расширяющих круг установленных членов тайных обществ, следует констатировать: категория декабристов, не вошедших в «Алфавит» Боровкова, до сих пор не получила необходимого отражения в исторической литературе. Фактически за единичными исключениями эти лица остаются неизвестными как участники «декабристского движения».

Более того, отсутствие лиц данной группы в своде Боровкова

оказывало обратное влияние на «признание» их в качестве декабристов. Как правило, комментаторы публиковавшихся документов, содержавших прямые указания на принадлежность к тайному обществу такого незафиксированного в «Алфавите» лица, ограничивались замечанием о том, что свидетельств, подтверждающих эти данные, не имеется. Так, составители тома письменного наследия В.Ф. Раевского А.А. Брегман и Е.П. Федосеева, комментируя сообщение Раевского о принадлежности к Союзу благоденствия полковника Пятин, писали: «Сведений об участии полковника Пятин в тайном обществе декабристов не обнаружено», тем самым ставя под сомнение недвусмысленное указание осведомленного мемуариста²⁹. В комментарии к воспоминаниям В.С. Толстого С.В. Житомирская оценила сообщение мемуариста о членстве Г.И. Ефимовича (Яфимовича) в Союзе благоденствия короткой фразой: «Сведений о принадлежности Яфимовича к тайному обществу у нас нет»³⁰.

Итак, отсутствие фамилии в «Алфавите» Боровкова стало причиной того, что принадлежность представителей этой группы к тайному обществу или военным выступлениям декабристов остается в научной традиции малоизвестным или совсем неизвестным фактом. В целом группа декабристов, не зафиксированных в «Алфавите» Боровкова, вплоть до недавнего времени оставалась вне исследовательского внимания, лишь отдельные имена изредка фигурировали в качестве участников «движения декабристов» на периферии научной литературы. В силу этого заполнение «белых пятен» в представлениях о персональном составе декабристских обществ приобретает несомненную научную значимость.

Между тем, еще С.Л. Мухина, посвятившая свое исследование «безвестным декабристам» П.Д. Черевину и С.Д. Нечаеву, считала такую работу одной из очередных задач изучения декабристов: «К следствию над декабристами были, как известно, привлечены свыше 500 человек. Но из следственных материалов, мемуарных и эпистолярных данных мы знаем, что не все участники декабристского движения были обнаружены, некоторые ускользнули от внимания бдительного николаевского сыска... Знаем ли мы всех? Нет, изучение, естественно, сосредоточено на лидерах, на идеологах, на особо выдающихся участниках движения...». Далее автор продолжает: «...их надо знать всех. Надо разыскать декабристов, условно говоря, „пропавших без вести“, найти источники — следы их деятельности»³¹.

Актуальность и научное значение этого исследовательского направления отметила и М.В. Нечкина: «Мы до сих пор не знаем ни общего облика, ни конкретной деятельности многих декабристов, особенно относившихся к Союзу благоденствия, а иной раз и к более поздним организациям. Имена некоторых, счастливо спасшихся от следствия, естественно пропущены в „Алфавите“ декабристов...». Историк при этом особо подчеркивала, что «по счастливому стечению обстоятельств» некоторые члены декабристских обществ «вообще не были обнаружены». «Было бы очень полезно и нужно для декабристоведения раскрыть облик и деятельность как можно большего числа „безданных декабристов“», — заключала М.В. Нечкина. По ее мнению, статья С.Л. Мухиной открывала «новое... весьма перспективное направление в декабристоведении»³².

Настоящее исследование отражает результаты дальнейшей работы в этом направлении. Его смысл — в выявлении декабристов, отсутствующих в «Алфавите» Боровкова. Необходимо подчеркнуть, что мы не ставили перед собой цель провести специальные биографические разыскания в отношении каждого «нового декабриста», а стремились прежде всего к тому, чтобы очертить границы этой группы, привести те документальные основания, которые стали причиной включения в ее состав того или иного лица, критически оценить их достоверность, и на этой основе сделать необходимые выводы о характерных особенностях данной категории участников декабристской конспирации.

**Критерии установления принадлежности к категории
«неизвестных» декабристов.**

**Систематизация свидетельств о лицах,
не привлекавшихся к следствию**

Установление причастности к декабристской конспирации группы «неизвестных» декабристов наделено своими особенностями. Они обусловлены самими причинами появления указанной группы декабристов. В силу того что большинство вошедших в нее лиц не были замечены официальным следствием, особое значение приобретает рассмотрение свидетельств, имеющих в других первоисточниках. Наряду с этим пристального внимания требуют случаи неучтенных следователями показаний, сохранившихся в следственных материалах.

В настоящем исследовании критерием определения участника декабристского движения является *свидетельство о причастности к тайному обществу, принадлежащее участнику тайного общества, заговора и восстаний декабристов либо другому лицу, фиксирующему такого рода свидетельство*. Для категории «неизвестных» декабристов этот критерий сохраняется в полной мере, но при этом особое значение приобретает *критика свидетельств, извлеченных из источников разного вида и разного происхождения*. Таким образом, необходим учет специфики типологически разных источников, всестороннее критическое изучение свидетельств. Несомненно и другое: требуются специальные разыскания достоверных свидетельств и внимательный учет каждого из них.

В данном разделе в основу систематизации свидетельств о «неизвестных» декабристах положена не приведенная выше (С. 380) общая группировка лиц, «не замеченных» главным петербургским следствием и отсутствующих в его итоговых документах, а *типология источников*, лежащих в основе доказательной базы принадлежности к тайным обществам. Эта систематизация реализуется в последовательном рассмотрении указаний различных видов исторических источников, которые содержат необходимую информацию об участии в тайном обществе того или иного лица. Последовательность рассмотрения указаний построена в зависимости от типологических особенностей документов, из которых извлечены эти свидетельства, и от степени достоверности самих свидетельств.

Рассматриваемые исторические свидетельства извлечены из источников различных видов. В их числе: документы официальных расследований в Петербурге и на юге, доносы, материалы подписки 1826 г., мемуарные указания декабристов и других лиц, передающие свидетельства «из первых рук».

Значительное количество следственных документов, способных пролить свет на состав подследственных на юге, материалов полковых следственных комиссий в Петербурге и прочих следственных органов, по-настоящему еще не введено в научный оборот. Отсутствует полноценная публикация следственных документов южного расследования³³, как и полковых расследований в гвардии. За исключением не лишённого недостатков упоминавшегося указателя материалов РГВИА³⁴ и отчасти биографического справочника «Декабристы», пожалуй, в распоряжении историка нет справочного издания по этим материалам. Все это в известной степени служит благоприятным

фактором для открытия имен тех лиц, что прошли мимо внимания петербургского следствия.

Кроме того, внимательное изучение следственных показаний и других материалов процесса, как уже отмечалось, также способно обогатить представления о «неизвестных» декабристах. В этом контексте представляется важным анализ достоверности такого рода показаний, а также уяснение причин, в силу которых следователями не были учтены те или иные свидетельства о членстве в тайном обществе. В целом, подобные свидетельства, сохранившиеся в следственных показаниях, при условии осведомленности их авторов, обладают достаточной достоверностью.

Помимо документов петербургского следствия и других расследований, использованы также доносы на тайные общества и материалы подписки о «непринадлежности» к тайным обществам 1826 г. Как известно, на протяжении существования декабристской политической конспирации правительству поступил не один донос на отдельных участников тайных обществ декабристского ряда или на ту или иную декабристскую организацию. В том случае, если автор доноса осведомленное лицо (находившееся в числе членов конспиративного союза), получившее информацию от самих участников тайного общества, т. е. «из первых рук», у исследователя нет оснований сомневаться в точности и достоверности его свидетельства — разумеется, речь идет о фактических данных, несомненно известных доносителю. Ценным источником, позволяющим обнаружить имена новых декабристов, являются т. н. «обязательства», данные при подписке, которая проводилась весной-летом 1826 г. на основании рескрипта императора Николая I на имя управляющего министерством внутренних дел В.С. Ланского от 21 апреля 1826 г.³⁵ Эти «обязательства», которые были вынуждены дать офицеры, чиновники и даже неслужащие дворяне, содержали в себе не только обещание в будущем не участвовать ни в каких тайных или неразрешенных правительством обществах — их авторы были обязаны назвать все те общества (вплоть до масонских лож), в которых когда-либо участвовали и которые им были известны.

«Обязательства» 1826 г. заключают в себе собственноручные признания в принадлежности к декабристскому тайному обществу, поэтому обладают высокой степенью авторитетности. В данной работе мы не входим в подробный разбор движущих мотивов, которые стали причиной признаний, прозвучавших весной-летом 1826 г., в разгар пре-

следования участников политического движения. Этот вопрос заслуживает отдельного исследования. Можно лишь заключить, что признание в принадлежности к т. н. «ранним» декабристским организациям (а все известные на данный момент «обязательства» содержат информацию именно об этом) не грозило неминуемым преследованием, поскольку в официальных документах следственного процесса такая принадлежность не рассматривалась как степень виновности, подлежащая наказанию³⁶. Тем не менее, признающиеся потенциально могли быть привлечены к ответственности в связи с тем, что утаили свое участие в тайных обществах во время первой «подписки», проводившейся по распоряжению Александра I в 1822 г. Более того, правительство императора Николая I с обостренным вниманием встречало любое признание в причастности к тайному обществу, свидетельством чему стала как межведомственная переписка по поводу прозвучавших признаний, так и учреждение тайного надзора в отношении тех, кто признал себя когда-то причастным к декабристским обществам.

Незаменимым источником для выявления лиц, принадлежащих к категории «неизвестных декабристов», служат мемуарные свидетельства. Они существенным образом пополняют сведения, добытые из других источников. Это в первую очередь воспоминания и рассказы декабристов, пострадавших по делу. Спустя многие годы некоторые из них называли имена своих товарищей, избежавших наказания и внимания правительства, приоткрывая завесу над категорией «неизвестных» декабристов. Мемуарные тексты, исходящие от спасшихся от наказания участников движения, как правило, не содержат информации об их участии в конспиративной организации. В распоряжении историка имеются также свидетельства осведомленных «посторонних» лиц, передающие сведения об участии того или иного лица в декабристском союзе, а также мемуары непосредственных очевидцев военных выступлений 1825–1826 гг. В этих случаях требуется критическая оценка достоверности такого свидетельства.

Рассматриваемая категория типологически распадается на два разряда — *члены тайных обществ* и *участники военных выступлений декабристов*. Документальные свидетельства, позволяющие нам отнести то или иное лицо к одному из указанных разрядов «неизвестных декабристов», необходимо разделить на две основные группы в соответствии с особенностями происхождения источника, содержащего информацию о членстве в тайном обществе.

Разряд «члены тайных обществ» делится, таким образом, на две группы:

1) лица, участие которых в тайных обществах фиксируется документальными свидетельствами следственных³⁷ и полицейско-надзорных³⁸ органов, доносов и других источников, современной эпохе;

2) лица, принадлежность которых к декабристским союзам отражена в мемуарных свидетельствах.

Такова общая группировка исторических свидетельств, в соответствии с особенностями источников, на которые опирается исследователь при реконструкции данной группы «спасшихся» от расследования участников движения.

Указания на принадлежность к членам тайного общества располагаются по степени авторитетности следующим образом: 1) признание самого лица; 2) свидетельство участника тайного общества, принявшего данное лицо или принятого им; 3) свидетельство руководящего или другого осведомленного участника тайного общества; 4) свидетельства иных участников тайного общества.

В мемуарных свидетельствах первоочередное значение придается собственному признанию автора, далее располагаются свидетельства, переданные со слов бывшего участника тайных обществ, мемуарные указания, принадлежащие лицу, принявшему в тайное общество «неизвестного» декабриста или принятого им. Последним в этом ряду стоит указание авторитетного мемуариста, занимавшего видное положение в декабристской конспирации, или иного осведомленного лица.

Особое значение имеют свидетельства об участниках военных выступлений декабристов. В данном случае речь идет об указаниях на *реальные действия* этих лиц в момент событий 14 декабря 1825 г. и 31 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г., на участие в военном выступлении в составе восставших частей или деятельность в пользу декабристского заговора. Поскольку участие в мятеже было прямым основанием для предъявления обвинения, то не удивляет тот факт, что едва ли не все лица, оказавшиеся замешанными в открытых выступлениях, стали предметом внимания как главной следственной комиссии, так и полковых комиссий и судов в Гвардейском корпусе и при штабах 1-й и 2-й армии. В документах основного следственного процесса, а следовательно, и в «Алфавите» Боровкова, отражены далеко не все участники «антиправительственных выступлений» из числа привлеченных к ответственности военно-судными комиссиями; последние

пострадали в связи со своим участием в военных выступлениях 1825–1826 гг., поэтому также могут считаться «неизвестными» декабристами. Нельзя не признать, что несмотря на обостренное внимание к замешанным в «мятежах» органам расследования, им не удалось выявить полную меру реального участия в декабристских выступлениях всех причастных к ним лиц; были и те, кто избежал ответственности или даже привлечения к следствию. Об этом прямо свидетельствует рассматриваемый ниже пример А.Ф. Багговута.

Многие обстоятельства военных выступлений содержатся как в материалах военно-судных расследований в гвардии и южных армиях, так и в поздних мемуарных источниках, ретроспективных записках и рассказах участников и прямых свидетелей событий. Оценка их достоверности составляет неперенную задачу исследования.

Разряд «участники заговора и военных выступлений декабристов» поэтому следует также разделить на две группы:

- 1) лица, участие которых в заговоре и выступлении зафиксировано в судебно-следственной документации;
- 2) лица, об участии которых известно по мемуарным источникам.

Необходимо отметить, что в отношении подавляющего большинства участников выступлений декабристов свидетельства об их участии в восстаниях исходят от очевидцев событий. Так, участие в событиях А.Ф. Багговута зафиксировано в воспоминаниях М.А. Бестужева; А.В. Чевкина — в мемуарной записке П.Н. Игнатьева; А.П. Литке — в воспоминаниях его брата Ф.П. Литке. То же относится и к документам расследований: участие А.А. Баранцева раскрывается в показаниях М.К. Кюхельбекера; Лашкевича, Д. Грохольского, И.К. Ракузы и И. Цявловского — в показаниях свидетелей событий в л.-гв. Московском и Черниговском пехотном полках.

К сожалению, не все документальные указания о членстве в тайном обществе можно признать достаточно авторитетными или достоверными. В данной главе говорится только о достоверно установленных участниках тайных обществ; прочие свидетельства рассматриваются в следующей главе.

Нам представлялось нецелесообразным разграничить рассмотрение группы декабристов, не вошедших в «Алфавит», на две подгруппы: присутствующих в справочнике «Декабристы» и впервые вводимых в научный оборот, — в том числе из-за отмеченных выше недостатков раздела этого справочника, посвященного необнаруженным

на следствии участникам движения. Вместе с тем, некоторые лица, представляющие группу «неизвестных» декабристов (С.Д. Нечаев, Д. Грохольский, Н.Н. Муравьев), уже являлись предметом специальных исследований и исторических повествований³⁹, другие упоминались в научной литературе (как было в случае Петрулина, П.А. Набокова)⁴⁰.

Неизвестные члены тайных обществ, не привлекавшиеся к следствию

1. Указания источников, синхронных эпохе

Свидетельства первой группы, — извлеченные из источников, современных эпохе, — стали основанием для включения в число участников тайных обществ Д.И. Альбицкого, П. Афанасьева, Бахметева, Башмакова, Градовского, И.И. Логинова, И.М. Любавского, С.Д. Нечаева, Панютина, Я.В. Петрулина, К.М. Полторацкого, Порохова, Прижевского, Реада, В.Х. Христиани.

В ходе проведенной весной-летом 1826 г. «подписки» о «неучастии» в тайных обществах в своей принадлежности к Союзу благоденствия признались Д.И. Альбицкий, П. Афанасьев, Градовский и И.М. Любавский⁴¹. Сделанные признания обратили на себя внимание «высшего» начальства, поэтому переписка о них сохранилась в делах III Отделения и, частью, в фондах Военного министерства, министерств юстиции, внутренних дел, других ведомств.

«Коллежский ассессор и кавалер» **Дмитрий Игнатьевич Альбицкий**, старший учитель Тульской гимназии, подчинявшейся ведению Московского университета, представил «подписку» с признанием в своей принадлежности к тайному обществу, датированную 16 июня 1826 г. «Подписка» Альбицкого в подборке других «подписок», сообщавших о принадлежности к тайным обществам (главным образом — масонским ложам) профессоров и преподавателей Московского университета, собранных попечителем Московского учебного округа и отправленных министру народного просвещения, была опубликована М.О. Гершензоном. Она гласила: «По чистой совести и без всякой утайки сим объявляю о кратковременной прикосновенности моей к Союзу благоденствия, в который вступил членом в начале 1819 года

по предложению бывшего тогда директора тульских училищ титулярного советника Степана Дмитриева сына Нечаева и по уверению, что в сем обществе нет ничего противного религии, правительству и добрым нравам»⁴². Далее Альбицкий сообщил о содержании прочитанного им «однократно» «устава» Союза, обозначенных в нем целях и «средствах» (эти сведения не противоречат известному содержанию «Зеленой книги»). По его словам, он «ложи не посещал, влияния никакого не имел и ни в каких сношениях с членами не был», а «вскоре после показанного времени, за выбытием сего Нечаева из Союза благоденствия по неведомым причинам... я тотчас просил об исключении меня из оного Союза (и исключен)»⁴³.

Из подписки, данной Альбицким, следовало, что в тайное общество его принял бывший в 1818–1819 гг. директором училищ Тульской губернии С.Д. Нечаев. Из нее же явствовало не только относительно короткое пребывание Альбицкого в рядах Союза, но и его контакты с несколькими членами этого общества, — одного из них он «просил» исключить себя из состава участников. Одновременно, по-видимому, стало известно о том, что предложение вступить в Союз благоденствия Нечаев сделал тульскому губернскому почтмейстеру И.С. Бабаеву, который также признался в этом при подписке 1826 г., отвергая факт своего вступления⁴⁴.

Информация о принадлежности к Союзу благоденствия лиц, не выявленных петербургским следствием, несомненно, вызвала у власти особый интерес, даже несмотря на то, что этот Союз был официально признан менее «злоумышленным» в сравнении с тайными обществами, возникшими после 1821 г. Возможно, последним обстоятельством объясняется сам факт появления этих откровенных признаний, — ведь к середине 1826 г. стало ясно, что принадлежность к ранним тайным обществам правительством не преследуется. Тем не менее, III Отделение обратило внимание на Нечаева, Альбицкого и Бабаева и начало собирать о них сведения, учредив надзор.

Характерно, что такой же сценарий повторился в других случаях, когда в своей принадлежности к прекратившему свое существование Союзу признавались новые, ранее не известные власти лица. Так, за **Градовским**, сообщившим о своей принадлежности к Союзу благоденствия при «подписке», был также установлен секретный полицейский надзор⁴⁵. По мнению А.И. Серкова, Градовский довольно быстро порвал свои связи с Союзом благоденствия и кругом А.Н. Муравьева;

последним, вероятно, он и был принят в тайное общество⁴⁶. Тем не менее, его признание сыграло свою роль, а статус военного имел, видимо, дополнительное отягчающее значение, вследствие чего надзор за ним сохранялся не один год. Когда в 1829 г. Градовский вышел в отставку, то с него было взята подписка о месте жительства, следовательно надзор был продолжен и перестал носить тайный характер⁴⁷.

После признания в членстве в Союзе благоденствия отставного аудитора, члена масонской ложи «Соединенные славяне» в Киеве, **Петра Афанасьева** за ним также был учрежден тайный надзор⁴⁸.

Присутствие Союза благоденствия среди тайных обществ, фигурировавших в деле о «государственных преступниках», оказывало вполне определенное влияние. Это подтверждают обстоятельства, связанные с еще одним признанием.

Исследователь истории русского масонства А.И. Серков сообщает, что в ходе «подписки» о своем участии в Союзе благоденствия в Москве заявил «титularный советник, надзиратель Старобельского питейного сбора, бывший поручик Мартин Михайлович Грабовский»⁴⁹. Действительно, такое лицо, занимавшее указанный служебный пост в 1822 г., существовало. Однако, при обращении к первоисточнику, среди донесений об отобранных «обязательствах» о «непринадлежности» к тайным обществам, которые в соответствии с рескриптом императора пересылались министру юстиции, обнаруживается отношение директора департамента государственного казначейства, направленное в канцелярию министра финансов, из которого следует, что признательную «подписку» дал не М.М. Грабовский, а надзиратель того же питейного сбора, сослуживец Грабовского **Иван Моисеевич Любавский** (Любовский)⁵⁰.

Отношение от 30 июля 1826 г. за № 14186 гласит: «Между обязательствами, полученными с последнею почтою из *Воронежской казенной палаты* от чиновников ее ведомства на основании высочайшего рескрипта 21-го апреля сего года, департамент государственного казначейства, найдя обязательство, данное надзирателем *Старобельского питейного сбора титулярным советником Любовским*, что он во время служения своего в *Москве* принадлежал к бывшему там Тайному обществу под названием *Союз благоденствия*, имеет честь препроводить оное особенно в канцелярию г. министра финансов»⁵¹. К отношению было приложено «обязательство» самого Любовского («с препровождением обязательства за № 110-м»), которое в деле не отложилось⁵².

Согласно «Месяцослову... на 1827 г.», по состоянию на 6 января 1827 г. надзирателем Старобельского уездного правления питейного сбора Воронежской казенной палаты служил титулярный советник Иван Моисеевич Любавский⁵³. Последствия признания Любавского не выяснены, но очень характерно, что на него было сразу обращено внимание министра финансов, а затем, 21 сентября 1826 г., оно было препровождено в полицейское ведомство. Признание в членстве, тем более сделанное не в особых условиях следствия, а при «добровольной подписке», следует оценить как весьма авторитетное, если не бесспорное, свидетельство о членстве.

Переходя от «самопризнаний» к свидетельствам, принадлежащим лицам, состоявшим в декабристских обществах, выделим, прежде всего, наиболее достоверные из них. Это свидетельства тех, кто либо сам принял лицо, на которое дается показание, либо был этим лицом принят в тайное общество.

Таково показание Д.И. Альбицкого в отношении **Степана Дмитриевича Нечаева**. Как уже отмечалось, именно Нечаев принял Альбицкого в Союз благоденствия и предлагал вступить в него губернскому почтмейстеру И.С. Бабаеву⁵⁴. Нечаев был достаточно известным литератором, его деятельность на посту директора училищ Тульской губернии вписывается в модель поведения многих активных участников Союза благоденствия, охватывая такие сферы, как просвещение, благотворительность, распространение знаний, действие в пользу Союза «словом» и выступлениями в органах печати (учреждение в Туле ланкастерских школ и училищ, благотворительные акции для бедных, публикации в журналах, привлечение в тайное общество новых членов)⁵⁵.

Сведения, полученные от Д.И. Альбицкого и И.С. Бабаева, вызвали переписку между высшими чинами III Отделения и начальством 2-го округа корпуса жандармов в Москве, частично введенную в оборот С.Л. Мухиной. По мнению исследовательницы, специально изучавшей этот вопрос, принадлежность Нечаева к Союзу благоденствия не вызывает сомнений, так как сохранились письменные свидетельства лиц, принятых им в Союз⁵⁶. Судя по всему, указанная переписка была вызвана тем, что информация об участии Нечаева в тайном обществе поступила к императору, а тот распорядился собрать о новом лице более определенные сведения. Запрос царя был направлен А.Х. Бенкендорфу, от него вместе с информацией о признании И.С. Бабаева

поступил к Ф.В. Булгарину, игравшему роль информатора вновь образованного III Отделения. В феврале 1827 г. Булгарин написал особую записку о Нечаеве; записка эта не имела характер доноса и, более того, содержала благоприятную для Нечаева оценку: «Он человек смиренный и, как слышно, добрый... О нравственности Нечаева отзываются весьма хорошо все знающие его... Никто не слыхал из его приближенных, чтоб он дурно относился о правительстве». Булгарин ничего не добавил к полученным ранее сведениям, однако все же указал на тесные связи Нечаева с лидерами Северного общества К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым; последний даже останавливался у Нечаева, когда приезжал в Москву весной 1825 г.; особенно насыщенным было их общение в связи с подготовкой альманаха «Полярная звезда», в котором Нечаев принимал непосредственное участие. Характерно, что позднее, летом 1827 г., Булгарин оперировал полученной информацией, напоминая III Отделению о том, что представителем в Петербурге известного издателя и журналиста Н.А. Полевого был «некто Нечаев, принадлежавший к Союзу благоденствия, как то оказалось из добровольного сознания тульского почтмейстера», т. е. Бабаева⁵⁷.

III Отделение действовало и обычным путем. Начальник 2-го округа корпуса жандармов А.А. Волков в конце 1826 г. отвечал из Москвы на запрос А.Х. Бенкендорфа: «Милостивый государь Александр Христофорович! В бытность мою в С.-Петербурге сделано мне от вашего превосходительства поручение собрать полные известия о бывшем в Тульской губернии директоре училищ Степане Дмитриевиче Нечаеве, который по показанию тульского губернского почтмейстера Бабаева открыл ему о Союзе благоденствия. Исполняя волю вашу о сем, я сколько ни старался разведывать о г. Нечаеве, но ничего более узнать не мог, как только, что г. Нечаев в какой-то отдаленной губернии продолжительное время находился вместе с флигель-адъютантом бароном Строгановым на следствии при особых его поручениях, по окончании чего был здесь в Москве только проездом, и отправясь в С.-Петербург, имеет там и доныне свое пребывание, где, как сказывают, ищет определиться по какому-нибудь министерству или даже и в Собственную Его Величества канцелярию по первому или второму отделению»⁵⁸. Донесение А.А. Волкова свидетельствует о том, что III Отделение специально собирало сведения о Нечаеве (С.Л. Мухина, на наш взгляд, неверно интерпретировала это донесение как

свидетельство об установлении надзора за Нечаевым). Любопытно, что была востребована информация о признании И.С. Бабаева, что Нечаев открыл ему о существовании Союза благоденствия и приглашал вступить в него, но Бабаев отказался — а не сведения из «подписки» Д.И. Альбицкого, принятого Нечаевым в Союз. Вместе с тем Бабаев не дал новой информации, которая могла послужить к обвинению Нечаева⁵⁹. Волков исполнил поручение, общая характеристика Нечаева совпадала с оценками Булгарина и, возможно, учреждать надзор за Нечаевым не посчитали нужным; во всяком случае, данные об этом не обнаружены.

В течение 1826 г. в связи с выявленной принадлежностью Нечаева к Союзу не принималось никаких репрессивных мер, так как в сентябре 1826 г., в соответствии с отношением И.И. Дибича московскому генерал-губернатору Д.В. Голицыну, служивший при последнем по особым поручениям Нечаев был срочно командирован в Пермскую губернию «по высочайшему повелению», в распоряжение флигель-адъютанта А.Г. Строганова, который проводил ревизию частных уральских заводов, расследуя злоупотребления и беспорядки. После этого Нечаев отправился в Петербург, добиваясь определения на службу в Собственную канцелярию⁶⁰. Сбор сведений о нем был, по-видимому, прекращен, но сам факт активности полицейских органов в связи со сведениями, полученными при подписке 1826 г., весьма показателен. Собранные указания о принадлежности к тайному обществу Нечаева не стали препятствием для дальнейшей служебной карьеры: уже в 1827 г. он был зачислен во II Отделение Собственной канцелярии, а в 1833 г. стал обер-прокурором Синода.

В ходе главного следственного процесса имя поручика **Бахметева** как участника Союза благоденствия прозвучало в показаниях И.М. Юмина, входившего в Кишиневскую управу Союза благоденствия. Юмин свидетельствовал о вступлении в тайное общество своего товарища по 32-му егерскому полку Бахметева, принятого в Союз полковым командиром А.Г. Непениным⁶¹. По свидетельству Юмина, Бахметев всегда жил «в палатке» у Непенина и являлся его ближайшим полковым товарищем. Летом 1819 г., предложив Юмину вступить в общество, Непенин сообщил ему, что уже «записал» в организацию Бахметева. Последний присутствовал при этом разговоре, тем самым как бы подтверждая информацию Непенина. Показание Юмина содержит также несколько другую оценку этого же события: противоре-

ча себе, он передает слова Непенина, что оба — и Бахметев, и Юмин — были «только приглашены» в Союз, но не «записаны»⁶². На сей счет было затребовано дополнительное «пояснение» у Юмина (этот его ответ не сохранился) и Непенина. Непенин отвечал, что «названный... членом Союза благоденствия Бахметев не был еще совершенно в общество принят, когда он в 1820-м году умер»; он указывал таким образом на незавершенность процедуры приема Бахметева, равно как и Юмина⁶³. Однако почти одновременно с Юминым И.Г. Бурцов в показаниях от 5 февраля утверждал, что умерший офицер 32-го егерского полка Бахметев действительно был принят в тайное общество и считался его членом⁶⁴.

Свидетельства о приеме Бахметева, отраженные в следственных показаниях, подтверждаются информацией И.М. Юмина, полученной еще в феврале 1822 г., в ходе расследования по «делу В.Ф. Раевского». Согласно этому доносу, Непенин давал читать «книгу» с правилами Союза благоденствия и отбирал расписки о вступлении в этот Союз у Юмина и Бахметева⁶⁵. Получение расписок, по букве устава, означало завершение процедуры приема в Союз. На следствии 1822 г. сообщение Юмина повлекло за собой допрос Непенина, однако расследование по вопросу об обнаруженном благодаря сообщению Юмина Союзе тогда было свернуто.

Показания Юмина на следствии 1826 г. передают свидетельство лица, принявшего в тайное общество Бахметева — Непенина. Присутствие Бахметева при приглашении Юмина еще более укрепляет значение этого свидетельства, достоверность которого не вызывает сомнений, даже если прием обоих офицеров не был завершен полностью.

Показания Юмина и Бурцова о приеме Бахметева, сделанные на следствии 1826 г., таким образом, подтверждаются донесением Юмина 1822 г., почти современным событиям. В пользу состоявшегося вступления Бахметева говорят его тесные дружеские отношения с принявшим его Непениным, длительный контакт офицеров подразумевает большую степень откровенности, чем с Юминым. Приглашение Бахметева последовало ранее вступления Юмина. Наконец, о членстве Бахметева были извещены руководители тайного общества, в том числе находившийся в Тульчине Бурцов. Все это позволяет заключить, что Бахметев действительно был введен в число участников Союза благоденствия, однако последовавшая вскоре смерть сделала пребывание его в рядах тайного общества кратковременным.

Полученные на следствии сведения о Бахметеве было решено «приобщить к прочим для внесения в выписку» о членах Союза благоденствия, однако это имя в итоге не было занесено в «Алфавит» Боровкова; оно оказалось и вне списка участников Союза, «оставленных без внимания».

Следственный комитет располагал показанием П.И. Пестеля о персональном составе учрежденного им «Митавского филиала» Союза спасения, в который в течение 1817 — начала 1818 г. были приняты 4 человека: «В сие время принял я в общество полковника Петрулина, который в том же году умер: он командовал Ольвиопольским гусарским полком; майора Авенариуса, бывшего тогда старшим адъютантом 25-й, что ныне 1-й, пехотной дивизии, он был потом старшим адъютантом Главного штаба 1-й армии и наконец назначен в Грузию... подполковника Тимченку, назначенного после того командиром 4-го морского полка, и бывшего дежурного штаб-офицера 1-го корпуса полковника Свободского, назначенного потом командиром Тульского пехотного полка»⁶⁶. Свидетельство Пестеля, лично принявшего Петрулина в декабристское общество, не вызывает сомнений.

Итак, в 1818 г. полковник **Петрулин**, «который в том же году умер», стал участником «Митавского филиала» Союза спасения. Как отмечала М.В. Нечкина, имя Петрулина, в отличие от других лиц, указанных Пестелем, осталось вне «Алфавита» Боровкова⁶⁷. Почему это произошло, остается неясным, ведь прочие трое названных Пестелем членов филиала (А.А. Авенариус, Ф.М. Свободской, И.М. Тимченко-Рубан) были замечены следствием; в отличие от них, фамилия Петрулина не была подчеркнута карандашом в тексте показаний Пестеля. Объяснение этому, возможно, состоит в том, что все трое продолжали находиться на службе в 1826 г., более того — являлись полковыми командирами, и о них запрашивали других подследственных. Умерший Петрулин, конечно, такого интереса для следствия не представлял. Поэтому, вероятно, его имя и затерялось; он не был впоследствии учтен Боровковым при составлении «Алфавита».

Данные о службе умершего в 1818 г. Петрулина, указанные Пестелем, подтверждают «Высочайшие приказы о чинах военных на 1818 год», из которых следует, что 6 апреля был «исключен из списков умершим Ольвиопольского гусарского полка командир полковник Петрулин»⁶⁸. Итак, выясняется, что принятый Пестелем в Союз спасения Петрулин, командир ольвиопольских гусар, умер в 1818 г.;

необходимо установить, какой именно Петрулин являлся полковым командиром Ольвиопольского полка и, следовательно, членом тайного общества.

Согласно запискам И.П. Липранди, брат бессарабского гражданского губернатора В.В. Петрулина, «адъютант графа Витгенштейна», «был образцовым в целой армии в этом звании» и «замечательным лицом» на военном поприще. Вскоре после возвращения из заграничных походов он был убит на ставшей очень известной дуэли с полковником Мерлинием⁶⁹. Указание на адъютантство убитого на дуэли Петрулина у П.Х. Витгенштейна приводит нас, во-первых, к выводу о его хорошем знакомстве (по крайней мере, очевидных служебных связях) с Пестелем, принявшим Петрулина в Союз спасения — как известно, с 1813 по 1818 г. Пестель состоял адъютантом Витгенштейна⁷⁰. Кроме того, оно дает направление дальнейшим поискам ответа на вопрос, какой именно Петрулин был убит на дуэли.

П.Х. Витгенштейн — шеф лейб-гвардии Гусарского полка с 1807 г., в дальнейшем он был сначала дивизионным командиром гвардейских гусар, а затем корпусным; в составе отдельного корпуса под начальством Витгенштейна лейб-гусары приняли участие в войне со Швецией и начали Отечественную войну 1812 г. Из полковой истории л.-гв. Гусарского полка известно, что в этом полку долгое время служил Яков Васильевич Петрулин, переведенный в гусары из л.-гв. Кирасирского Его Императорского Величества полка в 1809 г.⁷¹ В том же году он становится дивизионным адъютантом; занявший эту должность позднее лейб-гусарский офицер Игнатьев был назначен дивизионным адъютантом именно к генерал-лейтенанту Витгенштейну⁷². В кампанию 1812 г. Петрулин действовал отдельно от полка, с запасным эскадроном, в составе 9-й кавалерийской дивизии при корпусе Витгенштейна, а затем состоял ординарцем при Витгенштейне; к концу заграничных походов 1813—1814 гг. он имел чин полковника⁷³. Окончательную ясность вносят «Высочайшие приказы о чинах военных на 1815 год», согласно которым 1 июня 1815 г. «лейб-гвардии Гусарского полка полковник Петрулин» был назначен полковым командиром в Ольвиопольский гусарский полк⁷⁴. Таким образом, Пестель, недавно поступивший адъютантом к П.Х. Витгенштейну, принял в Союз спасения именно **Якова Васильевича Петрулина**, ставшего за два года до этого полковым командиром, но долгое время служившего при этом же военачальнике⁷⁵.

Далее идут свидетельства осведомленных членов тайных обществ, занимавших видное место в иерархии декабристской конспирации и хорошо знавших ее персональный состав. К ним относятся показания М.И. Муравьева-Апостола (члена Коренного совета Союза благоденствия) о принадлежности к Союзу благоденствия полковника **Башмакова** и генерал-майора **Константина Марковича Полторацкого**.

Еще на первом допросе, снятом при штабе 1-й армии, М.И. Муравьев-Апостол, отвечая на вопрос о том, что ко времени начала следствия в 1826 г. в числе участников бывшего Союза благоденствия должны быть лица в генеральском чине, показал: «Были бы, но оные отрелись, например: Константин Маркович Полторацкий и прочие. *Полковник* Башмаков тоже в этом числе»⁷⁶. В дальнейшем, уже на допросе в петербургском Следственном комитете, он еще раз подтвердил участие полковника Башмакова в Союзе благоденствия, поместив его в одном списке с другими видными участниками этого Союза, такими как М.Ф. Орлов, И.А. Долгоруков, братья С.П. и И.П. Шиповы, П.И. Пестель, М.А. Фонвизин, Н.И. Тургенев, К.А. Охотников. Он заключил перечисление следующими словами: «Вот, сколько я могу припомнить, имена лиц, которые составляли общество»⁷⁷. Слова М. Муравьева-Апостола об «отречении» Башмакова, Полторацкого «и прочих» участников Союза, состоящих в высоких чинах, следует понимать как утверждение об их отходе от тайного общества, состоявшемся, как можно полагать, задолго до момента допроса.

Близость К.М. Полторацкого к декабристским кругам явственно следует из его служебных и родственных связей. Так, факт личного знакомства Полторацкого с М. Муравьевым-Апостолом не вызывает сомнений. Оно могло возникнуть еще перед 1812 г., когда Муравьев-Апостол поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк⁷⁸, в котором полковник Полторацкий служил к тому времени более 10 лет и был одним из заслуженных офицеров. Знакомство продолжилось на светских вечерах, в том числе в известном салоне и на загородных приемах у А.Н. и Е.М. Олениных, постоянным участником которых был брат хозяйки К.М. Полторацкий, а частыми гостями с юных лет — братья М.И. и С.И. Муравьевы-Апостолы, состоявшие с Полторацкими в отдаленном родстве. Тесное общение К.М. Полторацкого с Н.М. Муравьевым и другими родственниками из семейств Муравьевых фиксируется в переписке Н.М. Муравьева за 1817–1818 гг.⁷⁹

В 1817 г. Полторацкий вернулся в Россию из экспедиционного корпуса М.С. Воронцова, оставшегося во Франции, и находился в Москве как раз в момент образования Союза благоденствия. Не исключено, что к этому времени и относится вступление Полторацкого в Союз, к которому присоединились многие лица из родственного и дружеского круга Олениных, в том числе один из сыновей А.Н. Оленина Алексей Алексеевич. Именно в этот период пополнение рядов новой организации шло самыми большими темпами, ее руководители были заинтересованы во включении в состав Союза известных, авторитетных офицеров. Прием заслуженного генерала, выделяющегося своим возрастом среди участников Союза благоденствия, мог состояться в том случае, если его осуществили близкие знакомые или родственники Полторацкого. Думается, так и произошло на самом деле. Почти несомненно, что именно К.М. Полторацкий фигурирует в одном из фрагментов известной книги Н.И. Тургенева «Россия и русские» как «генерал П.»: «...вспоминаю, что, спросив однажды у самого Н[икиты] Муравьева, сколько членов примкнуло к обществу, получил ответ, что почти 200, но некоторые отошли от него, и среди прочих генерал П..., с которым я был знаком. Шутя он прибавил, что и сам он, и другие, получившие подпись генерала, иногда забавлялись, пугая его. Когда же тот захотел взять свою подпись назад, они ответили ему, что устав Союза запрещает это, одновременно дав ему понять, что общество по-прежнему преуспевает, расширяется и т. д.; генерал был вдвойне напуган»⁸⁰. Тот факт, что среди «получивших подпись» генерала оказался Н.М. Муравьев, бывший «своим» в доме Олениных—Полторацких, еще раз свидетельствует в пользу авторитетности показания хорошо осведомленного М. Муравьева-Апостола, также не раз посещавшего этот дом. Не он ли был в числе других знакомых Тургенева, получивших подпись «генерала П.»? Во всяком случае, предположение о том, что Полторацкий пришел в тайное общество через Н.М. Муравьева и его двоюродных братьев, видится нам достаточно правдоподобным, учитывая тесные связи Муравьевых с родственным кругом Олениных—Полторацких.

К этому нужно добавить, что хорошие приятельские отношения Полторацкого и М. Муравьева-Апостола возобновились спустя многие годы, выдержав испытание временем. Известно, что в 1860 г., уже после амнистии, будучи в Твери, М. Муравьев-Апостол именно от Полторацкого услышал рассказ о событиях 11 марта 1801 г., положен-

ный в основу очерка о заговоре против Павла I, записанного со слов Муравьева-Апостола. Об этом удостоверяла сопроводительная заметка к очерку, опубликованному в газете «Утро России» в 1911 г.⁸¹ Данное обстоятельство подчеркивает сохранившиеся особо доверительные отношения между ними. Из этого со всей очевидностью вытекает, что Муравьев-Апостол, называя на следствии именно К.М. Полторацкого, конечно, хорошо знал, о ком он показывает.

В отношении второй названной им фамилии следует отметить, что М. Муравьев-Апостол в данном случае не мог иметь в виду близкого к его брату С. Муравьеву-Апостолу заговорщика Ф.М. Башмакова: известно, что последний был в 1820 г. разжалован из полковников артиллерии в рядовые, без лишения дворянства⁸². Употребление по отношению к нему чина «полковник» в условиях следствия не вероятно. Об этом недвусмысленно свидетельствуют те показания М. Муравьева-Апостола, в которых упоминается Ф.М. Башмаков: они сопровождаются неперменным использованием слов: «разжалованный», «разжалованный из полковников»; те же формулировки встречаются в показаниях других лиц и документах следствия: «разжалованный Башмаков», «разжалованный из полковников артиллерии», «рядовой»⁸³. Кроме того, известно, что Ф.М. Башмаков узнал о существовании Южного общества, по всем имеющимся данным, не позднее осени 1825 г. в Лещинском лагере. Нет никаких данных о том, что он знал о Союзе благоденствия или был его членом⁸⁴. Поэтому в данном случае речь идет, безусловно, о другом Башмакове, имевшем чин полковника на момент начала следствия (1825–1826 гг.) и отошедшем от тайного общества задолго до 1826 г.

«Полковнику Башмакову», по биографическим реалиям, наиболее близок Дмитрий Евлампиевич Башмаков (1792–1835), офицер Кавалергардского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов: в 1813 г. он имел чин поручика, в 1818 г. — ротмистра (эскадронный командир), а с 1819 г. (после возникновения Союза благоденствия) — полковника. В апреле 1825 г. он, правда, вышел в отставку, но М. Муравьев-Апостол, находясь на Украине, мог об этом не знать. Д.Е. Башмаков, таким образом, был сослуживцем ряда видных деятелей тайных обществ, в т. ч. С.Г. Волконского и П.И. Пестеля, некоторых членов Союза благоденствия (например, довольно активного в привлечении новых членов С.Н. Бегичева). В 1826 г. Д.Е. Башмаков, будучи камергером, состоял при Новороссийском

генерал-губернаторе М.С. Воронцове в чине действительного статского советника⁸⁵. Следствие не обратило, по-видимому, никакого внимания на показания Муравьева-Апостола о Полторацком и Башмакове.

А.В. Семенова, подготовившая к печати следственные дела членов Союза благоденствия, не преданных Верховному уголовному суду, сообщает, что один из таких членов А.В. Капнист показал на следствии о принадлежности к тайному обществу нового лица — **Ивана Ивановича Логинова**: «...среди членов Измайловской управы он называет имя Логинова, ранее не встречавшееся в источниках и отсутствующее в „Алфавите“ декабристов»⁸⁶. Уточним, что речь идет об особом «Измайловском обществе», которое составляли в основном офицеры л.-гв. Измайловского полка. Это был дружеский офицерский кружок политического направления, который постепенно, под влиянием членов Союза благоденствия М.М. Нарышкина, Е.П. Оболенского и А.В. Семенова, эволюционировал в сторону конспиративного тайного общества⁸⁷. До сих пор было известно, что Нарышкин и Оболенский вошли в контакт с участниками этого кружка через самого А.В. Капниста и его брата С.В. Капниста. Но вновь опубликованные показания А.В. Капниста добавляют к этому новые сведения. Он показал, что в 1820–1821 гг., «...когда свидания наши начали иметь по даваемому Нарышкиным и князем Оболенским направлению некоторый вид тайного общества, то оставались уже не более семи членов измайловских офицеров, более между собой дружных, именно Летюхин, *Логинов*, Кутузов, Жуков, Немерович-Данченко, я и Миклашевский. Из коих в том же 1821 году Летюхин и Жуков вышли в отставку, Миклашевский и я были назначены адъютантами, Немерович-Данченко умер, остальные же два, Логинов и Кутузов, не знаю, были ли они преклонены войти в общество Союза благоденствия или тем кончили свои сношения»⁸⁸.

Итак, о принадлежности измайловского офицера И.И. Логинова⁸⁹ к тайному обществу в числе «не более семи» близких к нему полковых товарищей (из показания несомненно следует, что ранее в тайный кружок входило большее число офицеров) свидетельствовал А.В. Капнист, показания которого служат одним из главных источников данных о существовании «Измайловского общества» в 1820–1822 гг.

Это показание А. Капниста, без сомнения, вполне авторитетно. Будучи измайловским офицером, он играл руководящую роль в круж-

ке вольнодумцев-измайловцев, связывая его с Союзом благоденствия. Особое внимание при этом стоит уделить тому, что Капнист и перечисленные им офицеры находились между собой в особых, «более... дружных» отношениях. Конечно, взгляды этих офицеров не могли быть для него секретом, как и их связи с тайным обществом. Все перечисленные им офицеры Измайловского полка (кроме не упоминающегося более в следственных документах Логинова) по итогам следствия оказались участниками Союза благоденствия и в качестве таковых внесены в «Алфавит» Боровкова.

Капнист свидетельствовал также о последующем времени (1821–1822 гг.), когда Союз благоденствия был уже распущен (при этом кружок измайловцев, по всем указаниям, некоторое время еще продолжал свое существование). Ряд членов «Измайловского общества» (Миклашевский, Нарышкин, Оболенский) вступили в созданное после Московского съезда 1821 г. новое тайное общество⁹⁰. «Касательно же Кутузова и Логинова, то первый из них, не помню даже, был ли он с нами, ибо, кажется, он в это время был болен до самого времени выступления в поход и по сей причине оставался в Петербурге. О втором же я сказать ничего не могу, ибо *он был знаком прежде нас с Нарышкиным и князем Оболенским, и он же нас познакомил с ними*»⁹¹.

Как видим, Капнист раскрывает здесь еще более серьезную вовлеченность Логинова в тайное общество. По-видимому, он играл заметную роль среди членов кружка измайловцев, связывая его с Союзом благоденствия. Таким образом, ценное свидетельство заставляет предположить участие этого лица не только в «Измайловском обществе», но и в самом Союзе благоденствия. Основание для такого предположения заключается в том, что, по свидетельству Капниста, Логинов «был знаком» с Оболенским и Нарышкиным прежде него. Более того, оказывается, что именно Логинов познакомил если не лидера измайловского кружка, то многих его членов с представителями декабристского союза. Знакомство Логинова с Оболенским и Нарышкиным позволяет считать возможными дальнейшие конспиративные контакты этого гвардейского офицера с обоими лицами, вошедшими в состав вновь созданного в 1821 г. Северного общества.

Все эти обстоятельства, говорящие о фактическом участии Логинова в присоединении к Союзу благоденствия целого кружка офицеров-измайловцев, подкрепляют большое значение свидетельства Капниста. Личность Логинова требует дальнейшего изучения. Следствие

не сделало никаких запросов в связи с показанием Капниста о Логинове; это показание также прошло мимо внимания Боровкова.

В недавно опубликованном следственном деле Н.И. Кутузова имеется показание, в котором среди членов Союза благоденствия приводится фамилия умершего к 1825 г. **Порохова**⁹². Кутузов — литератор, публицист, офицер Измайловского полка, входивший в ближайшее окружение активного участника петербургского Союза благоденствия Ф.Н. Глинки. Он имел широкий круг контактов среди членов различных петербургских управ тайного общества в 1819–1821 гг. Кроме того, вместе с Глинкой Кутузов возглавлял связанную с Союзом самостоятельную организацию — общество Ф.Н. Глинки, входил и в состав «Измайловского общества»⁹³. Несомненна значительная осведомленность Кутузова о составе этих управ и обществ. Показания Кутузова на следствии скупы и лаконичны, поведение его на допросах отличалось осторожностью, отмечено сокрытием многих обстоятельств, известных по показаниям других подследственных⁹⁴. Тем большую ценность имеет безоговорочное свидетельство Кутузова о неизвестном ранее члене тайного общества Порохове. Очевидно, перед нами еще один из участников управ Союза благоденствия, причастность которого к декабристской конспирации не расследовалась на процессе⁹⁵.

В.И. Враницкий показал о принадлежности к Южному обществу Андрешевского и Панютина: «Мне известные члены тайного общества суть следующие: 3-го пехотного корпуса Муравьев-Апостол, Швейковский, Бестужев-Рюмин, Тизенгаузен, Артамон Муравьев, Пыхачев, Врангель, *Панютин*, Андрешевский, артиллерии офицер, который за адъютанта у генерала Богуславского (А.С. Пестов. — *П.И.*)... 2-й армии Пестель, князь Волконский, Юшневский, князь Барятинский, Лихарев и отставные Давыдов и Поджио»⁹⁶. Обе указанные фамилии ни в показаниях Враницкого, ни в показаниях других лиц больше не встречаются.

Полковник Враницкий — достаточно осведомленный участник тайного общества. Он вступил в него в ноябре-декабре 1824 г.; имел большой чин, являлся близким другом информированных членов Южного общества полковников И.С. Повало-Швейковского и В.К. Тизенгаузена, сам был хорошо знаком с руководителями Васильковской управы С.И. Муравьевым-Апостолом и М.П. Бестужевым-Рюминым⁹⁷. Все перечисленные им лица (кроме Ф.Е. Врангеля, сумевшего оправ-

даться) были признаны следствием участниками тайного общества. Поэтому показания хорошо осведомленного Враницкого могут быть признаны в целом достаточно авторитетными. Контекст, в котором упоминаются фамилии Панютина и Андрешевского, говорит об их принадлежности к членам Васильковской управы Южного общества, участникам собраний в Лещинском лагере осенью 1825 г., или к лицам, поступившим в состав этой управы позднее, вплоть до декабря 1825 г. Вместе с тем существуют сомнения, не позволяющие безоговорочно отнести названных Враницким «новых членов» к «неизвестным декабристам». Они основываются на том, что свидетельство Враницкого нельзя отнести к числу безукоризненно достоверных, прежде всего, вследствие плохого знания им русского языка. По происхождению чех, он вполне мог изменить написание фамилий лиц, которых он встречал один или несколько раз. На эту мысль наводит сам характер его русского письма, полного ошибок. Но с другой стороны, от его показаний нельзя просто отмахнуться. Отсутствие следственных разысканий об этих лицах, несмотря на выделение фамилии Панютина в приведенном показании, не позволяет в данном случае уверенно считать показания Враницкого всего лишь ошибкой и недоразумением. Сохраняется возможность идентификации этих лиц как членов тайного общества, на которых по неизвестным причинам не обратило внимания следствие.

В силу указанных причин можно предположить, что один из названных Враницким офицеров, Андрешевский, мог быть в действительности участником Общества соединенных славян, артиллерийским офицером Я.М. Андреевичем, который был хорошо известен среди членов Южного общества после Лещинского лагеря⁹⁸. Иначе обстоит дело с Панютиным.

В 1-й армии в 1825 г. служили два брата Панютина, Федор Сергеевич и Николай Сергеевич, причем оба в чине полковника. Отметим немаловажный факт, который говорит в пользу участия одного из Панютиных в тайном обществе: оба брата ранее служили в л.-гв. Семеновском полку. Известно, что С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин активно привлекали в тайное общество на юге немало своих бывших однополчан по Семеновскому полку, оказавшихся после 1820 г. в полках 1-й армии. С большинством бывших семеновцев лидеров заговора связывали давние дружеские отношения. Нельзя не учитывать также недовольства бывших гвардейцев своим переводом в

армию и нарушенным ходом военной карьеры. Известно, что в тайное общество вошли или узнали о его существовании бывшие семеновцы В.К. Тизенгаузен, А.И. Тютчев, А.Ф. Фурман, А.А. Рачинский, переведенные из подпрапорщиков Семеновского полка в армию А.Ф. Вадковский, Д.А. Молчанов, Лев Сенявин. Как можно уверенно считать, в том же положении находился командир Кременчугского пехотного полка П.А. Набоков⁹⁹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что один из братьев Панютиных (Николай) служил в Кременчугском пехотном полку, на который, по ряду указаний, заговорщики 1-й армии серьезно рассчитывали в случае начала открытых действий (возможно, при этом они имели в виду не только его командира полковника Набокова). Это соображение говорит в пользу участия в тайном обществе Н.С. Панютина. Федор Панютин в 1825 г. являлся полковым командиром Севского пехотного полка, также входившего в состав 1-й армии. Если Враницкий имел в виду именно его, то в таком случае среди полковых командиров и офицеров в крупных чинах, переведенных из Семеновского полка и принятых в Южное общество С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, мы определенно можем числить и Ф.С. Панютина.

Показание Враницкого само по себе не дает несомненного основания для вывода о членстве Андрешевского и Панютина в Южном обществе, но вместе с тем заставляет выдвинуть обоснованное предположение о принадлежности одного из братьев Панютиных к Васильковской управе. Его показание позволяет утверждать, что на следственном процессе не были обнаружены некоторые близкие к руководителям Васильковской управы офицеры (в том числе — в больших чинах), составившие их ближайшее окружение и постепенно вовлекаемые в орбиту влияния Южного общества. Именно на это окружение, образованное дружескими и давними служебными связями, рассчитывали заговорщики в случае начала восстания. Контакты с бывшими семеновцами не афишировались лидерами Васильковской управы на следствии, равно как и надежды на офицеров в крупных чинах, которые могли поддержать выступление Черниговского полка силами находящихся под их командой полков.

В случае с Панютиным коренным образом меняет ситуацию недавно обнаруженное авторитетное свидетельство одного из ведущих деятелей декабристских обществ С.П. Трубецкого. В рукописи записок

Трубецкого в числе прочих участников тайного общества, названных мемуаристом среди избежавших наказания, присутствует фамилия Панютина¹⁰⁰. Таким образом, мемуарное свидетельство одного из ведущих деятелей декабристской конспирации подтверждает в полной мере показание Враницкого. Как известно, с конца 1824 г. по осень 1825 г. Трубецкой находился в Киеве при штабе 4-го пехотного корпуса. Он вошел в постоянный и тесный контакт с руководителями Васильковской управы С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым; встречался и с другими членами этой управы. Таким образом, канал информации, ставший источником данных Трубецкого о членстве Панютина, выясняется вполне определенно. В рукописи, датированной 1849–1855 гг., сообщается о том, что состоявший некогда в тайном обществе Панютин командует дивизией. Этот факт говорит в пользу принадлежности к тайному обществу именно **Федора Сергеевича Панютина**, поскольку Николай Сергеевич с 1830-х гг. уже не находился на службе. Благодаря вновь найденной рукописи Трубецкого Федора Панютина следует считать точно установленным участником тайных обществ, избежавшим наказания и не отраженным в «Алфавите» Боровкова¹⁰¹.

В числе свидетельств данной группы лишь показание Н.В. Басаргина о членстве в Союзе благоденствия **Василия Христиановича Христиани** передает информацию со слов «третьего лица», отставного чиновника Бруннера (умер до 1822 г.), который принял Басаргина в Союз благоденствия в Москве¹⁰². Согласно показанию Басаргина, «при приглашении» в тайное общество Бруннер объявил ему, что некоторые из лиц, ему известных, «находятся в сем обществе, именно: квартирмейстерской части полковник [А.Н.] Муравьев, брат его Генерального штаба штабс-капитан [М.Н. Муравьев]¹⁰³ и [квартирмейстерской части] поручик *Христиани*»¹⁰⁴.

Бруннер, на которого ссылается Басаргин, был человеком, близким к кругу А.Н. Муравьева, к которому принадлежал и В.Х. Христиани как воспитанник Училища колонновожатых, возглавляемого отцом Муравьева, Н.Н. Муравьевым-старшим. Бруннер принял Басаргина в Союз благоденствия, он жил в одном доме с автором свидетельства и, очевидно, был хорошо знаком с ним¹⁰⁵. В силу всего сказанного сообщенная Басаргиным информация может быть признана вполне достоверной.

Христиани учился в Московском училище для колонновожатых,

где учился и Басаргин, а в 1818 г. подпоручик Христиани уже преподавал в этом училище; он был преподавателем на курсе Басаргина¹⁰⁶. Христиани принадлежал к довольно сплоченному кругу воспитанников заведения, основанного отцом видных деятелей московского Союза благоденствия А.Н. и М.Н. Муравьевых, выпускники которого были связаны «прочной нравственной связью», находились «в самых близких и дружеских между собою отношениях». Из стен училища вышли более 24 участников тайных обществ декабристов, в их числе братья Н.С. и П.С. Бобрищевы-Пушкины, А.О. Корнилович, П.А. Муханов, Н.А. Крюков и др.¹⁰⁷ Поэтому фраза из того же показания Басаргина, порожденная особыми обстоятельствами следствия, явно недостоверна: «не будучи с сими лицами ни в какой связи, я не ручаюсь за верность сего показания»¹⁰⁸. В 1818 г. А.Н. Муравьев в Москве принял в тайное общество несколько десятков человек, в том числе, не исключено, и Христиани. Свидетельство Басаргина о членстве Христиани следует рассматривать как весьма авторитетное.

При том что фамилия Христиани была отмечена чиновниками следствия в показаниях Басаргина, Следственный комитет не спросил последнего о названном им новом лице. Хотя Басаргин не раз ссылался на сведения о составе тайного общества, сообщенные ему Бруннером, в отношении Христиани не было произведено никаких запросов ни у Басаргина, ни у других подследственных, как это было в подобных случаях.

К свидетельствам осведомленных участников тайных обществ, содержащимся в следственных показаниях, примыкают данные, сообщенные в доносе члена Союза благоденствия М.К. Грибовского (1821 г.), входившего в его руководящий Коренной совет, а следовательно, человека безусловно осведомленного о персональном составе этого общества. Среди членов, присоединившихся к Союзу в 1819–1820 гг., Грибовский называет **Прижевского** и **Реада**: «...В Петербурге [в 1819 г.] приняли управление Тургенев, фон-дер-Бригген и Глинка... в Москве Муравьевы, в Тульчине Бурцов. Влиянием их и Фонвизина вступили в Общество: М. Орлов, Граббе, Реад, Юшневский, Прижевский и пр[очие]»¹⁰⁹.

Грибовский передает довольно точные данные о вступлении перечисленных лиц в тайное общество. Действительно, по имеющимся данным, в течение 1818–1819 гг. М.Ф. Орлов был принят А.Н. Муравьевым, П.Х. Граббе — М.А. Фонвизиним, а А.П. Юшневский —

И.Г. Бурцовым¹¹⁰. Автор донесения весьма точен и в отношении персонального состава: все перечисленные им лица были обнаружены на следствии (в том числе упомянутый в доносе П.В. Хавский). Следовательно, доверие к информации Грибовского существенно возрастет. К этому следует добавить, что поскольку автор доноса входил в состав управляющего органа Союза благоденствия, он, очевидно, контактировал с большим числом членов. Это был человек, очень близкий к лидерам общества, располагавший информацией о количественном росте общества и его составе. Он имел возможность черпать информацию из «первых рук», от осведомленных Ф.Н. Глинки, Н.И. Тургенева, И.Г. Бурцова, секретаря Союза С.М. Семенова, с которыми был хорошо знаком¹¹¹. Поэтому сведения Грибовского следует признать безусловно авторитетными.

Что касается Прижевского, то данное лицо достаточно сложно идентифицировать; конкретными данными о нем мы не располагаем. В отношении Реада наблюдается противоположная картина. В литературе известны два брата Николай и Евгений Андреевичи Реады, причем причастность к декабристским обществам зафиксирована у обоих. Так, публикуя записку Грибовского, Н.К. Шильдер полагал, что речь идет о Е.А. Реаде¹¹². В то же время в справке о Н.А. Реаде в «Русском биографическом словаре» утверждается: «По возвращении в Россию [из заграничных походов 1813–1814 гг. — *П.И.*] состоял членом одного из тайных обществ, сильно тогда распространенных по всей России. Однако, Реад, как человек всецело занятый своей службой, не принимал деятельного участия в собраниях общества и планах его членов, а потому избежал участи, постигшей его товарищей после 14 декабря 1825 года»¹¹³. Источник приведенных данных не известен; это могли быть и вполне достоверные сведения, сохранившиеся в виде семейного рассказа.

Братья Реады — примечательные персонажи поколения 1810-х гг. Известные своими дуэлями, имевшие множество друзей и товарищей в гвардейской среде, они отличались также служебным рвением. Судьба сохранила двоих из них на многочисленных прославивших их дуэлях (на одной из дуэлей в корпусе М.С. Воронцова погиб третий брат, Александр Реад), но жизнь обоих братьев закончилась одинаково: по странному совпадению оба погибли от неприятельского ядра: Е.А. Реад — в 1828 г. при осаде турецкой крепости Шумла¹¹⁴, а Н.А. Реад — в 1855 г., в столкновении у Черной речки при обороне Севастополя.

Офицер л.-гв. Гусарского полка Евгений Реад, адъютант начальника Главного штаба П.М. Волконского (среди адъютантов последнего — лидер декабристской конспирации С.П. Трубецкой и Я.Н. Толстой, связанный с множеством членов Союза благоденствия и Северного общества), вращавшийся в кругу офицеров Генерального штаба (подчиненных П.М. Волконского) и Штаба гвардии (в их числе Н.М. Муравьев), с одной стороны, несомненно ближе к декабристской среде; по обстоятельствам служебной деятельности можно предположить, что членом тайного общества был именно он. Но, с другой стороны, останавливает на себе внимание информация, приведенная автором статьи о Николае Реаде в «Русском биографическом словаре».

По служебному положению Реадов возможны их контакты со служившими в Генеральном штабе братьями А.Н. и М.Н. Муравьевыми — в Москве; с Н.М. Муравьевым, С.П. Трубецким, Ф.Н. Глинкой, И.Г. Бурцовым (до середины 1819 г.), Я.Н. Толстым — в Петербурге. Донос Грибовского отсылает к Ф.Н. Глинке и И.Г. Бурцову, как лицам, которые, вероятнее всего, содействовали вступлению в тайное общество Прижевского и Реада. Для оценки достоверности содержания данного свидетельства чрезвычайно важным представляется тот факт, что эти же лица (Бурцов и Глинка) были указаны выше в качестве наиболее вероятных источников информации Грибовского.

Текст доноса Грибовского оказался в распоряжении Следственного комитета, он был найден среди бумаг Александра I, сведения из него использовались при расследовании, однако сообщение о принадлежности к Союзу благоденствия Прижевского и Реада не вызвало интереса у следователей¹¹⁵.

2. Указания ретроспективных источников

Вторую группу «неизвестных декабристов» составляют лица, сведения об участии которых в тайных обществах содержат мемуарные источники. Это Бухновский, М.Д. Горчаков, Г.И. Ефимович, С.С. Ланской, Ф.П. Литке, А.М. Мейер, Н.Н. Муравьев, П.А. Набоков, В.А. Обручев, Пятин, Е.Н. Троцкий, С.И. Трусов. И в этой группе расположим свидетельства по степени их авторитетности.

Прежде всего, следует отметить собственное признание **Сергея Степановича Ланского** в принадлежности к Союзу благоденствия, переданное в воспоминаниях сенатора Я.А. Соловьева. Мемуарист,

ближайший помощник С.С. Ланского на посту министра внутренних дел в 1850-е — начале 1860-х гг., в период подготовки крестьянской реформы, когда Ланской был основным «двигателем» вопроса об освобождении крепостных крестьян в Главном комитете по крестьянскому делу. Воспоминания Я.А. Соловьева (датируются 1875 г.) свидетельствуют о его тесном сотрудничестве с Ланским и доверительных отношениях, сложившихся между ними.

Соловьев пишет: «[Ланской] в молодости... был массоном и членом „Союза благоденствия“, куда, как он мне сам рассказывал, ввел его Александр Николаевич Муравьев, но Сергей Степанович вышел из „Союза благоденствия“ и вывел оттуда Муравьева задолго до 14-го декабря 1825 года...»¹¹⁶. Благодаря своему кратковременному пребыванию в Союзе Ланской не был привлечен к следственному процессу и избежал наказания. Тем не менее, по словам Соловьева, несомненно, передающим мнение самого «уцелевшего» участника тайного общества, Ланской был обязан императрице Марии Федоровне тем, что не пострадал «вместе с декабристами». Николай I не раз говорил, что «либерала Ланского наставил на путь истинный». Однако едва ли это ему до конца удалось — Ланской был и остался, по выражению Соловьева, человеком, «преданным крестьянскому делу», чуждым «сословным предрассудкам»¹¹⁷. Информацию о принадлежности к декабристскому обществу открыл автору мемуаров сам Ланской.

В литературе факт осведомленности Ланского о существовании тайного общества и его кратковременного пребывания в нем не оспаривается, тем более что этому есть документальное подтверждение, однако в то же время ему не придается необходимого значения. Ю.И. Герасимова и С.В. Думин полагают, что «после создания Союза благоденствия Муравьев вовлек в него и Ланского. Муравьев настолько доверял своему другу, что разрешил ему скопировать устав организации, иметь который, как правило, могли только члены Коренного совета». Рукопись «Зеленой книги», часть которой написана рукой Ланского на бумаге с водяным знаком 1818 г., сохранилась в его архиве в составе собрания масонских рукописей. Возможно, как считают исследователи, «руководители Союза благоденствия хотели доверить Ланскому вербовку новых членов, которых при приеме было принято знакомить с уставом»¹¹⁸.

Общая приверженность масонским занятиям, глубокий интерес к религиозным вопросам сближали А.Н. Муравьева и С.С. Ланского,

занимавших многие годы видное положение в масонстве¹¹⁹. Ланской, входивший в число руководящих деятелей русского масонства, был тесно дружен с Муравьевым и способствовал достижению последним высших масонских степеней. То, что влияние Ланского на Муравьева было серьезным, не вызывает сомнений, последний не оставлял масонских занятий и после отхода от тайных обществ, его религиозно-мистическая увлеченность сохранялась и дальше. Но именно это обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу достаточно полной осведомленности Ланского во внутренних делах Союза благоденствия, что вряд ли было возможным без формального вступления в тайное общество. Иначе трудно представить, каким образом масон Ланской мог критиковать близкую по духу масонству программу практической деятельности тайного общества (просветительского характера) и пытаться вывести из состава организации Муравьева, если он не знал сокровенных целей тайного общества и планов политического переустройства.

Близость содержания устава Союза благоденствия («Зеленой книги») к масонской программе практической деятельности («распространение нравственности», просветительство, благотворительность) могла вызвать у одного из основателей Союза Муравьева потребность познакомить своего близкого товарища по масонской активности с уставом тайного общества и вовлечь друга в ряды участников. Таким образом, факт вступления, сообщенный самим Ланским, видится полностью достоверным.

Признание С.С. Ланского, которое следует отнести, вероятнее всего, к 1856–1858 гг., когда в начале царствования Александра II состоялась амнистия осужденных по делу 14 декабря, а участие в Союзе благоденствия, наряду с принадлежностью к масонским ложам, воспринималось ностальгически на фоне готовящегося освобождения крепостных крестьян, весьма характерно. Оно носит смягченный характер, поскольку указывает на недолгое пребывание Ланского в Союзе, «оправдывая» этот факт тем, что он вошел в тайное общество ради друга и затем убедил его выйти из организации.

Записки С.Г. Волконского содержат прямое указание на вступление в Союз благоденствия **Бухновского** и **Александра Мартыновича Мейера**. Они были приняты в Союз самим автором мемуаров в конце 1819 г.: «Я поехал в Одессу и там вступил на поприще пропаганды и принял в общество адъют[анта] Ланжерона Меера и путей сообщения

офицера Бухновского, двух пылких юношей, но с которыми впоследствии не встречался и, к утешению моему, не выказанных в числе осужденных по нашему делу»¹²⁰. Указание мемуариста, лично принявшего указанных офицеров в декабристский союз, наделено высокой степенью авторитетности.

Биографические данные Мейера установлены публикаторами записок Волконского Н.Ф. Караш и А.З. Тихантовской¹²¹. Фамилия Бухновского, по нашему мнению, — псевдоним, скрывший подлинное имя. На эту мысль наводит известное по ряду документальных указаний прозвище самого Волконского, распространенное среди его друзей и сослуживцев — «Бюхна» (см., например, письмо А.А. Закревского к П.Д. Киселеву: «Бюхну князь Петр (П.М. Волконский. — П.И.) хочет сделать шефом Кирасирского полка... Теперь Бюхна собирается ехать за границу»¹²²). Не использовал ли мемуарист свое, к моменту составления мемуаров уже забытое, прозвище для того, чтобы не афишировать принадлежность к тайному обществу, может быть, еще здравствующего лица, которое он, по каким-то причинам, скрыл за псевдонимом?¹²³ Отметим, что подследственные, и в первую очередь сам Волконский, не назвали обоих офицеров в ходе процесса.

Следующими по авторитетности являются указания осведомленных мемуаристов, лидеров тайного общества. Воспоминания С.П. Трубецкого, одного из руководящих членов Союза благоденствия и тайных обществ на всем протяжении их существования, содержат указания на членство в тайных обществах **Михаила Дмитриевича Горчакова, Федора Петровича Литке, Николая Николаевича Муравьева, Владимира Афанасьевича Обручева**¹²⁴. Человек, прекрасно знавший состав конспиративных обществ, державший в своих руках многочисленные нити контактов со многими их деятелями, привел в своих мемуарах самый обширный перечень спасшихся от расследования бывших членов декабристских союзов.

По нашему мнению, говоря о принадлежности этих лиц к тайному обществу, Трубецкой имел в виду Союз благоденствия. В пользу этого заключения говорят следующие соображения:

1) высокие чины всех четырех лиц на момент 1825 г.

Участием в Северном и Южном обществах каждого офицера, занимавшего высокое служебное положение, особенно интересовался Следственный комитет и, скорее всего, это участие не могло остаться незамеченным на следствии, было бы так или иначе вскрыто;

2) контекст упоминания.

Рядом с этими фамилиями в записках Трубецкого стоят имена членов Союза благоденствия, «спасшихся от ссылки» — И.Г. Бурцова, Петра И. Колошина, М.Н. Муравьева, И.А. Долгорукова, П.П. Лопухина и др.;

3) в отношении одного из указанных Трубецким «неизвестных» декабристов — Н.Н. Муравьева, брата А.Н. и М.Н. Муравьевых, исследователи давно высказывали предположение о его принадлежности к Союзу благоденствия.

Известно участие Н.Н. Муравьева в т. н. «преддекабристских организациях»: он входил в «Юношеское братство», был одним из основателей и казначеем Священной артели (до своего отъезда на Кавказ в 1816 г.), автором «Памятки» для участников артели. Его участие в этих кружках достаточно освещено; историки предполагали его осведомленность и о Союзе спасения¹²⁵. М.В. Нечкина отмечала: «Исследователь имеет все основания предположить, что, не будь... вынужденного отъезда на Кавказ, в „Союзе спасения“ одним членом было бы больше: так явственен в этот момент вольнодумный облик члена Священной артели Николая Муравьева»¹²⁶. Однако, поскольку конкретных сведений о его членстве в тайных обществах в распоряжении исследователей не было, приходилось относить Н.Н. Муравьева к ближайшему окружению декабристов. Прямое указание о членстве в декабристских обществах из записок Трубецкого историками не привлекалось¹²⁷.

О том, что указанные Трубецким персоналии входили в круг единомышленников участников тайного общества, имеются и другие конкретные свидетельства. О взглядах Н.Н. Муравьева, фактически ничем не отличавшихся от взглядов участников Союза спасения, подробно писала М.В. Нечкина. Заслуживает внимания еще одно обстоятельство: в своем труде «Обзрение проявлений политической жизни в России» М.А. Фонвизин сообщал, что М.Д. Горчаков был в восторге от «Рассуждения о непременных государственных законах» Д.И. Фонвизина (введения к конституционному проекту Н.И. Панина — Д.И. Фонвизина), хранившегося у М.А. Фонвизина и распространенного им в списках в 1810-е гг. Прочитав его и полагая, что автором является сам М.А. Фонвизин, Горчаков высказал ему свое одобрение содержащимся в «Рассуждении» идеям ограничения самодержавия¹²⁸. Из этого указания явствует, что Горчаков был достаточно хорошо знаком с Фонвизиным, тесно и доверительно общаясь с

ним, — настолько, что его могли ознакомить с документом, хранившимся в большой тайне и распространенным только среди единомышленников. «Восторг», выраженный Горчаковым, свидетельствует о том, что он принадлежал к числу единомышленников тех, кто думал о преобразовании самодержавной власти, с одобрением относился к проекту ограничения самодержавного правления. В контексте указания Трубецкого эти сведения укладываются во вполне определенную картину. Очевидно, перед нами еще один представитель старшего поколения участников декабристских обществ.

Особо отметим следующий факт: М.Д. Горчаков и В.А. Обручев в 1825 г. являлись начальниками корпусных штабов 1-й армии, соответственно 3-го корпуса и 2-го корпуса¹²⁹. В состав первого из них входил, как известно, Черниговский пехотный полк. Оба начальника штаба, следовательно, были в пределах досягаемости служившего дежурным офицером при штабе 4-го пехотного корпуса Трубецкого. Таким образом, оба генерала были достаточно хорошо известны мемуаристу. Однако их участие в тайном обществе, учитывая биографические данные, следует, как представляется, отнести к более раннему времени — к периоду Союза благоденствия. Причастность всех рассматриваемых лиц могла стать известной Трубецкому от одного из представителей семейства Муравьевых (например, Н.М. Муравьева) или того же М.А. Фонвизина.

Лишь в отношении одного лица из названных Трубецким членами тайного общества существует вероятность его участия в более позднем конспиративном объединении, Северном обществе. В своих «семейных записках» Ф.П. Литке сообщал некоторые собственные наблюдения об эпохе 1810-х — 1820-х гг., которые свидетельствуют о его близости к декабристской среде: «В то время было в моде бранить правительство; между молодыми людьми не было другого разговора. Это был некоторого рода шик, да, правду сказать, и поводов к тому было довольно»¹³⁰. Говоря о своих контактах с осужденными по делу декабристов, он замечал: «...я был знаком со многими из заговорщиков, а с Бестужевыми даже в тесной дружбе с самого детства». В разговоре с Николаем I, ходатайствуя за своего друга Ф.С. Лутковско-го, пострадавшего по делу 14 декабря, Литке (по словам биографа) «со свойственной ему откровенностью» сознался императору, «что в то время (в 1825 г.) все молодые люди занимались политикой, не исключая и его самого, и что при той или другой случайности и он мог бы

попасться, подобно Лутковскому; но что все это ребяческие давно забытые бредни»¹³¹. Однако если бы это откровенное признание о занятиях «политикой» прозвучало не на рубеже 1830-х и 1840-х гг., когда, судя по всему, известный мореплаватель ходатайствовал за своего друга перед императором¹³², а в 1825—1826 гг., биография Ф.П. Литке могла быть несколько другой. В любом случае следует отметить его близость к тем кругам, где «все молодые люди» критически смотрели на существующие порядки; именно эти круги служили питательной средой для тайных кружков и обществ политического направления. Фиксируемая связь Литке с братьями Бестужевыми заставляет выдвинуть предположение о том, что свидетельство Трубецкого о принадлежности известного мореплавателя к тайному союзу может относиться ко времени существования Северного общества.

Следующие мемуарные свидетельства — это указания хотя и не руководящих, но осведомленных участников тайного общества.

В записках В.Ф. Раевского содержатся данные о принадлежности к Союзу благоденствия отставного полковника **Пятина**¹³³. Фамилия Пятин помещена мемуаристом в перечень участников тайного общества в Тульчине, которые стали известны ему после собственного вступления в декабристский союз в феврале-марте 1819 г. В перечне указаны (перечисляем в соответствии с авторской последовательностью): Н.И. Комаров, М.А. Фонвизин, А.П. Юшневский, А.П. Бяратинский, И.Г. Бурцов, П.И. Пестель, П.В. Аврамов, В.П. Ивашев, Н.В. Басаргин, Пятин.

Отставной полковник гвардейского Генерального штаба Пятин — человек, хорошо знакомый Раевскому еще до его вступления в Союз. Его фамилия встречается в переписке Раевского с приятелем П.Г. Приклонским: «Второе мое знакомство — есть полковник Пятин, про которого ты, я думаю, от Гейдахена часто слыхал. Он в отставке и живет от нас в 8 верстах; нередко здесь бывает, человек с большими познаниями — я радуюсь судьбе, которая дает мне способ видеть людей, у которых я *заимствовать* могу» (письмо от 25 октября 1818 г. из г. Липовца Киевской губернии; в этом же письме упоминаются Кальм и Непенин)¹³⁴. Пятин был действительно знающим и очень образованным человеком, известным в качестве отличного по своим познаниям офицера квартирмейстерской части. В 1813 г. за «отличнейшие заслуги» он был переведен во вновь созданный гвардейский

Генеральный штаб¹³⁵, но к моменту знакомства с ним Раевского находился уже в отставке. Таким образом, Раевский был прекрасно осведомлен о Пятине и хорошо знал его образ мыслей. В силу этого свидетельство Раевского обладает высокой степенью достоверности. Об участии Пятина в Союзе Раевский мог узнать как от членов тайного общества в Тульчине, так и лично от Пятина.

Записки одного из руководителей Общества соединенных славян И.И. Горбачевского, в составлении которых принимали участие, возможно, другие члены этого общества, в том числе его лидер П.И. Борисов, сообщают о том, что офицеры Полтавского пехотного полка подпоручик **Емельян Николаевич Троцкий** и прапорщик **Степан Иванович Трусов** принадлежали к участникам Общества соединенных славян. По утверждению автора записок, оба офицера¹³⁶ были приняты в общество офицером этого же полка Я.А. Драгомановым «тотчас» после Лещинского лагеря, т. е. не ранее сентября 1825 г.; оба были «пылкими и решительными молодыми людьми», им было сообщено о намерениях тайного общества, обсуждавшихся в Лещинском лагере; они дали обещание действовать по «общему плану»¹³⁷.

Трусов и Троцкий, согласно изложению Горбачевского, хотели захватить Бобруйскую крепость, в которую заступала в караул часть полка, и присоединиться к восставшим черниговцам. При вступлении в развод они, якобы «полагаясь на содействие» полкового командира В.К. Тизенгаузена, выступили вперед и призвали солдат последовать примеру Черниговского полка, но солдаты, несмотря на некоторые колебания, не поддержали их, оба офицера были немедленно арестованы и посажены на гауптвахту, затем отвезены в Могилев в Главный штаб 1-й армии, вскоре отправлены в Петербург, однако впоследствии возвращены в Главную квартиру 1-й армии для предания суду¹³⁸.

Мемуарист ошибочно относит это событие к началу января 1826 г., к моменту выступления Черниговского пехотного полка; источник информации Горбачевского неизвестен. Имеется лишь глухое указание на неких лиц, служивших при штабе 1-й армии и имевших возможность прочесть донесение о происшествии в полку, составленное командиром полка (по утверждению Горбачевского — Тизенгаузенем)¹³⁹. В то же время нельзя исключить осведомленности об этом деле членов Общества соединенных славян, арестованных на юге в феврале-марте 1826 г., привлеченных к петербургскому следствию и затем оказавшихся в Сибири (таких лиц было немало: А.Ф. Фролов,

И.Ф. Шимков, И.И. Иванов, Н.О. Мозгалеvский, П.Д. Мозган, Н.Ф. Лисовский, П.Ф. Выговский, Ю.К. Люблинский, близкий к Горбачевскому А.И. Борисов)¹⁴⁰. На следствии по делу декабристских обществ никто не показал о Трусове и Троцком.

Документы военно-судной комиссии по этому делу обнаруживают иную, в сравнении с мемуарами Горбачевского, картину. Она кратко представлена в исследовании М.В. Нечкиной. Беспорядки в полку произошли в действительности в начале февраля 1826 г., после окончания смотра Полтавского полка в Бобруйске. Согласно рапорту командира полка подполковника Лазницкого, Тусов выступил перед фронтом и призвал: «Ребята! Бросайтесь в штыки, найдем вольность и независимость ни от кого, у нас государь не есть государь Николай Павлович, а тиран», а затем «в присутствии целого батальона» произнес выражения, оскорбляющие особу императора и всю царскую семью, которые командир полка даже затруднился передать в своем рапорте. Тусов по приказанию Лазницкого был немедленно арестован и отправлен на гауптвахту; на допросе он показал, что не был знаком с бывшим командиром полка Тизенгаузенем и арестованными офицерами полка, в том числе Бестужевым-Рюминым, на солдат не влиял, к тайному обществу не принадлежал, о существовании таковых обществ узнал от двоюродного брата Ивана Алексеева, который умер в 1825 г. Свой поступок объяснил «болезненным припадком». Выяснилось, что накануне происшествия Тусов был в госпитале у подпоручика Троцкого, который также был арестован и привлечен к делу в марте 1826 г. Троцкий на допросе также не сознался в принадлежности к тайному обществу, дерзко отвечая полковому командиру; оба были преданы военному суду¹⁴¹. Таким образом, в документах официального расследования сохранились следы интереса к связям двух офицеров с тайными обществами, однако эти материалы не содержат ясных указаний на причастность обвиняемых к декабристской конспирации.

Записки Горбачевского — источник, нуждающийся в особо критичном отношении, исследователям известны его тенденциозность, апологетическая позиция автора записок в отношении «Славянского общества». В данном случае она проявилась в том, что, по утверждению автора записок, «полтавских» заговорщиков арестовал их полковой командир В.К. Тизенгаузен, член Южного общества, в действительности арестованный в начале января 1826 г., т. е. ранее развернув-

шихся событий, связанных с Трусковым и Троцким. Автор записок, по-видимому, не знал хода происшествия в Полтавском полку и основывался на отрывочной информации и слухах¹⁴².

Вместе с тем в отношении именного состава участников «Славянского общества» записки Горбачевского достаточно точны и четко охватывают круг офицеров, который известен по следственным показаниям и документам расследования в 1-й армии. Это и понятно: они основаны на сведениях, полученных от большого круга членов этого общества, оказавшихся в Сибири.

В условиях начавшихся процессов против членов тайных обществ сокрытие Трусковым и Троцким своей к ним принадлежности, при отсутствии «свидетелей обвинения», направило самостоятельное расследование по их «делу» в русло обвинений в оскорблении императорской особы, исключило выявление реальных связей с декабристским обществом. По справедливому мнению М.В. Нечкиной, «случай» с Троцким и Трусковым нашел далеко не полное отражение в документах военного суда по этому делу¹⁴³.

В записках Горбачевского содержится указание на принадлежность к Южному обществу командира Кременчугского пехотного полка полковника **Петра Александровича Набокова**. Согласно запискам, его фамилия была названа «славянам» М.П. Бестужевым-Рюминым на первом объединительном совещании в Лещине у Я.М. Андреевича, одновременно с фамилиями других членов тайного общества, наряду с П.Д. Киселевым, Н.Н. Раевским (старшим), М.Ф. Орловым, С.Г. Волконским, С.П. Трубецким, П.И. Пестелем, А.П. Юшневским, В.Л. Давыдовым, В.К. Тизенгаузеном, А.Н. Фроловым, М.И. Пыхачевым, Артамоном и Александром З. Муравьевыми, М.А. Габбе и др.¹⁴⁴ Как видим, вместе со строго установленными следствием членами Южного общества Бестужев-Рюмин назвал, согласно Горбачевскому, тех, кто уже отстал от тайных обществ (М.Ф. Орлов) и даже не состоял в них, но был тесно связан служебными, родственными и дружескими связями с заговорщиками (П.Д. Киселев, Н.Н. Раевский). Очевидно, речь шла о тех, на кого заговорщики оказывали влияние или надеялись повлиять в решающий момент. Весьма симптоматичным представляется появление в этом ряду командира Кременчугского пехотного полка П.А. Набокова, «старого приятеля и однополчанина» братьев Муравьевых-Апостолов военной поры 1812–1814 гг., перешедшего из л.-гв. Семеновского полка в

армию еще в 1819 г. Это обстоятельство подтверждает заключение о том, что Набоков не растерял старых дружеских связей и поддерживал контакты со своими товарищами после их перевода в армейские полки, что крайне важно в контексте рассматриваемого вопроса¹⁴⁵.

Следствие располагало данными о том, что осенью 1825 г. Набоков бывал в Киеве на квартире у С.П. Трубецкого, еще одного своего давнего товарища по Семеновскому полку; вместе они участвовали в войне 1812 г. У Трубецкого он слышал речи С.И. Муравьева-Апостола о преимуществах конституционного правления. Об этом стало известно из показаний подполковника М.М. Гротенгельма¹⁴⁶.

Выяснилось также, что непосредственно перед началом мятежа Черниговского полка к Набокову в расположение Кременчугского полка заезжали С. и М. Муравьевы-Апостолы. Действительно, узнав в корпусной квартире в Житомире о событиях 14 декабря 1825 г., С. и М. Муравьевы-Апостолы 25–27 декабря совершили объезд расположения ряда частей, на которые имели надежду в случае поднятия восстания. Они посетили Троянов (место квартирования Александрийского гусарского полка во главе с Александром З. Муравьевым), Любар (штаб-квартиру Ахтырского гусарского полка во главе с Артамоном Муравьевым). Но первым пунктом их поездки был Брусиллов — место стоянки Кременчугского полка, которым командовал Набоков.

В распоряжении исследователя имеются очень важные и малоиспользуемые в научной литературе показания В.Н. Соловьева, данные в Комиссии военного суда при Главном штабе 1-й армии, согласно которым С. Муравьев-Апостол «под предлогом отпуска поехал в корпусную квартиру для того, чтобы известить всех сообщников о времени начала действий»; кроме своих родственников братьев Артамона и Александра Муравьевых, он собирался побывать в Брусиллове у Набокова¹⁴⁷. На следствии С. Муравьев-Апостол заявлял, что не застал Набокова на его квартире. Это же утверждал М. Муравьев-Апостол в своих воспоминаниях о восстании черниговцев, опубликованных в 1871 г.¹⁴⁸ Если это действительно было так (ниже говорится о свидетельствах, которые говорят о том, что эта встреча состоялась), то тем не менее сам факт надежд лидеров заговора на командира Кременчугского полка в контексте привлечения военной силы для военного выступления следует признать очень важным. И значение этого факта нельзя ослабить ссылкой на то, что одна из встреч инициаторов выступления с Набоковым не состоялась.

Известно, как нуждались руководители заговора в поддержке военной силы, как рассчитывали они на присоединение к Черниговскому полку других полков и частей. В этом свете упомянутое посещение братьями Муравьевыми-Апостолами своего давнего товарища, как и родственников — Муравьевых, представляется, конечно, не случайным. Суть переговоров поддается лишь общей интерпретации — на следствии об этом предпочитали умалчивать. Ясно одно: предложение Муравьевых-Апостолов начать или присоединиться к выступлению, подкрепленное полученной информацией о «бунте» 14 декабря и начавшихся арестах товарищей по тайному обществу, вероятнее всего, не нашло ожидаемого отклика со стороны полковых командиров — как Муравьевых, так и Набокова. Они, по-видимому, предпочли занять осторожную, выжидательную позицию, чтобы иметь возможность оценить дальнейшее развитие событий.

Набоков фигурирует также в мемуарном очерке Ф.Ф. Вадковского, собиравшего сведения о выступлении Черниговского полка от действующих лиц событий. Он, в частности, опирался на рассказы В.Н. Соловьева, А.А. Быстрицкого и А.Е. Мозалевского; из числа «южан» источником его рассказа могли служить Артамон З. Муравьев и И.С. Повало-Швейковский. Согласно изложению Вадковского, Набоков если не был членом тайного общества, то во всяком случае точно знал о его существовании, целях и готовящемся выступлении. Вадковский утверждает, что С. Муравьев-Апостол все-таки застал Набокова на его квартире и разговаривал с ним: «На пути через местечко Брусилов Сергей Муравьев заехал к полковнику Набокову... разговор их, или, лучше сказать, ответ Набокова неизвестен»¹⁴⁹.

В примечаниях к очерку Вадковского авторитетный свидетель этой предполагаемой встречи, участник событий М. Муравьев-Апостол написал: «Полковник Набоков (П.А.) служил прежде в Семеновском полку и был очень знаком с Сергеем Муравьевым, можно было рассчитывать, что в решительную минуту *Набоков не откажется вместе с своим полком содействовать в деле, не совсем ему чуждом*». В этом своем свидетельстве, как видим, сопровождавший брата М. Муравьев-Апостол никоим образом не отрицает сам факт встречи, произошедшей накануне восстания черниговцев. Конкретные отношения Набокова к тайному обществу Муравьев-Апостол передает следующим образом: «Не бывши членом Тайного общества, *он знал о существовании и цели этого Общества*»¹⁵⁰.

Как видим, осторожные намеки М. Муравьева-Апостола и отрицание формальной принадлежности Набокова к тайному обществу не заслоняют того факта, что последний был очень хорошо осведомлен о существовании и целях декабристского союза. Более того, реальные связи заговорщиков и полкового командира Кременчугского полка были такого рода, что на Набокова можно было рассчитывать «в решительную минуту». Не менее важным свидетельством является указание на то, что «дело» тайного общества Набокову было «не совсем чуждо». Очевидно, он имел об этом «деле» довольно точное и полное представление, как и о планах выступления. Из этого следует еще один вывод: контакты с Набоковым не ограничивались одним посещением лидеров восстания накануне событий. Вообще, сам по себе факт надежд на участие в мятеже офицера в столь высоком чине, на присоединение его полка к восстанию, свидетельствует о том, что контакты Муравьевых-Апостолов и Набокова отличались длительностью и носили конспиративный характер. Все это достаточно четко укладывается в понятие «прием в конспиративную организацию»: столь серьезная степень осведомленности о «делах» тайного союза подразумевала и формальное участие в нем.

На этом попытки инициаторов мятежа привлечь полковых командиров некоторых соседних полков не закончились. Согласно рассказу Ф.Ф. Вадковского, в день начала восстания 29 декабря у Набокова в Брусилове и у Повало-Швейковского в Радомысле, где располагался Алексопольский пехотный полк, которым он командовал до недавнего времени, а в эти дни сдавал полковые дела, побывал Бестужев-Рюмин. В первый день мятежа он совершил поездку, по данным Вадковского, «чтобы возмутить полки Кременчугский и Алексопольский...», однако «безуспешно виделся с полковником Набоковым»¹⁵¹. Согласно запискам Горбачевского, Бестужев-Рюмин в этот день достоверно побывал только у Повало-Швейковского, однако, по сведениям мемуариста, «вероятно, он был и у других полковых командиров». Мемуарист отмечает: «Положительно неизвестно, где он был, но, вероятно, сколько можно догадываться по обстоятельствам, он ездил в ближайшие полки и приглашал к действию *командиров оных*»¹⁵². Указание на связи лидеров заговорщиков именно с полковыми командирами свидетельствует о характере организационных связей, лежавших в основе плана действий заговорщиков, который в целом оказался скрыт на следствии — т. е. его опоре на командиров неко-

торых соседних полков. Указание это нельзя не признать весьма замечательным при изучении конкретного вопроса об участии в тайном обществе Набокова. В ходе расследования, да и во время восстания, сам Бестужев-Рюмин (равно как и Муравьев-Апостол) либо замалчивал цель этой поездки, либо сообщал о том, что в результате он ни с кем не встретился¹⁵³. Представляется, что целью поездки могло быть посещение полковых командиров и других офицеров — членов тайного общества, для того чтобы получить ответ на вопрос: можно ли рассчитывать на их поддержку.

В связи с этим следует признать очень примечательным следующий факт. В тот же день, 29 декабря, сначала в Радомысле у Повало-Швейковского, а затем в Любаре у А.З. Муравьева, появляется участник «Общества соединенных славян» Я.М. Андреевич. Он привез с собой записку от рядового Черниговского полка Ф.М. Башмакова, в которой говорилось об аресте бумаг С. Муравьева-Апостола и начале решительных действий. «Приглашая действовать», Андреевич, согласно показаниям А.З. Муравьева, устно передал ему важную информацию: «Кременчугский полк и артиллерия готовы»¹⁵⁴. Таким образом, полк, командуемый Набоковым, не только входил в сферу влияния заговорщиков, но и служил своеобразным средством агитации, как одна из «надежных», находившихся в руках членов тайного общества военных частей, готовых участвовать в выступлении.

В отношении Набокова и Повало-Швейковского Вадковский замечает: «бывшие пылками на словах, члены общества отказались вывести полки»¹⁵⁵. Причина «пылкости» Повало-Швейковского, проявленной им осенью 1825 г., на следствии была выяснена: когда 31 августа 1825 г. его лишили командования Алексопольским пехотным полком и перевели в Саратовский полк, оскорбленный этим, он хотел открыть «действия»¹⁵⁶. О «пылкости» Набокова нам ничего не известно. Но сообщение Вадковского подводит к мысли о том, что братья Муравьевы-Апостолы первоначально могли положиться на слова своего старого товарища, а полковой командир Кременчугского полка, очевидно, выражал готовность участвовать в восстании. Однако затем он, как и другие достоверно известные участники декабристского общества (А.З. Муравьев, И.С. Повало-Швейковский), отступил от ранее высказанных обещаний. По мнению авторитетного исследователя вопроса Ю.Г. Оксмана, «свидание» между Набоковым и Муравьевым-Апостолом «...хотя и состоялось, но не привело к положительным результатам»¹⁵⁷.

Таким образом, не приходится сомневаться в том, что Набоков знал о целях тайного общества, так же как и о существовании декабристского союза; на него надеялись при начале мятежа; наконец, Вадковский называет его «членом общества». В данном случае не так уж важно, что лежало в основе расчетов на участие Набокова и возглавляемого им полка в открытом выступлении: в силу ли давней дружбы с С. Муравьевым-Апостолом или же вследствие того, что Набоков был близок заговорщикам по своим политическим убеждениям, но ясно одно: дело этого общества ему не было «чуждым», он был причастен к его деятельности.

Подводя итог рассмотренным свидетельствам, следует констатировать: без сомнения, С. Муравьев-Апостол возлагал надежды на Набокова, рассчитывая на поддержку старого товарища. Он же, видимо, посвятил его в тайну существования и намерения тайного общества и формально принял Набокова в тайное общество. На следствии Муравьев-Апостол приложил все усилия, чтобы скрыть свои отношения с полковым командиром Кременчугского полка.

При этом важно отметить еще одно важное обстоятельство: именно в Брусилове Муравьев-Апостол находил удобным объединение восставших полков (в первую очередь Кременчугского и Алексопольского), сюда же должны были подойти стоявшие в некотором отдалении полки 3-й гусарской дивизии — Ахтырский и Александрийский; Брусиллов фигурировал в показаниях как «сборный пункт». 31 декабря, после сбора Черниговского полка в Василькове, восставшие двинулись в сторону Житомира, по дороге, которая вела на Радомысль и Брусиллов, но, не дойдя до них, остановились в Малой Мотовиловке, где и находились до 2 января. Очевидно, это был осколок первоначального плана движения к месту общего сбора восставших.

Как показал участник событий А.Е. Мозалевский, С. Муравьев-Апостол, убеждая присоединиться к мятежу, говорил ему: «...пойдем с нами в Брусиллов», где «собраны будут Алексопольский, Кременчугский пехотные полки, Ахтырский и Александрийский гусарские полки», после чего все полки двинутся на корпусную квартиру (Житомир). Отправляя Мозалевского в Киев с письмом к А.Н. Крупеникову, Муравьев-Апостол, согласно показаниям самого Мозалевского, велел сказать адресату письма, чтобы тот шел «с батальоном» «на сборное место» именно в Брусиллов, где найдет Черниговский полк, к которому

уже «пристанут» Кременчугский полк Набокова и гусарские полки Артамона и Александра Муравьевых¹⁵⁸.

В передаче же записок Горбачевского (вероятнее всего, сведения получены от самого Мозалевского) Муравьев-Апостол сказал Мозалевскому: «...Когда же кончите ваши дела в Киеве, то приезжайте в Брусилов и дожидайтесь меня там у командира Кременчугского полка полковника Набокова...». Здесь Набоков предстает как действительный участник тайного общества и надежный товарищ по заговору. В примечании мемуариста к этому месту записок Горбачевского сказано: «Не выходя еще из Василькова, С. Муравьев хотел идти через Фастов и Брусилов; взявши там Кременчугский полк, следовать в Радомысль, соединиться там с Алексопольским полком и оттуда идти на Житомир»¹⁵⁹. Место расположения Кременчугского полка Брусилов еще раз фигурирует в записках Горбачевского как один из опорных пунктов мятежа, в котором находились части, подготовленные к выступлению: «Киев, Брусилов, Белая Церковь, Павлочь, потом Житомир, — вот места, куда он (Муравьев-Апостол. — П.И.) должен был броситься и увлечь за собою находившиеся там полки, в коих или командиры или офицеры, будучи членами тайного общества, верно бы соединились с ним...»¹⁶⁰.

Следствие не установило в Кременчугском полку ни одного офицера, достоверно являвшегося несомненным членом тайного общества. Принимая во внимание это и другие подобные указания, исследователь вправе задаться вопросом: почему же заговорщики были столь уверены в содействии Кременчугского полка? На кого мог так уверенно рассчитывать Муравьев-Апостол в этом полку, если не на его командира, своего старого товарища и сослуживца Набокова?

Показания Соловьева и Мозалевского — активных, но все же рядовых участников мятежа, как представляется, менее отягощены целенаправленной системой умолчания и оправданий, свойственной многим показаниям лидеров выступления С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, и поэтому заслуживают доверия в большей степени¹⁶¹.

Выбор Брусилова в качестве «сборного пункта» восставших представляется далеко не случайным. Опиралось ли это решение на удобное расположение штаба Кременчугского полка, или за ним стояла уверенность в содействии Набокова «делу» тайного общества, — с точностью определить трудно. Совершенно очевидно, что полк, воз-

главляемый Набоковым, был одним из первых, на присоединение которых рассчитывал Муравьев-Апостол. Эти надежды лидер мятежа питал и после начала восстания. Данные об уверенных расчетах заговорщиков на Кременчугский полк были обобщены Ю.Г. Оксманом при публикации им бумаг Набокова¹⁶². На следствии руководители заговора стремились умолчать о своих контактах с полковыми командирами, равно как и о степени их вовлеченности в дела тайного общества. Но и следствие, особенно на юге, по-видимому, не старалось вскрыть эти обстоятельства. Иначе в следственных документах появились бы более определенные данные о Набокове, проводились специальные разыскания, допросы и т. д.

О позиции руководства 1-й армии в отношении Набокова в некоторой степени свидетельствует реляция командира 3-го пехотного корпуса Л.О. Рота от 19 января 1826 г.: «...долгое командование Алексопольским полком полковником Швейковским и несколько мягкий нрав полковника Набокова заставляли меня опасаться, чтоб сближение сих войск с мятежниками не имело бы каких-либо дурных последствий»¹⁶³. Так объяснял Рот свой приказ от 31 декабря 1825 г. — отвести подозрительные полки подальше от района восстания черниговцев и поближе к корпусной квартире в Житомире¹⁶⁴. Приказ этот был выполнен: утром 2 января Кременчугский полк отправился по предписанному маршруту. Если в случае Повало-Швейковского, уже арестованного к 19 января, достаточно было указать на факт долговременного командования Алексопольским полком, то в случае Набокова Рот в качестве причины «опасений» начальства решил привести только «несколько мягкий нрав» полковника. Так же объяснил Рот причины этого решения в своем более раннем рапорте командующему 1-й армией Ф.В. Остен-Сакену от 8 января 1826 г.: «...при начатии мятежа... я счел нужным удалить от мест, занимаемых бунтовщиками, вторую бригаду 9-й дивизии... по уважению долговременного командования Алексопольским полком полковника Швейковского, который был уже открыт членом тайного общества, и соседства с сим полком Кременчугского, коего командир хотя весьма благонамерен, но не имеет большой твердости»¹⁶⁵. Здесь опять-таки говорится лишь о соседстве кременчугцев с полками, находящимися под командой заговорщиков, и все о том же «мягком нраве» Набокова, но ни слова о подозрениях в причастности его к тайному обществу.

О подозрениях начальства в отношении командиров ряда именно

пехотных (а не гусарских) полков говорит в своих записках Горбачевский («генерал Рот, подозревая, что офицеры 3-го корпуса должны быть в связях с Сергеем Муравьевым, не послал против него ни одного пехотного полка вверенной ему дивизии...»). Косвенным свидетельством усиленного внимания начальства к подозрительному Кременчугскому полку служит рассказ о ходе присяги в нем в рапорте Рота от 8 января 1826 г., — очевидно, этому было уделено особое внимание¹⁶⁶.

Можно уверенно утверждать, что военное начальство было осведомлено о тесных контактах, существовавших между Муравьевым-Апостолом и Набоковым. Об этом свидетельствует сам факт «опасений» Рота. Несомненным подтверждением служит и рапорт командира Черниговского полка Г.И. Гебеля, препровожденный к командующему 1-й армией Ф.В. Остен-Сакену 26 января 1826 г. (известный под заглавием «Описание происшествия, случившегося с командиром Черниговского пехотного полка»). В этом документе говорится о том, что, получив приказание об аресте С. Муравьева-Апостола, Гебель отправился в корпусную квартиру в Житомир через Брусиллов, так как «полагал застать» Муравьева «у полковника Набокова». Очевидно, он прекрасно знал о постоянных встречах Муравьева-Апостола и Набокова. 25 декабря Гебель из Житомира вновь отправился к Набокову, и только потом проследовал дальше по маршруту инициаторов мятежа в Троянов и Любар¹⁶⁷.

Почему же военное руководство не стало подвергать расследованию подозреваемую причастность Набокова к заговорщикам, фактически проигнорировало поступившую первичную информацию о контактах заговорщиков с полковым командиром, ограничившись лишь констатацией ненадежности подчиненного ему полка и того, что полковник «не имеет большой твердости»? Почему, несмотря на осведомленность о постоянных тесных контактах руководителя мятежа с Набоковым, оно не арестовало и не привлекло к расследованию командира Кременчугского полка? Известно, что руководство 1-й армии предпринимало особые меры, чтобы обнаружить офицеров, на содействие которых рассчитывали восставшие. Более того, по заданию Константина Павловича его специальный агент генерал-лейтенант Ф.Г. Гогель выяснял, «не состоит ли кто из командного состава 1-й армии в родстве или связи с мятежниками»¹⁶⁸. Но в условиях начавшегося следствия руководство 1-й армии не стало направлять его внимание в сторону Набокова и даже, возможно, сделало шаги в

противоположном направлении. Одной из причин, которые повлияли на нежелание руководства армии обнаружить причастность к заговору целого ряда штаб-офицеров, думается, служили их большие чины. «Открыть» присутствие в заговоре немало числа полковых командиров вряд ли соответствовало интересам военного начальства армии, — ведь тогда размер и значение заговора в подчиненных ему войсках приобретало весьма солидные масштабы. Это же, видимо, со своей стороны имели в виду и подследственные. Очевидно, С. Муравьев-Апостол скрыл на следствии подлинные обстоятельства своей поездки в Брусилов, Любар и Троянов. Обнаруженные следователями расчеты лидера мятежа на содействие гусарских полков братьев Муравьевых он объяснил тем, что говорил об этом подчиненным ему черниговцам «для ободрения солдат»¹⁶⁹. В силу этого становится понятным, по каким причинам многие лица остались в тени расследования.

В случае с Набоковым ситуация дополняется следующим обстоятельством: старший брат Петра Набокова, генерал-майор Иван Александрович Набоков, занимал должность командира 3-й пехотной дивизии. Влияние, которым он пользовался в 1-й армии, было достаточно серьезным; не случайно вскоре после событий он был назначен председателем военно-судной комиссии при Главном штабе армии в Могилеве. Разумеется, такое положение брата и его влияние в армии сказались на позиции военного руководства и вылились в фактическое исключение П.А. Набокова из сферы расследования, несмотря на имевшиеся серьезные подозрения в его отношении.

Давняя дружеская близость Петра Набокова с С. и М. Муравьевы-Апостолами и С.П. Трубецким обеспечила большую доверительность отношений между ними; она же делает понятным их стремление утаить на следствии участие полкового командира в самой опасной сфере заговора — в обсуждении плана и условий конкретной поддержки мятежа.

Нужно отметить, что историки еще слишком мало знают о тех силах, на которые рассчитывал Муравьев-Апостол, начиная выступление черниговцев, и почти ничего не знают о круге лиц, которые были связаны с заговором, но по тем или иным причинам ускользнули от следствия. Как справедливо отмечал Ю.Г. Оксман, «дело возмущения представлялось вождям восстания делом соответствующих командиров»¹⁷⁰. К числу таких командиров, охваченных заговором, кроме осуж-

денных Повало-Швейковского и Артамона З. Муравьева, безусловно относятся полковники П.А. Набоков, Ф.С. (или Н.С.) Панютин и, по видимому, Александр З. Муравьев. Очевидно, от следователей, а значит во многом и от историков, укрылись достаточно оживленные конспиративные связи лидеров Васильковской управы с полковыми командирами 1-й армии, которые не только были в курсе дел тайного общества, но и, скорее всего, формально состояли в его рядах¹⁷¹.

Анализируя указания источников, следует отметить, что традиционные оценки, которые даются в отношении степени участия Набокова в делах тайного общества (дружеская связь с лидерами заговора), констатируя очевидное, скользят по поверхности. Многие исследователи придерживались мнения, что Набоков — это человек, «несомненно, близкий им (декабристам. — П.И.) по взглядам, хотя формально и не связанный с тайным обществом»¹⁷². Мнение об отсутствии «формальных связей» Набокова с тайным обществом, иначе говоря — отрицание его членства, утвердилось в литературе. Выше показано, что это мнение может быть оспорено: исследователь располагает свидетельствами в пользу того, что Набоков формально состоял в тайном обществе. Думается, все проанализированные указания первоисточников позволяют сделать обоснованное заключение о принадлежности Набокова к числу членов Васильковской управы Южного общества и его участия в планах заговора, разрабатываемых лидерами управы С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым.

Это заключение становится окончательно установленным фактом благодаря недавно обнаруженному авторитетному свидетельству одного из ведущих деятелей декабристских обществ С.П. Трубецкого. В уже упоминавшейся рукописи неизвестных ранее записок Трубецкого среди участников тайного общества, названных мемуаристом в числе избежавших наказания, присутствует и Набоков¹⁷³. Это свидетельство в полной мере подтверждает правильность результатов того исследовательского анализа, который был проделан выше. Трудно подвергнуть сомнению осведомленность мемуариста в данном вопросе. Находясь на посту дежурного офицера при штабе 4-го пехотного корпуса в Киеве с конца 1824 г. по осень 1825 г., Трубецкой был в постоянном контакте с руководителями Васильковской управы С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым; встречался он и с другими членами этой управы¹⁷⁴. Выше приводилось прямое свидетельство о посещении квартиры Трубецкого в Киеве самим Набоковым. Будучи

давним товарищем руководителей Васильковской управы, так и самого Трубецкого, Набоков, конечно, входил в круг общения мемуариста. Следовательно, информация об участии Набокова в тайном обществе поступила к Трубецкому из первых рук. Канал информации, ставший источником данных Трубецкого о членстве Набокова, обладает высокой степенью достоверности.

Таким образом, факт членства Набокова, сообщаемый Трубецким, подтверждает указания из мемуарного очерка Вадковского и записок Горбачевского, которые также прямо открывают формальную принадлежность полковника к декабристской конспирации. Свидетельство Трубецкого придает определенную окраску всем рассмотренным выше косвенным указаниям и половинчатым признаниям (в частности, М. Муравьева-Апостола), которые отличаются явной противоречивостью и недомолвками при характеристике причастности Набокова к тайному обществу. Благодаря вновь найденной рукописи Трубецкого Набокова следует причислить к категории участников декабристских союзов, избежавших привлечения к следствию и не отраженных в «Алфавите» Боровкова.

Участие Набокова в планах тайного общества требует дальнейшего исследования. Учитывая давние связи Набокова и Муравьевых-Апостолов, а также возлагаемые на полковника устойчивые надежды накануне восстания Черниговского полка, следует сделать предположительный вывод о формальном участии Набокова в тайном обществе на раннем этапе его истории, в Союзе благоденствия, — ведь на протяжении 1818–1819 гг. он служил в том же Семеновском полку, в котором сформировалась управа тайного общества под началом его друга С. Муравьева-Апостола.

В воспоминаниях В. С. Толстого, впервые опубликованных в 1955 г. С. В. Житомирской, между прочим, говорится: «...я был взят жандармским офицером Чеглоковым, прибывшим с двумя жандармами из Главной квартиры 1-й армии, расположен[ной] в Могилеве, в которой состоял наш корпус, по предписанию главнокомандующего графа Сакена моему полковому командиру Григорию Ивановичу Яфимовичу, страшно перепугавшемуся, как прежде принадлежавшему обществу Зеленой Книги, как вообще называли общество „Союз спасения“, переименованный в „Союз благоденствия“»¹⁷⁵.

Владимир Толстой был переведен в Московский пехотный полк в мае 1824 г. подпрапорщиком, ему было тогда 18 лет. В том же году,

летом, он был принят А.П. Барятинским в Южное общество, став членом его московского филиала¹⁷⁶. Сомнительно, чтобы **Григорий Иванович Ефимович** (или Яфимович) в обстановке начавшихся арестов был настолько откровенен с прапорщиком своего полка, что мог рассказать ему об этом сокровенном факте своей биографии. Сомнительно также, чтобы юный прапорщик мог общаться с полковым командиром по столь острому и небезопасному вопросу, как участие в политических тайных обществах. Но в то же время ситуация, им описанная, достаточно характерна для обстановки начала арестов по делу декабристов, когда еще не был ясен масштаб репрессий, когда еще не было известно, что именно ставилось в вину арестованным. В этих условиях опасения участников ранних тайных обществ были более чем обоснованными.

Каковы источники сведений, сообщенных В.С. Толстым, какова степень их достоверности? Здесь приходится внести коррективы в данные, сообщенные публикатором записок С.В. Житомирской, которая полагала, что Толстой привел фразу Ефимовича с чужих слов, ибо в декабре 1825 г. находился в Москве, где после 20 декабря был арестован; вследствие этого, как считала исследовательница, Толстой не мог быть свидетелем описанного им эпизода в полку¹⁷⁷. Однако, согласно полковой истории, в декабре 1825 г. весь полк находился в Москве, занимая Спасские казармы, держал городские караулы и только 2 января 1826 г. отправился в полном составе в Бронницы¹⁷⁸.

Но дело не только в этом: согласно некоторым указаниям, Толстой был арестован в имении своего отца (затем, по-видимому, его доставили в Москву)¹⁷⁹. Между тем, из воспоминаний Толстого вовсе не следует, что полковой командир Ефимович непосредственно присутствовал при его аресте. В них говорится лишь о том, что Ефимович получил предписание об аресте Толстого из Главной квартиры 1-й армии, а «испуг» его Толстой мог увидеть при своей очной с ним встрече, уже после ареста. Думается, что впечатление наблюдательного молодого офицера об испуге полкового командира позднее наложило на полученную от старших товарищей по заключению информацию о принадлежности Ефимовича к тайному обществу, и в таком виде закрепилось в его памяти.

Данные о принадлежности Ефимовича к Союзу благоденствия мемуарист получил, несомненно, во время заключения: в период следствия, либо в Чите, где информаторами Толстого могли стать (и

это вероятнее всего) состоявшие в петербургских управах Союза благоденствия в 1818—1820 гг. А.Ф. Бриген, Н.М. Муравьев, М.М. Нарышкин, а также М.А. Фонвизин и находившийся в Сибири на жительстве А.Н. Муравьев, с которым встречался Толстой. Все они были хорошо осведомлены о личном составе управ Союза. Позднее, уже на Кавказе, сведения о принадлежности Ефимовича к Союзу благоденствия могли сообщить тот же М.М. Нарышкин (кстати, сослуживец Толстого по Навагинскому пехотному полку), В.Д. Вольховский, другие переведенные на Кавказ члены Союза благоденствия.

Свидетельство В.С. Толстого доносит до нас имя еще одного семеновского офицера, члена Союза благоденствия, уцелевшего от репрессий. Его участие в Союзе следует отнести к 1818—1820 гг., времени активного роста числа участников столичных управ тайного общества; в эти годы Ефимович служит в рядах Семеновского полка¹⁸⁰. По-видимому, перед нами еще один участник управы Союза благоденствия в Семеновском полку, которую возглавлял С. Муравьев-Апостол¹⁸¹. Указанный факт еще раз показывает, что далеко не все члены тайных обществ были названы декабристами на следствии. Отметим характерное обстоятельство — подавляющее большинство указаний о членстве относится к Союзу благоденствия. Действительно, самый многочисленный декабристский союз, к тому же интересовавший следствие меньше, чем поздние организации декабристского ряда, дает наибольшие количественные результаты среди декабристов, оставшихся на процессе неизвестными.

Неизвестные участники военных выступлений декабристов

Как уже отмечалось, участие в открытом мятеже влекло за собой предъявление обвинения, поэтому едва ли не все лица, составившие данный разряд, стали предметом усиленного внимания следственных органов. В то же время участие в заговоре и мятеже 1825 г. далеко не всех лиц было расследовано или учтено в документах основного следственного процесса, некоторые же вовсе избежали привлечения к ответственности. Причастность последних фиксируется в документах ретроспективного характера. В силу этого проведенное нами разделение этого разряда «неизвестных декабристов» на две группы в

зависимости от типа источников, в которых содержится необходимая информация, обретает конкретно-историческое содержание.

1. Указания источников, синхронных эпохе

К первой группе, выявленной в ходе следственных процессов 1825–1826 гг., но не отраженной в «Алфавите» Боровкова, нужно отнести А.А. Баранцева, Д. Грохольского, Лашкевича, А.П. Литке, И.К. Ракузу, И. Цявловского.

Начало выступления 14 декабря 1825 г. в Петербурге связано с событиями в казармах л.-гв. Московского полка, когда ротные командиры М.А. Бестужев и Д.А. Щепин-Ростовский вместе с прибывшим в полк А.А. Бестужевым обходили роты, агитируя солдат отказаться от новой присяги. Они призывали слушаться их, а не полковое начальство, которое, по их уверениям, скрывало истинное положение дел. Рядом с заговорщиками находились два ротных командира, В.Ф. Волков и А.А. Брое, согласившиеся накануне остаться верными Константину Павловичу. Они подтверждали слова братьев Бестужевых и Щепина-Ростовского и сами высказывались в том же духе. Все указанные лица занесены в «Алфавит» Боровкова, однако в нем отсутствует еще один офицер, принимавший участие в агитации. Это был прикомандированный к л.-гв. Московскому полку штабс-капитан Карабинерного полка **Лашкевич**. Об участии его в «бунте» впервые стало известно из «Истории л.-гв. Московского полка» Н.С. Пестрикова, вышедшей в свет в 1904 г. Автор книги широко использовал дела полковой следственной комиссии, расследовавшей события в полку 14 декабря 1825 г.

Помещенные в полковой истории материалы специального расследования в л.-гв. Московском полку содержат данные о том, что Лашкевич «совершенно случайно» оказался в момент восстания на полковом дворе и «зашел» в 3-ю фузелерную роту, где явился свидетелем разговора Щепина-Ростовского с солдатами¹⁸². На эту публикацию опирался Г.С. Габаев, который включил Лашкевича в число лиц, замешанных в событиях 14 декабря¹⁸³. Выписку из документов, опубликованных Пестриковым, поместили в приложение к «Алфавиту» Б.Л. Модзалевский и А.А. Сиверс¹⁸⁴.

В следственных делах М.А. Бестужева и Д.А. Щепина-Ростовского также появляется фамилия Лашкевича. Так, в «Записке о... действиях

лейб-гвардии Московского полка штабс-капитана князя Щепина-Ростовского...», составленной по материалам полкового следствия, говорится, что прикомандированный к полку Лашкевич присоединился к агитировавшим против присяги в казармах полка заговорщикам А.А. и М.А. Бестужевым, Д.А. Щепину-Ростовскому, В.Ф. Волкову и А.А. Броеке, когда они пошли в 3-ю фузелерную роту. В аналогичной записке, посвященной М. Бестужеву, утверждается, что Лашкевич ходил вместе с заговорщиками и в 5-ю фузелерную роту¹⁸⁵. Участие Лашкевича в выходе москвичей на Сенатскую площадь, однако, не отражено в делах офицеров этого полка, вошедших в заговор и привлеченных Северным обществом для сопротивления присяге (А.А. Бекетов, А.С. Кушелев, М.Ф. Кудашев и др.)¹⁸⁶.

В январе 1826 г. Лашкевич был арестован и привлечен к следствию в Московском полку. Полковое расследование, основываясь на его собственных показаниях, пришло к выводу, что он «по любопытству пошел за бунтовавшими офицерами»¹⁸⁷. По решению военно-судной комиссии он был освобожден и возвращен тем же чином в свой полк. Дальнейшая судьба Лашкевича связана со службой на Кавказе, из чего следует сделать вывод о переводе его в полки Кавказского корпуса (вероятнее всего, тем же чином). На Кавказе он был известен как офицер, причастный к событиям 14 декабря. По воспоминаниям В. Андреева, в 1829 г. Лашкевич вместе с Петром А. Бестужевым и В.Я. Зубовым редактировал рукописную газету «Ахалцихский Меркурий»¹⁸⁸. Согласно данным генеалога малороссийского дворянства В.Л. Модзалевского, известен служивший на Кавказе в 1820–1830-е гг. Семен Николаевич Лашкевич, в 1839 г. — полковник, окружной начальник в Грузии¹⁸⁹.

Участие лейтенантов Гвардейского экипажа **Александра Анисимовича Баранцева** и **Александра Петровича Литке** в выступлении 14 декабря не отразилось ни в персональных делах фонда Следственного комитета (специальных дел на них не было заведено), ни в «журнале» Комитета. Известно, что на площадь вышла подавляющая часть гвардейских моряков и значительная часть офицеров, здесь были и ротные командиры (за малым исключением) и почти все младшие офицеры. Некоторые из них были связаны с тайным обществом, другие — с особым кружком офицеров-вольнодумцев в Гвардейском экипаже, остальные, по имеющимся данным следствия, были увлечены планом сопротивления новой присяге. Среди последних находились боль-

шинство тех, кто, простояв некоторое время на площади, вскоре покинули ряды экипажа, вернувшись в казармы. В их числе были и лейтенанты А.П. Литке и А.А. Баранцев. О том, что Баранцев находился на Сенатской площади в рядах экипажа, показал М.К. Кюхельбекер: «...князь Оболенский подошел ко мне и спросил у меня: „Старший ли вы?“», почему, не видя никого из офицеров при батальоне старше себя, ибо лейтенантов Мусина-Пушкина и Баранцева в то время я уже при батальоне на площади не видел, то посему и сказал, что я остался старший...»¹⁹⁰. Следовательно, Баранцев находился при батальоне экипажа достаточно длительное время, едва ли не до того момента, когда Оболенский принял начальство ввиду отсутствия С.П. Трубецкого, т. е. за полчаса до разгрома восставших.

Присутствие А.П. Литке в составе восставшего Гвардейского экипажа обнаруживается также благодаря мемуарам его старшего брата Ф.П. Литке, который вспоминал: «...когда Бестужевы увлекли экипаж на площадь, все обер-офицеры последовали за знаменем, а командиры и все штаб-офицеры оставались в казармах. Им это было поставлено в заслугу. Увидя, пришед на площадь, что тут не ладно, брат под некоторым предлогом ушел за фронт и далее к матери своей, где его и заперли...». Ф.П. Литке далее сообщает: «Брата арестовали, как и других, но не посадили в крепость, а вместе с Баранцевым и [Д.Н.] Лермонтовым 2-м — в Семеновский госпиталь, потому что командиры поручились за их непричастность к шайке»¹⁹¹.

Всех офицеров Гвардейского экипажа, участвовавших в выступлении, арестовали в казармах. Тех, кто играл более активную роль в событиях, отправили на гауптвахты Зимнего дворца и Главного штаба, а затем в крепость. Менее замешанных, покинувших ряды восставших прежде разгрома каре, также арестовали и поместили на гауптвахтах, частью на гауптвахтах при полковых казармах. Так, арестованные вечером 14 декабря А.П. Литке, А.А. Баранцев, В.А. Шпейер, П.Ф. Миллер и Д.Н. Лермантов оказались на гауптвахте л.-гв. Семеновского полка. Об этом свидетельствует историк этого полка П.Н. Дирин, который основывался на документах полкового архива¹⁹². Данный факт несомненно доказывает участие перечисленных офицеров в выступлении. В дальнейшем В.А. Шпейер и П.Ф. Миллер оказались в Петропавловской крепости, Д.Н. Лермантов «по болезни» содержался при госпитале Семеновского полка, а А.А. Баранцев и А.П. Литке 16 декабря были освобождены. Однако им предстояло еще пройти

через полковое следствие, которое возглавлял капитан-лейтенант М.Н. Лермантов.

Примеры А.А. Баранцева и А.П. Литке говорят о том, что традиционные представления о составе офицеров, находившихся 14 декабря в восставшем каре, нуждаются в корректировке. Действительно, в нем, помимо активных участников восстания, приведших на площадь мятежные части, находились также офицеры, которые мало или вовсе неизвестны в качестве участников тайных обществ или заговора декабристов. Возможно, они были увлечены агитацией в пользу «законности прав» императора Константина, вовлечены в события в последний момент или отправились вслед за находившимися в их подчинении солдатами. Но не менее вероятно и другое. Исследователь не вправе исключать причастности некоторых из них к декабристскому заговору и осведомленности о его целях.

Документы военно-судной комиссии в Белой Церкви, судившей нижних чинов, свидетельствуют о том, что среди участников восстания Черниговского пехотного полка находился портупей-юнкер **Иван Цявловский**, который был предан военному суду за участие в выступлении полка, по конфирмации лишен дворянского достоинства и разжалован в рядовые «до выслуги»¹⁹³. Будучи юнкером, дворянин Цявловский участвовал в походе мятежного Черниговского полка и на этом основании должен считаться участником декабристского выступления. Сведения о Цявловском впервые введены в научный оборот Ю.Г. Оксманом, опубликовавшим материалы военного суда в Белой Церкви¹⁹⁴.

Разжалованные из офицеров и лишённые дворянского достоинства еще до событий 1825 г. рядовые Черниговского пехотного полка **Дмитрий Грохольский** и **Игнатий Кузьмич Ракуза** хорошо известны как участники выступления Черниговского полка. Однако, как правило, их не относят к числу декабристов на основании принадлежности обоих к рядовым. Мы считаем, что можно выдвинуть ряд возражений против такого подхода. Прежде всего, оба разжалованных офицера по своему происхождению дворяне, следовательно их участие в событиях отмечено значительно большей долей «сознательности» в сравнении с другими нижними чинами. Но есть более существенные соображения, которые, на наш взгляд, позволяют уверенно отнести их к декабристам.

1) Оба разжалованных были осведомлены о существовании тайно-

го общества. Члены декабристского союза не скрывали от них своих планов, касающихся военных выступлений. На них надеялись в связи с планируемым выступлением, учитывая стремление разжалованных вернуть себе утерянные из-за дисциплинарных проступков офицерское звание и дворянское достоинство.

Так, И.К. Ракуза узнал о тайном обществе и планах военного мятежа еще в Лещинском лагере (август-сентябрь 1825 г.). В это время он жил вместе, «в одном балагане», с А.Ф. Фурманом, А.Д. Кузьминым и А.Е. Мозалевским¹⁹⁵. В дальнейшем он получил представление о планах заговорщиков, направленных против правительства и государя, и о цели, к которой стремилось тайное общество: введении конституции и отмене крепостной зависимости, а также о намерении начать «возмущение», отложенном до смерти Александра I (по собственным показаниям, слышал об этом в декабре 1825 г.) и, наконец, о заговоре против корпусного командира Л.О. Рота. Он знал также и о том, что членам общества поручалось привлекать на свою сторону солдат, был извещен о принадлежности к «многочисленному» обществу ряда офицеров Черниговского полка, тесно общался с А.Д. Кузьминым, А.Ф. Фурманом, А.И. Шахиревым, А.Е. Мозалевским¹⁹⁶.

Д. Грохольский располагал еще большими контактами. Он постоянно был связан не только с офицерами Черниговского полка (А.Д. Кузьминым, В.Н. Петиним, М.А. Щепило, В.Н. Соловьевым, И.И. Сухиновым, А.И. Шахиревым, А.Ф. Фурманом, разжалованным Ф.М. Башмаковым), но знал также В.К. Тизенгаузена, А.Ф. Вадковского, И.И. Горбачевского и А.К. Берстеля. Грохольского хорошо знали С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин: когда в 1821 г. после «Семеновской истории» их перевели в Полтавский пехотный полк, как раз шло следствие по делу офицера этого полка Грохольского. Оба руководителя Васильковской управы, вместе с другими членами тайного общества, в особенности Кузьминым и Сухиновым, не раз уговаривали Грохольского следовать намерениям тайного общества, и он дал на это свое согласие¹⁹⁷. Грохольский знал о существовании тайного общества, целью которого являлось установление временного правления, конституции и законов, ограничивающих крепостное право¹⁹⁸. Такой объем информации сообщался человеку, формально принятому в тайное общество.

Итак, Грохольский и Ракуза были «посвящены в тайну заговора — и горели желанием участвовать „в общем деле“»¹⁹⁹. Кем они были

извещены о существовании тайного общества или приняты в него, — с точностью на следствии не было установлено. Грохольский — по всей видимости, кем-то из младших офицеров-черниговцев; Ракуза — А.Д. Кузьминым или А.Ф. Фурманом, которые были особенно тесно с ним связаны.

2) Во время выступления Черниговского полка оба разжалованных, как известно, самовольно (но с разрешения руководителей мятежа) вернули себе офицерскую одежду и вели себя достаточно активно²⁰⁰. Оба фактически являлись офицерами, действуя именно в этом качестве в рядах восставших, выполняя ответственные поручения Муравьева-Апостола. Так, Грохольский после ухода восставших черниговцев остался в Василькове, он должен был оповещать желавших примкнуть к выступлению о маршруте движения восставших. Поручение он исполнил: когда в город пришла рота под командованием А.А. Быстрицкого, Грохольский объявил ему «именем Муравьева», чтобы тот следовал за восставшими ротами. Более того, Грохольский в ходе возмущения пусть и короткое время, но сам командовал ротой; он был в карауле «за офицера», освобождал арестантов с гауптвахты Василькова, посылался с поручениями Муравьева-Апостола: в Василькове «приезжал» вместе с солдатами за В.О. Сизиневским, по некоторым данным, участвовал в «забрании» полковых знамен и казенного полкового ящика, а также присутствовал на обеде вместе с «полноценными» офицерами восставшего полка в Ковалевке. Кроме того, он отказался от поручения Муравьева-Апостола возглавить 2-ю гренадерскую роту. От имени всех офицеров-заговорщиков он «просил» А.Е. Мозалевского отправиться в Киев. Грохольский знал о письме, которое было вручено Муравьевым-Апостолом Мозалевскому для передачи А.Н. Крупеникову.

Ракуза был послан руководителями мятежа в село Ксаверовку²⁰¹. Оба разжалованных оставались в рядах восставших до самого конца мятежа и были арестованы при его подавлении. Активное участие разжалованных офицеров в событиях выступления Черниговского полка, так же как и осведомленность обоих в делах заговора, отражены и в записках Горбачевского.

По всем этим причинам и Грохольский, и Ракуза, несомненно, являлись активными и сознательными участниками «бунта», играя роль офицеров. Правительство, предав обоих военному суду вместе с солдатами в Белой Церкви, принимало во внимание их статус нижних чинов, исходило из факта потери ими дворянского достоинства.

В ходе расследования на юге Грохольский вплоть до начала апреля 1826 г. отрицал свою принадлежность к обществу, настаивая на том, что действовал, подчиняясь приказаниям С. Муравьева-Апостола и других офицеров. Но затем Грохольский дал развернутые показания, признал свое участие в заговоре, собственное знание о существовании и цели тайного общества «еще прежде возмущения». Ракуза дал подробные показания почти сразу; он тоже признал осведомленность о существовании заговора и намерениях его участников. Оба разжалованных наименовали лиц, составлявших тайное общество, в том числе сообщили конкретные данные о персональном составе, которые, наряду с недоказанными следствием фактами, содержали достаточно определенный набор имен членов тайных обществ, свидетельствующий о вовлеченности обоих разжалованных офицеров во внутреннюю жизнь этих обществ.

Ракуза назвал участниками тайного общества М.П. Бестужева-Рюмина, А.Д. Кузьмина, А.Ф. Фурмана, В.Н. Соловьева, И.И. Сухинова, М.А. Щепилло, И.С. Повало-Швейковского, А.И. Тютчева, П.Ф. Громнитского, Н.Ф. Лисовского, А.В. Усовского, Н.О. Мозгалевского (А.Е. Мозалевского?). В отношении других лиц, названных Ракузой членами общества, принадлежность к декабристскому союзу не была доказана следствием. Это офицеры Тамбовского пехотного полка, названные Ракузой «по связям их» с А.Д. Кузьминым (Розен, А. и Н. Рихарды, Унгерн-Штернберг, Тшилинский²⁰²), а также черниговец Г.И. Ядрилло, офицер Полтавского пехотного полка И.Г. Демьянович, отставные офицеры этого же полка П.А. Устимович и Ф.Ф. Ковальский, офицер Кременчугского пехотного полка Н.Л. Федоров (Ракуза либо видел их неоднократно у Кузьмина, либо был «наслышан» об их принадлежности к тайному обществу). Все они по показаниям Ракузы были арестованы и допрашивались при Главной квартире 1-й армии, а затем освобождались.

Грохольский назвал еще более многочисленную группу лиц, среди которых П.Я. Ренненкампф, А.Н. Крупеников, офицеры 17-го егерского полка А.Ф. Вадковский, Д.А. Молчанов, Жегалов, Панченко, Щербинский, Лекень, Шефлер, 18-го егерского полка А.Н. Креницын, Полтавского пехотного полка Д.И. Цявловский, Лейченко и Хитрово, артиллерийские офицеры Андреевский, А.В. Капнист (?), бывший полковник 18-го егерского полка Остен, бывшие офицеры Черниговского пехотного полка Кильхен, Алendarенко, Семчевский

и Полтавского пехотного полка — Устимович и Бессонов. Из их числа по другим источникам известно о причастности к тайному обществу А.Ф. Вадковского, Д.А. Молчанова, П.Я. Ренненкамфа, А.Н. Крупеникова, А.В. Капниста, Д.И. Цявловского²⁰³. Грохольский основывался на собственных наблюдениях о тесных дружеских отношениях или постоянных контактах указанных лиц с участниками заговора, в отношении некоторых из них он слышал прямые удостоверения об их членстве в обществе от известных ему участников тайного обществ (Соловьев, Шахирев), в том числе в присутствии свидетелей (так было в случае Шефлера и Д.И. Цявловского).

Помимо сказанного, Грохольский сообщил о письме С. Муравьева-Апостола к Бестужеву-Рюмину, отправленном в Киев еще 25 декабря 1825 г., которое было связано с попыткой привлечь к заговору офицеров, служивших в Киеве, в частности П.Я. Ренненкампа; таким образом, Грохольский был посвящен в достаточно закрытый слой информации, отрицаемой С. Муравьевым-Апостолом на следствии²⁰⁴.

Итак, показания Грохольского и Ракузы обнаруживают их серьезную информированность о внутренних делах заговора, осведомленность о существовании тайного общества и его целях. Приговор, вынесенный обоим, содержал следующее определение вины: «...еще прежде возмущения были известны о тайном обществе злоумышленников и о злодейской их цели, о коих не только не объявили начальству, но по возможности оказывали к тому содействие...»²⁰⁵. Все это заставляет нас говорить о фактической принадлежности Грохольского и Ракузы к декабристам, — как лиц, знавших о тайном обществе, и если не вступивших в общество формально (что может быть поставлено под вопрос ввиду их принадлежности к нижним чинам), то хорошо осведомленных о его целях, как активных участников выступления Черниговского полка.

2. Указания ретроспективных источников

Вторую группу «неизвестных» участников декабристских выступлений, отнесение к которым базируется на указаниях мемуарных источников, составили А.Ф. Багговут, А.П. Пущин, А.В. Чевкин.

Как известно, во время выступления на Сенатской площади некоторые из заговорщиков находились в рядах правительственных войск

и вследствие этого оказались участниками событий на стороне Николая I. Были и такие, кто остался в казармах (например, капитан лейб-гвардии Коннопионерного эскадрона М.И. Пущин) или находился в толпе зрителей на площади (корнет лейб-гвардии Конного полка А.Е. Ринкевич), кто не примкнул ни к одной из противоборствующих сторон, предпочитая вообще не участвовать в событиях. Следовательно, историку необходимо особенно внимательно отнестись к свидетельствам о причастности к выступлению «посторонних» лиц, не связанных напрямую с центром декабристского заговора, к свидетельствам о попытках противиться присяге Николаю I, о выраженных сомнениях в ее законности, проявленных в этот день офицерами, не принявшими участия в самом выступлении 14 декабря. Ярким примером лиц этого ряда служат А.Ф. Багговут и А.В. Чевкин.

Участие 19-летнего прапорщика л.-гв. Московского полка **Александра Федоровича Багговута** в событиях 14 декабря на стороне декабристов зафиксировано в его воспоминаниях. Следовательно, в данном случае речь идет о своеобразном собственном признании. Согласно воспоминаниям, Багговут, назначенный возглавить караул от 2-й гренадерской роты л.-гв. Московского полка, находившийся в казармах л.-гв. Семеновского полка, получил подробные инструкции от дежурного по караулам Михаила Бестужева. Среди прочего последний сказал: «...великий князь Николай Павлович замышляет против законного монарха (Константина. — *П.И.*)... в случае каких-либо переворотов [следует] оставаться верным своему знамени, царю и отечеству». «Вы, Багговут, молодой юноша; покажите себя достойным быть гвардейским офицером», — заключил этот образчик агитации заговорщиков член Северного общества²⁰⁶.

По словам мемуариста, «наставления» Бестужева произвели немалое впечатление на юного прапорщика, тем более что ранее Бестужев и другие офицеры Московского полка передавали «с подробностями» «интриги» Николая Павловича против Константина. Приказание никому не присягать получил он и от полковника А.Д. Неелова, по видимому, также попавшего в сферу влияния заговорщиков. Несмотря на присягу Семеновского полка, принесенную на глазах возглавляемого им караула, Багговут отверг предложение полкового командира семеновцев генерал-майора С.П. Шипова. Сам Багговут, а вслед за ним его караул, отказался присягнуть, несмотря на неоднократные требования, сделанные священником, а затем плац-майором полков-

ником А.А. Болдыревым. Лишь записка от полковника Неелова изменила положение, и Багговут с караулом вернулся в свои казармы, где принес присягу, после чего был отправлен на Сенатскую площадь для присоединения к сводной части Московского полка под командованием великого князя Михаила Павловича.

Следует отметить ту настойчивость, с которой Багговут упорно отвергал требования начальства: «все... старания, даже угрозы принять присягу были тщетны»²⁰⁷. Поведение караула Багговута особенно контрастирует на фоне прошедшей без осложнений присяги другого караула Московского полка, от 4-й фузелерной роты, находившегося в казармах л.-гв. Измайловского полка. Согласно данным полковой истории, этот караул присягнул вместе с указанным полком в его казармах, затем был вторично приведен к присяге уже в своих собственных казармах и, наконец, также отправился на Сенатскую площадь²⁰⁸.

Итак, караул, возглавляемый Багговутом, отказался присягать Николаю I, тем самым поставив себя в положение, сходное с положением частей, выведенных декабристами на Сенатскую площадь. Действительно, несмотря на неоднократные приказания военного начальства, угрозы и увещания, отказываясь принести присягу, караул Багговута, как и вышедшие на Сенатскую площадь войска, сохранял верность первой присяге Константину. В этом отношении его можно считать еще одним подразделением, на протяжении многих часов не входившим в лагерь верных Николаю I войск. Таким образом, картина дня 14 декабря пополняется новым малоизвестным обстоятельством: помимо мятежных войск, отказавшихся присягать и вышедших на Сенатскую площадь, был еще и отдельный караул восставшего Московского полка, который также сопротивлялся присяге.

Для Багговута-мемуариста характерны оговорки человека, замешанного в событиях не на правительственной стороне, много знавшего о намерениях и поступках офицеров-заговорщиков, намеки и недосказанности: «Что было, то прошло; описывать подробно происшествия этого дня не берусь, хотя как очевидец и отчасти участник — много видел и слышал»²⁰⁹. Это объясняется последующей карьерой Багговута, крупного военного деятеля следующих царствований. Вместе с тем любопытно, что в записках он не скрыл принципиальный момент — свой отказ от присяги в день 14 декабря. Согласно воле автора, эти воспоминания появились в печати лишь после его смерти.

Но дело не только в позиции караула, возглавляемого молодым офицером. При знакомстве с воспоминаниями Багговута может создаться впечатление, что он лишь случайно был увлечен М.А. Бестужевым, поддавшись на его легитимистский обман. Однако при обращении к другим мемуарным источникам выясняется, что поведение Багговута не было случайным экспромтом неопытного юноши, что последний был хорошо информирован о заговоре. Весной 1825 г. 19-летний прапорщик Александр Багговут (племянник известного военачальника 1812 г. К.Ф. Багговута) после окончания 1-го кадетского корпуса по личному выбору великого князя Михаила Павловича попадает в л.-гв. Московский полк. Шеф полка великий князь Михаил Павлович сам привозит его в казармы и поручает опеке штабс-капитана М. Бестужева. Близость Бестужева к Багговуту объясняется, в том числе и тем, что после окончания кадетского корпуса шеф полка Михаил Павлович сдал ему на руки юного офицера.

Рассказы самого М. Бестужева, наскоро записанные М.И. Семейским, дополняют картину живописными деталями. Накануне 14 декабря Бестужев получил согласие Багговута быть на стороне тех, кто защищает присягу Константину Павловичу. В рассказах М. Бестужева имеются весьма интересные сведения по этому поводу: «Багговут прапорщик... 14 декабря рвался со мной. Я знал, что нас возьмут... „Останься, не участвуй, я сказал, чтобы ты не шел, нам нужны солдаты!“ Подозвал фельдфебеля — „Прапорщик, вашу шпагу!“ — домашним арестом арестовал его. Будь он с нами, погиб бы...»²¹⁰. Понятно желание Бестужева спасти опекаемого им Багговута от ареста и даже, судя по его рассказу, реальные действия в этом направлении — фактический арест. Но, с другой стороны, сам же Бестужев и вовлек Багговута в заговор: прапорщик несомненно был среди тех, кого, по словам Бестужева, он «в три дня обработал», хотя они в тайном обществе не состояли²¹¹. Это были офицеры Московского полка, вовлеченные им в декабристский заговор.

Итак, по словам Бестужева, 14 декабря Багговут «рвался» с ним на площадь, стремясь принять участие в выступлении; что же касается цели этого выступления, то определенными сведениями о том, что было открыто Багговуту, историки не располагают.

Багговута не привлекли к следствию, которое вел главный Следственный комитет. Возможно, ситуация, возникшая с его караулом, была объяснена военным начальством нарушением обычного хода дел

в день присяги, слабой координацией действий начальства во время мятежа, наконец, неопытностью молодого офицера, недавно вышедшего из кадетского корпуса. Полковая следственная комиссия также не обратила особенного внимания на его действия. В условиях царившей 14 декабря неразберихи поведение караула, тем более присягнувшего спустя некоторое время под наблюдением Михаила Павловича, по-видимому, не вызвало больших подозрений. Так или иначе, данных о следственных разысканиях в отношении Багговута нет.

Вместе с тем в воспоминаниях Багговута есть указание на вероятное привлечение его к полковому следствию: «На другой день... полки вошли в казармы, строгость была как в военное время. Допросы, запросы, очные ставки между офицерами, которые дежурили поротно не выходя из казарм; были разные экзекуции...»²¹². Багговут избежал наказания, но тем самым и внимания историков.

Личность Александра Багговута, какой она предстает из мемуарных свидетельств, весьма характерна для декабристского поколения. Его младший брат К.Ф. Багговут вспоминал: «Мой брат... был из тех офицеров, которые, ставя высоко понятие об офицерской чести, в то же время являются крайне обходительными, любезными и хорошими по отношению к своим товарищам»; одновременно он был «обидчив по отношению к начальству»²¹³. Иными словами, для него было характерно уважительное отношение к тем, кто стоял ниже его по служебной иерархии, и обостренное представление о правах и достоинстве личности, проявлявшееся в отношениях с начальством.

Таким образом, А.Ф. Багговут принадлежал к числу тех офицеров л.-гв. Московского полка, что попали в орбиту влияния заговорщиков и соглашались не присягать 14 декабря. Более того, фактически он реализовал свою готовность действовать, отказавшись от присяги. Лишь после возвращения в казармы, по приказанию Михаила Павловича и военного начальства, его караул принес присягу. Итак, участие Багговута в событиях на стороне декабристов фиксируется достаточно полно; в подробном исследовании Я.А. Гордина он упоминается среди сторонников заговора в Московском полку²¹⁴.

В книге М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го» упоминается о попытке неизвестного офицера ранним утром 14 декабря агитировать солдат 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Содержание агитации заключалось в уговорах не присягать Николаю I; фамилия агитатора не приводится. Корф не

назвал его имени, потому что, как и в других подобных случаях, тот был еще жив к моменту выхода книги в свет. Источник, положенный в основу изложения Корфа — записка генерал-адъютанта П.Н. Игнатьева, в 1825 г. командира 1-й гренадерской роты Преображенского полка (датируется 1848–1849 гг.)²¹⁵. В этой записке офицер, который выступил на стороне заговора, был назван. Согласно изложению Игнатьева, во 2-ю фузелерную роту 1-го батальона преображенцев, квартировавшего по набережной Зимней канавки и Миллионной улице, в непосредственной близости от Зимнего дворца, в ночь с 13 на 14 декабря явился «незнакомый офицер, в адъютантском мундире». Согласно примечанию автора записки, это был «Александр Чевкин (брат сенатора), бывший адъютантом витебского генерал-губернатора князя Хованского. Ныне генеральный консул в Норвегии». Игнатьев свидетельствовал, что **Александр Владимирович Чевкин** действовал довольно решительно: «Польстив нижним чинам уверением, что вся гвардия ждет от них примера и указания, объявил он в превратном виде о назначении на следующее утро присяги государю императору Николаю Павловичу и уверял, что он собою пожертвовал, чтоб спасти первый полк русской гвардии от присяги, дерзновенно называемой им клятвопреступлением». Несмотря на убеждения старшего фельдфебеля прекратить «пагубные рассказы», агитатор не унимался и продолжал уговаривать солдат. В итоге Чевкин был задержан нижними чинами, но в казарме отсутствовали ротный и батальонный командиры. Нижние чины вызвали «дежурного по батальону» прапорщика А.А. Урусова, который оказался совоспитанником Чевкина по Пажескому корпусу. К тому же «Чевкин встретил его жалобами (на французском языке) на грубости нижних чинов и угрозами, что он известит начальников о его неисправности». Урусов приказал его выпустить и «проводил с извинениями». Вскоре после этого фельдфебель Д. Косьяков доложил начальству об инциденте, «и в продолжении ночи Чевкин был отыскан и арестован». Игнатьев сообщает, что это покушение осталось без всякого влияния на умы солдат²¹⁶.

Случай быстро дошел до сведения высшего начальства, чутко прислушивавшегося к малейшим признакам нарушения подготовки гвардии к принятию второй присяги, к любого рода противодействию в напряженной обстановке междуцарствия, и далее — до императора и его семьи. Так, упоминание об этом эпизоде есть в дневнике императрицы Александры Федоровны: «Преображенцы, напротив (в

противоположность гвардейской конной артиллерии, где были беспорядки при присяге. — П.И.), прогнали одного молодого поручика, который спрашивал их, не думают ли они играть в присягу, один день Константину, другой день Николаю»²¹⁷.

С другой стороны, знали о нем и заговорщики-декабристы: М. Бестужев писал в своих воспоминаниях, преувеличивая последствия эпизода с Чевкиным: «Преображенцев... [14 декабря] оставили тоже до вечера, хотя они, по убеждению Чевкина, решительно отказались присягнуть Николаю»²¹⁸.

И.Д. Якушкин, на основании главным образом рассказов Е.П. Оболенского и И.И. Пущина, писал в очерке «Четырнадцатое декабря»: «Чевкин, офицер Генерального штаба, теперь сенатор, и не бывший ни на одном из последних совещаний у Рылеева, 14-го рано утром пришел в первый батальон Преображенского полка и начал уговаривать солдат не присягать Николаю Павловичу. Фельдфебель той роты, в которой Чевкин начал свою проповедь, схватил его и посадил под караул»²¹⁹. Здесь вместо А. Чевкина ошибочно назван его брат, офицер Генерального штаба Константин. Автор свидетельства утверждает, что Чевкин не был на последних совещаниях у лидера заговора Рылеева. Остается неясным, был ли этот офицер втянут в орбиту заговора другими участниками тайного общества.

П.Н. Свистунов в своих воспоминаниях, впервые опубликованных в журнале «Русский архив» в 1871 г., делится критическими замечаниями о мемуарном очерке Якушкина, посвященном событиям 14 декабря 1825 г. В их числе есть и такое: «Он... предполагает, будто бы К.В. Чевкин принадлежал к обществу (о существовании которого он вовсе не ведал)»²²⁰. Указание мемуариста весьма авторитетно: Свистунов был хорошо знаком с Чевкиным, учился вместе с ним в Пажеском корпусе и находился в постоянном контакте на протяжении 1825 г. Мемуарист авторитетно опровергает формальное участие в тайном обществе младшего Чевкина — Константина Владимировича, но при этом ничего не сообщает о принадлежности к декабристам Александра Чевкина и не касается его действий накануне 14 декабря.

15 декабря взятый под арест А.Е. Розен был доставлен на главную гауптвахту Зимнего дворца, где встретил арестованного Чевкина. В своих воспоминаниях он также смешал А. Чевкина с его более известным младшим братом: «...на диване спал К.В. Чевкин, имея в изголовье свой свернутый мундир Генерального штаба (на самом

деле — адъютантский. — *П.И.*); он был арестован еще накануне 14 декабря за слишком смелую беседу с унтер-офицерами Преображенского полка в воротах казарм на Миллионной...». Вскоре Чевкина перевели в другое место²²¹.

После кратковременного ареста А. Чевкин был освобожден, при этом оставлен, по некоторым сообщениям, «под подозрением» и под тайным надзором²²². В показаниях Д.А. Искрицкого содержатся данные о некоем «милосердом поступке» государя в отношении поручика Чевкина 14 декабря, который повлиял на участь последнего. Искрицкий еще до своего ареста (который произошел только 29 января 1826 г.) встретил Чевкина, который находился в полном восторге от совершенного в его отношении императором «милосердного поступка»²²³. Вероятно, речь должна идти о «всемилодивейшем прощении» Чевкина. К главному расследованию он после этого не привлекался.

В 1877 г. в журнале «Русская старина» ближайший помощник К.В. Чевкина — бывший управляющий его канцелярии, не обозначивший свое имя, выступил с поправками и дополнениями к биографическому очерку И.И. Ореуса, посвященному К.В. Чевкину. Анонимный свидетель вынужден был пояснить следующие факты: в книге М.А. Корфа и записках А.Е. Розена сообщается, что был арестован и содержался на гауптвахте Зимнего дворца Константин Чевкин (на самом деле об этом говорилось только в записках Розена и Якушкина). В действительности, отмечает автор поправок, «хотя и был арестован Чевкин, но не К.В., а его старший брат Александр, которого не выпустили со двора казарм Преображенского полка унтер-офицеры, заметившие его, А. Чевкина, в подговоре солдат»; мундир его был не Генерального штаба, как утверждал Розен, а коннопионерный (адъютантский. — *П.И.*). Касаясь вопроса о последствиях этого события для Чевкина, автор заметки пишет: «Александр Чевкин был сужден (здесь это слово употреблено, как представляется, в значении: привлечен к следствию. — *П.И.*), по большим стараниям не сослан, а, кажется, отставлен или оставлен в подозрении...». Только став сенатором и главноуправляющим ведомства путей сообщения, К.В. Чевкин «успел доставить ему место консула в Палермо, а после в Риме»²²⁴. При этом автор утверждает, что сам был хорошо знаком и с А. Чевкиным, одно время жившим у своего более успешного младшего брата.

Очень характерен этот «след» причастности к декабристам, кото-

рый сопровождает А. Чевкина в литературе. Любопытен сам факт распространения информации о принадлежности Чевкина к числу лиц, замешанных в событиях 14 декабря. Напомним, что в книге Корфа фамилия Чевкина не называлась, а в воспоминаниях декабристов, опубликованных в 1860—1870-е гг. (записках Розена, Якушкина, Свистунова), речь шла не о самом Чевкине, а о его младшем брате Константине. Опираясь, видимо, на данные анонимного автора поправок к очерку И.И. Ореуса, историк Пажеского корпуса О.Р. Фрейман писал о А. Чевкине: «Был замешан в событиях 14 декабря 1825 года, но не был сослан. Когда брат его был сенатором, то ему удалось выхлопотать для А.В. место консула в Палермо, а затем в Риме»²²⁵.

При анализе всех приведенных данных закономерно возникает вопрос: действовал ли Чевкин самостоятельно или был связан с декабристским заговором? Насколько возможно его участие в тайном обществе? В недавно опубликованном следственном деле Г.А. Перетца содержится рассказ Д.А. Искрицкого, относящийся к началу-середине января 1826 г., когда последний еще находился на свободе. Этот рассказ вносит некоторые новые важные черты в картину событий, связанных с поступком Чевкина. В своих показаниях Перетц сообщал, ссылаясь на слова Искрицкого: «...рассказывал он мне, что у него останавливался приезжий адъютант князя Хованского, фамилии не помню, кажется, Чевкин, который накануне 14 декабря ездил с *каким-то офицером* в какие-то казармы; офицер тот пошел к своим знакомым, а помянутый адъютант, оставшись внизу, стал говорить с солдатами и возмущать их; солдаты, опасаясь в нем шпиона, спрашивали о его фамилии и по необъявлению хотели представить к дежурному офицеру, но не помню, после как-то его отпустили, а ночью он был призван к господину генерал-адъютанту Потапову, который, кажется, сделал ему за то выговор...». В своих показаниях Перетц утверждал, что, согласно рассказу Искрицкого, «сей адъютант... членом общества не был, а действовал только по безрассудной пылкости...»²²⁶. Из показаний Перетца, передающего рассказ Искрицкого, видно, что Чевкин действовал не один; он явился к преображенцам еще с одним офицером, который не принимал непосредственного участия в агитации. Это чрезвычайно важное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что агитация Чевкина не была лишь случайным эпизодом, разыгранным одиночкой.

Далее, показание Перетца, казалось бы, однозначно решает вопрос

о формальной принадлежности Чевкина к тайному обществу: Искрицкий сообщил ему, что Чевкин «членом общества не был». Но, во-первых, сам Перетц давно отошел от участия в тайном обществе и не был осведомлен о делах Северного общества и, тем более, о составе участников политического заговора. Во-вторых, далеко не все об этом знал и его информатор Искрицкий, лишь накануне событий вошедший в число активных заговорщиков. Он мог не подозревать о членстве Чевкина в другой «отрасли» тайного общества. В-третьих, следует учесть и другое: многие участники заговора и восстания 14 декабря формально не являлись членами декабристской конспирации. При этом некоторые из них узнали о ее существовании и цели задуманного выступления и после этого согласились участвовать в событиях (например, Розен). На этом основании их, однако же, справедливо относят к числу участников «декабристского движения». Но так ли обстояло дело в случае с Чевкиным?

Очень симптоматична и важна другая информация, которую содержит свидетельство Перетца: Чевкин «останавливался», то есть некоторое время жил на квартире у Искрицкого — источника сведений Перетца, который прямо заявил ему об этом. Искрицкий был принят в Северное общество незадолго до событий, в начале декабря 1825 г., товарищем по службе П.П. Коновницыным при участии Е.П. Оболенского, и сразу же активно включился в дела заговора²²⁷.

Связь Чевкина с Искрицким — сослуживцем и другом младшего брата, Константина Чевкина, — теперь уже несомненна: Чевкин, судя по всему, по приезду в Петербург остановился у Искрицкого. А через Искрицкого с Чевкиным вполне могли быть связаны и другие заговорщики, служившие при Главном штабе и штабе гвардии. Теперь уже нельзя исключить и знакомства А. Чевкина с Оболенским, незадолго до описываемых событий принявшим в тайное общество Искрицкого. В этом контексте следует подробнее остановиться на фигуре К. Чевкина, брата А. Чевкина.

Согласно ряду указаний, Константин Чевкин был человеком, близким к кругу членов Северного общества и Южного общества; он посещал лидера филиала Южного общества в Петербурге, своего товарища по обучению в Пажеском корпусе П.Н. Свистунова²²⁸. Согласно собственным рассказам будущего министра путей сообщения, он, «конечно, был настолько сообразителен, чтобы понять неосуществимость их (т. е. декабристов. — *П.И.*) замыслов»; далее он

пишет: «но, кроме того, не доставало и времени, чтобы вникать в их теории и слушать их предположения, которые поэтому и пропускались мною мимо ушей». По словам биографа К. Чевкина, последний «был близко знаком с некоторыми из влиятельнейших декабристов и не раз слышал от них намеки на существование тайного общества и его деятельную пропаганду», однако у него, чрезвычайно занятого служебными делами (К. Чевкин служил в квартирмейстерском отделении штаба Гвардейского корпуса), не оставалось времени для участия в общественной жизни²²⁹. Ясно, что К. Чевкин входил в ближайшее дружеское окружение заговорщиков, что он встречался с членами тайных обществ и знал некоторые из их политических замыслов.

К. Чевкин (а через него и старший брат Александр) по своей службе и личным отношениям был тесно связан с офицерами Генерального штаба П.П. Коновницыным, Д.А. Искрицким, С.М. Палицыным. Кроме того, М.И. Пущин вспоминал, что он и некоторые другие будущие заговорщики в конце 1825 г. не раз собирались на квартире Чевкиных, рядом с Синим мостом, недалеко от дома, в котором жил К.Ф. Рылеев²³⁰. Эти собрания были достаточно регулярны; посещавшие их составляли особый дружеский кружок. Очевидно, К. Чевкин со своим братом входили в окружение целого ряда участников декабристского заговора.

Отметим особо, что братья Чевкины принадлежали к кругу воспитанников Пажеского корпуса, к которому необходимо отнести нескольких участников тайных обществ. Так, помимо Свистунова, у которого не раз бывал К. Чевкин, в него входили А.С. Гангеблов, Н.Н. Депрерадович, Я.И. Ростовцев, преображенский офицер Н.В. Шереметев, конноартиллерист И.П. Коновницын²³¹. Благодаря родственным и служебным связям, несомненно, к этому же кругу тяготели П.П. Коновницын и Д.А. Искрицкий. Вполне понятно, что, приехав в Петербург, А. Чевкин возобновил свои знакомства среди бывших пажей-совоспитанников.

Как видно из этого, вовлеченность в заговор братьев Чевкиных могла быть достаточно серьезной, и в таком случае А. Чевкин через знакомых своего младшего брата и бывших соучеников получил вполне точные и развернутые сведения о задачах заговорщиков, о действиях, необходимых для предотвращения новой присяги.

Таким образом, на основании свидетельств первоисточников становится понятным, что, приехав в Петербург, А. Чевкин оказался

весьма близким к кругу непосредственных участников декабристского заговора. И если он не стал формально членом тайного общества, то по крайней мере органично вошел в ближайшее окружение декабристов, присоединился к тем, кто был в той или иной мере осведомлен о потаенных политических планах заговорщиков. В этих условиях нельзя исключать того, что действия Чевкина накануне 14 декабря были прямо обусловлены его постоянным контактом с заговорщиками.

Известные отношения Чевкина с офицерами Генерального штаба, дружеская связь с Искрицким, непосредственно сообщавшимся с Оболенским и Рылеевым, другие связи, доступные ему благодаря обучению в Пажеском корпусе (Свистунов и др.), — все это говорит о его несомненной включенности в декабристскую среду. Чевкин оказался связанным с центром декабристского заговора через его относительно периферийных участников — офицеров Генерального штаба. Что же касается формальной причастности к заговору, то представляется очень возможной его непосредственная принадлежность к участникам заговора; возможно, он знал и о существовании декабристской конспирации.

В этой связи достаточно примечателен сам факт осведомленности о поступке Чевкина лиц из декабристской среды (упоминания о нем в воспоминаниях Розена, М. Бестужева, Якушкина). Большая часть этих мемуаров появилась еще до выхода в свет книги М.А. Корфа и, тем более, до публикации свидетельства анонимного автора в «Русской старине». Этот факт, конечно, можно объяснить распространившимися 14 декабря и в последующие дни рассказами о происшествии в казармах преображенцев. Вместе с тем, можно выдвинуть другое объяснение: поступок Чевкина стал быстро известен лидерам тайного общества именно потому, что он был обусловлен включенностью этого офицера в заговор. Ведь при установленной благодаря новым свидетельствам прямой связи «Чевкин—Искрицкий» неудивительно, что о действиях Чевкина уже утром 14 декабря были извещены Оболенский и другие руководители тайного общества. Отметим при этом, что авторы более ранних свидетельств об эпизоде с Чевкиным из декабристской среды — Перетц и Искрицкий — в Сибири не находились и не имели возможности сообщить сведения о его действиях осужденным декабристам.

В этом контексте не покажется невероятной и возможность того,

что сам приезд Чевкина в казармы преображенцев был обусловлен не столько его «безрассудной пылкостью», сколько непроявленной в 1825–1826 гг., но совершенно конкретной связью с центром политического заговора. В этой связи особенно примечательным видится то обстоятельство, что Чевкин приехал в казармы Преображенского полка с офицером, не названным в показаниях Перетца.

Итак, в нашем распоряжении нет конкретных данных о принятии Чевкина в тайное общество, его присутствии на собраниях заговорщиков, отразившихся в мемуарных свидетельствах самих декабристов или в документах следствия. Нет прямых свидетельств о его участии в заговоре, но действовал он в его интересах; причем действовал именно как заговорщик. Элементы агитации нижних чинов «первого» полка гвардии, использованные Чевкиным (новая присяга — «клятвopреступление»), входили в арсенал действий других участников заговора. Достоверно известно, что Чевкин агитировал против присяги, с другой стороны непреложно установлен факт его дружеских и служебных контактов с заговорщиками. Известно, что среди осужденных по «делу декабристов» или наказанных административным образом есть фигуры, о принадлежности которых к тайному обществу не имелось прямых данных; однако они участвовали в самом восстании или в агитации на стороне заговора, присоединившись к нему (Н.Р. Цебриков, И.П. Гудим и др.). Анализ имеющихся документальных свидетельств, в том числе недавно введенных в оборот, позволяет заключить, что Александр Чевкин был напрямую связан с некоторыми из участников тайных обществ и, в частности, с офицерами Генерального штаба. Первым среди них нужно назвать Искрицкого, тесно связанного с руководством декабристского тайного общества. Окончательный ответ на вопрос, принадлежал ли А. Чевкин к тайному обществу декабристов, при существующем состоянии источников получить невозможно.

Арестованный в ночь на 14 декабря, А. Чевкин не был вовлечен в общее следственное дело. Возможно, он был официально причислен к категории «шалунов», сопротивлявшихся принятию присяги без знания истинных целей заговорщиков, к каковой были отнесены, к примеру, офицеры-конноартиллеристы. Возможно, Чевкин был близок к придворным кругам, и расследование его случая грозило раскрытием тщательно скрываемой информации о политической борьбе в дни междуцарствия, поэтому его акция и не рассматривалась в рамках

основного процесса. Поскольку действия Чевкина не стали предметом рассмотрения Следственного комитета, его имя отсутствует в «Алфавите» Боровкова²³². А.Е. Пресняков отмечал, что Николай I фактически «изъял» Чевкина из «числа декабристов», оставив его вне группы привлеченных к следствию. Г.С. Габаев учел опубликованные данные о Чевкине и уверенно считал его участником заговора. Б.Л. Модзалевский и А.А. Сиверс, как уже отмечалось, в качестве исключения внесли данные о нем в свой «Указатель» к «Алфавиту» Боровкова, воспользовавшись сведениями из публикации в «Русской старине» и мемуаров декабристов, однако при переиздании справочника в 1988 г. эти данные исчезли. По мнению А.Г. Тартаковского и Е.Л. Рудницкой, Чевкин к тайному обществу не принадлежал, поскольку в декабристоведческой литературе какие-либо его связи с декабристами «не установлены». Я.А. Гордин пишет о действиях Чевкина следующее: «Эпизод этот странен и непонятен по сию пору. Плохо верится, чтобы Чевкин действовал сам по себе. Известно, что лидеры общества думали о способах воздействия на преобразенцев, стоявших рядом с дворцом и представлявших собой главную опасность при попытке ареста Николая и его семейства. Не установлено никаких связей Чевкина с обществом. Но и связей Рылеева с измайловцем Гудимом (переведенным после 14 декабря из гвардии в армию) тоже нет на поверхности. Очевидно, мы плохо знаем этот второй ряд декабристской периферии». Исследователь не исключает факта принадлежности Чевкина к участникам тайного общества, указывая на неполную проявленность состава последних в имеющихся источниках, на неверное отражение подлинной степени причастности к декабристской конспирации такого рода лиц, как Гудим, в документах следствия²³³.

Важно отметить, что в подобных случаях исследователи действительно часто опираются главным образом на ту информацию, что была получена следствием, и фактически идут по его следам, по принципу «что установлено следователями, то и было», в то время как многое осталось на процессе нераскрытым. Необнаруженное, незатронутое следователями намеренно или оказавшееся случайным образом вне поля их зрения всплывает подобными «непонятными» эпизодами. Отсутствие прямых свидетельств о принадлежности Чевкина к тайному обществу, зафиксированных в источниках (главным образом, в тех же документах следствия, от которого, напомним,

Чевкин был устранен), еще не означает, что он действовал в одиночку, на свой страх и риск, что он не был посвящен в планы заговора. Несмотря на то, что в распоряжении исследователя нет ясных свидетельств о вступлении Чевкина в тайное общество, в силу непосредственного участия этого офицера в событиях, фактической принадлежности к «злоумышленникам»²³⁴, включенности в декабристскую среду, его следует отнести к числу полноценных участников деятельности заговорщиков.

В историческом труде М.А. Корфа, основанном на свидетельствах участников событий, приводятся сведения о том, что среди гренадерских офицеров в каре находился штабс-капитан **Андрей**²³⁵ **Павлович Пущин**²³⁶. Поручик Гренадерского полка А.Н. Сутгоф, осужденный по итогам процесса, в своих замечаниях на книгу Корфа полагает, что Пущин, как и другой офицер, П.Е. Штакельберг, настолько были непопулярны среди солдат «за их злость», что им было бы плохо, если действительно мятежные офицеры приказали их приколоть, как это утверждал Корф²³⁷.

Андрей Павлович Пущин последовал за частью полка, увлеченной Н.А. Пановым, вместе с группой офицеров, пытавшихся вернуть солдат и оказавшихся вместе с ними в мятежном каре. По данным Корфа, на Сенатской площади ротные командиры Гренадерского полка, «стараясь вразумить» солдат, продолжали уговаривать людей уже внутри самого каре бунтовщиков, и когда офицеры-заговорщики приказали колоть «изменников», солдаты отвечали, что «они пришли с своими ротами». Скорее всего, летописец событий имел в виду другого офицера л.-гв. Гренадерского полка, поручика барона В.И. Зальца. Из оставленной последним мемуарной записки явствует, что Зальца, как и другие офицеры, уговаривавшие солдат, длительное время находился внутри каре восставших войск²³⁸. Не исключено, что Пущина, как и Зальца, следует отнести к группе офицеров Гренадерского полка, не участвовавших в заговоре, но силой обстоятельств вовлеченных в ход событий и оказавшихся в результате среди офицеров мятежной стороны. Так или иначе, но присутствие Пущина на Сенатской площади в рядах мятежных частей подтверждается очевидцами событий.

Рассматривая группу «неизвестных» участников декабристского движения, либо не привлекавшихся к петербургскому следствию, либо оставшихся тогда неизвестными правительству, нельзя обойти

вниманием вопрос о том, был ли вскрыт факт их принадлежности политической оппозиции и повлияло ли участие в этой оппозиции на их дальнейшую судьбу. В частности, оказало ли влияние обнаружение их участия в декабристской конспирации (если таковое имело место) на служебную карьеру этих лиц?

Прежде всего, необходимо сказать, что все те, кто не был привлечен к главному расследованию, но проходил по другим следственным процессам, как правило, понесли то или иное наказание. В особенности это относится к непосредственным участникам военных выступлений 1825–1826 гг. Как уже отмечалось, Д. Грохольский, И. Ракуза, И. Цявловский понесли суровое наказание (первые двое — особо тяжелое, предназначенное для нижних чинов), вынесенное военно-судной комиссией в Белой Церкви. Е.Н. Троицкий и С.И. Трусков, хотя их принадлежность к тайному обществу не была вскрыта на суде по их делу, также понесли наказание; их последующая карьера была перечеркнута приговором суда. Участник событий 14 декабря Лашкевич, прошедший через расследование в полковой судной комиссии, был наказан сравнительно легко: обратным переводом в армию; затем он оказался на Кавказе. Фактически это наказание по своему характеру может быть отнесено к числу административных.

В случае тех, кто был назван в следственных показаниях и доносах на декабристские организации (Прижевский, Ред, Башмаков, К.М. Полторацкий, Панютин), отсутствие фактов расследования степени их участия в тайном обществе и последующих решений о наказании, иначе говоря — фиксированного документами внимания следствия, трудно объяснить. Уцелевшие от репрессий, избежавшие привлечения к расследованию, неназванные на следствии или не привлеченные к расследованию, — все они продолжили свою службу без существенных изменений. Это и понятно: ведь сведения об их участии в декабристском тайном обществе не стали известны правительству. По нашим наблюдениям, источники, как правило, не фиксируют какие-либо осложнения в их карьерном росте и отношении к ним верховной власти. П.А. Набоков, М.Д. Горчаков, Ф.П. Литке и другие фактически необнаруженные следствием участники тайных обществ благополучно продолжили свою службу без видимых препятствий.

Обнаружившееся, пусть и пассивное, участие в «антиправительственном мятеже» целого ряда офицеров внешне также не имело для них последствий: они были освобождены от следствия и продолжили

службу. Правда, и А.А. Баранцев, и А.П. Пущин вскоре умерли, поэтому некоторые заключения можно сделать по результатам карьеры только одного офицера этой группы, А.П. Литке. Согласно воспоминаниям Федора Литке, участие его брата Александра в восстании на Сенатской площади, несмотря на фактическое прощение и непривлечение к следственному процессу, негативно сказалось на его последующей судьбе и стало причиной неудачной дальнейшей карьеры, «несчастий», которые привели в конечном итоге к болезни и преждевременной смерти: он не смог добиться крупных чинов, часто болел и рано умер²³⁹. Таким образом, события 1825 г. оставили тяжелый след в жизни А. Литке и затруднили его дальнейшую карьеру.

Очевидно, что хотя офицеры, вовлеченные в мятеж, избежали наказания и рассматривались как совершенно «невинные», все-таки сам факт пребывания в рядах восставших оказывал свое негативное влияние на отношение к ним. Правда, переход А.Ф. Багговута в л.-гв. Сводный полк, сформированный из нижних чинов, принявших участие в событиях 14 декабря 1825 г., и отправленный на Кавказ в целях искупления вины бывших участников мятежа, судя по данным полковой истории и его собственным воспоминаниям, был обусловлен не установленным фактом его участия в заговоре, а собственным желанием этого офицера, поэтому не может рассматриваться как репрессивный акт²⁴⁰. Однако имеются весьма примечательные, любопытные примеры другого рода: когда просочившаяся все же информация о причастности к тайному обществу влекла за собой соответствующие правительственные меры. Это, как уже отмечалось, касается в основном тех, кто обнаружил свое участие в тайном обществе декабристов во время «подписки» 1826 г. В отношении Д.И. Альбицкого, Градовского и П. Афанасьева фиксируется установление открытого или тайного надзора. Собирались сведения о С.Д. Нечаеве, после чего, возможно, был установлен тайный надзор и за ним; очевидно, такие же меры были приняты к И.М. Любавскому: на данную им «подписку» было обращено специальное внимание высших правительственных лиц.

Вместе с тем, можно констатировать вполне определенные затруднения в службе и отчетливо выраженное недовольство со стороны высшей власти в отношении тех бывших участников тайных обществ, кто пользовался репутацией «свободомыслящего» человека, вольнодумца. Это подтверждает пример С.С. Ланского, которому, несмотря

на внешне благополучное развитие карьеры (правда, в основном он служил на постах гражданских губернаторов и в Сенате, что все же нельзя рассматривать в качестве успешного варианта карьеры государственного чиновника) выразалось, очевидно, недоверие и неудовольствие со стороны Николая I. Только в 1850-е гг., на исходе царствования, Ланской был назначен членом Государственного Совета и допущен к исполнению должности министра внутренних дел. Подтверждением этого наблюдения служат приведенное свидетельство мемуариста Я.А. Соловьев, опирающееся на слова самого Ланского. Это свидетельство передает фразу Николая I, который был хорошо осведомлен о либерализме Ланского. Видимо, немаловажную роль в реабилитации Ланского в глазах императора сыграла императрица Мария Федоровна. Напомним, что Соловьев передает мнение о том, что именно ей Ланской обязан был тем, что не пострадал «вместе с декабристами»²⁴¹.

Особенно наглядный пример затруднений, вызванных обнаружившейся причастностью к декабристскому заговору и событиям 14 декабря 1825 г., представляет А.В. Чевкин. Как уже отмечалось, хотя он был избавлен от расследования и после скоротечного заключения освобожден (вероятнее всего, уже 15 декабря), по-видимому, получил прощение, но затем, по свидетельству хорошо знавшего его лица, некоторое время находился под надзором, оставаясь «в подозрении». В следующие годы отмечаются признаки явной опалы: через 4 года он был уволен от военной службы, а затем долго не мог поступить в гражданское ведомство. Подтверждают вывод о фактической опале А. Чевкина слова анонимного свидетеля, близкого к семье Чевкиных, ближайшего помощника К. Чевкина по его службе. Эти слова уже приводились; они свидетельствуют о том, что спасение А. Чевкина от наказания в 1825 г. произошло только благодаря «большим стараниям», предпринятым, очевидно, родственниками и влиятельными заступниками, но дальнейшая служба оказалась фактически невозможна, и он вышел в отставку. Возвращение на службу и последующее продвижение в чинах произошли только благодаря ходатайствам его младшего брата К. Чевкина, который пользовался поддержкой императора и значительным влиянием; только спустя многие годы, когда К. Чевкин стал сенатором и главноуправляющим ведомства путей сообщения, он смог обеспечить своего старшего брата достаточно высоким служебным положением на дипломатическом поприще. Хо-

датайствовал К. Чевкин за брата и позднее²⁴². Очевидно, влияние брата и, в целом, родственного окружения сыграло решающую роль в «забвении» факта причастности А. Чевкина к событиям 14 декабря, в том, что его опала не стала бессрочной.

Изложенные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы. Те лица, что были обнаружены как участники тайных обществ и восстаний декабристов, так или иначе понесли наказание, подверглись надзору либо опале. Обладавшие репутацией «либералов» бывшие участники тайных обществ и заговора 1825 г. также встречали затруднения по службе или выходили в отставку. Большая часть представителей группы необнаруженных участников движения избежала каких-либо последствий своего участия в нем.

Основные итоги

В настоящем исследовании мы стремились показать, что круг обнаруженных в ходе официального следствия участников тайных обществ, заговора и военных выступлений декабристов далеко не полон. Он нуждается в дополнении с помощью привлечения сведений различных исторических источников.

1. В данной главе собраны и проанализированы свидетельства о 36 лицах, из числа которых 18 человек (половина общего количества) приведены в разделе «Декабристы, не вошедшие „Алфавит“ Боровкова и выявленные по другим источникам» биографического справочника «Декабристы» (1988 г.); остальные 18 человек добавлены нами. Как можно заключить из анализа имеющихся данных, эта категория участников движения количественно должна быть значительно больше.

Следует особо отметить, что из 36 человек трое (Грохольский, Ракуза, Цявловский) были привлечены к судебному процессу над нижними чинами, участниками выступления Черниговского пехотного полка, один (Лашкевич) — к следствию над офицерами Московского полка, причастными к событиям 14 декабря 1825 г. Двое (Троцкий, Трусков) были преданы военному суду вне связи с обвинением в принадлежности к декабристской конспирации. В силу этого все названные лица, оставшись вне сферы внимания главного петербургского следствия, фактически относятся к числу подвергшихся судебному наказанию. Еще один представитель группы не привлекавшихся

к главному процессу подвергся кратковременному аресту в начале следствия (Чевкин). Двое из оставшихся вне пределов дознания (Бахметев, Петрулин) умерли до начала процесса.

2. На основе рассмотрения источников, сделанных наблюдений и выводов можно реконструировать следующие общие причины отсутствия некоторых участников тайных обществ, заговора и военных выступлений декабристов в «Алфавите» Боровкова:

— значительная по своей численности группа лиц оказалась зафиксированной в следственных показаниях и других документах, бывших в распоряжении Следственного комитета, но не привлекла внимания следователей и составителя «Алфавита»: Бахметев, Башмаков, Я.В. Петрулин, К.М. Полторацкий, В.Х. Христиани, Лашкевич, И.И. Логинов, Порохов, Прижевский, Ред;

— другая группа не была обнаружена следствием по делу тайных обществ 1825–1826 гг., участие этих лиц раскрылось благодаря иным причинам: Д.И. Альбицкий, П. Афанасьев, Градовский, И.М. Любавский, С.Д. Нечаев, А.В. Чевкин. Важно отметить, что Боровков вносил в «Алфавит» данные о лицах, следственные действия в отношении которых проводились позже основного следствия и не имели прямого отношения к делу о тайных обществах (например, в справочном своде имеются справки о С.А. Путяте, Радонице, Г.Ф. Раевском, дела которых не рассматривались на следствии 1825–1826 гг.²⁴³);

— третью группу образуют участники тайных обществ и военных выступлений декабристов, не обнаруженные расследованиями и оставшиеся неизвестными правительству, принадлежность которых к декабристам вскрывается только по мемуарным свидетельствам.

Таким образом, в данной группе в целом оказались в основном лица, в отношении которых следствие не приняло мер по установлению степени их причастности к делу, либо те, кто остался ему вовсе неизвестным.

Сам факт существования первой из перечисленных групп свидетельствует о том, что составитель «Алфавита» Боровков, при всей тщательности своей работы, оставил без внимания некоторые конкретные показания арестованных, имевшиеся в общем комплексе документов процесса, прямо называвшие членами тайного общества целый ряд лиц. Поэтому нельзя согласиться с теми исследователями, которые полагают, что Боровковым учитывалась вся совокупность информации, добытой Следственным комитетом.

3. Основания, по которым не были внесены в документальный свод некоторые из названных на следствии лиц, в полной мере не известны. Отдельные случаи, рассмотренные в настоящей работе (Петрулин, Бахметев, Порохов), заставляют предположить, что Боровков не считал нужным внесение в свой «Алфавит» лиц, умерших ко времени процесса. Однако обращение к справочному документу показывает, что это не так: в нем содержится немало число случаев, доказывающих обратное²⁴⁴.

Не приходится сомневаться в том, что составитель «Алфавита» не учел в достаточной мере сведения из доносов и других документов, попавших в поле зрения Следственного комитета. Так, Боровков располагал данными доноса Грибовского, — доказательством чему служат сведения о принадлежности к Союзу благоденствия П.В. Хавского, введенные в «Алфавит»²⁴⁵; однако он не использовал данные этого доноса, касающиеся Прижевского и Реада.

4. В значительном числе случаев, не учтенных Боровковым, Следственный комитет не обратила внимания на упоминание этих лиц в показаниях (случаи В.Х. Христиани, Башмакова, К.М. Полторацкого и др.). Почему указанные лица не заинтересовали следствие, — ответ на этот вопрос не может быть однозначным: возможно, разъяснения на их счет были даны на устных допросах. Вероятно, существовала дополнительная информация, о которой нам ничего неизвестно; она могла привести к тому, что интерес следователей был снят после первого упоминания нового имени (исключение составляет случай с умершим Бахметевым, о котором запрашивали нескольких подследственных). При этом стоит отметить, что случаев, когда после первого, даже неясного, показания следствие предприняло специальные усилия по установлению степени прикосновенности к делу даже случайных людей, более чем достаточно.

5. Вместе с тем, непосредственные организаторы следственного процесса (в том числе Боровков) свидетельствуют о том, что некоторые ведущие члены Следственного комитета руководствовались желанием облегчить участь арестованных и не расширять их круг, стремились не привлекать к допросам мало замешанных лиц, о которых были недостаточно ясные, либо одиночные показания²⁴⁶. Исследователь вопроса не может полностью согласиться с этими свидетельствами, однако некоторые основания для их подтверждения предоставляют приведенные и проанализированные выше случаи, когда следствие не обратило внимания на конкретные показания о членстве.

Помимо соображений гуманистического характера и стремления следовать установленным законным процедурам, нужно иметь в виду конкретные особенности технической организации следствия (вероятность случайной или намеренной ошибки чиновников его аппарата или одного из членов Комитета), а также незафиксированную в документах процесса информацию, которая способствовала изъятию из сферы расследования тех или иных лиц. На это изъятие могли влиять посторонние факторы — те, что определили участь прощенных и освобожденных от следствия, ее недостатки (связи названных в показаниях лиц с высшими лицами, влияние на императора и т. п.). Воздействие такого рода факторов усматривается, например, в случае П.А. Набокова, имевшего влиятельных заступников в руководстве 1-й армии.

6. Значительная часть «неизвестных» участников тайного общества осталось вообще невыявленной на следствии. В основном это те, кто не был назван в следственных показаниях. Причины такой ситуации, по-видимому, следует искать в конкретных отношениях, которые связывали подследственных и «уцелевших» декабристов, и в особенностях тактики защиты обвиняемых на процессе. Делопроизводитель Следственного комитета Боровков отмечал в этой связи: «Главное упорство большей части допрашиваемых состояло в открытии соумышленников...»²⁴⁷. Вероятно, для подследственного рассказ о некоторых из спасшихся деятелей декабристской конспирации был связан с особенно опасными вопросами подготовки военного выступления, с надеждами на поддержку заговора со стороны влиятельных лиц или крупных военных соединений, потаенными планами политического действия; в других случаях играли роль иные, в том числе личные мотивы (например, случаи родственных или дружеских отношений), заставлявшие подследственного не вовлекать в процесс новое лицо.

В иных случаях причины кроются в особенностях проведения следствия: следователи часто не знали о том или ином обстоятельстве или конкретном лице, а подследственный, отвечая на «вопросные пункты», опирался лишь на те сведения, которыми уже владело следствие, не расширяя круг уличающей информации. Последний вариант, по нашим наблюдениям, достаточно распространен.

7. Следует привести еще одну существенно важную причину появления группы лиц, не названных на следственном процессе. Некоторые из них принадлежали к числу малоактивных участников движе-

ния, занимая в нем окраинное положение. Они входили в периферию тайного общества; нередко и члены полноценных управ конспиративного союза были неизвестны другим участникам, входящим в другие отделения этого общества, — особенно на этапе разветвленного Союза благоденствия. Это же относится к участникам более поздних обществ — тем, которые были связаны только с принявшим их членом.

Многие из «необнаруженных» декабристов были известны одному или нескольким членам тайных обществ, — тем, кто непосредственно принимал их в тайное общество, поэтому привлечение к следствию зависело от степени откровенности одного или двух подследственных, от данных ими показаний. Таким образом, периферийное положение участников тайных обществ способствовало тому, что они остались неизвестными официальному следствию.

8. Таким образом, всю категорию «неизвестных» декабристов можно разделить на тех, кто был обнаружен в качестве участника тайных обществ и антиправительственных выступлений, и тех, чье участие в политической деятельности осталось для власти неизвестным. Дальнейшая судьба этих двух групп складывалась по-разному. Если первые так или иначе оказались в составе наказанных (в результате привлечения к другим судебным-следственным процессам) или были подвергнуты другим мерам воздействия (учреждение надзора, отставка со службы), то вторые беспрепятственно продолжили свою службу. Особенно пострадали участники открытых военных выступлений и актов сопротивления присяге Николаю I, которые, даже при видимом прощении и освобождении от следствия, испытывали опалу и осложнения в дальнейшей службе, поэтому выходили в вынужденную отставку (Чевкин).

9. В целом следует признать, что вскрытое по данным имеющихся источников участие многих лиц этой группы в тайных обществах и политическом движении декабристов было, сравнительно с другими категориями, не столь значительным, поскольку иначе деятельность этих лиц, видимо, получила бы большее освещение в документах следственного процесса. Но, с другой стороны, исследователи не располагают достаточными основаниями для полной оценки их участия в тайном обществе, заговоре и военных выступлениях декабристов. В некоторых случаях, наоборот, можно полагать, что дефицит источников способствует сокрытию истинной роли этих участников движения в тайном обществе и заговоре декабристов.

Ряд указаний источников заставляет говорить о том, что некоторые декабристы, оставшиеся неизвестными главному следствию, проявили определенную активность в конспиративной деятельности или в восстаниях декабристов. Пожалуй, более всего в этом отношении выделяются участники военных выступлений декабристов. Так, следует отметить деятельное участие в восстании Черниговского полка разжалованных офицеров Д. Грохольского и И.К. Ракузы, входивших в окружение руководителей мятежа. Офицеры-«славяне» С.И. Трусов и Е.Н. Троицкий решились на самостоятельное выступление, открыто выступив против нового императора (правда, непосредственно в этом акте участвовал один Трусов). В этой связи необходимо упомянуть А.В. Чевкина, который также открыто вел агитацию против претендента на престол накануне 14 декабря. Стоит отметить поступки и настроения молодого гвардейского офицера А.Ф. Багговута, который стремился стать активным участником восстания и неоднократно отказывался от требований привести к присяге возглавляемый им караул.

Из числа членов конспиративных обществ следует выделить С.Д. Нечаева, принявшего в Союз благоденствия нескольких лиц, заметного участника просветительского и литературного движения 1810-х гг., близкого к умонастроениям «вольнодумцев» на протяжении длительного времени. Нечаев развернул примечательную деятельность в духе Союзе благоденствия в Туле.

Значительным влиянием на основателя первых декабристских организаций А.Н. Муравьева пользовался С.С. Ланской, один из наиболее крупных деятелей русского масонства 1810–1820-х гг., в будущем заметная фигура среди правительственных реформаторов, готовивших реформы 1860-х гг. Участие Ланского в декабристском Союзе благоденствия и передача в его распоряжение устава этого Союза придают особое значение вопросу о связях тайных обществ декабристов с современными им масонскими ложами и широкими кругами просветительски настроенных общественных деятелей. Декабристский след в биографии Ланского не следует сбрасывать со счетов при оценке его политических взглядов, разнообразной благотворительной и общественной деятельности в последующие годы.

Участие в тайном обществе Н.Н. Муравьева было подготовлено его заметной ролью в т. н. «преддекабристских» организациях: кружке «Юношеское братство» и артели офицеров Генерального штаба, а

также постоянными оживленными связями с инициаторами Союза спасения — его родными братьями А.Н. и М.Н. Муравьевыми. Поэтому факт участия Н. Муравьева в самом декабристском союзе неудивителен. Однако отдаленность Николая Муравьева от основных центров, в которых зарождались и развивались декабристские тайные общества (Петербург и Москва), заставляет говорить о сравнительно слабой его роли в движении. Впрочем, вопрос о распространении тайного общества в Кавказском корпусе А.П. Ермолова остается открытым. Возможно, главную роль в этом процессе на протяжении 1810-х гг. играл не традиционно упоминаемый в этой связи А.И. Якубович, а именно Н.Н. Муравьев и близкий к нему Н.П. Воейков.

Несомненно, колоритной личностью в составе Союза благоденствия был представитель старшего поколения, боевой генерал К.М. Полторацкий, введенный в тайное общество, по-видимому, в первую очередь благодаря дружеским и родственным связям с семьями Олениных, Муравьевых и Тургеневых.

Пока еще не прояснен в полной мере облик П.А. Набокова и Ф.С. (Н.С.?) Панютина, — полковников, возглавлявших близко расположенные к Черниговскому полку части. На них долгое время и серьезно надеялись руководители Южного общества в своих планах открытого военного восстания, вплоть до момента разгрома мятежа Черниговского полка. По-видимому, эти старые товарищи братьев С. и М. Муравьевых-Апостолов, еще с эпохи 1812 г., под их влиянием вошли в состав Южного общества. Оба полковых командира составляют тот пласт участников декабристской конспирации, который был важной частью потаенных планов ее руководителей и который так же тщательно был укрыт от внимания следствия.

Следует отметить присутствие в рядах участников тайных обществ в будущем известных государственных и военных деятелей, значимых общественных фигур. Это говорит о том, что значительная их часть по своим личностным качествам были весьма незаурядными людьми. Среди них выделяются такие лица, как будущий министр внутренних дел С.С. Ланской, будущий главнокомандующий действующей армией в Крымской войне и наместник Царства Польского М.Д. Горчаков, мореплаватель, президент Императорской Академии наук Ф.П. Литке, поэт, писатель и историк, обер-прокурор Священного Синода С.Д. Нечаев, генерал от инфантерии, в будущем главнокомандующий Кавказским корпусом Н.Н. Муравьев (известный как Муравьев-

Карский), генерал-лейтенант К.М. Полторацкий, помощник государственного контролера В.Х. Христиани, — все они принадлежали к ранним декабристским обществам; генерал от инфантерии Ф.С. Пянутин, генерал-лейтенант П.А. Набоков состояли в Южном обществе и были непосредственно связаны с руководителем восстания Черниговского полка С. Муравьевым-Апостолом, генерал от кавалерии А.Ф. Багговут причастен к выступлению 14 декабря 1825 г.

Перечень «неизвестных», вновь установленных декабристов, ставших предметом рассмотрения в исследовании, не является исчерпывающим. Дальнейшее пополнение этой группы зависит от привлечения и анализа новых источников, в первую очередь документов следствия и суда в южных армиях, следственных комиссий в гвардейских частях, малоизученных дел главного Следственного комитета. Так, в справочнике 1975 г. указан еще ряд лиц, привлекавшихся к следствию в 1-й армии, однако конкретная информация о причине их привлечения и выводах, к которым пришло расследование, отсутствует. В силу этого, на основе данных справочника невозможно решить вопрос о степени их причастности к тайным обществам. К их числу относятся, например, подпоручик 15-го егерского полка Грабовский, штаб-офицер 3-го пехотного корпуса Потемкин, по неподтвержденным данным принадлежавшие к тайному обществу²⁴⁸.

Общее количество невыявленных участников тайных обществ и декабристских выступлений, конечно, заметно превышает группу обнаруженных к настоящему времени «неизвестных» декабристов. Часть этих невыявленных участников движения потенциально может быть обнаружена исследователями. Союз благоденствия, как самая крупная организация, в этом отношении, несомненно, представляет самое плодотворное поле для находок. На основе имеющихся данных в настоящее время выявлено 193 члена Союза благоденствия, тогда как, согласно воспоминаниям И.Д. Якушкина, в 1819 г. число участников этого общества превысило 200 человек, а по данным доноса М.К. Грибовского, уже в 1818 г. в Союзе насчитывалось 200 участников²⁴⁹. Персональный состав некоторых управ Союза полностью неизвестен. Так, не менее 5 человек было принято в созданную В.И. Белавиным управу Союза благоденствия в Нижнем Новгороде; состав ее не выявлен²⁵⁰. Почти неизвестен состав многочисленного Военного общества, далеки от необходимой полноты и данные об участниках самостоятельных конспиративных кружков, основанных членами

Союза благоденствия. Состав Северного и Южного обществ также известен далеко не полностью. Понятно, что из этого числа могут быть установлены лишь немногие; тем не менее, обращение к документам, еще не введенным в научный оборот, в том числе материалам следствий в Могилеве и Тульчине, привлечение документов генерал-аудиториата, канцелярий начальника и дежурного генерала Главного штаба, а также надзорных органов министерства внутренних дел и III Отделения, позволят присоединить новые имена «безвестных» декабристов к уже известным.

Примечания

- ¹ *Модзалевский Б.Л., Сиверс А.А.* Предисловие к изданию [«Алфавита» А.Д. Боровкова] 1925 г. // *Декабристы*. С. 402, 403.
- ² *Мироненко С.В.* 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов» // *Археографический ежегодник за 1986 год*. М., 1987. С. 26.
- ³ Там же. С. 30.
- ⁴ *Модзалевский Б.Л., Сиверс А.А.* Предисловие к изданию [«Алфавита» А.Д. Боровкова] 1925 г. // *Декабристы*. С. 403. Ср.: *Ильин П.В.* Биографический справочник «Декабристы»: итоги и проблемы декабристской биографики // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 218.
- ⁵ Нами проделаны собственные подсчеты, цель которых состояла в группировке включенных в «Алфавит» лиц в соответствии с установленным следствием фактом членства или осведомленности о существовании тайного общества. Согласно их результату, в «Алфавите» из общего числа включенных в него лиц (570 человек) присутствуют 417 установленных следствием и предполагаемых членов тайных обществ, знавших об их существовании либо причастных к ним, а также участников заговора и открытых выступлений 1825–1826 гг. В том числе: 101 — принадлежали или были причастны к ранним тайным обществам, но не вошли в организации, созданные после 1821 г.; 110 — принадлежали к Южному обществу или были причастны к нему; 94 — к Северному обществу; 58 — к Обществу соединенных славян; 54 — участвовали в военных выступлениях декабристов или в их подготовке. Остальные 153 человека, внесенных в «Алфавит» (почти 27 % от общего числа), имели лишь самое отдаленное отношение к декабристской конспирации и военным выступлениям, не принимали участия в политической деятельности, являясь в той или иной степени случайными лицами. Как считали Модзалевский и Сиверс (*Модзалевский Б.Л., Сиверс А.А.* Предисловие к изданию [«Алфавита» А.Д. Боровкова] 1925 г. С. 403), еще 9 человек, не вошедших в «Алфавит», данные о которых содержат документы, помещенные в Приложение, являлись участниками выступления Черниговского полка (в действительности, из их числа у Боровкова отсутствуют 8, а не 9 человек). Подводя итог, следует отметить, что распространенная в исторической литературе цифра, передающая общее число декабристов — 579 человек, вызывает недоумение. Эта не только ошибочная, но и необоснованная цифра включает в себя лиц, не имевших отношения к деятельности декабристских обществ.

- ⁶ *Мироненко С.В.* Биографический справочник «Декабристы». Принципы издания // *Декабристы*. С. 383.
- ⁷ Представление о более широком круге привлеченных к следствию при Главных штабах 1-й и 2-й армий дают приложение к «Алфавиту» и указатель декабристских материалов РГВИА, составленный под редакцией Л.П. Петровского (*Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР*. М., 1975. Вып. 1–3).
- ⁸ Другие группы «уцелевших» декабристов — прощенные императором, не привлекавшиеся к следствию, а также те, кому удалось скрыть свою принадлежность к тайному обществу и оправдаться, рассмотрены в предыдущих разделах.
- ⁹ *Петровский Л.П.* Предисловие // *Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР*. М., 1975. Вып. 1. С. 10.
- ¹⁰ ВД. Т. VIII. М.; Л., 1925.
- ¹¹ *Модзалевский Б.Л., Сиверс А.А.* Предисловие к изданию [«Алфавита» А.Д. Боровкова] 1925 г. С. 404.
- ¹² Там же. С. 399.
- ¹³ Ученные в VIII томе «неизвестные» декабристы легко обнаруживаются, поскольку в «Указателе» по понятным причинам напротив их фамилий не указана соответствующая страница, отсылающая к тексту «Алфавита» Боровкова.
- ¹⁴ Указатель [к «Алфавиту А.Д. Боровкова»] // ВД. Т. VIII. С. 338, 340, 417–418. Автор благодарен А.А. Кононову, обратившему его внимание на это обстоятельство.
- ¹⁵ *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 101; *Габеев Г.С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка // *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 176, 178, 183, 185, 193–194.
- ¹⁶ Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 1. Ч. 1: От предшественников декабристов до падения царизма / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. М., 1927. С. 30, 91, 183, 184
- ¹⁷ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 141–147, 165, 167–171, 214–220, 222–223, 357; Т. 2. С. 7, 152–153.
- ¹⁸ Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Вып. 1. С. 121, 227.
- ¹⁹ Отголоски 14-го декабря 1825 года в Московском университете / Сообщ. М. Гершензон // *Русская старина*. 1910. Т. 141. № 2. С. 333–349.
- ²⁰ См.: *Мухина С.Л.*: 1) *Безвестные декабристы* (С.Д. Нечаев, П.Д. Черевин) // *Исторические записки*. М., 1975. Т. 96. С. 231–251; 2) *Современник декабристов С.Д. Нечаев* // *Вопросы истории*. 1983. № 10. С. 183–187; *Гордин Я.А.* Мятеж реформаторов. Л., 1989. С. 199.
- ²¹ *Пушкина В.А.* Схема (и комментарий к ней) развития декабристских и связанных с ними организаций // *Общественная мысль в России XIX века*. Л., 1986. С. 242–244.
- ²² См. об этом: *Ильин П.В.* Биографический справочник «Декабристы»: итоги и проблемы декабристской биографики. С. 208–210
- ²³ *Декабристы*. С. 211–214.
- ²⁴ *Мироненко С.В.* Биографический справочник «Декабристы». Принципы издания. С. 383.
- ²⁵ См.: *Ильин П.В.* Биографический справочник «Декабристы»: итоги и проблемы декабристской биографики. С. 232–233.
- ²⁶ *Эрлих С.Е.* Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929–1994 гг.) // 14 декабря 1825 года:

- Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 264.
- ²⁷ Движение декабристов: Указатель литературы. 1928–1959 / Сост. Р.Г. Эймонтова. М., 1960. С. 233, 387; Движение декабристов: Указатель литературы. 1960–1976 / Сост. Р.Г. Эймонтова. М., 1983. С. 140–141, 279; Движение декабристов: Указатель литературы. 1977–1992 / Под ред. С.В. Мироненко. М., 1994. С. 97–98, 319. Отметим, что в первой по времени библиографии Н.М. Ченцова Нечаев присутствовал, но не в качестве декабриста. См. об этом: Эрлих С.Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведа... С. 302.
- ²⁸ Эрлих С.Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведа. С. 285–313.
- ²⁹ Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 489.
- ³⁰ Толстой В.С. Воспоминания // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 101.
- ³¹ Мухина С.Л. Безвестные декабристы (С.Д. Нечаев, П.Д. Черевин). С. 231.
- ³² Нечкина М.В. 150-летний юбилей восстания декабристов // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 23–24.
- ³³ Отчасти пробел заполняет том VI серии «Восстание декабристов», в который вошли документы расследования восстания Черниговского полка, подготовленный Ю.Г. Оксманом.
- ³⁴ Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГИА СССР. М., 1975. Вып. 1–3.
- ³⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 283. «Дело об истребовании по всему государству вновь обязательств от всех находящихся в службе и отставных чиновников и не служащих дворян, в том, что они ни к каким тайным обществам впредь принадлежать не будут».
- ³⁶ См. об этом главу 1.
- ³⁷ Речь идет не только о материалах Следственной комиссии, но также о документации полковых следственных комиссий и комиссий при Главных штабах 1-й и 2-й армий.
- ³⁸ Дела III Отделения, судебных и надзорных органов Военного министерства и надзорных органов МВД.
- ³⁹ См.: Задонский Н.А. Жизнь [Н.Н.] Муравьева. Документальная историческая хроника. М., 1974; Мухина С.Л.: 1) Из истории литературы декабризма. Деятельность члена Союза Благоденствия С.Д. Нечаева // Русский язык в киргизской школе. 1971. № 1 (69). С. 25–29; 2) Безвестные декабристы (С.Д. Нечаев, П.Д. Черевин). С. 231–251; 3) Современник декабристов С.Д. Нечаев. С. 183–187; Осипов В.О. Пропавший без вести декабрист // Осипов В.О. Перстень с поля Куликова: Хроника шести судеб. М., 1987. С. 5–80; Киянская О.И. Судьба солдата // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 152–169.
- ⁴⁰ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 171; Восстание Черниговского полка (новые материалы) / Публ. Ю.Г. Оксмана // Декабристы: Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 8.
- ⁴¹ Этим перечнем в настоящее время исчерпывается круг лиц, обнаруживших свое участие в тайном обществе в ходе «подписки». Возможно, дальнейшее изучение фондов III Отделения и других учреждений добавит к этому ряду новые имена.
- ⁴² Отголоски 14-го декабря 1825 года в Московском университете. С. 346.
- ⁴³ Там же. С. 347.
- ⁴⁴ Мухина С.Л. Безвестные декабристы (С.Д. Нечаев, П.Д. Черевин). С. 243.
- ⁴⁵ Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций

- ЦГВИА СССР. Вып. 1. С. 227; Декабристы. С. 212. Ср.: *Серков А.И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 245.
- ⁴⁶ *Серков А.И.* История русского масонства XIX века. С. 204.
- ⁴⁷ Декабристы. С. 212.
- ⁴⁸ Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Вып. 1. С. 121. При составлении биографического справочника «Декабристы» сведения, помещенные в указателе декабристских материалов РГВИА, касающиеся Градовского, были учтены, но подобные сведения о П. Афанасьеве не приняты во внимание.
- ⁴⁹ *Серков А.И.* История русского масонства XIX века. С. 245–246.
- ⁵⁰ Следует отметить, что автор детального исследования русского масонства XIX в. без необходимой аргументации отнес к числу членов Союза благоденствия масонов А.А. Шафонского и М.М. Муромцева (*Серков А.И.* История русского масонства XIX века. С. 203).
- ⁵¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 283. Л. 84; выделено в тексте документа.
- ⁵² РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 283.
- ⁵³ Месяцослов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. СПб., 1827. Ч. 1. С. 779.
- ⁵⁴ Отголоски 14-го декабря 1825 года в Московском университете. С. 346. Ср.: *Мухина С.Л.* Безвестные декабристы (С.Д. Нечаев, П.Д. Черевин). С. 242.
- ⁵⁵ См.: *Мухина С.Л.* Современник декабристов С.Д. Нечаев. С. 183–187.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1191. Л. 30–30 об. Ср.: *Мухина С.Л.* Безвестные декабристы (С.Д. Нечаев, П.Д. Черевин). С. 242, 250.
- ⁵⁷ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 143, 195.
- ⁵⁸ Цит. по: *Мухина С.Л.* Безвестные декабристы (С.Д. Нечаев, П.Д. Черевин). С. 243. Оригинал хранится: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1191. Л. 30–30 об.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 3183; Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. С. 143.
- ⁶⁰ *Мухина С.Л.* Современник декабристов С.Д. Нечаев. С. 185.
- ⁶¹ ВД. Т. XX. С. 362. Согласно записи журнала Комитета о заседании 22 февраля 1826 г., Юмин показал не о Бахметеве, а о Бахметевых (ВД. Т. XVI. С. 113).
- ⁶² ВД. Т. XX. С. 363.
- ⁶³ ВД. Т. XX. С. 364; Т. XVI. С. 121.
- ⁶⁴ ВД. Т. XX. С. 225.
- ⁶⁵ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1980. С. 308.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 6. Л. 3. Это показание П.И. Пестеля недавно опубликовано в составе «дела о существовании (многого) тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе» (ВД. Т. XIX. С. 368).
- ⁶⁷ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 450.
- ⁶⁸ Высочайшие приказы о чинах военных на 1818 год. СПб., 1818. С. 203.
- ⁶⁹ *Липранди И.П.* Замечания на воспоминания Ф.Ф. Вигеля. Из дневниковых записок И.П. Липранди. М., 1873. С. 146; здесь же (С. 147–148) развернутое описание самой дуэли.
- ⁷⁰ Декабристы. С. 141.
- ⁷¹ *Манзей К.* История лейб-гвардии Гусарского полка. СПб., 1859. Ч. 3. С. 54; *Туган-Мирза-Барановский А.* История л.-гв. Кирасирского Его величества полка. СПб., 1872. С. 388.
- ⁷² *Манзей К.* История лейб-гвардии Гусарского полка. Ч. 3. С. 48.

- ⁷³ Там же. Ч. 2. С. 97, 141.
- ⁷⁴ Высочайшие приказы о чинах военных на 1815 год. СПб., 1815. С. 55.
- ⁷⁵ Нам осталась недоступной раритетная печатная история Ольвиопольского уланского (в начале XIX в. — гусарского) полка, составленная Д.А. Масальским-Суриным и М.К. Соколовским, изданная в небольшом количестве экземпляров в 1914 г. и содержащая биографические данные о командирах полка.
- ⁷⁶ ВД. Т. IX. С. 186 (выделено нами — *П.И.*).
- ⁷⁷ Там же. С. 193 (франц. яз.), 199 (перевод).
- ⁷⁸ Декабристы. С. 121.
- ⁷⁹ *Тимофеев Л.В.* В кругу друзей и муз: Дом А.Н. Оленина. Л., 1983. С. 46, 130. Ср.: *Муравьев Н.М.* Письма декабриста. 1813–1826 гг. / Изд. подгот. Э.А. Павлюченко. М., 2001. С. 247.
- ⁸⁰ *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001. С. 112–113. «Генерал П.» не идентифицирован комментатором тома А.Р. Курилкиным.
- ⁸¹ Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 170, 303.
- ⁸² Декабристы. С. 16.
- ⁸³ ВД. Т. IX. С. 238, 266, 34, 165; Т. XIX. С. 224–225.
- ⁸⁴ *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 45.
- ⁸⁵ Сборник биографий кавалергардов / Сост. С.А. Панчулидзева. Т. 3. СПб., 1906. С. 227–230.
- ⁸⁶ *Семенова А.В.* К истории Союза благоденствия (по неопубликованным следственным делам декабристов) // Советские архивы. 1985. № 6. С. 30
- ⁸⁷ *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 42–43; *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 299–300.
- ⁸⁸ ВД. Т. XX. С. 253–254 (выделено нами — *П.И.*).
- ⁸⁹ Согласно данным «Месяцослова с росписью чиновных особ ... на лето от Рождества Христова 1822» (СПб., 1822. Ч. 1. С. 153), в 1822 г. в Измайловском полку служил штабс-капитан Иван Иванович Логинов.
- ⁹⁰ ВД. Т. XVIII. С. 189.
- ⁹¹ ВД. Т. XX. С. 256 (выделено нами — *П.И.*).
- ⁹² ВД. Т. XX. С. 336.
- ⁹³ ВД. Т. XVIII. С. 188–189. Ср.: *Семенова А.В.* Предисловие // ВД. Т. XX. С. 10; *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 35, 41, 43.
- ⁹⁴ ВД. Т. XX. С. 537–538 (комментарий А.В. Семеновой).
- ⁹⁵ В этой связи обращает на себя внимание указание на отставного офицера Гренадерского полка Николая Порохова (ВД. Т. II. С. 111), находившегося в дружеских отношениях с Н.А. Пановым.
- ⁹⁶ ВД. Т. XI. С. 331 (в публикации фамилия Панютин выделена курсивом; в подлиннике она подчеркнута — *П.И.*).
- ⁹⁷ Там же. С. 343–344. Ср.: *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 46.
- ⁹⁸ Об Андрешевском см. в главе 4.
- ⁹⁹ Декабристы. С. 176, 173, 115, 34, 181, 188, 155. О П.А. Набокове см. далее.
- ¹⁰⁰ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 154. Оп. 1. Д. 44. Л. 41.
- ¹⁰¹ Единственная оговорка, которой нужно сопроводить наш вывод о принадлежности к декабристскому обществу Ф.С. Панютина, заключается в том, что находившийся

- в Сибири мемуарист мог не знать, кто именно из братьев в 1840-е гг. возглавлял дивизию.
- ¹⁰² По формулировке Н.В. Басаргина, «масонское общество благоденствия» (ВД. Т. XIII. С. 283).
- ¹⁰³ Автор вступительной статьи к изданию воспоминаний Басаргина И.В. Порох ошибочно полагал, что Бруннер назвал Басаргину Н.М. Муравьева, хотя в тексте показаний речь несомненно идет о младшем брате А.Н. Муравьева Михаиле Николаевиче (*Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи.* Иркутск, 1988. С. 6. Ср.: ВД. Т. XIII. С. 284).
- ¹⁰⁴ ВД. Т. XIII. С. 284 (выделено в тексте документа — *П.И.*).
- ¹⁰⁵ ВД. Т. XIII. С. 304.
- ¹⁰⁶ *Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи.* С. 311, 317. Следует исправить неточность, допущенную составителем тома письменного наследия Басаргина И.В. Порохом, который назвал В.Х. Христиани «однокашником мемуариста по школе колонновожатых» (Там же. С. 6). В действительности, они обучались там в разное время. Согласно воспоминаниям Басаргина, Христиани уже был офицером-преподавателем математики и черчения Училища колонновожатых и, кроме того, периодически исполнял должность помощника инспектора (Там же. С. 311, 317).
- ¹⁰⁷ *Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи.* С. 311, 314, 316, 325–326.
- ¹⁰⁸ ВД. Т. XIII. С. 284.
- ¹⁰⁹ *Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование.* СПб., 1898. Т. 4. С. 211.
- ¹¹⁰ *Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель.* С. 34, 37, 40.
- ¹¹¹ См.: *Семенова А.В. К истории Союза благоденствия (по неопубликованным следственным делам декабристов).* С. 26–32; *Макаров В.Б. Декабрист И.Г. Бурцов.* Саратов, 1981.
- ¹¹² *Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование.* Т. 4. С. 211; комментарий — С. 623.
- ¹¹³ Ряд Николай Андреевич // *Русский биографический словарь.* Т. 15. Притвиц–Рейс. СПб., 1910. С. 524.
- ¹¹⁴ «Бедный флигель-адъютант Ряд наповал убит был единственным почти ядром, брошенным турками», — писал в одном из своих писем Ф.П. Фонтон (*Фонтон Ф.П. Юмористические, политические и военные письма из Главной квартиры дунайской армии в 1828 и 1829 годах.* Лейпциг, 1862. Т. 1. С. 109).
- ¹¹⁵ ВД. Т. XVI. С. 121; Алфавит. С. 332–333 (сведения справки о П.В. Хавском).
- ¹¹⁶ Записки сенатора Я.А. Соловьева о крестьянском деле. Глава 3. Центральные учреждения по крестьянскому делу // *Русская старина.* 1882. Т. 33. № 1. С. 237.
- ¹¹⁷ Там же. С. 238, 231. Стоит обратить внимание на тот факт, что после смерти Николая I дело либеральных реформ начали уцелевшие и достигшие вершин управления бывшие участники декабристских тайных обществ С.С. Ланской и Я.И. Ростовцев, а также близкие к ним лица (в т. ч. сыновья члена Союза благоденствия П.Н. Семенова Н.П. и П.П. Семеновы).
- ¹¹⁸ *Герасимова Ю.И., Думин С.В. Декабрист Александр Николаевич Муравьев // Муравьев А.Н. Сочинения и письма.* Иркутск, 1986. С. 28.
- ¹¹⁹ *Серков А.И. История русского масонства XIX века.* С. 24, 154, 157–158, 212, 231, 234, 265.
- ¹²⁰ *Волконский С.Г. Записки.* Иркутск, 1991. С. 365.
- ¹²¹ Там же. С. 474. Попутно отметим ошибку С.С. Ланды, который полагал, что А.М. Мейер был принят Волконским в Южное общество в 1823 г. (*Ланда С.С. О*

- некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России (1816–1821 гг.) // Пушкин и его время: Исследования и материалы. Л., 1962. Вып. 1. С. 149). Также считаем необходимым указать на неточность М.В. Нечкиной: историк назвала членом Союза благоденствия не А.М. Мейера, а доктора Н.В. Мейера, знакомого М.Ю. Лермонтова и ссыльных декабристов на Кавказе (*Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 223).
- ¹²² Бумаги графа А.А. Закревского // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 78. С. 210.
- ¹²³ В первых изданиях записок С.Г. Волконского в числе участников тайного общества был еще указан Клейн — реальное лицо, офицер при Главном штабе 2-й армии (*Басаргин Н.В.* Воспоминания. Рассказы. Статьи. С. 52). По этой причине он фигурирует в декабристологической литературе (см.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 223). В новом издании записок, осуществленном по авторской рукописи, фамилия «Клейн» исправлена на «Кальм» (*Волконский С.Г.* Записки. С. 364).
- ¹²⁴ *Трубецкой С.П.* Записки // *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 245.
- ¹²⁵ *Задонский Н.А.* Жизнь Муравьева. С. 152–154, 432; *Нечкина М.В.*: 1) Священная артель. Кружок А. Муравьева и И. Бурцова 1814–1817 гг. // *Декабристы и их время.* М., 1951. С. 168–169; 2) Движение декабристов. Т. 1. С. 124–125, 127.
- ¹²⁶ *Нечкина М.В.* Священная артель. С. 169.
- ¹²⁷ Писатель и историк Н.А. Задонский, специально изучавший биографию Н.Н. Муравьева и обнаруживший часть его личного архива, не знал, по-видимому, об указании С.П. Трубецкого, но был убежден в участии своего героя в Союзе благоденствия. В «документальной исторической хронике» «Жизнь Муравьева» он описал его прием в тайное общество и отнес его к июню 1820 г., — времени короткого пребывания Муравьева в Петербурге. По мнению Задонского, в декабристский союз Николая Муравьева принял его двоюродный брат Никита Муравьев (*Задонский Н.А.* Жизнь Муравьева. С. 147, 152–153).
- ¹²⁸ *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Иркутск, 1980. С. 130.
- ¹²⁹ *Декабристы.* С. 211, 213.
- ¹³⁰ *Литке Ф.П.* Из семейных записок // *Безобразов В.П.* Граф Федор Петрович Литке. СПб., 1888. С. 110; 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 432.
- ¹³¹ *Литке Ф.П.* Из семейных записок. С. 91
- ¹³² С 1839 г. Ф.С. Лутковский, вместе с Ф.П. Литке, состоял при генерал-адмирале великом князе Константине Николаевиче, в 1849 г. стал флигель-адъютантом, а затем и контр-адмиралом в Свите (*Декабристы.* С. 107).
- ¹³³ *Раевский В.Ф.* Записки // *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 345.
- ¹³⁴ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 114–115 (выделено автором письма — *П.И.*).
- ¹³⁵ *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. Т. 1. 1698–1825 гг. СПб., 1883. С. 282, 400.
- ¹³⁶ Мемуарист неверно передает их чины; согласно его изложению, Троцкий был поручиком, а Труссов подпоручиком, и оба являлись ротными командирами.
- ¹³⁷ *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. М., 1963. С. 99–100.
- ¹³⁸ Там же. С. 100–101.
- ¹³⁹ Там же. С. 101.
- ¹⁴⁰ Любопытно, что Горбачевский ничего не говорит о том, что на момент попытки

- Троцкого—Трусова в Полтавском полку имелся еще один участник «Общества соединенных славян» — прапорщик Я.А. Драгоманов, тот самый, который, по данным мемуариста, принял обоих офицеров в тайное общество. Драгоманов также находился в Бобруйске, занимая должность полкового аудитора (ВД. Т. XIX. С. 296). Он был арестован позже, 18 марта 1826 г. На следствии, проводившемся при штабе 1-й армии, показал, что хотя на него и возлагалась обязанность «умножения общества членами», он «...не говорил никому об обществе и в оное никого не привлек» (ВД. Т. XIX. С. 305, 308, 311; Алфавит. С. 254. Ср.: *Сунрюк С.К.* Драгоманов Яков Акимович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. Г—К. М., 1992. С. 180). Еще один заговорщик офицер Полтавского полка поручик А.В. Усовский находился в отпуске, а затем отсутствовал по болезни, и только 10 марта вернулся в полк; арестован он был также 18 марта (ВД. Т. XIX. С. 292, 296; Декабристы. С. 182).
- ¹⁴¹ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 390—391. Материалы военно-судного дела см.: РГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Св. 14. Д. 111 («О прапорщике Саратовского (sic) пехотного полка Трусове, преданному суду за дерзкие слова, произнесенные им против высочайшей особы государя императора»).
- ¹⁴² *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 489; Декабристы. С. 173.
- ¹⁴³ В литературе, из-за противоречий между сведениями записок Горбачевского и данными материалов военно-судного производства, существуют разноречивые указания о приговоре военного суда по делу Троцкого—Трусова. Горбачевский сообщает о смертном приговоре, замененном по конфирмации вечной крепостной работой (*Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 101; Декабристы. С. 214). В то же время документы комиссии военного суда говорят об ином приговоре: для Трусова — лишение чина, дворянства, гражданская казнь, крепостные работы (без обозначения срока?) в Бобруйской крепости, для Троцкого — лишение чина, крепостное заключение сроком на год в Бобруйской крепости (*Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 391; Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Вып. 3. С. 648, 650). Более обоснованными, несомненно, нужно считать данные военно-судного дела. Следует, кроме того, исправить неверные сведения Горбачевского о Трусове — по данным справочника документов РГВИА, его звали не Степан Петрович, а Степан Иванович; он имел чин прапорщика, а не подпоручика (Там же. С. 650).
- ¹⁴⁴ *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 10.
- ¹⁴⁵ Восстание Черниговского полка (новые материалы) / Публ. Ю.Г. Оксмана // Декабристы: Незданные материалы и статьи. М., 1925. С. 8.
- ¹⁴⁶ ВД. Т. IV. С. 238.
- ¹⁴⁷ Рапорт Комиссии военного суда при Главной квартире 1-й армии // Русский архив. 1902. № 6. С. 287—288. Ср.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 487.
- ¹⁴⁸ *Муравьев-Апостол М.И.* Воспоминания и письма // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 191.
- ¹⁴⁹ *Вадковский Ф.Ф.* Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 192.
- ¹⁵⁰ *Муравьев-Апостол М.И.* [Примечания к мемуарному очерку Ф.Ф. Вадковского «Белая Церковь»] // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 200 (выделено нами — *П.И.*).
- ¹⁵¹ *Вадковский Ф.Ф.* Белая Церковь. С. 193.
- ¹⁵² *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 66, 316 (выделено нами — *П.И.*).
- ¹⁵³ ВД. Т. IV. С. 286; Т. IX. С. 47.
- ¹⁵⁴ ВД. Т. XI. С. 110—111.

- ¹⁵⁵ Вадковский Ф.Ф. Белая Церковь. С. 193. Ср.: Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. С. 356 (выделено нами — П.И.).
- ¹⁵⁶ Алфавит. С. 301.
- ¹⁵⁷ Восстание Черниговского полка (новые материалы) С. 9.
- ¹⁵⁸ ВД. Т. IV. С. 249; Показания А.Е. Мозалева от 9 января 1826 г. // Красный архив. 1925. Т. 6 (13). С. 37; ВД. Т. VI. С. 21.
- ¹⁵⁹ Горбачевский И.И. Записки. Письма. С. 74.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 83.
- ¹⁶¹ В свете сказанного определенный интерес представляет следующее обстоятельство: 1 января 1826 г. к ротному командиру Кременчугского полка Пржевальскому явился офицер-черниговец К.К. Маевский и рассказал о событиях в своем полку. Пржевальский немедленно сообщил обо всем услышанном полковому командиру Набокову (ВД. Т. VI. С. 153). Вопрос о том, с какой целью вовлеченный в восстание Маевский оказался в казармах полка, возглавляемого Набоковым, может иметь не один ответ и требует серьезного исследования.
- ¹⁶² Восстание Черниговского полка (новые материалы). С. 6–21.
- ¹⁶³ ВД. Т. VI. С. 336.
- ¹⁶⁴ Приказ опубликован: Восстание Черниговского полка (новые материалы). С. 12.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 9.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 9; Горбачевский И.И. Записки. Письма. С. 91.
- ¹⁶⁷ ВД. Т. VI. С. 105–106.
- ¹⁶⁸ Восстание Черниговского полка (новые материалы). С. 22.
- ¹⁶⁹ ВД. Т. IV. С. 259, 285.
- ¹⁷⁰ Восстание Черниговского полка (новые материалы). С. 9.
- ¹⁷¹ О некоторых из них см. главу 2.
- ¹⁷² Восстание Черниговского полка (новые материалы). С. 8.
- ¹⁷³ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 154. Оп. 1. Д. 44. Л. 41.
- ¹⁷⁴ Показания самого Трубецкого, С. Муравьева-Апостола, М.Ф. Орлова: ВД. Т. I. С. 35; Т. IV. С. 284; Т. XX. С. 173. Ср.: Лавров Н.Ф. Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 189; Павлова В.П. Декабрист С.П. Трубецкой // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 26–27.
- ¹⁷⁵ Толстой В.С. Воспоминания // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 27.
- ¹⁷⁶ ВД. Т. XV. С. 238.
- ¹⁷⁷ Толстой В.С. Воспоминания. С. 105.
- ¹⁷⁸ Смирнов Я.С. История 65-го пехотного Московского Е.И. Высочества государя наследника цесаревича полка. Варшава, 1890. С. 348, 349.
- ¹⁷⁹ ВД. Т. XV. С. 323.
- ¹⁸⁰ Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1883. СПб., 1883. Т. 2. С. 78.
- ¹⁸¹ Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 31.
- ¹⁸² Пестриков Н. История л.-гв. Московского полка. СПб., 1904. Т. 2. С. 21.
- ¹⁸³ Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка. С. 176.
- ¹⁸⁴ Декабристы. С. 374–375.
- ¹⁸⁵ ВД. Т. I. С. 411, 490.
- ¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 242; ВД. Т. XVI. С. 300–307. Дополнительные данные о Лашкевиче можно почерпнуть из дел РГВИА (Движение декабристов. Именной указатель... Вып. 2. С. 399).

- ¹⁸⁷ Пестриков Н. История л.-гв. Московского полка. СПб., 1904. Т. 2. С. 21, 46.
- ¹⁸⁸ Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // *Азадовский М.К.* Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 159–160.
- ¹⁸⁹ Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 40.
- ¹⁹⁰ ВД. Т. XV. С. 38.
- ¹⁹¹ Литке Ф.П. Из семейных записок // *Безобразов В.П.* Граф Федор Петрович Литке. СПб., 1888. С. 109; 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 431.
- ¹⁹² Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 2. С. 132.
- ¹⁹³ Декабристы. С. 214.
- ¹⁹⁴ ВД. Т. VI. С. 87, 200.
- ¹⁹⁵ ВД. Т. VI. С. 149, 240.
- ¹⁹⁶ ВД. Т. IV. С. 307, 310; Т. VI. С. 177, 201, 239–240.
- ¹⁹⁷ Киянская О.И. Участь солдата // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 159. Ср.: ВД. Т. VI. С. 304, 306, 309.
- ¹⁹⁸ ВД. Т. VI. С. 201, 304.
- ¹⁹⁹ Киянская О.И. Южный бунт. С. 58, 59.
- ²⁰⁰ ВД. Т. IV. С. 251; ВД. Т. VI. С. 144, 149.
- ²⁰¹ Киянская О.И. Участь солдата. С. 162; ср.: ВД. Т. IV. С. 249; Т. VI. С. 99, 146–147, 151, 192, 201, 334.
- ²⁰² Их членство подтверждено в «Записках» И.И. Горбачевского (*Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 50). См. главу 2.
- ²⁰³ ВД. Т. VI. С. 303–311; Т. IV. С. 304–311. Ср.: *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 46, 48–50, 52, 63.
- ²⁰⁴ ВД. Т. VI. С. 308. Ср.: *Киянская О.И.* Южный бунт. С. 89, 94.
- ²⁰⁵ ВД. Т. VI. С. 201.
- ²⁰⁶ Багговут А.Ф. Из записок // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 318 (полная публикация записок: *Русская старина.* 1883. Т. 40. № 10. С. 111–136).
- ²⁰⁷ Там же. С. 319.
- ²⁰⁸ Пестриков Н. История л.-гв. Московского полка. Т. 2. С. 9, 40–41.
- ²⁰⁹ Багговут А.Ф. Из записок. С. 320.
- ²¹⁰ Воспоминания Бестужевых. М., 1951. С. 398.
- ²¹¹ Там же. С. 388, 389.
- ²¹² 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 320.
- ²¹³ Пестриков Н. История л.-гв. Московского полка. Т. 2. С. 97–98.
- ²¹⁴ Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Л., 1989. С. 199.
- ²¹⁵ Записка генерал-адъютанта Игнатъева // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб.; Кишинев, 2001. С. 109.
- ²¹⁶ Там же. С. 103. Ср.: *Корф М.А.* Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. Герцен и Огарев против барона Корфа. М., 1994. С. 269.
- ²¹⁷ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 63; *Междоусербие.* С. 87–88.
- ²¹⁸ *Бестужев М.А.* 14 декабря 1825 года // Воспоминания Бестужевых. М., 1951. С. 73.
- ²¹⁹ *Якушкин И.Д.* Четырнадцатое декабря // *Якушкин И.Д.* Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 246.
- ²²⁰ *Свиштунов П.Н.* Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии

- 14 декабря и о декабристах // *Свистунов П. Н.* Сочинения и письма. Т. 1. Сочинения. Письма (1825–1840). Иркутск, 2002. С. 170.
- 221 *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 139.
- 222 Заметки [г. Б-го] к биографии генерал-адъютанта К.В. Чевкина / Сообщ. Н.Н. Се-лифонтовым // *Русская старина*. 1877. Т. 19. № 6. С. 330.
- 223 ВД. Т. XVIII. С. 133.
- 224 *Ореус И.И.* Константин Владимирович Чевкин. 1803-1875. Биографический очерк // *Русская старина*. 1877. Т. 19. № 5. С. 330.
- 225 *Фрейман О.Р.* Пажи за 183 года. 1711–1894. Фридрихсгамн, 1894. Вып. 1. С. 237.
- 226 ВД. Т. XX. С. 53 (выделено нами — *П.И.*).
- 227 ВД. Т. XVIII. С. 129, 126.
- 228 ВД. Т. XVIII. С. 22, 25.
- 229 *Ореус И.И.* Константин Владимирович Чевкин. С. 4.
- 230 *Пуцин М.И.* Из «Записок» // *Пуцин И.И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 403.
- 231 ВД. Т. XVIII. С. 22, 25.
- 232 Вопрос о возможном расследовании в отношении Чевкина могут прояснить документы РГВИА (см.: Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Вып. 3. С. 696).
- 233 *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 101, 223; *Габаев Г.С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка // *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. С. 183, 185, 188; 14 декабря 1825 года и его истолкователи. Герцен и Огарев против барона Корфа. М., 1994. С. 423; *Гордин Я.А.* Мятёж реформаторов. С. 214–215.
- 234 *Корф М.А.* Восшествие на престол императора Николая I-го. С. 269.
- 235 В биографическом справочнике «Декабристы» ошибочно назван Александром (Декабристы. С. 213). В действительности ротного командира л.-гв. Гренадерского полка штабс-капитана Пушина звали Андреем Павловичем (Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. СПб., 1825. Ч. 1. С. 176).
- 236 *Корф М.А.* Восшествие на престол императора Николая I-го. С. 284.
- 237 *Якушкин В.Е.* Заметки А.Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г. // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 381 (включен в «Алфавит» Боровкова — см.: Алфавит. С. 340)
- 238 Воспоминания В.И. Зальца // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб.; Кишинев, 2001. С. 170, 177.
- 239 *Литке Ф.П.* Из семейных записок. С. 110.
- 240 *Багговут А.Ф.* Записки // *Русская старина*. 1883. Т. 40. № 10. С. 115, 116.
- 241 Записки сенатора Я.А. Соловьева о крестьянском деле. С. 238.
- 242 Заметки [г. Б-го] к биографии генерал-адъютанта К.В. Чевкина. С. 330. В 1861 г. К.В. Чевкин лично представил императору Александру II прошение о назначении пенсии брату. Из него видно, что генеральный консул в Сицилии статский советник А.В. Чевкин поступил на службу в министерство иностранных дел около 1829 г., а на должности генерального консула служил с 1836 г. Просьба была удовлетворена: Александр Чевкин вышел в отставку с правом проживания за границей и большой пенсией (РО ИРЛИ. Ф. 518 (К.В. Чевкина). Д. 131. Л. 1).
- 243 Алфавит. С. 305, 307, 308, 309.
- 244 Об этом говорят случаи включения в «Алфавит» лиц, уже умерших к моменту начала следственного процесса (Ф.А. Бистром, И.И. Богданович, А.Д. Кузьмин,

И.И. Муравьев-Апостол, А.А. Токарев, Н.И. Филиппович, П.Д. Черевин, К.П. Чернов, М.А. Шепилло и др.).

²⁴⁵ Алфавит. С. 332–333.

²⁴⁶ *Боровков А.Д.* Автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 343.

²⁴⁷ Там же. С. 342.

²⁴⁸ Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Вып. 1. С. 227; Вып. 3. С. 544.

²⁴⁹ *Якушкин И.Д.* Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 99; [Донос М.К. Грибовского] // *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV. С. 210.

²⁵⁰ ВД. Т. I. С. 31, 85.

ГЛАВА 4

«ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ДЕКАБРИСТЫ»

Критика документальных свидетельств о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.

Проблема вероятных участников декабристского движения. Особенности и систематизация документальных свидетельств

В исторической литературе до сих пор не получил должного отражения круг лиц, которых можно считать возможными участниками тайных обществ, заговора и военных выступлений декабристов. В распоряжении читателя нет специального исследования, посвященного данному вопросу; имеются лишь некоторые соображения на этот счет в рамках монографических работ, отдельные наблюдения в составе комментариев к справочным изданиям и публикациям документов. В предыдущей главе рассматривалась категория декабристов, которых следует считать несомненными участниками тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., несмотря на то что принадлежность их к конспиративным объединениям декабристского ряда не нашла отражения в итоговых документах следствия.

Существует еще одна категория лиц, для выяснения участия которых в тайных обществах и военных выступлениях декабристов требуются дополнительные разыскания, подтверждение и проверка другими данными и т. д. Свидетельства о причастности к тайным обществам лиц этой категории не могут быть признаны бесспорно устанавливающими их принадлежность к декабристам. Представителей данной группы следует считать вероятными, или предполагаемыми декабристами.

В настоящем разделе предпринята попытка в наиболее полной степени выявить круг лиц, принадлежность которых к декабристам

требует дальнейшего выяснения. «Предполагаемые декабристы» — это группа лиц, в отношении которых при изучении конкретных документальных свидетельств можно выдвинуть обоснованное предположение о принадлежности к декабристским союзам или участию в организованных ими выступлениях.

Следует особо подчеркнуть, что причастность рассматриваемой группы лиц к тайным обществам или военным выступлениям декабристов, как правило, прослеживается достаточно определенно и не вызывает сомнений. Вместе с тем, прямые свидетельства о членстве требуют дополнительной проверки достоверности, поскольку они исходят не от самого члена общества, либо другого осведомленного лица. Это тот круг предполагаемых участников тайных обществ, из которого в результате последующих изысканий могут быть выявлены новые имена участников декабристской конспирации. В силу этого он заслуживает отдельного рассмотрения.

Особо подчеркнем, что речь идет о лицах, оказавшихся вне «Алфавита» Боровкова. В центре рассмотрения находятся «спорные случаи» участия в декабристских обществах и выступлениях, отсутствующие в известном справочном своде, обобщающем добытую следствием информацию. Таким образом, данная глава — о тех из «предполагаемых декабристов», кто остался неизвестен следствию или не заинтересовал его (документальные свидетельства о принадлежности к декабристам лиц, которые в ходе процесса доказали свою непричастность к тайным обществам и оправдались, рассмотрены в главе 2).

Как и группа оправданных, «предполагаемые декабристы», не затронутые следствием, не могут считаться несомненно установленными участниками конспиративных объединений, заговора и военных выступлений 1825–1826 гг. Но, в отличие от привлекавшихся к следствию и оправданных, степень причастности к «движению декабристов» этой группы лиц не рассматривалась на следствии, поэтому исследователь лишен возможности анализировать и сопоставлять обвиняющие и оправдательные следственные показания. Свидетельства, позволяющие сделать заключение о возможном участии в конспиративном обществе, встречаются как в документах следственного процесса, так и в источниках других видов.

Источники по истории декабристских обществ (следственные материалы, доносы и другие документы, современные эпохе, а также

мемуарные свидетельства) содержат указания на принадлежность к декабристским тайным обществам и участие в военных выступлениях, отличающиеся недостаточной определенностью или не имеющие надежного подтверждения. Причины появления указаний, на основе которых можно сделать заключения лишь предположительного характера, кроются, конечно, в особенностях «декабристского движения» как исторического явления. Тайные общества, ставившие своей целью изменения в государственном строе и социальном устройстве общества и обнаружившие свое существование открытым военным выступлением, конечно, не могли не оставить в источниках, наряду с четко проявленной информацией о деятельности их участников, также и определенную часть неясных и трудно проверяемых свидетельств.

Едва ли не все виды имеющихся исторических источников представляют те или иные трудности при установлении степени причастности к тайному обществу лиц, принявших участие в деятельности декабристской конспирации: как привлеченных к следствию, так и оставленных им без внимания.

Немногие документы, современные существованию тайных обществ, обнаруживают точные и достоверные данные об их составе. Это главным образом доносы на тайные общества, принадлежавшие их участникам. Но и в них содержится немало не вполне ясных, косвенных указаний или таких свидетельств, которые не отличаются достаточной точностью, сопровождаются оговорками и т. д.

Официальное расследование наложило свой отпечаток на представления о персональном составе тайных обществ. Занимаясь его реконструкцией, историк имеет дело главным образом со следственными показаниями, полученными в результате деятельности органов расследования, учрежденных для обвинения лиц, составивших «злумышленное тайное общество». Опираясь сведениями такого рода источников, всегда приходится делать оговорку в отношении их особенностей, состоящих в обвинительном направлении, тенденциозности содержания, специальном отборе фактов и т. д. Однако отмеченные особенности следственных показаний как информационного массива оказывают влияние и на степень полноты содержащихся в них сведений о персональном составе конспиративных союзов и заговора декабристов. Применительно к вопросу о «предполагаемых декабристах» это означает, что могли появиться отдельные случаи,

когда обнаружить принадлежность к «злоумышленному тайному обществу», являвшуюся основанием для ареста и наказания, не были заинтересованы ни подследственные, ни, при определенных обстоятельствах, само следствие. В ряде случаев, как уже отмечалось, участие в тайных обществах или знание об их существовании влиятельных лиц, значимых в военной и административной иерархии, близких к высшим кругам, не подвергалось специальному расследованию и осталось до конца не вскрытым. В этой связи вполне объяснимым становится появление в показаниях и других материалах следственного процесса не вполне подтвержденных, недостаточно ясных свидетельств, которые позволяют считать названное лицо предполагаемым участником декабристских обществ и военных выступлений.

Огромный массив информации, проходившей через чиновников следствия, незафиксированные в следственных документах результаты устных допросов также обусловили возможность появления спорных, не имеющих однозначного толкования случаев, а также незамеченных следствием указаний на принадлежность к тайному обществу, которые теперь необходимо признать свидетельством о *возможном участии в декабристской организации или заговоре*.

Историками справедливо замечено, что подследственные, по крайней мере многие из них, старались «не впутывать» в орбиту следственного процесса новых лиц, мало замешанных в дело. Это, в свою очередь, также нередко приводило к появлению указаний на возможное участие в декабристской конспирации. Ведь расследование получало противоречивую информацию о степени причастности к движению — по той причине, что подследственные придерживались на процессе различной линии поведения и могли по-разному понимать пределы «откровенности», которую можно было допустить в показаниях. Причастность тех лиц, о которых следствие узнало лишь неопределенную или противоречивую информацию, иногда так и оставалась невыясненной (случай Ф.Ф. Матюшкина, о котором будет сказано в этой главе).

Таким образом, в силу сказанного недостаточно ясные и не полностью расследованные указания, имеющиеся в составе комплекса следственных материалов, могут служить надежным и правомерным основанием для заключений о предположительном участии в декабристском движении.

Материалы следствия далеко не исчерпывают не только действи-

тельный состав участников тайных обществ, но и «предположительный»: иллюстрацией к этому заключению служит целый ряд точно установленных членов тайного общества, «уцелевших» декабристов, которые выявляются по другим источникам (не менее 20 человек)¹.

В мемуарных текстах также обнаруживаются указания, которые следует отнести к свидетельствам о возможной принадлежности к декабристам. Имеется множество примеров такого рода свидетельств, относящихся ко времени, когда «процесс декабристов» давно ушел в прошлое, говорящих о том, что некоторые из участников тайных обществ избежали наказания, открывающих близость того или иного лица к декабристам, повествующих о том, что лишь случай (варианты: здравый ум, осторожность, занятия службой, связи с влиятельными лицами и т. д.) помог избежать привлечения к следствию и наказания. Есть и свидетельства о близком знакомстве с заговорщиками, об осведомленности о существовании тайных обществ, знании политической цели заговора и даже формальном присутствии в числе заговорщиков. Все ли из них недостоверны? Как представляется, если такие указания исходят от осведомленного лица, не содержат типологические признаки исторического анекдота, то они могут служить надежным подтверждением возможного членства в тайных обществах.

Разумеется, ретроспективные источники наделены своими особенностями. В частности, анализ содержащихся в них данных сопряжен с учетом субъективного взгляда автора на описываемые события и факты, движущих мотивов мемуариста, обстоятельств создания и т. д.

В рассматриваемых случаях не приходится сомневаться в том, что спустя многие годы, вплоть до 1860-х гг., бывшие участники тайных обществ и заговора 1825 г., уцелевшие от репрессий и оставшиеся в таком качестве неизвестными, об этом эпизоде своей биографии предпочитали не распространяться. Восстановление подлинной степени причастности к деятельности тайных обществ на основе свидетельств мемуарных источников затрудняется тем, что многие уцелевшие лица не были заинтересованы в афишировании своего участия в преследуемых правительством конспиративных союзах — ни в 1825–1826 гг., ни в следующую эпоху. В своих воспоминаниях, созданных в тот период, когда тема декабристского заговора находилась под запретом, они скрывали свое участие в декабристских обществах, «намекая» об этом лишь сообщениями о встречах и дружеских отношениях с людьми, осужденными по «делу 14 декабря», о «вольных» разговорах, замалчи-

вая при этом факт формальной связи с конспиративной организацией; сообщали о своем отказе в ответ на предложение вступить в тайное общество (воспоминания С.П. Шипова, П.Х. Граббе). В более позднее время, после амнистии осужденных в 1856 г. и легализации декабристской темы, в мемуарных текстах, принадлежавших лицам, не пострадавшим в 1826 г., появились упоминания об участии в «невинной» в политическом отношении благотворительной деятельности Союза благоденствия; при этом тайное общество представлялось в виде нравственно-просветительской организации, вроде масонской конспирации (воспоминания Ф.П. Толстого).

Для избежавших наказания по процессу, и тем более — для избежавших привлечения к следствию, признание своего участия в «злонамеренном тайном обществе» исключалось, в особенности это касается тех, кто впоследствии сделал значительную карьеру. Обнаружение причастности к «антигосударственному» военному заговору тех, кто имел высокие чины, первоначально грозило крахом всей карьеры и тяжелым наказанием, а спустя многие годы могло оказать специфически негативное влияние на облик «государственного мужа», занимавшего ответственные и высокие посты. Контакты с «антиправительственным заговором», даже имевшие место в далеком прошлом, сохраняли вполне реальное дискредитирующее значение на продолжительном отрезке времени (вплоть до 1860-х гг.).

В мемуарах, принадлежавших осужденным по процессу 1825–1826 гг., тоже нельзя исключить «фигуры умолчания» по рассматриваемому вопросу. И, прежде всего, в силу соображений морально-этического порядка: сообщать о членстве в тайном обществе избежавших наказания, еще здравствующих людей, в том числе занимающих высшие государственные должности, вряд ли было уместным. В мемуарах, вышедших из этой среды, авторы ограничивались, как правило, приведением имен тех, кто принадлежал к числу осужденных по «делу декабристов», либо был наказан без суда. Чаще всего в этих воспоминаниях содержится лишь общая констатация факта участия в тайном обществе лиц, не обнаруженных на следствии и избежавших наказания, без обозначения фамилий; лишь в редких случаях осужденные в 1826 г. авторы мемуаров приоткрывали завесу над составом группы необнаруженных участников тайных обществ (например, воспоминания С.П. Трубецкого и С.Г. Волконского, где названы несколько членов тайного общества, оставшихся неизвестными следствию).

Вместе с тем, и мемуарные свидетельства осужденных декабристов содержат указания о вероятном участии в тайных обществах. Причины этого, в значительной мере, сходны с теми мотивами, которые оказывали сдерживающие влияние на авторов, побуждая их не раскрывать причастность к декабристской конспирации необнаруженных участников движения. Субъективность мемуарных источников добавляет к этому дополнительные основания. В ретроспективных записках можно встретить свидетельства, имеющие косвенный характер, различные намеки, а также намеренное искажение реальных отношений. Одной из причин появлений подобных свидетельств является стремление некоторых авторов снизить (или наоборот, повысить) значимость заговора. Разнообразные оговорки, не позволяющие уверенно говорить о членстве в тайном обществе вновь названного лица, другие моменты, ослабляющие достоверность свидетельства, а также определенный контекст, сопровождающий свидетельство, — все это составляет характерные признаки указаний о возможном участии в декабристской конспирации.

Имея в виду то несомненное обстоятельство, что многие участники декабристских обществ в силу различных причин не были обнаружены следствием, правомерно выдвинуть предположение в отношении такого рода свидетельств, что большая их часть представляет собой попытки умолчать о своем членстве в политической конспирации, не раскрыв всей степени вовлеченности в движение.

Таким образом, в источниках — в основном, в материалах следствия и мемуарах — можно встретить свидетельства о лицах, причастность которых к декабристам не вызывает сомнений. При этом вопрос, было ли данное лицо участником тайного общества, остается до конца не разрешенным. Существует также некоторое количество труднопроверяемых или косвенных свидетельств, «намекающих» на членство в тайном обществе. Иными словами, факт принадлежности к тайному обществу не всегда удастся установить с необходимой достоверностью. Степень причастности к декабристской конспирации остается в ряде случаев непроясненной. Нередко исследование вопроса, являлось ли то или иное лицо полноправным членом общества или только знало о его существовании, готовилось к вступлению и т. п., затруднено из-за противоречий в показаниях на следствии и в свидетельствах других источников.

* * *

Мы уже отмечали, что выводы, к которым приходило следствие, в свою очередь влияли на сведения, которые утвердились в исследовательской традиции. Чаще всего вердикты, отразившие итоговый вывод следствия, служили и оценкой историка. В отношении спорных случаев, случаев предположительного участия в тайных обществах, наблюдается сходная картина: вопрос о формальном участии в декабристских союзах, как правило, не ставится и не исследуется, а непроясненные, оставшиеся неизвестными или незамеченные следствием фигуры, в основной своей массе, сохраняют этот статус и в научной традиции.

Безусловно, действительный состав тайных обществ был значительно шире известного нам по «Алфавиту» Боровкова и другим источникам. Как уже говорилось, отсутствующие в нем лица, в сущности, «апокрифичны» для исследователей декабристских обществ и существуют на периферии их внимания, являясь как бы «неканоническими» декабристами. Между тем, историкам лишь в небольшой степени известен состав многих отделений и ответвлений тайных обществ; он требует особого и внимательного исследования. Список этих обществ достаточно велик: «Общество военных людей», «Общество добра и правды», «Измайловское общество», общество Ф.Н. Глинки, «Практический союз». Далеко не полностью известен состав значительного числа управ Союза благоденствия, некоторых отделений и филиалов более поздних тайных обществ. Выяснение персонального состава перечисленных и других ответвлений декабристской конспирации неминуемо приводит к вопросу о предполагаемых их членах.

История тайного общества и военного заговора сопровождалась рядом обстоятельств, не лежащих на поверхности. Многие остаются неясным и отразилось в имеющихся источниках лишь в слабой степени. Например, на содействие каких именно лиц рассчитывали заговорщики, разрабатывая планы открытого военного выступления как в Петербурге, так и на юге? Кого они привлекли, кого осведомили о своих намерениях, на кого оказывали влияние? Скрытые «пружины» конспиративных связей нередко оставили лишь слабые отголоски в документах следствия. Историки разных поколений предпринимали усилия прояснить некоторые обстоятельства, не вскрытые или мало затронутые следствием². Проводятся такого рода попытки и в последнее время. Так, О.И. Киянская подвергла изучению намерение

П.И. Пестеля, строившего свои расчеты на содействие заговорщикам ряда влиятельных генералов, использовать финансовую зависимость от него чинов высшего командования 2-й армии, известен также факт доверительных личных связей лидера Южного общества с начальником Главного штаба 2-й армии П.Д. Киселевым³.

Достаточно задать ряд вопросов, чтобы понять: отнюдь не все известно о конспиративных связях организаторов заговора и военных выступлений, что часть их осталась нераскрытой следствием. Почему С.И. Муравьев-Апостол был убежден в содействии многих полков, стоявших под Киевом, и сообщал П.И. Пестелю, что готов начать выступление в любой момент? Эта уверенность не могла не опираться на согласие целого ряда полковых командиров (или, по крайней мере, батальонных и эскадронных начальников). Из числа состоявших в тайном обществе полковых командиров следствие «открыло» И.С. Повало-Швейковского, В.К. Тизенгаузена и А.З. Муравьева. Вряд ли это было достаточно для уверенных расчетов заговорщиков на весь корпус, тем более что первый из перечисленных осенью 1825 г. был лишен командования. Видимо, круг полковых командиров и высших чинов 1-й армии, посвященных в существование заговора, был более многочисленным, в сравнении с обнаруженным на следствии. Открытие существования тайного общества подразумевало и посвящение в политические планы и намерения, что фактически означало присоединение к членам декабристской конспирации.

Реальная картина конспиративных связей также представляется довольно сложной и разнообразной. Помимо «полноценных» участников тайных обществ, существовали рядовые, менее осведомленные, периферийные участники; были случаи осведомленности о существовании и целях тайного общества, когда вошедшее в орбиту влияния конспиративной организации лицо формально не являлось его членом. Многие представители «периферии» вовлекались в тайное общество случайными обстоятельствами, другие были убежденными сторонниками перемен, но, в противоположность «ядру» конспиративных организаций, не принимали активного участия в конспиративных отношениях, были связаны с одним или несколькими участниками движения⁴. «Ядро» попало в орбиту внимания следствия, «периферия» лишь отчасти была обнаружена им.

Приведенные соображения служат основанием для пересмотра утвердившегося в научной традиции подхода, опирающегося на вы-

воды следствия. В отношении подавляющего большинства лиц, предположительно входивших в тайные общества, в исторической литературе констатируется их осведомленность о существовании тайных обществ (иногда можно встретить развернутую характеристику степени их причастности к тайному обществу в следующем виде: «по сведениям, не подтвержденным другими источниками, знал о цели и намерениях заговорщиков, но членом не состоял»). При этом вывод о принадлежности к тайным обществам, пусть и предположительный, является скорее исключением. Между тем показания источников, как правило, дают необходимое основание для такого вывода.

Наряду с осторожными оценками, констатирующими неявную (недостаточно выявленную, но вполне возможную) связь с тайным обществом, в исторической литературе существует и другая тенденция: объявление «прикосновенных» к «делу декабристов» безвинно пострадавшими, в силу дружеских связей с осужденными. Этот подход фактически отказывает всем категориям, кроме осужденных Верховным уголовным судом, в самом «незначительном» участии в деятельности тайных обществ. В этом случае не остается места для рассмотрения полного спектра участников движения, исключаются из сферы анализа деятели декабристской конспирации, по тем или иным причинам избежавшие наказания⁵.

Распространенные в литературе формулировки (о близости лиц этого ряда к декабристам, принадлежности их к дружескому окружению декабристов и т. п.), помимо того что носят чрезвычайно общий характер, не всегда верны по существу и с содержательной стороны. К тому же они могут вести к легковесным, прямолинейным и необъективным выводам. Суть такого рода выводов, как правило, сводится к тому, что эти лица не являлись участниками тайных обществ, а только имели среди декабристов друзей и единомышленников.

Итак, в рамках исследования в центре внимания оказывается персональный аспект, вопрос о личных связях между лидерами заговора, деятельными членами декабристской конспирации и предполагаемыми его участниками. Его изучение способствует более полному выявлению лиц декабристской «периферии» и охватывает тот неясно представленный в источниках пласт людей, который не только не привлек внимания следствия и не был им обнаружен, но остался также в тени при научном исследовании истории тайных обществ.

Несмотря на то что некоторые из лиц группы «предполагаемых

декабристов» встречаются в исследовательской литературе (в качестве представителей ближайшего окружения участников тайных обществ) и отражены в библиографических справочниках декабристской тематики (П.П. Липранди, М.М. Муромцев, И.Б. Шлегель), в научной традиции в качестве декабристов они не фигурируют⁶.

Особенно нагляден в этом отношении пример Ф.Ф. Матюшкина. А.Б. Шешин впервые указал на документальное свидетельство, позволяющее считать Ф.Ф. Матюшкина членом Северного общества⁷. Однако, несмотря на появление публикаций А.Б. Шешина, в библиографическом указателе 1994 г., обобщающем результаты работы историков последних лет, Матюшкин к числу декабристов не отнесен и по-прежнему числится в разделе, в котором отражена литература об их современниках⁸. Инерция традиционного взгляда на «Алфавит» как исчерпывающий перечень декабристских персоналий распространяется и на современный этап декабристведения.

Предлагаемое исследование является результатом критического разбора свидетельств о возможном участии в тайных обществах и военных выступлениях, — указаний, которые правомерно интерпретировать как свидетельства о предполагаемой принадлежности к тайным обществам. Осветить и проанализировать все случаи такого рода, сделать краткий разбор их доказательной базы, вывести из забвения тех, кто примыкает к «безвестным» участникам декабристских тайных обществ — таковы задачи работы, поставленные нами.

Почему мы считаем важным обращение к данному сюжету? Во-первых, следует обозначить круг лиц, которые могут рассматриваться в качестве возможных участников движения, реально связанных с декабристскими тайным обществом, заговором и военными выступлениями. Во-вторых, занимаясь «неизвестными декабристами», в целях полноты исследования мы не могли пройти мимо тех персоналий, в отношении которых показания источников о принадлежности их к декабристам недостаточно ясны или авторитетны.

* * *

Настоящий раздел примыкает к предыдущему, посвященному «неизвестным» декабристам, и является его продолжением, поскольку здесь также рассматриваются лица, не отраженные в «Алфавите» Боровкова. Значительная их часть предположительно принадлежала к

«ранним декабристским обществам» (Союз благоденствия, его ответвления и дочерние организации), некоторые — к тайным обществам, созданным после 1821 г.; есть также лица, бывшие участниками военных выступлений декабристов.

Стремясь к наиболее полному выявлению лиц рассматриваемой группы, мы пытались собрать и сгруппировать в наиболее полном виде документальные свидетельства, позволяющие сделать уверенное и обоснованное предположение об их принадлежности к декабристам.

В данном разделе проведена систематизация документальных свидетельств, аналогичная примененной в главе о «неизвестных декабристах». Вся совокупность лиц делится на *членов тайных обществ и участников военных выступлений 1825–1826 гг., не состоявших в тайных обществах.*

Документальные свидетельства, позволяющие отнести то или иное лицо к одному из указанных разрядов, разделяются на две группы, в соответствии с типологией источников, содержащих информацию о причастности к тайному обществу или военному выступлению. Последовательное рассмотрение свидетельств, почерпнутых из источников различных видов, составляет содержание исследования.

Разряд участников тайных обществ делится, на этом основании, на две группы:

- 1) лица, возможное участие которых в тайных обществах фиксируется в следственных документах и документах полицейско-надзорных органов;
- 2) лица, возможное участие которых в декабристских союзах отражено в мемуарных свидетельствах.

Основные разновидности указаний источников в целом совпадают с обозначенными в главе 3:

- показания, не принятые «во внимание» следователями или не заинтересовавшие их, а также сведения из документов других расследований и доносов;
- указания мемуарных источников.

Указания на принадлежность к тайным обществам располагаются по степени авторитетности следующим образом: 1) признание самого лица; 2) свидетельство участника тайного общества, принявшего данное лицо или принятого им; 3) свидетельство руководящего или другого осведомленного участника тайного общества; 4) свидетельства иных участников тайного общества.

Сходно с этим располагаются мемуарные свидетельства: собственное признание автора; признание, переданное автором со слов бывшего участника тайных обществ; указания, принадлежащие лицу, принявшему в тайное общество «неизвестного» декабриста или принятого им; последним в этом ряду стоит указание мемуариста, занимавшего видное положение в декабристской конспирации, либо иного осведомленного свидетеля.

Особенностью свидетельств о предположительном участии в тайных обществах и военных выступлениях декабристов следует признать их недостаточную определенность и внутреннюю противоречивость содержащейся в них информации.

Применительно к свидетельствам о причастности к деятельности тайных обществ, осложненным часто неясностью и противоречивостью содержания, возрастает роль всестороннего критического изучения источников. По этой причине исследователь должен уделить место критическому анализу как содержания конкретного свидетельства, так и той формы, в которую оно облечено (вид источника, особенности авторства и происхождения, контекст указания о членстве).

Другая особенность состоит в недостаточной авторитетности для исследователя части свидетельств, которые содержат необходимую информацию об участии в тайном обществе того или иного лица. Эта особенность приводит к актуализации проблемы достоверности свидетельства, к необходимости критической оценки сообщаемой в нем информации. В основе оценки лежит выяснение степени осведомленности автора свидетельства, анализ обстоятельств возникновения документа, задач, которых ставил перед собой его создатель.

Как и в главе о «неизвестных декабристах», в данном разделе нельзя обойтись без привлечения типологически разных источников. Поэтому сохраняет свою силу учет особенностей каждого вида документальных материалов, привлеченных к изучению.

Наконец, в рамках этого направления исследования особое значение приобретает обоснование тех причин, которые не позволяют считать свидетельство источника указанием на несомненную принадлежность к числу декабристов.

Указания о возможном членстве в тайных обществах в источниках, синхронных эпохе

Собственное признание, из которого вытекает осведомленность сделавшего его лица о существовании Союза благоденствия, принадлежит тульскому губернскому почтмейстеру **Ивану Саввичу Бабаеву**. Оно зафиксировано в документах III Отделения. Согласно признанию Бабаева, сделанному при подписке 1826 г. о непринадлежности к тайному обществу, о существовании Союза ему «открыл» С.Д. Нечаев. Но Бабаев, по его утверждению, не дал своего согласия на вступление. Подписка Бабаева, по-видимому, была направлена императору вместе со сведениями о Нечаеве⁹.

Бабаев узнал о существовании Союза от Нечаева в начале 1819 г., в то время когда тем же Нечаевым был принят старший учитель Тульской гимназии Д.И. Альбицкий. Очевидно, Нечаев прилагал усилия к учреждению в Тульской губернии отделения или «управы» Союза. К этому следует добавить, что обряд вступления в Союз благоденствия подразумевал две расписки: первая давалась после извещения о существовании тайного общества, вторая — после знакомства с его уставом — «Зеленой книгой»¹⁰. На какой ступени этого обряда остановилось знакомство Бабаева с Союзом — мы с точностью не знаем.

Признание Бабаева, полученное полицейскими органами, имело свои последствия. У него были взяты дополнительные сведения, запрошено «объяснение», в котором он дал «положительную характеристику» Нечаеву. Кроме того, за ним был учрежден секретный надзор. Сведения о Бабаеве вместе с данными о Нечаеве отправили в III Отделение к А.Х. Бенкендорфу¹¹. Этот запрос, сопровождаемый информацией о признании Бабаева (о «подписке» Альбицкого, по-видимому, не сообщалось) поступил для справки к Ф.В. Булгарину. В своей очередной записке, обращенной в III Отделение (февраль 1827 г.), Булгарин писал: «Тульский губернский почтмейстер Бабаев показывает, что бывший директором училищ Тульской губернии Степан Дмитриевич *Нечаев* открыл ему о Союзе благоденствия...»¹². Видимо, информация об этом ему была сообщена при передаче запроса о Нечаеве.

Таким образом, Бабаев вошел в число лиц, на которых обратили свое внимание полицейско-надзорные органы после подписки 1826 г.,

в связи с «добровольным признанием» об открытии ему Нечаевым существования Союза благоденствия; степень вовлеченности его в тайное общество не выяснена¹³. По крайней мере, из признания Бабаева следует, что с 1819 г. он знал о существовании тайного общества (была начата процедура его принятия) и на этом основании может быть включен в группу предполагаемых декабристов.

К числу лиц, участие которых в тайных обществах осталось Следственному комитету неизвестным, относится **Александр Андреевич Катенин**, двоюродный брат заметного деятеля ранних тайных обществ, известного литератора, драматурга и переводчика П.А. Катенина. Причастность А.А. Катенина к тайным обществам вскрывается по источнику, современному событиям.

Александр Андреевич Катенин, как и более известный его родственник, начал службу в л.-гв. Преображенском полку. Став в 1818 г. юнкером, он вошел в круг офицеров-преображенцев, близких к Союзу благоденствия. Возможно, это произошло благодаря П.А. Катенину либо другому однополчанину, состоявшему в Союзе. Тесные отношения ряда преображенских офицеров с членами Союза не вызывают сомнений. Так, П.А. Каратыгин впоследствии вспоминал, что когда П.А. Катенин был выслан из Петербурга в октябре 1822 г., то провожать опального товарища собрались его однополчане и приятели: П.К. Хвоцинский¹⁴, Хрущов, Яков Бологовский, а также «прапорщик» А.А. Катенин¹⁵. А.А. Катенин, как и его родственник, был близким другом Каратыгиных; он учился вместе с братом мемуариста Василием во 2-й С.-Петербургской гимназии. Кроме того, о нем знали и через П.А. Катенина, специально занимавшегося с Василием Каратыгиным. Сам А.А. Катенин увлекался театром и литературой¹⁶.

Тем любопытнее представляется появление фамилии А.А. Катенина-«младшего» в письме оказавшегося в 1826 г. в эмиграции Я.Н. Толстого, обращенном на «высочайшее имя». В 1819–1822 гг. Толстой являлся не только активным участником литературной и театральной жизни, игравшим деятельную роль в основании и в собраниях «Зеленой лампы». Он вступает в политическое тайное общество, причем и в Союз благоденствия, и в офицерские кружки: Измайловское общество и «Общество добра и правды». В начале 1821 г. вернувшийся с Московского съезда Н.И. Тургенев приглашает Толстого в числе других близких к нему участников Союза благоденствия и «дочерних» тайных обществ для учреждения в Петербурге нового тайного союза¹⁷.

Яков Толстой, безусловно, — лицо, достаточно осведомленное в делах тайного общества. Тесно связанный с влиятельными участниками процесса создания конспиративных союзов, такими как Н.И. Тургенев, С.М. Семенов (секретарь Союза благоденствия), Ф.Н. Глинка и С.П. Трубецкой, он обладал достаточно точной информацией о круге лиц — участников ряда тайных обществ 1819–1822 гг., на заседаниях которых он бывал и в создании которых сам играл определенную роль¹⁸.

26 июля 1826 г., будучи в Париже, Я.Н. Толстой отправил на «высочайшее имя» письмо, в котором описал свое участие в тайных обществах. Касаясь персонального состава этих обществ, Толстой упомянул в числе участников «Общества добра и правды» А.А. Катенина. Сообщая об организациях, в которых он принял участие («Зеленая лампа», «Общество добра и правды», Измайловское общество, а также общество, созданное Н.И. Тургеневым в 1820–1821 гг.), Толстой утверждал, что в 1819 или 1820 г. А.А. Токарев и Ф.Н. Глинка решили учредить отдельное общество («Общество добра и правды»), на заседание которого, помимо самого Толстого, были приглашены Е.П. Оболенский, С.М. Семенов и «прапорщик» Катенин. «Уложение» общества составил Токарев; оно требовало от члена действий для «прекращения зла», сочинения «проектов для освобождения крестьян», а также, что особенно важно, подготовки «постановлений в правительстве» и даже «полной конституции»¹⁹. Авторитетность указания Толстого несомненна: он сам — действующее лицо, один из первых, кто был приглашен в это общество, хорошо осведомленный о содержании его «Уложения» (программы). Он лично участвовал в его собраниях и, очевидно, видел на них перечисленных в записке лиц.

Казалось бы, речь в письме Толстого идет о лице, хорошо известном в качестве участника тайных обществ — П.А. Катенине. Так, в частности, полагал М.К. Азадовский, в своей работе «Затерянные и утраченные произведения декабристов» отмечавший, что руководителем «Общества добра и правды» являлся П.А. Катенин²⁰. Создание этого общества, судя по обстоятельствам, описанным Толстым и подтвержденным показаниями подследственных (С.М. Семенов), может быть отнесено к периоду не ранее 1819 г.²¹ К этому времени П.А. Катенин уже имел чин полковника, в силу чего его участие в этом тайном обществе исключается. Указание же Толстого на чин (в письме упоминается «прапорщик Катенин») не оставляет сомнений: речь

идет, без сомнения, о двоюродном брате П. Катенина. Думается, причиной ошибки М.К. Азадовского послужило не только известное имя литератора П.А. Катенина, но и его участие в ранних тайных обществах, которое могло выдвинуть Катенина на роль руководителя этого кружка²².

Итак, благодаря письму Я.Н. Толстого обнаруживается вновь выявленный участник декабристского тайного общества? Это было бы действительно так, однако такому выводу препятствует одно обстоятельство. Написав в июле 1826 г. первое, упомянутое выше «всеподданнейшее» письмо, которое содержало среди участников «Общества добра и правды» фамилию А.А. Катенина, но не получив на него ответа, Толстой составил второе письмо. В этом письме от 17 октября 1826 г., отправленном вместе с прошением «на высочайшее имя» (по содержанию письмо в целом повторяло первое, но имело некоторые редакционные отличия), из всех ранее перечисленных, он не назвал повторно именно А.А. Катенина²³. Отсутствует Катенин и в сокращенном варианте второго письма, написанном на французском языке, который Толстой передал А.И. Тургеневу для ознакомления с документом Н.И. Тургенева²⁴.

Что означает исключение Толстым А.А. Катенина из перечня участников «Общества добра и правды» во втором письме? Возможно, Толстой сомневался в его принадлежности к тайному обществу. Но, может быть, получив к тому времени в свое распоряжение «Донесение Следственной комиссии» и не желая навлечь ответственность на новых лиц, которые, как он теперь знал, не были привлечены к следствию, — он решил вычеркнуть Катенина? Так или иначе, но то обстоятельство, что во втором письме Я.Н. Толстого фамилия Катенина отсутствует, заставляет нас считать последнего лишь предполагаемым участником «Общества добра и правды».

Множество свидетельств, которые необходимо отнести к указаниям на возможную принадлежность к тайному обществу, сохранилось в материалах следствия.

М.П. Бестужев-Рюмин сделал показание о приеме в «морскую» управу Северного общества **Федора Федоровича Матюшкина**. В апреле 1826 г., в ответ на вопрос Следственного комитета о том, что ему известно о Северном обществе, Бестужев-Рюмин показал: «...Матвей Муравьев жаловался на бездейственность Северного общества, говоря, что Трубецкой, Никита Муравьев, Тургенев проводят время в

бесперывных политических прениях и тем связывают руки Оболенскому и Рылееву... Что Рылеев намеревался сформировать морскую управу и уже начал принимать флотских членов. По имени помню только Матюшкина»²⁵.

Предположительный характер свидетельства относится только к самому намерению Рылеева учредить «управу» из морских офицеров, но, очевидно, не имеет отношения к сообщению о Матюшкине: как раз его, согласно утверждению автора показания, в тайное общество уже приняли (Рылеев «уже начал принимать флотских членов»). Именно фамилию Матюшкина запомнил Бестужев-Рюмин, как одного из первых принятых в тайное общество в Петербурге флотских офицеров.

Насколько авторитетно свидетельство «южанина» М.П. Бестужева-Рюмина, касающееся Северного общества, с которым он не был связан? Показание прямо отсылает на слова М.И. Муравьева-Апостола. Последний находился с июня 1823 г. по август 1824 г. в Петербурге в ранге полномочного представителя южан при Северном обществе, и, таким образом, являлся человеком, очень хорошо осведомленным в делах этого общества²⁶. Прием Матюшкина в этом случае мог состояться в промежутке времени между началом 1824 г., когда он возвратился из экспедиции по описи берегов Ледовитого океана и находился сначала в Москве, где встречался со своими лицейскими товарищами (в том числе И.И. Пушиным; об этих последних встречах перед 30-летней разлукой вспоминал Пущин в поздней переписке 1852–1854 гг.²⁷), а затем отправился в Петербург, — и до августа 1824 г., когда Матвей Муравьев-Апостол покинул Петербург.

И. Пущин активно привлекал своих лицейских товарищей к участию во вновь созданном Северном обществе, — можно вспомнить в этой связи В.Д. Вольховского, бывшего члена Союза благоденствия, в октябре 1823 г. принявшего участие в совещании на квартире Пущина, где обсуждались уставные правила Северного общества и ранний вариант проекта конституции Н.М. Муравьева²⁸.

Известно, что Матюшкин со своей стороны был хорошо осведомлен о дружбе Пущина и Рылеева; об этом свидетельствует его письмо к Е.А. Энгельгардту от 19 октября 1826 г.: «Нет, Пущин не может быть виноват, не может быть преступником. Я за него отвечаю. Он взят по подозрению и по пустому подозрению — дружба его с Рылеевым, слово, сказанное неосторожно, но без умысла». Далее следует весьма любопытная фраза: «Признаюсь Вам, Егор Антонович, когда я прочел

его в списке, я думал, что и я виноват, я его так любил, так люблю»²⁹. Не исключено, что в этом письме Матюшкин, не имея возможности раскрыть все обстоятельства дела перед своим бывшим наставником, переписка с которым носит очень личный и откровенный характер, соотносил собственную осведомленность о тайном обществе, а возможно, и собственное согласие быть его членом, данное в 1824 г., с теми связями, которыми интересовалось следствие³⁰.

Несомненно, участие Пуцина много содействовало вступлению в тайное общество Матюшкина, — как одного из первых морских офицеров, принятых в «морскую» управу³¹. Не мог ли его лицейский товарищ и ближайший друг Пуцин, совсем недавно (середина 1823 г.) принявший в Северное общество К.Ф. Рылеева³², сообщить в Москве Матюшкину о существовании общества, а затем, при отъезде его в Петербург, направить к Рылееву, для окончательного приема? В этом случае можно легко объяснить и знакомство Матюшкина с Рылеевым, и дальнейший путь бывшего лицеиста в декабристское общество.

Итак, следует отметить, что согласно показанию Бестужева-Рюмина, Матюшкин был принят в общество в Петербурге, поэтому роль Пуцина могла ограничиться лишь «подготовкой» к принятию.

М. Муравьев-Апостол в 1824 г. лично познакомился с Матюшкиным. Он встречался с ним в Петербурге и слышал его рассказы о сибирской экспедиции. Об этом прямо свидетельствует И. Пуцин, который в своих письмах из Ялуторовска (1852 г.) передавал Матюшкину поклоны от Муравьева-Апостола: «Со мной здесь один твой знакомец Муравьев-Апостол... он тебя видел у Корниловича, когда ты возвратился из полярных стран; шлет тебе поклон...»; «Приветствует тебя Матвей Муравьев, он помнит твои рассказы по возвращении из сибирской экспедиции. Один он только тебя знает из здешних моих товарищей ялуторовских»; в дальнейшем последовало уточнение — Муравьев виделся с Матюшкиным «у Корнилова в доме армянской церкви». Матюшкин откликнулся, и вскоре Муравьев-Апостол благодарил Матюшкина, «что... не забыл»³³.

Показание Бестужева-Рюмина было опубликовано в IX томе документальной серии «Восстание декабристов» в 1950 г., но долгое время оно не привлекало внимания историков: ведь имени Матюшкина не было в т. н. «Алфавите декабристов». Между тем, источники — прежде всего переписка Матюшкина с Е.А. Энгельгардтом и И.И. Пуциным, а также его дружеские связи и контакты с Г.С. Батеньковым,

В.И. Штейнгейлем, К.Ф. Рылеевым, не раз заставляли писать об идейной близости Матюшкина к декабристам³⁴. Биографические статьи о Матюшкине наполнены, например, такими оценками: «...дневники, записки, письма Матюшкина, фактически никому не известные в прошлом веке, несомненно, представляли, по своей идейной направленности, элемент декабристской литературы, хотя автор их к числу декабристов не принадлежал»³⁵, — речь шла о критическом отношении к бюрократической системе, к бедственному положению крестьян. Однако факт отсутствия Матюшкина в «Алфавите» Боровкова играл свою роль: не располагая «прямыми свидетельствами» о вступлении Матюшкина в тайное общество, Ю.В. Давыдов для обоснования своего мнения о причастности известного мореплавателя к декабристским обществам обратился к предположениям, не подтвержденным источниками. Поставив вопрос о формальной принадлежности Матюшкина к тайному обществу, он отмечал: «Документов, которые без обиняков ответили бы на эти вопросы, которые прямо сказали бы „да, принадлежал“, „да, был“ — таких документов нам обнаружить не удалось». Автор, основываясь на факте дружеских отношений Матюшкина с В.К. Кюхельбекером и Ф.С. Лутковским, сообщал об участии Матюшкина в собраниях членов общества Гвардейского экипажа, а также, с помощью «домысливания» указаний источников, — о его встрече в июне 1825 г. с К.Ф. Рылеевым, А.И. Одовским, В.К. Кюхельбекером в Кронштадте³⁶.

Лишь в 1979 г. А.Б. Шешин обратил внимание на показание Бестужева-Рюмина о принадлежности Матюшкина к тайному обществу, опирающееся на информацию Матвея Муравьева-Апостола. Исследователь обосновал его авторитетность и достоверность в статье «Друг Пушкина Ф.Ф. Матюшкин — декабрист»³⁷. Историк справедливо отверг основанные на «домысливании» исторических обстоятельств доводы Ю.В. Давыдова, показав, что выявление новых персоналий участников декабристских обществ должно опираться на конкретное и достоверное документальное указание. Введя это ценное свидетельство, ранее не останавливавшее на себе внимание ученых, в научный оборот, А.Б. Шешин сделал вывод о несомненном участии Матюшкина в «морской управе» Северного общества³⁸. Вместе с тем ряд вопросов, возникающих при изучении данного свидетельства, исследователь оставил без ответа. Вызвало ли показание, сделанное Бестужевым-Рюминым, интерес у следствия? Опрашивались ли в

связи с полученными от Бестужева-Рюмина сведениями другие подследственные? Были ли сделаны показания о Матюшкине другими лицами? Наконец, отбирались ли показания у Матвея Муравьева-Апостола, который, собственно, и являлся первоисточником информации, поступившей от Бестужева-Рюмина? Иначе говоря, до настоящего времени все еще не получен ответ на вопрос: содержит ли фонд следственных показаний по делу декабристов дополнительные свидетельства об участии Матюшкина в тайном обществе?

При изучении материалов следствия выясняется, что хотя имя Матюшкина не было включено в «Алфавит» Боровкова, однако определенное расследование в связи с показаниями Бестужева-Рюмина все же было предпринято. В деле Бестужева-Рюмина отсутствуют какие-либо следы интереса следствия к вновь названному лицу; нет такого рода указаний и в следственном деле М. Муравьева-Апостола. Обращение к фонду следствия позволило выявить документы, связанные с расследованием причастности Матюшкина к тайному обществу. В деле «Справки, собранные о разных лицах, в описи означенных, о принадлежности их к злоумышленным обществам», отложились показания, сделанные в ответ на запросы Следственного комитета о степени причастности ряда подозреваемых к декабристскому союзу³⁹. Большинство их возникли в результате показаний, впервые назвавших в ходе процесса то или иное имя. Здесь и обнаружилось запросы о принадлежности Матюшкина к тайному обществу и ответы на них подследственных. Теперь можно считать несомненным тот факт, что показания Бестужева-Рюмина обратили на себя внимание следствия, — что неудивительно: ведь это свидетельство принадлежало одной из самых заметных фигур в тайном обществе.

Показания, содержавшие первое упоминание о Матюшкине, были даны Бестужевым-Рюминым после устного допроса, состоявшегося 5 апреля, а зачитаны на заседании Комитета 9 апреля⁴⁰. Лишь спустя полтора месяца, 24 мая 1826 г., последовал повторный запрос Следственного комитета, адресованный Бестужеву-Рюмину. Он касался названных им ранее Матюшкина и Бутурлина: «В ответах ваших вы называете членами тайного общества *Бутурлина* и *Матюшкина*. Комитет требует от вас чистосердечного и положительного пояснения: подтверждаете ли вы показание свое, что Бутурлин и Матюшкин действительно были членами тайного общества и чем можете доказать сие? Знаете ли вы их лично как членов или только слышали как о членах и

от кого именно? Каким образом вам о них сказывали, т. е. когда, где и кем именно они были приняты, в каких сношениях и с кем из членов находились и какое принимали участие в делах общества?»⁴¹ В своем ответе Бестужев-Рюмин свидетельствовал: «Имею честь донести Комитету, что я о Бутурлине никогда не слышал и в показаниях моих о нем не упоминал. О Матюшкине же говорил мне Матвей Муравьев, но я уже ясно вспомнить не в состоянии, сказывал ли он, что Матюшкин член или что общество намеревается принять его»⁴².

Это повторное показание Бестужева-Рюмина требует комментария. Прежде всего, вопреки ему, фамилию Бутурлина Бестужев-Рюмин на следствии называл, и именно в качестве участника тайного общества. Она прозвучала в его показаниях, зачитанных на заседании Следственного комитета 18 февраля. Отрицание этого обстоятельства в повторном показании говорит о том, что его автор был далеко не во всем откровенен. В своем повторном показании Бестужев-Рюмин уже не свидетельствует о приеме Матюшкина в тайное общество как о безусловном факте, ссылаясь на состояние своей памяти. Он предпочел отказаться от утвердительного свидетельства о принятии в тайное общество нового лица, сделав оговорку: возможно, что Матюшкина лишь намеревались принять, но не приняли.

Повторное показание Бестужева-Рюмина как будто не подтверждает прием Матюшкина в декабристский союз. Тем не менее, оно безусловно представляет значительную ценность как свидетельство о возможном вступлении Матюшкина в тайное общество. Показание прямо говорит о весьма специфическом интересе руководителей тайного общества к Матюшкину: они либо приняли, либо хотели принять его в конспиративную организацию, очевидно, считая его своим идейным единомышленником, готовым стать членом общества.

Но для нас важен еще один момент: Бестужев-Рюмин в этом показании вновь указывает источник своей осведомленности о Матюшкине — М. И. Муравьева-Апостола, — источник, безусловно авторитетный. Можно сказать, что эта информация действительно поступила к Бестужеву-Рюмину «из первых рук», — от лица, долгое время находившегося среди наиболее активных членов Северного общества.

Было бы удивительно, если бы следствие не обратилось после этого с запросом о Матюшкине к Матвею Муравьеву-Апостолу. На следующий день, 25 мая 1826 г., ему были направлены вопросные пункты: «Подпоручик Бестужев-Рюмин показывает, что вы говорили ему о

Матюшкине, но не упомянул, сказывали ли вы ему, что он член тайного общества или что оно намеревалось принять его. Комитет требует от вас откровенного и положительного пояснения: принадлежал ли означенный *Матюшкин* к тайному обществу, когда, где и кем именно был принят, в каких сношениях и с кем из членов находился и какое принимал участие в делах общества? Равно кто он такой и где находится?»⁴³ М. Муравьев-Апостол отвечал на этот запрос лаконично и вполне категорически: «В последнем показании моем я написал *Мотовиловка*. Я не говорил с Бестужевым-Рюминым о Матюшкине, которого я не знал никогда»⁴⁴.

Показания Матвея Муравьева-Апостола вызывают определенные сомнения. Прежде всего, они явно противоречат точно зафиксированному в источниках факту его личного знакомства с Матюшкиным, о котором уже говорилось выше. Муравьев-Апостол не только сделал ложное показание, но и предпочел, уходя от ответа на заданный вопрос, скрыться за ссылкой на ошибку, якобы допущенную со стороны следствия — путаницу между приведенным в его показаниях названием села (Мотовиловка), в окрестностях которого происходили события мятежа Черниговского пехотного полка, и фамилией Матюшкина. В данном случае не приходится сомневаться в том, что и со стороны М. Муравьева-Апостола, и со стороны Бестужева-Рюмина (в случае его повторного показания) имело место стремление спасти от расследования и наказания мало замешанное лицо, против которого не было определенных показаний о вступлении в тайное общество и деятельности в качестве его участника. В этом оба декабриста могли убедиться по самому содержанию заданного вопроса.

Можно лишь констатировать, что показания М. Муравьева-Апостола фактически спасли Матюшкина от привлечения к следствию и дальнейшего расследования степени его причастности к тайному обществу.

Рассматривая этот случай, важно отметить, что следствие не задало вопроса о принадлежности Матюшкина к тайному обществу тому лицу, кто, судя по всему, непосредственно участвовал в приеме Матюшкина — К.Ф. Рылеву. Особенно это кажется странным в свете первого показания Бестужева-Рюмина, прямо называвшего Рылеву как инициатора приема морских офицеров в тайное общество, в том числе Матюшкина. Не были заданы вопросы о членстве Матюшкина и руководящим участникам тайного общества, как это обычно было

принято при появлении сведений о новых лицах. В данном случае следствие не проявило необходимой тщательности при сборе и анализе показаний, а опрошенные о Матюшкине повторно Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол, оценив столь явно проявившийся интерес следствия к новому подозреваемому, несомненно, решили не вовлекать в дело новое лицо, прибегнув к определенным приемам защиты.

Следствие фактически проигнорировало показание, свидетельствующее о принадлежности Матюшкина к тайному союзу, не проявило внимания к явному сокрытию подлинных фактов в показаниях Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, не провело очных ставок в связи с полученными противоречивыми показаниями. Вся эта ситуация напоминает особенности расследования в отношении участников тайных обществ, получивших оправдательный вердикт следствия. Но, в отличие от лиц, оправданных на процессе, показание о членстве Матюшкина в тайном обществе привлекло значительно меньше внимания следователей: он не был арестован, не привлекался к допросам, скоротечное расследование носило заочный характер и ограничилось повторными запросами Бестужеву-Рюмину и Муравьеву-Апостолу. На Матюшкина не было заведено и отдельного персонального следственного дела.

При анализе следственных показаний о Матюшкине нельзя не заметить, что кратковременное и быстротечное расследование его причастности к тайному обществу носит явно незаконченный характер. Вместе с тем на их основании можно категорически утверждать, что вопрос о причастности Матюшкина к тайному обществу возник на следствии в результате показания одной из наиболее крупных и влиятельных фигур декабристской конспирации, Бестужева-Рюмина, возник не случайно, не в силу «подозрения» или ошибочного показания, сделанного неосведомленным лицом. Исходя из этого, следует признать, что отнесение Матюшкина к числу участников тайного общества декабристов имеет под собой вполне конкретное и достаточно серьезное основание.

Наличие точно установленных на протяжении 1824 г. связей Матюшкина с Пушиным и Рылеевым прямо указывает на вполне определенный путь, который привел Матюшкина в тайное общество. Информация о состоявшемся приеме Матюшкина, отраженная в первом показании Бестужева-Рюмина, а затем смягченная различны-

ми серьезными оговорками во втором его показании, поступила к нему по прямому каналу — от Рылеева через Матвея Муравьева-Апостола.

Между тем, имеются и другие основания для отнесения Матюшкина к числу лиц, причастных к декабристским обществам. Так, в письме Ф.П. Врангеля к Ф.П. Литке сообщается о том, что в августе 1826 г., получив в Петропавловске первые известия о событиях 14 декабря, Матюшкин, вообразив, что «...его сообщники в Петербурге овладели всем правлением, затеял было в Камчатке дурные дела», возбуждая неудовольствие в команде⁴⁵.

Это документальное свидетельство может вызвать определенный скепсис. В самом деле, насколько целесообразно было инициировать возмущение среди участников кругосветной экспедиции? По-видимому, Матюшкин, как и другие участники плавания, получил известия не столько о мятеже 14 декабря, сколько о его разгроме и первых арестах активных участников и организаторов. Непредвзятый анализ свидетельства подводит исследователя к мысли о том, что Матюшкин мог выражать в этой связи сожаление о гибели своих друзей и товарищей по тайному обществу в разговорах с подчиненными ему младшими офицерами. Вероятно, имел место обмен мнениями о возможности победы «бунтовщиков», об их планах ввести в России представительное правление. Все это, разумеется, могло быть расценено непосредственным начальством как «дурные дела».

Но примечателен сам факт осведомленности Ф.П. Врангеля — многолетнего непосредственного начальника Матюшкина, так же как и Литке придерживавшегося в целом «либералистских» взглядов, о том, что «сообщниками» Матюшкина являются именно те, кто выступил 14 декабря в Петербурге. Это напрямую говорит о том, что Матюшкин явно обнаружил свое сочувствие восставшим; менее вероятно его признание организационной связи с обнаружившимся тайным обществом, своей принадлежности к нему.

Введенные в научный оборот новые указания следственных документов снимают категоричную однозначность с ранее известного показания Бестужева-Рюмина о принятии Матюшкина в Северное общество. Они не перечеркивают первоначального свидетельства Бестужева-Рюмина; наоборот, даже в некотором отношении они подтверждают его обоснованность (ссылка на Матвея Муравьева-Апостола в повторном показании Бестужева-Рюмина, полный и явно

намеренный отказ Муравьева-Апостола от какого-либо показания относительно вступления Матюшкина в тайное общество), но вместе с тем лишают его безусловного доказательного значения. Вывод о поступлении Матюшкина в число членов тайного общества декабристов, сделанный ранее на основании первоначального показания Бестужева-Рюмина, необходимо сопроводить поправкой: «согласно показанию Бестужева-Рюмина, не получившему подтверждения в ходе расследования». Эта поправка не означает, что показание Бестужева-Рюмина неавторитетно, — она свидетельствует только о том, что первоначальное, достаточно точное и недвусмысленное, свидетельство в дальнейшем не было подтверждено другими показаниями. Отметим, что тоже очень важно: показание Бестужева-Рюмина не было и опровергнуто.

Состоявшееся явно незаконченное расследование о Матюшкине не подтвердило первоначальное показание Бестужева-Рюмина в полном объеме. Но углубленный анализ содержания всех полученных следствием показаний, движущих мотивов авторов показаний, а также приведенные в настоящей статье данные источников с очевидностью доказывают, что, вероятнее всего, Матюшкин состоял в тайном обществе декабристов и лишь случайно избежал привлечения к следственному процессу и соответствующего наказания. Если бы его привлечение к расследованию стало фактом, вопрос о принадлежности к тайному обществу Матюшкина имел бы более определенный и, несомненно, положительный ответ.

В итоге, причастность Матюшкина к тайному обществу не вызывает сомнений, но его формальное членство в декабристском союзе остается в полной мере недоказанным, а только возможным. Можно лишь высказать достаточно обоснованное предположение о том, что лицейский друг Пушкина, вероятнее всего, был принят в тайное общество Рылеевым в течение весны-лета 1824 г., по рекомендации и при непосредственном участии Пушина (давний товарищ по Лицею, возможно, первым сообщил Матюшкину о существовании тайного союза «либералистов»). Об этом факте стало известно среди участников тайных обществ, — даже на юге, в кругу членов Южного общества.

Следственное показание Н.С. Бобрищева-Пушкина в отношении **Александра Михайловича Мансурова** следует также отнести к числу наиболее авторитетных. Лицо, о котором сделал показание Н. Бобрищев-Пушкин, лично предложило ему вступить в тайное общество.

Мансуров и Бобрищев-Пушкин были хорошо знакомы. Они воспитывались в одно время в Благородном пансионе при Московском университете, вместе были произведены после экзамена «в студенты университета». Мансуров, по словам Бобрищева-Пушкина, был человек с дарованиями, «с нравственностью и чувствами религии». На следствии Бобрищев-Пушкин свидетельствовал: «Он и теперь известен несколько в литературном свете, ибо его стихотворения, почти все несколько в религиозном духе, можете найти в журналах московских... ныне... он если не в отставке, то служит по какой-нибудь части статской службы»⁴⁶.

Знакомство продолжилось после окончания Бобрищевым-Пушкиным пансиона, когда он уже поступил в Училище колонновожатых («Бывши знакомы и прежде, знали многие из наших мнений и чувств»)⁴⁷. Декабрист относил этот эпизод к 1818 — началу 1819 г.⁴⁸; говоря о своих встречах с товарищем, он счел нужным сообщить: «Однажды этот упомянутый господин Мансуров приезжает ко мне и говорит, разумеется, взяв сперва с меня честное слово, что я никому не скажу того, что он будет мне говорить: „Я знаю, — сказал он мне, — твои мысли, знаю, что ты расположен ко всякому благу, которое можешь ты сделать для общества. Итак, должен тебе сказать: существует в России некоторое соединение, весьма пагубное, которое имеет даже влияние на политические дела государства, имея предмет распространение мнений, долженствующих, наконец, разрушить всякую нравственную связь между людьми, и которое, возрастая, может возыметь, наконец, сильное и явное действие. Многие благонамеренные люди, сведав об этом, соединились также для того, чтобы в свое время противостать оному. Хочешь ли вступить в это общество?“».

Бобрищев-Пушкин, по его словам, ответил отказом на предложение Мансурова, заявив лишь о своей готовности содействовать такому обществу⁴⁹. Из показания следует с очевидностью вывод о конспиративном характере общества Мансурова, его нравственно-политической направленности, столь свойственной тайным обществам этой эпохи.

С одной стороны, в этом свидетельстве отчетливо видны сходные черты с пропагандистскими приемами участников Союза благоденствия (известными по мемуарной литературе и следственным показаниям), которые использовались для привлечения новых членов. Кан-

дидатам в качестве основной цели общества представлялась борьба против злоупотреблений, укоренившихся в обществе и охвативших бюрократическую систему государственного управления. Обращает на себя внимание тайна — условие, на котором общаются сведения. Слова Мансурова напоминают конкретные положения «Зеленой книги», в частности положение об объединении добрых сил против уже объединившихся и влиятельных злых: «Когда зло очевидно и усиление оно ощущительно... тогда деятельное зло противоборствие есть необходимая для каждого гражданина обязанность». И далее: «...господствующему злу противоборствовать можно не иначе, как отстранением личных выгод и совокуплением общих сил добродетели против порока», что является главным основанием для составления тайного общества, к которому, «без сомнения, с удовольствием приступят все благомыслящие сограждане»⁵⁰.

В этом контексте характерным видится самоопределение лиц, которые решили объединиться против «весьма пагубного соединения»: это, по словам Мансурова, «благонамеренные люди». Очевидно, оно близко терминологии Устава Союза благоденствия («благомыслящие»). Нельзя исключить предположения о том, что Мансуров прямо основывался на содержании Устава Союза. Но это лишь предположение, которое не может заменить прямого указания на организационные или программные основы общества, в которое приглашался Н. Бобрищев-Пушкин. По словам Бобрищева-Пушкина: «Общество это... не должно быть масонское, ибо в таком случае сказал бы он просто: „хочешь ли вступить в масонскую ложу?“», что обыкновенно говорят, как я слыхал, ибо масоны действия свои сокрывали, а имени — никогда»⁵¹.

С другой стороны, Мансуров, говоря о цели своего общества, определил ее как противодействие уже образовавшемуся «пагубному» объединению. Но возникает вопрос — говоря о том, что существует «некоторое соединение, весьма пагубное, которое имеет даже влияние на политические дела государства», не подразумевал ли он именно тайный союз «либералистов»? Не является ли в таком случае то общество, о котором говорил Мансуров, своеобразной реакцией на создание Союза благоденствия? Ответ на эти вопросы может дать содержание разговоров между ним и Бобрищевым-Пушкиным.

Описывая характер своих бесед с Мансуровым, Бобрищев-Пушкин показал: «Видаюсь, нередко говорили мы с ним о возрастающем

просвещении в России, о перемене многих мнений, наконец, о возрастающем неверии, которое вследствие ложного направления, данного умам философами XVIII столетия, заразило умы... отклонило от истинного просвещения, которое само по себе весьма полезно...»⁵².

Перед нами сложное переплетение консервативной по своему характеру реакции на учения «философов» XVIII в. и убежденности в необходимости «истинного просвещения», не поддающееся однозначной интерпретации. С одной стороны, очевидно положительное отношение к просвещению, к новым идейным понятиям, с другой — свойственное консерватизму неприятие идеологии просветителей XVIII в. Вероятнее всего, взгляды Мансурова нужно отнести к умеренно либеральным, поскольку в них отчетливо различимо признание достижений нового времени, но при этом заметно и дистанцирование от политических и нравственно-этических систем просветителей и особенно — от политических теорий их радикальных истолкователей.

Исследователь вправе сделать вывод об умеренном либеральном идеале круга молодых людей, которых представлял Мансуров, — идеале, опирающемся на признание пользы «истинного просвещения». К сожалению, трудно в полной мере идентифицировать взгляды Мансурова, отраженные в его разговорах с Бобрищевым-Пушкиным: представлял ли он умеренные круги «либералистов» или просвещенных консерваторов, признающих просветительские идеи. От ответа на этот вопрос в значительной мере зависит разрешение проблемы: в какое именно конспиративное общество приглашал Мансуров своего собеседника. Пока же можно с большой долей уверенности предположить, что речь шла о приглашении вступить в Союз благоденствия. Об этом свидетельствуют как изложенные наблюдения, так и конкретные факты биографии Мансурова, некоторые дополнительные обстоятельства.

Мансуров принадлежал к кругу воспитанников Благородного пансиона при Московском университете, более 20 воспитанников которого вступили в тайные общества. Это была определенная питательная среда для быстрого распространения Союза благоденствия. Стоит напомнить, что Н. Бобрищев-Пушкин являлся товарищем Мансурова по пансиону, он учился в нем до 1818 г. Кроме Мансурова и Бобрищева-Пушкина, в 1810-е гг. в пансионе учились: младший брат Николая Павел Бобрищев-Пушкин, П.Г. Каховский, С.И. Кривцов, А.И. Черкасов (все — до 1816), А.Ф. Вадковский, И.Н. Горсткин (до

1814), А.Н. Сутгоф (до 1817), Д.А. Арцыбашев, С.П. Юшневский и И.В. Рынкевич. Ранее пансион окончили И.Г. Бурцов (до 1812), А.В. Семенов (до 1811), В.Ф. Раевский (до 1811), В.Д. Вольховский (до 1811), Н.И. Комаров, А.И. Якубович (до 1813), а также П.П. Каверин (1808–1809), П.Н. Семенов (до 1809), Ф.Ф. Вадковский (1810–1812), М.А. Фонвизин и Н.И. Тургенев⁵³. Многие из них не были чужды литературной деятельности, по традиции свойственной многим из обучавшихся в пансионе: это в первую очередь В.Ф. Раевский и П.Н. Семенов, публиковавшие свои стихотворные опыты Н.С. и П.С. Бобрищевы-Пушкины, а также Ф.Ф. Вадковский и А.И. Якубович, интересовался литературой и П.Г. Каховский. Не выпадает из этого ряда и Мансуров: он окончил пансион или, что вероятнее, университет, в 1820 г.⁵⁴

Близкий к кругу основателей Союза благоденствия, в частности к Муравьевым, активно набиравший новых членов, И.Г. Бурцов получил образование в этом пансионе. К 1818 г. вошли в орбиту круга Муравьевых и поступили в тайное общество не только Бурцов, но и А.В. Семенов, Вольховский; в Москве в начале 1818 г. в Союз благоденствия были приняты Горсткин и Комаров, а вскоре Раевский и Н. Бобрищев-Пушкин. Почти все — воспитанники Московского пансиона и университета, особенно связанные с Училищем колонновожатых. Отсюда берут свое начало контакты Николая Бобрищева-Пушкина с Бурцовым и Комаровым, которые сыграли определяющую роль в его вступлении в Союз благоденствия на юге (то же произошло в случае с В.Ф. Раевским, принятым его товарищем по пансиону Н.И. Комаровым).

1818 г. — начало 1819 г. — время бурного распространения тайного общества в Москве, когда активными усилиями А.Н. Муравьева и Петра И. Колошина в Союз вступили десятки новых членов, причем активно привлекались воспитанники Благородного пансиона и Училища колонновожатых (Горсткин, Комаров, Каверин, Басаргин, Тучков и др.). Очевидно, определяющую роль в этом случае играли давние связи, возникшие еще в период совместного обучения. Помимо Бобрищева-Пушкина, Мансуров, по-видимому, был знаком и с другими участниками Союза благоденствия, в ту пору уже вступившими в тайное общество. Так, он жил на квартире у Басаргиной, родственницы Н.В. Басаргина, учившегося в эти годы в Училище колонновожатых и принятого в Союз чиновником Бруннером⁵⁵.

Анализируя указание Н.С. Бобрищева-Пушкина и его описание обстоятельств предложения Мансурова, необходимо иметь в виду и внутреннее состояние самого показывающего. «Откровенное» показание было дано в конце марта 1826 г., после многомесячного заперательства, на исходе длительного заключения в «ручных железках» (раскован только 10 апреля), на фоне нарастающего, по собственному определению Бобрищева-Пушкина, «изнеможения» (вскоре он заболел душевной болезнью)⁵⁶. В этой ситуации некоторые акценты в его показаниях могли сместиться. Например, аргументы Мансурова, призванные обосновать вступление в тайное общество, противодействующее влиятельным «неблагонамеренным» лицам, злоупотреблениям чиновников и т. п., под пером Бобрищева-Пушкина вполне могли трансформироваться в яркий образ союза против организованного и тайного объединения злых сил, стремящегося «разрушить всякую нравственную связь между людьми».

Какие еще аргументы могут дополнительно укрепить мнение о том, что Мансуров приглашал Бобрищева-Пушкина именно в Союз благоденствия? Гражданственные убеждения декабристского характера Мансурова находит свое подтверждение в его литературных произведениях. А.М. Мансуров — рано умерший поэт элегического направления, его признавали одним из наиболее талантливых в новом поколении. Его стихотворение «Умиравший бард» является, по оценке современного исследователя, «ярким выражением декабристского оссианизма»⁵⁷. Известен поэтический отклик Мансурова на поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», в котором поэт критически оценивал ее «в духе декабристских требований». В поэзии Мансурова отчетливо различаются «гражданские мотивы» и «вольнолюбие»⁵⁸. Таким образом все имеющиеся косвенные данные, характеризующие мировоззрение Мансурова, недвусмысленно говорят в пользу его принадлежности к декабристскому союзу.

Составители справки о Мансурове в биографическом словаре «Русские писатели», авторитетные специалисты по истории литературы С.А. Фомичев и Л.Д. Клейн, высказали предположение о принадлежности Мансурова именно к Союзу благоденствия, а Ю.Д. Левин полагал, что он был связан с одним из декабристских тайных обществ⁵⁹. С этой интерпретацией показания Н. Бобрищева-Пушкина можно согласиться, однако, как уже было отмечено, дать окончательный ответ затруднительно, поскольку на основании имеющегося сви-

детельства нельзя придти к однозначному ответу на вопрос — в какое именно общество приглашал Мансуров Бобрищева-Пушкина.

Имя Мансурова, несмотря на то что оно было неоднократно названо в показаниях Н.С. Бобрищева-Пушкина, а на полях его показания еще раз зафиксировано помощником делопроизводителя Следственного комитета В.Ф. Адлербергом⁶⁰, что свидетельствует о проявившемся к нему интересе следователей, однако, не упоминается более в вопросах Комитета, как и в чьих-либо показаниях. Оно не нашло отражения ни в следственных документах, ни в «Алфавите» Боровкова. Сомнения, возникающие при решении вопроса, в какое тайное общество Мансуров предлагал вступить Бобрищеву-Пушкину, заставляют включить Мансурова в группу предполагаемых декабристов.

Среди следственных показаний, не учтенных Боровковым, имеется свидетельство М.П. Бестужева-Рюмина о **Бутурлине**. Перечисляя известных ему участников тайного общества, существовавшего до 1821 г., Бестужев-Рюмин назвал среди прочих (достоверно известных как членов Союза благоденствия) Бутурлина, сопроводив его фамилию пояснением — «писатель»: «Известные члены мне того общества суть: М. Орлов, Николай Тургенев, полк[овник] Пестель, князь Лопухин, Бутурлин (писатель)»⁶¹. Источник информации Бестужева-Рюмина, по-видимому, — его ближайший друг С.И. Муравьев-Апостол или брат последнего Матвей — лица, прекрасно осведомленные о составе участников Союза благоденствия. Возможно, этим источником могли служить руководители Южного общества (П.И. Пестель, В.Л. Давыдов).

Публикаторы следственного дела идентифицировали Бутурлина с известным военным историком и впоследствии государственным деятелем Дмитрием Петровичем Бутурлиным. В этом случае отнесение его к числу членов Союза вызывает вопросы, поскольку его консервативные взгляды, во многом противоположные политическому мировоззрению руководителей Союза благоденствия, хорошо известны благодаря письмам М.Ф. Орлова к Д.П. Бутурлину 1819 и 1820 гг., получившим значительную известность в русском обществе⁶². По этой причине, а также из-за отсутствия в показании Бестужева-Рюмина конкретных биографических данных, безоговорочно отнести Бутурлина к членам Союза благоденствия нельзя.

Тем не менее, вероятнее всего, в этом показании имеется в виду именно Д.П. Бутурлин. Прежде всего, в пользу этого говорят его

отношения с М.Ф. Орловым. Бутурлин и Орлов были давними товарищами (оба в 1810—1814 г. служили в Кавалергардском полку); они тесно общались и в 1814—1818 г. При всей разнице их взглядов имеются и общие черты, отчетливо отразившиеся в письмах Орлова и Бутурлина — образованность, просвещенность, обостренный патриотизм, отрицательное отношение к закреплению крестьян и к «самовластному» способу правления. Переписка Орлова и Бутурлина 1819—1820 г. зафиксировала наметившееся между ними различие политических взглядов, но в то же время наглядно показывает и определенную близость их первоначального умеренно-либерального политического идеала⁶³. Позднейший консервативный облик Бутурлина не может быть основанием для характеристики его взглядов в 1810-е гг. Не исключено, что Бутурлин был принят Орловым или кем-либо из близких к нему лиц в Союз благоденствия, о чем стало известно Бестужеву-Рюмину. В пользу этого говорят контакты последнего как с самим Орловым, так и с Пестелем, братьями Муравьевыми-Апостолами, Трубецким.

Путь Д.П. Бутурлина в тайное общество в значительной степени проясняет недавно обнаруженная рукопись записок С.П. Трубецкого. В ней автор сообщает о персональном составе одной из первых декабристских конспиративных организаций, носивших еще характер политического масонства — Ордена русских рыцарей. Рукопись Трубецкого вносит определенную ясность в запутанный вопрос об участии Бутурлина в декабристской конспирации: мемуарист прямо называет его, перечисляя участников Ордена. По утверждению осведомленного мемуариста, общество к 1818 г. состояло из семи человек, четверо из которых перешли в Союз благоденствия. Остальные трое, очевидно, в этот союз не вступили. К их числу мемуарист отнес и Бутурлина, добавив к этому следующее: «К[нязь] М[еншиков] и Б[утурлин] не хотели явно принадлежать к такому многочисленному обществу, каковым было тогда С[оюз] Б[лагоденствия]»⁶⁴. Таким образом, раскрывается один из ранее анонимных участников Ордена русских рыцарей, известный по запискам Н.И. Тургенева как флигель-адъютант «г[осподин] Б.», подлинная фамилия которого долгое время оставалась неизвестной⁶⁵.

К числу лиц, которых следует считать предполагаемыми членами Южного общества, относятся дивизионный доктор **Иван Богданович Шлегель**, прикомандированный к Главному штабу 2-й армии (здесь

же служил другой военный медик, член Южного общества Ф.Б. Вольф, доктор при полевом генерал-штаб-докторе 2-й армии⁶⁶), и капитан инженерной службы **Семенов**.

Показание, дающее для этого необходимое основание, сделал Н.А. Крюков. Отвечая на вопрос о том, какие поручения «по видам тайного общества» исполняли офицеры квартирмейстерской части, служившие при Главном штабе 2-й армии, он писал: «Я ездил уведомить Пестеля о том, что нам, может быть, угрожает опасность... Что скоро примутся в члены (как надеялся Бяратинский) квартирмейстерской части поручик Лачинов, инженерный капитан Семенов и может быть доктор Шлегель...»⁶⁷.

Н.А. Крюков — активный участник Тульчинской управы и, безусловно, достаточно информированный человек; он возглавлял кружок светских офицеров при штабе 2-й армии. Крюков энергично содействовал приему новых членов: сам принял Н.А. Загорецкого, затем, уже после известия о смерти Александра I, способствовал принятию И.Ф. Юрасова, а в дни междуцарствия — Е.Е. Лачинова⁶⁸. Не менее активным в последние месяцы 1825 г. был глава тульчинских заговорщиков А.П. Бяратинский — в дни междуцарствия он принял в тайное общество П.И. Горленко, по его настоянию в начале декабря, также после присяги Константину Павловичу, были приняты Е.Е. Лачинов и И.В. Рынкевич⁶⁹. Эта деятельность по приему новых членов свидетельствует о безусловном значении сведений из показания Крюкова.

Поездка Крюкова к Пестелю, совершенная по поручению А.П. Бяратинского, состоялась не позднее середины ноября 1825 г.⁷⁰ К этому времени относится возвращение начальника штаба 2-й армии П.Д. Киселева в Тульчин, после чего Крюков и отправился к Пестелю. Вслед за Крюковым к Пестелю был послан Н.Ф. Заикин для передачи только что полученного известия об опасном характере болезни Александра I. Это известие достигло Тульчина не позднее 18 ноября 1825 г. Таким образом, намерение «принять» указанных лиц в общество вполне могло осуществиться во второй половине ноября или в начале декабря 1825 г. В этот период деятельность тульчинских заговорщиков по принятию новых членов не замирала. Так, именно в начале декабря был принят упомянутый Крюковым лишь как кандидат, которого только собирались принять в общество, Е.Е. Лачинов, тогда же в тайное общество поступили И.Ф. Юрасов, И.В. Рынкевич, П.И. Горленко.

Важно отметить, что из числа трех указанных Крюковым лиц,

которых еще только хотели принять, один (Е.Е. Лачинов) действительно вступил в Южное общество, о чем следствием были собраны убедительные данные⁷¹. Этот факт придает значительно большее вероятность предположению о том, что другие названные Крюковым лица — «кандидаты» к вступлению в общество — в последние недели существования Тульчинской управы были приняты в ее состав, тем более что в это время активность южных заговорщиков не ослабла. К числу вновь принятых вполне могли принадлежать как Шлегель, так и «инженерный капитан» Семенов, о котором дополнительных сведений пока не обнаружено.

Мемуарные источники содержат дополнительные данные о близости Шлегеля к Южному обществу, свидетельствующие о том, что он знал о его существовании. Из записок П.И. Фаленберга известно, что доктор Шлегель вместе с доктором Вольфом лечил жену мемуариста. Шлегель принес Фаленбергу полученное с газетами печатное описание событий 14 декабря в Петербурге с объявлением об открытии тайного общества (вероятно, приложение к «Русскому инвалиду» от 19 декабря)⁷². Случайными ли были эти упоминания в поздних мемуарах?

Особенно характерным в данном контексте выглядит еще один эпизод, описанный в записках Фаленберга и относящийся уже ко времени арестов в Тульчине. 11 января 1826 г. доктор Шлегель вошел к Фаленбергу «в приметном смущении» и, «после первых приветствий, устремив на него (Фаленберг пишет о себе в третьем лице. — П.И.) значительный взор, он сказал:

— Меня везут в Петербург.

— Вас? — прервал Фаленберг с видом шутки, — Быть не может! Мы вас не отпустим ни за что, всеми силами ухватимся за вас и отстоим.

— А когда так, — промолвил Шлегель, — то одного из нас двух» (в другой редакции записок, опубликованной Т. Шиманом — «Ну, одного из нас также увезут»)⁷³.

Из мемуаров Фаленберга следует, что Шлегель пришел к автору, будучи уверенным в своем скором аресте («меня везут в Петербург»). Ответ Фаленберга не оставляет сомнений — речь шла именно об аресте и отправке в столицу для присоединения к начавшемуся следственному делу. Причины этой уверенности Шлегеля не раскрыты. Но на каких основаниях такое убеждение могло возникнуть, что за ним стояло?

Скрытый подтекст этого диалога видится достаточно ясным. К 11 января 1826 г. в Тульчине и его окрестностях были арестованы и отправлены в Петербург П.И. Пестель, А.П. Юшневский, Н.И. Лорер, Ф.Б. Вольф, Н.В. Басаргин, А.А. и Н.А. Крюковы, П.М. Леман, А.В. Ентальцев, Н.С. и П.С. Бобрищевы-Пушкины, Н.А. Загорецкий, А.И. Черкасов, Ф.Г. Кальм и, кроме того, отправлены неарестованными И.Г. Бурцов и П.В. Аврамов. В январе в штабе 2-й армии уже знали об открытии заговора, об обнаруженных правительством намерениях заговорщиков — как из печатных известий, так и по служебным каналам (начиная с информации, полученной от А.И. Майбороды). Шлегель, таким образом, был хорошо осведомлен, о каком заговоре идет речь и о причине арестов многих офицеров, служивших в Тульчине. Опасаться ареста могли только лица, так или иначе причастные к заговору, вступившие в тайное общество или знавшие о нем. Фаленберг особо подчеркивает в своих воспоминаниях, что на следствии он не назвал Шлегеля, который, по его словам, первым сообщил ему о том, что заговор преследовал цель цареубийства (эти сведения были почерпнуты Шлегелем из официального печатного объявления)⁷⁴.

Мемуарное свидетельство Фаленберга обладает высокой степенью достоверности. Доверительному характеру его отношений со Шлегелем способствовала и принадлежность обоих к военным чиновникам немецкого происхождения, и лечение, которым пользовалась с помощью Шлегеля жена Фаленберга, совместная длительная служба при Главном штабе 2-й армии.

Доктор Шлегель отнесен к числу членов Южного общества исследователем, внимательным к деталям такого рода, — М.В. Нечкиной: «член организации»⁷⁵. Вероятно, историк основывалась на показаниях Н.А. Крюкова и воспоминаниях П.И. Фаленберга. Кроме этих свидетельств, имеется еще косвенное указание в воспоминаниях Н.В. Басаргина. В составе «молодого общества» «серьезного направления», возникшего при штабе 2-й армии и служившего кадровым источником для Тульчинской управы тайного общества, в ряду офицеров, собиравшихся вместе и оживленно обсуждавших интересующие их вопросы, он перечисляет двух военных докторов, а именно Вольфа и Шлегеля, входивших в этот кружок «одномыслящих людей»; дружеская связь последнего с Басаргиным и другими видными заговорщиками несомненна. Шлегель также лечил заболевшую жену Басаргина и, помимо всего прочего, доставил ему заграничный паспорт⁷⁶.

По нашему мнению, приведенные сведения позволяют уверенно считать Шлегеля лицом, входившим в декабристский круг в Тульчине. Если он и не был принят в декабре 1825 г. в тайное общество, — а о предполагавшемся приеме сообщал Пестелю Барятинский в ноябре, — то во всяком случае знал о его существовании; иначе трудно интерпретировать данные о беспокойстве Шлегеля при арестах в Тульчине, переданные в воспоминаниях П.И. Фаленберга.

Следствие не заинтересовалось показаниями Н.А. Крюкова, но почему не появились другие показания о членстве Шлегеля, как это было в случае Е.Е. Лачинова? Возможно, Шлегеля спасло то, что на следствии многие арестованные стремились не упоминать лиц, мало затронутых движением, располагавших лишь небольшой информацией — некоторые участники тайных обществ, связанные лишь с одним лицом, принявшим его, не были названы, легко замешанных старались не упоминать. Свою роль могло сыграть и то обстоятельство, что доктору были обязаны многие из арестованных, в том числе Фаленберг и Басаргин, жены которых пользовались его врачебной помощью. И.Б. Шлегель в 1820-е гг. пользовался большим авторитетом в армии из-за участия во многих военных кампаниях и благодаря своему врачебному искусству, а впоследствии получил широкую известность как организатор медицинского дела, президент Медико-хирургической академии⁷⁷.

Имеющиеся указания источников не позволяют окончательно решить вопрос о принадлежности Шлегеля к тайному обществу, и если М.В. Нечкина не сомневалась в его членстве в Южном обществе, то мы склонны поместить его в разряд предполагаемых участников конспиративных организаций.

Еще одно лицо, показание о котором прозвучало на следствии, но по-видимому не обратило на себя внимания, — это **Андрешевский**. Контекст упоминания имени Андрешевского в показаниях В.И. Враницкого говорит в пользу его принадлежности к членам Васильковской управы Южного общества, участникам собраний в Лещинском лагере осенью 1825 г., или к лицам, поступившим в состав этой управы позднее, вплоть до декабря 1825 г. Автор показания Враницкий, по национальности чех, как уже отмечалось, недостаточно хорошо владел русским языком. Вследствие этого свидетельство Враницкого нельзя отнести к числу полностью достоверных. Он мог неправильно расслышать фамилии малознакомых ему лиц и потом включить их в свои показания. И поэтому, несмотря на то что другое названное им

лицо — Панютин, как установлено нами, действительно состоял в тайном обществе⁷⁸, отнести безусловно и безоговорочно Андрешевского к числу членов затруднительно. Вероятно, Враницкий имел в виду участника Общества соединенных славян, артиллерийского офицера Я.М. Андреевича, который был хорошо известен среди членов Южного общества после Лещинского лагеря.

В своих показаниях на следствии согласившийся на предложение быть членом Общества соединенных славян И.М. Черноглазов сообщил о следующем: по его словам, А.С. Пестов объявил ему об офицерах конноартиллерийских рот, участвовавших в совместных собраниях Южного и Славянского обществ (осень 1825 г.) и находившихся в тайном обществе. Среди названных Пестовым, помимо известных по «Алфавиту» Боровкова членов Южного общества, в отношении которых следствие располагало удостоверяющими показаниями — Ф.Е. Врангеля, Д.А. Нашокина, А.Д. Высочина, — встречается новое имя подпоручика **Новицкого**: «Тут он мне сообщил, что будто конной бригады поручики Врангель, Нашокин, подпоручик Новицкий, прапорщик Высочин принадлежат уже к членам»⁷⁹. Очевидно, это еще один офицер конно-артиллерийских рот, причастный к деятельности Васильковской управы наряду с названными офицерами и М.И. Пыхачевым⁸⁰. Особо отметим утвердительный характер сообщения Пестова, отраженный в показании: здесь говорится об уже состоявшемся приеме названных офицеров, а не о планируемом. Источник информации Черноглазова — один из лидеров «славян» Пестов, как известно, принимавший самое непосредственное и активное участие в объединительных совещаниях в Лещинском лагере, на одном из которых присутствовали «южане» — офицеры артиллерии. Более того, он был избран руководителем «округа» «славян»-артиллеристов и непосредственно контактировал с руководством Васильковской управы. Таким образом, Пестов — лицо, хорошо осведомленное о тех, кто принадлежал к числу заговорщиков-«южан» в среде офицеров-артиллеристов. Вместе с тем, безоговорочно считать Новицкого «незамеченным» участником тайного общества не позволяет как отсутствие каких-нибудь дополнительных данных на этот счет, так и наличие среди перечисленных вместе с Новицким офицеров Ф.Е. Врангеля, сумевшего представить себя в следственных показаниях лицом, не состоявшим в тайном обществе. Следствие, скорее всего, не заинтересовалось показанием Черноглазова.

Если ознакомиться с показаниями А.В. Поджио в деле отставного офицера Преображенского полка Д.П. Зыкова от 6 апреля 1826 г., то рядом с показаниями о самом Зыкове неожиданно обнаруживается свидетельство, касающееся еще одного бывшего офицера-преображенца **Дмитрия Петровича Скуратова**: «Не могу сказать, принадлежал ли он (Зыков; в ходе следствия выяснится, что принадлежал. — *П.И.*) обществу, но если он был принят, то не кем другим, как князем Оболенским, с коим он был весьма дружен. То же самое скажу и о Дмитрие Скуратове, вышедшем из подпрапорщиков Преображенского полка по статским делам. Не могу также сказать, принадлежал ли и сей к обществу, ибо все сии сношения возобновились уже перед отъездом моим (в связи с переводом в армию в октябре-ноябре 1823 г. — *П.И.*). Оболенский был дружен как с одним, так и с другим, но наверное трудно мне сказать... Впрочем, если даже они были и приняты, не думаю, чтоб было какое-нибудь с их стороны содействие...»⁸¹.

Далее в своем показании Поджио свидетельствовал о тождественности взглядов как Зыкова, так и Скуратова взглядам членов тайного общества, заявляя лишь об их умеренности, позволявшей им признавать преимущества конституционного устройства, но в то же время неприложимость его к «государству нашему». Но, кроме того, Поджио фактически сообщил о близости Скуратова к тайному обществу и знании им цели этого общества: «Как Зыков, так и Скуратов не могли сомневаться в цели нашей, для сего достаточны были частые сношения их со мной, с Валерианом Голицыным (в 1821–1824 гг. также преображенский офицер. — *П.И.*), с Никитой Муравьевым и в особенности с к[нязем] Оболенским...»⁸².

В результате специального опроса следователи выяснили, что Зыкова принял в общество именно Е.П. Оболенский. О Д. Скуратове в связи с показаниями Поджио никому, в том числе Оболенскому, вопросов не задавалось.

Казалось бы, контекст упоминания фамилии Скуратова позволяет безоговорочно отнести его к числу членов тайного общества: налицо знание им цели общества, его «частые сношения» с В.М. Голицыным, Е.П. Оболенским, Н.М. Муравьевым и, наконец, с самим Поджио. Скуратов упоминается здесь наряду с установленным следствием участником Северного общества Зыковым, Поджио не отрицает принадлежности Скуратова к обществу.

Достоверность сообщения Поджио основывается на том, что он

был дружен со своим товарищем по полку Скуратовым, прекрасно знал его взгляды и круг связей. В том же 1823 г. Поджио вошел в число активных участников тайного общества в Петербурге, сблизил с ним своих товарищей по Преображенскому полку; он был напрямую связан и с Оболенским, и с другими упомянутыми им членами общества. Поэтому его, безусловно, нельзя не считать достаточно осведомленным человеком, — в частности, он, без сомнения, знал, кто из его полковых товарищей был причастен к обществу.

Однако уверенно отнести Скуратова к числу членов Северного общества не позволяет неопределенный, предположительный характер показания, большое количество оговорок, сделанных Поджио. Сам Поджио отказывался сообщить степень причастности Зыкова и Скуратова к тайному обществу, переадресовывая этот вопрос Оболенскому: «Но что точно ли обещали они свое содействие и какого рода сие все, должен знать к[нязь] Оболенский». Не брался он окончательно разрешить и вопрос о формальном принятии Зыкова и Скуратова в тайное общество, более всего настаивая на своей непричастности к их приему: «...если точно окажутся... Зыков... и Скуратов принадлежащими точно обществу, то твердым словом подтверждаю... что я их не принимал»⁸³.

Письменный ответ (показание) мог содержать отклик на темы, затронутые при устном допросе. Исследователю неизвестен объем и содержание информации, прозвучавшей на устном допросе. В этом, как представляется, следует искать причину того, что в показании Поджио о Зыкове неожиданно появляется имя Дмитрия Скуратова. Во всяком случае, текст письменного ответа содержит сведения об устном показании на ту же тему: «Как о штабс-капитане Зыкове, так и о г[осподине] Скуратове я еще имел честь докладывать изустно его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, что хотя я знал их за свободномыслящих людей, однако же о принадлежности их к обществу удостоверительно не знал, но что к[нязь] Оболенский о сем должен быть сведущ»⁸⁴.

Интересна и следующая фраза, говорящая как будто в пользу того, что Следственный комитет расследовал причастность Скуратова к тайному обществу еще до показания Поджио: «Его императорское высочество изволил мне сказать, что о вышеупомянутых двух лицах им было известно, и потому я думал дело их известнее показаниями других, достаточнейшими моих»⁸⁵.

По-видимому, речь шла о том, что фамилия Скуратова прозвучала на следствии ранее показания Поджио, в показаниях Оболенского. Действительно, Скуратов был другом и родственником этого видного деятеля тайных обществ, переписывался с ним. Скуратовы — московское семейство, входившее в ближайшее родственное и дружеское окружение Оболенских и Кашкиных⁸⁶. Факт дружеского общения Оболенского и Д. Скуратова зафиксирован на следствии самим Оболенским, которого спрашивали о Скуратове в связи с обнаруженными в его бумагах письмами. Из них следовало, что Скуратов доставлял письма Оболенского его двоюродному брату С.Н. Кашкину. В ответ Оболенский показал о Скуратове: «...молодой человек, служивший юнкером в Преображенском полку, откуда он вышел в отставку в 1823-м году. Его семейство связано родством и самую короткою дружбою с семейством Кашкиных и с моим. Уезжая отсюда, я ему точно давал письма к Кашкину»⁸⁷.

Поджио относит описываемые им отношения Скуратова с членами тайного общества к 1823 г. Как известно, в этот год намечилось заметное оживление в деятельности Северного общества в Петербурге, что выразилось в численном росте его рядов, причем в л.-гв. Преображенском полку в общество были приняты В.М. Голицын (август 1823 г.), Д.П. Зыков (лето 1823 г.), Ф.В. Вольский (декабрь 1823 г.). Приняты они были именно Оболенским при активном участии Поджио⁸⁸. Очевидно, к этой группе офицеров был близок в период своей службы в Преображенском полку юнкер Д. Скуратов.

О том, что Скуратов было достаточно тесно связан с членами Северного общества, свидетельствуют показания еще одного активного участника тайного общества в эти годы, В.М. Голицына. В первом допросе, записанном В.В. Левашевым, отвечая на вопрос: «Кого вы в бывшем вашем полку (Преображенском — *П.И.*) знали сочленами или участниками общества», он дал противоречивое и достаточно неопределенное показание: «Никогда не знал участников общества в полку, токмо по мнениям и мыслям некоторых, как-то: Поджио, двух Скуратовых и многих, которых не упомяну, в оном они могли быть»⁸⁹.

Важно отметить, что Голицын считал Скуратовых «участниками общества» вследствие их «мнений» и «мыслей», очевидно, достаточно характерных для круга «свободомыслящих», составлявшего питательную среду декабристских обществ. В сущности, это сообщение о том, что Скуратовы если и не были формальными участниками декабри-

стской конспирации, то рассматривались как ближайшие кандидаты в ее члены.

Как видим, показание Голицына касается и другого Скуратова, служившего в Преображенском полку в те же годы. Обращение к полковой истории дает сведения об **Александре Петровиче Скуратове**, вышедшем в отставку в ноябре 1822 г. Степень его близости к Северному обществу может быть сходной с причастностью его брата. Но в отношении Александра Скуратова других свидетельств, кроме показаний В.М. Голицына, не обнаружено.

Подводя итог, следует отметить, что о близости Скуратовых к тайному обществу свидетельствовали осведомленные свидетели — их близкие товарищи, сослуживцы по полку Поджио и Голицын. Первый из них указывал на Оболенского, как на лицо, возможно, принявшее Д. Скуратова в тайное общество. Оболенский же был родственником и другом Скуратова; косвенно о принятии Скуратова в тайное общество свидетельствует тот факт, что другое лицо, на которое подобным образом указал Поджио, также полковой товарищ Скуратова Д.П. Зыков, действительно был принят Оболенским.

Несмотря на неоднократные упоминания фамилии Скуратовых в показаниях, Следственный комитет, по-видимому, не обратил на них внимания. Во всяком случае, они не были учтены Боровковым при составлении «Алфавита». В то же время интерес следствия к Д. Скуратову (может быть, кратковременный) косвенно фиксируется в письменных показаниях Поджио. Мы не располагаем данными о каких-либо полицейских мерах в отношении Д. Скуратова, хотя следствием были вскрыты факты, свидетельствующие о его тесных связях с Оболенским и другими, а показания Поджио и Голицына говорили о возможном участии Скуратовых в Северном обществе.

В качестве своеобразного отголоска причастности Д. Скуратова к тайному обществу, в котором состояли многие лица из его ближайшего окружения, следует рассматривать воспоминания его дочери Х.Д. Рахманиновой, использованные в статье, посвященной Скуратову в «Русском биографическом словаре». Согласно рассказам дочери, Скуратов, появившись в Петербурге в 1818 г., «не примкнул ни к одному тайному политическому кружку», которые в то время существовали в столице, выступал «против них», доказывая, что то, что они «затевают», не приведет ни к чему хорошему⁹⁰. Появление этого свидетельства видится неслучайным и чрезвычайно характерным

фактом. По-видимому, в его основе лежит рассказ отца, стремившегося показать, что он не разделял взгляды заговорщиков-декабристов, инициировавших военное выступление 14 декабря 1825 г. Если Скуратов не примыкал близко к участникам политических кружков, тогда почему он знал об их существовании и намерениях? Очевидно, он вращался среди членов тайного общества, поэтому ему, по-видимому, и пришлось прибегнуть к оправдывающему рассказу о своем несогласии с «затейми» участников заговора (возможно, здесь имеются в виду планы переворота). Кроме того, на восприятие «затей» членов тайного общества могли наложиться позднейшие события, — в частности, «бунт» 14 декабря. Но ведь, заметим, многие состоявшие в тайных союзах выступали против военного переворота, при этом являясь полноправными членами общества. Иначе говоря, возражения против радикальных средств достижения цели тайного общества не были препятствием для членства в нем. Возможно, так было и в случае с Д.П. Скуратовым (как и в других случаях, которым посвящена настоящая глава). Так или иначе, свидетельство Х.Д. Рахманиновой, несомненно, доказывает одно: «свободномыслящий» (по выражению Поджио) Скуратов был хорошо осведомлен о существовании тайного общества. Он был человеком, с которым откровенно обсуждались намерения конспираторов, — тесно связанным с целым рядом участников общества, прекрасно знавшим о потаенных планах. Скорее всего, Скуратов принадлежал к членам Северного общества и, возможно, был принят в 1823 г. Оболенским.

В деле В.И. Штейнгейля имеются сведения о причастности к Северному обществу **Александра Петровича Сапожникова**. Штейнгейлю — человеку, тесно связанному с купеческой средой Петербурга и Москвы, был задан вопрос о принятии в тайное общество «некоторых из здешнего купечества», на что рассчитывал К.Ф. Рылеев. В ответ Штейнгейль показал, что в декабре 1825 г. Рылеев передал ему просьбу Я.И. Ростовцева о принятии в тайное общество купца Сапожникова: «Дня через два или три Ростовцев и сам мне то же подтвердил, примолвя: „Я бы и сам принял, но мне неловко, пожалуйста, примите“. Тому и другому я отвечал нерешительно „Посмотрю“. Поводом к тому, что они ко мне адресовались, было то, что известна была дружеская связь моя с Сапожниковым, а Ростовцев, притом, знал, что он, по делам своим терпя многие притеснения и потери от покойного министра финансов (Д.А. Гурьева. — *П.И.*), часто в семейственном кругу, не обвиняясь, жа-

ловался на порядок вещей; да и вообще человек с очищенными понятиями. За всем тем я и Сапожникова не принял, во-первых, потому что не надеялся, чтобы он при обширных и трудных делах своих решился войти в дело толь щекотливое, а во-вторых, мне не хотелось кому бы то ни было объявлять о принадлежности своей к обществу, ибо я очень то чувствовал, что если бы сказал кому-нибудь, то с той минуты спокойствие мое начало бы зависеть от того лица...»⁹¹.

Принять Сапожникова Ростовцеву было «неловко», очевидно, из-за их родственных отношений (женат на сестре Ростовцева, родители которого также происходили из купеческого сословия). На первом допросе у В.В. Левашева Штейнгейль, отвечая на вопрос о том, кого он принял в тайное общество, показал: «Никого; просил было меня Ростовцев принять своего зятя купца Сапожникова, но я не принял». Любопытно, что в ответ Левашев заметил: «Не приняли, так нечего и упоминать»⁹². Ответ Левашева, по нашему мнению, был обусловлен тем, что в качестве деятельного участника тайного общества в показании фигурировал Ростовцев, недавно оказавший, как считалось, большую услугу новому императору и пользовавшийся его благосклонностью. Именно поэтому, как можно предположить, обстоятельства, связанные с Ростовцевым, в том числе возможное участие Сапожникова в тайном обществе, не проверялись следствием.

Руководство Северного общества в лице Рылеева, как видим, было заинтересовано в принятии Сапожникова и прилагало к этому, несомненно, определенные усилия, но ни Ростовцев, ни сам Штейнгейль, по показанию последнего, Сапожникова тогда не приняли. Между тем, о тайном обществе, его планах и конкретных намерениях, по свидетельству того же Штейнгейля, Сапожникова все-таки известили. Штейнгейль навещал, как следует из его воспоминаний, пострадавшего на Сенатской площади Ростовцева, начиная с вечера 14 декабря⁹³. Он узнал от него между прочим о том, что Ростовцев все же открыл существование тайного общества своему родственнику: «После 14 декабря, при первом посещении Ростовцева, он мне рассказал, что написал к государю письмо по совету своего зятя [Сапожникова], которому тогда только (т. е. 12 декабря. — П.И.) открыл об обществе и его намерениях»⁹⁴.

Итак, согласно рассказу Ростовцева, переданному Штейнгейлем, 12 декабря он обратился к императору с известным сообщением о существовании обширного заговора против него именно по совету свое-

го родственника Сапожникова. Это свидетельство следует признать весьма важным: Штейнгейль — друг Сапожникова и Ростовцева — узнал об этом обстоятельстве от самого Ростовцева, из первых рук.

Источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что Сапожников был тесно связан с Штейнгейлем, который одно время, в начале 1820-х гг., вел его коммерческие дела. Сапожников знал о тайном обществе от своего родственника Я.И. Ростовцева, был человеком «с очищенными понятиями», т. е. либеральных взглядов — это также несомненно, как и то, что он имел четкое представление о намерениях тайного общества на 14 декабря 1825 г. Ему были известны цели тайного общества (не исключая введения представительного правления), что также следует из имеющихся свидетельств.

Однако документ не отвечает на вопрос: принял ли Ростовцев в Северное общество Сапожникова формально? Есть лишь фраза: Ростовцев «открыл об обществе и его намерениях». Что она означает — принял ли Ростовцев своего родственника или только сообщил ему о том, что общество существует? Представляется, что речь может идти о формальном приеме Сапожникова.

Штейнгейль вспоминает, что ему было дано поручение принимать в общество лиц купеческого звания, но он так и не принял ни одного человека. Среди первых кандидатов из купцов был, очевидно, Сапожников, — его принятие считали желательным. Член тайного общества Ростовцев, которому Сапожников приходился «зятем», просил Штейнгейля принять Сапожникова, так как сделать это самому представлялось ему неудобным. Штейнгейль, по-видимому, этого не сделал, но вскоре — вероятно, непосредственно перед 12 декабря — Ростовцев, настаивавший ранее, чтобы Сапожников стал членом тайного общества, известил родственника о заговоре и его целях. Думается, что человек, который (вместе с лидером общества Рылевым) сначала желал видеть своего родственника среди членов общества, а затем сообщил ему в подробностях о существовании и намерениях заговорщиков, несомненно, мог и принять Сапожникова в тайное общество. Вероятность этого еще более укрепляется тем, что Ростовцев обсуждал с ним важные вопросы, связанные с известным демаршем 12 декабря. В любом случае, судя по сведениям, приведенным Штейнгейлем, Ростовцев посвятил купца в тайну существования общества. Даже если он формально не принял Сапожникова, то уведомил его о многом, касающемся планов общества и его конкретных намерений.

Упоминает Штейнгейль Сапожникова и в своих поздних воспоминаниях. В контексте приведенных данных это указание приобретает особое значение. Согласно воспоминаниям Штейнгейля, вечером накануне 14 декабря в доме Сапожникова собрался узкий круг лиц (среди них был сам Штейнгейль): «...был поздний ужин у богатого купца Сапожникова, зятя Ростовцева. Хозяин, угощая шампанским, не обинуясь, говорил: „Выпьем! Неизвестно, будем ли завтра живы!“». Мемуарист, непосредственный участник вечера, заключает: «Так были уже уверены, что не обойдется без восстания». Об этом же вечере показал на следствии и Г.С. Батеньков: «В 7-м часу вечера 13 декабря я был у купца Сапожникова...»⁹⁵.

В устах человека, посвященного в существование тайного общества и его намерения на 14 декабря, обсуждавшего вместе с Ростовцевым замысел сообщения о заговоре великому князю Николаю Павловичу, эти слова выглядят не просто свидетельством озабоченности грядущими событиями, но скорее признаком понимания опасности, которая грозит участникам заговора, к которым Сапожников, таким образом, причислял и себя. Совсем не случайным представляется другой зафиксированный в показаниях Штейнгейля факт: в день 14 декабря он долгое время находился в доме Сапожникова⁹⁶.

Исследователь событий 14 декабря Я.А. Гордин полагает, что А.П. Сапожников имел большое влияние на Ростовцева и, будучи человеком, хорошо осведомленным о заговоре, способствовал тому, что последний составил письмо к Николаю Павловичу и осуществил свой известный демарш. Письмо это являлось попыткой воздействовать на претендента на престол, устроить его, отвечало интересам части заговорщиков. Эту точку зрения развивает, иначе интерпретируя мотивы действующих лиц, М.М. Сафонов⁹⁷. Разумеется, Сапожников не мог сыграть столь важную роль без достаточно полной осведомленности о характере, масштабах, целях и конкретных планах заговора.

В показании Штейнгейля фамилия Сапожникова подчеркнута карандашом, но дальнейшего хода эта информация не имела. Сведения о Сапожникове, судя по всему, не привлекли внимания следователей, — по-видимому, из-за того, что на расследовании обстоятельств, связанных с именем Ростовцева, они получили негласный запрет от императора.

В материалах следствия сохранились показания в отношении нескольких лиц, входивших, возможно, в состав Кишиневской управы

Союза благоденствия, далеко не проясненный в полной мере. Так, Н.И. Комаров среди тех, о вступлении кого в Союз ему стало известно, назвал **Лишина**: «Г[осподин] *Лишин* был предложен Охотниковым, но им ли был принят после, наверное не знаю. Полагаю, что Бурцов должен знать больше»⁹⁸. Свидетельство Комарова, по-видимому, не вызвало соответствующей реакции со стороны следователей; не было оно учтено и Боровковым: фамилия Лишина отсутствует в «Алфавите». Комаров, однако, человек достаточно осведомленный в делах южных управ Союза благоденствия. В 1818–1820 гг. он проявлял значительную активность в духе Союза, был связан и с Кишиневской управой: по некоторым данным, принял в Союз того же В.Ф. Раевского.

Участник Кишиневской управы И.М. Юмин сообщил данные еще об одном предполагаемом члене управы **Семинькевиче**. Говоря о своем знакомстве с уставом Союза благоденствия, Юмин показал следующее: «На другой день... Непенин, встретившись со мною, сказал мне, что он хочет пригласить подпоручика Семинькевича. Семинькевич, бедный человек, также как и я, сказал, что „я не знаю“, может ли он уделить что от жалованья»⁹⁹.

А.Г. Непенин, командир 32-го егерского полка, принимал не последнее участие в пополнении рядов тайного общества в дивизии М.Ф. Орлова. В частности, именно он принял в тайный союз Юмина и Бахметева¹⁰⁰. Возможно, Семинькевич являлся офицером того же 32-го егерского полка, в котором служили Юмин и Бахметев.

Активность Непенина в приеме новых членов подтверждается приведенным показанием осведомленного Юмина, непосредственно контактировавшего как с Непениным, так и с Семинькевичем. На следствии Юмин представил дело так, что он окончательно не согласился вступить в Союз и не дал от себя «подписки». Непенин, заинтересованный в «занижении» собственной активности как члена тайного общества, в своих показаниях также не считал Юмина и Бахметева формально принятыми им в тайное общество. Тем не менее, другие участники Союза знали обоих в качестве полноправных членов¹⁰¹. По-видимому, на следствии Юмин скрыл, что дал свое согласие принадлежать к Союзу. Не исключено, что вместе с ним в таком же положении находились не только Бахметев, но также Лишин и Семинькевич. Вне всякого сомнения, последний из них был ознакомлен с уставом Союза — «Зеленой книгой». На какой стадии остано-

вилась процедура их приема в тайное общество и остановилась ли вообще — неизвестно. Документы следствия прямо говорят о том, что руководящие участники управы в Кишиневе (Охотников, Непенин) намеревались принять в тайное общество Лишина и Семинькевича.

Определенное сомнение вызывает и показание А.Ф. Бригена о принадлежности к Союзу благоденствия известного драматурга и литератора князя **Александра Александровича Шаховского**: «...члены общества, кроме выше объявленных мною, о коих вспомнил, были два брата Шиповых, князь Шаховской, *директор театра*, князь Долгорукий... Копылов, Токарев, Тургенев, кажется, Хвощинский... и генерал-майор князь Лопухин»¹⁰².

С одной стороны, Бриген, «знаток и ценитель литературы», посещавший концерты и театральные представления, должен был прекрасно знать, о ком именно он показывает. Бриген обладал богатым собранием книг по литературе, истории, философии, военному искусству¹⁰³. Мог ли он перепутать известного драматурга А.А. Шаховского с Ф.П. Шаховским, принимавшим заметное участие в Союзе благоденствия (правда в Москве, а не в Петербурге, где служил Бриген)? Лишь в том случае, если сведения о членстве в тайном обществе лично ему незнакомого «князя Шаховского» дошли до него из третьих рук и ассоциировались в его представлении с «директором театра» А.А. Шаховским. Такой вариант полностью исключить нельзя.

Среди лиц, не привлекавшихся к основному следствию по делу о тайных обществах, но проходивших через другие расследования, в центре которых находилась деятельность членов декабристских обществ, выделяется **Николай Степанович Таушев**. В декабристоведческой литературе существует определенное разноречие относительно членства Таушева в тайном обществе. П.Е. Щеголев уверенно назвал его в числе участников Кишиневской управы Союза благоденствия. Эту точку зрения разделял исследователь Кишиневской управы В.Г. Базанов. Л.Я. Павлова также полагала, что Таушев принадлежал к Кишиневской управе¹⁰⁴. Вслед за ними многие авторитетные исследователи, реконструируя состав Кишиневской управы, включали в нее Таушева: «Имеются основания говорить о следующих членах кишиневской организации 1821–1822 гг. (до февральского разгрома): Михаил Орлов... Владимир Раевский... К.А. Охотников... П.С. Пущин... подполковник 32 егерского полка И.П. Липранди, поручик Н.С. Таушев (гевальдигер 16 пехотной дивизии)... А.Г. Непенин...»¹⁰⁵.

Наконец, составители тома письменного наследия и биографических материалов В.Ф. Раевского А.А. Брегман и Е.П. Федосеева также считают Таушева членом Союза благоденствия¹⁰⁶. С другой стороны, составитель биографического справочника «Декабристы» С.В. Мироненко полагает, что аргументы, предложенные ими для обоснования принадлежности Таушева к Союзу благоденствия, недостаточны¹⁰⁷.

Исследователи проявляют осторожность при отнесении к Кишиневской управе новых лиц, не выявленных на следствии в качестве участников тайного союза. Они склонны считать их скорее «активными помощниками» Орлова и Раевского, не состоявшими в тайном обществе: «Помимо формальных членов Союза благоденствия в Кишиневе было несколько активных помощников Охотникова и Раевского, не принадлежавших к Союзу — это поручик Н.С. Таушев, прапорщик В.П. Горчаков, тот же И.П. Липранди»¹⁰⁸. Думается, безоговорочное вынесение перечисленных офицеров за пределы формальной принадлежности к тайному обществу все же преждевременно.

Определяющей причиной, на основании которой Таушева включали в число кишиневских декабристов, послужил факт его привлечения к делу Раевского, а также то обстоятельство, что Таушев пострадал по этому делу: хотя он и не был осужден, но в его отношении было вынесено отдельное постановление — «оставить в подозрении». Согласно окончательному решению Правительствующего Сената по делу Раевского, датированному 2 ноября 1827 г., Таушев был подвергнут строгому надзору, о чем имелись предписания Казанскому гражданскому губернатору и дворянскому предводителю этой губернии¹⁰⁹.

Действительно, в нашем распоряжении нет документальных свидетельств, которые бы прямо и безоговорочно указывали на принадлежность Таушева к тайному обществу. Однако его привлечение к следствию по делу Раевского не было случайным, он обвинялся в сокрытии уличающих материалов, доказательств обвинения. Именно Таушев 5 мая 1822 г., получив предписание принять после ареста Раевского все материалы и имущество бывшей под управлением последнего дивизионной ланкастерской школы, приказал взять только книги («для чтения»), а рукописные учебные материалы, таблицы («прописи»), составленные Раевским для юнкерской и ланкастерской школ, и учебные тетради передал «служителю» капитана К.А. Охотникова, ближайшего товарища Раевского и сочлена по Союзу благоденствия, который их, вероятнее всего, уничтожил¹¹⁰. Оправдание, пред-

ставленное Таушевым на следствии по делу Раевского, рассматривалось следователями только как «предлог» и не принималось во внимание: якобы, придерживаясь данной ему инструкции буквально, Таушев передал бумаги Охотникову, поскольку счел эти материалы «совершенно ненужными для школы взаимного обучения», а вовсе не желая их утаивать. При этом он намеренно не затрагивал вопроса: употреблялись эти материалы в школе Раевского или нет¹¹¹. Уничтожение улик, сыгравшее действительно большую роль в ходе процесса Раевского, — тяжелое обвинение, поэтому и Охотников, и Таушев прилагали все усилия, чтобы представить дело в выгодном для себя свете.

В 1822 г. Таушева привлекли к допросам по «делу» Раевского, первоначальные показания были им даны не позднее середины апреля, очная ставка с Раевским состоялась 16 апреля 1822 г., допрос — 19 октября того же года¹¹². Затем Таушев был привлечен к следствию уже в качестве «прикосновенного» (заочно). В 1823 г., по определению Полевого аудиториата 2-й армии, он подлежал заключению на гауптвахте сроком на 6 месяцев¹¹³. Однако в связи с тем, что приговор основному обвиняемому отлагался, была ли приведена эта мера в действие, неизвестно. За это время Таушев вынужден был перевестись в другой полк, а в январе 1826 г. вышел в отставку, при этом ему пришлось объявить о месте своего жительства, — очевидно, в связи с нахождением под следствием. В дальнейшем роль Таушева в затянувшемся деле Раевского не уменьшалась. На последнем рассмотрении дела братьев В.Ф. и Г.Ф. Раевских (1827 г.) он остался единственным обвиняемым, кроме самих братьев. Причем руководители нового расследования отмечали, что по делу Раевского «многие прикосновенные и оказавшиеся виновными лица оставлены без всякого внимания»¹¹⁴. Здесь подразумевался в первую очередь Таушев. Его прикосновенность основывалась на подозрении в «умысле сокрытия вредного намерения», то есть на конкретном действии — укрытии от следствия книг и рукописных прописей Раевского. Однако новым расследованием он не был изобличен в этом «умысле» и только поэтому освобожден от наказания; он остался лишь «в подозрении». По итоговому заключению Комиссии под председательством командующего Гвардейским корпусом великого князя Михаила Павловича — по предложению последнего, с которым 15 октября 1827 г. согласился Николай I, — за Таушевым было учреждено «строгое наблюдение» по месту

проживания¹¹⁵. Таким образом, Таушев — единственный из «прикосновенных» по делу Раевского, кто подвергся репрессиям. В этом контексте, даже если Таушев формально не был принят в Кишиневскую управу, он воспринимается как лицо, очень близко стоявшее к Охотникову и Раевскому. Его имя, в роли причастного к делу Раевского, должно рассматриваться в качестве предполагаемого члена Союза благоденствия.

По заключению С.Е. Эрлиха, отнесение того или иного лица к числу декабристов в исследовательской практике основывалось главным образом на критерии «наказания». Декабристами, как правило, считались лица, принадлежавшие к числу осужденных по делам декабристских тайных обществ¹¹⁶. Это основание, определяющим образом влиявшее на отнесение того или иного лица к декабристам, видится нам недостаточным и неточным, однако в случае Таушева критерий «наказания» не кажется искусственным. Наказание Таушева является закономерным итогом, подводящим черту под совокупностью фактических данных о его причастности к деятельности кишиневских членов Союза благоденствия.

Помимо этого, близкая связь Таушева с известными членами управы в Кишиневе фиксируется в переписке В.Ф. Раевского и К.А. Охотникова 1820—1821 гг., отобранной у Раевского после ареста. В письмах Таушев не раз упоминается как близкий товарищ и единомышленник¹¹⁷. Согласно мемуарным свидетельствам непосредственных очевидцев, Таушев вращался в кругу кишиневских членов Союза благоденствия: Раевского, Охотникова, Орлова, Непенина. Особенно он был близок к Раевскому и Охотникову¹¹⁸. Нет сомнений, что эти дружеские связи подразумевали включенность Таушева в пропагандистскую деятельность в духе Союза и в постановку образования в дивизионных учебных заведениях для нижних чинов и юнкеров; расследование по делу Раевского обнаружило прямую связь Таушева с этой стороной деятельности участников Кишиневской управы тайного общества. Мотивы поступка Таушева, привлечшего внимание следователей по делу Раевского, были, несомненно, обусловлены его дружескими отношениями как с Охотниковым, так и с Раевским, и вполне могли быть дополнены обязанностью товарища по тайному союзу.

Совокупность обстоятельств: близость в качестве товарища-единомышленника к главным фигурам кишиневского тайного кружка, факт

уничтожения улик против Раевского, а также привлечение к его делу, наказание, вынесенное по этому делу, — все вместе дает, по нашему мнению, достаточное основание для того, чтобы включить Таушева в круг участников Кишиневской управы Союза благоденствия, в число предполагаемых декабристов.

Указания о возможном членстве в тайных обществах в ретроспективных источниках

Переходя к разряду предполагаемых участников тайных обществ, сведения о причастности которых к декабристским союзам содержат мемуарные источники, остановимся прежде всего на фигуре **Матвея Матвеевича Муромцева**. О своем присутствии на собраниях общества «свободномыслящих» он написал в собственных воспоминаниях.

Матвей Матвеевич Муромцев — автор мемуаров, охватывающих продолжительное время — более 20 лет¹¹⁹. Офицер Измайловского полка, Муромцев в 1812 г. стал адъютантом А.П. Ермолова; именно тогда его давнее знакомство с другими адъютантами Ермолова — М.А. Фонвизиным и П.Х. Граббе — перешло в близкую дружбу¹²⁰. Он познакомился с обоими еще до 1812 г. Так, Муромцев вспоминал об офицерском кружке, существовавшем в 1808–1809 гг. в Измайловском полку: «Мы собирались у нашего поручика Михаила Александровича Фонвизина. Тут бывали Дибич, Березин, граф Дамас, Спиридов...»¹²¹. Фонвизин был тогда одной из центральных фигур этого дружеского кружка, участники которого занимались самообразованием, главным образом военными науками, а также обсуждали политические новости. Связь между ними сохранилась и после заграничных походов 1813–1814 гг., когда Муромцев вышел в отставку. Согласно воспоминаниям Муромцева, после 1814 г. он не раз встречался с давними товарищами в Москве, в доме братьев М.А. и И.А. Фонвизиных.

Помимо этого, фиксируются тесные контакты Муромцева с П.Х. Граббе¹²², А.Н. и М.Н. Муравьевыми, И.Д. Якушкиным, Д.А. Давыдовым — теми, кто составлял ядро московского Союза благоденствия: «Фонвизин часто ездил ко мне. По выздоровлении я бывал у него, и мы собирались вечером. Всегдашние гости были: М. Муравьев, А. Муравьев, Якушкин, Мамонов, Граббе, Давыдов; иные проездом через Москву, имена которых не назову. *Разговоры были тайные:*

осуждали правительство, писали проекты перемены администрации и думали даже о низвержении настоящего порядка вещей. Я бы непременно попался впоследствии, как и все лица, составлявшие наше общество; но к счастью я был предупрежден Ал. Ив. Нейгардтом, начальником корпуса, стоявшего тогда в Москве. Он был очень дружен с покойным братом Павлом, а через него был знаком со мною, и в кампании 1812 года мы с ним часто встречались в сражениях и по делам службы. Он приехал ко мне, отозвал меня в кабинет, объяснил всю опасность членов, собирающихся у Фонвизина, что правительство уже обратило на это внимание, и чтоб я отнюдь ничего не подписывал. Это предупреждение спасло меня. Была заведена книга, где действительно члены вписывались. Я избег подписи и скоро уехал в деревню. В это время Граббе жил в Ярославле, командуя Лубенским гусарским полком <...> Он был со мною в переписке, и это узнал Нейгардт...»¹²³.

Целый ряд данных, содержащихся в приведенном отрывке, указывает на то, что речь в нем идет о декабристском союзе. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что, по словам Муромцева, «разговоры» были «тайными», закрытыми для посторонних лиц. На собраниях речь шла о правительстве, действия которого «осуждали»; участники «общества» рассуждали о проектах реформ и, по утверждению мемуариста, о ниспровержении «настоящего порядка вещей». Политический, более того — оппозиционный характер собраний, описанных Муромцевым, не вызывает сомнений. Вряд ли необходимо добавлять, что такого рода встречи могли проходить в тесном кругу единомышленников, из которого не может быть исключен сам автор воспоминаний.

К политической окраске «дружеских» собраний следует прибавить факт участия *всех* упомянутых автором лиц в декабристских тайных обществах; состав собиравшихся говорит сам за себя. Муромцев прямо указывает на то, что все участники собраний, на которых он присутствовал, были привлечены к следствию и «попались» в «дело» 1825–1826 гг. Это указание свидетельствует в пользу того, что мемуарист вспоминал именно о собраниях членов декабристского общества. В данном контексте весьма симптоматичным видится глухое упоминание Муромцева о том, что в собраниях участвовали неназванные им лица, проезжавшие через Москву. Видимо, не будет ошибкой предположить, что здесь подразумеваются члены тайных обществ,

приезжавшие в Москву из Петербурга и из южных армий (например, Н.И. Тургенев, Н.М. Муравьев, И.Г. Бурцов). Все это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что речь в воспоминаниях Муромцева идет именно о собраниях конспиративной организации декабристского ряда.

С этой точки зрения достаточно характерным выглядит сообщение Муромцева о некоей «книге», в которую вписывались имена лиц, согласившихся участвовать в собраниях общества. Эта информация не оставляет сомнений в том, что речь идет о конспиративной структуре, располагавшей письменными документами, в том числе уставного характера, прием в которую предусматривал «подписку», письменное обязательство, столь свойственное декабристским союзам.

С другой стороны, контекст данного указания не позволяет все же полностью отождествить выражение, примененное мемуаристом для характеристики отношений между давними товарищами («наше общество»), именно с тайным обществом, хотя такое истолкование видится нам наиболее предпочтительным; и, возможно, употребляя это выражение, автор воспоминаний вкладывал в него как раз это значение. Однако нельзя полностью исключить и другого истолкования: мемуарист подразумевал лишь постоянные встречи определенного устоявшегося круга давних друзей и единомышленников, не оформленного в конспиративную организацию.

Вызывает вопросы и хронологическая привязка сведений, сообщенных в цитированном мемуарном фрагменте. Сам Муромцев относит собрания «общества», на которых имели место «тайные разговоры», или точнее — начавшуюся подписку в «книгу», от которой он уклонился, к лету 1822 г. По его словам, в это время П.Х. Граббе, командуя Лубенским гусарским полком, находился в Ярославле. Сведения эти, однако, следует признать не вполне точными: указанным полком Граббе командовал с 1817 г., в марте 1822 г. по высочайшему приказу был лишен командования и уволен со службы; лишь после сдачи полка Граббе прибыл по приказанию начальства в Ярославль¹²⁴. Покинул он Ярославль только в июне 1823 г., уехав в Петербург, а в августе этого же года по высочайшему приказу его возвратили на службу¹²⁵. Очевидно, память мемуариста в отношении хронологии событий недостаточно точна.

В ряду важных наблюдений над воспоминаниями Муромцева стоит еще остановиться на сообщении мемуариста о том, что ему стало

известно об осведомленности правительства о собраниях в доме И.А. и М.А. Фонвизиных («правительство уже обратило на это внимание»). Эти сведения, вероятнее всего, отсылают к доносам М.К. Грибовского, осведомившего полицейские службы о собраниях участников тайного общества в доме Фонвизиных в Москве. Упомянутый мемуаристом А.И. Нейдгардт в 1823 г. был назначен начальником штаба Гвардейского корпуса и уехал в Петербург¹²⁶. Таким образом, события, описанные Муромцевым, происходили, судя по приведенным им сведениям, по-видимому, не ранее начала 1821 г. и не позднее 1823 г.

1821–1822 гг. — время, когда недавние активные члены «ранних» декабристских тайных обществ постепенно отходят от деятельного участия в движении: новые исторические условия, туманная перспектива политических реформ, угроза правительственного преследования заставляли отлагать самостоятельные действия на неопределенный срок. Вместе с тем, в это время данный процесс только наметился: участники тайного общества, созданного в начале 1821 г. на Московском съезде, стремились к оформлению вновь образованной организации, привлекая новых лиц. Известно, например, что в 1823 г. усилиями И.Д. Якушкина в это общество поступил полковник Г.И. Копылов, состоявший ранее в Союзе благоденствия¹²⁷. Возможно, такой же путь проделал и Муромцев.

С другой стороны, в начале приведенного отрывка мемуарист пишет о Граббе как участнике тайных собраний в Москве. Приведенные выше сведения о служебных обстоятельствах Граббе подводят к заключению о том, что сообщение мемуариста следует отнести к более раннему времени. На эту мысль наводит и фамилия А.Н. Муравьева, который, по всем имеющимся данным, отошел от тайного общества еще в 1819 г., а после этого лишь эпизодически встречался с отдельными его членами. Кроме того, останавливает на себе внимание состав участников собраний: здесь названы активные деятели московского Союза благоденствия, прекратившего свое существование весной 1821 г. Можно предположить, что память подвела мемуариста, и описанные им собрания происходили не в 1822 г., а по крайней мере на год или два раньше.

В.И. Семевский, публикуя в 1905 г. записки М.А. Фонвизина в сборнике «Общественные движения в России в первую половину XIX века», первым высказал мнение о том, что Муромцев описал события не 1822 г., а более раннего времени. Отнесение Муромцева к числу

участников именно Союза благоденствия разделяли и другие исследователи. Так, указание, которое содержат воспоминания Муромцева, стало основанием для включения Муромцева в число членов одной из московских управ Союза благоденствия, возглавляемой Ф.П. Шаховским. По мнению И.В. Пороха, в управу Шаховского входили П.Х. Граббе, М.А. и И.А. Фонвизины, И.Д. Якушкин, С.М. Семенов, М.А. Волков, К.А. Охотников, Ф.Ф. Гагарин; эти реалии показывают, что историк отнес вступление Муромцева в тайное общество к 1818 г. Обосновывая свою мысль, И.В. Порох писал: «Судя по воспоминаниям М.М. Муромцева, он также принадлежал к Союзу благоденствия, и его квартира в 1818–1819 гг. была местом частых сборов членов организации. Особо подчеркивает Муромцев свою близость с М. Фонвизиным. И возможно, что он и принял его в общество...». Еще ранее к участникам московских управ Союза благоденствия отнес Муромцева Н.П. Чулков¹²⁸.

Действительно, особый характер многолетних связей Муромцева с М.А. Фонвизиным, П.Х. Граббе и рядом других известных деятелей Союза заставляет предположить, что собрания с его участием происходили в период активной деятельности Союза благоденствия, хотя прямого указания о вступлении Муромцева в тайное общество его воспоминания не содержат. Учитывая близость Муромцева к наиболее крупным деятелям тайного общества в Москве, а также отмеченный в его воспоминаниях характер тайных заседаний, которые он посещал, следует предположить его возможную принадлежность к одной из московских управ Союза благоденствия в промежутке между 1818 и 1821 гг. Свидетельство Муромцева, однако, не дает полной уверенности в том, что упомянутые им собрания были собраниями Союза благоденствия. Приводимые сведения о «книге», в которую записывались члены, как будто не похожи на характер и назначение «Зеленой книги» — устава Союза благоденствия. Возможно, это был новый устав общества, созданный на съезде 1821 г. Но речь, видимо, идет о приложенных к уставу списках, в которые вносились имена новых членов. А такого рода списки существовали как до, так и после 1821 г.

При этом нельзя не отметить, что фактически те же лица (за исключением А.Н. Муравьева и М.А. Дмитриева-Мамонова) на Московском съезде в начале 1821 г. решили создать новое тайное общество. Основателями его стали друзья Муромцева — братья И.А. и М.А. Фонвизины, И.Д. Якушкин (как известно, ближайший товарищ

М.А. Фонвизина, привлечший его в тайное общество) и П.Х. Граббе. Возможно, мемуаристом объединены встречи, проходившие у Фонвизина как до Московского съезда, так и после него. Как писал Н.П. Чулков: «...память его [Муромцева. — *П.И.*] была не очень твердая»¹²⁹.

Но вступил ли Муромцев во вновь созданную в 1821 г. организацию? Или его участие ограничилось присутствием на первых собраниях вновь создаваемого тайного общества до формального конституирования этой новой структуры? Может быть, он участвовал только в Союзе благоденствия? Ответить на все эти вопросы с полной уверенностью нельзя. Сомнение в принадлежности Муромцева к декабристскому обществу вызывает главным образом сообщение об отказе мемуариста подписаться в заведенную «книгу», то есть формально закрепить свое членство в тайном обществе. Единственное, что можно констатировать, — это присутствие Муромцева в кругу участников общества на рубеже 1810–1820-х гг. и отход от него после 1822 г.

Итак, при интерпретации данных этого свидетельства исследователь может ограничиться простым воспроизведением позиции мемуариста, заключив, что Муромцев вспоминал исключительно о встречах единомышленников, оппозиционно настроенных, критикующих правительственные меры, обсуждающих острые политические вопросы и даже проекты преобразований, — встречах, не облеченных в форму тайного общества. Однако состав участников собраний, их место и время, а главное содержание бесед, — все это служит реальной почвой для обоснованного предположения о том, что Муромцевым описаны собрания именно тайного общества — Союза благоденствия или созданного в 1821 г. тайного общества, в которое вошли Граббе, Якушкин и братья Фонвизины. В этом случае свидетельство Муромцева уникально тем, что оно фиксирует участие в собраниях тайных обществ А.Н. Муравьева, отошедшего от них, согласно традиционным представлениям, еще в 1819 г., а также одного из учредителей Ордена русских рыцарей М.А. Дмитриева-Мамонова, постоянно жившего в своем имении, но изредка посещавшего столицы. Нам представляется обоснованным предположение о том, что Муромцев, принадлежа к Союзу благоденствия и присутствуя в этом качестве на собраниях у Фонвизина, при создании нового тайного общества в 1821 г. отказался от вступления в него.

Как можно уверенно полагать, именно такие лица, как Муромцев, находились на периферии декабристских тайных обществ. Связанные с ведущими участниками этих обществ отношения единомышленников, они составили основную массу лиц, укрывшихся от следствия благодаря слабой вовлеченности в события 1825–1826 гг., в планы радикальных действий, благодаря своему окраинному положению в тайном обществе. Мемуары Муромцева, как представляется, приоткрывают завесу над одним из таких участников декабристских организаций.

Обращаясь к дальнейшему анализу мемуарных свидетельств, отметим, что исследователь располагает прямыми указаниями мемуарных источников на принадлежность к тайному обществу нескольких лиц; эти указания находят косвенное подтверждение в материалах следствия 1825–1826 гг., где имеются данные о подозрении насчет причастности к тайному обществу или связи с заговорщиками.

Одно из таких имен тесно связано, пожалуй, с одним из наиболее таинственных (и одновременно — ключевых) эпизодов выступления Черниговского пехотного полка — «командировкой» прапорщика А.Е. Мозалевского в сопровождении нескольких солдат Черниговского полка в Киев, с запиской (записками?) от С.И. Муравьева-Апостола и экземплярами «Православного катехизиса». По некоторым данным, Мозалевский должен был встретиться с заговорщиками в Киеве и передать им просьбу и приглашение содействовать мятежу. Одним из этих лиц был офицер Курского пехотного полка член тайного общества (по безоговорочному утверждению мемуариста И.И. Горбачевского) **Александр Никитич Крупеников**¹³⁰. Фамилия Крупеникова не попала в «Алфавит» Боровкова, хотя показания о связи этого офицера с планами руководителей восстания дали на петербургском следствии С.И. и М.И. Муравьевы-Апостолы.

Согласно запискам Горбачевского, Мозалевский встретился с «подполковником» Крупениковым и отдал ему записку. Крупеников якобы «с радостью» желал восставшим успеха, спрашивал о планах Муравьева-Апостола. Далее Крупеников передал, что его полк выступает против восставших, и при случае обещал сделать все, чтобы «соединиться» с ними, «исполнить данное обещание и разделить общую опасность». О других членах, служивших в полках 4-го пехотного корпуса (Воронежском и Витебском пехотных), Крупеников не знал, «на что они решились и что намерены делать»¹³¹. Факт этой встречи

отвергается исследователями на том основании, что, согласно данным, полученным следствием на юге, Мозалевский не нашел в Курском пехотном полку разыскиваемого им офицера.

Сведения о Крупеникове содержат не только воспоминания Горбачевского, но и следственные документы. На следствии М. Муравьев-Апостол показал, что С. Муравьев-Апостол послал незнакомого автору показания офицера в Киев, с запиской к «майору» Крупеникову: «31 декабря Кузмин приходил к брату и сказал: что Андреевич говорил ему, что он принял майора Крупеникова, что Крупеников находился тогда с своим батальоном в Киеве. Крупеников служит в Курском полку, — брат ему писал через Черниговского полка офицера, которого я видел в первый раз и которого я имя не помню. В письме брат его уведомлял о возмущении Черниговского полка»¹³².

С. Муравьев-Апостол подтвердил, что на Крупеникова ему действительно указал А.Д. Кузьмин («в Курском полку есть майор Крупеников»), который говорил, «... что если это тот, которого он знает, то предполагает, что он не откажется содействовать нам; по сему разговору с Кузьминым решился я *на всякий случай* написать... письмо...»¹³³. Дословно та же причина появления письма к Крупеникову содержится в более раннем его показании, данном еще 11 января 1826 г. при первом допросе в Главном штабе 1-й армии. Но здесь раскрывается и цель отправления этого письма: «... для того только, чтобы уведомить его о моем намерении и узнать его мнение, ибо я до сих пор не был с ним знаком и не знаю Круп[е]никова, писал же к нему потому, что говорил мне об нем поручик Кузмин как о человеке, которого он знает, и сие одно *на всякий случай* побудило меня писать упомянутое письмо к нему»¹³⁴.

Согласно очень важным показаниям самого А.Е. Мозалевского, отобранном у него уже 2 января 1826 г. и, как следует признать, менее тенденциозным по сравнению с показаниями лидеров мятежа, С. Муравьев-Апостол в своей записке писал «майору» Крупеникову, «чтобы шел с батальоном в Брусилов на сборное место», об этом же он велел «сказать» устно¹³⁵. Однако в Киеве, согласно показаниям Мозалевского, он с Крупениковым (у Мозалевского — «Крупников») не встретился, поскольку «не отыскал» его. Письмо, адресованное Крупеникову, у него было, «но где и каким образом оно утерял, не знает»¹³⁶.

Кроме Мозалевского, были взяты показания у сопровождавших его солдат: унтер-офицера Ивана Харитоновича и рядовых Павла Про-

кофьева, Акима Софронова и Алексея Федорова, а также нижних чинов Курского полка Кузьмы Карпова и Степана Кошелева. Выяснилось, что Прокофьев был послан Мозалевским в канцелярию Курского полка, чтобы отыскать Крупеникова (в передаче солдата — «Крупенкина»). От Карпова рядовой узнал, что в полку нет «майора сей фамилии», а есть поручик Крупеников. Это же Мозалевскому подтвердил встретившийся ему рядовой (полковой писарь) Кошелев. На просьбу указать квартиру поручика рядовой ответил отказом. Кошелев видел у Мозалевского «письмо, адресованное карандашом на имя майора Крупеникова» (факт существования письма подтверждается таким образом еще раз). Странно, что, согласно данным показаниям, Мозалевский больше ничего не предпринял для того, чтобы найти поручика с искомой фамилией¹³⁷.

Стоит отметить, что в случае «удовлетворительного ответа» Крупеникова С. Муравьев-Апостол намеревался идти через Брусилов именно в сторону Киева — цена письма к Крупеникову была чрезвычайно высокой: «...из Брусилова я мог одним переходом придти в Киев, если б получил от Крупеникова удовлетворительный ответ»¹³⁸. Это показание, видимо, надо понимать так, что если бы Крупеников не привел в Брусилов свой батальон, но при этом все же дал положительный ответ — содействовать восставшим, то Муравьев-Апостол повел бы Черниговский полк на Киев. Столь ожидаемый от Крупеникова «удовлетворительный ответ» вряд ли мог ограничиться лишь его «мнением» о намерении С. Муравьева-Апостола начать восстание, как показал на следствии последний. Ответа Крупеникова Черниговский полк ждал около суток — с 31 декабря по 1 января, а затем, «не имея никаких известий о Мозалевском и заключив из сего, что он взят в Киеве», Муравьев-Апостол повернул в сторону Белой Церкви¹³⁹.

Любопытно, что цель визита Мозалевского была известна и разжалованному Д. Грохольскому, который на допросах в военно-судной комиссии, образованной в Белой Церкви, утверждал, что «другое письмо писал он, Муравьев, уже в Василькове к майору Крупеникову, чрез прапорщика Мозалевского, с тем, чтобы он следовал на сборный пункт»¹⁴⁰. Характерно, что этот участник мятежа знает и фамилию адресата письма, и обстоятельства его отправки, и самое главное — его содержание, то, что в нем предлагалось Крупеникову: следовать на «сборный пункт».

После ареста Мозалевского А.Н. Крупеников, судя по всему, был

привлечен к расследованию в штаб 4-го пехотного корпуса. Известен рапорт корпусного командира А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армией Ф.В. Остен-Сакену, написанный по свежим следам — 2 января 1826 г. В нем сообщалось, что «майора» Крупеникова в полку и в корпусе нет, а есть поручик Крупеников. Щербатов давал подозреваемому офицеру безупречную (и одностороннюю) характеристику и сообщал разысканные о нем сведения: «Поручик Крупеников, по объявлению полкового командира, есть один из самых добронравных и верных офицеров, который, будучи... обязан семейством, совершенно не заслуживает никакого подозрения»¹⁴¹.

В связи с показаниями Мозалевского и сопровождавших его солдат Крупеников вызывался и на допрос. Возможно, на короткое время он был арестован, а затем освобожден с установлением надзора: Щербатов сообщал, что Крупеников не виновен: «в чем я и ныне удостоверился, призывая его лично к себе, но при всем том буду иметь его до времени под наблюдением»¹⁴². Очевидно, надзор был учрежден военной полицией 1-й армии. Вероятно, имелось в виду последующее привлечение офицера к следствию по делу о мятеже. Однако, насколько известно, после этого допроса никого из членов Южного общества и Общества соединенных славян (кроме С. Муравьева-Апостола) о Крупеникове не запрашивали, — включая тех, кто находился под следствием в Могилеве. Не спрашивали о связях с черниговцами и самого Крупеникова. Дальнейшего разбирательства и репрессий Крупеников по-видимому избежал; продолжительность надзора, установленного над ним, неизвестна.

Петербургское следствие получило сведения, сообщенные на допросах Мозалевским и в рапорте Щербатова, от главнокомандующего 1-й армией Ф.В. Остен-Сакена. Судя по всему, следствие было удовлетворено ответом, что майора «Крупеникова» в 4-м пехотном корпусе не оказалось, а поручик Крупеников является «отличным» офицером¹⁴³. Об этом свидетельствует итоговая записка о С. Муравьева-Апостоле, составленная Боровковым, где утверждается, что письмо в Киев руководитель восстания Черниговского полка «...писал по словам Кузмина, который уверил его, что Круп[е]ников примет участие в возмущении, да и по сделанным выправкам майора Круп[е]никова в 4-м корпусе... вовсе не оказалось; поручик же Кузмин при взятии возмутителей застрелился»¹⁴⁴.

Как результат расследования в отношении Крупеникова, факти-

чески остановившегося после первого же рапорта Щербатова, следует привести еще фрагмент из всеподданнейшего доклада Аудиториатского департамента по делу офицеров Черниговского полка от 10 июля 1826 г.: «В Курском полку, по уверению командира 4-го пехотного корпуса... нет майора Крупеникова, а хотя и есть поручик Крупеников, но сей по объявлению полкового командира есть один из самых добронравных и верных офицеров, который обязан семейством и совершенно не заслуживает никакого подозрения»¹⁴⁵.

Нет сомнения, что следователи удовлетворились рапортом Щербатова и показаниями С. Муравьева-Апостола. Факт отсутствия серьезного внимания следствия и оправдания лица, подозревавшегося в готовности участвовать в мятеже, только благодаря положительной характеристике, данной полковым и корпусным командирами, представляет собой исключительный случай. Обыкновенно следствию требовались более веские доказательства невиновности подозреваемого. Остается лишь согласиться с мнением Ю.Г. Оксмана по этому вопросу: «Трудно ныне судить, насколько серьезными были предположения о возможности восстания в Киеве при приближении к нему революционных рот С.И. Муравьева-Апостола, но каковы бы эти основания ни были, следствие на них почему-то не остановилось, и формальной отпиской князя Щербатова разрешился даже такой первостепенной важности вопрос, как расчеты мятежников на батальон Крупеникова...»¹⁴⁶.

Следует сделать существенную поправку: речь шла, собственно, не о восстании в Киеве, а о значительно более реальном плане — присоединении батальона Курского пехотного полка к восставшим частям на «сборном пункте» в Брусилове. Увлечь в таком случае батальон, окруженный войсками, уже участвующими в мятеже, по сценарию испанской «военной революции», было бы намного проще.

Итак, документы фиксируют несомненный факт — руководители восстания надеялись на поддержку и конкретное участие в мятеже офицера Курского полка. Крупеников, как это следует из содержания адресованной ему записки лидера мятежа, должен был присоединить свой батальон к мятежным частям в Брусилове.

Заговорщика майора Крупеникова (Крупникова) следствие не обнаружило, зато существовало вполне реальное лицо — поручик Крупеников (связи которого с заговором следствие выяснять по неизвестным причинам не стало). Тем не менее, несмотря на имеющи-

еся документальные свидетельства, исследователи долгое время ограничивались лишь констатацией недостоверности сведений записок Горбачевского, причем многие из них сомневались в реальном существовании Крупеникова, несмотря на то что в VI томе «Восстания декабристов» был опубликован рапорт А.Г. Щербатова со сведениями о поручике Крупеникове и изложением отобранных у него показаний¹⁴⁷. М.К. Азадовский, ограничиваясь выводом следствия о том, что «никакого майора Курского полка Крупеникова не существовало», полагал, что «внесенный в воспоминания Горбачевского рассказ Мозалевского нужно считать недостоверным и вымышленным»¹⁴⁸. Действительно, сообщаемые Горбачевским факты требуют тщательной проверки и критического отношения, но не следует забывать, что в основе даже, скорее всего, вымышленных эпизодов нередко находятся обстоятельства, имевшие место в реальности. Важно отметить, что вымышленные Горбачевским подробности встречи Мозалевского и Крупеникова в Киеве не должны заслонять реального факта отправки посланца лидера мятежа с письмом, адресованным Крупеникову.

О.И. Киянская, автор новейшего исследования о событиях в Черниговском полку, много сделавшая для того, чтобы избавить ряд фигур, оказавшихся на периферии событий и в тени расследования 1826 г., от легендарного статуса в исторической литературе, уделила специальное внимание командировке Мозалевского и связям мятежников с офицерами, находившимися в Киеве, и окончательно идентифицировала личность Крупеникова. Оказалось, что в Курском полку действительно служил поручик Крупеников; его биографические данные восстановлены по печатным «Высочайшим приказам о чинах военных...», имя и отчество — по делам Инспекторского департамента Военного министерства¹⁴⁹.

Для нас важен конкретный аспект вопроса: был ли Крупеников членом тайного общества, и если да, то какого? Как отмечалось выше, согласно запискам Горбачевского офицер Курского полка Крупеников — заговорщик, член тайного общества. По показаниям С. Муравьева-Апостола, «майора Крупеникова» ему указал «славянин» А.Д. Кузьмин, покончивший с собой после подавления восстания. М. Муравьев-Апостол показал, что о Крупеникове как участнике тайного общества Кузьмин знал потому, что он был принят Я.М. Андреевичем, активным членом Общества соединенных славян, который, кстати, так же как и Крупеников, служил в Киеве¹⁵⁰. О.И. Киянская делает

оговорку: «Конечно, нельзя полностью исключить возможность знакомства этих декабристов с Крупениковым», однако не считает этот путь плодотворным. Для того чтобы установить «действительный источник» сведений Муравьева-Апостола о Крупеникове, историк обращается к биографии последнего. Автор указывает на путаницу с чином и фамилией Крупеникова, которая присутствует в показаниях и воспоминаниях декабристов, и приходит к выводу о том, что С. Муравьев-Апостол и другие заговорщики лично не знали Крупеникова¹⁵¹. Не обнаружив служебных связей самого А.Н. Крупеникова с членами тайных обществ, Киянская находит таковые у его старшего брата Никиты Никитича — с М.М. Спиридовым. Дальнейший анализ приводит историка к выводу о том, что члены Южного и Славянского обществ перепутали Александра Крупеникова с братом Никитой, боевым товарищем Спиридова, уже давно вышедшим в отставку, с которым уже многие годы не имели связи. В итоге исследователь утверждает без оговорок: «Сделать точный вывод о его (А.Н. Крупеникова. — П.И.) связях с тайными обществами невозможно; скорее всего, он даже и не знал об их существовании»¹⁵².

Такой ход рассуждений возможен, но нельзя исключать других мотивов С. Муравьева-Апостола, которые лежали в основе его тактики на следствии: в частности, трудно сбросить со счетов его стремление отвести от наказания лиц, мало замешанных в деле, а заодно скрыть некоторые звенья конкретного плана мятежа. Недаром сама исследовательница отмечает: «...лидер черниговцев тщательно скрывал все свои киевские контакты»¹⁵³. Версия историка о том, что заговорщики перепутали братьев и не поддерживали практически никакой связи с офицером Курского полка, достойна внимания, но не может быть единственной. Эта версия представляется нам, в частности, противоречащей логике событий, связанных с «командировкой» в Киев Мозалевского. В особенности же против такого хода рассуждений говорят следственные показания братьев Муравьевых-Апостолов и самого Мозалевского. Ведь речь в них идет об ожиданиях лидеров мятежа готовности со стороны Крупеникова непосредственно участвовать в выступлении, что не может не предполагать прочно установленных и тесных связей между лидерами выступления и Крупениковым, поддерживавшихся и накануне событий. Столь серьезная надежда на участие в мятеже, вызвавшая к жизни письмо Муравьева-Апостола в Киев и командировку Мозалевского, предполагает уверен-

ность в надежности и близкое общение с Крупениковым (как с участником заговора) в канун выступления.

Что же лежало в основе надежд Муравьева-Апостола на Крупеникова? По нашему мнению, известная ему принадлежность этого лица к тайному обществу, подтвержденная имевшими место контактами. Служебное положение Крупеникова вроде бы не говорит о его близости к «славянам»: в полках 4-го пехотного корпуса, к которому принадлежал Крупеников, в основном служили члены Южного общества и лица, близкие к ним — И.Н. Хотяинцев, А.В. Капнист и др. С другой стороны, и Спиридов не был, собственно, «настоящим» членом Славянского общества: изначально он не принадлежал к этому обществу, а был фактически введен в его состав руководителями Южного общества. Поэтому связь Спиридова с братом давнего товарища-сослуживца (А.Н. Крупениковым) выглядит вполне естественно. Общение Спиридова с другими участниками Общества соединенных славян могло способствовать распространению этой информации среди «славян»: например, в нее мог быть посвящен служивший в Киеве Андреевич, в свою очередь передавший ее Кузьмину.

Представляется вполне допустимым предположение, отличающееся от версии О.И. Киянской: Крупеников мог быть принят в тайное общество Спиридовым (фактически — в присоединившееся к «южанам» Славянское общество), вероятно, при участии или в присутствии Андреевича. Муравьев-Апостол (или Бестужев-Рюмин) также установил связь с Крупениковым (через Спиридова или Кузьмина), как это было в другом освещенном исследовательницей случае с полковником П.Я. Ренненкампом, хорошим знакомцем С.П. Трубецкого и С.И. Муравьева-Апостола, судя по всему, принятым в Южное общество¹⁵⁴. Такой нам видится гипотетическая картина контактов Крупеникова с тайным обществом. Как и в случае с Ренненкампом, конспиративные связи с которым не лежат на поверхности, ибо не были до конца вскрыты следствием, Муравьев-Апостол, возможно, попытался спасти малозамешанное лицо (Крупеникова) от попадания в жернова репрессий. Кроме того, привлечение Крупеникова к расследованию обнаружило бы целый пласт скрываемых, явно нежелательных для лидеров заговора сюжетов, связанных с их расчетами на присоединение целого ряда соседних полков 1-й армии, с планами дальнейших действий мятежников¹⁵⁵.

Конечно, ответ на рассматриваемый вопрос невозможен без при-

вращения дополнительных данных; вероятно, пролить свет на этот затененный вопрос помогут документы расследования в 1-й армии. Но все же несомненным представляется одно: обращаться за содействием заговорщики, начавшие восстание, могли к достаточно надежным людям, на которых можно было реально рассчитывать. Лидеры восстания явно надеялись на помощь или поддержку в Киеве и могли опираться лишь на хорошо известных им людей. Как представляется, не стоит полностью пренебрегать указаниями записок Горбачевского в отношении членства Крупеникова в тайном обществе; они базируются на рассказах непосредственных участников событий, в том числе А.Е. Мозалевского и близкого товарища Кузьмина В.Н. Соловьева. Возможно, в этих мемуарах отражена информация, полученная от Я.М. Андреевича и М.М. Спиридова, а также других «славян», которые непосредственно знали Крупеникова. Однако если даже степень близости Крупеникова к тайному обществу была не такой серьезной, как утверждает в записках Горбачевского, если не существовало предполагаемой прямой связи «Сергей Муравьев-Апостол — Спиридов — Крупеников», фамилия последнего, без сомнения, должна быть в числе предполагаемых участников декабристских конспиративных организаций.

Мемуары И.И. Горбачевского содержат указание еще на одного возможного члена Южного общества. Из текста воспоминаний следует, что среди участвующих в заговоре офицеров Ахтырского гусарского полка был поручик **Никифораки**. В дни начала выступления черниговцев Я.М. Андреевич после неудачного посещения командира Ахтырского гусарского полка А.З. Муравьева пришел к ротмистру Малявину, где застал «многих офицеров, из коих некоторые были члены Южного общества, принятые Бестужевым-Рюминым». Этим офицерам Андреевич рассказал о результатах своих переговоров с Муравьевым и Повало-Швейковским. По словам Горбачевского, офицеры были возмущены отступничеством полковых командиров, но вместе с тем сами не согласились выступить. «Солдаты наши не приготовлены и большая часть офицеров ничего не знают (о тайном обществе. — П.И.)», — ответили Андреевичу те офицеры, которые, в противоположность «большинству», в заговор, очевидно, входили¹⁵⁶. После этого мемуарист приводит диалоги Андреевича с неназванными офицерами, а затем с Н.Н. Семичевым и поручиком Никифораки: «Ротмистр Семичев и *другие члены Южного общества* были согласны с сим

мнением Андреевича (догнать С. Муравьева-Апостола и, согласовав с ним, начать восстание, приехав в какой-либо полк. — П.И.) и советовали ему немедленно ехать в Васильков. Семичев просил сказать С. Муравьеву, если он начнет восстание и если Ахтырский полк будет послан для усмирения мятежа, то все офицеры за долг поставляют соединиться с ним и станут действовать за общее дело. Поручик Никифораки сам побежал искать лошадей и вскорости возвратился с нанятым им евреем, который взялся доставить Андреевича в Васильков за неимоверно высокую плату...»¹⁵⁷.

Автор записки вполне мог опираться на свидетельство самого Андреевича, своего товарища по 13-летнему заключению в Чите и Петровском заводе. Что касается Никифораки, то он оказал и практическое содействие Андреевичу. Его действия описаны непосредственно после сообщения о Семичеве — установленном следствием участнике Южного общества, действительно принятым в общество именно Бестужевым-Рюминым, — вслед за упоминанием о том, что участники встречи с Андреевичем являлись членами тайной организации. Надо думать, что в числе этих «других членов» общества (помимо Семичева) был и Никифораки.

В Ахтырском гусарском полку, помимо его командира Артамона Муравьева, следствие выявило еще несколько участников Южного общества. Н.Н. Семичев и Е.Е. Пфейлицер-Франк признались в своем согласии вступить в тайное общество (приняты летом 1824 г. в Белой Церкви); полковник И.А. Арсеньев, несмотря на недвусмысленные показания о его членстве полкового командира А.З. Муравьева и М. Муравьева-Апостола, совершенно отрицал это, в чем ему удалось убедить следствие¹⁵⁸. Принимая во внимание наличие целого ряда участников тайного общества в Ахтырском полку, нельзя исключить того, что среди офицеров-ахтырцев были и другие лица, посвященные в тайну общества и не затронутые следствием.

Свидетельство Горбачевского не одиноко. Его дополняет автор мемуарного очерка «Белая Церковь» Ф.Ф. Вадковский. Важно отметить, что, по мнению Ю.Г. Оксмана, очерк «Белая Церковь», основанный на воспоминаниях непосредственных участников событий, а также ряда членов Славянского общества, предшествовал запискам Горбачевского, послужив им, возможно, одним из источников. Нельзя, наверное, объяснить простой случайностью появление в очерке «Белая Церковь» имен братьев Никифоровых — офицеров Ахтырского

гусарского полка. По данным Вадковского, они выразили желание не только помочь Андреевичу догнать восставшие роты черниговцев, но даже присоединить к мятежу свой полк. Согласно очерку Вадковского, Никифоровы «просили Андреевича идти с ними к Артамону Муравьеву, уверяя, что принудят его поднять полк; в противном же случае пойдут и без него, и легко могут это сделать, ибо полк находится в сборе»¹⁵⁹. Однако Андреевич на это не согласился. Таким образом, очерк Вадковского содержит иную, более «острую» трактовку участия Никифораки (Никифоровых?) в заговоре, прямо сообщая об их согласии принять участие в мятеже (слова «пойдут и без него» следует понимать как готовность действовать без согласия полкового командира А.З. Муравьева). Какова была фамилия этого офицера (офицеров?), избежавшего следствия и суда, члена Южного общества или только знавшего о его существовании — Никифораки или Никифоров — должно показать дополнительное изучение.

В записках Горбачевского имеется указание на участие в Славянском обществе **Андреева**¹⁶⁰. На это свидетельство обратила внимание М.В. Нечкина¹⁶¹. Согласно запискам, Андреев был участником совещания в Житомире 30 декабря 1825 г., после получения сообщений о событиях 14 декабря, приказе арестовать С. Муравьева-Апостола и погоне за ним жандармских офицеров. На собрании присутствовали А.И. Борисов, братья Веденяпины, И.И. Иванов, И.В. Киреев и Д.А. Нашокин (член Южного общества), а по данным Горбачевского — еще Андреев и другие лица, не выявленные следствием. Мемуарист получил эти данные, вероятнее всего, от товарищей по сибирскому заключению А.И. Борисова, И.И. Иванова и И.В. Киреева. Вероятно, упомянутого Горбачевским Андреева можно предположительно соотнести с известным участником Славянского общества офицером-артиллеристом Я.М. Андреевичем: сделать это позволяет хронология событий: 26–29 декабря Андреевич совершил поездку по маршруту Васильков–Радомысль–Житомир–Любар, стремясь встретиться с С. Муравьевым-Апостолом и побывать у товарищей-«славян». Житомир он действительно посетил, но в тот день, когда состоялось упомянутое совещание — 30 декабря, уже вернулся на место своей службы в Киев¹⁶². Принимая во внимание возможные ошибки хронологического характера, которые нередко встречаются в мемуарных источниках, можно предположить, что совещание в Житомире состоялось в канун 30 декабря, на нем теоретически мог присутствовать

и Андреевич. Однако уверенно встать на эту точку зрения исследователь не вправе: для этого нет достаточно определенных данных; в то же время есть существенные соображения, говорящие об обратном. Судя по последовательности событий, Андреевич побывал в Житомире перед посещением Любара и встречей с А.З. Муравьевым, которые произошли 29 декабря¹⁶³. К тому же, несколько строчками ранее мемуарист упоминает Андреевича, проехавшего через Житомир и встречавшегося здесь с группой членов Славянского общества до указанного собрания; участник собрания А. Борисов приехал в Житомир после его посещения Андреевичем¹⁶⁴. Исходя из этого, следует сделать вывод, что упомянутый Горбачевским Андреев — еще один участник тайного общества, оставшийся неизвестным следствию.

Ф.П. Толстой, вспоминая о своем допросе в Следственном комитете, писал: «Тут стали меня спрашивать, кто были членами этого общества („Зеленой книги“ — *П.И.*), — и я назвал, которых знал, а именно: князя Долгорукого... Пестеля, Александра и Никиту братьев Муравьевых... Сергея Муравьева-Апостола... Трубецкого, полковника Глинку и двух братьев, офицеров Измайловского полка, которых фамилии никак не мог вспомнить. Тогда великий князь Михаил Павлович, положив бумагу, которую держал перед своим лицом, обернулся ко мне и сказал: „Граф, это два брата Кавелины“»¹⁶⁵.

Этот текст сохранился лишь в обширной цитате в составе воспоминаний Т.П. Пассек. В другом фрагменте своих записок (в записи его жены А.И. Толстой) Толстой сообщал, что в руководство Союза благоденствия входили братья Игнатьевы¹⁶⁶. Сопоставляя эти два свидетельства, следует предположить, что Толстой сохранил в памяти присутствие в составе руководящего органа Союза благоденствия двух братьев: в одном случае братьев Кавелиных, а в другом Игнатьевых. Если принять за основу версию об ошибке памяти мемуариста, то «настоящие фамилии» братьев Игнатьевых следует искать среди членов т. н. Коренного совета, руководящего органа тайного общества. В этой связи обращают на себя внимание братья И.А. и М.А. Фонвизины, Павел и Петр Колошины, И.П. и С.П. Шиповы, а также однофамильцы А.В. и С.М. Семеновы. Но окончательному принятию данного предположения препятствует тот факт, что Толстой сообщал о службе обоих братьев в Измайловском полку, а также названная им фамилия А.А. Кавелина, руководителя управы Союза в этом полку.

Действительно, А.А. Кавелин был офицером л.-гв. Измайловского полка. Он имел нескольких братьев, из которых никто не служил в Измайловском полку; кто из них состоял членом Союза благоденствия, с полной определенностью сказать нельзя. По возрастному критерию братом А.А. Кавелина, поступившим в Союз, мог быть Иван Александрович Кавелин¹⁶⁷.

Описанный эпизод имел место на устном допросе; материалы следственного дела Толстого, однако, не содержат фамилий братьев Кавелиных или Игнатьевых. В письменных показаниях он перечислил следующих известных ему участников Союза: И.А. Долгорукова, Н.М. Муравьева, С.И. Муравьева-Апостола, С.П. Трубецкого, П.И. Кошкуля, Ф.Н. Глинку, А.Я. Мирковича, А.Д. Башуцкого, И.П. Шипова, М.Н. Новикова, а также однополчан-измайловцев А.А. Кавелина и Н.П. Годаина¹⁶⁸. Обоснованным видится предположение о том, что оба адъютанта Николая Павловича, ставшие затем флигель-адъютантами (Годаин и Кавелин), — трансформировались в памяти Толстого в братьев Кавелиных, а в записи его жены А.И. Толстой они превратились в братьев Игнатьевых. Тем не менее, авторитетность мемуариста, видного участника Союза благоденствия в этот период, входившего в его руководство, заставляет отнестись внимательно к данному свидетельству.

А.А. Брегман и Е.П. Федосеева, на основе собранных указаний источников, привели список офицеров, близких к кругу М.Ф. Орлова, К.А. Охотникова и В.Ф. Раевского, достоверно или вероятно принадлежавших к Кишиневской управе Союза благоденствия¹⁶⁹. Из числа помещенных в этом перечне лиц наиболее убедительно на наш взгляд выглядят имена **Павла Петровича Липранди** и **Михаила Семеновича Гаевского** (Геевского). Причина тому — свидетельство В.Ф. Раевского. Он отмечал в своих воспоминаниях: «Орлов поручил мне принять двух братьев Липранди... и майора Геевского. Но я отозвался тем, что и без принятия в общество на них рассчитывать можно»¹⁷⁰. Из сообщения авторитетного свидетеля недвусмысленно следует определенный вывод: поручение принять обоих офицеров со стороны руководства Кишиневского отделения тайного общества существовало и, следовательно, могло быть реализовано (причем не обязательно самим Раевским).

Как известно, ставший в начале 1822 г. адъютантом корпусного командира И.В. Сабанеева, а до этого — офицер 32-го егерского полка (полковой товарищ Раевского), состоявший при М.Ф. Орлове, П.П. Лип-

ранди при аресте Раевского руководил обыском на его квартире и взятием бумаг, причем приказал другому адъютанту Сабанеева Я.И. Радичу не брать книги арестованного, а только лишь его «бумаги», из-за чего следствие упустило из рук устав Союза благоденствия с 4 «расписками» принятых в Союз лиц (переданы на хранение Раевскому от Охотникова)¹⁷¹.

Близость П.П. Липранди к кругу кишиневских членов тайного общества не вызывает сомнений. К этому кругу почти безусловно принадлежал его старший брат Иван Петрович. С.Г. Волконский, человек вполне осведомленный (вступил в Союз в 1819 г.), в своих записках писал о И.П. Липранди вполне категорично: «...в уважение его передовых мыслей, убеждений был принят в члены открывшегося в этой (16-й пехотной. — П.И.) дивизии отделения тайного общества, известного под названием „Зеленой книги“». По словам С.Г. Волконского, И.П. Липранди выказывал себя «верным своим убеждениям к прогрессу и званию члена тайного общества, был коренным другом майора, сослуживца его по 32[-му] егер[скому] полку... Раевского»¹⁷². И.П. Липранди был помещен в число несомненных членов тайного общества осведомленным Н.И. Комаровым, который вступил в Союз в 1818 г.¹⁷³

Упомянутое поручение М.Ф. Орлова могло быть выполнено и в отношении П.П. Липранди — если не Раевским, то другим лицом. Сам Павел Петрович Липранди, несомненно, был своим в обществе «свободомыслящих» 16-й пехотной дивизии. Но, оказывается, не только в нем. П.П. Липранди имел отношение и к тульчинским конспираторам, а в период следствия по делу Раевского именно он (а не старший брат, вышедший к этому времени в отставку, а затем перешедший на службу в Одессу к М.С. Воронцову) передавал им засекреченные сведения о ходе расследования. В воспоминаниях Н.В. Басаргина содержится следующее указание: «Все то, что делалось по этому следствию и с Раевским, передавал нам бывший адъютант Сабанеева Липранди (ныне известный генерал), коротко с нами знакомый»¹⁷⁴.

На это указание впервые обратил внимание П.А. Садиков. Исследователь считал, что утвердившееся в литературе отнесение И.П. Липранди к членам Кишиневской управы ошибочно; признавая его «либералом», безусловным сторонником Орлова и другом Раевского, Садиков, однако, полагал, что «все это еще далеко от действительного участия» в тайном обществе «в качестве его члена»¹⁷⁵. Историк попытался доказать, что в действительности к обществу принадлежал млад-

ший брат И.П. Липранди Павел Липранди. «С его-то именем и следует связывать многое, что неосновательно приписывалось до сих пор его старшему брату...», — полагал Садиков¹⁷⁶. Историк опирался на следующие доводы: дружескую близость П.П. Липранди с Орловым, Охотниковым и особенно Раевским, подтвержденную с обеих сторон в 1858 г., когда Раевский приехал из Сибири в Москву и встретился с Липранди; совместную службу в 32-м егерском полку; действия Липранди (уже в качестве адъютанта Сабанеева) при аресте друга: «Именно П.П. Липранди сделал все, чтобы облегчить удар, помешать полному разоблачению Кишиневской ячейки Союза благоденствия... Конечно, сразу ориентироваться в положении вещей и не допустить возможности, чтобы в руки власти попали самые опасные документы, мог только человек, который хорошо знал эти документы... и был посвящен в тайну их местонахождения, то есть член Союза благоденствия»; и, наконец, информирование им тульчинских членов о следствии по делу Раевского: Садиков считал, что Басаргин не называет Липранди прямо членом общества потому, что Союз благоденствия на момент событий 1822 г. уже перестал существовать¹⁷⁷. При этом Садиков отбросил как совершенно незаслуживающие доверия показания Комарова на следствии и прямое мемуарное свидетельство Волконского о И.П. Липранди. Отметим еще, что хранившийся у Раевского список членов тайного общества в руки военного начальства все-таки попал.

«Так и остался... „Липранди 2-й“, скромный, выдержанный, умеющий молчать, когда надо, офицер неразоблаченным участником бессарабской организации... Его миновала и расправа 1825–1826 гг., он не попал и в знаменитый „Алфавит декабристов“, — констатировал П.А. Садиков¹⁷⁸.

Однако эта попытка исследователя «возвести в ранг декабриста» младшего брата «за счет» старшего не была признана исследователями достаточно убедительной. И.В. Немировский отмечает, что членство обоих братьев Липранди в Союзе «остается недоказанным», считая возможным говорить только о тех участниках Кишиневской управы, что были установлены следствием. В то же время он полагает, что вопрос о составе этой управы «нуждается в уточнении»¹⁷⁹. Мы склонны согласиться с последним утверждением, с той лишь оговоркой, что об участии И.П. Липранди в тайном обществе имеется прямое указание, а о принадлежности П.П. Липранди — данные о том, что руко-

водство управы поручило Раевскому принять его. Кроме того, существует еще косвенное указание на тесные контакты последнего с тульчинскими заговорщиками. Близость обоих братьев к тайному обществу нам кажется несомненной.

Итак, короткие связи П.П. Липранди с членами Союза благоденствия, а также указания мемуаристов Раевского и Басаргина позволяют уверенно считать его возможным участником Кишиневской управы Союза благоденствия. По нашему мнению, нужно признать доказанным факт причастности «младшего» Липранди к тому же кругу членов Кишиневской управы, в который входил, судя по указанию Волконского, его старший брат.

Другой офицер, которого следует считать предполагаемым членом Кишиневской управы — майор Селенгинского пехотного полка М.С. Гаевский. Он также входил в ближайшее окружение руководителей кишиневских членов Союза. Гаевский пользовался доверием Орлова; последний поручил ему служебное расследование неприятного инцидента между юнкерами 32-го егерского полка и слушателями Кишиневской семинарии, грозившего тяжелыми последствиями¹⁸⁰. Этого офицера, как и П.П. Липранди, предложили принять в тайное общество Раевскому. Следовательно, Гаевского считали отвечающим требованиям, предъявляемым к членам Союза. Принял Раевский П.П. Липранди и М.С. Гаевского в управу или нет, — вопрос остается открытым. Даже относительно собственного приема в тайное общество Раевский не раз менял свои показания — на следствии и в своих воспоминаниях: на вопрос о том, кто его принял, он отвечал по-разному, называя Н.И. Комарова и М.А. Фонвизина. Весьма осторожным он был и при освещении вопроса о личном составе Кишиневской управы. Были ли приняты в тайное общество указанные лица и кем они были приняты — Раевским или другим лицом (руководителем управы Охотниковым, Непениным) — остается непроясненным.

Современные исследователи вопроса полагают, что персональный состав Кишиневской управы ограничивался 6 лицами, «которые попали в „Алфавит“ Боровкова», зафиксированными в нем как члены тайного общества (М.Ф. Орлов, К.А. Охотников, В.Ф. Раевский, А.Г. Непенин, П.С. Пущин, И.М. Юмин)¹⁸¹. Мы же, однако, знаем, что к этой управе принадлежал еще и не включенный в состав «Алфавита» Бахметев¹⁸². Но список участников управы этим, без сомнения, не исчерпывается.

Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство, лишь недавно получившее в исследовательской традиции необходимую оценку. Кишиневскую управу, помимо М.Ф. Орлова, возглавлял К.А. Охотников (умер в 1824 г.). Он активно участвовал в приеме новых членов. Роль Охотникова в Кишиневской управе Союза благоденствия, несомненно, была очень значительной. Он являлся, как впервые установлено Ю.Г. Оксманом, а затем обосновано И.В. Немовским, формальной главой этой управы (или ее «блюстителем»), он же представлял управу на Московском съезде 1821 г.¹⁸³ О дружеской связи Раевского и Охотникова с братьями И.П. и П.П. Липранди и М.С. Гаевским свидетельствовал на следствии сам Раевский. Перечисляя офицеров, состоявших при дивизионной квартире и наиболее близких к Охотникову, он в числе первых называет майора Гаевского¹⁸⁴.

Из воспоминаний Раевского хорошо известен тот факт, что на квартире Охотникова хранились несколько (а именно 4) «расписок», взятых у лиц, принятых в Союз благоденствия¹⁸⁵. Таким образом, согласно точному указанию прекрасно осведомленного Раевского, Охотников или связанные с ним лица приняли в Кишиневскую управу 4 (неназванных мемуаристом) членов¹⁸⁶. Этими принятыми Охотниковым в Союз лицами не мог быть ни сам Раевский (принят М.А. Фонвизинным или Н.И. Комаровым в Тульчине), ни полковой командир 32-го егерского полка Непенин (принят Ф.Г. Кальмом, членом Тульчинской управы), ни, конечно, М.Ф. Орлов. Из известных нам членов Кишиневской управы лишь Юмин и Бахметев были приняты Непениным (но не Охотниковым!). Кому в таком случае принадлежали остальные расписки? Совершенно очевидно, что в управу были приняты еще несколько лиц. Возможно, среди принятых Охотниковым лиц как раз и находился И.П. Липранди и кто-либо из тех, о ком говорится в настоящей главе: Лишин, Семинькевич, Н.С. Таушев, П.П. Липранди, М.С. Гаевский. Принять некоторых из них в Союз Раевский, как он сообщает в своих воспоминаниях, отказался. Но это обстоятельство, если оно передано верно, не отменяет возможности принятия названных лиц другими участниками Кишиневской управы: ведь прием новых участников в тайное общество был инициативой именно руководителей управ. Поэтому Липранди и Гаевский могли быть приняты без решающего участия Раевского, который в этом случае даже и не знал о вступлении их в общество.

Исследователи, как уже отмечалось, рассматривают невыявленных следствием участников лишь как «активных помощников» Орлова, Раевского и Охотникова, формально не состоявших в тайном обществе¹⁸⁷. В исследовательской традиции, таким образом, полностью бесосновательными считаются показания Н.И. Комарова на следствии, так и мемуарное указание С.Г. Волконского, прямо сообщающие о принадлежности к Союзу И.П. Липранди.

Безусловно, достоверно можно считать членами только тех, чье участие отражено в документах следствия и других источниках. Но если принять во внимание свидетельство Н.И. Комарова о членстве в Союзе И.П. Липранди, отвергнутое подследственными, но подтвержденное воспоминаниями С.Г. Волконского и косвенным указанием В.Ф. Раевского — становится ясным, что мнение о членстве в Кишиневской управе П.П. Липранди и М.С. Гаевского, а также и Н.С. Таушева, не так уж беспочвенно.

Обстоятельства, связанные с участием П.П. Липранди в отборе бумаг Раевского при его аресте, принадлежность обоих к кишиневскому кружку единомышленников, а также косвенные свидетельства мемуаристов В.Ф. Раевского (намерение принять обоих, выраженное руководством управы) и Н.В. Басаргина, позволяют, по нашему мнению, отнести П.П. Липранди и М.С. Гаевского не только к числу «активных помощников Охотникова и Раевского», но и к возможным членам Кишиневской управы Союза благоденствия.

Указания о предположительном участии в военных выступлениях 1825–1826 гг.

Переходя к разряду предполагаемых участников военных выступлений декабристов, остановимся прежде всего на следственных показаниях М.К. Кюхельбекера. Они доносят до нас имена двух офицеров Гвардейского экипажа, об участии которых в выступлении 14 декабря 1825 г. нет других свидетельств.

Один из них, лейтенант А.А. Баранцев, был арестован и 14–16 декабря содержался в казармах Семеновского полка, поэтому его участие в мятеже — присутствие в каре, пусть и кратковременное — можно считать доказанным: в силу этого он включен нами в число «безвестных декабристов». В случае другого офицера положение более

сложное. Речь идет о командире артиллерийской команды Гвардейского экипажа капитан-лейтенанте **Иване Павловиче Киселеве**. М.К. Кюхельбекер показал: «Вверенную мне роту увещевал быть в повиновении и не выходить из оногo, как на дворе казарм, так и на площади, и старался вместе с капитан-лейтенантом Киселевым уговорить батальон идти в казармы...». Позднее Кюхельбекер добавил, что на Сенатской площади он оставил ряды экипажа и, «встретясь с капитан-лейтенантом Киселевым, пошел к его императорскому высочеству Михаилу Павловичу»¹⁸⁸.

Пребывание на Сенатской площади в рядах восставшего Гвардейского экипажа И.П. Киселева — заслуженного офицера, уже не молодого человека (к моменту восстания ему около 45 лет), все-таки сомнительно. Еще более сомнительна причастность старшего офицера, облеченного ответственностью за артиллерийскую команду, к заговору и мятежу. Известно, что весь начальствующий состав экипажа в своем большинстве (сюда не включается большая часть ротных командиров) остался в казармах, т. е. на стороне правительства (капитан-лейтенанты М.Н. Лермантов, Н.Г. Казин, Т.К. Лялин, экипажный адъютант лейтенант З.И. Дудинский, дежурный по экипажу лейтенант А.Ф. Доливо-Добровольский, офицер артиллерийской команды С.Я. Семенов, командир 1-й роты Н.Ф. Тимирязев)¹⁸⁹. И хотя некоторые из них, по-видимому, были склонны колебаться — какую сторону принять, их участие в мятеже и в заговоре следует исключить.

Итак, по собственным показаниям М.К. Кюхельбекера, он еще на полковом дворе старался «уговорить» моряков экипажа не участвовать в выступлении, а когда пришли на площадь, вместе с капитан-лейтенантом Киселевым пытался вернуть их в казармы. В конце дня, за несколько минут до разгрома, Кюхельбекер встретился с Киселевым на Сенатской площади и, оставив экипаж, пошел к великому князю Михаилу Павловичу; известно, что Кюхельбекер был арестован на площади. Таким образом, судя по всему, Киселев оказался на Сенатской площади с восставшими ротами и находился вместе с экипажем до конца противостояния (Кюхельбекер покинул ряды непосредственно перед картечными выстрелами).

Разбираемое свидетельство однозначно фиксирует присутствие Киселева в рядах или непосредственной близости от колонны восставших моряков. Следует отметить, что он не был одинок. Фактически

кое участие в мятеже целого ряда офицеров, увлеченных вместе с полком, как это было представлено следствию, также говорит в пользу долговременного присутствия Киселева на Сенатской площади в рядах мятежников.

Следствие выявило присутствие в составе вышедшего на Сенатскую площадь экипажа некоторых ротных командиров гвардейских моряков, по имеющимся данным не связанных с заговором. Все они отделались кратковременным арестом. При этом для объяснения их участия в выступлении не исключены и те мотивы, о которых сообщает в своих показаниях Кюхельбекер: Киселев пытался быть рядом со своими солдатами, чтобы сохранить порядок в рядах командуемой им части и, может быть, убедить в законности «переприсяги». Осведомленность такого рода лиц в политических намерениях заговорщиков требует специального исследования.

Еще одно указание о предполагаемом участнике выступления 14 декабря 1825 г. содержится в мемуарном свидетельстве молодого актера П.А. Каратыгина. Он вспоминал, что увидел матросов Гвардейского экипажа, которые направлялись по Офицерской улице на Сенатскую площадь. Во главе экипажа (возможно, только его части) мемуарист заметил лейтенанта (у Каратыгина ошибочно: «капитана») **Павла Дмитриевича Балкашина**: «Мы побежали смотреть в окна, выходящие на Офицерскую улицу, и тут увидели батальон Гвардейского экипажа, который шел в беспорядке скорым шагом, с барабанным боем и распущенным знаменем; им предводительствовал знакомый нам капитан Балкашин...»¹⁹⁰.

П.А. Каратыгин — непосредственный свидетель событий 14 декабря; Балкашин не был для него вовсе незнакомым человеком; очевидно, они встречались и до 14 декабря. Известно, что братьев Каратыгиных, уже ставших к этому времени популярными актерами, посещали офицеры-моряки; братья хорошо знали некоторых из них. Согласно утверждению мемуариста, Балкашин входил в число «знакомых» морских офицеров. В предположение, что Каратыгин мог перепутать Балкашина с другим офицером Гвардейского экипажа — например, Н.А. Бестужевым или М.К. Кюхельбекером, — поверить трудно. Тем не менее, сообщение Каратыгина об участии Балкашина в выступлении на Сенатской площади требует дальнейшей проверки и обоснования, поскольку другими источниками присутствие Балкашина в рядах моряков не подтверждается.

Вероятнее всего, Балкашин принадлежал к уже упомянутой довольно многочисленной группе офицеров, которые последовали на Сенатскую площадь, но, по имеющимся сведениям, не были непосредственно связаны с заговором. Спустя некоторое время многие из них покинули ряды восставших моряков и вернулись в казармы. Офицеры этой группы или вовсе не арестовывались и не привлекались к следствию, или подверглись кратковременному аресту. Что же касается того обстоятельства, что Каратыгин видел Балкашина во главе экипажа, что он «предводительствовал» батальоном, — иначе говоря в роли активного участника мятежа, — то увлеченность защитой прав великого князя Константина Павловича могла быстро сойти на нет и в ходе дальнейших событий уже не проявиться.

Группа возможных участников военных выступлений декабристов невелика, что вполне объясняется особым вниманием власти к участникам мятежей. Тем не менее, источники, в основном мемуарные, сообщают некоторые имена, оставшиеся неизвестными следственным комиссиям.

Речь идет, в частности, о тех лицах, которые, не принадлежа к моменту выступлений к тайному обществу, узнали о существовании и намерениях заговорщиков и были готовы принять участие в выступлении. Так, основываясь на записках И.И. Горбачевского, к числу такого рода фактических участников декабристского заговора нужно отнести капитана Саратовского пехотного полка **Ефимова**. Согласно мемуаристу, 3 или 4 января 1826 г. ротный командир Ефимов прислал М.М. Спиридову, вместе с запиской от И.Ф. Шимкова, свою записку, в которой писал: «К сожалению моему... я был несчастлив, что не заслужил вашей доверенности и не был членом Общества: это моя вина. Но теперь будьте уверены и знайте, что при первом известии начинать я поведу свою роту, на которую полагаюсь совершенно, и надеясь на помощь своих товарищей, осмеливаюсь ручаться не только за несколько рот, но и за весь полк»¹⁹¹.

Эта записка являлась ответом на записку М.М. Спиридова, адресованную офицеру Саратовского полка И.Ф. Шимкову, в которой Спиридов просил уведомить членов тайного общества, служивших в этом полку, что восстание начинается, и призывал подготовить к нему солдат. Записка Ефимова в передаче Горбачевского свидетельствует о том, что этот офицер, не будучи членом тайного общества, узнал о существовании заговора и его цели, выразив свое полное согласие с

ней. Он был согласен принять участие в задуманном выступлении, рассчитывая на содействие других офицеров. Указание мемуариста, опиравшегося, вероятнее всего, на сведения Спиридова и Шимкова, заслуживает внимания. Но особенности рассматриваемого мемуарного источника, присутствие в нем неточных и не подтверждающихся другими данными сведений не позволяют считать данное свидетельство полностью достоверным и отнести упомянутого офицера к числу «несомненных» участников заговора декабристов.

Остается затронуть вопрос о последствиях обнаружения причастности к декабристам в дальнейшей судьбе представителей рассматриваемой группы. Нетрудно заметить, что ставший известным, в том числе из конкретных показаний на следствии, факт предполагаемого участия в тайном обществе, заговоре или выступлении декабристов не имел отрицательного влияния на дальнейшую службу лиц из категории возможных декабристов. Исключение представляют И.С. Бабаев, о котором, в связи с признанием сделанного ему предложения о вступлении в Союз благоденствия, собирало сведения III Отделение, и Н.С. Таушев, проходивший по «делу» В.Ф. Раевского в качестве обвиняемого («прикосновенного»). Как уже отмечалось, в 1826 г. он вынужден был покинуть службу, а затем над ним был учрежден полицейский надзор, что соответствовало уровню административного наказания.

А.Н. Крупеников, хотя и был, скорее всего, арестован и привлечен к допросам при штабе 1-й армии, однако затем избавлен от преследования и, очевидно, беспрепятственно продолжил свою службу.

В отношении других «предполагаемых» декабристов, имена которых прозвучали на следствии, какие-либо явные последствия этого обстоятельства не отмечаются. Согласно воспоминаниям М.М. Муромцева, хотя правительство было осведомлено о его принадлежности к ближайшему окружению М.А. Фонвизина и включенности к круг «вольнодумцев», это не имело серьезных последствий; уже в 1829 г. он назначается саратовским вице-губернатором¹⁹². Не ощущаются негативные последствия обнаруженной причастности к тайному обществу и в случае Ф.Ф. Матюшкина. Несмотря на то что его имя упоминалось в следственных показаниях, а непосредственное военное начальство располагало вполне определенными сведениями о выраженном им сочувствии заговорщикам, Матюшкин продолжил свою карьеру без каких-либо осложнений. Этот же вывод можно вполне распростра-

нить и на предполагаемых участников выступления 14 декабря 1825 г. И.П. Киселева и П.Д. Балкашина, на осведомленного о декабристском заговоре А.П. Сапожникова, связанного с Я.И. Ростовцевым. Увольнение от службы в 1826 г. А.А. Шаховского было обусловлено не тем, что его фамилия прозвучала в показаниях А.Ф. Бригена, а, вероятнее всего, смертью его влиятельного заступника М.А. Милорадовича и интригами в руководстве Театральной дирекции — месте службы Шаховского. Не испытал никаких затруднений в дальнейшей карьере и А.А. Катенин, о причастности которого к декабристскому тайному обществу стало известно из записки эмигранта Я.Н. Толстого на имя императора. Наоборот, Катенин пользовался симпатией и поддержкой Николая I.

Представители данной категории, оставшись неизвестными правительству, беспрепятственно продолжили свою службу, несмотря на присутствие многих имен в показаниях привлеченных к следствию лиц.

Основные итоги

В настоящем разделе рассмотрены и проанализированы исторические свидетельства о 26 причастных к «движению декабристов» лицах, которые предположительно являлись участниками тайных обществ, заговора и военных выступлений.

Весь набор конспиративных связей тайных организаций, преследующих политические цели, историк реконструирует главным образом на основе изучения следственных материалов и позднейших воспоминаний, которые часто не предоставляют достаточных возможностей для точного установления факта членства. Поэтому естественным образом обнаруживаются примеры, когда принадлежность к обществу не вполне отчетлива. Имеются пограничные случаи, зафиксированные как в показаниях на следствии, так и в свидетельствах мемуарных и других источников. Указания такого рода о возможных участниках тайного общества анализируются в настоящем разделе.

1. Все затронутые в данном исследовании лица несомненно принадлежали к ближайшему окружению членов тайных обществ, составляя для них ту «питательную среду», в которой происходило формирование политического мировоззрения участников движения и из которой черпались кадры для пополнения рядов политической конспира-

ции; все они были включены в общий круг единомышленников. Более того, критическое изучение имеющихся свидетельств показывает, что значительная часть представителей этой группы знала о существовании и целях декабристских тайных обществ, но данные источников не позволяют доказать их формальную принадлежность к этим обществам с полной очевидностью. Отдельные, исключительные случаи предполагаемого участия в тайных обществах и заговоре декабристов основаны на совокупности косвенных данных (Н.С. Таушев).

2. Рассмотренные свидетельства о предположительной принадлежности к тайным обществам и участии в военных выступлениях 1825–1826 гг. дают основание для разделения всей совокупности возможных членов декабристской конспирации на две основные группы.

1) В первую входят те возможные члены тайных обществ и участники военных выступлений, о причастности которых стало известно в ходе следственного процесса. Имена одних прозвучали в показаниях, но не привлекли внимания следователей; расследование в их отношении не состоялось (А.М. Мансуров, И.Б. Шлегель, Д.П. Скуратов, А.П. Сапожников, И.П. Киселев и др.). Эти указания носят в той или иной степени определенный характер, однако следователи не приложили усилий для выяснения степени причастности этих лиц к тайным обществам. Иногда это расследование не было доведено до логического конца, и подлинная степень участия в декабристском союзе осталась неизвестной (Ф.Ф. Матюшкин). Некоторые из этих указаний подтверждаются свидетельствами позднейших мемуаров декабристов (Сапожников, Шлегель). Особенно это касается случая А.Н. Крупеникова, имя которого прозвучало на «южном» следствии, однако отдельное расследование его участия в деятельности декабристского союза проведено не было; в мемуарных источниках он фигурирует как член тайного общества.

Имена других стали известны в качестве лиц, причастных к декабристским обществам, при подписке 1826 г., были названы в доносах и записках, обращенных на высочайшее имя (И.С. Бабаев, А.А. Катенин). Есть случаи, когда официальное расследование выявило факты реального содействия конспиративной деятельности со стороны предполагаемых членов (факт «прикосновенности» Н.С. Таушева к делу В.Ф. Раевского).

2) Причастность другой группы лиц не была вскрыта в 1825–1826 гг., они остались неизвестными правительству; исследователь

может судить о характере их участия в тайном обществе по позднейшим, главным образом мемуарным источникам (М.М. Муромцев, Никифораки, П.Д. Балкашин и др.). Указания этого ряда имеют, как правило, большую определенность, но вместе с тем нередко видятся недостаточно авторитетными для окончательного ответа на вопрос о формальной принадлежности того или иного лица к тайному обществу. Среди них могут встречаться ошибки памяти (вероятно, И.А.(?) Кавелин).

3. Таким образом, подавляющая часть «предполагаемых декабристов» либо не была выявлена следствием, либо не привлекла его внимание. Причины появления этой группы участников движения, по большей части, совпадают с причинами возникновения «неизвестных декабристов». Это невнимание следствия к единичным показаниям, к лицам, занимавшим окраинное положение в тайных обществах, к свидетельствам о возможном участии в тайном обществе. Наглядным результатом такого невнимания стало отсутствие лиц данной группы в «Алфавите» Боровкова.

Особенно ярко подтверждают указанную причину случаи Ф.Ф. Матюшкина и А.П. Сапожникова. Причастность первого к тайному обществу была вскрыта в показаниях подследственных, однако короткое и формальное расследование не было завершено, его фамилия оказалась вне «Алфавита» Боровкова. Во втором случае назвавший Сапожникова в качестве лица, которое хотели принять в тайное общество и, возможно, действительно приняли, В.И. Штейнгейль был, по его собственному свидетельству, остановлен допрашивающим (В.В. Левашевым), в результате чего дальнейшие следственные действия не осуществлялись.

Необходимо указать также на специфику политического следственного процесса, когда следователи были заинтересованы в получении ограниченного набора фактов, могущих служить обвинению «главных» обвиняемых.

Определяющее влияние оказала и тактика защиты подследственных на процессе, когда арестованные скрывали как можно больше информации, которую можно было предъявить в качестве обвиняющей. В результате этого вне зоны расследования оказались факты и обстоятельства, связанные с некоторыми из предполагаемых участников движения. Эти обстоятельства грозили, по-видимому, усилением «вины» подследственных и, в конечном итоге, — ужесточением нака-

зания. Думается, не будет преувеличением указать на эту причину сокрытия участия в заговоре и тайном обществе в случае А.П. Сапожникова (обнаружение его участия в заговоре грозило осложнениями для «спасителя» Николая I Я.И. Ростовцева, сообщившего о существовании заговора) и А.Н. Крупеникова (раскрытие его участия в тайном обществе открывало пласт информации о надеждах заговорщиков на войска, находившиеся в Киеве).

Наконец, следует, как уже говорилось, иметь в виду недостатки технической организации следствия, а также незафиксированную в его документах информацию, которая способствовала изъятию из расследования тех или иных лиц.

4. Обнаруженное в следственных показаниях предполагаемое участие некоторых лиц рассматриваемой группы в тайных обществах, заговоре и выступлениях декабристов в целом не стало поводом для последующих репрессий. Причины лежат в той же плоскости, что и обстоятельства, обусловившие вынесенность их за рамки следственных разысканий и отсутствие данных о них в итоговых документах процесса. Исключение представляет только Н.С. Таушев, пострадавший в связи с делом В.Ф. Раевского.

5. Все рассмотренные указания имеют часто недостаточно ясный, определенный характер, либо требуют подтверждения другими источниками. Вместе с тем они не позволяют сомневаться в факте причастности лиц этой категории к движению тайных обществ и заговору декабристов.

6. Как и в случае «неизвестных» декабристов, предполагаемые участники политического движения, в своей значительной части, очевидно, занимали окраинное положение в тайных обществах и заговоре декабристов. При ином положении вещей они, как можно считать, так или иначе оказались бы втянуты в орбиту следствия значительно более серьезно. В целом, большинство из них принадлежало к числу тех лиц, которые были связаны с одним или несколькими членами тайных обществ. Таким образом, они предположительно входили в периферию тайного общества.

7. Вместе с тем, имея дело с нескрытым на следственном процессе пластом информации, исследователь должен сопроводить предыдущий вывод необходимыми поправками. Прежде всего, историк не имеет в своем распоряжении достаточных данных, устанавливающих реальную роль предполагаемых участников в декабристской конспи-

рации и военных выступлениях. Отсутствие сведений не позволяет говорить с уверенностью о слабой причастности всех этих лиц к деятельности декабристских союзов. Более того, в ряде случаев, из имеющихся указаний источников и вытекающих из них наблюдений становится заметным, что представители группы «предполагаемых декабристов» могли играть (а иногда — и *действительно играли*) достаточно значимую роль в событиях, связанных с открытыми выступлениями декабристов, в других важных эпизодах движения (дело В.Ф. Раевского). В некоторых случаях нельзя не отметить, что предположительное участие отдельных представителей этой группы было наделено немалым значением в истории декабристской конспирации. Заметную роль в том же «деле» В.Ф. Раевского сыграли предполагаемые участники Кишиневской управы Союза благоденствия Н.С. Таушев и П.П. Липранди. Оба офицера способствовали уничтожению уличающих Раевского документов: Таушев передал рукописные материалы учебных заведений, руководимых Раевским, его товарищу К.А. Охотникову, скрывшему их от расследования; П.П. Липранди, который проводил обыск на квартире Раевского, не взял находившиеся у Раевского бумаги Союза благоденствия. Как видим, эти возможные участники декабристской конспирации оказывали реальное содействие известным ее членам, в русле требований, предъявляемых к участникам конспиративных организаций; значение этих лиц для истории Кишиневской управы Союза благоденствия трудно переоценить.

Как следует из показаний М.П. Бестужева-Рюмина, одним из первых морских офицеров, которых принял или намеревался принять в Северное общество К.Ф. Рылеев, был Ф.Ф. Матюшкин (1824 г.). Думается, верно предположение о том, что знакомство лидера тайного общества в Петербурге с Матюшкиным не могло состояться без участия И.И. Пущина; все это предполагает оживленные связи еще одного выпускника Лицея с лидерами декабристского общества. Однако участие Матюшкина в тайной организации декабристов не могло быть длительным: уже летом 1825 г., вскоре после предполагаемого принятия, он отправился в кругосветное путешествие и покинул Россию.

Очень большую, возможно — переломную, роль в событиях, напрямую связанных с выступлением Черниговского полка, мог сыграть офицер Курского пехотного полка А.Н. Крупеников. Контакты его с

тайным обществом в полной мере не проявлены, однако есть достаточные основания говорить о формальной принадлежности Крупеникова к декабристскому союзу. Имеющиеся в следственных материалах ссылки на его причастность к Обществу соединенных славян, возможно, скрывают истинный характер его участия в декабристской конспирации. По-видимому, именно на Крупеникова надеялся лидер выступления черниговцев С.И. Муравьев-Апостол, когда планировал поход восставших частей на Киев, когда отправлял в город специального курьера А.Е. Мозалевского. Таким образом, историк не располагает всеми необходимыми данными для оценки той подлинной роли Крупеникова в заговоре декабристов, что обусловила уверенность лидера восстания в содействии этого офицера замыслу присоединения полков киевского гарнизона к мятежным частям.

Судя по всему, заметную роль в событиях кануна 14 декабря 1825 г. сыграл А.П. Сапожников, вполне посвященный в дела заговора, равно как и в существование декабристского тайного общества. Как уже упоминалось, будучи родственником Я.И. Ростовцева, Сапожников участвовал в обсуждении плана «осведомления» великого князя Николая Павловича о существовании заговора и грозящей ему опасности при вступлении на трон. По данным В.И. Штейнгейля, именно Сапожников способствовал тому, чтобы встреча Ростовцева с Николаем Павловичем состоялась; он настоял на составлении письма к претенденту на престол. Роль Сапожникова в одном из важнейших эпизодов, связанных с заговором, таким образом, трудно переоценить.

Скрытый от следователей и последующих исследователей тайных обществ пласт участников конспиративных объединений и заговора декабристов представляют А.А. Катенин, М.С. Гаевский, Лишин, братья Скуратовы, Семенов, Новицкий, Андреев, Никифораки, Ефимов. К числу таковых принадлежит и М.М. Муромцев, причастность которого к декабристскому союзу обнаруживается благодаря его собственным воспоминаниям.

Следует отметить, что в группе предполагаемых декабристов присутствуют впоследствии известные государственные и военные деятели, заметные фигуры общественной жизни, оставившие след в истории русской культуры. Среди них видный военный историк и теоретик, директор Императорский Публичной библиотеки и председатель Особого секретного цензурного комитета 1848 г. Д.П. Бутурлин; генерал от инфантерии, участник обороны Севастополя (1854–1855 гг.)

П.П. Липранди; генерал-лейтенант, командующий Оренбургским отдельным корпусом и Оренбургский военный генерал-губернатор А.А. Катенин (все трое предположительно являлись членами тайных обществ, существовавших до 1821 г.). К Союзу благоденствия, возможно, принадлежали популярный драматург, один из видных театральных деятелей 1810–1820-х гг. А.А. Шаховской и рано умерший талантливый поэт-элегик и переводчик А.М. Мансуров, к Северному обществу — в будущем известный экономист, цензор Д.П. Скуратов, к Южному — выдающийся медик, впоследствии президент Императорской Медико-хирургической академии И.Б. Шлегель. Лицеиста пушкинского выпуска, известного мореплавателя, адмирала и сенатора Ф.Ф. Матюшкина следует считать предположительным участником Северного общества.

Рассмотрение группы возможных участников тайных обществ и выступлений декабристов, в отношении которых имеются конкретные указания источников, мы полагали важной исследовательской задачей, решение которой необходимо для реконструкции полного состава декабристской конспирации, выявления ближайшего «резерва» известного состава тайных обществ, что в свою очередь будет способствовать формированию исторически более полного и точного представления о т. н. «декабристской периферии»¹⁹³.

Примечания

¹ См. о них главу 3.

² Речь идет, например, о дискуссиях вокруг попыток выявить наиболее полный состав «Священной артели», Семеновской артели, Ордена русских рыцарей, Кишиневского отделения Союза благоденствия, филиалов Южного общества и т. д. (см. упомянутые выше работы В.И. Семевского, М.В. Нечкиной, Ю.М. Лотмана, В.В. Пугачева, А.Н. Шебунина, П.А. Садикова, И.В. Немировского и др.).

³ *Киянская О.И.*: 1) Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка. М., 1997. С. 30–38; 2) Павел Пестель. Офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002. С. 196–220.

⁴ *Эрлих С.Е.* Кого считать декабристом? Ответ советской историографии // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 3. СПб.; Кишинев, 2000. С. 267.

⁵ См. об этом в главе 1.

⁶ Исключением является Н.С. Таушев (см., например: *Павлова Л.Я.* Декабрист М.Ф. Орлов. М., 1964. С. 72).

⁷ См.: *Шешин А.Б.*: 1) «Морская управа» Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 115–128; 2) Друг Пушкина Ф.Ф. Матюшкин — декабрист // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989. С. 161–166.

⁸ Движение декабристов. Указатель литературы. 1977–1992 / Под ред. С.В. Мироненко. М., 1994. С. 167, 315.

- ⁹ Мухина С.Л. Безвестные декабристы (С.Д. Нечаев, П.Д. Черевин) // Исторические записки. Т. 96. М., 1975. С. 243; Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 143. Отметим, что Нечаева и Бабаева, по-видимому, связывали и литературные интересы. Бабаев входил в число членов-корреспондентов Вольного общества любителей российской словесности (*База-нов В.Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 445).
- ¹⁰ Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 250.
- ¹¹ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. С. 143 (оригинал: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 3183. Л. 69–71).
- ¹² Там же. С. 143.
- ¹³ Там же. С. 195.
- ¹⁴ Согласно показанию А.Ф. Бригена, член Союза благоденствия (ВД. Т. XIV. С. 428); внесен А.Д. Боровковым в «Алфавит» (Алфавит. С. 333).
- ¹⁵ Каратыгин П.А. Записки. Л., 1970. С. 104.
- ¹⁶ Там же. С. 86.
- ¹⁷ См.: Булгакова Л.А. От декабризма к осведомительству. Заметки к биографии Якова Николаевича Толстого // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 3. СПб., 2000. С. 176–179.
- ¹⁸ Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826). Справочный указатель. С. 42–43, 60.
- ¹⁹ Толстой Я.Н. Всеподданнейшее письмо Я.Н. Толстого от 26 июля 1826 года // Пушкин и его современники. Вып. 7. СПб., 1908. С. 42; Переписка Я.Н. Толстого с А.И. Тургеневым / Публ. С.А. Шегловой // Памяти декабристов. Вып. 2. Л., 1926. С. 179.
- ²⁰ Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 37.
- ²¹ Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 42.
- ²² Смещение П.А. Катенина и А.А. Катенина можно встретить и в работах последнего времени. См., например: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 299.
- ²³ Шеголев П.Е. Зеленая лампа // Пушкин и его современники. Вып. 7. СПб., 1908. С. 31 (в статье П.Е. Шеголева Катенин ошибочно прочитан как «Кашкин» — П.И.); ср.: Переписка Я.Н. Толстого с А.И. Тургеневым. С. 179.
- ²⁴ Переписка Я.Н. Толстого с А.И. Тургеневым. С. 179–181.
- ²⁵ ВД. Т. IX. С. 113.
- ²⁶ Коржов С.Н. Северный филиал Южного общества декабристов // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 121.
- ²⁷ Пущин И.И. Сочинения и письма. Т. 2. Письма 1850–1859 гг. М., 2001. С. 39.
- ²⁸ ВД. Т. I. С. 266, 271; Т. II. С. 225; Т. IX. С. 189. Ср.: ВД. Т. XX. С. 448–449.
- ²⁹ Цит. по: Друзья Пушкина: Переписка, воспоминания, дневники: В 2-х т. / Сост. В.В. Кунин. М., 1985. Т. 1. С. 291 (выделено нами. — П.И.).
- ³⁰ Что касается отрицания Матюшкиным «виновности» Пушина, то для Матюшкина — возможного члена тайного общества, как и для многих других участников декабристской конспирации, существовало значительное расстояние между членством в тайном политическом объединении и участием в открытом выступлении, которое имело место 14 декабря 1825 г. Очевидно, Матюшкин не мог поверить в то, что Пущин сыграл столь заметную роль в событиях мятежа на Сенатской площади.

- ³¹ О «морской» управе Северного общества см.: *Шешин А.Б.* «Морская управа» Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 115–128.
- ³² *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 59.
- ³³ *Пуцин И.И.* Сочинения и письма. Т. 2. Письма 1850–1859 гг. С. 41, 54, 60.
- ³⁴ *Гастфрейнд Н. [А.]* Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею. СПб., 1912. Т. 2. С. 3–115; *Пасецкий В. М.* Вперед — неизвестность пути. М., 1969. С. 134 и сл.
- ³⁵ *Кунин В.В.* Федор Федорович Матюшкин // Друзья Пушкина. Переписка, воспоминания, дневники. М., 1985. Т. 1. С. 284.
- ³⁶ *Давыдов Ю. [В.]* В морях и странствиях. М., 1956. С. 118, 147–148, 153.
- ³⁷ *Шешин А.Б.*: 1) «Морская управа» Северного общества. С. 120; 2) Друг Пушкина Ф.Ф. Матюшкин — декабрист. С. 161–166.
- ³⁸ Этот вывод в целом разделялся и нами: *Ильин П.В.* Безвестные декабристы: О лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д. Боровкова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 391–394.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244.
- ⁴⁰ ВД. Т. IX. С. 100.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 58 (выделено в тексте документа).
- ⁴² Там же. Л. 58–58 об.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 59 (выделено в тексте документа). Формулировка вопроса показывает, что Следственный комитет спустя почти месяц после первого показания Бестужева-Рюмина не сделал никаких справок и не располагал никакими новыми данными о Матюшкине.
- ⁴⁴ Там же. Л. 59–59 об. (выделено в тексте документа).
- ⁴⁵ *Пасецкий В.М.* Вперед — неизвестность пути. М., 1969. С. 135. Оригинал письма, согласно указанию В.М. Пасецкого, хранится в фонде Ф.П. Врангеля в Государственном архиве Эстонии (Ф. 2057. Оп. 1. Д. 443. Л. 107. Письмо Ф.П. Врангеля. 2-я половина 1826 г., Петропавловск-Камчатский).
- ⁴⁶ ВД. Т. XIII. С. 362.
- ⁴⁷ Там же. С. 362–363.
- ⁴⁸ Н.С. Бобринцев-Пушкин поступил в упомянутое училище в январе 1818 г., а весной 1819 г. был выпущен из него и начал службу во 2-й армии (Декабристы. С. 24).
- ⁴⁹ ВД. Т. XIII. С. 363.
- ⁵⁰ Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 241.
- ⁵¹ ВД. Т. XIII. С. 364.
- ⁵² ВД. Т. XIII. С. 363 (выделено нами. — *П.И.*).
- ⁵³ См.: *Чагин Г.П.* «Своеобразно по происхождению...» // Куранты. М., 1987. Вып. 2. С. 130–133.
- ⁵⁴ *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе. Конец XVIII–первая треть XIX в. Л., 1980. С. 105.
- ⁵⁵ ВД. Т. XIII. С. 363. Ср.: *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 32.
- ⁵⁶ ВД. Т. XIII. С. 383; Декабристы. С. 24.
- ⁵⁷ *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе. С. 105.
- ⁵⁸ *Фомичев С.А., Клейн Л.Д.* Мансуров Александр Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. М., 1994. С. 512.
- ⁵⁹ Там же; *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе. С. 105.
- ⁶⁰ ВД. Т. XVI. С. 360.

- ⁶¹ ВД. Т. IX. С. 82.
- ⁶² Два письма М.Ф. Орлова к Д.П. Бутурлину / Публ. А.А. Сиверса // Декабристы и их время. Т. 1. М., 1928. С. 199–205.
- ⁶³ Там же. С. 201.
- ⁶⁴ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 154. Д. 44. Л. 14.
- ⁶⁵ *Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001. С. 101. В.И. Семевский и вслед за ним М. В. Нечкина полагали, что речь идет о будущем шефе III Отделения А.Х. Бенкендорфе (*Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 408; *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 133). Ю.М. Лотман обратил внимание на то, что присутствие выходца из немецкого дворянства Бенкендорфа в числе участников Ордена противоречит его уставным положениям, имевшим ярко выраженный национально-патриотический характер. Но указанный им вместо А.Х. Бенкендорфа И.М. Бибиков не являлся флигель-адъютантом в 1815–1818 гг., он стал им лишь в 1825 г. (*Лотман Ю.М.* М.А. Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист, общественный деятель // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1959. Вып. 78. С. 27–28). Существовала еще точка зрения А.Н. Шебунина, который считал, что здесь имеется в виду Д.П. Бутурлин (*Шебунин А.Н.* Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 49). Таким образом, вновь обнаруженные записки Трубецкого показали, что прав был именно А.Н. Шебунин.
- ⁶⁶ Декабристы. С. 44.
- ⁶⁷ ВД. Т. XI. С. 366.
- ⁶⁸ ВД. Т. XIX. С. 194, 196, 216, 221.
- ⁶⁹ Алфавит. С. 248; ВД. Т. XIX. С. 181, 182, 188, 189, 191.
- ⁷⁰ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 201–202.
- ⁷¹ Алфавит. С. 274–275.
- ⁷² *Фаленберг П.И.* Записки // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 225.
- ⁷³ Там же. С. 226.
- ⁷⁴ Там же. С. 230.
- ⁷⁵ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 202, 215.
- ⁷⁶ *Басаргин Н.В.* Воспоминания. Статьи. Документы. Иркутск, 1988. С. 51, 52, 80. Кроме того, известно, что доктор Шлегель был допущен к заболевшему Пестелю во время его ареста в Тульчине с 13 по 27 декабря; он же освидетельствовал члена Южного общества майора А. Мартынова, у которого некоторое время хранилась «Русская Правда». Когда поступило распоряжение об отправке Мартынова в Петербург, Шлегель признал это невозможным из-за болезни (ВД. Т. IV. С. 29; Т. XIX. С. 207).
- ⁷⁷ История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) Академии за 100 лет. 1798–1898 / Под ред. проф. Ивановского. СПб., 1898. С. 359–361.
- ⁷⁸ См. главу 3.
- ⁷⁹ ВД. Т. XIX. С. 256.
- ⁸⁰ Ф.Е. Врангель на следствии был оправдан, несмотря на показания о его членстве. См. главу 2.
- ⁸¹ [Показания А.В. Поджою в деле Д.П. Зыкова] // ВД. Т. XVIII. М., 1984. С. 222.
- ⁸² Там же. С. 222–223.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 222.
- ⁸⁵ Там же. С. 222–223.
- ⁸⁶ *Сабанеева Е.А.* Воспоминания о былом // История жизни благородной женщины:

- Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом; Головина В.Н. Мемуары; Лабзина А.Е. Воспоминания. М., 1996. С. 391, 394–395.
- ⁸⁷ ВД. Т. I. С. 229, 233.
- ⁸⁸ *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 55–56.
- ⁸⁹ ВД. Т. XIV. С. 217.
- ⁹⁰ *Корсакова В.* Скуратов Дмитрий Петрович // Русский биографический словарь. Т. 18. Сабанеев–Смыслов. СПб., 1904. С. 624.
- ⁹¹ ВД. Т. XIV. С. 167.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Штейнгейль В.И.* Записки о восстании // *Штейнгейль В.И.* Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 134, 152.
- ⁹⁴ ВД. Т. XIV. С. 167 (выделено нами. — *П.И.*).
- ⁹⁵ *Штейнгейль В.И.* Записки о восстании. С. 154–155; ВД. Т. XIV. С. 54 (показание Г.С. Батенькова).
- ⁹⁶ ВД. Т. XIV. С. 152.
- ⁹⁷ *Гордин Я.А.* Мятёж реформаторов. Л., 1989. С. 151–152; *Сафонов М.М.* Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 178.
- ⁹⁸ ВД. Т. XX. С. 409.
- ⁹⁹ Там же. С. 362.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 362–363, 364; ВД. Т. XVI. С. 121.
- ¹⁰¹ ВД. Т. XX. С. 363–364, 225.
- ¹⁰² ВД. Т. XIV. С. 428 (выделено нами. — *П.И.*).
- ¹⁰³ *Бриген А.Ф.* Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 22–23, 53, 74.
- ¹⁰⁴ *Шеголев П.Е.* Владимир Раевский (первый декабрист) // *Шеголев П.Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 26; *Базанов В.Г.* В.Ф. Раевский: Новые материалы. Л.; М., 1949. С. 90–91; *Павлова Л.Я.* Декабрист М.Ф. Орлов. М., 1964. С. 10, 72.
- ¹⁰⁵ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 357.
- ¹⁰⁶ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1980. С. 381. Ср.: *Брегман А.А., Федосеева Е.П.* Владимир Федосеевич Раевский в Сибири // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 24.
- ¹⁰⁷ *Мироненко С.В.* Биографический справочник «Декабристы». Принципы издания. С. 397.
- ¹⁰⁸ *Немировский И.В.* Кишиневский кружок декабристов (1820–1821 гг.) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989. С. 217.
- ¹⁰⁹ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 284.
- ¹¹⁰ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 249–251, 306.
- ¹¹¹ Там же. С. 250.
- ¹¹² Там же. С. 218, 249–251.
- ¹¹³ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 269.
- ¹¹⁴ Там же. С. 244.
- ¹¹⁵ Там же. С. 278.
- ¹¹⁶ *Эрлих С.Е.* Кого считать декабристом? Ответ советской историографии // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 3. СПб.; Кишинев, 2000. С. 273–274.
- ¹¹⁷ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 123, 127, 130.

- ¹¹⁸ Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 285–343.
- ¹¹⁹ Муромцев М.М. Воспоминания // Русский архив. 1890. Кн. 1. № 1. С. 59–81; № 3. С. 366–394.
- ¹²⁰ Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 107, 119–121.
- ¹²¹ Муромцев М.М. Воспоминания. С. 70–71.
- ¹²² Он, как известно, был принят в Союз благоденствия в 1818–1819 гг. именно М.А. Фонвизиним (Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 34).
- ¹²³ Муромцев М.М. Воспоминания. С. 390–391 (выделено нами. — П.И.).
- ¹²⁴ Декабристы. С. 58. Ср.: Ковалева Т.В. Пушкин и П.Х. Граббе // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. СПб., 1996. С.157, 158–159.
- ¹²⁵ Чернов С.Н. Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX в. // Чернов С.Н. У истоков освободительного движения. Сб. ст. Саратов, 1960. С. 257.
- ¹²⁶ Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка. С. 161.
- ¹²⁷ Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 56.
- ¹²⁸ Порох И.В. Деятельность декабристов в Москве (1816–1825 гг.) // Декабристы в Москве / Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 8. М., 1963. С. 43–44, 45; Чулков Н.П. Москва и декабристы // Декабристы и их время. Сб. ст. М., 1932. Т. 2. С. 301. Составители указателя мемуарных источников по истории России, опираясь на разбираемое свидетельство воспоминаний Муромцева, констатируют лишь его «знакомство с членами тайных обществ». См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 2. Ч. 1. М., 1977. С. 244 (выделено нами. — П.И.).
- ¹²⁹ Чулков Н.П. Москва и декабристы // Декабристы и их время. Сб. ст. М., 1932. Т. 2. С. 302.
- ¹³⁰ Горбачевский И.И. Записки. Письма. М., 1963. С. 75–76, 91, 94.
- ¹³¹ Там же. С. 76.
- ¹³² ВД. Т. IX. С. 197 (фр. яз.), 205–206 (перевод), 239.
- ¹³³ ВД. Т. IV. С. 285–286 (выделено нами. — П.И.).
- ¹³⁴ Там же. С. 248. Ср.: Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 2. С. 361 (выделено нами. — П.И.).
- ¹³⁵ ВД. Т. IV. С. 250.
- ¹³⁶ ВД. Т. VI. С. 20–21.
- ¹³⁷ Там же. С. 21–23.
- ¹³⁸ ВД. Т. IV. С. 287.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ ВД. Т. VI. С. 308.
- ¹⁴¹ Там же. С. 18.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ ВД. Т. IV. С. 408.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ ВД. Т. VI. С. 127.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 327.
- ¹⁴⁷ К их числу принадлежит И.В. Порох, который утверждал: «Эта личность оказалась вымышленной» (Порох И.В. Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 172); см. также неточный вывод: «Личность

- Крупенникова следствию так и не удалось раскрыть» (*Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 370). М.В. Нечкина, однако, закономерно полагала, что, несмотря на то что в Курском пехотном полку «майора Крупникова» не оказалось, «никак нельзя с уверенностью утверждать, что Крупников или Крупенников — вымышленное лицо» (Там же. С. 488).
- ¹⁴⁸ *Азадовский М.К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов. С. 104–105.
- ¹⁴⁹ *Киянская О.И.* Южный бунт. С. 83–85.
- ¹⁵⁰ ВД. Т. IX. С. 197, 205, 229.
- ¹⁵¹ *Киянская О.И.* Южный бунт. С. 83, 84.
- ¹⁵² Там же. С. 85.
- ¹⁵³ Там же. С. 82.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 89–97.
- ¹⁵⁵ О надеждах лидеров заговора на полковых командиров соседнего 4-го пехотного корпуса см. в записках Горбачевского (*Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 94).
- ¹⁵⁶ *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 58.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 58–59 (выделено нами. — *П.И.*).
- ¹⁵⁸ Алфавит. С. 220, 317, 331. См. главу 2.
- ¹⁵⁹ *Вадковский Ф.Ф.* Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 193.
- ¹⁶⁰ *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 45.
- ¹⁶¹ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 384.
- ¹⁶² ВД. Т. V. С. 390–391, 398–400, 352, 354, 356, 360, 362, 388.
- ¹⁶³ Там же. С. 388.
- ¹⁶⁴ *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 45.
- ¹⁶⁵ Записки графа Ф.П. Толстого. М., 2001. С. 222; *Пассек Т.П.* Из дальних лет. М., 1963. Т. 2. С. 388.
- ¹⁶⁶ Записки графа Ф.П. Толстого. С. 177. Воспоминания Ф.П. Толстого, включающие описание его участия в тайном обществе, создавались в последние годы жизни автора. Та их часть, в которой он касался своего пребывания в тайном обществе, впервые в обширных фрагментах была опубликована Т.П. Пассек (в выписках и с ее редакцией, частично — в ее изложении) в журнале «Русская старина». Рукопись записок на время была передана Пассек вдовой мемуариста А.И. Толстой, а оригинал впоследствии оказался утрачен.
- ¹⁶⁷ *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 340.
- ¹⁶⁸ ВД. Т. XX. С. 434.
- ¹⁶⁹ *Брегман А.А., Федосеева Е.П.* Владимир Федосеевич Раевский в Сибири // *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 19.
- ¹⁷⁰ *Раевский В.Ф.* [Воспоминания] «В тайном обществе» // *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 347.
- ¹⁷¹ *Щеголев П.Е.* Владимир Раевский (первый декабрист). С. 30.
- ¹⁷² *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 298–299.
- ¹⁷³ ВД. Т. XX. С. 396. См. также главу 1.
- ¹⁷⁴ *Басаргин Н.В.* Воспоминания. Статьи. Документы. С. 62.
- ¹⁷⁵ *Садиков П.А.* И.П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (по новым материалам) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 275.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 277, 278.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 280–281, 282–283.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 283.

- ¹⁷⁹ *Немировский И.В.* Кишиневский кружок декабристов (1820–1821 гг.) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989. С. 215.
- ¹⁸⁰ *Раевский В.Ф.* [Воспоминания] «В тайном обществе». С. 351.
- ¹⁸¹ *Немировский И.В.* Кишиневский кружок декабристов. С. 216.
- ¹⁸² *Пушкина В.А., Ильин П.В.* Персональный состав декабристских тайных обществ. Справочный указатель. С. 32.
- ¹⁸³ *Оксман Ю.Г.* «Воззвание к сынам Севера»: Из истории агитационно-пропагандистской литературы 1820-х гг. // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 468–469; *Немировский И.В.*: 1) Декабрист К.А. Охотников, кишиневский знакомый Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л., 1987. С. 142; 2) Кишиневский кружок декабристов. С. 216.
- ¹⁸⁴ Дополнения *В.Ф. Раевского* к «ответным пунктам» от 18 марта 1826 г. // *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 148.
- ¹⁸⁵ *Щеголев П.Е.* Владимир Раевский (первый декабрист). С. 30; *Оксман Ю.Г.* «Воззвание к сынам Севера». С. 468.
- ¹⁸⁶ *Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 317.
- ¹⁸⁷ *Немировский И.В.* Кишиневский кружок декабристов. С. 217.
- ¹⁸⁸ ВД. Т. XV. С. 36, 38. Указанием на свидетельство, позволяющее установить присутствие И.П. Киселева на Сенатской площади, автор обязан А.А. Кононову.
- ¹⁸⁹ *Габеев Г.С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. С. 178.
- ¹⁹⁰ *Каратыгин П.А.* Записки. С. 137.
- ¹⁹¹ *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. С. 50–51.
- ¹⁹² *Муромцев М.М.* Воспоминания. С. 391.
- ¹⁹³ В силу этих причин нам видится вполне обоснованным выделение в будущем издании биографического справочника «Декабристы» особого раздела для предполагаемых участников тайных обществ и военных выступлений декабристов, в отношении которых имеются достоверные указания источников о возможной принадлежности к декабристам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование представляет собой первую попытку обобщения и анализа данных, полученных следствием в отношении различных категорий участников тайных обществ, избежавших наказания. Оно охватывает участников тайных обществ, как привлеченных к следственному процессу, так и оставшихся по разным причинам вне поля его зрения. Прослеживаются ход, особенности и результаты расследования в отношении каждой из групп декабристов, мотивы актов прощения, освобождения от наказания и оправдания; сопоставляются официально заявленные и реальное действовавшие причины, вследствие которых были прощены или избежали наказания деятели декабристской конспирации, реконструируются основные линии, методы и приемы защиты подсудимых.

Изучение персонального состава конспиративных объединений принципиально расширяет существующие представления об участниках декабристских обществ и военных выступлений. Предпринятая историческая реконструкция в перспективе способствует формированию более полных и адекватных воззрений на взгляды и общественно-политическую деятельность декабристов; без нее невозможно всестороннее изучение идейной основы «движения декабристов», политической и социокультурной деятельности участников этого движения во всей ее полноте. Изменение подходов и принципов в изучении состава конспиративных объединений декабристского ряда не только позволяет достичь более полных и объективных исторических представлений о них, но и помогает избавиться от негативного методологического наследия традиционной историографии, отказаться от малоперспективных попыток искать отличительные черты этого исторического феномена исключительно в тех «родах» и «видах» преступлений, которые легли в основу обвинения, выдвинутого против преданных Верховному уголовному суду. Вовлечение в сферу изучения круга

участников тайных обществ, взятого в своем наиболее полном составе, существенным образом обогащает традиционное восприятие общего характера и конкретных особенностей «движения декабристов» (в том числе фактографической базы) и корректирует искаженную прежними идеологическими влияниями картину его формирования и эволюции. Наиболее распространенный критерий отнесения к декабристам (приговор суда) должен быть заменен другим. Принимая во внимание основное содержание программы тайных обществ (цель: либеральные социальные реформы, введение конституционного устройства), преемственно связанных между собой, следует признать, что они представляют собой исторически конкретное явление (конспиративные объединения с политической целью). В силу этого на всем протяжении своего существования конспиративные общества были «декабристскими», а все их участники в этом случае могут называться декабристами. Некоторые из них были осуждены или наказаны без суда в 1825–1826 гг., другие — по разным причинам не пострадали.

Прежде всего, следует подвести итоги исследования количественного характера, результаты подсчетов численности лиц, образовавших рассмотренные категории привлеченных к следствию и оставшихся вне поля его зрения участников движения. Количество прощенных и освобожденных от ответственности в ходе и по результатам следствия членов тайных обществ и участников восстаний ограничивается 26 лицами. Не привлекались формально к следствию и были оставлены «без внимания» 73 человека, виновность которых вполне проявилась в ходе процесса; их участь рассматривалась и решалась заочно. Всего, таким образом, были прощены и освобождены без наказания 99 человек. Кроме того, по итогам исследования установлены 43 участника тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., признанных невиновными официальным расследованием.

По итогам изучения выявлено 36 человек, оставшихся следствию неизвестными либо не привлечших его внимания. Имеются также конкретные указания источников об участии в деятельности декабристской конспирации, требующие детальной критической проверки; число предполагаемых членов тайных обществ составляет по итогам исследования 26 человек. Таким образом, общее число известных в настоящее время участников движения, избежавших тем или иным путем ответственности по итогам расследования, составляет не менее 204 человек.

В настоящем исследовании анализируются источники, содержащие сведения о лицах, не пострадавших по итогам следствия, не привлекавшихся к процессу и оставшихся для следствия неизвестными в качестве участников тайных обществ и заговора декабристов. На основе критики конкретного исторического материала в научный оборот вводятся имена ранее неизвестных и предполагаемых декабристов, спасшихся от наказания или сумевших оправдаться на следственном процессе. Задача исследователя, заключающаяся в том, чтобы обозначить тех, кто ранее не был известен как участник декабристского союза, кто остается в тени исследовательского внимания, решена в той мере, в которой это позволяют состояние и особенности имеющихся источников¹.

Рассмотрение заявленных в рамках работы вопросов привело к следующим итоговым выводам и наблюдениям.

Значительная часть обвиняемых на следственном процессе (около 100 человек) была освобождена от ответственности и избежала преследования, что можно признать достаточно уникальным случаем в истории российского уголовного судопроизводства по государственным преступлениям. *Освобожденные от наказания* члены тайных обществ, участники заговора 1825 г. и военных выступлений декабристов подразделяются на три основные группы: прощенные высшей властью в ходе следствия, освобожденные без последствий во время расследования или по его итогам, а также вовсе не привлекавшиеся к следствию участники, в основном, ранних тайных обществ (до 1822 г.). В последнем случае следует вести речь о заочном расследовании и прощении виновности. Подавляющая часть освобожденных без наказания получила оправдательные документы, была выпущена в ходе следствия. Лишь небольшая группа с наиболее значительным, с точки зрения обвинения, составом преступления была освобождена в последние недели следственного процесса.

Группу освобожденных от наказания участников движения тайных обществ образовали главным образом лица, состоявшие в тайных обществах до 1822 г. Это было напрямую связано с нацеленностью следствия на поздние декабристские тайные общества, с характером выдвинутого обвинения: в центре расследования находились планы государственного переворота и замыслы покушений на императора. Среди ненаказанных и прощенных участников декабристских союзов оказались и те, членство которых в поздних обществах не было

доказано следствием, а также несколько участников заговора и военных выступлений 1825–1826 гг. Случаи освобождения без наказания участников поздних тайных обществ составляют исчезающее меньшинство: в основном это те, кто был лично помилован Николаем I.

Обобщая данные проведенного анализа документальных свидетельств, можно заключить, что расследование было практически прекращено в отношении лиц, против которых имелись серьезные обвиняющие показания. Акт помилования оказывал свое влияние на последующее расследование, заставляя свертывать следственные разыскания или значительно ограничивать их. Отметим такой несомненный факт: все подобные акты освобождения состоялись лишь с санкции высшей власти. В ряде случаев это было связано с посторонними для расследования мотивами. В число ненаказанных декабристов вошли некоторые видные участники ранних тайных обществ, занимавшие руководящее положение в Союзе благоденствия. Несмотря на это, они были полностью освобождены от ответственности.

Выявленная следствием степень виновности ряда прощенных лиц, как и некоторых спасшихся участников Северного и Южного обществ, практически не отличалась от «вины» наказанных без суда и в ряде случаев — осужденных по делу. Эта граница, прочерченная следствием, не являлась принципиальной. Причины освобождения от ответственности в данном случае сводятся, как правило, к произвольному решению императора считать установленную степень виновности не подлежащей преследованию.

Большинство освобожденных от наказания, будучи участниками Союза благоденствия и других ранних тайных обществ, в материалах следствия были представлены как лица, неосведомленные о политических целях декабристской конспирации. Официальная версия причин освобождения некоторых из участников антиправительственных обществ опиралась на противопоставление «явной» и «сокровенной» целей тайного общества, из которых в «состав преступления» была включена последняя. Ненаказанные участники движения представлялись как знавшие только о «явной» цели конспиративных союзов (самосовершенствование, благотворение и просветительская деятельность). В отношении других заявлялось, что они либо вовсе не виновны, либо слабо замешаны в деятельность тайных обществ. Наконец, еще одним «мотивом» освобождения провозглашались юный возраст этих лиц (очевидно, на момент участия в тайных обществах), быстрый

отход от участия в конспирации и полное раскаяние, — все эти «мотивы», конечно, не отражали истинный ход дела; в других случаях они не принимались в расчет. В реальности на исход следствия часто оказывали влияние иные факторы: принадлежность к видным влиятельным фамилиям, близость к императорскому двору, личная воля императора.

Заочное расследование и заочное освобождение от наказания — любопытный феномен уголовно-процессуальной практики XIX в. Часть членов тайных обществ, в основном Союза благоденствия, была выведена из сферы деятельности следствия, справки о них и показания собирались от подследственных и по ним выносились решения. Заочное прощение оказывается связанным с выявленной слабой виновностью членов Союза благоденствия.

В подавляющем большинстве случаев привлечение к делу 1825–1826 гг. не имело значительных последствий для освобожденных от наказания, и в отношении пользовавшихся доверием Николая I оно не стало препятствием для дальнейшей служебной карьеры в следующее тридцатилетие. Вместе с тем, в отношении наиболее замешанных, хотя и не пострадавших по делу, источники нередко содержат указания на «опалу» со стороны императора: возникали препятствия для развития дальнейшей карьеры. Многие из прощенных в ходе процесса в течение нескольких следующих лет покинули императорскую службу, другие же сумели восстановить доверие императора.

Группа предполагаемых декабристов, в отношении которых следствие пришло к заключению об их невиновности, непричастности к делу, что отразилось в «Алфавите» А.Д. Боровкова, иначе говоря — категория лиц, *оправданных следствием*, составила предмет самостоятельного исследования. Невыявленные на следствии участники декабристской конспирации представляют особый интерес и, одновременно, особую сложность для исследователя.

Проблема оправдавшихся лиц, в отношении которых были получены недвусмысленные показания об участии в тайных обществах и военных выступлениях от других подследственных, заслуживает пристального внимания. Все ли из этих обвинительных показаний являлись действительно необоснованными? Все ли оправданные следствием были непричастны к деятельности тайных обществ? Во многих случаях, отмеченных в том числе мемуаристами — как из числа осужденных, так и со стороны избежавших наказания, — среди оправдан-

ных на следствии находились действительно состоявшие в тайных обществах и знавшие об их целях и намерениях. Только умелая и последовательная тактика защиты на следственном процессе помогла им избежать ответственности.

Проведенное исследование обнаруживает важные особенности поведения арестованных участников тайных обществ, заговора и выступлений декабристов на следственном процессе. Стереотипное представление о полной откровенности декабристов на следствии не поддерживает проверки при обращении к первоисточникам. Следует признать, что удачно выбранная линия защиты — одна из главных причин реального смягчения наказания, актов прощения, а также полного оправдания привлеченных к следствию «обвиняемых».

Выделяются следующие основные варианты поведения подсудимых на процессе: полное отрицание обвиняющих свидетельств; частичное (неполное) признание, с сокрытием обстоятельств, служащих обвинению по главным пунктам государственных преступлений («полупризнание»), — наиболее распространенный на следствии; полная «откровенность». Конкретные методы и приемы отрицания главных обвиняющих свидетельств (показаний других лиц), отрицания наиболее опасных с точки зрения обвинения показаний, отражены в исследовании. В особенности эти приемы защиты свойственны категориям оправданных следствием и освобожденных от наказания в силу недостаточной «виновности». Это говорит об определенном успехе применявшейся многими подсудимыми тактики отрицания.

Причины, в силу которых показания о некоторых участниках тайных обществ не привлекли внимания следствия, а другие члены декабристских союзов не были обнаружены вовсе, сводятся главным образом к незаинтересованности органов расследования в выяснении степени причастности к делу некоторых из названных в показаниях имен и, вместе с тем, к особенностям тактики подсудимых на процессе.

Сами обвиняемые, естественно, не были заинтересованы в обнаружении всех уличающих данных и обстоятельств, поэтому во многих случаях прибегали к приемам умолчания и тактике «запирательства», скрывая некоторые значимые с точки зрения обвинения эпизоды, а также стремились не увеличивать количество уличающих данных. Связанные с этими уликами лица, состоявшие в тайных обществах и

заговоре декабристов, в силу этого оказались «выгороженными» товарищами на следствии, а подлинная степень прикосновенности их к конспиративным связям — скрытой.

Разумеется, обвиняемые не были заинтересованы в представлении следствию исчерпывающего списка всех участников конспирации и, тем более, — в раскрытии полной меры своей осведомленности и участия в делах конспирации.

Некоторое значение имел слабый интерес расследования к выяснению полного состава многочисленных декабристских обществ, существовавших до 1822 г. Не исключено, что свою роль здесь сыграли ошибки и недостаточное внимание делопроизводственного аппарата следствия или отдельных его чиновников.

Все это, в конечном счете, определило появление довольно значительной группы участников «движения декабристов», *не обнаруженных следствием и избежавших привлечения к ответственности и наказания*. Причины, которые обусловили возникновение подобной ситуации, можно выстроить следующим образом:

1) участники тайных обществ, оставшиеся следствию неизвестными благодаря линии защиты обвиняемых — основных свидетелей (С.С. Ланской, П.А. Набоков и др.);

2) обстоятельства, которые не были расследованы следствием (Панютин, А.В. Чевкин, А.М. Мансуров, Ф.Ф. Матюшкин, Прижевский, Ряд и др.), либо прошли мимо его внимания (Н.П. Крюков, Башмаков, К.М. Полторацкий);

3) обстоятельства, которые расследовались на процессе, но подозреваемым лицам удалось оправдаться (А.С. Грибоедов, Н.П. Воейков);

4) обстоятельства, которые следствие не имело возможности расследовать в силу влияния посторонних факторов (И.Ф. Львов, А.А. Плещеев 2-й и др.).

Четко различимая по результатам исследования большая степень вмешательства самодержавной власти в следственный процесс вполне объяснима многовековой традицией российской монархии, а также условиями проведения следствия и суда, особенностями процесса по обвинению в государственном преступлении. Вместе с тем следует отметить и то, что ко времени проведения процесса сформировалась определенная законодательная база, устанавливающая наряду с имевшейся традицией рамки действий императора². Все это определило

тот сложный набор факторов, определивший в итоге расследования вынесение решений об участии привлеченных к следствию лиц, «оставлении без внимания» целых категорий участников тайных обществ и декабристского заговора 1825 г.

Практика декабристского процесса 1825–1826 гг. легла в основу последующего уголовного законодательства по делам о государственных преступлениях. Свидетельством тому является градация преступлений и в особенности систематизация видов и степеней наказания — судебного и административного — в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., которое, в свою очередь, стало начальным пунктом процесса оформления уголовного законодательства России по государственным преступлениям на протяжении 2-й половины XIX — начала XX вв. Именно это обстоятельство придает исследованию судебно-следственного процесса по делу о декабристских тайных обществах дополнительное значение и актуальность.

Конечно, в рамках работы, посвященной выяснению персонального состава декабристских тайных обществ, невозможно полностью охватить существенные особенности судебно-следственного политического процесса. Целый ряд сюжетов требует дальнейшего предметного исследования. Прежде всего, нуждается в продолжении изучения круг вопросов, связанных с анализом показаний декабристов, основными вариантами их линии поведения (защиты) на следствии. Другая важнейшая проблема — уяснение мотивов действий следствия, причин вердиктов органов расследования, касающихся в том числе вынесения наказаний, анализ стратегии расследования по данному процессу. Большой объем исследовательской работы требуется для выяснения и изучения приоритетов и направленности работы следствия, его внутренней логики, причин тех или иных решений высшей власти, направлявшей ход расследования. Немаловажным в данном контексте является ответ на вопрос, чем вызывался интерес следователей к определенным сюжетам, к каким вопросам и каким фигурам они проявляли особое внимание и почему.

Не все остается ясным и в представлениях о механизме вынесения решений относительно предания и непредания Верховному уголовному суду. Остаются проблемными вопросы о причинах освобождения от ответственности или существенного смягчения наказания некоторых участников тайных обществ, а также исключения из сферы расследования отдельных персоналий участников тайных общества. По-

прежнему не до конца проясненным является вопрос об оправданных следствием лицах, против которых имелись прямые уличающие показания.

Наконец, недостаточно ясной представляется проблема о *предполагаемых* участниках тайных обществ и военных выступлений декабристов. В данной работе предприняты шаги для выявления возможно полного круга лиц этой категории, но мера их причастности требует особенного внимания и остается не в полной мере проясненной. Возможно, новый углубленный анализ известных документов и привлечение новых свидетельств придадут импульс разработке данной проблемы. Часть такого рода случаев, к сожалению, навсегда останется загадкой для историка.

Представив в настоящей работе категории членов тайных обществ, избежавших преследования в 1826 г., раскрыв особенности ведения следствия в отношении каждой из них, автор рассматривает свою работу как определенный новый шаг на пути исследования декабристских тайных обществ и следственного процесса 1825–1826 гг.

Примечания

- ¹ В главе 3 о «неизвестных» декабристах (см.) содержится анализ данных о тех, кого традиционно не считают декабристами; в главе 4 — о предполагаемых участниках тайных обществ, данные о которых позволяют сделать вывод об их возможном участии в декабристской конспирации.
- ² Об ограничениях права помилования в делах о государственных преступлениях см.: *Хартулари К.Ф.* Право суда и помилования как прерогативы российской державности (сравнительное историко-законодательное исследование). СПб., 1899. С. 248–249; *Люблинский П.И.* Право амнистии. Историко-догматическое и политическое исследование. СПб., 1907. С. 224–225.

**УЧАСТНИКИ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ
И ВОЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ 1825–1826 гг.
(ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ)¹**

Осужденные по приговорам судов (141 человек)

Преданные Верховному уголовному суду

1. Аврамов И.Б.	30. Вишневецкий Ф.Г.
2. Аврамов П.В.	31. Волконский С.Г.
3. Андреев А.Н.	32. Вольф Ф.Б.
4. Андреевич Я.М.	33. Враницкий В.И.
5. Анненков И.А.	34. Выгодский П.Ф.
6. Арбузов А.П.	35. Глебов М.Н.
7. Барятинский А.П.	36. Голицын В.М.
8. Басаргин Н.В.	37. Горбачевский И.И.
9. Батеньков Г.С.	38. Горский О.В. ²
10. Беляев А.П.	39. Громнитский П.Ф.
11. Беляев П.П.	40. Давыдов В.Л.
12. Берстель А.К.	41. Дивов В.А.
13. Бестужев А.А.	42. Ентальцев А.В.
14. Бестужев М.А.	43. Завалишин Д.И.
15. Бестужев Н.А.	44. Загорецкий Н.А.
16. Бестужев П.А.	45. Заикин Н.Ф.
17. Бестужев-Рюмин М.П.	46. Иванов И.И.
18. Бечаснов В.А.	47. Ивашев В.П.
19. Бобрищев-Пушкин Н.С.	48. Каховский П.Г.
20. Бобрищев-Пушкин П.С.	49. Киреев И.В.
21. Бодиско Б.А.	50. Кожевников Н.П.
22. Бодиско М.А.	51. Коновницын П.П.
23. Борисов А.И.	52. Корнилович А.О.
24. Борисов П.И.	53. Краснокутский С.Г.
25. Бриген А.Ф.	54. Кривцов С.И.
26. Булгари Н.Я.	55. Крюков А.А.
27. Вадковский Ф.Ф.	56. Крюков Н.А.
28. Веденяпин Ал.В.	57. Кюхельбекер В.К.
29. Веденяпин Ап.В.	58. Кюхельбекер М.К.

¹ Группировка участников тайных обществ и военных выступлений по категориям произведена в соответствии с формой и особенностями привлечения к официальному расследованию (или фактом непривлечения), а также в зависимости от характера вынесенного им решения.

² Предан суду, но не осужден.

59. Лаппа М.Д.
60. Лисовский Н.Ф.
61. Лихарев В.Н.
62. Лорер Н.И.
63. Лунин М.С.
64. Люблинский Ю.К.
65. Митьков М.Ф.
66. Мозгалевский Н.О.
67. Мозган П.Д.
68. Муравьев А.З.
69. Муравьев А.М.
70. Муравьев А.Н.
71. Муравьев Н.М.
72. Муравьев-Апостол М.И.
73. Муравьев-Апостол С.И.
74. Мусин-Пушкин Э.С.
75. Муханов П.А.
76. Назимов М.А.
77. Нарышкин М.М.
78. Норов В.С.
79. Оболенский Е.П.
80. Одоевский А.И.
81. Окулов Н.П.
82. Оржицкий Н.Н.
83. Панов Н.А.
84. Пестель П.И.
85. Пестов А.С.
86. Повало-Швейковский И.С.
87. Поджио А.В.
88. Поджио И.В.
89. Поливанов И.Ю.
90. Пушин И.И.
91. Пушин М.И.
92. Репин Н.П.
93. Розен А.Е.
94. Рылеев К.Ф.
95. Свистунов П.Н.
96. Спиридов М.М.
97. Сутгоф А.Н.
98. Тизенгаузен В.К.
99. Толстой В.С.
100. Торсон К.П.
101. Трубецкой С.П.
102. Тургенев Н.И.¹
103. Тютчев А.И.
104. Фаленберг П.И.
105. Фок А.А.
106. Фонвизин М.А.
107. Фохт И.Ф.
108. Фролов А.Ф.
109. Фурман А.Ф.
110. Цебриков Н.Р.
111. Черкасов А.И.
112. Чернышев З.Г.
113. Чижов Н.А.
114. Шахирев А.И.
115. Шаховской Ф.П.
116. Шимков И.Ф.
117. Штейнгейль В.И.
118. Щепин-Ростовский Д.А.
119. Юшневский А.П.
120. Якубович А.И.
121. Якушкин И.Д.

Преданные военному суду при Главной квартире 1-й армии по делу «мятежных офицеров» Черниговского пехотного полка (г. Могилев)

1. Апостол-Кегич Е.И.
2. Белелюбский А.Д.
3. Быстрицкий А.А.
4. Войнилович А.С.
5. Кондырев В.Я.
6. Маевский К.К.
7. Мещерский А.П.
8. Мозалевский А.Е.
9. Петин В.Н.
10. Рыбаковский В.Н.
11. Сизиневский В.О.
12. Соловьев В.Н.
13. Сухинов И.И.

¹ Осужден заочно.

*Преданные военному суду «над мятежниками Черниговского пехотного полка»
(нижними чинами), учрежденному в 1-й армии (г. Белая Церковь)*

1. Грохольский Д.	3. Цявловский И.
2. Ракуза И.К.	

*Преданные отдельным военным судам
при Главной квартире 1-й армии (г. Могилев)*

1. Башмаков Ф.М.	2. Усовский А.В.

Преданные военному суду во 2-й армии

1. Лачинов Е.Е.

Преданные другим военно-судным комиссиям

1. Раевский В.Ф.

**Наказанные в административном
(несудебном) порядке (110 человек)**

Привлеченные к главному следственному процессу

1. Арцыбашев Д.А.	19. Горленко П.И.
2. Бобринский В.А.	20. Горожанский А.С.
3. Богданов А.И.	21. Горсткин И.Н.
4. Брокке А.А. ¹	22. Граббе П.Х.
5. Булгари А.Ю.	23. Гудим И.П.
6. Булгари С.Н.	24. Депрерадович Н.Н.
7. Бурцов И.Г.	25. Добринский А.А.
8. Вадбольский А.П.	26. Жебровский Ф.А.
9. Вадковский А.Ф.	27. Жуков И.П.
10. Васильчиков Н.А.	28. Зыков Д.П.
11. Вильманс Ф.А.	29. Иванчин-Писарев А.М.
12. Волков В.Ф. ²	30. Искрицкий Д.А.
13. Вольский Ф.В.	31. Капнист А.В.
14. Высочин А.Д.	32. Кашкин С.Н.
15. Вяземский А.Н.	33. Кожевников А.Л.
16. Гангелов А.С.	34. Кологривов А.Л.
17. Глинка Ф.Н.	35. Колокольцев Г.Д.
18. Голицын П.А.	36. Колошин Пав. И.

¹ Привлекался к расследованию в своем полку.

² Привлекался к следствию в своем полку.

37. Коновницын И.П.
38. Корсаков М.М.
39. Кудашев М.Ф.¹
40. Лелякин Г.Г.
41. Леман П.М.
42. Лукашевич В.Л.
43. Лутковский Ф.С.
44. Любимов Р.В.
45. Малиновский А.В.
46. Малютин М.П.
47. Миклашевский А.М.
48. Мусин-Пушкин В.А.
49. Нащокин Д.А.
50. Непенин А.Г.
51. Оболенский К.П.
52. Орлов М.Ф.
53. Палицын С.М.
54. Паскевич М.Н.
55. Перетц Г.А.
56. Плещеев Ал. А.
57. Прянишников П.Д.
58. Путята Н.В.
59. Пфейлицер-Франк Е.Е.
60. Пыхачев М.И.
61. Ринкевич А.Е.
62. Романов В.П.
63. Руге Е.В.
64. Сабуров А.И.
65. Свинын П.П.
66. Семенов С.М.
67. Семичев Н.Н.
68. Сенявин Н.Д.
69. Скарятин Ф.Я.
70. Сухоруков В.Д.
71. Титов П.П.
72. Тиханов Н.И.
73. Толстой Я.Н.
74. Тучков А.А.
75. Тыртов В.М.
76. Фонвизин И.А.
77. Фролов А.Н.
78. Хотяинцев И.Н.
79. Черноглазов И.М.
80. Шереметев Н.В.
81. Шпейер В.А.
82. Шторх А.А.
83. Юшневский С.П.

*Привлеченные к расследованию
при Главной квартире 1-й армии (г. Могилев)*

1. Бельченко Н.И.
2. Богославский
3. Бреверн Ф.Л.
4. Веселовский П.С.
5. Гвоздев А.Н.²
6. Годениус Л.Е.
7. Головинский П.К.
8. Драгоманов Я.А.
9. Жемчужников А.А.
10. Зарецкий П.А.
11. Кейзер Д.Ф.³
12. Костыра
13. Красницкий Н.О.
14. Лосев Н.Ф.
15. Невенгловский А.С.
16. Ольшевский
17. Островский Л.
18. Поздеев С.
19. Рачинский А.А.
20. Рославлев А.П.
21. Скальмировский И.
22. Шеколла В.И.
23. Шульген Е.

¹Привлекался к следствию в своем полку.

²Предан военному суду при Главной квартире 1-й армии, однако характер наказания говорит об административном преследовании.

³Участник выступления Черниговского пехотного полка, суду предан не был.

*Привлеченные к следствию
при Главной квартире 2-й армии*

1. Заикин Ф.Ф.	3. Рынкевич И.В.
2. Мартынов А.	4. Юрасов И.Ф.

**Освобожденные от наказания
(99 человек)**

Привлеченные к следствию

1. Барыков Ф.В.	14. Кутузов Н.И.
2. Вилламов А.Г.	15. Лермантов Д.Н.
3. Витгенштейн Л.П.	16. Лопухин П.П.
4. Вольховский В.Д.	17. Лукин К.Д.
5. Гагарин А.И.	18. Миллер П.Ф.
6. Гагарин Ф.Ф.	19. Муравьев М.Н.
7. Долгоруков И.А.	20. Семенов А.В.
8. Жеребцов С.Н.	21. Суворов А.А.
9. Кальм Ф.Г.	22. Толстой Ф.П.
10. Колончаков Н.А.	23. Тулубьев А.Н.
11. Колошин Петр И.	24. Цебриков А.Р.
12. Комаров Н.И.	25. Шипов И.П.
13. Куликовский К.О.	26. Юмин И.М.

Оставленные «без внимания» (заочное расследование)

1. Авенариус А.А. ¹	18. Воронеж Я.В.
2. Акинфов Ф.В.	19. Глинка В.А.
3. Алимской	20. Годейн Н.П.
4. Астафьев А.Ф.	21. Гольтгоер А.Ф.
5. Базин И.А.	22. Гурко В.О.
6. Бакунин В.М.	23. Давыдов Д.А.
7. Башуцкий А.Д.	24. Дмитриев-Мамонов М.А.
8. Бегичев С.Н.	25. Жуков Н.П.
9. Бекетов А.А.	26. Кавелин А.А.
10. Белавин В.И. ²	27. Каверин П.П.
11. Бибиков И.Г.	28. Капнист С.В.
12. Богородицкий О.П.	29. Катенин П.А.
13. Бурнашев А.А.	30. Копылов Г.И.
14. Великошапкин А.Г.	31. Корнилов А.А.
15. Воейков А.Ф.	32. Корф Ф.И.
16. Воейков Н.К.	33. Кошкуль П.И.
17. Волков М.А.	34. Кушелев А.С.

¹ Первоначально взят под надзор.

² Первоначально взят под надзор.

35. Левин Ф.И.¹
36. Летюхин Н.П.
37. Миркович А.Я.
38. Моллер А.Ф.
39. Мореншильд А.И.
40. Мореншильд Ф.Б.
41. Насакен Г.Г.
42. Насакен Я.Г.
43. Нумерс А.Ф.
44. Оленин А.А.
45. Панкратьев Ф.П.
46. Перовский В.А.
47. Перовский Л.А.
48. Пестель В.И.
49. Полторацкий А.П.
50. Приклонский Н.М.
51. Пушин П.С.
52. Раич С.Е.
53. Римский-Корсаков В.А.
54. Римский-Корсаков Г.А.
55. Ростовцев И.И.
56. Свободской Ф.М.²
57. Семенов П.Н.
58. Скалон А.А.
59. Сурнин
60. Тимченко-Рубан И.М.³
61. Трубецкой П.П.
62. Устимович П.М.
63. Фредерикс А.И.
64. Хавский П.В.
65. Хвошинский П.К.
66. Цицианов П.И.
67. Чаадаев П.Я.⁴
68. Челишев А.А.
69. Чумпалов
70. Шереметев А.В.
71. Шипов С.П.
72. Шляхтинский А.И.
73. Юрьев А.Н.

Оправданные на следствии (43 человека)

1. Арсеньев И.А.
2. Баранов
3. Бутович И.М.
4. Воейков Н.П.
5. Врангель Ф.Е.
6. Габбе М.А.
7. Голицын А.М.
8. Голицын М.Ф.
9. Грибоедов А.С.
10. Данзас Б.К.⁵
11. Зубков В.П.
12. Ильинский Я.А.
13. Исленьев А.М.
14. Исленьев Н.М.
15. Каменский
16. Киселевич
17. Креницын В.Н.
18. Креницын Н.Н.
19. Криднер П.А.
20. Крюков Н.П.
21. Левенталь Ф.К.
22. Ливен А.К.
23. Липранди И.П.
24. Лужин И.Д.
25. Львов В.Ф.
26. Львов И.Ф.
27. Менген М.А.
28. Миллер К.П.
29. Молчанов Д.А.⁶
30. Нелединский-Мелецкий С.Ю.

¹ Первоначально взят под надзор.

² Первоначально взят под надзор.

³ Первоначально взят под надзор.

⁴ При въезде в Россию (1826 г.) допрошен, находился под тайным надзором.

⁵ По основному обвинению оправдан; наказан административным арестом за «недонесение» о существовании тайного общества.

⁶ Предан суду при Главной квартире 1-й армии по делу о выступлении Черниговского пехотного полка, но оправдан.

31. Плещеев Ал-р А.	38. Тшилинский
32. Ренненкампф П.Я.	39. Унгерн-Штернберг
33. Рихард А.	40. Фурнье В.-А.
34. Рихард А.О.	41. Цявловский Д.И.
35. Рихард Н.О.	42. Ширман В.К.
36. Розен	43. Ярошевич
37. Сенявин Л.	

**Не привлекавшиеся к следствию
(31 человек)¹**

1. Альбицкий Д.И.	17. Муравьев Н.Н.
2. Афанасьев П.	18. Набоков П.А.
3. Багвут А.Ф. ²	19. Нечаев С.Д.
4. Баранцев А.А.	20. Обручев В.А.
5. Башмаков	21. Панютин Ф.С.
6. Бухновский	22. Полторацкий К.М.
7. Горчаков М.Д.	23. Порохов
8. Градовский	24. Прижевский
9. Ефимович Г.И.	25. Пушин А.П.
10. Ланской С.С.	26. Пятин
11. Лашкевич (С.Н.) ³	27. Рead Е.А. (Н.А.)
12. Литке А.П. ⁴	28. Троцкий Е.Н. ⁵
13. Литке Ф.П.	29. Трусов С.И. ⁶
14. Логинов И.И.	30. Христиани В.Х.
15. Любавский И.М.	31. Чевкин А.В. ⁷
16. Мейер А.М.	

**Предполагаемые участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.,
не привлекавшиеся к следствию (26 человек)⁸**

1. Андреев	7. Ефимов
2. Андрешевский	8. Кавелин
3. Бабаев И.С.	9. Катенин А.А.
4. Балкашин П.Д.	10. Киселев И.П.
5. Бутурлин Д.П.	11. Крупеников А.Н. ⁹
6. Гаевский М.С.	12. Липранди П.П.

¹ Все приведенные лица отсутствуют в «Алфавите» А.Д. Боровкова.

² Привлекался к следствию в полку.

³ Привлекался к следствию в полку.

⁴ Привлекался к следствию в полку.

⁵ Предан суду в 1-й армии, но не в связи с обвинением в принадлежности к тайному обществу.

⁶ Предан суду в 1-й армии, но не в связи с обвинением в принадлежности к тайному обществу.

⁷ Подвергся кратковременному аресту.

⁸ Все приведенные лица отсутствуют в «Алфавите» А.Д. Боровкова.

⁹ Привлекался к допросу при штабе 4-го пехотного корпуса 1-й армии, признан невиновным.

13. Лишин	20. Семенов
14. Мансуров А.М.	21. Семинькевич
15. Матюшкин Ф.Ф.	22. Скуратов А.П.
16. Муромцев М.М.	23. Скуратов Д.П.
17. Никифораки	24. Таушев Н.С.
18. Новицкий	25. Шаховской А.А.
19. Сапожников А.П.	26. Шлегель И.Б.

**Умершие до окончания следственного процесса
(20 человек)¹**

1. Бахметев ²	11. Немирович-Данченко Е.П.
2. Бистром Ф.А.	12. Новиков М.Н.
3. Богданович И.И.	13. Охотников К.А.
4. Бруннер	14. Пассек П.П.
5. Булатов А.М.	15. Петрулин Я.В. ³
6. Джилы М.	16. Токарев А.А.
7. Дребуш А.Ф.	17. Филиппович Н.И.
8. Канчиялов Е.А.	18. Червин П.Д.
9. Кузьмин А.Д.	19. Чернов К.П.
10. Муравьев-Апостол И.И.	20. Щепилло М.А.

---

¹ В перечень вошли лица, умершие до 1825 г., погибшие во время военных выступлений 1825–1826 гг., умершие в ходе расследования.

² Не включен в «Алфавит» А.Д. Боровкова.

³ Не включен в «Алфавит» А.Д. Боровкова.

**СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
УЧАСТНИКОВ КОНСПИРАТИВНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ,
ЗАГОВОРА И ВОЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕКАБРИСТОВ
(1814–1826 гг.)***

Вниманию читателя предлагается наиболее полный критически выверенный указатель установленных к настоящему времени членов конспиративных организаций декабристского ряда и участников заговора и военных выступлений декабря 1825 — января 1826 гг.¹

В научной традиции не существовало справочного перечня декабристов, который бы опирался на указания всего комплекса имеющихся источников. «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ...», составленный в 1827 г. А.Д. Боровковым, считался исчерпывающим сводом декабристских персоналий. Однако, по результатам проведенного нами исследования, этот документ не может претендовать на такую роль. Прежде всего, он составлен на основе следственных материалов, содержит имена не только участников тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., но и в различной степени «прикосновенных» к декабристским обществам, обнаруживших свою связь с арестованными, обративших на себя внимание Следственной комиссии, привлекавшихся к допросам по неподтвердившемуся подозрению. Многие из них не имели никакого отношения к декабристской организации и заговору 1825 г. Помимо указанной «широты содержания», «Алфавит» Боровкова дает неверные сведения о членстве в декабристских союзах. Среди такого рода сведений «Алфавита» отметим указания, в которых: 1) вступление в Союз спасения отнесено к Союзу благоденствия (Павел И. Колошин, М.С. Лунин, Е.П. Оболенский, И.И. Пущин, Ф.П. Шаховской); 2) вступление в Союз благоденствия отнесено к тайному обществу, возникшему после 1821 г. (А.П. Барятинский, Н.В. Басаргин, В.П. Ивашев, С.Г. Краснокутский, А.А. и Н.А. Крюковы и др.); 3) участники петербургского и московского филиалов Южного общества причислены к Северному обществу.

Хотя «Алфавит» вобрал в себя огромную массу собранной следствием разнообразной информации об участниках тайных обществ, содержание этого документального

---

* Справочный указатель в его первой редакции был подготовлен в соавторстве с В.А. Пушкиной; публикация осуществлена в сборнике «14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография» (Вып. 2. СПб.; Кишинев, 2000. С. 9–77). Для настоящего издания указатель значительно переработан и дополнен с учетом вновь опубликованных источников, прежде всего XIX и XX томов серии «Восстание декабристов», включающих следственные дела не преданных суду членов Союза благоденствия, Южного общества и Общества соединенных славян, а также мемуаров Н.И. Тургенева, вновь обнаруженной рукописи записок С.П. Трубещкого и других материалов. Указатель пересмотрен и исправлен на основе критических замечаний коллег-исследователей (см. Введение).

свода не исчерпывает весь известный на сегодняшний день состав конспиративных организаций, кружков, заговора и выступлений декабристов: 1) в справочный документ не могли быть включены лица, оставшиеся следствию неизвестными; 2) сопоставление личных следственных дел и данных «Алфавита» показывает, что в тексте этого документа нашли отражение далеко не все сведения о личном составе тайных обществ, полученные следствием; 3) кроме того, исследователям знакома проблема декабристов, сумевших оправдаться на следственном процессе и избежать наказания. Сведения об их участии в тайных обществах, представленные в «Алфавите», принципиально не точны. Таким образом, «Алфавит» Боровкова не может служить справочником по персональному составу декабристских обществ. Неполнота «Алфавита» была очевидна уже первым его публикаторам Б.Л. Модзалевскому и А.А. Сиверу, снабдившим текст документального свода приложением, где содержались почерпнутые из архива III отделения сведения об участниках выступления Черниговского полка, не учтенных в «Алфавите», а также «Указателем», в котором присутствовал ряд лиц, причастных к декабристским обществам, но не занесенных в «Алфавит»². С.В. Мироненко, подготовивший новую публикацию «Алфавита», также отвел специальный раздел «декабристам, не вошедшим в „Алфавит“ и выявленным по другим источникам»³.

Не могут претендовать на такую роль биографические указатели, сопровождавшие публикации «Алфавита», — «Указатель» Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса и справочник 1988 г., составленный С.В. Мироненко. В первом из них сведения об участии в тайных обществах страдают неполнотой и приводятся не во всех биографических справках. Очевидно, составители полагали, что читатель найдет эти данные в «Алфавите» Боровкова. В целом содержащиеся в «Указателе» сведения о членстве, за редким исключением, полностью следуют за данными «Алфавита». Модзалевский и Сиверс были лишены возможности привлечь основной источник для определения членства — персональные следственные дела и другие материалы следствия, так как они были в 1918 г. вывезены из Петрограда в Москву и долгое время оставались недоступными⁴.

При подготовке биографического справочника, вышедшего в свет в 1988 г., сведения о членстве были скорректированы и пополнены на основе следственных дел — опубликованных и неопубликованных. Вместе с тем новый справочник в значительной степени воспроизвел неполноту и неточности данных «Алфавита» Боровкова и «Указателя» Модзалевского и Сиверса, особенно в вопросе о степени причастности к тайным обществам: «...Сам круг лиц, отраженных в справочнике, — тот же, что в „Алфавите“ Боровкова и документальных приложениях к нему. И этот круг значительно шире круга точно установленных членов тайных обществ и участников восстаний на севере и юге», — отмечает составитель справочника С.В. Мироненко⁵. Указанное обстоятельство идет на пользу справочнику, включающему лиц, привлеченных к судебному-следственному процессу 1825–1826 гг., но не решающего задачи установления *наиболее полного и достоверного перечня участников декабристских обществ*⁶.

Зависимость от данных «Алфавита» не была преодолена, сведения о членстве в тайных обществах в биографическом справочнике 1988 г., несмотря на их существенное пополнение и уточнение, как правило, по-прежнему следуют за данными «Алфавита», не отражающими даже всю полученную следствием информацию. Об этом говорит отсутствие сведений о принадлежности к Митавскому филиалу Союза спасения Ф.М. Свободского и И.М. Тимченко-Рубана, к Северному обществу — А.В. Семенова, отнесение А.И. Сабурова к членам Северного общества и т. д.⁷ Внесение поправок,

основанных на документах следственных дел, осуществлено в выборочном порядке. Приходится констатировать, что в этом справочнике многие формулировки биографических справок, касающиеся принадлежности к тайному обществу, почти дословно следуют за оценками, которые принадлежат составителю «Алфавита» Боровкову (см., например, справки о М.Н. Глебове, А.А. Суворове)⁸. Особенно это касается предполагаемых участников тайных обществ, оправданных на следствии: определения степени их причастности к тайным обществам и восстаниям 1825–1826 гг. далеки от упорядоченности и систематичности. Наиболее близка к требуемой полноте и точности справка о А.С. Грибоедове: «По показанию ряда декабристов (Оболенский, Трубешкой, Рылеев, Бриген, Оржицкий), член Северного общества; сам это решительно отрицал»⁹.

Прочие имеющиеся справочники с участием декабристских персоналий тоже не могут считаться полными и критически обоснованными сводами участников «движения декабристов». В основу одного из них, биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» (1927 г.)¹⁰, положены данные того же «Алфавита» Боровкова, дополненные отдельными указаниями мемуарных источников. Другой справочник¹¹ учитывает данные, которые содержат документы Российского государственного военно-исторического архива, но также далеко не полон. Оба издания, строго говоря, нельзя считать справочниками декабристов ввиду того, что поставленная их составителями задача была иной: охватить как можно более широкий круг участников общественного движения первой четверти XIX в.; в них члены тайных обществ декабристов растворены в массе лиц, причастных к разнообразным конспиративным обществам и кружкам 1810–1830-х гг. (нередко лишь подозреваемых в этом), а также солдат-участников выступления 14 декабря 1825 г. и солдат южных армий, которые оказались в сфере влияния заговорщиков.

Таким образом, исследователи вплотную подошли к созданию наиболее полного и точного справочника декабристов. Но одновременно следует признать, что задача составления критически выверенного, построенного на анализе имеющихся указаний источников перечня лиц, вошедших в различные декабристские тайные общества, не была решена в советском декабристоведении.

Важным шагом в решении этой задачи явилась публикация В.А. Пушкиной¹². Впервые читатель получил оформленный в виде графической схемы систематизированный материал, который дал наглядное представление о персональном составе декабристских обществ. Однако и эта публикация, при всей тщательности работы автора, не была лишена фактических ошибок, в том числе в установлении принадлежности того или иного лица к тайным обществам. Во многом это было связано с тем, что автор, помимо документальных данных, использовала сведения, почерпнутые в работах историков, где нередко содержится ошибочная или неточная информация о членстве в тайных обществах.

В предлагаемом справочном указателе представлены тайные организации политической направленности, участники которых организовали военные выступления 14 декабря 1825 г. в Петербурге и 29 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г. под Киевом. Кроме них, к *декабристским конспиративным организациям* мы относим тайные общества, хронологически предшествующие вышеназванным, связанные с ними преемственностью политических целей (введение конституции, представительной системы власти, ограничение действия крепостного права, других сословно-феодалных институтов) и персонального состава, в частности — общим кругом основателей и руководящих членов.

Опираясь на эти соображения, в указатель включены *перечни участников 13 тайных*

обществ, тесно связанных организационной и идейной преемственностью и образовавших единую линию развития «декабризма». Свод составили: первые декабристские конспиративные объединения Орден русских рыцарей и Союз спасения (вместе с филиалом в Митаве), имевшее скоротечное существование Военное общество, многочисленный Союз благоденствия, включавший в себя множество «управ» и «отраслей», связанные с ним, но самостоятельные конспиративные кружки и организации – Ф.Н. Глинки, Общество добра и правды, Измайловское общество, наследовавшее Союзу благоденствия тайное общество, созданное на Московском съезде 1821 г., возникшие в том же 1821 г. Южное общество (с Петербургским и Московским отделениями) и Северное общество (включая Московскую и Могилевскую управы), Общество соединенных славян, Общество офицеров Гвардейского экипажа и выросший из Московской управы Северного общества Практический союз. При этом небольшие отделения (филиалы, управы, отрасли и т. д.) того или иного общества в особые разделы не выделялись.

Следует особо отметить, что две из перечисленных тайных организаций зародились независимо от основной линии развития декабристских обществ (Общество соединенных славян и Общество офицеров Гвардейского экипажа). Их включение в указатель обусловлено тем, что участники этих организаций присоединились соответственно к Южному и Северному обществу.

Для более точной и обоснованной характеристики критериев отбора «декабристских союзов» следует указать на типологически отличные от них общества, кружки и другие объединения, которые остались за пределами указателя: 1) офицерские артели, созданные для дружеского общения, совместного ведения хозяйства и образования, дружеские офицерские кружки «Юношеское братство», «Общество первого согласия», кружок В.Ф. Раевского, «Общество друзей природы», не имевшие политической цели, но относимые обычно к «преддекабристским» организациям, не могут считаться политической конспирацией; 2) тайные общества польского и литовского национального движения и масонства: «Национальное масонство», «Патриотическое общество», общество «филоматов», общество «зорян», «Общество военных друзей», существовавшее в Отдельном Литовском корпусе, и др., организационно не связанные с декабристскими союзами, не могут считаться декабристской конспирацией; 3) легальные и неофициальные литературные, благотворительные и иные общества и кружки, в деятельности которых принимали участие члены декабристских обществ; 4) «мнимые», или предполагаемые, тайные общества, существование которых не было доказано следствием, а более чем полтора века изучения принципиально не изменили те выводы, к которым пришел Следственный комитет (Кавказское, Малороссийское общества, общества в Литовском корпусе, в Киеве, Харькове)¹³.

Определенные сложности при оценке соотнесенности с движением тайных обществ декабристов вызывают конспиративные организации и кружки масонско-просветительского характера. Их персональный состав и идейно-политический облик лишь недавно стали предметом пристального изучения и далеко еще не определены¹⁴. Одно из таких обществ (Орден русских рыцарей) автор считал возможным поместить в число декабристских в силу следующих причин: 1) программные документы и другие источники говорят о непосредственной принадлежности «Ордена» к той политической традиции, к которой принадлежали основные декабристские организации; 2) основатели и значительное число членов «Ордена» приняли непосредственное участие в последующих конспиративных обществах декабристского ряда¹⁵.

Однако, для того чтобы представить читателю максимально полный круг лиц, являвшихся участниками «движения декабристов», невозможно ограничиться лишь персональным составом конспиративных союзов и кружков. К ним должны быть присоединены еще две группы: 1) *участники военных выступлений*: а) на *Сенатской площади*, и б) *Черниговского пехотного полка*, — которые по всем собранным на сегодняшний день данным не принадлежали к декабристским организациям. Среди тех, кто оказался в этих группах, есть лица, случайно вовлеченные в ход событий или действовавшие без знания политической цели. Однако данное обстоятельство не означает, что никто из участников военных выступлений не мог состоять членом тайных обществ или ничего не знал о намерениях организаторов выступлений. Особенно это характерно для еще одной группы — 2) *участники заговора декабристов 1825 г., не состоявшие в тайных обществах*. Эти лица по имеющимся в нашем распоряжении источникам формально членами тайных обществ не являлись, однако находились на собраниях заговорщиков накануне 14 декабря и разделяли намерение принять участие в выступлении. Многие из них знали политическую цель заговора: введение конституционного правления.

В состав перечисленных групп входят лица, отрицавшие на следствии любую причастность к тайному обществу. Но в силу специфических особенностей следственных материалов как исторического источника признать подобное заключение достоверным, не подлежащим сомнению, нельзя. Тем более что в отношении некоторых из участников заговора и восстаний декабря 1825 г. следствие добыло сведения об их осведомленности о существовании тайного общества, что позволяет сделать предположение о «поступлении» их в 1-й разряд членов общества («полупринятых»). В мемуарных свидетельствах они нередко фигурируют как члены тайного общества (И.П. Коновницын, М.П. Малютин, А.Е. Розен и др.). Следовательно, в отношении многих представителей этой группы правомерно выдвинуть предположение о возможной организационной причастности к тайным обществам и полной (или частичной) их осведомленности о политической цели декабристских союзов.

В публикуемом указателе эта категория участников движения помещена в три особые перечня, соответствующие названным группам. Причем те участники заговора 1825 г. и военных выступлений, в отношении которых существуют свидетельства о возможном участии в конспирации, помещены одновременно в списки соответствующих обществ на правах предполагаемых членов. Решение вопроса о принадлежности к декабристскому обществу лиц этой категории зависит от более глубокого изучения имеющихся данных и привлечения новых источников.

Итак, помимо перечней состава 13 декабристских обществ, в указатель введены *три дополнительных раздела*: участники заговора 14 декабря 1825 г., не состоявшие в тайном обществе и не принявшие участия в военном выступлении; участники выступления 14 декабря 1825 г., не состоявшие в тайных обществах; участники выступления Черниговского пехотного полка, не состоявшие в тайных обществах.

Источниковая база настоящего указателя основана на комплексе документов следствия 1825–1826 гг. Главным источником сведений о членстве в тайных обществах стали следственные показания. В первую очередь были использованы опубликованные в томах документальной серии «Восстание декабристов» персональные дела всех членов тайного общества, осужденных Верховным уголовным судом (Т. I–V, IX–XV), дела не преданных суду, но понесших наказания административного характера или освобожденных от преследования (Т. XVIII–XX), документы следствия и суда, про-

веденных в связи с выступлением Черниговского полка и обнаружением тайного общества в полках 1-й армии (Т. VI), журналы и докладные записки Следственного комитета (Т. XVI). Сведения из «Алфавита» Боровкова и журналов Следственного комитета использовались в случае отсутствия персонального следственного дела (что особенно часто наблюдается у членов «Союза благоденствия»), а также если следственное дело не опубликовано.

Специфичность такого источника, как следственные материалы, вполне очевидна: допрашиваемое или дающее показание лицо «...старается рассказать как можно меньше, а скрыть как можно больше», особенно в таком вопросе, как принадлежность к тайной организации¹⁶. Следствие, несмотря на его стремление выявить всех участников декабристских обществ и специальное внимание к каждому свидетельству на этот счет, не сумело в полной мере решить данную задачу. Многие, как явствует из мемуарных свидетельств декабристов, не были названы на следствии и вообще избежали привлечения к делу. Некоторые из участников тайных обществ сумели обмануть следствие и оправдаться, доказав свою непричастность к тайным обществам. Наконец, сведения о многих привлеченных к делу, собранные следствием, неполны или неточны и должны дополняться и корректироваться¹⁷.

Поэтому при работе над указателем были привлечены другие источники: доносы на тайные декабристские общества, принадлежащие осведомленным лицам, главным образом их участникам (М.К. Грибовский), оправдательные и объяснительные записки участников тайных обществ (Я.Н. Толстой), материалы III Отделения, материалы подписки 1826 г. о «непринадлежности» к тайным обществам (публикация документов о С.Д. Нечаеве и Д.И. Альбицком М.О. Гершензона) и т. д. Определенным подспорьем стал именной указатель к документам фондов и коллекций РГВИА, вобравший в себя множество сведений о членах декабристских обществ, почерпнутых из доносов, материалов расследований участия в тайных общества в 1-й и 2-й армиях, документов полицейских органов¹⁸.

Важным источником послужили мемуарные тексты участников тайных обществ, как изданные в документальной серии «Полярная звезда» воспоминания С.Г. Волконского, Н.И. Лорера, В.Ф. Раевского, А.Е. Розена, П.Н. Свистунова, С.П. Трубецкого, В.И. Штейнгейля, И.Д. Якушкина, так и не вошедшие в ее состав воспоминания А.Ф. Багговута, М.А. и Н.А. Бестужевых, Ф.Ф. Вадковского, А.С. Гангблова, И.И. Горбачевского, Д.И. Завалишина, М.И. Муравьева-Апостола, И.И. и М.И. Пушкиных, В.С. Толстого, Ф.П. Толстого, П.И. Фаленберга, а также обнаруженная нами рукопись неизвестного записок С.П. Трубецкого, свидетельства осведомленных мемуаристов-современников (П.А. Каратыгин, М.М. Муромцев) и мемуаристов, передающих достоверные свидетельства участников тайных обществ (Я.А. Соловьев).

Существенными для настоящей работы были данные источников, введенные в оборот в научной литературе¹⁹. Так, в книге М.А. Корфа приведены мемуарные свидетельства очевидцев событий 14 декабря 1825 г. В исследованиях В.И. Семейского, В.Г. Базанова, М.В. Нечкиной, А.Б. Шешина использованы неопубликованные документы из фонда Следственного комитета (Ф. 48. ГАРФ) и фондов РГВИА, в работе С.Л. Мухиной – документы из фонда III Отделения (Ф. 109. ГАРФ), официальная переписка в связи с обнаружением принадлежности к Союзу благоденствия Д.И. Альбицкого и С.Д. Нечаева, в книге О.И. Киянской – документы из фондов РГВИА с биографическими сведениями о ранее не установленных участниках Южного общества и Общества соединенных славян.

Привлечение всех указанных источников позволило пополнить персональные списки декабристских обществ более чем 70 фамилиями лиц, отсутствующих в «Алфавите» Боровкова.

Таким образом, в указатель включены лица, о членстве которых в декабристских обществах имеются либо их собственные свидетельства, либо авторитетные свидетельства других осведомленных лиц, зафиксированные в следственных показаниях, других следственных документах, официальной переписке, материалах подписки 1826 г., полицейских и надзорных органов, доносах, записках, мемуарах. Следует отметить особо, что при составлении указателя принимались во внимание все формы и степени членства в тайных обществах — учитывали как «полных» членов, так и т. н. «полупринятых» (согласившихся участвовать в тайном обществе, но не вполне посвященных в его политические цели). В указателе нашли отражение авторитетные свидетельства о всех категориях участников декабристской конспирации, не исключая тех, кто отрицал собственное участие в тайном обществе и кому удалось оправдаться.

Публикация справочного указателя по персональному составу декабристских тайных обществ представляется актуальной и необходимой для дальнейшего изучения истории декабристов. Указатель позволяет составить адекватное представление о составе каждого декабристского общества, конспиративной активности того или иного конкретного лица. Он может служить основой для дальнейших декабристоведческих разысканий, для сравнений, сопоставлений, наблюдений над историей развития декабристской конспирации (организационные связи, хронологическая последовательность в приеме членов, в вопросе «кто кого принял» и др.), гипотез и предположений. Помещаемый указатель, разумеется, не является исчерпывающим перечнем участников тайных объединений, заговора и восстаний декабристов: несмотря на то что он вобрал в себя во всей полноте сведения, содержащиеся в опубликованных документах следствия, при дальнейшем изучении следственного фонда, фронтальном исследовании документов III Отделения, сохранившихся материалов подписки 1826 г. о «непринадлежности к тайным обществам», доносов и других источников, привлечении новых материалов могут быть выявлены новые имена и факты.

* * *

Предлагаемый справочный указатель состоит из 16 разделов, из которых первые тринадцать представляют перечни членов тайных обществ, и три раздела дополнительные:

1. Орден русских рыцарей.
2. Союз спасения.
3. Военное общество.
4. Союз благоденствия.
5. Общество Ф.Н. Глинки.
6. Общество добра и правды.
7. Измайловское общество.
8. Общество Московского съезда 1821 г.
9. Южное общество.
10. Северное общество.

11. Общество соединенных славян.
12. Общество офицеров Гвардейского экипажа.
13. Практический союз.
14. Участники заговора 14 декабря 1825 г., не состоявшие в тайном обществе и не принявшие участия в военном выступлении.
15. Участники выступления 14 декабря 1825 г., не состоявшие в тайных обществах.
16. Участники выступления Черниговского пехотного полка, не состоявшие в тайных обществах.

Списки тайных обществ расположены последовательно, в соответствии с хронологическим порядком их возникновения. Под основным заглавием раздела (названием общества) помещены варианты названия (даются уменьшенным шрифтом). Каждому списку членов предпосланы краткие сведения о тайном обществе, отражающие топографию и время существования (даты его основания и закрытия либо прекращения деятельности), имена основателей и руководителей общества, наличие Устава и программных документов, сведения об их авторах, о принятых в данном обществе формах членства, о выявленной структуре общества: отделениях, «отраслях», «филиалах», управах и их руководителях.

Списки персонального состава даются в алфавитном порядке. Для каждого лица приводятся: фамилия, имя, отчество (последние два пункта могут отсутствовать); указание на источники данных; сведения о времени вступления лица в общество и принявшем его лице (набраны курсивом; варианты даются в круглых скобках, предположительные сведения сопровождаются знаком вопроса). Эти сведения во многих случаях отсутствуют или не полны.

Знак вопроса после имени означает, что формальная принадлежность данного лица к тайному обществу предположительна и подлежит дальнейшему изучению (при этом общая причастность к декабристской конспирации не вызывает сомнения). Свидетельства о формальном приеме такого лица либо не отличаются ясностью, либо недостаточно обоснованы и достоверны (например, в случае единственного не подтвержденного показания члена тайного общества – «третьего лица»). Эта группа лиц представляет собой предмет дальнейшего изучения исследователей-декабристоведов.

В указаниях на источники даются только библиографические ссылки на опубликованные источники, с целью удобства пользования справочным материалом (список их сокращений приведен далее). Исключение сделано лишь для новонайденных записок С.П. Трубецкого, которые готовятся к печати.

Указания на главный источник (материалы следствия) расположены в такой последовательности: 1) признание самого лица о вступлении в тайное общество; 2) показание члена, принявшего его в общество; 3) показание руководящего члена тайного общества; 4) показание осведомленного члена данного общества (входившего в ту же «отрасль» организации, ее активного участника, сослуживца). В случае отсутствия свидетельств такого рода (например, если последственный не был привлечен к допросам или не признался в членстве) в расчет принималось уверенное показание любого участника тайного общества. Далее следуют указания на другие источники, связанные со следствием, оправдательные («объяснительные») записки, обращенные к следователям или на высочайшее имя²⁰, а также на свидетельства доносов и других источников. Затем приводятся указания на мемуарные свидетельства: сообщение мемуариста о своей принадлежности к тайному обществу; достоверное мемуарное

сообщение о принадлежности к тайному обществу того или иного лица (со слов этого лица или хорошо осведомленного современника). В отношении тех членов тайного общества, следственные дела которых отсутствуют или не опубликованы, сначала приводится указание на справку в «Алфавите» Боровкова, затем на записи показаний в журналах Следственного комитета и показания из опубликованных следственных дел, далее — на иные документы, включая мемуарные свидетельства.

Звездочкой (*) перед фамилией отмечены лица, отошедшие от участия в данном тайном обществе. В списках участников военных выступлений 14 декабря 1825 г. и 31 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г. это обозначение использовано по отношению к тем, кто покинул ряды восставших до их разгрома правительственными войсками.

Примечания

- ¹ Модзалевский Б.Л., Сиверс А.А. Предисловие к изданию [«Алфавита» А.Д. Боровкова] 1925 г. // Декабристы. С. 402, 403.
- ² Например, А.В. Чевкин (см.: Указатель [к «Алфавиту» А.Д. Боровкова] // ВД. Т. VIII. С. 417, 418.
- ³ Декабристы. С. 211–214.
- ⁴ Мироненко С.В. Биографический справочник «Декабристы». Принципы издания // Декабристы. С. 381. Ср.: Модзалевский Б.Л., Сиверс А.А. Предисловие к изданию [«Алфавита» А.Д. Боровкова] 1925 г. // Декабристы. С. 406.
- ⁵ Мироненко С.В. Биографический справочник «Декабристы». С. 382.
- ⁶ См. об этом: Рахматуллин М.А. Рец.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988 // История СССР. 1989. № 3. С. 165–169; Ильин П.В. Биографический справочник «Декабристы»: итоги и проблемы декабристской биографики (к 10-летию со времени выхода в свет) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 203–257.
- ⁷ Декабристы. С. 162, 164, 174.
- ⁸ Ильин П.В. Биографический справочник «Декабристы»: итоги и проблемы декабристской биографики. С. 213–215.
- ⁹ Декабристы. С. 59.
- ¹⁰ Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 1. Ч. 1: От предшественников декабристов до падения царизма / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. М., 1927.
- ¹¹ Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. М., 1975. Вып. 1–3.
- ¹² Пушкина В.А. Схема (и комментарий к ней) развития декабристских и связанных с ними организаций // Общественная мысль в России XIX века. Л., 1986. С. 242–244.
- ¹³ Подробнее об истории и типологии общественных объединений в России первых десятилетий XIX в., как особой формы общественной жизни, см.: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003; Жуковская Т.Н. «Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 5. СПб.; Кишинев, 2002. С. 63–94.
- ¹⁴ См.: Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000; Жуковская Т.Н. «Тайные общества» первой трети XIX в. и организационные модели декабризма; Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в.
- ¹⁵ Другой «пограничный» случай, «Вселенский Орден Восстановления» Д.И. Завалишина, требует, как представляется, противоположного решения. «Орден» не включен в состав указателя по следующим соображениям: 1) основание «Ордена» произошло вне связи с линией развития декабристской конспирации; 2) программные документы «Ордена» не включают в себя требования политических преобразований; 3) переговоры Завалишина с Северным обществом не закончились объединением двух конспиративных организаций; 4) факт принятия самого осно-

- вателя «Ордена» в декабристское тайное общество достоверно не установлен; 5) вовлечение участников Общества Гвардейского экипажа в «Орден Восстановления» происходило вне связи с их вступлением в декабристское общество. В силу этих причин включение просветительского «Ордена» Завалишина в число декабристских организаций представляется в настоящее время неоправданным. См. о нем: *Шешин А.Б.*: 1) Основание Ордена Восстановления // 14 декабря 1825 г.: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 32–45; 2) Устав Ордена Восстановления // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 3. СПб.; Кишинев, 2000. С. 139–174; 3) Д.И. Завалишин и Александр I // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 261–332.
- ¹⁶ *Модзалевский Б.Л., Сиверс А.А.* Предисловие к изданию [«Алфавита» А.Д. Боровкова] 1925 г. С. 399; *Ильин П.В.* Биографический справочник «Декабристы»: итоги и проблемы декабристской биографии. С. 224–226.
- ¹⁷ Декабристы. С. 213–214. Ср.: *Ильин П.В.*: 1) Безвестные декабристы: О лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д. Боровкова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 363–468; 2) Предполагаемые декабристы: Обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2002. Вып. 5. С. 95–213.
- ¹⁸ Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Вып. 1–3.
- ¹⁹ См. «Условные сокращения источников, использованных в Указателе» (С. 600 данного издания).
- ²⁰ Записка Я.Н. Толстого (см. «Условные сокращения источников, использованных в Указателе»).

**Условные сокращения источников,
использованных в Указателе**

- АБ* — «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссией, составлен 1827-го года» [«Алфавит А.Д. Боровкова»] // Декабристы. Биографический справочник / Изд. подгот. С.В. Мироненко. М., 1988. С. 215–345.
- Багговут* — *Багговут А.Ф.* Записки // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 111–136.
- Базанов* — *Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.
- Бестужев М. I* — *Бестужев М.А.* 14 декабря 1825 года // Воспоминания Бестужевых / Изд. подгот. М.К. Азадовским. М., 1951. С. 64–106.
- Бестужев М. II* — Рассказы М.А. Бестужева в записях М.И. Семевского // Там же. С. 387–399.
- Бестужев Н.* — *Бестужев Н.А.* Воспоминание о Рылееве // Там же. С. 7–40.
- Вадковский* — *Вадковский Ф.Ф.* Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. I. С. 192–199.
- ВД* — Восстание декабристов. Документы: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. Т. I–XX. М., 1925–2001.
- Волконский* — *Волконский С.Г.* Записки / Изд. подгот. А.З. Тихановской, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш. Иркутск, 1991.
- Гангблов* — *Гангблов А.С.* Воспоминания декабриста. М., 1888.
- Гершензон* — Отголоски 14-го декабря 1825 года в Московском университете / Сообщил М. Гершензон // Русская старина. 1910. Т. 141. № 2. С. 333–349.
- Горбачевский* — *Горбачевский И.И.* Записки // Горбачевский И.И. Записки. Письма / Изд. подгот. Б.Е. Сыроечковским, Л.А. Сокольским, И.В. Порохом. М., 1963. С. 5–121.
- Грибовский* — [Записка М.К. Грибовского] // *Шильдер Н.К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 204–215.
- Игнатьев* — Записка генерал-адъютанта [П.Н.] Игнатьева // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 102–118.
- Ильин* — *Ильин П.В.* Безвестные декабристы: О лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д. Боровкова // Там же. С. 363–468.
- Каратыгин* — *Каратыгин П.А.* Записки / Изд. подгот. Н.В. Королевой. Л., 1970.
- Киянская* — *Киянская О.И.* Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка. М., 1997.
- Корф* — *Корф М.А.* Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи: Герцен и Огарев против барона Корфа / Изд. подгот. Е.Л. Рудницкой и А.Г. Тартаковским. М., 1994. С. 207–314.
- Лорер* — *Лорер Н.И.* Записки декабриста / Изд. подгот. М.В. Нечкиной. Иркутск, 1984.
- Муравьев-Апостол* — *Муравьев-Апостол М.И.* [Примечания к мемуарному очерку Ф.Ф. Вадковского «Белая Церковь»] // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 199–201.
- Муромцев* — *Муромцев М.М.* Воспоминания // Русский архив. 1890. Кн. 1. № 1. С. 59–81; № 3. С. 366–394.

- Мухина — Мухина С.Л.* Безвестные декабристы (П.Д. Черевин, С.Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 231–251.
- Нечкина I — Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, 2.
- Нечкина II — Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977.
- ПАБ — Приложение: Документальные материалы, дополняющие сведения «Алфавита» [А.Д. Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник / Изд. подгот. С.В. Мироненко. М., 1988. С. 346–375.*
- Пуцин И. — Пуцин И.И.* Записки о Пушкине // Пуцин И. И. Записки о Пушкине. Письма / Изд. подгот. М.П. Мироненко, С.В. Мироненко. М., 1989. С. 29–79.
- Пуцин М. — Пуцин М.И.* Записки // Русский архив. 1908. Кн. 3. № 11. С. 442.
- Раевский I — Раевский В.Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Документы о революционной деятельности и судебном процессе / Изд. подгот. А.А. Брегман, Е.П. Федосеевой. Иркутск, 1981.
- Раевский II — Раевский В.Ф.* Записки // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири / Изд. подгот. А.А. Брегман, Е.П. Федосеевой. Иркутск, 1983. С. 308–364.
- Розен — Розен А.Е.* Записки декабриста / Изд. подгот. Г.А. Невелевым. Иркутск, 1984.
- Семевский — Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.
- Соловьев — Записки сенатора Я.А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. 1882. Т. 33. № 1. С. 227–258.*
- Толстой В. — Толстой В.С.* Воспоминания // Декабристы. Новые материалы / Под ред. М.К. Азадовского. М., 1955. С. 23–32.
- Толстой Ф. — Записки графа Ф.П. Толстого. М., 2001.*
- Толстой Я. — Всеподданнейшее письмо Я.Н. Толстого от 26 июля 1826 г. // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 7. С. 41–46.*
- Трубецкой I — Трубецкой С.П.* Записки // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы. Воспоминания. Письма. Заметки / Изд. подгот. В.П. Павловой. Иркутск, 1983. С. 217–285.
- Трубецкой II — Трубецкой С.П.* Записки (неопубликованная рукопись). Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 154. Оп. 1. Д. 44.
- Тургенев — Тургенев Н.И.* Россия и русские. М., 2001.
- Указатель ЦГВИА — Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР / Отв. сост. Л.П. Петровский. М., 1975. Вып. 1–3.*
- Устав — Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1.*
- Фаленберг — Фаленберг П.И.* Из записок // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 223–243.
- Фонвизин — Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма / Изд. подгот. С.В. Житомирской, С.В. Мироненко. Иркутск, 1979.
- Шешин — Шешин А.Б.* Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 107–127.
- Штейнгейль — Штейнгейль В.И.* Записки о восстании // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 143–180.
- Якушкин I — Якушкин И.Д.* Записки // Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы / Изд. подгот. В.И. Порохом, И.В. Порохом. Иркутск, 1993. С. 77–208.
- Якушкин II — Якушкин И.Д.* Четырнадцатое декабря // Там же. С. 234–250.

Справочный указатель

1. ОРДЕН РУССКИХ РЫЦАРЕЙ

1814–1818/1819 гг., Петербург – Москва.

О с н о в а т е л и: М.Ф. Орлов, М.А. Дмитриев-Мамонов.

А в т о р ы п р о е к т о в у с т а в а («Краткие наставления», «Регламент»):
М.А. Дмитриев-Мамонов, М.Ф. Орлов, Н.И. Тургенев (?)

А в т о р ы п р о г р а м м н ы х д о к у м е н т о в («Пункты преподаваемого во внутреннем
Ордене учения», «Краткий опыт», «Учение Ордена»): М.А. Дмитриев-Мамонов,
М.Ф. Орлов.

С т е п е н и ч л е н с т в а:

Первый уровень («внешний орден») — три степени;

Второй (руководящий) уровень («внутренний орден») — одна степень.

ВД. Т. XX. С. 160–161, 167–168, 181–182;

Тургенев. С. 101; Трубецкой П. Л. 14;

Семевский. С. 399–402; Базанов. С. 59–60;

Нечкина И. С. 132–138.

1. <i>Баратаев Михаил Петрович</i>	?	Тургенев. С. 101.
2. Бутурлин Дмитрий Петрович		Трубецкой П. Л. 14; Тургенев. С. 101.
3. <i>Давыдов Денис Васильевич</i>	?	Нечкина И. С. 133.
4. Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович		ВД. Т. XX. С. 161, 167; Трубецкой П. Л. 14; Тургенев. С. 101. <i>Основатель</i>
5. Каверин Петр Павлович		Трубецкой П. Л. 14.
6. <i>Меншиков Александр Сергеевич</i>		Трубецкой П. С. 245; Трубецкой П. Л. 14; Тургенев. С. 101.
7. Новиков Михаил Николаевич		ВД. Т. XX. С. 161.
8. Орлов Михаил Федорович		ВД. Т. XX. С. 160, 161, 167, 181, 182. <i>Основатель</i>
9. <i>Пушкин Алексей</i>		Базанов. С. 59–60.
10. Толстой Федор Петрович	?	ВД. Т. XX. С. 433. <i>М.Н. Новиков</i>
11. Тургенев Николай Иванович		Трубецкой П. Л. 14; Тургенев. С. 101; ВД. Т. XX. С. 182. <i>1817, М.Ф. Орлов</i>
12. Фонвизин Михаил Александрович		Трубецкой П. Л. 14.

Примечание. Курсивом выделены фамилии тех участников, кто не вошел в состав последующих декабристских тайных обществ.

2. СОЮЗ СПАСЕНИЯ
«Общество истинных и верных сынов Отечества»

9 февраля 1816 г., Петербург — конец 1817 г., Москва.

О с н о в а т е л и: А.Н. Муравьев, Н.М. Муравьев, М.И. Муравьев-Апостол,
 С.И. Муравьев-Апостол, С.П. Трубецкой, И.Д. Якушкин.
 Якушкин I. С. 81.

П р е д с е д а т е л и о б щ е с т в а: С.П. Трубецкой, А.Н. Муравьев.

Б л ю с т и т е л и: И.А. Долгоруков, А.Н. Муравьев, П.П. Лопухин.
 ВД. Т. I. С. 305; Т. III. С. 12, 16–17; Т. IV. С. 100.

С е к р е т а р ь: Н.М. Муравьев.
 Якушкин I. С. 81.

А в т о р ы у с т а в а: И.А. Долгоруков, П.И. Пестель, С.П. Трубецкой (секретарь
 Ф.П. Шаховской)
 ВД. Т. IV. С. 113, 154; Т. I. С. 24, 305;
 Трубецкой I. С. 218.

С т е п е н и ч л е н с т в а: братья, мужи, бояре

У п р а в ы и о т д е л е н и я: Петербург; Москва; Митава (основатель и руководитель
 П.И. Пестель)

ВД. Т. I. С. 9, 305; Т. III. С. 12, 49.

1. <i>Авенариус Александр Андреевич</i>		ВД. Т. XIX. С. 368. <i>1817, П.И. Пестель</i>
2. Бегичев Степан Никитич	?	ВД. Т. XII. С. 252; Нечкина II. С. 159, 177. <i>1817, Н.М. Муравьев</i>
3. Бибиков Илья Гаврилович	?	ВД. Т. I. С. 29; Трубецкой I. С. 218; Грибовский. С. 210.
4. Бурцов Иван Григорьевич		ВД. Т. III. С. 55; Т. I. С. 306. <i>Февраль 1817, А.Н. Муравьев</i>
5. Вольховский Владимир Дмитриевич		ВД. Т. XX. С. 447; Т. I. С. 266; И. Пущин. С. 59. <i>1817, И.Г. Бурцов</i>
6. Глинка Федор Николаевич		ВД. Т. XX. С. 101; Т. IV. С. 100; Т. IX. С. 268. <i>1816, М.Н. Новиков</i>
7. Долгоруков Илья Андреевич		ВД. Т. XX. С. 418, 421; Т. IV. С. 100; Т. I. С. 9, 30. <i>1816—начало 1817, П.И. Пестель</i>
8. Катенин Павел Александрович		АБ. С. 262. <i>1816 или 1817, И.П. Шилов (С.П. Шилов)</i>

9. Колошин Павел Иванович ВД. Т. XVIII. С. 159, 165; Т. I. С. 306.
1817, А.Н. Муравьев (И.Г. Бурицов)
10. Колошин Петр Иванович ВД. Т. XX. С. 414; Т. I. С. 306.
1816, А.Н. Муравьев (И.Г. Бурицов)
11. Лопухин Павел Петрович ВД. Т. XX. С. 438; Т. IV. С. 100; Т. I. С. 9, 30, 305.
Начало 1817, П.И. Пестель
12. Лунин Михаил Сергеевич ВД. Т. III. С. 121; Т. IV. С. 100;
Нечкина I. С.143.
Весна 1816 (?)
13. Муравьев Александр Николаевич ВД. Т. III. С. 6.
Основатель
14. Муравьев Артамон Захарович ? Нечкина I. С. 170.
1817, А.Н. Муравьев
15. Муравьев Михаил Николаевич ВД. Т. I. С. 306, 9; Т. IV. С. 100;
Якушкин I. С. 83.
Начало 1817, А.Н. Муравьев
16. Муравьев Никита Михайлович ВД. Т. I. С. 305, 9, 30.
Основатель
17. Муравьев-Апостол Матвей Иванович ВД. Т. IX. С. 198.
Основатель
18. Муравьев-Апостол Сергей Иванович ВД. Т. IV. С. 256.
Основатель
19. Новиков Михаил Николаевич АБ. С. 293; ВД. Т. IV. С. 100; Т. XX. С. 161.
1816
20. Оболенский Евгений Петрович Нечкина I. С. 168; ВД. Т. XVIII. С. 250.
1817, И.Г. Бурицов
21. Оболенский Константин Петрович ВД. Т. XVIII. С. 250.
1817, И.Г. Бурицов
22. Орлов Михаил Федорович ? ВД. Т. IX. С. 224; Т. XX. С. 161, 168.
1817, А.Н. Муравьев (М.Н. Новиков)
23. Пестель Владимир Иванович ВД. Т. I. С. 9, 30.
1816, Н.М. Муравьев
24. Пестель Павел Иванович ВД. Т. IV. С. 80, 100.
1816, М.Н. Новиков
25. *Петрулин Яков Васильевич* ВД. Т. XIX. С. 368.
1817, П.И. Пестель
26. Полторацкий Александр Павлович ? Нечкина I. С. 170.
Начало 1817, А.Н. Муравьев
27. Пущин Иван Иванович ВД. Т. II. С. 232; И. Пущин. С. 59.
1817, И.Г. Бурицов (Петр И. Колошин)
28. *Свободской Федор Михайлович* ВД. Т. XIX. С. 368.
1817, П.И. Пестель
29. *Тимченко-Рубан Иодор Матвеевич* ВД. Т. XIX. С. 368.
1817, П.И. Пестель
30. Толстой Федор Петрович ? ВД. Т. XX. С. 433.
М.Н. Новиков

31. Трубецкой Петр Петрович	ВД. Т. XX. С. 438.
32. Трубецкой Сергей Петрович	ВД. Т. I. С. 9, 30. <i>Основатель</i>
33. Тургенев Николай Иванович	? ВД. Т. IX. С. 224, 252.
34. Фонвизин Михаил Александрович	ВД. Т. III. С. 33, 72, 55; Якушкин I. С. 82. <i>1816, И.Д. Якушкин; 1817, А.Н. Муравьев</i>
35. Шаховской Федор Петрович	ВД. Т. III. С. 93, 108; Т. I. С. 30. <i>1816, М.И. Муравьев-Апостол</i>
36. Шипов Иван Павлович	ВД. Т. XX. С. 426, 427, 418, 421; Т. IV. С. 100; Т. IX. С. 224, 252. <i>Сентябрь—октябрь 1816, П.И. Пестель</i>
37. Шипов Сергей Павлович	ВД. Т. IX. С. 224, 252; Т. I. С. 9, 30, Т. XX. С. 418, 421, 438. <i>Осень 1816, П.И. Пестель</i>
38. Якушкин Иван Дмитриевич	ВД. Т. III. С. 42, 49; Якушкин I. С. 81. <i>Основатель</i>

Примечание. Курсивом выделены члены Митавского «филиала» Союза спасения.

3. ВОЕННОЕ ОБЩЕСТВО

«Общество военных людей», «Общество благомыслящих»

Конец 1817 г. — начало 1818 г., Москва

Основатель: А.Н. Муравьев

Руководители: Н.М. Муравьев (1-го отделения), П.А. Катенин (2-го отделения)
ВД. Т. I. С. 307; Т. III. С. 55; Т. IV. С. 101;
Т. XX. С. 454, 457; Нечкина I. С. 179–180.

Отделения:

Москва (1-е отделение, 2-е отделение);

Тамбов — организатор А.З. Муравьев

ВД. Т. XI. С. 120, 121.

1. Акинфиев Федор Владимирович	ВД. Т. XI. С. 121; Т. XX. С. 488; АБ. С. 216. <i>1818, А.З. Муравьев</i>
2. Бегичев Степан Никитич	Нечкина II. С. 159–160, 177. <i>1817–1818, Н.М. Муравьев</i>
3. Бибиков Илья Гаврилович	Грибовский. С. 210.
5. Гагарин Федор Федорович	ВД. Т. XX. С. 310, 454; АБ. С. 242; Фонвизин. С. 22; ВД. Т. XVI. С. 82. <i>1817, А.Н. Муравьев (М.А. Фонвизин)</i>
6. Гурко Владимир Иосифович	ВД. Т. XI. С. 121; Т. XVI. С. 184; Т. XX. С. 488. <i>1818, С.П. Трубецкой</i>

7. Катенин Павел Александрович	ВД. Т. IV. С. 101; Т. III. С. 28, 55; Т. XVI. С. 260.
8. Колошин Петр Иванович	ВД. Т. XX. С. 414; Т. I. С. 306.
9. Лопухин Павел Петрович	ВД. Т. XX. С. 438.
10. Муравьев Александр Николаевич	АБ. С. 287; ВД. Т. III. С. 55; Т. XX. С. 454. <i>Основатель</i>
11. Муравьев Артамон Захарович	ВД. Т. XI. С. 119; Т. XX. С. 313, 310; Т. III. С. 28.
12. Муравьев Михаил Николаевич	ВД. Т. XX. С. 370, 454; Т. I. С. 306; Т. XVI. С. 64; Грибовский. С. 210.
13. Муравьев Никита Михайлович	ВД. Т. III. С. 55; Т. I. С. 307.
14. Муравьев Николай Николаевич	ВД. Т. XX. С. 454.
15. Муравьев-Апостол Матвей Иванович	ВД. Т. III. С. 55; Т. IX. С. 198.
16. Муравьев-Апостол Сергей Иванович	ВД. Т. III. С. 55; Т. XX. С. 454.
17. Перовский Василий Алексеевич	ВД. Т. XX. С. 454, 310, 488; Т. III. С. 55; Т. XVI. С. 64; Грибовский. С. 210. <i>1817—начало 1818, Л.А. Перовский, А.Н. Муравьев</i>
18. Перовский Лев Алексеевич	ВД. Т. XX. С. 371, 454; Т. III. С. 55; Т. XVI. С. 143. <i>1817, А.Н. Муравьев</i>
19. Семенов Алексей Васильевич	ВД. Т. XX. С. 386. <i>1817, А.Н. Муравьев</i>
20. Трубецкой Сергей Петрович	ВД. Т. III. С. 55.
21. Фонвизин Иван Александрович	ВД. Т. III. С. 55; Грибовский. С. 210.
22. Фонвизин Михаил Александрович	ВД. Т. III. С. 55; Т. XX. С. 454; Якушкин I. С. 85.
23. Шаховской Федор Петрович	ВД. Т. III. С. 55.
24. Якушкин Иван Дмитриевич	ВД. Т. III. С. 55, 49; Якушкин I. С. 85.

4. СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ*

Общество «Зеленой книги»

Январь 1818 г., Москва — январь 1821 г., Москва

Председатели: С.П. Трубецкой, И.А. Долгоруков, Ф.Н. Глинка, Ф.П. Толстой (1819—1820), Н.И. Тургенев (1821)**.

Бл ю с т и т е л и: С.П. Трубецкой (1818—1819), И.А. Долгоруков (1819—1820)**.

С е к р е т а р ь: С.М. Семенов (с 1819).

ВД. Т. I. С. 106; Т. III. С. 124; Т. IV. С. 101;
Т. XVIII. С. 159, 187; Т. XX. С. 418;
Трубецкой I. С. 227.

А в т о р ы у с т а в а : Петр И. Колошин, А.Н. Муравьев, М.Н. Муравьев, С.П. Трубецкой (1-я часть; «Зеленая книга»); И.Г. Бурцов, А.Н. Муравьев, Н.М. Муравьев, С.П. Трубецкой (2-я часть)

ВД. Т. I. С. 307; Т. III. С. 18, 24, 72, 80;
Т. IV. С. 274; Т. IX. С. 224, 244.

С т е п е н и ч л е н с т в а : отсутствовали

ВД. Т. III. С. 18.

Ч л е н ы К о р е н н о г о С о ю з а :

А.Ф. Бриген, И.Г. Бурцов, Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе,
М.К. Грибовский, И.А. Долгоруков, П.П. Каверин (?),
Павел И. Колошин, Петр И. Колошин, Н.И. Комаров (?),
П.П. Лопухин, М.С. Лунин, А.Н. Муравьев, М.Н. Муравьев,
Н.М. Муравьев, М.И. Муравьев-Апостол, С.И. Муравьев-Апостол,
М.Н. Новиков, М.Ф. Орлов, К.А. Охотников, П.И. Пестель,
А.В. Семенов, С.М. Семенов, Ф.П. Толстой, П.П. Трубецкой,
С.П. Трубецкой, Н.И. Тургенев, И.А. Фонвизин, М.А. Фонвизин,
Ф.П. Шаховской, И.П. Шипов, С.П. Шипов, И.Д. Якушкин
ВД. Т. XX. С. 486; Т. XVIII. С. 202;
Нечкина I. С. 206–207.

У п р а в ы и о т д е л е н и я :

Петербург

- 1) Коренная — руководители И.Г. Бурцов (1818–1819), Павел И. Колошин (с 1819);
- 2) в Гвардейском Генеральном штабе — руководитель А.В. Семенов;
- 3) в л.-гв. Измайловском полку — руководители Н.П. Годаин, А.А. Кавелин;
- 4) в л.-гв. Семеновском полку — руководитель С.И. Муравьев-Апостол;
- 5) в л.-гв. Егерском полку — руководители И.Н. Горсткин, А.А. Челищев;
- 6) в л.-гв. Московском полку — руководитель М.М. Нарышкин;
- 7) в л.-гв. Конном полку — руководители А.Я. Миркович, П.И. Кошкуль;
- 8) Ф.Н. Глинка — Ф.П. Толстого.

Москва

- 1) управа А.Н. Муравьева (1818–1819), Петра И. Колошина (1819–1821);
- 2) управа Ф.П. Шаховского

Тульчин — руководители П.И. Пестель, И.Г. Бурцов (с 1819)

Кишинев — руководители К.А. Охотников, М.Ф. Орлов (с 1820)

Полтава — руководитель М.Н. Новиков

Нижний Новгород — руководитель В.И. Белавин

Тамбов — руководитель Ф.И. Левин

Тула — руководитель С.Д. Нечаев

Киев

Одесса

ВД. Т. I. С. 47, 85–86, 252, 316; Т. III. С. 98, 100;
Т. IV. С. 327; Т. XIV. С. 437; Т. XVIII. С. 159,
187; Нечкина I. С. 213, 215, 220.

1. Авенариус Александр Андреевич ? АБ. С. 215; ВД. Т. XX. С. 488.
С основания (?)
2. Аврамов Павел Васильевич ВД. Т. XII. С. 191, 194; Т. IV. С. 108.
1819, И.Г. Бурцов (и Н.И. Комаров)
3. Акинфиев Федор Владимирович ? ВД. Т. XI. С. 121; Т. XVI. С. 184.
1818, А.З. Муравьев
4. *Алимской ВД. Т. XX. С. 196, 487; Т. XVI. С. 259.
К.А. Охотников (М.А. Фонвизин)
5. *Альбицкий Дмитрий Игнатьевич Гершензон. С. 346–347; Мухина. С. 242.
Начало 1819, С.Д. Нечаев
6. Астафьев Александр Филиппович ВД. Т. XX. С. 196, 225, 396, 487; АБ.
С. 220.
1818, П.И. Пестель
7. Афанасьев Петр Указатель ЦГВИА. С. 121.
8. Бабаев Иван Саввич ? Мухина. С. 243.
1819, С.Д. Нечаев
9. Бакунин Василий Михайлович АБ. С. 220; ВД. Т. XVI. С. 257; Т. XX.
С. 195, 487.
1818
10. *Баранов ? АБ. С. 220; ВД. Т. XX. С. 396, 409; Т. XVI.
С. 42, 231.
1818, П.И. Пестель (?)
11. Бярятинский Александр Петрович ВД. Т. X. С. 256.
1820, Н.И. Филиппович
12. Басаргин Николай Васильевич ВД. Т. XII. С. 283, 295.
1819–1820, Бруннер, И.Г. Бурцов
13. *Бахметев ВД. Т. XX. С. 225, 362; Т. XVI. С. 121;
Раевский I. С. 308;
Сентябрь 1819, А.Г. Непенин
14. Башмаков ВД. Т. IX. С. 186, 199.
15. Башуцкий Александр Данилович ВД. Т. XX. С. 461, 101, 434, 455, 488;
Т. XIV. С. 426.
1819, А.Я. Миркович
16. Бегичев Степан Никитич ВД. Т. XX. С. 472, 470, 488.
1818, Н.М. Муравьев
17. *Белавин Василий Иванович АБ. С. 233; ВД. Т. I. С. 31, 85; Т. XX.
С. 487.
1818
18. Бибииков Илья Гаврилович АБ. С. 226; ВД. Т. I. С. 10, 32; Т. XX.
С. 487; Якушкин I. С. 95.
1818
19. Бистром Федор Антонович АБ. С. 226; ВД. Т. X. С. 115; Т. XX. С. 196.
1818
20. Бобринский ? Раевский II. С. 346.
21. Бобрищев-Пушкин Николай ВД. Т. XII. С. 347, 295.
Сергеевич *1820–начало 1821, Н.В. Басаргин*
22. Богданович Иван Иванович ВД. Т. III. С. 136, 169.

23. Богородицкий Осип Пантелеевич 1818 — начало 1819
АБ. С. 227; ВД. Т. XVIII. С. 186.
24. Бриген Александр Федорович 1818, Павел И. Колошин, А.Н. Муравьев
ВД. Т. XIV. С. 426; Т. I. С. 31.
25. Бруннер 1818, А.А. Кавелин (и Н.П. Годаин)
АБ. С. 230; ВД. Т. XII. С. 283.
26. Бурцов Иван Григорьевич 1818
ВД. Т. XX. С. 192, 195; Т. I. С. 307, 252.
1818, С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев,
П.И. Пестель
27. Бутурлин Дмитрий Петрович ? ВД. Т. IX. С. 82.
28. Бухновский Волконский. С. 365.
1819–1820, С.Г. Волконский
29. *Великошапкин Афанасий Григорьевич АБ. С. 237; ВД. Т. XX. С. 196, 487; Т. XVI.
С. 259.
30. Витгенштейн Лев Петрович ВД. Т. XX. С. 444, 196, 396; Т. IX. С. 268;
Т. X. С. 115.
1820, А.П. Барятинский (П.И. Пестель)
31. Воейков Александр Федорович АБ. С. 239; ВД. Т. XVI. С. 258; Т. XX.
С. 195.
1818–1819
32. Воейков Николай Константинович АБ. С. 238; ВД. Т. I. С. 238; Т. XX. С. 488.
33. Воейков Николай Павлович ВД. Т. XX. С. 195; Т. XVI. С. 258.
1818–1819
34. Воейков ? ВД. Т. XVI. С. 258.
35. *Волков Михаил Аполлонович АБ. С. 239; ВД. Т. XVIII. С. 186; Т. XX.
С. 488.
1818, А.Н. Муравьев
36. Волконский Сергей Григорьевич ВД. Т. X. С. 114, 115.
Осень 1819, М.А. Фонвизин
37. Вольф Фердинанд Богданович ВД. Т. XII. С. 121, 122; Т. IV. С. 124.
Сентябрь 1818, П.И. Пестель
(А.П. Юшневский)
38. Вольховский Владимир Дмитриевич ВД. Т. XX. С. 447, 446, 450; Т. I. С. 10, 30.
Лето 1818, И.Г. Бурцов (?)
39. Воронец Яков Владимирович АБ. С. 240; ВД. Т. III. С. 55; Т. XX. С. 487.
1818–1819, И.Д. Якушкин, К.А. Охотников
40. Габбе Михаил Андреевич ? ВД. Т. III. С. 72, 82.
М.А. Фонвизин (?)
41. *Гагарин Федор Федорович ? ВД. Т. I. С. 31, 239.
42. Гаевский Михаил Семенович ? Раевский II. С. 347.
1820, В.Ф. Раевский (?), М.Ф. Орлов (?)
43. Глинка Владимир Андреевич ВД. Т. XIX. С. 380, 399, 34; Т. XX. С. 464,
488; Т. XVI. С. 117.
1818, М.Н. Новиков
44. Глинка Федор Николаевич ВД. Т. XX. С. 96, 101, 102; Т. I. С. 46.
С основания (?)

45. Годаин Николай Петрович ВД. Т. I. С. 9, 32; Т. XIV. С. 426; Т. XX. С. 454, 461, 487.
1818, А.Н. Муравьев (?)
46. Голицын Валериан Михайлович ? ВД. Т. XI. С. 82; Т. XX. С. 195; Т. XVI. С. 257.
А.В. Поджио (М.С. Лунин, И.П. Шипов)
47. Голицын Павел Алексеевич АБ. С. 246; ВД. Т. IX. С. 252; Т. XX. С. 195; Т. XVI. С. 257.
1818, М.И. или С.И. Муравьев-Апостол
48. Голицын ? ВД. Т. XX. С. 195.
1818–1819
49. Горсткин Иван Николаевич ВД. Т. XVIII. С. 198, 205; Т. I. С. 46.
1818, А.Н. Муравьев
50. Горчаков Михаил Дмитриевич Трубецкой I. С. 245.
51. Граббе Павел Христофорович ВД. Т. XX. С. 233, 199; Т. III. С. 72; Т. I. С. 31; Т. XVI. С. 46.
1818–1819, М.А. Фонвизин
52. Градовский Указатель ЦГВИА. С. 227.
1819
53. Грибовский Михаил Кириллович АБ. С. 250; ВД. Т. I. С. 46; Т. XX. С. 31, 195, 487.
1818–1819, Ф.Н. Глинка (?)
54. Гурко Владимир Иосифович ВД. Т. IX. С. 268; Т. XI. С. 121.
1818, С.П. Трубецкой
55. Давыдов Василий Львович ВД. Т. X. С. 186; Т. III. С. 55.
1819 или 1820, К.А. Охотников (?)
56. Давыдов Дмитрий Александрович ВД. Т. I. С. 30; Т. III. С. 55; Т. XX. С. 199, 487; Т. XVI. С. 260; Грибовский. С. 211.
1818, К.А. Охотников (?)
57. Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович ? АБ. С. 282; Раевский II. С. 346.
58. Долгоруков Илья Андреевич ВД. Т. XX. С. 418, 421; Т. I. С. 30, 316; Т. XII. С. 67.
Август 1818, А.Н. Муравьев, С.П. Трубецкой
59. Дребуш Андрей Федорович ВД. Т. I. С. 252; Т. XX. С. 60.
1818, А.Н. Муравьев
60. Ентальцев Андрей Васильевич ВД. Т. XII. С. 233, 229.
1820, Ф.А. Бистром, П.В. Аврамов
61. Ефимович Григорий Иванович В. Толстой. С. 27.
62. Жемчужников Антон Аполлонович АБ. С. 256.
63. Жуков Николай Петрович ВД. Т. I. С. 239; Т. XX. С. 487; АБ. С. 257.
64. Ивашев Василий Петрович ВД. Т. XII. С. 252; Т. IV. С. 432.
1818–1819, С.Н. Бегичев, И.Г. Бурцов
65. Игнатъев ? Ф. Толстой. С. 177.
66. Игнатъев ? Ф. Толстой. С. 177.
67. Исленьев Александр Михайлович ? АБ. С. 260; ВД. Т. XX. С. 396; Т. XVI. С. 42, 232.

68. Исленьев Николай Михайлович ? АБ. С. 260; ВД. Т. XX. С. 396, Т. XVI. С. 42, 232.
69. Кавелин Александр Александрович ВД. Т. XX. С. 454, 461, 488; Т. I. С. 9, 32; Т. XVI. С. 38; Ф. Толстой. С. 222.
1818, Н.П. Годаин, Н.М. Приклонский
70. Кавелин Иван (?) Александрович ? Ф. Толстой. С. 222.
71. Каверин Петр Павлович ВД. Т. XX. С. 199, 409, 487; Т. XVI. С. 260.
1818, Н.И. Комаров
72. Кальм Федор Григорьевич ВД. Т. XX. С. 346, 348, 350; Т. IV. С. 43; Т. I. С. 31; Раевский I. С. 391.
Июнь—июль 1819, Ф.А. Бистром
73. Капнист Алексей Васильевич ВД. Т. XX. С. 252, 245, 246, 247; Т. I. С. 235, 31; Т. XVI. С. 131, 286.
1818, М.М. Нарышкин, Е.П. Оболенский
74. Капнист Семен Васильевич ВД. Т. XVI. С. 131, Т. XX. С. 488; АБ. С. 262.
75. *Катенин Павел Александрович ? ВД. Т. XI. С. 121; Т. XX. С. 488.
76. Кашкин Сергей Николаевич ВД. Т. I. С. 233.
1818, Е.П. Оболенский
77. Колошин Павел Иванович ВД. Т. XVIII. С. 154.
С основания
78. Колошин Петр Иванович ВД. Т. I. С. 9, 30, 306; Т. XX. С. 414; Т. III. С. 26.
С основания
79. Комаров Николай Иванович ВД. Т. XX. С. 396, 402; Т. IV. С. 108.
1818, П.И. Пестель
80. Копылов Гермоген Иванович ВД. Т. XX. С. 455, 461, 488; Т. XIV. С. 428; Грибовский. С. 211.
1818, А.Я. Миркович
81. Корф Федор Иванович ВД. Т. XX. С. 195, 487; Т. XVI. С. 258.
1818—1819
82. Кошкуль Петр Иванович ВД. Т. XX. С. 461, 455, 487; Т. I. С. 10, 238, Т. XIV. С. 426.
1819, А.Я. Миркович
83. Краснокутский Семен Григорьевич ВД. Т. XII. С. 58; Т. I. С. 32; Т. IV. С. 108.
1818, П.И. Пестель
84. Крюков Александр Александрович ВД. Т. XII. С. 138, 150; Т. X. С. 284.
1820, А.П. Барятинский
85. Крюков Николай Александрович ВД. Т. XI. С. 361, 359; Т. X. С. 284.
1820, В.П. Ивашев, А.П. Барятинский
86. Крюков Николай Павлович ? ВД. Т. XX. С. 432.
1818, А.Н. Муравьев
87. Кутузов Николай Иванович ВД. Т. XX. С. 335, 336; Т. I. С. 239; Т. XVI. С. 73, 83.
1818—1819
88. Кюхельбекер Вильгельм Карлович ? Грибовский. С. 211.
89. *Ланской Сергей Степанович Соловьев. С. 237.
1818—1819, А.Н. Муравьев

90. Лаптев Дмитрий Андреевич ? ВД. Т. X. С. 287.
91. *Левин Федор Иванович ? АБ. С. 275; ВД. Т. I. С. 31, 85; Т. XX. С. 487.
Начало 1818, М.Н. Новиков
92. Летохин Николай Петрович ВД. Т. I. С. 239; Т. XX. С. 246, 487.
93. Липранди Иван Петрович ? ВД. Т. XX. С. 396; Волконский. С. 298–299; Раевский П. С. 347. *1819, В.Ф. Раевский (?)*
94. Липранди Павел Петрович ? Раевский П. С. 347; Волконский. С. 298–299. *1819, В.Ф. Раевский (?)*
95. Литке Федор Петрович ? Трубецкой I. С. 245.
96. Лишин ? ВД. Т. XX. С. 409. *К.А. Охотников (?)*
97. Логинов Иван Иванович ? ВД. Т. XX. С. 256. *Е.П. Оболенский (?), М.М. Нарышкин (?)*
98. Лопухин Павел Петрович ВД. Т. XX. С. 438; Т. IX. С. 199; Т. III. С. 72.
С основания
99. Лорер Николай Иванович ? Якушкин I. С. 95. *1818–1819, И.Г. Бурцов*
100. Лукашевич Василий Лукич ВД. Т. XIX. С. 379, 380, 389, 399; Т. IX. С. 189, 268; Т. XVI. С. 100. *1818, В.А. Глинка, М.Н. Новиков*
101. Лунин Михаил Сергеевич ВД. Т. III. С. 122.
С основания
102. Любавский Иван Моисеевич Ильин. С. 381–382.
103. Любимов Роман Васильевич ВД. Т. XX. С. 224, 227, 225, 352; Т. XVI. С. 105. *1819, Ф.Г. Кальм, П.И. Пестель (?)*
104. Мансуров Александр Михайлович ? ВД. Т. XII. С. 363. *1818 или 1819*
105. Мейер Александр Мартынович Волконский. С. 365. *1819–1820, С.Г. Волконский*
106. Миклашевский Александр Михайлович ВД. Т. XVIII. С. 126; Т. I. С. 239, 31; Т. XX. С. 246.
107. Миркович Александр Яковлевич ВД. Т. XX. С. 460, 461, 487; Т. I. С. 86. *Июнь 1818, А.Н. Муравьев*
108. Митьков Михаил Фотиевич ВД. Т. I. С. 30, 238; Т. XVIII. С. 175. *1818, Н.И. Тургенев (?)*
109. *Муравьев Александр Николаевич ВД. Т. III. С. 6.
С основания
110. *Муравьев Артамон Захарович ? ВД. Т. XI. С. 119; Т. XX. С. 313; АБ. С. 288. *1818, А.Н. Муравьев (Н.М. Муравьев)*
111. Муравьев Михаил Николаевич ВД. Т. XX. С. 370, 373, 378; Т. I. С. 30; Т. XVI. С. 103.
С основания

112. Муравьев Никита Михайлович ВД. Т. I. С. 316, 307.
С основания
113. Муравьев Николай Николаевич Трубецкой I. С. 245.
Лето 1820 (?)
114. Муравьев-Апостол Матвей Иванович ВД. Т. IX. С. 198.
С основания
115. Муравьев-Апостол Сергей Иванович ВД. Т. IV. С. 257.
С основания
116. Муханов Петр Александрович ВД. Т. III. С. 138, 169, 20, 32.
1818—начало 1819, А.Н. Муравьев (И.И. Богданович)
117. Нарышкин Михаил Михайлович ВД. Т. XIV. С. 404; Т. III. С. 20.
1818, И.Г. Бурицов (А.Н. Муравьев)
118. Нелединский-Мелецкий Сергей Юрьевич ? ВД. Т. III. С. 149.
119. Непенин Андрей Григорьевич ВД. Т. XX. С. 206, 207, 208, 209;
Раевский I. С. 391.
1819, Ф.Г. Кальм, П.И. Пестель (Ф.А. Бистром)
120. Нечаев Степан Дмитриевич Гершензон. С. 346—347; Мухина. С. 242.
1818
121. *Новиков Михаил Николаевич АБ. С. 293; ВД. Т. I. С. 9, 30; Т. IX. С. 189.
С основания
122. Норов Василий Сергеевич ВД. Т. XII. С. 212, 215.
1818, А.Н. Муравьев
123. Оболенский Евгений Петрович ВД. Т. I. С. 252.
С основания (?)
124. *Оболенский Константин Петрович АБ. С. 294; ВД. Т. XVIII. С. 250.
1818, Е.П. Оболенский (?)
125. Обручев Владимир Афанасьевич Трубецкой I. С. 245.
126. Оленин Алексей Алексеевич АБ. С. 294; ВД. Т. IX. С. 199; Т. XX. С. 195, 470, 487; Т. XVI. С. 257.
1818, Н.М. Муравьев (?)
127. Орлов Михаил Федорович ВД. Т. III. С. 32; Т. I. С. 238, 307; Т. XX. С. 195.
Конец 1818, А.Н. Муравьев
128. Охотников Константин Алексеевич АБ. С. 296; ВД. Т. III. С. 72, 82; Т. X. С. 186; Т. XX. С. 195.
1818, М.А. Фонвизин (А.Н. Муравьев)
129. Панкратьев Феофил Петрович АБ. С. 297; ВД. Т. XII. С. 215; Т. I. С. 239; Т. XX. С. 487.
1818
130. Пассек Петр Петрович ? АБ. С. 298; ВД. Т. III. С. 55.
131. *Перовский Василий Алексеевич Якушкин I. С. 95; ВД. Т. XX. С. 454; Т. XVI. С. 36.
1818, А.Н. Муравьев (?)

132. Перовский Лев Алексеевич ВД. Т. XX. С. 371, 454, 457, 487; Т. I. С. 10, 32; Т. XVI. С. 143.
1818, А.Н. Муравьев
133. *Пестель Владимир Иванович АБ. С. 299.
134. Пестель Павел Иванович ВД. Т. IV. С. 80.
С основания
135. Поджою Александр Викторович ? ВД. Т. XI. С. 82.
Начало 1821, И.П. Шипов, М.С. Лукин
136. Полторацкий Александр Павлович ВД. Т. XX. С. 195, 487; Т. XVI. С. 258.
1818
137. *Полторацкий Константин Маркович ВД. Т. IX. С. 186.
1818–1819
138. Порохов ? ВД. Т. XX. С. 336.
139. Прижевский Грибовский. С. 211.
140. Приклонский Николай Михайлович ВД. Т. XX. С. 454, 461, 488; Т. XIV. С. 426.
1818, А.Н.Муравьев (?)
141. Путята Николай Васильевич ? АБ. С. 305.
142. Пущин Иван Иванович ВД. Т. I. С. 9, 30.
С основания
143. Пущин Павел Сергеевич ВД. Т. I. С. 31; Т. XX. С. 397, 487.
1818
144. Пятин Раевский П. С. 345.
1818 или 1819
145. Раевский Владимир Федосеевич ВД. Т. XX. С. 282, 298, 400, 401; Т. XVI. С. 287; Раевский П. С. 121, 345.
Июль 1819, Н.И. Комаров (М.А. Фонвизин)
146. Раич Семен Егорович ВД. Т. XX. С. 199, 487; Т. XVIII. С. 186.
1818, А.Н. Муравьев (?)
147. Рахманов АБ. С. 308.
148. Рead Евгений (Николай?) Андреевич Грибовский. С. 211.
149. Римский-Корсаков Владимир Александрович ВД. Т. XIV. С. 430; Т. XX. С. 195, 487; Т. XVI. С. 257.
150. Римский-Корсаков Григорий Александрович АБ. С. 310; ВД. Т. XX. С. 195, 487; Т. XVI. С. 257.
151. Ростовцев Илья Иванович АБ. С. 312; ВД. Т. I. С. 239; Т. XX. С. 487.
152. Руге Емельян Викторович ВД. Т. XX. С. 216, 220, 396, 409; Т. XI. С. 364; Т. XVI. С. 91.
Конец 1820, Н.В. Басаргин, И.Г. Бурцов
153. Сабуров Александр Иванович ВД. Т. XVIII. С. 66; Т. III. С. 80.
Начало 1821, П.П. Каверин
154. Свободской Федор Михайлович ? АБ. С. 316; ВД. Т. XX. С. 488.
С основания (?)
155. Семенов Алексей Васильевич ВД. Т. XX. С. 386; Т. I. С. 239, 313, 252; Т. XVI. С. 151.
С основания
156. Семенов Петр Николаевич АБ. С. 317; ВД. Т. I. С. 313; Т. XX. С. 488.
1818

157. Семенов Степан Михайлович ВД. Т. XVIII. С. 186, 180.
1818–январь 1819, М.А. Волков (А.Н. Муравьев)
158. Семинькевич ? ВД. Т. XX. С. 362.
1819, А.Г. Непенин
159. Скалон Александр Антонович АБ. С. 318; ВД. Т. XVI. С. 257; Т. XX. С. 195, 487.
1818–1819
160. Стояновский ? АБ. С. 320; ВД. Т. XX. С. 397; Т. XVI. С. 42, 232.
161. *Сурнин АБ. С. 321; ВД. Т. XX. С. 196, 487; Т. XVI. С. 258.
К.А. Охотников (М.А. Фонвизин)
162. Таушев Николай Степанович ? Раевский I. С. 381.
163. Тимченко-Рубан Иодор ? АБ. С. 323; ВД. Т. XX. С. 488.
С основания (?)
164. Токарев Александр Андреевич АБ. С. 324; ВД. Т. XIV. С. 428; Т. I. С. 250.
165. Толстой Федор Петрович ВД. Т. XX. С. 433, 434, 432; Т. IV. С. 101; Т. XVI. С. 102.
1818, М.Н. Новиков (Ф.Н. Глинка)
166. Толстой Яков Николаевич ВД. Т. XX. С. 272; Т. XII. С. 67; Т. I. С. 239.
Конец 1820, Е.П. Оболенский
167. Трубецкой Петр Петрович АБ. С. 325; ВД. Т. III. С. 10; Т. XX. С. 195, 438, 487; Т. XVI. С. 257.
1818 (С основания)
168. Трубецкой Сергей Петрович ВД. Т. I. С. 40.
С основания
169. Тургенев Николай Иванович ВД. Т. XV. С. 272; Т. I. С. 31, 307.
1818, С.П. Трубецкой
170. Тучков Алексей Алексеевич ВД. Т. XX. С. 316, 319; Т. III. С. 32, 55; Т. I. С. 233; Т. XVI. С. 286.
Апрель 1818, А.Н. Муравьев
171. Филиппович Николай Иванович АБ. С. 329; ВД. Т. X. С. 48; Т. XX. С. 196, 396.
1818 или 1819
172. Фонвизин Иван Александрович ВД. Т. XX. С. 260, 263; Т. III. С. 72, 82; Т. I. С. 9, 30; Т. XVI. С. 91.
1818, А.Н. Муравьев, М.А. Фонвизин
173. Фонвизин Михаил Александрович ВД. Т. III. С. 64.
С основания
174. Фредерикс Александр Иванович АБ. С. 331; ВД. Т. I. С. 32; Т. XIV. С. 430; Т. XX. С. 487.
175. Фурнье Виктор-Андре ? АБ. С. 332; ВД. Т. XX. С. 397; Т. XVI. С. 42, 232.
176. *Хавский Петр Васильевич АБ. С. 332; Грибовский. С. 211; ВД. Т. XX. С. 488.
1818–1819, А.Н. Муравьев

177. Хвощинский Павел Кесаревич ? АБ. С. 333; ВД. Т. XIV. С. 428; Т. XX. С. 488.
178. Хотяинцов Иван Николаевич ВД. Т. XIX. С. 34, 37, 40; Т. XX. С. 350; Т. IV. С. 108, 123; Т. X. С. 126.
1819, Ф.Г. Кальм, П.И. Пестель
179. Христиани Василий Христианович ВД. Т. XII. С. 284.
1818–1819, А.Н. Муравьев (?)
180. Чаадаев Петр Яковлевич ВД. Т. XX. С. 199, 487; Т. XVI. С. 260; Грибовский. С. 211.
181. Челищев Александр Александрович ВД. Т. I. С. 239; Т. XII. С. 215; Т. XX. С. 487.
182. Червин Павел Дмитриевич АБ. С. 335; ВД. Т. II. С. 210.
183. *Чумпалов АБ. С. 336; ВД. Т. XX. С. 196, 487; Т. XVI. С. 259.
К.А. Охотников (М.А. Фонвизин)
184. Шаховской Александр ? ВД. Т. XIV. С. 428.
Александрович
185. Шаховской Федор Петрович ВД. Т. III. С. 94.
С основания
186. Шереметев Алексей Васильевич АБ. С. 338; ВД. Т. XVIII. С. 187; Т. III. С. 55; Т. XX. С. 488.
1818, Павел И. Колошин
187. Шипов Иван Павлович ВД. Т. XX. С. 426, 429; Т. IV. С. 101; Т. XIV. С. 428.
С основания
188. Шипов Сергей Павлович ВД. Т. XX. С. 422, 487; АБ. С. 339.
С основания
189. Шляхтинский Андрей Иванович ВД. Т. I. С. 239, 252; Т. XVI. С. 258; Т. XX. С. 195, 487.
1818–1819
190. Юмин Иван Матвеевич ВД. Т. XX. С. 360, 362; Т. XVI. С. 113; Раевский I. С. 391.
Сентябрь 1819, А.Г. Непенин
191. Юрьев Александр Николаевич ВД. Т. III. С. 6, 20; Т. XX. С. 488; Т. XVI. С. 260.
1818, А.Н. Муравьев
192. Юшневский Алексей Петрович ВД. Т. X. С. 46, 48; Т. XX. С. 196.
1819, И.Г. Бурцов (Н.И. Комаров)
193. Якушкин Иван Дмитриевич ВД. Т. III. С. 43; Якушкин I. С. 94.
1819

Примечание. * Союз благоденствия — самое многочисленное декабристское общество. Согласно воспоминаниям И.Д. Якушкина (Якушкин I. С. 99), к 1819 г. в Союзе насчитывалось более 200 членов. Согласно сведениям из доноса М.К. Грибовского (Грибовский. С. 210), число участников превысило 200 человек уже в 1818 г. Если предположить, что в следующие два года рост числа членов резко уменьшился, то общее количество его участников должно составить не менее 240–250 человек.

** Согласно уставу Союза благоденствия, председатель Коренного союза избирался один раз в два месяца, блюститель — один раз в год (Устав. С. 251).

5. ОБЩЕСТВО Ф.Н. ГЛИНКИ

1819 г. — осень 1822 г., Петербург

О с н о в а т е л ь: Ф.Н. Глинка

Р у к о в о д и т е л и: Ф.Н. Глинка, Н.И. Кутузов, С.М. Семенов

ВД. Т. XX. С. 45; Т. XVIII. С. 129, 188–189;
Т. XVI. С. 122; Т. XV. С. 162, 166.

1. Глинка Федор Николаевич		ВД. Т. XVIII. С. 188, 189; Т. XX. С. 44, 45. <i>Основатель</i>
2. Джильи Мариано		ВД. Т. XVIII. С. 137. <i>1819, Д.А. Искрицкий</i>
3. Дребуш Андрей Федорович		ВД. Т. XX. С. 40, 45; Т. XVI. С. 122. <i>1820, Н.Д. Сенявин, Г.А. Перетц</i>
4. Искрицкий Демьян Александрович		ВД. Т. XVIII. С. 129, 137; Т. XX. С. 40, 45. <i>1819, Г.А. Перетц</i>
5. Корф Федор Иванович	?	ВД. Т. XX. С. 45.
6. Кутузов Николай Иванович		ВД. Т. XVIII. С. 188, 189; Т. XX. С. 45. <i>С основания</i>
7. Лаппа Михаил Демьянович		ВД. Т. XV. С. 162, 166, 173; Т. XVIII. С. 137; Т. XX. С. 40, 45. <i>1819–1820, М. Джильи, Д.А. Искрицкий</i>
8. Немирович-Данченко Егор Петрович		ВД. Т. XX. С. 40, 45; Т. XVI. С. 122. <i>1820, Г.А. Перетц</i>
9. Перетц Григорий Абрамович		ВД. Т. XX. С. 40, 44; Т. XVI. С. 122. <i>Осень 1819, Ф.Н. Глинка</i>
10. Ронов Александр Никитич	?	ВД. Т. XX. С. 481; Т. XVI. С. 122, 189; АБ. С. 311–312. <i>Ноябрь–декабрь 1820, Н.Д. Сенявин</i>
11. Семенов Степан Михайлович		ВД. Т. XVIII. С. 188, 189; Т. XX. С. 45. <i>С основания</i>
12. Сенявин Николай Дмитриевич		ВД. Т. XX. С. 40, 45, 481; Т. XVI. С. 122. <i>1820, Г.А. Перетц</i>
13. Устимович Петр Максимович		ВД. Т. XX. С. 45, 488; Т. XVI. С. 122. <i>1820, Г.А. Перетц</i>

6. ОБЩЕСТВО ДОБРА И ПРАВДЫ

1820 (1819?) г. — 1821 г., Петербург*

О с н о в а т е л и: Ф.Н. Глинка, А.А. Токарев, Е.П. Оболенский

ВД. Т. I. С. 229; Т. XVIII. С. 188.

Автор устава («Уложения»): А.А. Токарев

Я. Толстой. С. 42–43.

1. Глинка Федор Николаевич	Я. Толстой. С. 42. <i>Основатель</i>
2. Жуков Николай Петрович	ВД. Т. I. С. 229.
3. Капнист Алексей Васильевич	ВД. Т. I. С. 229.
4. Капнист Семен Васильевич	ВД. Т. I. С. 229.
5. Катенин Александр Андреевич	? Я. Толстой. С. 42.
6. Миклашевский Александр Михайлович	ВД. Т. I. С. 229.
7. Оболенский Евгений Петрович	ВД. Т. I. С. 229; Т. XVIII. С. 188. <i>Основатель</i>
8. Семенов Степан Михайлович	ВД. Т. XVIII. С. 188; Я. Толстой. С. 42.
9. Токарев Александр Андреевич	ВД. Т. I. С. 229; Т. XVIII. С. 188; Я. Толстой. С. 42. <i>Основатель</i>
10. Толстой Яков Николаевич	Я. Толстой. С. 42; ВД. Т. XVIII. С. 188.

Примечание. Общество распалось после отъезда одного из основателей, А.А. Токарева, на службу в Орел в 1821 г. (см.: Декабристы. С. 175). Е.П. Оболенский, назвавший в показаниях нескольких участников Общества добра и правды, возможно, ошибся, подразумевая Союз благоденствия (указанные им персоналии выделены курсивом). Запутанные показания Оболенского стали причиной ошибочного мнения М.В. Нечкиной, которая отождествила Общество добра и правды и Союз благоденствия (см. комментарий к исследованию М.К. Азадовского — *Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 323*). О существовании отдельного Общества добра и правды имеются ясные свидетельства в показаниях С.М. Семенова и оправдательной записке Я.Н. Толстого.

7. ИЗМАЙЛОВСКОЕ ОБЩЕСТВО «Общество Измайловского полка» «Союз русских»*

1820 г. — август 1822 г., Петербург

Основатели: Е.П. Оболенский, М.М. Нарышкин, А.В. Семенов, А.А. Токарев
ВД. Т. I. С. 250–251; Т. XVIII. С. 188, 238, 241.

Руководители: Е.П. Оболенский, А.В. и С.В. Капнисты, А.В. Семенов
ВД. Т. XVI. С. 131; Т. XIV. С. 409;
Т. XX. С. 250–251, 254, 255.

1. Жуков Николай Петрович	ВД. Т. I. С. 251; Т. XX. С. 254, 255; Т. XVIII. С. 188, 238. <i>Конец 1820, А.В. Капнист (?)</i>

2. Искрицкий Демьян Александрович ?	ВД. Т. I. С. 251.
3. Капнист Алексей Васильевич	ВД. Т. XX. С. 252, 254, 248; Т. I. С. 251, 235, 277; Т. XVI. С. 131. <i>1820, М.М. Нарышкин, Е.П. Оболенский</i>
4. Капнист Семен Васильевич	ВД. Т. I. С. 250; Т. XVIII. С. 188, 238. <i>1820, Е.П. Оболенский, А.А. Токарев</i>
5. Кутузов Николай Иванович	ВД. Т. I. С. 251; Т. XX. С. 254; Т. XIV. С. 410.
6. Летюхин Николай Петрович	ВД. Т. I. С. 251; Т. XX. С. 254, 255; Т. XVIII. С. 188, 238. <i>Конец 1820, А.В. Капнист (?)</i>
7. Логинов Иван Иванович	ВД. Т. XX. С. 254, 256. <i>1820, М.М. Нарышкин, Е.П. Оболенский</i>
8. Миклашевский Александр Михайлович	ВД. Т. XVIII. С. 238, 241; Т. XX. С. 248, 255; Т. I. С. 251. <i>Январь—февраль 1821, Е.П. Оболенский, А.В. Капнист</i>
9. Нарышкин Михаил Михайлович	ВД. Т. XIV. С. 410; Т. I. С. 235, 277. <i>Основатель</i>
10. Немирович-Данченко Егор Петрович	ВД. Т. XVIII. С. 238, 188; Т. XX. С. 62, 254. <i>Февраль 1821, А.М. Миклашевский</i>
11. Оболенский Евгений Петрович	ВД. Т. I. С. 251; Т. XVIII. С. 238, 241. <i>Основатель</i>
12. Семенов Алексей Васильевич	ВД. Т. I. С. 251; Т. XVIII. С. 188, 238. <i>Основатель</i>
13. Семенов Степан Михайлович	ВД. Т. XVIII. С. 188, 238, 241.
14. Токарев Александр Андреевич	ВД. Т. I. С. 251; Т. XIV. С. 410. <i>Основатель</i>
15. Толстой Яков Николаевич	ВД. Т. I. С. 238; Т. XVIII. С. 241; Я. Толстой. С. 43. <i>Е.П. Оболенский, С.В. Капнист</i>
16. Черевин Павел Дмитриевич	ВД. Т. XVIII. С. 188, 238, 241; Т. II. С. 210.

Примечание. * Опираясь на показания М.М. Нарышкина (ВД. Т. XIV. С. 409), М.К. Азадовский считал, что «Союз (или Общество) русских» — особое тайное общество (*Азадовский М.К.* Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 35). При сопоставлении показаний А.М. Миклашевского, М.М. Нарышкина и Е.П. Оболенского выясняется, что это название принадлежит Измайловскому обществу.

8. ОБЩЕСТВО МОСКОВСКОГО СЪЕЗДА «Восстановленный Союз благоденствия»

Январь 1821 г., Москва — 1823 гг.*

О с н о в а т е л и: И.Г. Бурцов, Ф.Н. Глинка, П.Х. Граббе, К.А. Охотников, Н.И. Тургенев, И.А. Фонвизин, М.А. Фонвизин, И.Д. Якушкин.

У п р а в ы:

Петербургская (руководитель – Н.И. Тургенев)

Московская (руководитель – И.А. Фонвизин)

Смоленская (руководитель – И.Д. Якушкин)

Тульчинская (руководитель – И.Г. Бурцов) – не организовалась.

ВД. Т. III. С. 50, 55, 57, 73;

Якушкин И. С. 115–117.

1. Бриген Александр Федорович	ВД. Т. I. С. 239; Т. IX. С. 225; Т. XVIII. С. 190. <i>Апрель 1821 г., Н.И. Тургенев</i>
2. *Бурцов Иван Григорьевич	ВД. Т. III. С. 56, 57; Якушкин И. С. 127. <i>Основатель</i>
3. Глинка Федор Николаевич	ВД. Т. III. С. 56. <i>Основатель</i>
4. Граббе Павел Христофорович	ВД. Т. IX. С. 267, 81; Т. III. С. 56. <i>Основатель</i>
5. *Копылов Гермоген Иванович	ВД. Т. III. С. 149, 153; Якушкин И. С. 125. <i>Лето 1823, И.Д. Якушкин</i>
6. *Миклашевский Александр Михайлович	ВД. Т. XVIII. С. 232, 237, 242. <i>Апрель 1821, Н.И. Тургенев</i>
7. Митьков Михаил Фотиевич	ВД. Т. III. С. 196, 205. <i>Апрель 1821, Н.И. Тургенев</i>
8. *Муравьев Михаил Николаевич	ВД. Т. III. С. 56; Т. XX. С. 375–376; Якушкин И. С. 116. <i>Основатель</i>
9. *Муромцев Матвей Матвеевич	? Муромцев. С. 390–391. <i>Август 1822 (?)</i>
10. Нарышкин Михаил Михайлович	ВД. Т. XIV. С. 412. <i>Апрель 1821 г., Н.И. Тургенев</i>
11. Нелединский-Мелецкий Сергей Юрьевич	? ВД. Т. III. С. 149; Якушкин И. С. 127.
12. *Норов Василий Сергеевич	ВД. Т. I. С. 308, 300.
13. Оболенский Евгений Петрович	ВД. Т. I. С. 34, 87. <i>Апрель 1821 г., Н.И. Тургенев</i>
14. Охотников Константин Алексеевич	ВД. Т. III. С. 56. <i>Основатель</i>
15. Пассек Петр Петрович	ВД. Т. III. С. 55–56; Якушкин И. С. 119. <i>1821, И.Д. Якушкин</i>
16. Семенов Степан Михайлович	ВД. Т. XVIII. С. 189. <i>Апрель 1821 г., Н.И. Тургенев</i>
17. *Токарев Александр Андреевич	ВД. Т. II. С. 207.
18. Толстой Яков Николаевич	ВД. Т. I. С. 32, 239; Т. XVIII. С. 189; Я. Толстой. С. 43; АБ. С. 324. <i>Апрель 1821, Н.И. Тургенев</i>
19. Тургенев Николай Иванович	ВД. Т. I. С. 238, 299; Т. XVIII. С. 189; АБ. С. 326.

20. Фонвизин Иван Александрович	<i>Основатель</i> ВД. Т. III. С. 56; Якушкин И. С. 127.
21. Фонвизин Михаил Александрович	<i>Основатель</i> ВД. Т. III. С. 56; АБ. С. 330; Якушкин И. С. 127.
22. *Чаадаев Петр Яковлевич	<i>Основатель</i> ВД. Т. III. С. 56; Якушкин И. С. 116. <i>1821, И.Д. Якушкин</i>
23. Шереметев Алексей Васильевич	Якушкин И. С. 127.
24. Якушкин Иван Дмитриевич	ВД. Т. III. С. 56; АБ. С. 344. <i>Основатель</i>

Примечание. * Тайное общество было создано в период проведения Московского съезда 1821 г.; время его существования, как можно полагать, ограничивается собраниями, завершившими формальную организацию в Петербурге Северного общества (1823 г.), в которое вошла значительная часть членов общества, учрежденного на съезде 1821 г.

9. ЮЖНОЕ ОБЩЕСТВО

Март 1821 г., Тульчин — январь 1826 г.

Руководители («директоры»):

1821—1823 гг. П.И. Пестель — председатель, А.П. Юшневский — блюститель,
Н.М. Муравьев (заочно);

1823—1825 гг. П.И. Пестель, А.П. Юшневский, С.И. Муравьев-Апостол
ВД. Т. IV. С. 109, 111, 80—81, 275.

Автор устава («правил»): П.И. Пестель

Степени членства: братья («полупринятые»), мужи, бояре

ВД. Т. IV. С. 111; Т. I. С. 15.

Управы:

Тульчинская — руководитель П.И. Пестель, с 1825 г. А.П. Барятинский;

Васильковская — руководители С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин;

Каменская — руководители В.Л. Давыдов, С.Г. Волконский;

«Славянская» (с осени 1825 г.) — руководитель М.М. Спиридов

(главы отделений «Славянской управы»: И.И. Горбачевский, А.С. Пестов, М.М. Спиридов — см. раздел «Общество соединенных славян»)

ВД. Т. IV. С. 109—111; Т. V. С. 70, 97;
Горбачевский. С. 14, 22.

Отделения («филиалы»):

Петербургское (с 1823 г.) — глава Ф.Ф. Вадковский (1824), П.Н. Свистунов (1824—1825);

Московское (с 1824 г.)

1. Аврамов Иван Борисович ВД. Т. XIII. С. 26; Т. XII. С. 45.
1823, А.А. Крюков
2. *Аврамов Павел Васильевич ВД. Т. XII. С. 191.
С основания
3. Андрешевский ? ВД. Т. XI. С. 331.
4. **Анненков Иван Александрович** ВД. Т. XIV. С. 339, 360; Т. XI. С. 208.
Декабрь 1823—весна 1824, Ф.Ф. Вадковский
5. Арсеньев Иван Алексеевич ? ВД. Т. IX. С. 270; Т. XI. С. 105; АБ. С. 220.
1824, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин
6. **Арцыбашев Дмитрий Александрович** ВД. Т. XVIII. С. 36, 42; Т. XIV. С. 339.
Декабрь 1824—январь 1825, П.Н. Свистунов, А.С. Горожанский
7. Барыков Федор Васильевич ВД. Т. XI. С. 208; Т. XIV. С. 332;
АБ. С. 221.
Октябрь 1825, Ф.Ф. Вадковский
8. Барятинский Александр Петрович ВД. Т. X. С. 259.
С основания
9. Басаргин Николай Васильевич ВД. Т. XII. С. 295.
С основания
10. Башмаков Флегонт Миронович ? ВД. Т. XIX. С. 225; Т. IX. С. 100, 238;
Т. VI. С. 305–311, 313; АБ. С. 222.
(1823) Ноябрь—сентябрь 1825, С.И. Муравьев-Апостол
11. Бестужев-Рюмин Михаил Павлович ВД. Т. IX. С. 46; Т. IV. С. 275.
Начало 1823, С.И. Муравьев-Апостол
12. *Бобринский Василий Алексеевич* ВД. Т. XVIII. С. 64; Т. XV. С. 241;
АБ. С. 226.
Июль 1824, А.П. Барятинский
13. Бобрищев-Пушкин Николай ВД. Т. X. С. 267; Т. IV. С. 110.
Сергеевич *С основания (?)*
14. Бобрищев-Пушкин Павел ВД. Т. XII. С. 395, 399; Т. X. С. 284.
Сергеевич *1822, А.П. Барятинский*
15. Бошняк Александр Карлович ВД. Т. XII. С. 91, 165; Т. X. С. 119, 206.
Май—июнь 1825, В.Н. Лихарев
16. Булгари Андрей Юрьевич ВД. Т. XI. С. 232; Т. XIII. С. 112;
АБ. С. 231.
1825, И.В. Шервуд
17. Булгари Николай Яковлевич ВД. Т. XIII. С. 112; Т. XI. С. 208, 211.
Начало 1825, Ф.Ф. Вадковский
18. Булгари Спиридон Николаевич ВД. Т. XIII. С. 112, 121–122.
1825, А.Ю. и Н.Я. Булгари
19. Бутович Иван Михайлович ? ВД. Т. IV. С. 324; Т. VI. С. 141.
Осень 1825, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин
20. Вадковский Александр Федорович ВД. Т. XIX. С. 162, 169; Т. XI. С. 220;
Т. IX. С. 82, 236, 259.

21. **Вадковский Федор Федорович** *Конец 1823, Ф.Ф. Вадковский*
ВД. Т. XI. С. 200; Т. X. С. 284; Т. IV. С. 202.
22. **Васильчиков Николай Александрович** *Май—июнь 1823, А.П. Барятинский*
ВД. Т. XVIII. С. 88, 93; Т. XIV. С. 340, 344.
23. **Веселовский Павел Семенович** *Ноябрь—декабрь 1824, П.Н. Свистунов*
ВД. Т. IX. С. 123; АБ. С. 237.
24. **Вильманс Федор Астафьевич** *Июль 1825, М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. Муравьев-Апостол*
ВД. Т. IX. С. 82, 226, 243; АБ. С. 237.
25. **Витгенштейн Лев Петрович** *Декабрь 1824, М.П. Бестужев-Рюмин*
ВД. Т. IX. С. 189, 268; Т. X. С. 47, 200.
26. **Волконский Сергей Григорьевич** *ВД. Т. X. С. 104.*
Конец 1821, В.Л. Давыдов (П.И. Пестель)
27. **Вольф Фердинанд Богданович** *ВД. Т. XII. С. 123.*
С основания
28. **Врангель Фаддей Егорович** ? *ВД. Т. IX. С. 61, 226, 231; Т. IV. С. 280.*
(1824) 1825, М.П. Бестужев-Рюмин
29. **Враницкий Василий Иванович** *ВД. Т. XI. С. 328, 316.*
Ноябрь—декабрь 1824, И.С. Пovalo-Швейковский
30. **Вяземский Александр Николаевич** *ВД. Т. XVIII. С. 84, 86, 258; Т. XIV. С. 386.*
Май 1825, А.С. Горожанский
31. **Габбе Михаил Андреевич** ? *ВД. Т. V. С. 442; Горбачевский. С. 10.*
1825, М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. Муравьев-Апостол
32. **Гангблов Александр Семенович** *ВД. Т. XVIII. С. 18, 34; Т. XIV. С. 340;*
Гангблов. С. 46.
Апрель—май 1825, П.Н. Свистунов
33. **Годениус Леонтий Егорович** ? *ВД. Т. IX. С. 39.*
1825, М.П. Бестужев-Рюмин
34. ***Голицын Валериан Михайлович** *ВД. Т. XI. С. 48, 84.*
Декабрь 1823, А.В. Поджио
35. **Голицын Павел Алексеевич** ? *ВД. Т. XII. С. 175; АБ. С. 246.*
1824, А.В. Поджио
36. **Горленко Петр Иванович** *ВД. Т. XIX. С. 184, 182, 181; Т. XII. С. 353.*
Ноябрь—декабрь 1825, А.П. Барятинский
37. **Горожанский Александр Семенович** *ВД. Т. XVIII. С. 264; Т. XIV. С. 344, 386.*
Июль 1824, П.Н. Свистунов
38. **Гофман Осип Осипович** ? *ВД. Т. XVI. С. 254, 267; Т. XI. С. 212.*
Осень 1825, Ф.Ф. Вадковский
39. ***Граббе Павел Христофорович** ? *ВД. Т. IV. С. 81.*
40. **Давыдов Василий Львович** *ВД. Т. X. С. 188.*
1821—начало 1822
41. **Депрерадович Николай Николаевич** *ВД. Т. XVIII. С. 280—281; Т. XI. С. 208.*
Декабрь 1823 — весна 1824, Ф.Ф. Вадковский

42. **Добринский Александр Александрович** ВД. Т. XIV. С. 340, 332; АБ. С. 253.
Апрель 1825, П.Н. Свистунов
43. Ентальцев Андрей Васильевич ВД. Т. XII. С. 236, 244; Т. IV. С. 109.
Ноябрь 1823, П.И. Пестель
44. Житков Семен Артемьевич ? ВД. Т. IV. С. 40.
С.Г. Волконский
45. Жуков Иван Петрович ВД. Т. XIX. С. 48, 50, 51; Т. IX. С. 90, 226.
Начало 1824, М.П. Бестужев-Рюмин
46. Загорецкий Николай Александрович ВД. Т. XIII. С. 33; Т. XI. С. 367.
1825, Н.А. Крюков, А.И. Черкасов
47. Заикин Николай Федорович ВД. Т. XII. С. 414, 141, 145.
1824, А.А. Крюков, И.Б. Аврамов
48. Заикин Федор Федорович ? ВД. Т. IV. С. 130, 133, 134; Т. XII. С. 403, 421.
Декабрь 1825, П.С. Бобринцев-Пушкин (?)
49. Ивашев Василий Петрович ВД. Т. XII. С. 256.
С основания
50. *Кальм Федор Григорьевич ? ВД. Т. X. С. 267; Т. XII. С. 400; Т. IX. С. 367; Т. XX. С. 352, 353.
Конец 1821, П.И. Пестель (?)
51. Каменский ? ВД. Т. XI. С. 220, 223; Т. IX. С. 259.
1823, А.П. Барятинский, Ф.Ф. Вадковский
52. Канчиялов Егор Александрович ВД. Т. XII. С. 48; Т. IV. С. 110; Т. X. С. 267.
1824, Н.И. Лорер
53. Капнист Алексей Васильевич ? Горбачевский. С. 94; ВД. Т. XX. С. 251, 252, 241, 242; Т. XVI. С. 286.
1823 (?), М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. Муравьев-Апостол
54. **Кологривов Александр Лукич** ВД. Т. XVIII. С. 73, 76, 258.
Октябрь 1825, А.С. Горожанский
55. **Корнилович Александр Осипович** ВД. Т. XII. С. 325; Т. IX. С. 256.
Апрель-май 1825, С.И. Муравьев-Апостол
56. Краснокутский Семен Григорьевич ВД. Т. XII. С. 73, 55, 328; Т. I. С. 303.
57. **Кривоц Сергей Иванович** ВД. Т. XIV. С. 372; Т. XI. С. 208, 232.
Конец 1823, Ф.Ф. Вадковский
58. Криднер Петр Антонович ? ВД. Т. IX. С. 226.
1825, М.П. Бестужев-Рюмин
59. Крюков Александр Александрович ВД. Т. XII. С. 140, 144.
С основания
60. Крюков Николай Александрович ВД. Т. XI. С. 365.
С основания
61. Лачинов Евдоким Емельянович ВД. Т. XIX. С. 221, 216, 218; Т. XIII. С. 70; Т. XII. С. 353.
Декабрь 1825, А.И. Черкасов (и Н.А. Крюков)
62. Левенталь Федор Карлович ? ВД. Т. IX. С. 201, 226; АБ. С. 275.
Март 1825, М.П. Бестужев-Рюмин
63. Левенштерн Иван Иванович ? ВД. Т. VI. С. 141; Т. IV. С. 324.

64. Леман Павел Михайлович ВД. Т. XIX. С. 67, 70, 73; Т. IV. С. 75, 110. Август 1825, П.И. Пестель (Н.И. Лорер)
65. Лихарев Владимир Николаевич ВД. Т. XII. С. 102; Т. X. С. 201, 188. Сентябрь 1824, В.Л. Давыдов
66. Лорер Николай Иванович ВД. Т. XII. С. 36; Лорер. С. 65. 1824, П.И. Пестель (перешел из Северного общества)
67. Лосев Николай Федорович ? ВД. Т. IX. С. 39. 1825, М.П. Бестужев-Рюмин
68. **Лужин Иван Дмитриевич** ? АБ. С. 278–279. Сентябрь 1825, Алексей А. Плещеев
69. Майборода Аркадий Иванович ВД. Т. IV. С. 18, 110; АБ. С. 283. Август 1824, П.И. Пестель
70. Мартынов Алексей ВД. Т. XIX. С. 209, 210; Т. XII. С. 426, 353, 414. Май 1825, Н.Ф. Заикин
71. Менгден Михаил Александрович ? ВД. Т. X. С. 136; АБ. С. 330. 1822 (?), П.И. Пестель (?)
72. Молчанов Дмитрий Александрович ? ВД. Т. IX. С. 226, 236; Т. XIX. С. 168–169, 173–174; Т. VI. С. 172, 307; Горбачевский. С. 107.
73. **Муравьев Александр Михайлович** ? ВД. Т. XIV. С. 386. 1824, М.И. Муравьев-Апостол
73. Муравьев Артамон Захарович ВД. Т. XI. С. 94, 105; Т. IV. С. 386, 409; Т. IX. С. 259. Весна 1824, М.И. Муравьев-Апостол
74. **Муравьев-Апостол Ипполит Иванович** ВД. Т. XIV. С. 388, 392; Т. XVIII. С. 254, 259.
75. Муравьев-Апостол Матвей Иванович ВД. Т. IX. С. 200, 189, 227. 1822 (1823)
76. Муравьев-Апостол Сергей Иванович ВД. Т. IV. С. 257, 275. Начало 1822, П.И. Пестель
77. Муханов Петр Александрович ВД. Т. III. С. 143, 142; Т. IX. С. 82. 1824, М.П. Бестужев-Рюмин
78. Набоков Петр Александрович ВД. Т. XI. С. 178; Трубецкой П. Л. 41; Горбачевский. С. 10; Муравьев-Апостол. С. 200. С.И. Муравьев-Апостол (?)
79. Нащокин Дмитрий Александрович ВД. Т. XIX. С. 142, 131; Т. IX. С. 61, 82, 226, 231; Т. IV. С. 280. Лето 1824 (август 1825), М.П. Бестужев-Рюмин
80. Никифораки (Никифоров) Горбачевский. С. 58–59; Вадковский. С. 193.
- 81.*Норов Василий Сергеевич ВД. Т. XII. С. 213, 221; Т. IX. С. 82. Лето 1823, С.И. Муравьев-Апостол

82. Панютин Федор (или Николай) Сергеевич ВД. Т. XI. С. 331; Трубецкой П. Л. 41. *С.И. Муравьев-Апостол (?)*
83. Паскевич Михаил Николаевич ВД. Т. IX. С. 123; АБ. С. 298. *Начало 1825, М.П. Бестужев-Рюмин*
84. Пестель Владимир Иванович ? ВД. Т. XII. С. 176; Т. X. С. 212. *П.И. Пестель*
85. Пестель Павел Иванович ВД. Т. IV. С. 80. *С основания*
86. *Плещеев Алексей Александрович* ВД. Т. XVIII. С. 56, 60; Т. XI. С. 208, 232. *Конец 1823, Ф.Ф. Вадковский*
87. Повало-Швейковский Иван Семенович ВД. Т. XI. С. 149, 177; Т. IV. С. 386. *Лето 1823, С.И. Муравьев-Апостол*
88. Поджио Александр Викторович ВД. Т. XI. С. 48; Т. X. С. 188. *1823, В.Л. Давыдов, С.И. и М.И. Муравьевы-Апостолы*
89. Поджио Иосиф Викторович ВД. Т. XII. С. 154, 163; Т. X. С. 188. *Апрель 1824, В.Л. Давыдов*
90. Поздеев Семен ВД. Т. IX. С. 123, 82, 226; АБ. С. 304. *1825, М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. Муравьев-Апостол*
91. *Поливанов Иван Юрьевич* ВД. Т. XIII. С. 48; Т. XI. С. 208; Т. X. С. 284. *Декабрь 1823 — май 1824, А.П. Барятинский, Ф.Ф. Вадковский*
92. *Полиняк Ираклий Ираклиевич ВД. Т. XIX. С. 201; Т. X. С. 236; Т. IX. С. 66. *1824, В.Л. Давыдов, П.И. Пестель*
93. Пфейлицер-Франк Егор Ермолаевич ВД. Т. XIX. С. 102, 105, 106; Т. IX. С. 270; Т. XI. С. 105, 131. *1824 (август 1825) М.П. Бестужев-Рюмин, А.З. Муравьев*
94. Пыхачев Матвей Иванович ВД. Т. XIX. С. 146, 131, 93; Т. IX. С. 82, 226, 231, 61; Т. IV. С. 280. *Лето 1824, М.П. Бестужев-Рюмин*
95. Рачинский Александр Антонович ВД. Т. IX. С. 122; АБ. С. 308. *Начало 1825, М.П. Бестужев-Рюмин*
96. Ренненкампф Павел Яковлевич ? Горбачевский. С. 73; ВД. Т. VI. С. 308; Киянская. С. 89–97. *Конец 1825, С.И. Муравьев-Апостол*
97. *Репин Николай Петрович* ВД. Т. III. С. 367–368; Т. XIV. С. 340, 350. *Май 1825, А.А. Добринский, П.Н. Свистунов*
98. *Ринкевич Александр Ефимович* ? ВД. Т. II. С. 262. *Июль 1825, А.А. Суворов*
99. Рославлев Александр Петрович ? ВД. Т. IX. С. 39. *1825, М.П. Бестужев-Рюмин*
100. Рынкевич Иосиф Варфоломеевич ВД. Т. XIX. С. 191, 190, 188, 189.

101. *Сабуров Александр Иванович* Ноябрь—декабрь 1825, С.П. Юшневский (и А.П. Барятинский) ВД. Т. XVIII. С. 64.
102. *Свинын Петр Павлович* Июль 1824, А.П. Барятинский ВД. Т. XVIII. С. 78, 80, 258; Т. XIV. С. 336.
103. *Свистунов Петр Николаевич* Сентябрь 1825, А.С. Горожанский ВД. Т. XIV. С. 332, 344; Т. XI. С. 201.
104. Семенов ? Начало 1824, Ф.Ф. Вадковский ВД. Т. XI. С. 366.
105. Семичев Николай Николаевич ? Декабрь 1825, А.П. Барятинский (?) ВД. Т. XIX. С. 115, 117, 118; Т. IX. С. 270; Т. XI. С. 105.
106. Сенявин Лев (Григорьевич) ? 1824, М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. Муравьев-Апостол ВД. Т. XI. С. 48; Т. XII. С. 167; Т. IX. С. 90; Т. XIX. С. 51.
107. Скарятин Федор Яковлевич ? Апрель 1824, М.П. Бестужев-Рюмин ВД. Т. XI. С. 208; АБ. С. 319.
108. Спиридов Михаил Матвеевич 1824, Ф.Ф. Вадковский ВД. Т. V. С. 124; Т. IV. С. 262, 280.
109. Старосельский Михаил Петрович Август 1825, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин ВД. Т. IV. С. 60, 78, 110; АБ. С. 320.
110. Строганов ? 1824 (1825), А.И. Майборода, П.И. Пестель ВД. Т. XI. С. 207.
111. *Суворов Александр Аркадьевич* ВД. Т. XIV. С. 332, 386; Т. I. С. 239; М. Пущин. С. 442.
112. Тизенгаузен Василий Карлович С.И. Кривоцов ВД. Т. XI. С. 295, 265; Т. IV. С. 386.
113. Тимковский Василий Федорович ? Начало 1824, С.И. Муравьев-Апостол ВД. Т. IV. С. 435, Т. XI. С. 366.
114. *Толстой Владимир Сергеевич* ВД. Т. XV. С. 238, 241; В. Толстой. С. 24.
115. Тютчев Алексей Иванович Апрель—июнь 1824, А.П. Барятинский ВД. Т. V. С. 432, Т. IV. С. 280, Т. IX. С. 116.
116. Фаленберг Петр Иванович Август 1825, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин ВД. Т. XI. С. 385; Т. X. С. 281.
117. Филиппович Николай Иванович 1822 (1823), А.П. Барятинский АБ. С. 329; ВД. Т. IV. С. 110; Т. X. С. 57.
118. Фохт Иван Федорович ВД. Т. XIII. С. 97; Т. XI. С. 48.
119. Фролов Александр Никитич Сентябрь 1824, А.В. Поджио ВД. Т. XIX. С. 87, 88, 92, 93; Т. IV. С. 124; Т. IX. С. 82.
120. Хотяинцов Иван Николаевич 1824, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин ВД. Т. XIX. С. 34, 38, 40; Т. IV. С. 123;

- Горбачевский. С. 94.
1823, П.И. Пестель
121. Цявловский Демьян Иванович ? АБ. С. 334–335; ВД. Т. VI. С. 308.
Сентябрь 1825, И.С. Повало-Швейковский
122. Черкасов Алексей Иванович ВД. Т. XIII. С. 65; Т. XII. С. 400.
1824, П.С. Бобрищев-Пушкин (Н.И. Филиппович)
123. **Чернышев Захар Григорьевич** ВД. Т. XV. С. 251; Т. XVIII. С. 258.
Май 1825, А.С. Горожанский
124. Шахирев Андрей Иванович ? ВД. Т. XI. С. 294.
Сентябрь 1825, И.С. Повало-Швейковский
125. Шервуд Иван Васильевич ВД. Т. XI. С. 199, 208; Т. XIII. С. 118; АБ. С. 338.
Начало 1825, Ф.Ф. Вадковский
126. Ширман Вильгельм Карлович ? ВД. Т. IX. С. 201, 226; АБ. С. 339.
Март 1825, М.П. Бестужев-Рюмин
127. Шлегель Иван Богданович ? ВД. Т. XI. С. 366; Фаленберг. С. 226.
Декабрь 1825, А.П. Барятинский (?)
128. Юрасов Иван Федорович ВД. Т. XIX. С. 194, 196; Т. XI. С. 367; Т. XII. С. 353, 401.
Декабрь 1825, Н.А. Крюков
129. Юшневский Алексей Петрович ВД. Т. X. С. 48.
С основания
130. Юшневский Семен Петрович ВД. Т. XIX. С. 22; Т. X. С. 46, 267; Т. XVI. С. 110.
1823 (1825), П.И. Пестель (А.П. Юшневский)
131. Якубович Александр Иванович ? ВД. Т. II. С. 295; Волконский. С. 369.
Весна 1825, С.Г. Волконский

Примечание. Полужирным курсивом в общем перечне членов выделены участники Петербургского отделения Южного общества. Укажем, во избежание путаницы, что некоторые из участников Петербургского отделения Южного общества присутствуют одновременно в перечне Северного общества, поскольку вступили и в него (Н.П. Репин и др.). Светлым курсивом выделены члены Московского отделения Южного общества. Подчеркиванием отмечены лица, принявшие участие в вооруженных выступлениях 1825–1826 гг.

10. СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО*

«Общество соединенных и убежденных»

Март-апрель 1821 г. — декабрь 1825 г., Петербург

О с н о в а т е л и: Н.М. Муравьев (1821, 1822), Н.И. Тургенев (1822)

ВД. Т. I. С. 292; Т. III. С. 68, 81; Т. IV. С. 80.

Р у к о в о д и т е л и («директоры», члены «Верховной думы»):

1821–1822 гг. — Н.М. Муравьев, М.С. Лунин;
 1822–1823 гг. — Н.М. Муравьев, Н.И. Тургенев, И.И. Пущин, С.П. Трубецкой;
 1823–1824 гг. — Н.М. Муравьев, Е.П. Оболенский, С.П. Трубецкой;
 1824–1825 гг. — Н.М. Муравьев, Е.П. Оболенский, К.Ф. Рылеев;
 Конец 1825 г. — Е.П. Оболенский, К.Ф. Рылеев, С.П. Трубецкой.

ВД. Т. I. С. 230, 254, 299, 308, 319, 440;
 Т. XVII. С. 34, 45, 49.

Автор устава (1823): Н.И. Тургенев

ВД. Т. I. С. 107, 152, 254, 230, 319;
 Т. XI. С. 72–73; Т. III. С. 57;
 Якушкин I. С. 115–116, 127.

Степени членства: подготовительная степень («полупринятые»), «согласные» («соединенные»), «убежденные» («коренные», «первый круг»)

ВД. Т. I. С. 166; Т. XVIII. С. 156.

Управы и отделения:

Петербургские

до 1823 г. — отрасли Н.М. Муравьева, Н.И. Тургенева;
 до 1824 г. — отрасли Н.М. Муравьева, И.И. Пущина;
 с 1824 г. — отрасли К.Ф. Рылеева, Е.П. Оболенского.

ВД. Т. III. С. 50; ВД. Т. II. С. 210, 221, 225.

Московская управа (с 1824 г.) — руководитель И.И. Пущин;

Могилевская управа (с 1824 г.) — руководитель П.П. Титов.

«Морская» управа (с 1824 г.)**

ВД. Т. II. С. 221; Т. XVIII. С. 101, 110, 112, 190.

1. Андреев Андрей Николаевич ВД. Т. XV. С. 230, 234, 137.
Декабрь 1825, Н.П. Кожевников
2. Арбузов Антон Петрович ВД. Т. II. С. 25, 60; Т. I. С. 153.
Ноябрь 1825, Н.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев
3. Батеньков Гавриил Степанович ВД. Т. XIV. С. 89–90, 42, 43.
Сентябрь–октябрь 1825, А.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев
4. Бестужев Александр Александрович ВД. Т. I. С. 433, 434, 153, 174, 177.
Конец 1823 — начало 1824, К.Ф. Рылеев
5. Бестужев Михаил Александрович ВД. Т. I. С. 482, 153; Т. XIV. С. 202;
М. Бестужев II. С. 393.
Конец 1824 — начало 1825, К.П. Торсон
6. Бестужев Николай Александрович ВД. Т. II. С. 60; Т. I. С. 153, 177.
Конец 1823 (?) — декабрь 1824, К.Ф. Рылеев
7. Бестужев Петр Александрович ВД. Т. XIV. С. 321; Т. I. С. 468.

8. Богданов Арсений Иванович ? *Лето 1825, А.А. Бестужев*
ВД. Т. I. С. 247.
Декабрь 1825
9. Богданович Иван Иванович
10. *Бреверн Федор Логгинович* ? АБ. С. 227; ВД. Т. XV. С. 138.
ВД. Т. XVIII. С. 102; АБ. С. 230.
Ноябрь 1825, В.А. Мусин-Пушкин
11. Бриген Александр Федорович ВД. Т. I. С. 239; Т. IX. С. 225; Т. XVIII.
С. 190.
С основания
12. Булатов Александр Михайлович ВД. Т. XVIII. С. 290–291; Т. II. С. 131;
Т. I. С. 235.
*Сентябрь–декабрь 1825, К.Ф. Рылеев,
И.И. Пуцин*
13. Вадбольский Александр Петрович ? ВД. Т. XV. С. 138.
Декабрь 1825, И.И. Богданович (?)
14. Воейков Николай Павлович ВД. Т. XII. С. 34, 36; Т. XVI. С. 258.
15. *Вольский Федор Васильевич ВД. Т. XVIII. С. 210, 214; Т. I. С. 278.
Декабрь 1823, Д.П. Зыков, Е.П. Оболенский
16. Вольховский Владимир Дмитриевич ВД. Т. II. С. 225; Т. IX. С. 189, 225; Т. XX.
С. 447, 448; АБ. С. 235.
С основания
17. Вяземский Александр Николаевич ВД. Т. XVIII. С. 84, 86; Т. XIV. С. 386.
Май 1825, А.М. Муравьев
18. *Гвоздев Александр Николаевич* ВД. Т. XVIII. С. 101; АБ. С. 243.
Ноябрь 1825, П.П. Титов
19. Глебов Михаил Николаевич ВД. Т. XV. С. 223; Т. I. С. 371–372.
До декабря 1825, П.Г. Каховский
20. *Глинка Федор Николаевич ВД. Т. III. С. 56; Т. I. С. 238; Т. XVI.
С. 119; Т. XX. С. 97, 98, 99; АБ. С. 244;
Я. Толстой. С. 43.
С основания
21. Голицын Александр Михайлович ? ВД. Т. XVIII. С. 212; Т. IX. С. 258; АБ.
С. 246.
Декабрь 1823, Ф.В. Вольский
22. Голицын Валериан Михайлович ВД. Т. XIV. С. 219; Т. XI. С. 48.
Август 1823, А.В. Поджио
23. Голицын Михаил Федорович ? АБ. С. 245; ВД. Т. XVIII. С. 114; Т. I.
С. 431.
Октябрь–ноябрь 1825, А.И. Одоевский
24. *Горсткин Иван Николаевич* ВД. Т. XVIII. С. 145; Т. II. С. 214; Т. I.
С. 239.
Февраль 1825, Е.П. Оболенский
25. Грибоедов Александр Сергеевич ? ВД. Т. I. С. 21, 241; Т. XIX. С. 375;
Нечкина П. С. 463–464, 466–476.
Март–апрель 1825, К.Ф. Рылеев
26. *Данзас Борис Карлович* ? АБ. С. 252.
И.И. Пуцин

27. Жемчужников Антон Аполлонович ВД. Т. XVIII. С. 101; АБ. С. 256.
Ноябрь 1825, П.П. Титов
28. Жеребцов Семен Николаевич ВД. Т. I. С. 153, 373.
1825, П.Г. Каховский
29. Завалишин Дмитрий Иринархович ? ВД. Т. III. С. 236, 224; Т. XIV. С. 203.
1825, К.Ф. Рылеев
30. Зубков Василий Петрович ? ВД. Т. I. С. 240.
1825, И.И. Пуцин (?)
31. *Зыков Дмитрий Петрович ВД. Т. XVIII. С. 227, 221; Т. I. С. 241.
1823, Е.П. Оболенский (А.В. Поджио)
32. Искрицкий Демьян Александрович ВД. Т. XVIII. С. 129, 126; Т. XV. С. 110.
Декабрь 1825, П.П. Коновницын, Е.П. Оболенский
33. Каховский Петр Григорьевич ВД. Т. I. С. 363, 153, 338, 207.
Январь 1825, К.Ф. Рылеев
34. Кашкин Сергей Николаевич ВД. Т. XVIII. С. 144; Т. II. С. 214.
1823 (1825), Е.П. Оболенский
35. Кожевников Андрей Львович ВД. Т. XVIII. С. 48, Т. I. С. 373, Т. II. С. 126.
Ноябрь 1825, А.Н. Сутгоф, П.Г. Каховский
36. Кожевников Нил Павлович ВД. Т. XV. С. 139, 165, 194, Т. I. С. 239.
Конец 1824 — лето 1825, М.А. Назимов, М.Д. Лаппа
37. Колокольцев Григорий Дмитриевич ВД. Т. XIV. С. 386; АБ. С. 265.
Ноябрь 1825, А.М. Муравьев
38. Колошин Павел Иванович ВД. Т. XVIII. С. 155; Т. II. С. 214; Т. I. С. 240.
Август 1824, И.И. Пуцин
39. Коновницын Иван Петрович ? Якушкин II. С. 241.
Декабрь 1825, Е.П. Оболенский (?)
40. Коновницын Петр Петрович ВД. Т. XV. С. 106, 110; Т. I. С. 235.
Август—сентябрь 1824, Е.П. Оболенский
41. Корсаков Михаил Матвеевич АБ. С. 267–268; ВД. Т. XVIII. С. 49.
Декабрь 1825, А.Н. Сутгоф, П.Г. Каховский
42. Креницын Владимир Николаевич ? АБ. С. 270; ВД. Т. XV. С. 115, 156.
Декабрь 1825, Н.П. Кожевников
43. Креницын Николай Николаевич ? АБ. С. 270; ВД. Т. XV. С. 155, 156.
Декабрь 1825, Н.П. Кожевников
44. Кюхельбекер Вильгельм Карлович ВД. Т. II. С. 163, 151; Т. I. С. 153.
Ноябрь 1825, К.Ф. Рылеев
45. Кюхельбекер Михаил Карлович ? ВД. Т. I. С. 77.
46. Лаппа Михаил Демьянович ВД. Т. XV. С. 171, 194; Т. I. С. 206.
Конец 1824, М.А. Назимов
47. Лаптев Дмитрий Андреевич ? ВД. Т. X. С. 287.
48. Ливен Андрей Карлович ? АБ. С. 276; ВД. Т. I. С. 431.
1825, А.И. Одоевский (?)

49. Литке Федор Петрович ? Трубенкой И. С. 245.
 50. *Лопухин Павел Петрович ВД. Т. XX. С. 438–441; Т. I. С. 308; Т. IV. С. 81.
С основания
 51. *Лорер Николай Иванович ВД. Т. XII. С. 36, 34; Лорер. С. 63.
Май 1824, Е.П. Оболенский, Н.П. Воейков
 52. *Лунин Михаил Сергеевич ВД. Т. III. С. 117; Т. I. С. 308.
С основания
 53. Львов Илья Федорович ВД. Т. I. С. 239; АБ. С. 280.
Декабрь 1825, Н.П. Кожевников, Я.И. Ростовцев
 54. Малиновский Андрей Васильевич ? ВД. Т. II. С. 397; АБ. С. 282; Якушкин П. С. 241.
Декабрь 1825, И.И. Пущин (И.П. Коновницын)
 55. Малютин Михаил Петрович ? ВД. Т. XV. С. 132, 154; Т. XVI. С. 56.
Декабрь 1825, К.Ф. Рылеев (П.Г. Каховский)
 56. Матюшкин Федор Федорович ? ВД. Т. IX. С. 113.
Март–август 1824, К.Ф. Рылеев, И.И. Пущин (?)
 57. Митьков Михаил Фотиевич ВД. Т. III. С. 196, 205.
С основания
 58. Моллер Александр Федорович ВД. Т. I. С. 33, 240, 258; Т. XVIII. С. 190; АБ. С. 331; Н. Бестужев. С. 34.
М.М. Нарышкин
 59. Муравьев Александр Михайлович ВД. Т. XIV. С. 386.
Май 1821, М.С. Лунин
 60. Муравьев Никита Михайлович ВД. Т. I. С. 299.
Основатель
 61. Муравьев-Апостол Ипполит Иванович АБ. С. 288; ВД. Т. I. С. 162; Т. XIV. С. 392.
 62. *Мусин-Пушкин Владимир Алексеевич* ВД. Т. XVIII. С. 108; Т. XIV. С. 408.
Август 1825, М.М. Нарышкин
 63. Назимов Михаил Александрович ВД. Т. XV. С. 192, 186; Т. XIV. С. 408.
Начало 1823, М.М. Нарышкин
 64. Нарышкин Михаил Михайлович ВД. Т. XIV. С. 412.
С основания
 65. *Норов Василий Сергеевич ВД. Т. I. С. 308, 300.
 66. Оболенский Евгений Петрович ВД. Т. I. С. 34, 87.
С основания
 67. *Оболенский Константин Петрович* ВД. Т. XVIII. С. 246, 251; Т. I. С. 240.
Июль 1824, Е.П. Оболенский
 68. Одоевский Александр Иванович ВД. Т. II. С. 244, 252; Т. I. С. 153, 434.
Май 1825, А.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев
 69. Оржицкий Николай Николаевич ? ВД. Т. I. С. 164, 467; Т. XV. С. 118, 126–127.
Конец 1823–1824, А.А. Бестужев

70. Палицын Степан Михайлович (К.Ф. Рылеев)
ВД. Т. XVIII. С. 270, 277; Т. I. С. 372, 155.
Март—апрель, ноябрь 1825,
П.Г. Каховский
71. Панов Николай Алексеевич ВД. Т. II. С. 108; Т. I. С. 373, 153.
Ноябрь 1825, П.Г. Каховский
(и К.Ф. Рылеев)
72. Плещеев Александр Александрович ВД. Т. II. С. 270; Т. I. С. 239; АБ. С. 301.
Ноябрь 1825, А.И. Одоевский
73. *Поджио Александр Викторович ВД. Т. XI. С. 82; Т. III. С. 122; Т. IV. С. 109.
1821, М.С. Лунин, И.П. Шипов
(Н.М. Муравьев)
74. Путята Николай Васильевич ВД. Т. IV. С. 121; АБ. С. 305.
Е.П. Оболенский (?)
75. Пуцин Иван Иванович ВД. Т. IX. С. 189; АБ. С. 305.
С основания (?)
76. Пуцин Михаил Иванович ? ВД. Т. XIV. С. 453, 459; Лорер. С. 261.
Декабрь 1825, И.И. Пуцин (?),
К.Ф. Рылеев (?)
77. Репин Николай Петрович ВД. Т. II. С. 363; Т. I. С. 235.
Декабрь 1825, И.И. Пуцин (К.Ф. Рылеев)
78. Ринкевич Александр Ефимович ВД. Т. XVIII. С. 114; Т. II. С. 262.
Июль 1825, А.И. Одоевский
79. Розен Андрей Евгеньевич ? ВД. Т. XV. С. 213, 215; Т. II. С. 363; Т. I.
С. 284.
Декабрь 1825, Е.П. Оболенский (?),
К.Ф. Рылеев (?)
80. Романов Владимир Павлович АБ. С. 311.
Июнь 1825, К.Ф. Рылеев
81. Ростовцев Яков Иванович ВД. Т. I. С. 235; Т. XIV. С. 152; Т. XV.
С. 113, 139.
Ноябрь 1825, Е.П. Оболенский,
Н.П. Кожевников
82. Рылеев Кондратий Федорович ВД. Т. I. С. 174, 153; Т. II. С. 206.
Середина 1823, И.И. Пуцин
83. Сапожников Александр Петрович ? ВД. Т. XIV. С. 167; Штейнгейль. С. 154,
155.
Декабрь 1825, Я.И. Ростовцев
84. Семенов Алексей Васильевич ВД. Т. II. С. 214; Т. I. С. 239; Т. XVIII.
С. 26; Т. XX. С. 387, 391.
Февраль 1825, И.И. Пуцин
(Е.П. Оболенский)
85. Семенов Степан Михайлович ВД. Т. XVIII. С. 189.
С основания
86. Скуратов Александр Петрович ? ВД. Т. XIV. С. 217.
1823, А.В. Поджио (Е.П. Оболенский)
87. Скуратов Дмитрий Петрович ? ВД. Т. XVIII. С. 222; Т. XIV. С. 217; Т. I.

- С. 229, 233.
1823, А.В. Поджио (Е.П. Оболенский)
88. Суворов Александр Аркадьевич ? ВД. Т. XIV. С. 332, 386; АБ. С. 320.
1825, А.И. Одоевский
89. Сутгоф Александр Николаевич ВД. Т. II. С. 125; Т. I. С. 372, 153, 235.
Март—сентябрь 1825, П.Г. Каховский
(и К.Ф. Рылеев)
90. Сухоруков Василий Дмитриевич АБ. С. 321.
1825, К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев
91. Титов Петр Павлович ВД. Т. XVIII. С. 101, 104; Т. XIV. С. 408.
Февраль 1824, М.М. Нарышкин
92. *Токарев Александр Андреевич ВД. Т. II. С. 207.
93. *Толстой Яков Николаевич ВД. Т. I. С. 32, 239; Т. XVIII. С. 189; Т. XX.
С. 272; Я. Толстой. С. 43.
С основания (?)
94. Торсон Константин Петрович ВД. Т. XIV. С. 198, 209; Т. II. С. 60; Т. I.
С. 177.
Конец 1824, Н.А. Бестужев
95. Грубецкой Сергей Петрович ВД. Т. I. С. 34.
С 1822 г.
96. Тулубьев Александр Никитич Трубецкой I. С. 247; Н. Бестужев. С. 34;
Якушкин II. С. 245.
97. *Тургенев Николай Иванович ВД. Т. I. С. 238, 299; Т. XVIII. С. 189; АБ.
С. 326.
Основатель
98. Тучков Алексей Алексеевич ВД. Т. II. С. 214; Т. I. С. 231; АБ. С. 326.
Февраль 1825, И.И. Пущин
99. Фок Александр Александрович ? ВД. Т. XV. С. 165; Т. I. С. 386.
Конец 1824—1825, М.Д. Лаппа
(П.Г. Каховский)
100. Цебриков Николай Романович ? ВД. Т. II. С. 320.
Декабрь 1825, Н.П. Репин (?),
А.П. Арбузов (?)
101. *Челищев Александр Александрович ВД. Т. I. С. 308.
102. Червин Павел Дмитриевич ВД. Т. II. С. 210; АБ. С. 335.
103. Чернов Константин Пахомович АБ. С. 335; ВД. Т. III. С. 373.
К.Ф. Рылеев
104. Чернышев Захар Григорьевич ВД. Т. XV. С. 251—252; Т. XIV. С. 386.
Май 1825, А.М. Муравьев
105. Чижов Николай Алексеевич ВД. Т. XV. С. 260, 263; Т. XIV. С. 328.
Ноябрь 1825, П.А. Бестужев
106. Шереметев Николай Васильевич ВД. Т. XVIII. С. 283; Т. XIV. С. 386; Т. I.
С. 278.
Июль—ноябрь 1825, А.Н. Вяземский,
А.М. Муравьев
107. *Шипов Иван Павлович ВД. Т. I. С. 292, 308; Т. X. С. 269.
С основания

108. Штейнгейль Владимир Иванович ВД. Т. XIV. С. 150.
1824, К.Ф. Рылеев
109. Шепин-Ростовский Дмитрий Александрович ВД. Т. I. С. 153, 407–409, 242.
Декабрь 1825, М.А. Бестужев (А.А. Бестужев)
110. Якубович Александр Иванович ВД. Т. II. С. 280, 293; Т. I. С. 469, 181.
Февраль–июль 1825, А.А. Бестужев (К.Ф. Рылеев)

Примечание. * Члены Московской управы Северного общества, учрежденной в 1824 г. И.И. Пущиным, выделены полужирным курсивом. В течение 1824–1825 гг. к этой управе фактически присоединились также М.Ф. Митьков, М.М. Нарышкин и С.М. Семенов. Члены Могилевской управы Северного общества, основанной в 1824 г. М.М. Нарышкиным, выделены светлым курсивом. Подчеркиванием отмечены лица, принявшие участие в вооруженных выступлениях 1825–1826 гг.

** О «морской» управе см.: *Шешин А.Б.* «Морская управа» Северного общества декабристов // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 115–128.

11. ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН*

1823 г., Новоград-Волыньск — сентябрь 1825 г.
(присоединилось к Южному обществу**)

О с н о в а т е л и: А.И. Борисов, П.И. Борисов, Ю.К. Люблинский

Р у к о в о д и т е л и: П.И. Борисов (с 1824 г. — «президент»), А.И. Борисов, Ю.К. Люблинский, И.И. Горбачевский, И.И. Иванов (с 1824 г. — секретарь).

А в т о р ы у с т а в а («Правил»): А.И. Борисов, П.И. Борисов, Ю.К. Люблинский

А в т о р н о в о г о у с т а в а (1825): П.И. Борисов

С сентября 1825 г. — «Славянская управа» Южного общества (руководитель М.М. Спиридов

ВД. Т. V. С. 70, 88, 97.
Горбачевский. С. 5–6, 14, 22.

1. Андреев	?	Горбачевский. С. 45.
2. Андреевич Гордей Максимович	?	ВД. Т. XIII. С. 250–251, 255.
3. Андреевич Яков Максимович		ВД. Т. V. С. 369, 29. <i>Август 1825, В.А. Бечаснов, П.И. Борисов</i>
4. Бельченко Николай Иванович		ВД. Т. V. С. 113; Т. XIX. С. 319, 320. <i>Сентябрь, декабрь 1825, М.М. Спиридов, И.Ф. Шимков</i>
5. Берстель Александр Карлович		ВД. Т. XIII. С. 398; Т. V. С. 286.

6. Бечаснов Владимир Александрович
 7. *Богославский
 8. *Борисов Андрей Иванович*
 9. Борисов Петр Иванович
 10. Быстрицкий Андрей Андреевич ?
 11. Веденяпин Алексей Васильевич
 12. Веденяпин Аполлон Васильевич
 13. *Выгодковский Павел Фомич*
 14. *Высочин Александр Дмитриевич*
 15. Головинский Павел Казимирович
 16. Горбачевский Иван Иванович
 17. Громнитский Петр Федорович
 18. Грохольский Дмитрий ?
 19. Демьянович Иван Григорьевич ?
 20. Драгоманов Яков Акимович
 21. **Жебровский Фаддей Антонович*
 22. Зарецкий Петр Алексеевич
 23. Иванов Илья Иванович
 24. Ильинский Януш (Иван) ?
- Август–сентябрь 1825, П.И. Борисов, А.С. Пестов*
 ВД. Т. V. С. 266–267, 29.
Декабрь 1823, А.И. и П.И. Борисовы
 АБ. С. 227; Горбачевский. С. 17; ВД. Т. XIII. С. 334; Т. VI. С. 307.
Август–сентябрь 1825, А.Д. Кузьмин
 ВД. Т. V. С. 88.
Основатель
 ВД. Т. V. С. 28.
Основатель
 ВД. Т. V. С. 108; Т. VI. С. 306.
 ВД. Т. XIII. С. 172, 244.
Сентябрь 1825, И.В. Киреев
 ВД. Т. XIII. С. 212–213; Т. V. С. 335.
Январь–май 1825, А.С. Пестов
 ВД. Т. XIII. С. 384, 290.
Апрель 1825, И.И. Иванов
 ВД. Т. XIX. С. 264, 293; Т. V. С. 29; Горбачевский. С. 6.
1824, П.И. Борисов
 ВД. Т. XIX. С. 351, 352, 345, 341; Т. XVI. С. 145; АБ. С. 247; Горбачевский. С. 46.
Июнь–июль 1824 — лето 1825, П.И. Борисов
 ВД. Т. V. С. 198, 29.
1823, П.И. Борисов
 ВД. Т. XIII. С. 130; Т. V. С. 29.
Начало 1824 (1825), П.И. Борисов
 ВД. Т. VI. С. 304.
 1825
 ВД. Т. IV. С. 337.
 ВД. Т. XIX. С. 308, 309, 304, 302; Т. XIII. С. 297, 172; Т. VI. С. 307.
Апрель 1825, И.И. Иванов
 ВД. Т. XIX. С. 270, 275, 279; Т. V. С. 29; Т. XIII. С. 135.
Февраль 1824, П.И. Борисов, Н.О. Красницкий
 ВД. Т. XIX. С. 326, 327, 320, 321, 330, 333; Т. V. С. 114; Т. XIII. С. 290, 330.
Лето–сентябрь 1825, А.И. Тютчев, П.Ф. Громнитский
 ВД. Т. XIII. С. 290–291; Т. V. С. 29. (1824) *Начало 1825, П.И. Борисов, Н.О. Красницкий*
 ВД. Т. XIII. С. 167, 296.

- Августович
25. Киреев Иван Васильевич 1824
ВД. Т. XIII. С. 162; Т. V. С. 29.
Июль 1825, П.И. Борисов
26. Киселевич ?
ВД. Т. XIII. С. 135, 141, 311; Т. V. С. 441.
Октябрь 1825, И.И. Иванов
27. Ковальский Федор Федорович ?
ВД. Т. IV. С. 309, 337.
28. Костыра
ВД. Т. XIII. С. 312, 142; Т. XIX. С. 363, 364.
Февраль 1825, И.И. Иванов
29. Красницкий Николай Осипович
ВД. Т. XIX. С. 359, 343, 360; Т. XIII.
С. 172, 387; АБ. С. 268.
30. Крупеников Александр Никитич ?
1824, П.И. Борисов
ВД. Т. IX. С. 239; Т. IV. С. 248, 256–258;
Т. VI. С. 18, 308; Горбачевский. С. 75–76,
94; Киянская. С. 81–89.
*1825, Я.М. Андреевич (?),
И.И. Горбачевский (?)*
31. Кузьмин Анастасий Дмитриевич
АБ. С. 272; ВД. Т. V. С. 198.
1824 (?)
32. Лисовский Николай Федорович
ВД. Т. XIII. С. 141, 358, 363.
Июнь 1825, П.Ф. Громнитский
33. Люблинский Юлиан Казимирович
ВД. Т. V. С. 412.
Основатель
34. Мозалевский Александр ?
Евтихиевич
ВД. Т. XIII. С. 196; Т. VI. С. 177; Т. IV.
С. 310.
Сентябрь 1825, А.Д. Кузьмин, А.Ф. Фурман
35. Мозгалевский Николай Осипович
ВД. Т. XIII. С. 344, 254.
Август–сентябрь 1825, И.Ф. Шимков
36. Мозган Павел Дмитриевич
ВД. Т. XIII. С. 268, 272; Т. V. С. 439, 29.
Апрель 1825, И.И. Иванов, А.И. Тютчев
37. Невенгловский Андрей Сатурнинович
ВД. Т. XIX. С. 343; АБ. С. 291.
П.И. Борисов, Н.О. Красницкий
38. Одинцов Григорий Иванович ?
ВД. Т. V. С. 60, 241, 396.
1824, П.И. Борисов
39. Ольшевский
ВД. Т. V. С. 112; Т. XVI. С. 141; АБ. С. 295.
Сентябрь 1825, М.М. Спиридов
40. Островский Леопольд
ВД. Т. XIX. С. 343; АБ. С. 296.
П.И. Борисов, Н.О. Красницкий
41. Пестов Александр Семенович
ВД. Т. V. С. 322, 29.
1824, П.И. Борисов
42. Петин Василий Николаевич ?
ВД. Т. VI. С. 304, 307, 311; Вадковский.
С. 195.
43. Ракуза Игнатий Кузьмич ?
ВД. Т. IV. С. 307; Т. XIII. С. 203.
Сентябрь 1825, А.Ф. Фурман (А.Д. Кузьмин)
44. Рихард Александр ?
ВД. Т. IV. С. 309; Горбачевский. С. 50;
АБ. С. 310.
Ноябрь 1825, А.Д. Кузьмин

45. Рихард Антон Осипович ? ВД. Т. IV. С. 309; Горбачевский. С. 50; АБ. С. 310.
Ноябрь 1825, А.Д. Кузьмин (И.Ф. Шимков)
46. Рихард Нил Осипович ? ВД. Т. IV. С. 309; Горбачевский. С. 50; АБ. С. 310.
Ноябрь 1825, А.Д. Кузьмин (И.Ф. Шимков)
47. Розен ? ВД. Т. IV. С. 309; АБ. С. 311; Горбачевский. С. 50.
Ноябрь 1825, А.Д. Кузьмин (И.Ф. Шимков)
48. *Скальмировский Ипполит* ВД. Т. XIII. С. 275, 336; Т. XVI. С. 145; АБ. С. 319.
1825, А.И. Тютчев, П.Ф. Громнитский
49. Соловьев Вениамин Николаевич ВД. Т. XIII. С. 193, 141; Т. VI. С. 139; Т. V. С. 29.
Начало 1825, П.Ф. Громнитский
50. Спиридов Михаил Матвеевич ВД. Т. V. С. 108, 124; Т. IV. С. 262.
Август 1825, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин; присоединен к Славянской управе
51. Сухинов Иван Иванович ВД. Т. IV. С. 324; Т. VI. С. 141.
Август 1825, А.Д. Кузьмин
52. *Тиханов Николай Ильич ВД. Т. XIX. С. 232, 235, 256; Т. V. С. 279; Горбачевский. С. 21.
Сентябрь 1825, А.С. Пестов
53. Троцкий Емельян Николаевич Горбачевский. С. 100.
Сентябрь 1825, Я.А. Драгоманов
54. Трусов Степан Иванович Горбачевский. С. 100.
Сентябрь 1825, Я.А. Драгоманов
55. Тшилинский ? ВД. Т. IV. С. 309, 339; Горбачевский. С. 50; АБ. С. 327.
Ноябрь 1825, А.Д. Кузьмин (И.Ф. Шимков)
56. Тютчев Алексей Иванович ВД. Т. V. С. 432, 29; Т. XIII. С. 141.
Начало 1825, П.Ф. Громнитский, И.И. Иванов
57. Унгерн-Штернберг ? ВД. Т. IV. С. 309; Горбачевский. С. 50; АБ. С. 328.
Ноябрь 1825, А.Д. Кузьмин (И.Ф. Шимков)
58. Усовский Алексей Васильевич ВД. Т. XIX. С. 290, 291, 285, 286; Т. XIII. С. 135, 141, 330; Т. V. С. 40; Т. XVI. С. 141.
(Начало 1824) Август 1825, (И.И. Горбачевский) А.Д. Кузьмин
59. Устимович Петр Антонович ? ВД. Т. VI. С. 337, 309; Т. VI. С. 307.
1825, А.Д. Кузьмин, А.Ф. Фурман
60. Фролов Александр Филиппович ВД. Т. XIII. С. 323, 272, 278; Т. V. С. 439.
Май 1825, П.Д. Мозан, А.И. Тютчев
61. Фурман Андрей Федорович ВД. Т. XIII. С. 186, 192; Т. IV. С. 294.
Август 1825, В.Н. Соловьев (И.И. Сухинов и А.Д. Кузьмин)

62. *Черноглазов Илья Михайлович ВД. Т. XIX. С. 252, 255, 257, 245, 246, 235; Т. V. С. 186, 299; Горбачевский. С. 21. *Сентябрь 1825, А.С. Пестов*
63. Шахирев Андрей Иванович ВД. Т. XIII. С. 416, 419. *Сентябрь 1825, А.Д. Кузьмин*
64. Шеколла Викентий Иванович ВД. Т. XIX. С. 356, 340; Т. V. С. 112; Т. XVI. С. 145. *Август–сентябрь 1825, Н.О. Мозгалеvский, М.М. Спиридов*
65. Шимков Иван Федорович ВД. Т. XIII. С. 248-249; Т. V. С. 439. *Август 1825, П.Ф. Громнитский, А.И. Тютчев*
66. *Шультен Егор ВД. Т. XIX. С. 235, 236, 255; Т. V. С. 279; Т. XVI. С. 142; АБ. С. 341; Горбачевский. С. 21. *Сентябрь 1825, А.С. Пестов*
67. Шепилло Михаил Алексеевич ВД. Т. V. С. 198; АБ. С. 341. *До августа 1825*
68. Ярошевич ВД. Т. XIII. С. 135, 141, 311; Т. V. С. 441. *Октябрь 1825, И.И. Иванов*

Примечание. * Курсивом выделены участники Общества соединенных славян, не вошедшие в состав «Славянской управы» Южного общества (отошедшие ранее, либо не присоединенные к Южному обществу по решению объединительных совещаний: поляки, неслужащие дворяне и гражданские чиновники). Подчеркиванием отмечены лица, принявшие участие в вооруженных выступлениях 1825–1826 гг. и в попытке поднять мятеж в Полтавском пехотном полку.

** После присоединения к Южному обществу Общество соединенных славян сохранило определенную автономию в своей деятельности, в том числе в принятии новых членов.

12. ОБЩЕСТВО ОФИЦЕРОВ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА

Весна 1824 г. — декабрь 1825 г., Петербург

О с н о в а т е л ь: А.П. Арбузов

А в т о р ы у с т а в а: А.П. Арбузов, А.П. Беляев

Шешин. С. 111–112, 124.

ВД. Т. II. С. 14, 19, 27; Т. III. С. 244, 279;

Т. XIV. С. 256.

1. Арбузов Антон Петрович

Шешин. С. 111.

Основатель

2. Беляев Александр Петрович

Шешин. С. 111.

3. Беляев Петр Петрович

Шешин. С. 111.

1824, А.П. Арбузов, А.П. Беляев

4. Бодиско Борис Андреевич

? Шешин. С. 112.

5. <u>Бодиско Михаил Андреевич</u>	?	Шешин. С. 112.
6. <u>Дивов Василий Абрамович</u>	?	Шешин. С. 111.
7. Иванчин-Писарев Алексей Михайлович		АБ. С. 300; ВД. Т. XIV. С. 248.
8. <u>Мусин-Пушкин Эпафродит Степанович</u>	?	<i>А.П. Беляев (?)</i> Шешин. С. 112.
9. <u>Окулов Николай Павлович</u>	?	Шешин. С. 112.
10. <u>Тыртов Валериан Михайлович</u>	?	Шешин. С. 112.
11. <u>Шпейер Василий Абрамович</u>	?	Шешин. С. 112.

Примечание. Подчеркиванием отмечены участники выступления 14 декабря 1825 г.

13. ПРАКТИЧЕСКИЙ СОЮЗ «Практическое общество»

Начало 1825 г. — декабрь 1825 г., Москва

О с н о в а т е л ь: И.И. Пущин (при участии Е.П. Оболенского)

П р е с е д а т е л ь: И.И. Пущин

ВД. Т. II. С. 213–215, 236; Т. I. С. 231–233.

1. Горсткий Иван Николаевич		ВД. Т. XVIII. С. 203; Т. II. С. 214.
2. Данзас Борис Карлович	?	АБ. С. 252.
3. Зубков Василий Петрович	?	АБ. С. 259; ВД. Т. XVI. С. 72, 250.
4. Кашкин Сергей Николаевич		ВД. Т. XVIII. С. 203, 144.
5. Колошин Павел Иванович		ВД. Т. XVIII. С. 155, 162.
6. Нарышкин Михаил Михайлович		ВД. Т. XVIII. С. 203.
7. Оболенский Константин Петрович	?	ВД. Т. XVIII. С. 246, 250; Т. II. С. 218.
8. Пущин Иван Иванович		ВД. Т. II. С. 215. <i>Основатель</i>
9. Семенов Алексей Васильевич		ВД. Т. II. С. 214; Т. XVIII. С. 203.
10. Семенов Степан Михайлович		ВД. Т. XVIII. С. 174, 203; Т. II. С. 215. <i>Лето 1825, И.И. Пущин</i>
11. Тучков Алексей Алексеевич		ВД. Т. II. С. 214; Т. XVIII. С. 203.

14. УЧАСТНИКИ ЗАГОВОРА 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА, НЕ СОСТОЯВШИЕ В ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ И НЕ ПРИНЯВШИЕ УЧАСТИЯ В ВОЕННОМ ВЫСТУПЛЕНИИ

1. Базин Иван Алексеевич		ВД. Т. XVI. С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 220.
2. Бекетов Аполлон Аполлонович		ВД. Т. XVI. С. 306; АБ. С. 223.
3. <i>Богданов Арсений Иванович</i>		ВД. Т. XVI, С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 227.

4. Бурнашев Александр Алексеевич		ВД. Т. XVI. С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 232.
5. Гольтгоер Александр Федорович		ВД. Т. XVI. С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 247.
6. Гудим Иван Павлович		ВД. Т. XIV. С. 294, 298; Т. XVI. С. 119; АБ. С. 251.
7. Корнилов Александр Алексеевич		ВД. Т. XVI. С. 305; АБ. С. 267.
8. <i>Креницын Владимир Николаевич</i>		ВД. Т. XV. С. 155–156; АБ. С. 270.
9. <i>Креницын Николай Николаевич</i>		ВД. Т. XV. С. 155–156; АБ. С. 270.
10. Кудашев Михаил Федорович		ВД. Т. XVI. С. 305; АБ. С. 271.
11. Куликовский Константин Осипович		АБ. С. 272; ВД. Т. XVIII. С. 289–290, 305.
12. Кушелев Андрей Сергеевич		ВД. Т. XVI. С. 306; АБ. С. 271; М. Бестужев II. С. 390, 398.
13. Львов Василий Федорович	?	АБ. С. 280–281.
14. Миллер Константин Петрович	?	ВД. Т. XV. С. 155–156.
15. Мореншильд Андрей Иванович		ВД. Т. XVI. С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 286.
16. Мореншильд Федор Борисович		ВД. Т. XVI. С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 286.
17. Насакен Густав Густавович		ВД. Т. XVI. С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 291.
18. Насакен Яков Густавович		ВД. Т. XVI. С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 291; Розен. С. 124.
19. Нумерс Август Федорович		ВД. Т. XVI. С. 307; Т. II. С. 368; АБ. С. 293.
20. <i>Оржицкий Николай Николаевич</i>		ВД. Т. XV. С. 121, 123, 118–119.
21. <i>Пуцин Михаил Иванович</i>		ВД. Т. XIV. С. 453, 454, 457, 458, 460.
22. Цицианов Павел Иванович		ВД. Т. XVI. С. 306; АБ. С. 335.

Примечание. В данный раздел включены возможные члены Северного общества, членство которых не доказано полностью (выделены курсивом).

15. УЧАСТНИКИ ВЫСТУПЛЕНИЯ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г., НЕ СОСТОЯВШИЕ В ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ

1. <i>Багговут Александр Федорович</i>		Багговут. С. 114–115; М. Бестужев II. С. 398.
2. *Балкашин Павел Дмитриевич	?	Каратыгин. С. 137.
3. *Баранцев Александр Анисимович		ВД. Т. XV. С. 38; Шешин. С. 127.
4. <i>Бодиско Борис Андреевич</i>		ВД. Т. XV. С. 18, 22; АБ. С. 228.
5. <i>Бодиско Михаил Андреевич</i>		ВД. Т. XV. С. 72, 78; АБ. С. 228.
6. <i>Броке Алексей Александрович</i>		ВД. Т. XVI. С. 304; АБ. С. 230.
7. <i>Вадбольский Александр Петрович</i>		ВД. Т. XV. С. 143, 144; АБ. С. 234.
8. <i>Вилламов Артемий Григорьевич</i>		АБ. С. 237.
9. Вишневский Федор Гаврилович		ВД. Т. XV. С. 62, 64; АБ. С. 238.
10. <i>Волков Владимир Федорович</i>		ВД. Т. XVI. С. 303; АБ. С. 239.
11. *Вреде Карл Фердинандович		АБ. С. 241.
12. <i>Гагарин Александр Иванович</i>		АБ. С. 242.
13. Горский Осип Викентьевич		ВД. Т. XV. С. 84–98; АБ. С. 249.
14. <i>Дивов Василий Абрамович</i>		ВД. Т. XIV. С. 295, 307; АБ. С. 253.
15. *Киселев Иван Павлович	?	ВД. Т. XV. С. 36, 38.
16. *Колончаков Николай Алексеевич		АБ. С. 265.

17. Коновницын Иван Петрович ВД. Т. I. С. 428; АБ. С. 267.
 18. Кюхельбекер Михаил Карлович ВД. Т. XV. С. 34, 36; АБ. С. 273.
 19. *Лашкевич (Семен Николаевич?)* ВД. Т. I. С. 411, 490; ПАБ. С. 375; Указатель ЦГВИА. С. 399.
 20. Лелякин Григорий Григорьевич АБ. С. 276.
 21. *Лермантов Дмитрий Николаевич АБ. С. 276.
 22. *Литке Александр Петрович Шешин. С. 127.
 23. Лукин Константин Дмитриевич АБ. С. 279.
 24. Малиновский Андрей Васильевич АБ. С. 282.
 25. Малютин Михаил Петрович ВД. Т. XV. С. 143, 144; АБ. С. 282.
 26. *Миллер Петр Федорович АБ. С. 284.
 27. *Мусин-Пушкин Эпафродит ВД. Т. XV. С. 46–47; АБ. С. 290.
Степанович
 28. Окулов Николай Павлович ВД. Т. XV. С. 58; АБ. С. 216.
 29. Прянишников Петр Дмитриевич АБ. С. 304.
 30. *Пушин Андрей Павлович Корф. С. 284.
 31. *Розен Андрей Евгеньевич ВД. Т. XV. С. 210–211; АБ. С. 310; Розен. С. 122, 125.
 32. Розен Андрей Евгеньевич АБ. С. 327.
 33. Тыртов Валериан Михайлович ВД. Т. XV. С. 143, 144, 150; АБ. С. 329.
 34. Фок Александр Александрович ВД. Т. II. С. 326; АБ. С. 334.
 35. *Цебриков Александр Романович ВД. Т. II. С. 326–329, 341; АБ. С. 334.
 36. *Цебриков Николай Романович Корф. С. 269; Игнатьев. С. 103; ВД. Т. XX. С. 53; Указатель ЦГВИА. С. 696; Якушкин II. С. 246; М. Бестужев I. С. 73; Розен. С. 140.
 37. Чевкин Александр Владимирович ВД. Т. XIV. С. 298; АБ. С. 340.
 38. Шпейер Василий Абрамович Корф. С. 284; АБ. С. 340.
 39. *Штакельберг Петр Егорович АБ. С. 341.
 40. Шторх Александр Андреевич

Примечание. В данный раздел включены возможные члены Северного общества и Общества офицеров Гвардейского экипажа, членство которых не доказано полностью (отмечены подчеркиванием). Звездочкой отмечены лица, оставившие каре воставших до его разгрома. Курсивом выделены лица, которые не находились на Сенатской площади, но приняли определенное участие в событиях 14 декабря: агитировали солдат в пользу выступления, участвовали в беспорядках в казармах, сопротивлялись присяге Николаю I и т. д.

16. УЧАСТНИКИ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЧЕРНИГОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА, НЕ СОСТОЯВШИЕ В ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ

1. *Апостол-Кегич Егор Иванович ВД. Т. IV. С. 251; Т. VI. С. 167–169; ПАБ. С. 346–347.
 2. *Белелюбский Амплий Дмитриевич ВД. Т. VI. С. 169–171; ПАБ. С. 347.
 3. *Быстрицкий Андрей Андреевич* АБ. С. 232–233; ВД. Т. VI. С. 146–147.
 4. *Войнилович Антон Станиславович АБ. С. 239; ВД. Т. VI. С. 157–161.

-
5. <i>Грохольский Дмитрий</i>	ВД. Т. IV. С. 249; Т. VI. С. 147, 303–311.
6. *Кейзер Даниил Федорович	ВД. Т. VI. С. 295–300; ПАБ. С. 353–354.
7. *Кондырев Василий Яковлевич	ВД. Т. VI. С. 164–165; ПАБ. С. 347.
8. *Маевский Карл Клементьевич	ВД. Т. VI. С. 149–155; Т. IV. С. 251; ПАБ. С. 347–348.
9. *Мещерский Александр Петрович	ВД. Т. VI. С. 166–167; Т. IV. С. 251; ПАБ. С. 348–349.
10. <i>Мозалевский Александр Евтихиевич</i>	ВД. Т. VI. С. 147–149; Т. IV. С. 249–251; ПАБ. С. 349.
11. *Петин Василий Николаевич	АБ. С. 300; ВД. Т. VI. С. 155–157; Т. IV. С. 249.
12. <i>Ракуза Игнатий Кузьмич</i>	ВД. Т. IV. С. 251, 310–312.
13. *Рыбаковский Владимир Николаевич	ВД. Т. VI. С. 163–164; Т. IV. С. 251; ПАБ. С. 349–350.
14. *Сизиневский Виктор Осипович	ВД. Т. VI. С. 161–163; ПАБ. С. 350.
15. Цявловский Иван	ВД. Т. VI. С. 200, 87; Указатель ЦГВИА. С. 694.

Примечание. В данный раздел включены возможные участники Общества соединенных славян, членство которых не доказано полностью (выделены курсивом). Звездочкой отмечены лица, покинувшие ряды Черниговского полка до разгрома выступления.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Алфавит — «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственною комиссиею, составлен 1827-го года» [«Алфавит» А.Д. Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 215–345.
- ВД — Восстание декабристов. Документы. Л.; М.; М., 1925–2001. Т. I–XX.
- Декабристы — Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
- Междуцарствие — Междуцарствие и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской фамилии. М.; Л., 1926.
-
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
- РАН — Российская Академия наук.
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (ранее Центральный государственный военно-исторический архив – ЦГВИА).
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом).
- СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Авенариус А.А.* 84, 86, 95, 399, 586, 603, 608
Аврамов И.Б. 582, 622
Аврамов П.В. 83, 418, 515, 582, 608, 622
Адлерберг В.Ф. 87, 234, 251, 277, 280, 511
Азадовский М.К. 149, 477, 495, 542, 566, 571, 600, 601, 618, 619
Акинфов (Акинфиев) Ф.В. 20, 96, 586, 605, 608
Александр I, император 65, 104, 124, 210, 222, 294, 366, 389, 412, 439, 473, 479, 513, 599
Александр II, император 414, 478
Александра Федоровна, императрица 51, 54, 128, 447
Алексеев Д.Л. 33
Алексеев И. 420
Алексеев С.Л. 33
Алендаренко 441
Алимской (Алимский) 89, 90, 147, 586, 608
Альбицкий Д.И. 380, 392, 393, 395, 397, 458, 461, 493, 588, 595, 608
Андреев А.Н. 280, 582, 629
Андреев В. 436
Андреев 547, 564, 588, 635
Андреевич Г.М. 635
Андреевич Я.М. 215, 218, 219, 222, 223, 229, 302, 407, 421, 425, 517, 542, 544, 545, 546, 547, 548, 582, 635
Андреевский 441
Андрешевский 406, 407, 408, 472, 517, 588, 622
Анисимов Е.В. 139, 140
Анненков И.А. 582, 622
Ансело Ф. 140, 142, 151
Апостол-Кегич Е.И. 381, 583, 642
Арбузов А.П. 27, 191, 283, 284, 582, 629, 639
Арсеньев И.А. 204, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 240, 332, 335, 341, 349, 352, 360, 361, 546, 587, 622
Арцыбашев Д.А. 509, 584, 622
Астафьев А.Ф. 33, 84, 95, 586, 608
Астафьев Л.Е. 33, 84
Афанасьев В.В. 139
Афанасьев П. 382, 392, 394, 458, 461, 471, 588, 608
Бабаев И.С. 393, 395, 397, 493, 494, 558, 560, 566, 588, 608
Багговут А.Ф. 383, 391, 443, 444, 445, 446, 458, 465, 467, 477, 478, 588, 595, 600, 641
Багговут К.Ф. 446
Багговут К.Ф. (старший) 445
Базанов В.Г. 359, 374, 527, 566, 569, 595, 600
Базилевский Б. см.: Богучарский В.Я.
Базин И.А. 97, 114, 586, 640
Бакунин В.М. 20, 89, 370, 586, 608

* Указатель не охватывает справочно-библиографическую часть Приложения 2.

Фамилии участников тайных обществ, заговора и военных выступлений декабристов (как выявленных следствием, так и оставшихся ему неизвестными, а также предполагаемых участников) выделены полужирным курсивом. Фамилии исследователей выделены светлым курсивом.

Указатель составлен В.П. Мартыненко.

- Бакунин И.М. 256
Балкашин П.Д. 556, 557, 559, 561, 588, 641
 Балугьянский М.А. 83
Баранов 146, 323, 324, 325, 329, 373, 587, 608
Баранцев А.А. 141, 382, 391, 435, 437, 458, 554, 588, 641
 Баратаев М.П. 602
Бартнев П.И. 151
Барыков Ф.В. 20, 37, 50, 51, 113, 115, 131, 586, 622
Баятинский А.П. 65, 179, 198, 323, 324, 345, 373, 406, 418, 433, 513, 516, 582, 590, 608, 621, 622
Басаргин Н.В. 174, 270, 322, 323, 356, 357, 369, 373, 409, 410, 418, 473, 474, 509, 515, 550, 551, 554, 568, 571, 582, 590, 608, 622
 Басаргина 509
Батеньков Г.С. 203, 498, 525, 569, 582, 629
Бахметев 392, 398, 461, 462, 471, 526, 552, 553, 589, 608
 Бахметевы 471
 Башмаков Д.Е. 403
Башмаков Ф.М. 176, 244, 403, 425, 439, 584, 622
Башмаков 392, 401, 403, 457, 461, 462, 579, 588, 608
Башуцкий А.Д. 96, 549, 586, 608
 Башуцкий П.Я. 367
 Бегичев Д.Н. 374
Бегичев С.Н. 20, 22, 96, 108, 139, 194, 403, 586, 603, 605, 608
 Безобразов В.П. 474, 477
Бекетов А.А. 104, 105, 107, 114, 436, 586, 640
Белавин В.И. 20, 85, 95, 467, 586, 607, 608
Белелобский А.Д. 381, 583, 642
 Белосельский Э.А. 203
Бельченко Н.И. 585, 635
Беляев А.П. 283, 284, 582, 639
Беляев П.П. 283, 284, 582, 639
 Беляев 176
 Бенкендорф А.Х. 60, 145, 259, 291, 292, 338, 341, 351, 374, 395, 396, 493, 568
 Берг 78
 Березин 531
Берелевич Ф.И. 22, 139
Берстель А.К. 222, 223, 302, 439, 582, 636
 Бессонов 442
Бестужев А.А. 48, 73, 185, 193, 194, 201, 204, 207, 208, 210, 212, 251, 253, 255, 257, 258, 259, 260, 262, 264, 268, 269, 280, 316, 321, 341, 342, 364, 396, 435, 436, 582, 629
Бестужев М.А. 104, 105, 106, 149, 255, 391, 435, 436, 443, 445, 448, 453, 477, 511, 582, 595, 600, 629
Бестужев Н.А. 73, 556, 582, 595, 600, 629
Бестужев П.А. 436, 582, 629
Бестужев-Рюмин М.П. 165, 175, 178, 184, 194, 200, 205, 206, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 234, 237, 238, 239, 240, 244, 245, 246, 247, 248, 302, 311, 348, 362, 364, 406, 407, 409, 420, 421, 425, 427, 431, 439, 441, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 511, 544, 545, 563, 567, 582, 621, 622
Бечаснов В.А. 222, 302, 309, 310, 582, 636
Бибииков И.Г. 71, 75, 95, 586, 603, 605, 608
 Бибииков И.М. 568
 Бистром К.И. 280
Бистром Ф.А. 478, 589, 608
 Блудов Д.Н. 15, 374
Бобринский В.А. 584, 622
 Бобринский 608
Бобринцев-Пушкин Н.С. 410, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 515, 567, 582, 608, 622

- Бобринцев-Пушкин П.С.** 410, 508, 515, 582, 622
- Боданов А.И.** 98, 148, 584, 630, 640
- Боданович И.И.** 279, 478, 589, 608, 630
- Богородицкий О.П.** 20, 23, 94, 108, 139, 150, 586, 609
- Богославский, генерал-майор 313, 406
- Богославский 311, 312, 313, 585, 636**
- Богуславский см.: Богославский
- Богучарский В.Я.** 140
- Бодиско Б.А.** 582, 648, 639
- Бодиско М.А.** 283, 284, 582, 648, 639
- Бокова В.М.** 11, 17, 149, 204, 207, 208, 359, 360, 373, 472, 566, 598, 599
- Болдырев А.А. 444
- Боленко К.Г.** 167, 356, 357, 359
- Бологовский Я. 494
- Борисов А.И.** 229, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 371, 420, 547, 548, 582, 635, 636
- Борисов П.И. (Борисов 2-й)** 208, 222, 301, 305, 309, 310, 314, 419, 582, 635, 636
- Боровков А.Д. 15, 24, 25, 27, 32, 33, 38, 46, 49, 56, 66, 75, 82, 123, 131, 140, 143, 146, 154, 158, 224, 227, 236, 239, 244, 245, 252, 257, 259, 262, 281, 289, 307, 311, 320, 339, 340, 342, 347, 351, 355, 371, 374, 375, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 390, 399, 405, 406, 409, 432, 435, 455, 461, 462, 463, 468, 469, 478, 481, 487, 490, 499, 500, 511, 517, 521, 526, 537, 540, 561, 566, 567, 577, 588, 589, 590, 591, 592, 595, 596, 598, 599, 600, 601
- Бортневский В.Г.** 22, 139
- Бошняк А.К.** 57, 357, 622
- Бреверн Ф.Л.** 585, 630
- Брегман А.А.** 385, 528, 549, 569, 571, 601
- Бриген А.Ф.** 76, 77, 96, 211, 410, 434, 527, 559, 566, 573, 582, 592, 607, 609, 620, 630
- Броке А.А.** 105, 149, 435, 584, 641
- Бруннер** 322, 409, 473, 509, 589, 609
- Булатов А.М.** 74, 589, 630
- Булгаков А.Я. 370
- Булгаков К.Я. 370
- Булгакова Л.А.** 566
- Булгари А.Ю.** 584, 622
- Булгари Н.Я.** 66, 360, 582, 622
- Булгари С.Н.** 66, 143, 584, 622
- Булгарин Ф.В. 188, 195, 338, 358, 396, 397, 471, 493, 566
- Бурнашев А.А.** 97, 586, 641
- Бурцов (Бурцев) И.Г.** 19, 76, 77, 78, 83, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 108, 116, 117, 147, 148, 150, 176, 247, 265, 266, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 275, 277, 324, 326, 330, 346, 366, 367, 373, 398, 410, 412, 416, 418, 473, 509, 515, 526, 533, 584, 603, 607, 609, 619, 620
- Бутович И.М.** 587, 622
- Бутурлин Д.П.** 501, 511, 512, 568, 588, 602, 609
- Бухновский** 380, 382, 412, 414, 415, 588, 609
- Быстрицкий А.А.** 363, 423, 440, 583, 636, 642
- Бюхна см.: Волконский С.Г.
- Ваганова Е.** 367
- Вадбольский А.П.** 584, 630, 641
- Вадковский А.Ф.** 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 241, 242, 408, 439, 441, 508, 584, 622
- Вадковский Ф.Ф.** 47, 50, 51, 64, 179, 238, 241, 242, 269, 350, 360, 363, 364, 423, 424, 425, 432, 475, 476, 509, 546, 547, 571, 582, 595, 600, 621, 623
- Васильчиков Н.А.** 584, 623
- Веденяпин Ал.В.** 547, 582, 636
- Веденяпин Ап.В. (Веденяпин 1-й)** 222, 223, 547, 582, 636
- Вейденбаум Е.Г. 146, 360
- Вейс А.Ю. 138
- Великошапков (Великошапки) А.Г.** 89, 586, 609

- Вельяминов И.А. 146
 Вершевская М.В. 141, 361
 Веселовский П.С. 205, 240, 585, 623
 Вигель Ф.Ф. 471
 Вилламов А.Г. 20, 53, 54, 113, 127, 138, 586, 641
 Вилламов Г.И. 38, 53, 54, 142
 Вильманс Ф.А. 584, 623
 Витгенштейн Л.П. 40, 45, 65, 66, 96, 112, 122, 126, 128, 138, 159, 373, 586, 609, 623
 Витгенштейн П.Х. 65, 129, 323, 324, 400
 Вишневецкий Ф.Г. 582, 641
 Воейков А.П. 33
 Воейков А.Ф. 20, 90, 91, 108, 148, 150, 265, 586, 609
 Воейков Н.К. 94, 96, 586, 609
 Воейков Н.П. 90, 147, 213, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 275, 276, 277, 278, 322, 331, 346, 348, 349, 351, 352, 354, 365, 366, 367, 369, 466, 579, 587, 609, 630
 Воейков 615
 Воинов А.Л. 258, 278
 Войнилович А.С. 244, 583, 636
 Волков А.А. 396
 Волков В.Ф. 149, 435, 584, 641
 Волков М.А. 20, 94, 96, 105, 535, 586, 609
 Волконский П.М. 130, 413, 415
 Волконский С.Г. 58, 144, 242, 263, 266, 268, 269, 278, 326, 374, 382, 403, 406, 415, 421, 473, 474, 485, 550, 551, 552, 554, 571, 582, 595, 600, 609, 621, 623
 Вольский Ф.В. 251, 252, 253, 254, 255, 274, 341, 365, 520, 584, 630
 Вольф Ф.Б. 174, 513, 515, 582, 609, 623
 Вольховский В.Д. 19, 21, 22, 41, 78, 79, 80, 81, 85, 110, 111, 115, 123, 130, 137, 138, 145, 150, 152, 273, 434, 497, 509, 586, 603, 609, 630
 Воронец Я.В. 94, 96, 586, 609
 Воронцов М.С. 402, 404, 411, 550
 Врангель Ф.Е. 213, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 258, 332, 341, 348, 352, 354, 361, 406, 504, 517, 568, 587, 623
 Врангель Ф.П. 567
 Враницкий В.И. 221, 240, 407, 408, 409, 516, 582, 623
 Вреде К.Ф. 641
 Всеволожский Н.В. 194
 Выгодский П.Ф. 174, 302, 304, 309, 310, 420, 582, 636
 Высочин А.Д. 223, 517, 584, 636
 Вяземский А.Н. 584, 623, 630
 Вяземский П.А. 7, 208, 210
 Габаев Г.С. 143, 381, 435, 455, 469, 476, 478, 573, 576
 Габбе М.А. 229, 230, 333, 362, 421, 587, 609, 623
 Гагарин А.И. 20, 53, 54, 113, 127, 586, 641
 Гагарин И.А. 54
 Гагарин Ф.Ф. 40, 41, 42, 43, 54, 55, 85, 109, 119, 150, 535, 586, 605, 609
 Гаевский (Геевский) М.С. 549, 552, 553, 554, 588, 609
 Гангеблов А.С. 380, 452, 584, 595, 600, 623
 Гастфрейнд Н.А. 22, 138, 145, 567
 Гвоздев А.Н. 585, 630
 Гебель Г.И. 429
 Гейдахен 418
 Герасимова Ю.И. 413, 473
 Гернет М.Н. 10, 17
 Герцен А.И. 477, 478, 600
 Гершензон М.О. 382, 392, 469, 595, 600
 Глаголева О.Е. 139
 Глебов М.Н. 320, 321, 323, 582, 592, 630
 Глебов 219, 220
 Глинка В.А. 20, 22, 93, 96, 139, 148, 586, 609
 Глинка Ф.Н. 40, 54, 56, 64, 67, 68, 75, 85, 117, 119, 123, 128, 137, 150, 175,

- 326, 338, 380, 406, 411, 412, 487, 495,
548, 549, 584, 593, 597, 603, 606, 607,
609, 617, 618, 619, 620, 630
- Глиноецкий Н.П.* 474
- Гогель И.Г. 230, 362, 371
- Гогель Ф.Г. 429
- Годвин Н.П.* 20, 95, 549, 586, 607, 610
- Годениус Л.Е.* 239, 240, 333, 364, 585,
623
- Годениусы, братья 216
- Голенищев-Кутузов П.В. 51, 295, 309
- Голицын А.М.* 161, 213, 251, 252, 253,
254, 255, 256, 257, 330, 340, 341, 348,
351, 354, 365, 587, 630
- Голицын А.Н. 325, 338, 341, 373
- Голицын В.М.* 91, 148, 250, 252, 255,
259, 341, 365, 518, 520, 521, 582, 610,
623, 630
- Голицын Д.В. 295, 397
- Голицын М.Ф.* 161, 213, 224, 257, 258,
259, 260, 261, 262, 332, 340, 341, 348,
351, 366, 587, 630
- Голицын П.А.* 91, 147, 584, 610, 623
- Голицын* 89, 90, 610
- Головин Е.А. 72, 145
- Головина В.Н. 569
- Головинский П.К.* 585, 636
- Голубцов В.В.* 575
- Гольтгоер (Гольдгоер) А.Ф.* 97, 586, 641
- Горбачевский И.И.* 165, 219, 222, 230,
231, 308, 313, 314, 363, 370, 371, 380,
382, 419, 420, 421, 424, 427, 429, 432,
439, 440, 474, 475, 476, 537, 542, 545,
548, 546, 547, 548, 571, 572, 576, 582,
595, 600, 621, 635, 636
- Гордин Я.А.* 145, 382, 446, 455, 469, 477,
478, 525, 569
- Горленко П.И.* 513, 584, 623
- Горожанский А.С.* 47, 66, 584, 623
- Горский О.В.* 582, 641
- Горсткин И.Н.* 288, 364, 508, 509, 584,
607, 610, 630, 640
- Горчаков В.П. 528
- Горчаков М.Д.* 380, 384, 412, 415, 416,
417, 457, 466, 588, 610
- Гофман О.О. 623
- Граббе П.Х.* 54, 117, 123, 127, 128, 137,
146, 229, 326, 410, 485, 532, 533, 534,
535, 536, 570, 584, 607, 610, 619, 620,
623
- Грабовский М.М. 394, 467
- Градовский* 382, 392, 393, 394, 458, 461,
471, 588, 610
- Грибовский М.К.* 20, 57, 71, 95, 291,
380, 411, 412, 462, 467, 479, 534, 595,
600, 607, 610, 616
- Грибоедов А.С.* 5, 139, 141, 156, 160,
161, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188,
190, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 199,
200, 201, 202, 203, 206, 207, 208, 209,
210, 211, 212, 213, 214, 224, 331, 335,
338, 339, 340, 344, 349, 350, 351, 352,
353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360,
366, 368, 374, 375, 579, 587, 592, 601,
630
- Гришунин А.Л.* 361
- Громитский П.Ф.* 165, 223, 229, 302,
303, 304, 305, 306, 308, 314, 371, 441,
582, 636
- Гротенгельм М.М. 422
- Грохольский Д.* 237, 244, 245, 248, 392,
435, 439, 440, 441, 442, 457, 460, 465,
539, 584, 636, 636
- Гудим И.П.* 284, 285, 368, 454, 455, 584,
641
- Гурко В.И. (В.О.)* 20, 41, 81, 95, 96,
109, 146, 586, 605, 610
- Гурьев Д.А. 522
- Давыдов А.Л. 326, 327
- Давыдов В.Л.* 66, 179, 326, 406, 421,
511, 582, 610, 628, 623
- Давыдов Д.А.* 89, 91, 531, 586, 610
- Давыдов Д.В. 360, 602
- Давыдов Ю.В.* 499, 567
- Дамас, граф 531
- Данзас Б.К.* 161, 213, 287, 288, 291,

- 294, 295, 297, 299, 300, 330, 335, 369, 370, 587, 630, 640
- Демьянович И.Г.** 441, 636
- Депредавич Н.Н.** 19, 452, 584, 623
- Джилыи М.** 589, 617
- Дибич И.И.** 41, 43, 76, 77, 78, 80, 86, 130, 146, 232, 233, 234, 264, 282, 287, 343, 397
- Дибич** 531
- Дивов В.А.** 186, 283, 284, 582, 640, 641
- Дивов П.Г.** 174
- Дирин П.Н.** 141, 476, 477
- Дмитриев-Мамонов (Мамонов) М.А.** 19, 21, 22, 108, 139, 150, 531, 535, 536, 568, 586, 602, 610
- Добринский А.А.** 137, 584, 624
- Долгоруков В.А.** 129
- Долгоруков И.А.** 19, 21, 40, 45, 67, 68, 69, 71, 85, 96, 108, 111, 112, 115, 117, 119, 120, 129, 137, 146, 175, 401, 416, 527, 548, 549, 586, 603, 606, 607, 610
- Доливо-Добровольский А.Ф.** 555
- Драгоманов Я.А.** 304, 475, 585, 636
- Дребуш А.Ф.** 589, 610, 617
- Дружинин Н.М.** 170, 356, 360, 361
- Дубровин Н.Ф.** 142
- Дудинский З.И.** 555
- Думин С.В.** 413, 473
- Дюгамель А.О.** 78, 145
- Ентальцев А.В.** 515, 582, 610, 624
- Ермолов А.П.** 146, 177, 183, 200, 264, 265, 268, 272, 277, 296, 340, 349, 350, 466, 531
- Ефимов** 557, 564, 588
- Ефимович (Яфимович) Г.И.** 385, 412, 432, 433, 434, 588, 610
- Жандр А.А.** 31, 187, 321, 358
- Жебровский Ф.А.** 309, 310, 584, 636
- Жегалов** 441
- Жемчужников А.А.** 585, 610, 631
- Жеребцов С.Н.** 21, 52, 53, 113, 115, 122, 123, 131, 586, 631
- Житков С.А.** 624
- Житомирская С.В.** 385, 432, 433, 601
- Жуков И.П.** 237, 238, 239, 240, 584, 624
- Жуков Н.П.** 93, 96, 404, 586, 610, 618
- Жуковская Т.Н.** 598, 599
- Жуковский В.А.** 140, 210
- Завалишин Д.И.** 54, 128, 137, 156, 181, 186, 188, 191, 201, 255, 355, 357, 358, 582, 595, 631
- Загорецкий Н.А.** 513, 515, 582, 624
- Задонский Н.А.** 272, 367, 470, 474
- Заикин Н.Ф.** 513, 582, 624
- Заикин Ф.Ф.** 586, 624
- Зайончковский П.А.** 574
- Закревский А.А.** 474
- Зальца В.И.** 456, 478
- Зарецкий П.А.** 585, 636
- Зубков В.П.** 161, 174, 213, 270, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 330, 344, 345, 348, 357, 369, 370, 587, 631, 640
- Зубов В.Я.** 436
- Зыков Д.П.** 254, 274, 365, 518, 519, 520, 521, 568, 584, 631
- Иванов И.И.** 145, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 371, 420, 547, 582, 635, 636
- Ивановский А.А.** 338, 339, 351, 358, 374
- Ивановский, профессор** 568
- Иванчин-Писарев (Писарев) А.М.** 584, 640
- Ивашев В.П.** 96, 323, 372, 418, 582, 590, 610, 624
- Игнатъев П.Н.** 391, 447, 477, 600
- Игнатъев** 400, 610
- Игнатъев** 610
- Игнатъевы, братья** 548, 549
- Ильин П.В.** 17, 138, 139, 143, 151, 365,

- 366, 371, 372, 374, 468, 469, 472, 473, 476, 477, 566, 567, 569, 570, 572, 598, 599, 600
- Ильинский А.И. 309
Ильинский Г.А. 309
- Ильинский Я.А.** 309, 310, 333, 370, 587, 637
- Искрицкий Д.А.** 449, 450, 451, 452, 453, 454, 584, 617, 619, 631
- Исленьев А.М.** 84, 213, 326, 327, 328, 374, 587, 610
- Исленьев Н.М.** 84, 213, 326, 327, 328, 374, 587, 611
- Кавелин А.А.** 20, 41, 75, 83, 85, 95, 108, 109, 137, 146, 150, 548, 549, 586, 607, 611
- Кавелин (И.А.?)** 549, 561, 588, 611
- Кавелины, братья 548, 549
- Каверин П.П.** 20, 89, 91, 509, 586, 602, 607, 611
- Казин Н.Г. 555
- Калантырская И.С. 138
- Кальм Ф.Г.** 39, 43, 56, 57, 58, 85, 109, 116, 137, 146, 150, 418, 474, 515, 553, 586, 611, 624
- Каменский** 241, 242, 333, 348, 350, 587, 624
- Канчиялов Е (Г.).А.** 243, 589, 624
- Капелюш Б.Н. 600.
- Капнист А.В.** 93, 94, 175, 192, 404, 405, 406, 442, 544, 584, 611, 618, 619, 624
- Капнист С.В.** 20, 94, 96, 404, 586, 611, 618, 619
- Каратыгин В.А. 494
- Каратыгин П.А. 494, 556, 557, 566, 576, 595, 600
- Каратыгины, братья 494, 556
- Караш Н.Ф.** 415, 600
- Карнаухова М.Г.** 382, 469, 598
- Карпов К. 539
- Катенин А.А.** 494, 495, 496, 559, 560, 564, 565, 566, 588, 618
- Катенин П.А.** 20, 22, 89, 137, 139, 147, 356, 494, 495, 496, 566, 586, 603, 605, 606, 611
- Каховский П.Г.** 52, 90, 92, 165, 168, 178, 321, 508, 509, 582, 631
- Кашкин С.Н.** 294, 297, 298, 364, 369, 520, 584, 611, 631, 640
- Кашкины 520
- Кейзер Д.Ф.** 381, 585, 643
- Кильхен 441
- Киреев И.В.** 303, 304, 306, 307, 309, 310, 547, 582, 637
- Киселев И.П.** 555, 556, 559, 560, 588, 641
- Киселев П.Д. 83, 177, 266, 350, 415, 421, 488, 513
- Киселевич** 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 333, 370, 371, 587, 637
- Киянская О.И.** 244, 247, 353, 362, 364, 375, 470, 477, 487, 542, 543, 544, 565, 571, 595, 600
- Клейн Л.Д. 510, 567
- Клейн 324, 474
- Ковалева Т.В. 570
- Коваленская Н.Н. 138
- Ковальский Ф.Ф.** 441, 637
- Кожевников А.Л.** 52, 584, 631
- Кожевников Н.П.** 279, 280, 281, 282, 283, 285, 286, 582, 631
- Козьмин Б.П. 355
- Колесников В.П. 140, 369
- Кологривов А.Л.** 584, 624
- Колокольцев Г.Д.** 584, 631
- Колончаков Н.А.** 20, 63, 114, 586, 642
- Колошин Павел И.** 76, 117, 270, 272, 287, 288, 289, 293, 297, 326, 367, 369, 370, 548, 584, 590, 604, 607, 611, 631, 640
- Колошин Петр И.** 20, 22, 37, 44, 45, 46, 85, 108, 109, 117, 127, 137, 138, 142, 150, 151, 247, 270, 326, 369, 416, 509, 548, 586, 604, 606, 607, 611
- Комар Т.В. 145

- Комарницкая Ж.О.* 138
- Комаров Н.И.** 20, 21, 43, 56, 58, 65, 70, 71, 78, 83, 84, 89, 95, 110, 116, 117, 145, 146, 165, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 373, 374, 418, 509, 526, 550, 551, 552, 553, 554, 586, 607, 611
- Кондырев В.Я.** 381, 583, 643
- Кони А.Ф. 369
- Коновницын И.П.** 52, 53, 150, 452, 585, 594, 631, 642
- Коновницын П.П.** 52, 452, 582, 631
- Кононов А.А. 469
- Констан Б. 50, 51
- Константин Николаевич, великий князь 474
- Константин Павлович, великий князь 63, 70, 97, 101, 122, 125, 140, 150, 151, 210, 281, 309, 314, 315, 335, 336, 363, 371, 429, 435, 438, 443, 444, 445, 448, 513, 557
- Копылов Г.И.** 94, 96, 148, 527, 534, 586, 611, 620
- Коржов С.Н. 142, 566
- Корнилов А.А.** 38, 105, 106, 107, 114, 149, 498, 586, 641
- Корнилович А.О.** 90, 92, 190, 270, 410, 582, 624
- Королева Н.В. 600
- Корсаков М.М.** 585, 631
- Корсакова В. 569
- Корф М.А. 446, 449, 453, 456, 478, 595, 600
- Корф Ф.И.** 89, 586, 611, 617
- Костыра** 585, 637
- Косяков Д. 447
- Котляревский Н.А. 360
- Кочубей С.М. 33
- Кошелев С. 539
- Кошкуль П.И.** 95, 549, 586, 607, 611
- Красницкий Н.О.** 585, 637
- Краснокутский С.Г.** 90, 92, 323, 582, 590, 611, 624
- Красносельские, братья 141
- Креницын А.Н. 441
- Креницын В.Н.** 285, 286, 334, 587, 631, 641
- Креницын Н.Н.** 285, 286, 334, 587, 631, 641
- Креницын П.Н. 33, 139
- Креницыны В.Н. и Н.Н., братья 368
- Кривоцов С.И.** 48, 508, 582, 624
- Криднер П.А.** 228, 333, 587, 624
- Криницын см.: Креницын
- Критские, братья 140, 369
- Кропотов Д.А.** 22, 138
- Крупеников А.Н.** 382, 426, 440, 441, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 558, 560, 562, 564, 571, 588, 637
- Крупеников Н.Н. 543
- Крупников см.: Крупеников А.Н.
- Крюков А.А.** 323, 515, 582, 590, 611, 624
- Крюков Н.А.** 154, 322, 373, 410, 513, 514, 515, 582, 590, 611, 624
- Крюков Н.П.** 161, 213, 270, 320, 321, 322, 323, 330, 348, 366, 372, 373, 579, 587, 611
- Кудашев М.Ф.** 105, 149, 436, 585, 641
- Кузмин см.: Кузьмин А.Д.
- Кузнецова Э.В. 138
- Кузьмин А.Д.** 238, 244, 311, 313, 314, 439, 440, 441, 478, 538, 540, 542, 545, 589, 637
- Куликовский К.О.** 74, 115, 586, 641
- Кунин В.В. 567
- Курилкин А.Р. 472
- Кутузов Н.И.** 20, 23, 40, 41, 43, 55, 56, 109, 119, 123, 127, 128, 137, 139, 143, 175, 404, 405, 406, 586, 611, 617, 619
- Кушелев А.С.** 105, 106, 107, 114, 149, 436, 586, 641
- Кюхельбекер В.К.** 208, 499, 582, 611, 631
- Кюхельбекер М.К.** 391, 437, 554, 555, 556, 582, 631, 642
- Лабзина А.Е. 569
- Лавров Н.Ф.** 476

- Лазницкий 420
Ланда С.С. 474
Ланжерон А.Ф. 414
Ланской В.С. 388
Ланской С.С. 380, 384, 412, 413, 414, 458, 459, 465, 466, 473, 579, 588, 611
Лапта М.Д. 274, 583, 617, 631
Лаптев Д.А. 612, 631
Лаферронэ П.-Л. 24
Лачинов Е.Е. 271, 513, 514, 516, 584, 624
Лашкевич (С.Н.?) 381, 382, 391, 435, 436, 457, 460, 461, 477, 588, 642
Лебедев А.А. 381
Лебедев А.А. 356, 361
Левашев В.В. 40, 47, 50, 52, 55, 65, 72, 76, 89, 93, 150, 185, 186, 193, 220, 225, 226, 257, 258, 264, 267, 277, 289, 290, 291, 296, 303, 320, 358, 373, 520, 523, 561
Левенталь Ф.К. 161, 213, 225, 226, 227, 228, 333, 341, 353, 362, 375, 587, 624
Левенштерн И.И. 161, 625
Левин Ф.И. 85, 95, 587, 607, 612
Левин Ю.Д. 510, 567
Лейченко 441
Лекень 441
Лелякин Г.Г. 585, 642
Леман П.М. 243, 274, 515, 585, 625
Лермантов Д.Н. (Лермонтов 2-й) 21, 38, 39, 62, 114, 438, 586, 642
Лермантов (Лермонтов) М.Н. 438, 555
Лермонтов М.Ю. 474
Летохин Н.П. 93, 96, 404, 587, 612, 619
Ливен Ал. К. 259
Ливен Ан. К. 256, 259, 262, 331, 341, 365, 587, 631
Ливен Ш.К. 341
Липранди И.П. 84, 161, 213, 323, 327, 328, 329, 353, 358, 366, 373, 374, 400, 471, 527, 528, 550, 551, 553, 554, 570, 575, 587, 612
Липранди П.П. 327, 374, 490, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 563, 565, 588, 612
Липранди, братья 327, 551
Лисовский Н.Ф. 229, 302, 303, 304, 305, 308, 371, 420, 441, 583, 637
Литке А.П. 141, 382, 391, 435, 436, 437, 458, 588, 642
Литке Ф.П. 380, 384, 391, 412, 415, 418, 437, 457, 458, 466, 474, 477, 478, 504, 588, 612, 632
Лихарев В.Н. 406, 583, 625
Лишин 526, 527, 553, 564, 589, 612
Логинов И.И. 392, 404, 405, 406, 461, 472, 588, 612, 619
Лопухин П.В. 63, 130, 151
Лопухин П.П. 21, 38, 44, 63, 64, 65, 85, 89, 108, 110, 111, 116, 117, 119, 120, 129, 137, 150, 175, 181, 416, 511, 527, 586, 603, 604, 606, 607, 612, 632
Лорер Н.И. 179, 266, 267, 268, 269, 270, 273, 274, 275, 276, 277, 346, 366, 367, 515, 583, 595, 600, 612, 625, 632
Лосев Н.Ф. 240, 333, 364, 585, 625
Лотман Ю.М. 22, 139, 565, 568
Лушин И.Д. 213, 262, 263, 331, 587, 625
Лукашевич В.Л. 89, 148, 585, 612
Лукин К.Д. 20, 53, 586, 642
Лушин М.С. 67, 124, 125, 143, 155, 198, 583, 590, 604, 607, 612, 629, 632
Лутковский Ф.С. 417, 474, 499, 585
Львов А.Ф. 141, 143, 151, 283, 285, 361, 367, 368
Львов В.Ф. 283, 284, 331, 349, 587, 641
Львов И.Ф. 151, 213, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 330, 335, 341, 343, 349, 351, 367, 368, 579, 587, 632
Львов Ф.П. 279
Львовы, братья 284, 285, 340, 351, 367, 368
Любавский И.М. 393, 394, 458, 461, 588, 612
Любимов Р.В. 150, 186, 187, 188, 189, 192, 357, 359, 585, 612

- Люблинский П.И. 140, 581
 Люблинский Ю.К. 175, 302, 420, 583, 635, 637
 Любовский см.: Любавский И.М.
 Лялин Т.К. 555
- Магавли, граф 370
 Маевский К.К. 381, 476, 583, 643
 Майборода А.И. 57, 58, 67, 83, 146, 357, 515, 625
 Макаров В.Б. 366, 367, 473
 Малиновский А.В. 53, 150, 585, 632, 642
 Малиновский И.В. 138
 Малютин М.П. 280, 585, 594, 632, 642
 Малявин 545
 Мамонов см.: Дмитриев-Мамонов М.А.
 Манзей К. 471
 Мансуров А.М. 506, 507, 508, 509, 510, 513, 560, 565, 567, 579, 589, 612
 Мария Федоровна, императрица 54, 140, 315, 341, 413
 Маркович В.М. 361
 Мармон О.Ф.Л. 127
 Мартынов А. 176, 568, 586, 625
 Мартынов П.П. 367
 Масальский-Сурин Д.А. 472
 Матюшкин Ф.Ф. 483, 490, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 561, 563, 565, 566, 579, 589, 632
 Мачульский Е.Н. 364
 Медведская Л.А. 353, 362, 375
 Меер см.: Мейер А.М.
 Мейер А.М. 380, 414, 415, 474, 588, 612
 Мейер Н.В. 474
 Меллин Н.Р. 33
 Менгден М.А. 243, 333, 587, 625
 Меншиков А.С. 512, 602
 Мерлиний (Мерлини), полковник 400
 Мещерский А.П. 381, 583, 643
 Мещеряков В.П. 375
 Миклашевский А.М. 404, 585, 612, 618, 619, 620
- Миллер К.П. 213, 285, 286, 368, 587, 641
 Миллер П.Ф. 27, 38, 39, 62, 114, 437, 586, 642
 Милорадович М.А. 244, 350, 559
 Миркович А.Я. 20, 41, 76, 77, 96, 109, 137, 549, 587, 607, 612
 Мироненко М.П. 601
 Мироненко С.В. 138, 374, 377, 378, 383, 468, 469, 528, 568, 569, 591, 602, 600, 601
 Миронова И.А. 17, 172, 197, 356, 359
 Митьков М.Ф. 77, 79, 80, 143, 148, 315, 316, 317, 318, 319, 372, 583, 612, 620, 632, 635
 Михаил Павлович, великий князь 40, 68, 69, 71, 82, 106, 125, 129, 251, 338, 351, 444, 445, 446, 519, 529, 548, 555
 Модзалевский Б.Л. 320, 372, 377, 378, 381, 435, 455, 468, 469, 591, 598, 599
 Модзалевский В.Л. 436, 477
 Мозалевский А.Е. 231, 235, 238, 363, 381, 423, 426, 427, 439, 440, 441, 476, 537, 538, 539, 540, 542, 543, 545, 564, 583, 637, 643
 Мозгалевский Н.О. 314, 420, 441, 583, 637
 Мозган П.Д. 304, 420, 583, 637
 Моллер А.В. 127
 Моллер А.Ф. 20, 72, 73, 74, 98, 113, 115, 122, 127, 137, 274, 276, 587, 632
 Молчанов Д.А. 161, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 332, 335, 341, 348, 352, 363, 364, 408, 442, 587, 625
 Мордвинов Н.С. 177, 284, 285, 350, 368
 Мореншильд А.И. 97, 587, 641
 Мореншильд Ф.Б. 97, 587, 641
 Муравьев А.М. 48, 274, 583, 625, 632
 Муравьев А.Н. 43, 60, 87, 88, 92, 95, 108, 116, 247, 271, 272, 276, 321, 322, 372, 393, 410, 413, 414, 416, 434, 465, 473, 509, 531, 534, 536, 548, 583, 603, 604, 605, 606, 607, 612
 Муравьев Ал. 3. 215, 421, 422, 427, 431

- Муравьев Арт.** 3, 55, 85, 96, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 406, 421, 422, 423, 425, 427, 431, 488, 545, 546, 547, 583, 604, 605, 606, 612, 625
- Муравьев М.Н.** 21, 22, 39, 40, 43, 60, 61, 76, 85, 110, 116, 117, 119, 123, 135, 137, 138, 141, 146, 247, 410, 412, 466, 473, 531, 586, 604, 606, 607, 612, 620
- Муравьев Н.М.** 64, 67, 69, 76, 79, 90, 91, 95, 111, 116, 165, 170, 247, 252, 266, 267, 268, 270, 273, 275, 276, 280, 321, 322, 346, 401, 402, 412, 416, 417, 434, 472, 473, 474, 496, 518, 533, 548, 549, 583, 603, 604, 605, 606, 607, 613, 621, 628, 629, 632
- Муравьев Н.Н.** 87, 271, 272, 276, 277, 367, 372, 380, 384, 412, 416, 465, 466, 470, 474, 588, 606, 613
- Муравьев Н.Н. (старший) 275, 372, 409
- Муравьев-Апостол И.И.** 479, 589, 625, 632
- Муравьев-Апостол М.И.** 48, 66, 77, 79, 95, 116, 141, 178, 206, 217, 218, 219, 220, 225, 226, 228, 229, 233, 237, 241, 242, 247, 252, 348, 350, 362, 401, 402, 403, 422, 423, 424, 425, 432, 466, 472, 475, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 512, 537, 542, 543, 546, 583, 595, 600, 603, 604, 606, 607, 613, 625
- Муравьев-Апостол С.И.** 67, 69, 116, 165, 168, 178, 200, 204, 205, 211, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 240, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 304, 325, 332, 349, 357, 362, 363, 364, 375, 401, 403, 406, 407, 408, 422, 423, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 434, 441, 442, 443, 444, 466, 467, 476, 488, 512, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 564, 583, 603, 604, 606, 607, 613, 621, 625
- Муромцев М.М.** 471, 490, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 558, 561, 570, 573, 576, 589, 595, 600, 620
- Муромцев П.М. 532
- Мусин-Пушкин В.А.** 270, 370, 437, 585, 632
- Мусин-Пушкин Э.С.** 583, 640, 642
- Муханов П.А.** 174, 270, 276, 315, 316, 317, 318, 319, 322, 334, 356, 369, 370, 372, 410, 583, 613, 625
- Мухина С.Л.** 382, 385, 386, 395, 396, 470, 471, 566, 595, 601
- Мясоедова Н.Е.** 22, 139, 145
- Набоков И.А. 430
- Набоков П.А.** 362, 408, 412, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 430, 431, 432, 457, 463, 466, 472, 476, 579, 588, 625
- Назимов М.А.** 54, 80, 127, 128, 274, 583, 632
- Нарышкин А.К.** 367
- Нарышкин М.М.** 79, 80, 211, 267, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 288, 317, 322, 366, 367, 370, 404, 405, 434, 583, 607, 613, 618, 619, 620, 632, 635, 640
- Насакен Г.Г.** 97, 587, 641
- Насакен Я.Г.** 97, 98, 587, 641
- Нацокин Д.А.** 205, 206, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 333, 348, 360, 517, 547, 585, 625
- Невелев Г.А.** 102, 139, 601
- Невенгловский А.С.** 585, 637
- Неелов А.Д. 444
- Нейгардт см.: Нейдгардт А.И.
- Нейдгардт А.И. 532, 534
- Нелединский-Мелецкий (Нелединский) С.Ю.** 314, 315, 316, 317, 318, 319, 334, 335, 340, 351, 372, 587, 613, 620
- Нелединский-Мелецкий Ю.А. 314
- Немирович-Данченко Е.П.** 404, 589, 617, 619
- Немировский И.В.** 553, 565, 569, 575, 576
- Непенин А.Г.** 57, 146, 150, 323, 397, 398, 418, 526, 527, 530, 552, 553, 585, 613

- Нечаев С.Д.** 380, 382, 384, 385, 393, 396, 397, 458, 465, 466, 469, 470, 471, 493, 494, 566, 588, 595, 601, 607, 613
- Нечкина М.В.** 9, 17, 139, 144, 159, 160, 163, 164, 165, 183, 184, 185, 186, 190, 193, 195, 197, 198, 199, 200, 202, 210, 211, 212, 338, 340, 342, 353, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 367, 374, 375, 382, 386, 399, 416, 420, 421, 469, 470, 471, 474, 475, 476, 515, 516, 547, 565, 568, 569, 571, 595, 602, 600, 601, 618
- Никифораки (Никифоров)** 545, 546, 547, 561, 568, 589, 625
- Никифоровы, братья 546, 547
- Николай I, император 15, 17, 21, 25, 32, 43, 45, 46, 47, 50, 51, 58, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 83, 86, 93, 105, 107, 120, 125, 127, 128, 129, 136, 139, 140, 142, 145, 146, 150, 151, 159, 177, 227, 281, 282, 283, 286, 287, 289, 291, 321, 326, 335, 336, 338, 340, 341, 342, 350, 357, 366, 367, 368, 388, 389, 413, 417, 420, 443, 444, 446, 448, 455, 459, 464, 473, 477, 478, 525, 529, 549, 559, 562, 564, 576, 577, 600, 642
- Николай Павлович, великий князь см.: Николай I
- Новиков М.Н.** 549, 589, 602, 604, 607, 613
- Новицкий** 223, 517, 564, 589
- Норов В.С.** 238, 583, 613, 620, 625, 632
- Нумерс А.Ф.** 97, 587, 641
- Оболенские, братья 520
- Оболенский Е.П.** 46, 48, 52, 53, 55, 59, 73, 76, 79, 88, 90, 91, 93, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 115, 143, 147, 149, 151, 165, 178, 184, 185, 194, 200, 201, 203, 208, 212, 252, 255, 256, 258, 259, 260, 262, 266, 267, 269, 270, 273, 274, 275, 276, 277, 280, 281, 282, 289, 296, 297, 342, 346, 365, 366, 367, 404, 405, 437, 448, 451, 453, 495, 497, 518, 519, 520, 521, 522, 583, 590, 592, 604, 613, 617, 618, 619, 620, 629, 632, 640
- Оболенский К.П.** 585, 604, 613, 632, 640
- Обручев В.А.** 380, 412, 415, 417, 588, 613
- Огарев Н.П. 10, 477, 478, 600
- Одинцов Г.И. 637
- Одоевский А.И.** 46, 47, 48, 183, 184, 191, 207, 257, 258, 259, 260, 262, 263, 280, 499, 583, 632
- Оксман Ю.Г.** 22, 139, 425, 428, 430, 438, 470, 475, 541, 546, 553, 572
- Окулов (Акулов) Н.П.** 583, 640, 642
- Оленин А.А.** 20, 89, 402, 587, 613
- Оленин А.Н. 401, 472
- Оленина В.А. 129, 151
- Оленина Е.М. 401
- Оленины 401, 402
- Ольдекоп К.Ф. 231, 232
- Ольховский Е.Р.** 139
- Ольшевский** 585, 637
- Ореус И.И.** 449, 478
- Оржицкий Н.Н.** 374, 583, 592, 632, 641
- Орлик О.В. 145
- Орлов А.Ф. 51, 128, 365
- Орлов М.Ф.** 19, 56, 57, 63, 117, 128, 273, 316, 325, 327, 374, 375, 380, 401, 421, 476, 511, 512, 526, 527, 530, 549, 550, 552, 553, 565, 568, 569, 585, 602, 604, 607, 613
- Осипов В.О.** 470
- Остен К.Ф. 441
- Остен-Сакен Ф.В. 85, 222, 232, 235, 236, 311, 371, 428, 429, 432, 540
- Островский Л.** 585, 637
- Осьмакова Н.И.** 367
- Охотников К.А.** 90, 401, 526, 527, 528, 529, 530, 535, 550, 551, 552, 553, 554, 563, 572, 589, 607, 613, 619, 620
- Очкин А.Н. 33, 321
- Очкин П.Н. 33, 321
- Павлов П.В. 33
- Павлова В.П.** 356, 476, 601

- Павлова Л.Я. 375, 527, 565, 569
Павлюченко Э.А. 472
Палицын С.М. 320, 321, 323, 373, 452, 585, 633
Пальчиков В.П. 370
Панин Н.И. 416
Панкратьев Ф.П. 96, 587, 613
Папов Н.А. 52, 74, 456, 472, 583, 633
Панченко 441
Панчулидзева С.А. 472
Панютин Н.С. 392, 407, 408, 409, 431, 457, 466, 472, 517, 579, 626
Панютин Ф.С. 407, 409, 431, 457, 466, 472, 517, 579, 588, 626
Пасецкий В.М. 567
Паскевич И.Ф. 339, 340, 352
Паскевич М.Н. 205, 240, 360, 585, 626
Пассек П.П. 575, 589, 613, 620
Пассек Т.П. 548
Перетц Г.А. 151, 450, 451, 453, 585, 617
Перовский В.А. 20, 41, 55, 75, 83, 95, 108, 109, 146, 150, 587, 606, 613
Перовский Л.А. 20, 41, 76, 85, 93, 95, 108, 109, 150, 587, 606, 614
Пестель В.И. 20, 94, 95, 108, 148, 150, 587, 604, 614, 626
Пестель П.И. 20, 48, 58, 67, 69, 79, 86, 89, 90, 91, 92, 95, 96, 109, 111, 116, 123, 124, 146, 147, 150, 151, 154, 165, 166, 168, 179, 182, 205, 208, 218, 225, 226, 242, 264, 266, 269, 273, 274, 324, 325, 326, 328, 348, 357, 360, 399, 400, 401, 403, 406, 418, 421, 471, 488, 511, 512, 515, 516, 548, 565, 568, 583, 603, 604, 607, 614, 621, 626
Пестов А.С. 222, 223, 302, 406, 517, 583, 621, 637
Пестриков Н.С. 149, 435, 476, 477
Петин В.Н. 244, 439, 583, 637, 643
Петр I, император 37
Петровский Л.П. 379, 382, 469, 601
Петрулин В.В. 382, 392, 399
Петрулин Я.В. 400, 461, 462, 589, 604
Пиксанов Н.К. 161, 353, 356, 360
Плещеев А.А. (старший) 341
Плещеев Александр А. 141, 161, 213, 224, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 331, 340, 341, 342, 343, 348, 351, 352, 365, 588, 633
Плещеев Алексей А. 258, 262, 342, 365, 626
Повало-Швейковский (Швейковский) И.С. 222, 229, 241, 326, 362, 406, 423, 424, 425, 428, 431, 441, 488, 545, 583, 626
Поджио А.В. 79, 80, 91, 143, 147, 165, 167, 169, 238, 239, 274, 356, 406, 518, 519, 520, 521, 522, 568, 583, 614, 626, 633
Поджио И.В. 165, 238, 583, 626
Поздеев С. 585, 626
Полевой Н.А. 396
Поливанов И.Ю. 66, 583, 626
Полиньяк И.И. 626
Полторацкий А.П. 89, 94, 587, 604, 614
Полторацкий К.М. 392, 401, 402, 403, 457, 461, 462, 467, 579, 588, 614
Понятовский 370
Порох В.И. 372, 601
Порох И.В. 372, 473, 535, 570, 600, 601
Порохов Н. 472
Порохов 392, 406, 461, 588, 614
Потапов А.Н. 26, 130, 277
Потемкин 467
Предтеченский А.В. 359
Пресняков А.Е. 143, 381, 455, 469, 478
Пржевальинский 476
Прижевский 380, 392, 410, 411, 412, 457, 461, 462, 579, 588, 614
Приклонский Н.М. 94, 587, 614
Приклонский П.Г. 420
Прокофьев П. 538
Проскура К. 33
Проскура С.О. 33
Прянишников П.Д. 585, 642
Пугачев В.В. 565
Пугачев Е.И. 36

- Пузин 33
Пуятта Н.В. 373, 585, 614, 633
 Пуятта С.А. 461
 Пушкин А. 602
 Пушкин А.С. 7, 17, 19, 20, 138, 139, 145, 357, 474, 478, 505, 510, 565, 566, 570, 572, 601
Пушкина В.А. 17, 365, 366, 371, 372, 383, 469, 472, 473, 476, 477, 566, 567, 569, 570, 572, 590, 592, 598
Пуцин А.П. 382, 442, 456, 458, 478, 588, 642
Пуцин И.И. 46, 53, 59, 80, 90, 91, 92, 99, 102, 103, 110, 143, 148, 151, 154, 155, 176, 178, 198, 255, 256, 269, 274, 280, 287, 288, 289, 291, 293, 296, 297, 299, 300, 326, 357, 367, 369, 370, 448, 478, 497, 498, 501, 503, 505, 563, 566, 583, 590, 595, 601, 604, 614, 629, 633, 635, 640
Пуцин М.И. 46, 48, 151, 176, 357, 443, 452, 478, 583, 595, 601, 633, 641
Пуцин П.С. 20, 22, 85, 86, 139, 326, 527, 552, 587, 614
Пфейлицер-Франк (Франк) Е.Е. 192, 205, 214, 216, 217, 240, 546, 585, 626
Пыхачев М.И. 205, 206, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 333, 348, 406, 517, 585, 626
Пятин 385, 412, 419, 588, 614
- Радич Я.И. 550
 Радонич 461
 Раевские А.Н. и Н.Н. (младший), братья 181, 182, 345, 357
 Раевские В.Ф. и Г.Ф., братья 140, 369
Раевский В.Ф. 56, 57, 323, 326, 374, 385, 398, 419, 470, 471, 474, 509, 526, 527, 528, 529, 531, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 558, 560, 562, 563, 569, 571, 572, 584, 593, 595, 601, 614
 Раевский Г.Ф. 461, 529
 Раевский Н.Н. (старший) 421
Раич С.Е. 20, 89, 373, 587, 614
- Ракуза И.К.** 311, 312, 313, 391, 435, 439, 440, 441, 442, 457, 460, 465, 584, 637, 643
 Рахманинова Х.Д. 521, 522
Рахманов 614
 Рахматуллин М.А. 598
Рачинский А.А. 408, 585, 626
 Реад А.А. 411
Реад Е.А. 380, 411, 412, 457, 461, 462, 473, 588, 614
Реад Н.А. 380, 411, 412, 457, 461, 462, 473, 614
 Ребров А.Ф. 360
 Рейтблат А.И. 471
 Ренненкампф К.П. 364
Ренненкампф П.Я. 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 332, 335, 349, 353, 364, 441, 442, 544, 588, 626
Репин Н.П. 96, 98, 100, 102, 103, 148, 583, 626, 628, 633
Римский-Корсаков В.А. 91, 587, 614
Римский-Корсаков Г.А. 20, 91, 367, 587, 614
Ринкевич А.Е. 257, 259, 313, 443, 585, 626, 633
Рихард А. (Рихард 4-й) 311, 312, 313, 348, 588, 637
Рихард А.О. (Рихард 1-й) 311, 348, 441, 588, 638
Рихард Н.О. (Рихард 2-й) 311, 348, 441, 588, 638
 Рихарды см.: Рихард А., Рихард А.О., Рихард Н.О.
Розен А.Е. 22, 38, 72, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 113, 138, 141, 148, 149, 449, 450, 453, 478, 583, 594, 595, 601, 633, 642
Розен 311, 348, 441, 588, 638
Романов В.П. 585, 633
 Ронов А.Н. 175, 617
Рославлев А.П. 239, 240, 333, 364, 585, 626
Ростовцев И.И. 94, 96, 587, 614

- Ростовцев Я.И.** 103, 188, 208, 279, 280, 281, 282, 338, 352, 452, 473, 522, 523, 524, 525, 559, 562, 564, 633
- Рот Л.О. 222, 231, 232, 233, 236, 428, 439
- Руге Е.В.** 146, 150, 585, 614
- Рудницкая Е.Л. 455, 600
- Руммель В.В. 571
- Русанов П.И. 33
- Рыбаковский В.Н.** 583, 643
- Рылеев К.Ф.** 46, 52, 79, 90, 92, 97, 99, 103, 104, 139, 148, 165, 178, 183, 184, 185, 193, 194, 200, 201, 202, 204, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 252, 269, 280, 316, 321, 331, 337, 338, 357, 359, 360, 396, 448, 452, 455, 497, 498, 499, 504, 505, 522, 523, 524, 563, 583, 592, 600, 629, 633
- Рынкевич И.В.** 360, 509, 513, 586, 626
- Сабанеев И.В. 327, 549, 550, 551
- Сабанеева Е.А. 569
- Сабенникова И.В. 17
- Саблин В.М. 140
- Сабуров А.И.** 585, 591, 614, 627
- Садиков П.А. 550, 551, 565, 571
- Сакен см.: Остен-Сакен Ф.В.
- Самовер Н.В.** 167, 356, 357, 359
- Сапожников А.П.** 522, 523, 524, 525, 559, 560, 561, 562, 564, 589, 633
- Сафонов М.М. 525, 569
- Свечин Е.В. 33, 140, 141
- Сви́ньин П.П.** 585, 627
- Сви́тунов П.Н.** 38, 47, 51, 64, 65, 66, 142, 151, 198, 450, 452, 453, 478, 583, 595, 621, 627
- Свободской Ф.М.** 21, 86, 399, 587, 591, 604, 614
- Сей Ж.-Б. 293
- Селифонтов Н.Н. 478
- Семевский В.И.** 534, 565, 568, 600, 601
- Семевский М.И.** 445, 601
- Семенов А.В.** 23, 40, 43, 59, 60, 61, 110, 115, 123, 128, 136, 137, 139, 140, 141, 143, 151, 224, 367, 370, 509, 548, 586, 591, 606, 607, 614, 618, 619, 633, 640
- Семенов Н.П. 473
- Семенов П.Н.** 22, 96, 473, 508, 587, 614
- Семенов П.П. (Семенов-Тяньшанский) 473
- Семенов С.М.** 117, 167, 190, 192, 294, 297, 315, 316, 317, 318, 319, 369, 495, 535, 548, 585, 606, 607, 615, 617, 618, 619, 620, 633, 635, 640
- Семенов С.Я. 555
- Семенов 513, 514, 564, 589, 627**
- Семенова А.В.** 23, 71, 138, 139, 142, 143, 144, 357, 358, 361, 369, 404, 472, 473, 570
- Семи́нькевич 526, 553, 589, 615**
- Семичев Н.Н.** 205, 214, 216, 217, 240, 545, 546, 585, 627
- Семчевский 441
- Сенявин Л.** 238, 239, 333, 341, 348, 352, 363, 364, 408, 588, 627
- Сенявин Л.Г. 363
- Сенявин Н.Д.** 175, 585, 617
- Сергеевский Н.Д.** 141
- Серков А.И.** 393, 471, 473, 599
- Сиверс А.А.** 377, 378, 381, 435, 455, 468, 469, 568, 591, 598, 599
- Сизиневский В.О.** 381, 440, 583, 643
- Синявин см.: Сенявин Л.
- Сисмонди Ж.Ш.Л. 293
- Скалон А.А.** 89, 615
- Скальмировский И.** 310, 370, 585, 638
- Скармировский см.: Скальмировский И.
- Скарятин Г.Я. 31
- Скарятин Ф.Я.** 146, 585, 627
- Скрутковский С.К.** 144
- Скуратов А.П.** 521, 589, 633
- Скуратов Д.П.** 518, 519, 520, 521, 522, 560, 565, 569, 589, 633
- Скуратовы, братья 520, 521, 564
- Смирнов Д.А. 187, 358
- Смирнов Я.С.** 476

- Соколовский М.К. 472
 Сокольский Л.А. 600
Соловьев В.Н. 244, 363, 422, 423, 427, 439, 442, 545, 583, 638
 Соловьев Я.А. 412, 413, 459, 473, 478, 595, 601
 Солодкин И.И. 17
 Сомов О.М. 27, 31, 33, 41, 141
 Сотников, капитан 243, 244
 Софронов А. 539
 Сперанский М.М. 177, 350
Спиридов М.М. 205, 229, 301, 302, 303, 305, 308, 310, 314, 543, 544, 545, 557, 583, 621, 627, 635, 638
 Спиридов 531
 Старк В.П. 142
Старосельский М.П. 627
 Стояновский Н.И. 84, 327, 374, 615
 Строганов А.Г. 396, 397
 Строганов 627
Суворов А.А. 20, 21, 38, 46, 47, 48, 49, 50, 113, 115, 122, 123, 127, 128, 131, 136, 138, 142, 159, 181, 380, 586, 592, 627, 634
 Супронюк С.К. 475
Сурнин 89, 90, 92, 147, 587, 615
Сутгоф А.Н. 52, 456, 478, 509, 583, 634
Сухинов И.И. 244, 439, 441, 583, 638
 Сухозанет И.О. 142
Сухоруков В.Д. 208, 585, 634
 Сыроечковский Б.Е. 359, 360, 600
- Таганцев Н.С. 17, 140
 Тараканова Е. 36
 Тарновский В.В. 33
 Тартаковский А.Г. 455, 600
 Татишев А.И. 23, 51, 80, 82, 105, 143, 234, 251, 282, 288, 340, 343, 373
Таушев Н.С. 527, 528, 529, 530, 553, 554, 558, 560, 562, 563, 565, 589, 615
Тизенгаузен В.К. 216, 222, 229, 406, 408, 419, 420, 421, 439, 488, 583, 627
- Тимирязев Н.Ф. 555
 Тимковский В.Ф. 264, 627
 Тимофеев Л.В. 472
Тимченко-Рубан И.М. 86, 399, 587, 591, 604, 615
Титов П.П. 270, 585, 629, 634
Тиханов Н.И. 585, 638
 Тихантовская А.З. 415, 600
Токарев А.А. 479, 495, 527, 589, 615, 617, 618, 619, 620, 634
 Толстая А.И. 548, 549, 571
Толстой В.С. 385, 432, 433, 470, 476, 583, 595, 601, 627
Толстой Ф.П. 20, 21, 22, 40, 45, 67, 68, 69, 96, 108, 111, 112, 115, 117, 119, 120, 137, 138, 141, 144, 150, 175, 321, 485, 548, 549, 571, 586, 595, 601, 602, 604, 606, 607, 615
Толстой Я.Н. 85, 194, 412, 495, 496, 559, 566, 585, 595, 599, 601, 615, 618, 619, 620, 634
 Толь К.Ф. 25, 26, 52, 232, 250, 364
Торсон К.П. 583, 634
 Трибунский П.А. 139
Троцкий Е.Н. 379, 380, 382, 412, 419, 420, 421, 457, 460, 465, 475, 588, 638
Трубецкой П.П. 20, 89, 95, 587, 605, 607, 615
Трубецкой С.П. 46, 55, 58, 64, 65, 67, 72, 73, 75, 76, 77, 85, 88, 89, 90, 93, 94, 95, 99, 100, 124, 139, 146, 147, 148, 155, 165, 170, 178, 183, 184, 185, 194, 200, 201, 202, 203, 211, 244, 247, 248, 251, 269, 280, 356, 408, 409, 412, 415, 416, 417, 418, 421, 431, 432, 437, 474, 476, 485, 495, 496, 512, 544, 548, 549, 568, 583, 590, 592, 595, 597, 601, 603, 605, 606, 607, 615, 629, 634
Трусов С.И. 379, 380, 382, 412, 419, 420, 421, 457, 460, 465, 475, 588, 638
 Туган-Мирза-Барановский А. 471
Тудубьев А.Н. 72, 97, 98, 113, 115, 122, 123, 152, 586, 634
 Тургенев А.И. 496, 566

- Тургенев Н.И.** 326, 402, 472, 495, 496, 509, 511, 512, 527, 533, 568, 583, 590, 601, 602, 605, 606, 607, 615, 626, 619, 620, 628, 629, 634
- Тургенев С.И. 568
- Тучков А.А.** 270, 291, 322, 364, 369, 370, 509, 585, 615, 634, 640
- Тишинский** 311, 348, 441, 588, 638
- Тыртов В.М.** 585, 640, 642
- Тютчев А.И.** 222, 223, 229, 301, 305, 306, 314, 371, 408, 441, 583, 627, 638
- Уваров С.Ф. 367
- Унгерн-Штернберг** 311, 348, 441, 588, 638
- Урусов А.А. 447
- Усовский А.В.** 441, 475, 584, 638
- Устимович П.А.** 442, 638
- Устимович (Сахно-Устимович) П.М.** 94, 96, 587, 617
- Ушакова В.П. 128
- Фаленберг П.И.** 190, 359, 514, 515, 516, 568, 583, 595, 601, 627
- Федоров А. 539
- Федоров В.А.** 10, 22, 138, 152, 158, 159, 173, 191, 196, 197, 355, 356, 357, 359, 365, 374
- Федоров Н.Л. 441
- Федосеева Е.П.** 385, 528, 549, 569, 571, 601
- Фесенко Ю.П.** 375
- Филиппович Н.И.** 479, 589, 615, 627
- Философов А.И. 256
- Фойницкий И.Я.** 141
- Фок А.А.** 274, 285, 286, 583, 634, 642
- Фомичев С.А.** 353, 374, 510, 567
- Фонвизин Д.И. 416
- Фонвизин И.А.** 85, 117, 531, 534, 535, 536, 548, 585, 606, 607, 615, 619, 620, 621
- Фонвизин М.А.** 95, 124, 198, 229, 316, 317, 318, 319, 401, 416, 417, 418, 434, 474, 509, 531, 532, 534, 535, 536, 548, 552, 559, 558, 570, 583, 601, 602, 605, 606, 607, 615, 619, 621
- Фонтон Ф.П. 473
- Фохт И.Ф.** 583, 627
- Франк см.: Пфейлицер-Франк Е.Е.
- Фредерикс А.И.** 85, 95, 587, 615
- Фрейман О.Р.** 450, 478
- Фролов А.Н.** 123, 176, 206, 219, 223, 225, 423, 585, 627
- Фролов А.Ф.** 311, 312, 313, 371, 419, 583, 638
- Фурман А.Ф.** 408, 439, 440, 441, 583, 638
- Фурнье В.-А.** 84, 161, 326, 327, 328, 329, 374, 588, 615
- Хавский П.В.** 20, 23, 96, 139, 411, 462, 473, 587, 615
- Харитонов И. 538
- Хартулари К.Ф.** 140, 581
- Хвоцинский П.К.** 94, 96, 494, 527, 587, 616
- Хитрово 441
- Хованский Н.Н. 447
- Хотяинцев (Хотяинцов) И.Н.** 58, 143, 147, 544, 585, 616, 627
- Христиани В.Х.** 270, 322, 369, 392, 409, 410, 461, 462, 467, 473, 588, 616
- Хрущов 494
- Цебриков А.Р.** 39, 62, 114, 143, 586, 642
- Цебриков Н.Р.** 62, 454, 583, 634, 642
- Цицианов П.И.** 105, 114, 587, 641
- Цявловский Д.И.** 391, 441, 588, 628
- Цявловский И.** 435, 438, 457, 460, 584, 643
- Чаадаев П.Я.** 20, 22, 89, 139, 356, 587, 616, 621
- Чагин Г.В.** 366, 571
- Чеботарев, полковник 230
- Чевкин А.В.** 38, 380, 381, 382, 383, 384,

- 443, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453,
454, 455, 456, 460, 461, 465, 478, 579,
588, 598, 642
- Чевкин К.В. 449, 450, 452, 460, 478, 481
- Чевкины, братья 452
- Чеглоков 432
- Челищев А.А.** 20, 96, 587, 607, 616, 634
- Ченцов Н.М. 138, 355, 470
- Червонецкий Д.А. 10, 17
- Черевин П.Д.** 382, 469, 470, 471, 479,
566, 589, 601, 616, 619, 634
- Черкасов А.И.** 508, 515, 583, 628
- Черкасов П.И. 31, 33
- Черкасский П.Д. 295, 370
- Чернов К.П.** 479, 589, 634
- Чернов С.Н. 570
- Черноглазов И.М.** 222, 517, 585, 639
- Чернышев А.И. 83, 175, 266, 374
- Чернышева З.Г.** 47, 51, 583, 628, 634
- Чижов Н.А.** 583, 634
- Чулков Н.П. 535, 570
- Чумпалов** 89, 92, 148, 587, 616
- Шадури В.С.* 22, 139, 145
- Шафонский А.А. 471
- Шахирев А.И.** 439, 442, 583, 628, 639
- Шаховской А.А.** 527, 559, 565, 589, 616
- Шаховской Д.И. 22, 139
- Шаховской Ф.П.** 84, 86, 112, 113, 115,
119, 291, 344, 527, 535, 583, 590, 603,
605, 606, 607, 616
- Швейковский см.: Повало-Швейковский И.С.
- Шебунин А.Н. 565, 568
- Шеколла В.И.** 314, 585, 639
- Шервуд И.В.** 50, 179, 628
- Шереметев А.В.** 20, 94, 96, 270, 272,
322, 587, 616, 621
- Шереметев Н.В.** 452, 585, 634
- Шефлер 442
- Шешин А.Б. 490, 499, 565, 567, 595,
599, 601, 635
- Шилов А.А.** 382, 469, 598
- Шильдер Н.К.** 411, 473, 479, 600
- Шиман Т. 514
- Шимков И.Ф.** 314, 420, 557, 583, 639
- Шитов И.П.** 20, 21, 40, 45, 67, 68, 69,
85, 91, 96, 108, 111, 112, 115, 117,
119, 120, 123, 125, 129, 137, 146, 147,
150, 151, 401, 527, 548, 549, 586, 605,
607, 616, 634
- Шитов С.П.** 20, 83, 95, 123, 124, 125,
151, 401, 443, 485, 527, 548, 587, 605,
607, 616
- Ширман В.К.** 161, 213, 225, 226, 227,
228, 333, 341, 353, 362, 375, 588, 628
- Шишков А.А. 31, 33
- Шлегель И.Б.** 490, 512, 513, 514, 515,
516, 560, 565, 568, 589, 628
- Шляхтинский А.И.** 89, 96, 147, 587, 616
- Шнейер В.А.** 141, 437, 585, 640, 642
- Штакельберг П.Е.** 456, 642
- Штейнгейль В.И.** 53, 287, 288, 297, 364,
499, 522, 523, 524, 525, 561, 564, 569,
583, 595, 601, 635
- Шторх А.А.** 139, 585, 642
- Шубин 78
- Шугуров М.Ф. 362
- Шультен Е.** 585, 639
- Щеглова С.А.* 566
- Щеголев П.Е.** 22, 138, 199, 353, 359,
527, 566, 573, 575
- Щепило М.А.** 244, 439, 441, 479, 589,
639
- Щепин-Ростовский (Щепин) Д.А.** 103,
104, 105, 106, 149, 251, 435, 436, 583,
635
- Щербатов А.Г. 540, 541, 542
- Щербатов Ф.А. 203, 210
- Щербинский 441
- Эдельман О.В.* 11, 17, 356, 359, 375
- Эйдельман Н.Я.* 357, 374
- Эймонтова Р.Г.* 138, 470

- Энгельгардт Е.А. 497, 498
Эрлих С.Е. 355, 469, 470, 530, 565, 569
Эссен П.К. 78
- Юмин И.М.** 20, 39, 43, 56, 57, 71, 89,
90, 109, 144, 146, 147, 148, 151, 323,
397, 398, 471, 526, 552, 553, 586, 616
- Юрасов И.Ф.** 513, 586, 628
- Юрьев А.Н.** 87, 89, 94, 587, 616
- Юшневский А.П.** 90, 147, 166, 179, 406,
410, 418, 421, 515, 616, 621, 628
- Юшневский С.П.** 325, 509, 585, 628
- Ядрилло Г.И. 441
- Якубович А.И.** 27, 203, 244, 263, 264,
268, 269, 276, 277, 331, 345, 366, 466,
509, 583, 628, 635
- Якушкин В.Е.** 478
- Якушкин И.Д.** 88, 94, 96, 139, 144, 148,
154, 155, 168, 176, 255, 315, 316, 317,
318, 320, 355, 357, 371, 372, 448, 449,
450, 453, 467, 479, 531, 535, 583, 595,
601, 603, 605, 606, 607, 616, 619, 620,
621
- Яровой Ю.** 139
- Ярошевич** 301, 302, 303, 304, 305, 306,
307, 308, 333, 370, 371, 588, 639
- Яфимович см.: Ефимович Г.И.**

Научное издание

Ильин Павел Владимирович

Новое о декабристах.

Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники
тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.

*Под редакцией доктора исторических наук,
профессора А.В. Гоголевского*

Редактор издательства *И.Ю. Сумерина*
Оригинал-макет *А.И. Азаров*
Переплет *А.С. Ратманов*

Подписано в печать 26.10.2004. Формат 60×84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. п. л. 41,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 51.

Издательство Санкт-Петербургского института истории
«Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7